А.Н.КОНОНОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

А.Н.КОНОНОВ • ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. Н. КОНОНОВ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Издание второе,
дополненное и исправленное

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

К $\frac{4602000000\text{-}576}{042\ (02)\text{-}82}$ 449-82, кн. 1

© Издательство «Наука», 1982 г.

ОТ АВТОРА

Со времени выхода первого издания этой книги (Л., 1972) прошло десять лет.

Книга получила ряд благоприятных отзывов советских и иностранных тюркологов. Это обстоятельство, с одной стороны, собранный мною новый материал и уточнение не раз проверенного известного ранее материала, имевшего отношение к истории изучения тюркских языков в России дореволюционного периода, с другой стороны, а также то, что давно разошелся тираж первого издания этой книги, продиктовали настоятельную необходимость подготовить ее новое — дополненное и исправленное издание.

При многолетнем постоянном пользовании этой книгой я обнаружил ряд порою существенных недостатков как в изложении фактического материала, так и в его компановке, а потому прежде всего подвергся существенному изменению план книги: введены новые разделы о термине-этнониме «тюрк», о различных наименованиях тюркской семьи языков; по новому плану изложен один из существенных разделов книги — «Обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий» и др.

По возможности полностью использованы новые материалы и исследования по истории изучения отдельных тюркских языков; интерес к этой важной теме значительно возрос за последнее десятилетие. Особенно отрадно отметить появление таких исследований в тюркоязычных республиках и областях Советского Союза. Среди новых книг на эту тему следует выделить серию монографий Б. В. Лунина.

Полезным справочным пособием в моей работе служил «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1974) и составленный С. Д. Милибанд «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» (М., 1975, 1977).

Основная цель, которую автор поставил перед собою, заключалась в следующем: описать (по возможности библиографически полно) развитие тюркского языкознания в России, не претендуя, однако, на освещение истории самих тюркских языков и не беря на себя обязательств дать точную и полную оценку преемственного развития тюркского языкознания в дооктябрьской России. Исследование развития и систематизация грамматических идей применительно к тюркскому языкознанию — дело будущего, которому по необходимости должна предшествовать работа по собиранию и систематизации основного исходного материала, представ-

ленного более или менее полной аннотированной библиографией с обязательными экскурсами в историю практического освоения тюркских языков русскими, в историю учебных заведений с преподаванием тюркских языков и т. п.

Заканчивая работу над новым изданием книги, я с благодарностью вспоминаю покойного знатока истории народного просвещения в Средней Азии Н. П. Архангельского, советы и указания которого на малоизвестную специальную литературу помогли мне в более обстоятельном освещении некоторых разделов моего труда.

Э. Н. Наджипу и Г. Ф. Благовой я признателен за их рецензии на первое издание, которые позволили мне избежать повторения старых ошибок.

Хочется надеяться, что эта новая книга (хотя бы в известной мере) отвечает одному из важнейших пунктов программы деятельности Советского комитета тюркологов — углубленному изучению истории отечественной тюркологии.[1]

Выпуская книгу в новую жизнь, я повторяю старое мудрое изречение: «Я сделал что мог, пусть, кто может, сделает лучше».

А. Н. Кононов

Сентябрь 1981 г.
Ленинград

---

[1] См.: Резолюция III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, 10—12 сентября 1980 года. — СТ, 1981, № 1, с. 101, § 13.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений,
т. 30, с. 326.

Уходящие в глубь веков культурные связи наших далеких предков с народами Востока оставили заметный след во многих проявлениях духовной и материальной культуры русского народа.

Культура народов Востока издавна привлекала внимание русских, что, в частности, нашло яркое выражение в ориентальной тематике в произведениях выдающихся писателей земли русской; здесь уместно вспомнить в первую очередь сочинения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого. По примеру М. И. Глинки, композиторы — члены «Могучей кучки» особое внимание уделяли музыке Востока.

Лучшие представители революционно-демократической мысли России XIX столетия — В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов с чувством глубокой симпатии относились к народам Востока.

Тюркология, как и востоковедение в целом, зародилась в виде комплексной науки, занимавшейся языками, этнографией, литературами и историей тюркских народов.

Тюркологи, как и почти все востоковеды в прошлом, в силу сложности и слабой изученности исходного исследовательского материала были (а иногда остаются и поныне) учеными-универсалами, сочетающими в себе языковеда, литературоведа, этнографа, историка.

Более того, в течение всего дооктябрьского периода развития научного востоковедения, как правило, в одном лице соединялись арабист, иранист, тюрколог — так были построены программы университетского преподавания, — что определялось историей формирования культуры и религии арабских, иранских, тюркских народов.

В числе ближневосточников-филологов, вооруженных знаниями арабского, иранских, тюркских языков и исследовавших материалы на этих языках, можно назвать Х. Д. Френа, О. И. Сенковского, Б. А. Дорна, М. А. Казем-Бека, А. О. Мухлинского, Г. С. Саблукова, В. В. Григорьева, И. Н. Березина, В. В. Вельяминова-Зернова, П. И. Демезона, К. Г. Залемана, П. М. Мелиоранского, В. В. Бартольда.

Среди востоковедов конца XVIII—начала XIX в., не получивших университетской подготовки, были узкие специалисты, занимавшиеся изучением только одной из трех названных языковых семей. Из тюркологов к ним принадлежали С. Хальфин, И. И. Гиганов, Ибр. Хальфин, М. И. Иванов, А. А. Троянский и др.

Начиная с В. В. Радлова (1837—1918), первая тюркологическая работа которого была опубликована в 1861 г., тюркологи, прошедшие университетский курс и, следовательно, изучавшие три ближневосточных языка, как правило (единственное, пожалуй, исключение — П. М. Мелиоранский), ограничивались исследованием материалов на тюркских языках. Так сформировался тип тюрколога-универсала: В. В. Радлов, Н. И. Ильминский, В. Д. Смирнов, Н. Ф. Катанов, Н. П. Остроумов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, В. А. Гордлевский и др.

В недрах универсального востоковедения уже в середине прошлого столетия зародилась новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание. Первыми представителями его были О. Н. Бётлингк — санскритолог и тюрколог, А. А. Бобровников — монголист, К. А. Коссович — санскритолог, К. Г. Залеман — иранист и тюрколог, П. М. Мелиоранский — тюрколог и монголист.

Выделение истории Востока в самостоятельную дисциплину датируется 1863 г.; в этом году на Факультете восточных языков С.-Петербургского университета была создана (впервые в мировом востоковедении) кафедра истории Востока, которую занял В. В. Григорьев (1816—1881). Учреждением этой кафедры было положено основание русской школы истории стран Востока. Эту школу — для тюркоязычных народов — представляют В. В. Григорьев, П. С. Савельев, И. Н. Березин, В. Г. Тизенгаузен, В. В. Вельяминов-Зернов, Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Д. Смирнов, А. Ю. Якубовский, А. А. Семенов и другие выдающиеся ученые.

Изучение развития отечественного востоковедения (и тюркологии) в дооктябрьский период имеет свою историю.

Первые опыты освещения деятельности отечественных востоковедов, в том числе и тюркологов, первые попытки подведения некоторых, тогда еще скромных итогов их работы относятся главным образом к 30—40-м годам прошлого века. Правда, некоторые сведения о работах в области востоковедения вообще и тюркологии в частности можно почерпнуть и из более ранних источников; в этой связи в первую очередь следует назвать книгу Фр. Аделунга о развитии сравнительного языкознания в России в XVIII в. (см.: *Аделунг*).[1]

[1] Извлечения из этой книги в русском переводе см.: Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей российской словесности). СПб., 1818, ч. I, с. 271—304. — Здесь и далее в тексте приводятся ссылки на работы, вошедшие в список сокращений (см. с. 339—343).

Впервые попытался подвести итоги и определить дальнейшие пути развития русского востоковедения академик Б. А. Дорн (1805—1881) [2] в речи, произнесенной на годичном собрании Академии наук 29 декабря 1839 г., «О высоком значении и выдающихся успехах востоковедения в России»; [3] благодаря его же трудам отечественное востоковедение располагает очерком истории Азиатского музея Академии наук за первые 25 лет его существования (см.: *Дорн*).

История Азиатского музея (основан в 1818 г.), реорганизованного в 1930 г. в Институт востоковедения (с 1960 по 1968 г. — Институт народов Азии) Академии наук СССР, и его последующие реорганизации (выделение в 1956 г. Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР) получили обстоятельное освещение в коллективном труде «Азиатский музей—Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (М., 1972. 595 с.).

Общий обзор достижений русской науки в XVIII в. и в первой половине XIX в. принадлежит непременному секретарю академику К. С. Веселовскому (1819—1901), уделившему значительное внимание востоковедению в Академии наук.[4]

К числу первых историографов русского востоковедения следует отнести питомцев Восточного разряда Словесного отделения С.-Петербургского университета В. В. Григорьева и П. С. Савельева, труды которых в этой области часто имеют характер первоисточников. Живые, глубокие и остроумные характеристики целого ряда ученых, данные В. В. Григорьевым и П. С. Савельевым, вошли в золотой фонд литературы, освещающей отдельные этапы русской ориенталистики.

В. В. Григорьев оставил заметный след в истории русской культуры как автор «исторической записки» «С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования», в которой содержатся важные для нашей темы сведения. Представляет интерес в этом плане и его статья в «Московском наблюдателе» (1835) «Исторические и филологические труды русских ориенталистов».[5]

---

[2] *Крачковский И. Ю.* Избр. соч., т. V, с. 87—88; *Куликова А. М.* Дорн и университетское востоковедение в России. — НАА, 1975, № 2, с. 220—228; ББСОТ, с. 159.

[3] *Dorn B.* Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland. Rede gehalten am 29. Dec. 1839. — Recueil des Actes des séances publiques de L'Académie imper. des sciences de St.-Pb., 1840, p. 55—114. — Пересказ речи Дорна см.: *Шафрановская Т. К.* Б. А. Дорн об изучении восточных языков в России. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, вып. XI, с. 295—301.

[4] *Веселовский К. С.* Историческое обозрение трудов имп. Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетии. — В кн.: Торжественное собрание имп. АН 29 декабря 1864 г. СПб., 1865, с. 27 сл. (О востоковедении в АН см. с. 53—60).

[5] Список трудов В. В. Григорьева см.: *Веселовский Н. И.* В. В. Григорьев по его письмам и трудам 1816—1881. СПб., 1887, с. 85—105.

В. В. Григорьев написал о своем друге и однокашнике П. С. Савельеве монографию, в которой научная биография Савельева излагается на фоне истории петербургского востоковедения того времени.[6]

Биографом В. В. Григорьева выступил его ученик Н. И. Веселовский, собравший и систематизировавший большой материал о своем учителе и предшественнике по кафедре истории Востока факультета восточных языков С.-Петербургского университета.[7]

П. С. Савельев написал блестящий очерк жизни и деятельности своего учителя О. И. Сенковского.[8]

П. С. Савельеву принадлежат также мастерские характеристики Френа, Банзарова, Диттеля, Коркунова, Васыфа-эфенди, Сильвестра де Саси, шейха М. Тантави, Шармуа, Жобера, Шёгрена; три его статьи в «Русском вестнике» (за 1856 г.), объединенные под общим названием «Восточные литературы и русские ориенталисты», знакомили читающую публику с состоянием и основными направлениями тогдашнего русского востоковедения.

Важные сведения сообщает Савельев в своей широко известной статье «Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге 1733 и 1810 годов».[9]

Ценнейшим пособием для изучения начальных этапов истории русского востоковедения является фундаментальный труд С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России».

Первым специально посвятившим себя интересующей нас отрасли знаний является Н. И. Веселовский (1848—1918),[10] которому принадлежит в числе прочих работ единственная в своем роде книга, до сих пор никем не продолженная: «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России».

Значительное место занимала данная тема в научной деятельности В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского, С. Ф. Ольденбурга.

В. В. Бартольд (1869—1930) [11] не только создал целый ряд содержательных обзоров отдельных этапов развития русского востоковедения, но и внес солидный вклад в изучение его истории двумя трудами: «История изучения Востока в Европе и России» и «Обзор деятельности факультета [восточных языков] 1855—

---

[6] *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861.

[7] *Веселовский Н. И.* В. В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887.

[8] *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского. — Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), т. I. СПб., 1858, с. XI—CXXXVIII.

[9] Список трудов П. С. Савельева см.: *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева. . ., с. 175—201.

[10] *Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки. — *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 648—664; *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент, 1979. 182 с.; *Лунин.* Историография, с. 126—137; ББСОТ, с. 139.

[11] ББСОТ, с. 117—119; *Милибанд.* ББССВ, с. 61—63; *Лунин Б. В.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Ташкент, 1981. 223 с.

1905 гг. . . . С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 года» (см.: *Бартольд.* Соч., т. IX).

И. Ю. Крачковский (1883—1951) [12] занимался преимущественно историей отечественной арабистики; деятельность всех русских арабистов и некоторых тюркологов нашла отражение в его работах. Книга И. Ю. Крачковского «Очерки по истории русской арабистики» является первой и единственной попыткой проследить длинный путь развития одной из старейших отраслей нашего востоковедения (см.: *Крачковский.* Очерки). В четырех изданиях вышла его книга «Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях».

А. Е. Крымский (1871—1942) [13] издал в 1930 г. в Киеве на украинском языке очень полезную книгу «Тюрки, іх мови та літератури. Тюркські мови», вып. II (вып. I в свет не появился), переизданную в полном собрании его трудов (см.: *Кримський.* Тюрки).

С. Ф. Ольденбург (1863—1934) [14] — летописец АН СССР, историк русского востоковедения, автор ряда некрологов, из-под пера которого вышли точные и проникновенные характеристики многих ориенталистов, русских и иностранных; ему принадлежат, в частности, мастерски исполненные литературные портреты тюркологов — И. Н. Березина, В. В. Радлова, В. В. Бартольда.[15]

Давно задумав написать книгу по истории изучения тюркских языков в России, я в течение многих лет собирал сведения об отечественных тюркологах и материалы об их трудах по тюркским языкам.

В процессе собирания этих сведений у меня возникла идея — не без влияния опыта Г. Г. Гульбина, написавшего словарь русских арабистов (рукопись), — составить «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (М., 1974), в трудоемкой работе над которым, кроме меня, приняли участие мои ученики и коллеги В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Ю. А. Ли.

Написанное мною введение к Словарю — «Из истории изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» — явилось основой данной книги.

«Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов» и предлагаемая книга, взаимно дополняя друг друга, дают — хочется надеяться — довольно полное представление о развитии отечественной тюркологии и ее деятелях.

Моя работа в известной мере облегчалась наличием ряда статей и очерков по истории изучения и преподавания тюркских языков, перечисляемых ниже.

---

[12] *Милибанд.* ББССВ, с. 281—283.

[13] ББСОТ, с. 198—199; *Милибанд.* ББССВ, с 285—287; *Гурницкий К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980 (Труды А. Е. Крымского по востоковедению, с. 178—186).

[14] *Милибанд.* ББССВ, с. 398—400.

[15] Подробнее см.: *Крачковский И. Ю.* С. Ф. Ольденбург как историк востоковедения. — Избр. соч., т. V. М.—Л., 1958, с. 361—371.

Поцелуевский А. П. История изучения туркменского языка (Тезисы). — Материалы 1-й конференции АН СССР по изучению производительных сил Туркменской ССР, вып. 3. Л., 1933, с. 92—98; см. еще: *Поцелуевский А. П.* Избранные труды. Ашхабад, 1975, с. 74—82.

Малов С. Е. Каракалпакский язык и его изучение. — В кн.: Каракалпакия, т. II. Л., 1934, с. 200—207.

Боровков А. К. Узбекское языковедение. — В кн.: 25 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1942, с. 279—291.

Убрятова Е. И. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945. 36 с.

Дмитриев Н. К. Труды русских ученых в области тюркологии. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 107, т. III, кн. II, с. 63—70.

Михайлов М. С. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии. — В кн.: Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 275—320.

Кенесбаев С. К. Основные вехи изучения языка казахского народа. — В кн.: Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, 1967, с. 527—551.

Баскаков Н. А. 1) Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., 1969, с. 18—55; 2) К истории изучения туркменского языка. Ашхабад, 1965. 35 с.

Данциг Б. М. 1) Изучение Ближнего Востока в России (XIX—начало XX в.). М., 1968. 212 с.; 2) Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973. 434 с.

Лунин Г. В. 1) Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. 320 с.; 2) Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX в. Ташкент, 1962. 343 с.; 3) Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. 408 с.; 4) Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974. 386 с.; 5) Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. I. Ташкент, 1976. 439 с.; II. Ташкент, 1977. 420 с.; 6) Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент, 1979. 182 с.; 7) Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Ташкент, 1981.

Список работ по истории отечественной тюркологии дооктябрьского периода при необходимости можно продолжить. Однако нельзя назвать ни одной книги, в которой история изучения тюркских языков в России излагалась бы систематически с момента ее зарождения (с перечислением всех сколько-нибудь значительных работ) и до Великой Октябрьской социалистической революции.

Опираясь на существующую литературу и архивные материалы, автор этой книги поставил себе целью проследить историю изучения тюркских языков в дореволюционной России, включив в качестве необходимых элементов изложения предысторию тюркологии, зарождение и развитие тюркского языкознания в России, а также очерк истории преподавания тюркских языков в русских учебных заведениях.

Избранный план построения книги в известной мере навеян архитектоникой упомянутых выше трудов Н. И. Веселовского (Сведения), В. В. Бартольда (МИФВЯ, т. IV) и И. Ю. Крачковского (Очерки), которые значительно облегчили автору поиски наиболее логичной композиции и системы изложения.

Объем и состояние исследовательского материала далеко не всегда позволяли давать полную, развернутую и обоснованную

оценку научной и педагогической деятельности ряда тюркологов. Это задача последующих монографических исследований, посвященных отечественным тюркологам, научным учреждениям, обществам и учебным заведениям.

История любой дисциплины не только напоминает о пройденном пути, успехах и неудачах тех, кто проделал его, но и указывает направление, а часто и способы дальнейших поисков и предостерегает исследователей от повторения ошибок, сделанных предшественниками.

Ради этого стоило в течение многих лет собирать по крохам различные сведения, уточнять и проверять ранее добытые данные, чтобы, соединив их воедино, дать более или менее связное изложение истории изучения тюркских языков в России дооктябрьского периода.

I

ПРЕДЫСТОРИЯ РУССКОЙ ТЮРКОЛОГИИ
(до начала XVIII в.)

Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы.

М. В. Ломоносов.

1. Вступление

Задолго до образования Киевской Руси восточные славяне жили в непосредственном соседстве с различными восточными — в том числе и с тюркскими — племенами. Эти связи и отношения — то мирные, то враждебные — оставили значительный след в этногенезе и культуре, архитектуре и орнаменте, в употреблении предметов домашнего обихода и некоторых деталях быта и обычаев, а также в лексике: [1] вспомним многочисленные восточные (главным образом тюркские) заимствования, сохранившиеся в русских летописях, в «Слове о полку Игореве» [2] и в других светских произведениях, в терминах животноводства (особенно коневодческих и названиях мелкого рогатого скота) и соколиной охоты, в фамилиях и прозвищах,[3] в топонимах и гидронимах и т. п.[4]

Посольский церемониал у русских князей и царей вплоть до Петра I «носил в полном, можно сказать, объеме татарский или — вернее — азиатский характер».[5] Иллюстрацией к этому может служить следующая запись в «Царственной книге», где под 1536 г. сказано, что жена казанского хана Шигалея Фатма-Салтан была на приеме у шестилетнего великого князя Ивана (позднее царь Иван IV) и его матери (Елены Глинской, вдовы Василия III): «Князь великий молвил царице: „Табугсалам“ и с нею карашевался».[6] *Табугсалам* < тюркск. *табуг* ‘поклон’+арабск. *салам* ‘привет’.

Глаголом *карашеваться*, происходящим от тюркского глагола *караш*=‘глядеть друг на друга’, ‘переглядываться’, обозначалась

---

[1] *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

[2] *Менгес.* Восточные элементы (здесь же библиография русских работ по восточным заимствованиям, с. 211—288).

[3] *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

[4] *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

[5] *Веселовский Н. И.* 1) Татарское влияние на русский посольский церемониал в Московский период русской истории. СПб., 1911, с. 1; 2) Пережитки некоторых татарских обычаев у русских. — ЖС, 1912, с. 27—38.

[6] ПСРЛ, т. XV, с. 426.

часть ритуала при встрече высоких особ: принимающее лицо с ними «карашевалось» при их входе в приемный зал.[7]

Правители русов наряду с титулом «князь» пользовались также титулом хазарских царей «каган». «Принятием этого титула киевские князья заявляли о своей независимости от хазар и равноправии Руси с Хазарским государством. Известно, что и позже. . . великие князья киевские (например, князь Владимир и его сын Ярослав Мудрый, — *А. К.*) именовались каганами».[8]

Торговые связи древней Руси с Востоком [9] отмечены не только письменными источниками, но и подтверждаются многочисленными кладами восточных монет (VIII—XI вв.), найденными на ее территории вплоть до побережья Балтийского моря.[10]

Первые контакты восточных славян с тюркскими племенами восходят к гуннской эпохе (т. е. к IV в. н. э.), что подтверждается известными сообщениями Иордана о борьбе готов с антами и гуннами при Германорихе.

Восточные славяне в IX в. входили в сферу влияния Хазарского государства. В «Повести временных лет» под 859 г. читаем: «. . . хозары брали с полян и с северян и с вятичей, — брали по серебряной монете и по белке с дыма».[11] Но начиная со второй половины IX в. восточные славяне постепенно освобождаются от непосредственной хазарской зависимости.

Конец IX—начало X в. — время сложения Киевского государства — знаменуется усилением восточнославянской государственности и ее все возрастающими экономическими возможностями. Купцы-русы «в конце IX в. были хорошо известны не только на берегах Каспийского моря, но даже в столице халифата (в Багдаде, — *А. К.*), где их с товарами ожидали как дорогих заморских гостей, иначе не высылали бы за ними их братьев славян в качестве толмачей. Что русские гости приезжали в Хазарию, причем разными путями — южными дорогами с Черного и Азовского морей, северными из районов средней и даже верхней Волги, — хорошо известно из разных источников. Достаточно напомнить, что у них также была своя большая колония в Итиле, как и у мусульман, христиан-византийцев и алан».[12]

Оживленная торговля, которую вели русы с различными областями Багдадского халифата, способствовала взаимному куль-

---

[7] Ср.: «*Карашеваться* — обмениваться приветствиями. . . Темное слово» (*Фасмер М.* Этимологический словарь, т. II. М., 1967, с. 195); о слове *табуг* см.: *Doerfer*, II, § 849.

[8] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 366. — Титул «каган» сложными путями пришел с Дальнего Востока; см.: *Doerfer*, II, S. 141—186; *Менгес.* Восточные элементы, с. 107—111.

[9] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 258.

[10] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 360.

[11] Повесть временных лет, с. 214.

[12] *Якубовский А. Ю.* О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1946, № 5, с. 464; подробнее см.: *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 365 сл.

турному сближению. Арабские географы, почти ничего не писавшие о Западной Европе, сохранили для науки довольно подробные сведения о русах и других восточноевропейских народах.[13]

Хазария была заселена различными племенами, сами хазары как народность представляли собою сложнейший конгломерат различных племен. «Византийские писатели обычно причисляли хазар к тюркам, тюрками же именовали их и арабские авторы. Сами себя хазары считали родственными по происхождению с уграми, аварами, гузами, барсилами, оногурами, болгарами и саварами»,[14] т. е. этим этнонимом обозначалось большое объединение племен тюрко-монголо-финно-угорского и скифского происхождения.

2. О термине-этнониме türk

Слово *тюрк(и)* первоначально было п о л и т и ч е с к и м термином, возникшим из известного почти всем тюркским и монгольским языкам слова türkün / törkin / türgün / törgin и имевшим значение 'родители и родня жены', 'дом и семья кровных родственников'. Этим термином первоначально обозначались члены высокородной семьи степной аристократии, составлявшей господствующий род племени ашина.[15] Этноним türk (törk) в русских репрезентациях приобрел различные фонетические формы,[16] среди которых в научных изданиях отдавалось предпочтение двум: тюрок и турок.

Во времена монголо-татарского нашествия (1240—1480) и в годы последующего господства на границах Русского государства Золотой Орды появился и прочно закрепился новый этноним *татар(ы)*,[17] который издавна у китайских хронистов в форме *да-да* или *та-тань* использовался как обобщающий термин для обозначения монголов, тюрков, маньчжуров и тунгусов; позднее этим термином-этнонимом стали обозначаться монголы — главенствующее ядро войск Чингиз-хана.

«По имени этого главного, первенствующего монгольского племени все монголы-завоеватели XIII в. могли без лингвистической ошибки называться 'татарами'. Но в Руси XIII в. произошла

---

[13] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 534.

[14] *Артамонов М. И.* Указ. соч., с. 114.

[15] Подробнее см.: *Кононов.* ГЯТРП, § 32—33.

[16] Подробнее см.: *Благова Г. Ф.* 1) Вариантные запмствования *турок* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке. — ТСб. 1972. М., 1973, с. 93—140; 2) О русском наименовании тюрков и тюркских языков. — СТ, 1973, № 4, с. 11—23; 3) Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии. — НАА, 1970, № 1, с. 133—138; 4) Из истории развития тюркских этнонимов в русском языке. — ВЯ, 1971, № 1, с. 91—107.

[17] Этимологию этнонима *татар* см.: *Закиев М. З.* Об истоках языка основных компонентов казанских татар. — В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978, с. 56—61; *Doerfer*, II, § 850.

путаница термина политического с этнографическим. Те подчиненные монголам кочевые полчища, массою которых была завоевана Русь в XIII в., состояли не столько из природных монголов (эти были лишь вождями и ядром войска), сколько из разных племен тюркских. . ., говоривших языком не монгольским, а тюркским, и русские, не давая себе труда разбираться в факте разницы между языком монгольским и тюркским, перенесли на этих тюрков, своих завоевателей, имя их монгольских вождей, стали называть нахлынувших тюрков 'татары' и их тюркский. . . язык — 'татарским'».[18]

Первые упоминания этнонима tatar встречаются в тюркских рунических памятниках (начала VIII в.) в сочетании с числительным детерминативом toquz tatar и otuz tatar 'девять татар' и 'тридцать татар' (ДТС 541).

В XIII в., во время монголо-татарского нашествия, термин «татары» проникает в Европу и переносится на некоторые народы Евразии, входившие в состав Золотой Орды; позднее, в XVI—XIX вв., термин *татар'ы* распространился на многие как тюркоязычные, так и другие народности, жившие на окраинах Русского государства. Для некоторых из них имя *татар'ы* стало самоназванием, уточняемым по географическому или династийному признаку (казанские, астраханские, крымские, сибирские, касимовские) татары.[19] Широкое использование этнонима *татары* вытеснило из употребления старый этноним *торки* (*торцы*) — *тюрки*, который в конце XIV в. в летописной практике приобрел форму *туръкъ — турок* (множ. число: *турки*).

Постепенное осознание языковой близости татар и турок привело к сближению и даже полному уравнению слов *турки* и *татары*; нередко между этими словами ставился знак равенства (*турки*, или *татары*); оба этнонима постепенно стали употребляться в тесном единении: в терминологическом употреблении прилагательное *турецкий* приравнивалось к прилагательному *татарский*; одним из первых подобное употребление этих терминов использовал Ф. И. Страленберг (о нем см. с. 60—65).[20] В специальной научной литературе первым, кто применил четкое разграничение этих терминов в видовом значении, где *турецкий* противопоставлялся *татарскому*, был автор первой грамматики татарского языка И. Гиганов (ум. 1800).[21]

Термин-этноним *турецкий* (не без влияния роли Турции—Османской империи в жизни европейских народов после завоевания Константинополя (1453)) применялся в качестве р о д о в о г о этнического понятия: *турецкие наречия / языки*.

В силу того, что термин *турок*, *турецкий* приобрел два значения — родовое и видовое, последнее для обозначения языка основ-

---

[18] См.: *Благова Г. Ф.* Вариантные заимствования *турок ~ тюрк*. . ., с. 102.
[19] СИЭ, т. 14, 1973, стб. 143—144.
[20] Подробнее см.: *Благова Г. Ф.* Вариантные заимствования *турок~тюрк*. . ., с. 111—112.
[21] ББСОТ, с. 146—147.

ного населения Турции, выявилась необходимость уточнять общеродовой термин видовыми; так, например, О. И. Сенковский (1800—1858) [22] пользовался такой терминологией: 'турецкое наречие узбеков', 'восточное наречие турецкого языка'; ср. турецко-якутский язык (О. Бётлингк). Собственно турецкий язык получил уточняющий определитель по имени основателя династии и империи эмира Османа — *османско-турецкий язык*.

По мере накопления и углубления познаний в области тюркского языкознания для обозначения всей семьи был принят термин *турецко-татарский язык*; этот термин впервые, пожалуй, был официально закреплен в названии кафедры т у р е ц к о - т а т а р с к о г о я з ы к а, учрежденной при Казанском университете в 1828 г.; позднее (в 1855 г.) он оказался в названии а р а б с к о - п е р с и д с к о - т у р е ц к о - т а т а р с к о г о р а з р я д а факультета восточных языков С.-Петербургского университета. Л. Э. Лазарев, профессор Лазаревского института восточных языков, свой словарь назвал: «Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского» (М., 1864); ср. еще: *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I—II. СПб., 1869—1871.

Утверждению указанной выше композиты способствовала написанная А. К. Казем-Беком (1802—1870) [23] «Грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1839), второе издание этой книги называлось: «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846). Османско-турецкий язык он именовал в этой грамматике «собственно турецким языком» (с. 1).

А. К. Казем-Бек наряду с композитой «турецко-татарский язык» в первом издании своей грамматики использовал термин «тюркский»: «Этим словом, — писал Казем-Бек, — сообразно с его значением у восточных авторов, я обозначаю все племена тюркского и татарского происхождения».[24] Однако во втором издании своей грамматики А. Казем-Бек не повторил приведенного выше объяснения использования термина «тюркский», хотя широко им пользуется в качестве общеродового термина: «тюрки» (с. 5), «тюркские наречия» (с. 6, 11, 17 и др.).

С другой стороны, А. Казем-Бек пользуется этнонимами «турки» и «татары» (с. 3), противопоставляя их друг другу по лингвистическим основаниям. Примеры из турецкого языка, как правило, сопоставляются с таковыми же из «адербиджанского» (т. е. азербайджанского) и татарского (т. е. казанско-татарского) языков, а также из «татарских наречий», — под последним термином понимаются все тюркские языки, кроме османского и азербайджанского.

По весьма правдоподобному предположению Г. Ф. Благовой, «не исключено, что стимулирующее воздействие при внедрении

---

[22] Там же, с. 258—260.
[23] Там же, с. 175—178.
[24] *Казем-Бек А.* Грамматика турецко-татарского языка, с. 1.

обобщающего термина *тюркский* в русский научный стиль оказала немецкая традиция (ср. нем.: türkisch 'тюркский' и 'турецкий')».[25]

Обобщающий термин *тюрк*, *тюркский* оказался очень удобным, ему противопоставлялся в качестве видового термина *турок*, *турецкий*, соответствовавший *османско-турецкому*.

Однако в последней трети XIX столетия в научной практике наступило время «двоевластия»: *тюрок* и *турок*, *тюркский* и *турецкий*.

В. В. Радлов пользовался в качестве о б щ е р о д о в о г о термином *тюрок*, *тюркский*; см. его труды: «Образцы народной литературы тюркских племен» (10 томов. СПб., 1866—1904), «Опыт словаря тюркских наречий» (4 тома. СПб., 1888—1911).

В. В. Григорьев, П. С. Савельев, И. Н. Березин употребляли в одном и том же общеродовом значении оба слова: *турок*, *турецкий* ~ *тюрок*, *тюркский*. Однако подавляющее большинство русских тюркологов-туркологов (в конце прошлого и до начала 30-х годов текущего столетия) отдавало предпочтение — в качестве общеродового — термину *турок*, *турецкий*.

«Считаю не лишним еще раз повторить, — писал А. Н. Самойлович, — что неологизмы (едва ли это можно назвать неологизмом,— *А. К.*) тюрк" и „тюркский", до сих пор имеющие еще некоторых сторонников среди русских востоковедов (Крымский, Катанов), все заметнее выходят из употребления в русской научной литературе по востоковедению, уступая свое место старинным словам „турок" и „турецкий" в качестве общенационального имени той группы племен, о которых здесь идет речь. „Турок" и „турецкий" вместо „тюрк" и „туркский" находим в работах В. Григорьева, Березина (см. выше, — *А. К.*), Корша, Мелиоранского, Бартольда, Коковцова, Иностранцева, Руднева, Гордлевского, С. Малова, Олесницкого и др.».[26]

В 1935 г. в сборнике «Академия наук СССР академику Н. Я. Марру» А. Н. Самойлович (под влиянием новых воззрений на проблемы наций) впервые в качестве общеродового термина использует словосочетание *тюркские языки*, которое постепенно стало обычным словоупотреблением; слова *турки*, *турецкий язык* с этих пор прочно утвердились за гражданами Турецкой республики и их языком. Вместо «туркология» стали употреблять «тюркология», вместо «турколог» — «тюрколог»; слова «турколог», «туркология» теперь используются для обозначения специалистов и специальности по турецкому (анатолийско-турецкому, османско-турецкому) языку.

БИБЛИОТЕКА СССР

---

[25] *Благова Г. Ф.* Вариантные заимствования *турок* ~ *тюрк*. . ., с. 115.

[26] *Самойлович А. Н.* Вильгельм Томсен как турколог. — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела имп. Русского географического общества, т. XV, вып. 1. СПб., 1912, с. 16—17. Ср.: ЗВОРАО, 1907—1908, т. XVIII, с. 7; ЖС, 1909, вып. II—III, с. 294.

3. Сведения о тюрках и тюркских языках в русских летописях

Могущественная Хазария была покорена великим князем Святославом, сыном Игоря. В «Повести временных лет» падение Хазарии описано предельно кратко, но весьма выразительно: «В год 6473 (=965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу (т. е. Саркел, — *А. К.*) взял. И победил ясов и касогов» (с. 244).

В русских летописях сохранились многочисленные свидетельства как мирных, так и враждебных отношений русских с тюркоязычными племенами. «У первых киевских князей Игоря, Святослава, Владимира „бе (с печенегами) . . . рать велика бесперестани“».[27] С другой стороны, есть свидетельства мирных, союзнических отношений; так, например, в «Повести временных лет» читаем: «В год 6423 (=915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю» (с. 228). В 944 г. печенеги как наемное войско принимают участие в походе русов на Византию: «В год 6452 (=944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев — и нанял печенегов, и заложников у них взял, — и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя» (с. 230).

Арабский историк Ибн Хаукаль в 969 г. писал о печенегах как союзниках Руси.[28]

В X в. устанавливаются тесные взаимоотношения русов с волжскими булгарами: «. . . вместе с тем этот период наполнен борьбой между русскими и булгарскими князьями за включение племен Поволжья в свою феодальную систему».[29] На начало того же X столетия (913—914 гг.) приходится первый набег русов на южное побережье Каспийского моря.[30]

Под 985 г. в «Повести временных лет» впервые упоминаются торки, входившие в состав Владимирова войска в качестве конницы. «В год 6493 (=985). Пошел Владимир на болгар (булгар) в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар» (с. 257).

Торки и другое большое тюркское племя — берендеи — оказывали Руси помощь в отражении печенегов; несколько позднее (XI—начало XII в.) [31] печенеги наряду с торками и берендеями под ру-

---

[27] *Расовский Д. А.* Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. — Seminarium Kondakovianum, т. VI. Прага, 1933, с. 3.

[28] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 108.

[29] *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1951, с. 3.

[30] *Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 465; *Минорский В. Ф.* Русь в Закавказье (новые данные). — АОН, 1953, t. III, № 3, p. 207; *Заходер Б. Н.* Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси. — СВ, 1955, № 3, с. 108—118.

[31] Подробнее см.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, с. 344—347, 465.

ководством русских отражают натиски могущественного тюркского племени или, точнее, конфедерации тюркских племен, известных в русских летописях под именем куманов, а чаще половцев; восточным народам они известны под этнонимом *кыпчак*, в византийских хрониках упоминаются под названием *команы*, а в латинских как *куманы* или, реже, *команы*. Этноним *куман* ~ *коман* < **кубан*[32] сохранился в тюркском племенном названии *кубанды* ~ *куманды* ~ *куванды-кижи* 'кумандинцы'.

Мирные и враждебные отношения между русскими и тюрками сменяют друг друга с поразительной быстротой. Половцы — «поганые и безбожные враги», которые «впервые (пришли) на Русскую землю (в 1061 г.) войною. . . и в бою. . . победили Всеволода и после боя ушли»,[33] — позднее вместе с русскими выступают против татар в битве на р. Калке (16 июня 1223 г.); правда, они «не выдержали, обратились в бегство и смяли русские полки, шедшие за ними. Татары торжествовали победу».[34]

В XI в. на Руси появляются поселения тюркоязычных племен; первые достоверные сведения об этом в отношении торков приходятся на 1080 г.;[35] в 1097 г. упоминаются вместе с торками и первые поселения берендеев и печенегов.[36] Все эти тюркоязычные племена (с середины XII в.) носили собирательное имя черных клобуков[37] и позднее входили в состав Киевского государства на правах его граждан.[38] Торков и берендеев, защищавших южные границы Киевской Руси, русские называли «свои поганые». В Ипатьевской летописи под 1159 г. указывается, что около Чернигова было семь городков — Моровнеск, Любеск, Оргощь, Всеволожь (позже сел. Сиволож) и др., — «а въ нѣхъ сѣдять псареве [псари] . . . и Половци», — т. е. в этих городках было смешанное русско-половецкое население.

Андрей Боголюбский, половчанин по матери (см. ниже), и другие владимиро-суздальские князья охотно принимали и, более того, привлекали во владимиро-суздальские земли тюрков из Южной Руси, следствием чего было появление в этих местах таких названий, как Берендеева слобода, Торки, Торчино, Утларь, Урособино и др.[39] Под мощным воздействием русского образа жизни и социальной организации у тюркских племен шел активный процесс феодализации; они переходили к оседлому образу жизни,

---

[32] *Кононов А. Н.* К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кумык*. — UAJ, 1976, Bd 48, S. 159—166.

[33] Повесть временных лет, с. 309 (под 1061 г.).

[34] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 204.

[35] *Расовский Д. А.* Указ. соч., с. 10.

[36] Там же, с. 11.

[37] Там же, с. 16.

[38] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 466; *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков. — Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е, 1—19. М., 1973, с. 24.

[39] *Попов А. И.* Топонимика древних мерянских и муромских областей. — В кн.: Географическая среда и географические названия. Л., 1974, с. 15.

основывали свои поселения и города: Торческ, Юрьев, Конев, Кобяково и др.[40]

«Можно считать установленным, — пишет С. А. Плетнева, — что кочевнические народы, входившие в Черноклобуцкий союз, в XII в. перешли к полукочевому и даже оседлому образу жизни».[41] Ею же был установлен и другой немаловажный факт: «Жили торки и печенеги и в русской крепости на Дону — Белой Веже. В 1116 г. они были разгромлены половцами, и в 1117 г. беловежцы (в том числе, вероятно, печенеги с торками) оставили Белую Вежу и ушли на Русь».[42]

Обращает на себя внимание следующее важное для тюркско-русских отношений обстоятельство: Киев имел тюркское наименование — Манкерман, т. е. Большой город.

Когда речь идет «о старых связях Киевской земли с соседями неславянами. . ., — писал Б. Д. Греков, — надо иметь в виду не варягов, а болгар, хазаров, Крым, Кавказ, Византию».[43]

Тюрки, обитавшие среди русских, охотно брали себе в жены их дочерей, русские же сватали половецких девиц. Владимир, сын князя Игоря, возвращается на Русь из половецкого плена, женившись на Кончаковне, дочери половецкого хана Кончака. Владимир Мономах, «добрый страдалец за Русскую землю», женил двух своих сыновей — Юрия в 1107 г. и Андрея в 1117 г. — на половчанках.[44]

В Ипатьевской летописи под 1159 г. сказано: «Приде. . . Изяславу[45] болши помочь. . . приде бо к нему Башкордъ въ 20.000, отчим Святославль Володимирыча: бѣ бо мати его бѣжала в Половци и шла за нь». Мать Святослава Владимировича была вдовой Владимира Давыдовича, князя Черниговского; после смерти мужа она бежала к половецкому хану Башкорду («Башкиру») и вышла за него замуж. Поэтому у Святослава Владимировича отчимом оказался половец Башкорд. Случаев родства русских князей с половецкими было много; так, например, Андрей Юрьевич Боголюбский, один из знаменитейших русских князей XII в., был по матери тюрок: она происходила из половецкого рода Аепы (им. пад. *Аепа* < *Ай-апа*). Князь Галицкий Мстислав Удалой был зятем половецкого хана Котяна.[46]

Князь Ярослав (1191—1246), сын Всеволода Большое Гнездо, отец Александра Невского (1220—1263), был женат первым браком на внучке хана Кончака.

Подобного рода примеры — браки между русскими и тюр-

---

[40] *Рыбаков Б. А.* Торческ — город черных клобуков. — В кн.: Археологические открытия. 1966. М., 1967.

[41] *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков, с. 25.

[42] Там же, с. 25, сн. 49.

[43] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 440.

[44] *Пархоменко В. А.* Следы половецкого эпоса в летописях. — Проблемы источниковедения, 1940, вып. III, с. 391.

[45] Изяслав Давыдович, князь Черниговский, позднее великий князь Киевский.

[46] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч., с. 202; здесь по ошибке: тестем.

ками — имели широкое распространение; браки заключались не только между семьями русских князей и тюркских ханов, но и, по всей вероятности, между простым людом с обеих сторон, о чем, в частности, свидетельствуют многочисленные русские фамилии тюркского происхождения.

Важным фактором сближения русских и тюрков начиная (по крайней мере!) с первых десятилетий XII в. было распространение христианства среди тюрок. Из «Жития черноризца Никона» и «Сказания о пленном половчине» — источников XII в. — известно о принятии половцами христианства.[47]

Тюркские племена «еще в домонгольский период подвергались влиянию христианства с двух сторон, из России и Западной Европы; что эта пропаганда продолжалась и в монгольский период, видно из относящегося к концу XIII в. команского (кипчакского) словаря,[48] где приводятся в переводе на турецкий (на кыпчакский. — *А. К.*) язык текст Евангелия и католические гимны (так называемый Codex Comanicus) . . . Перевод сделан очень удачно и свидетельствует о хорошем знании языка миссионерами. Еще Ибн-Батута (XIV в., — *А. К.*) видел кипчаков-христиан в Крыму, между Керчью и Кафой (т. е. Феодосией, — *А. К.*). В Крыму были и местные христиане других национальностей».[49]

Русские летописи неоднократно отмечали христианизацию половцев.[50]

Невольный скиталец по землям тюрков Иоганн Шильтбергер (1381—1440) в своей книге, рассказывающей о чужих краях, где ему довелось побывать, привел христианскую молитву Thatarisch Pater Noster — «Отче наш на татарском языке», записанную им в Крыму от татар-христиан.[51]

Взаимные браки между русскими и тюрками, совместная жизнь, породившая непосредственный обмен культурными ценностями, о чем говорилось выше (см. с. 12), совершенно естественно должны были привести к проникновению в словарный состав русского языка значительного числа тюркизмов. Однако П. М. Мелиоранский, обследовавший древнерусские тексты до 1225 г., выявил в русском языке домонгольского времени только 27 слов;[52] это объясняется тем, что летописцы избегали употреблять иноязычные слова, которые были в обиходном, простонародном языке.

О широком проникновении в русский язык Киевской Руси тюркской лексики свидетельствует памятник древнерусской светской литературы «Слово о полку Игореве» (1185 г.),[53] что в свою

---

[47] *Плетнева С. А.* Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1958, № 62, с. 194, 205; *Голубовринова М. Д.* Русские люди в Золотой орде. М., 1978, с. 33—34.

[48] О нем см. с. 250.

[49] *Бартольд.* Соч., т. V, с. 140.

[50] *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 308—309.

[51] См.: *Кононов.* Очерк, с. 10.

[52] *Мелиоранский П. М.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени. — ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 109—134.

[53] *Менгес.* Восточные элементы.

очередь является убедительным доказательством его подлинности.

«Некоторые писатели усомнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии, — писал А. С. Пушкин, — и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. . . Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности Песни о Полку Игореве. Великий скептик Шлёцер,[54] не видав еще Слово о Полку Игореве, резко назвал оное подлогом, но, прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства: так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под которой невозможно подделаться. . . Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых рукописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание всех наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна?».[55]

В обиходном языке Древней Руси, главным образом в специальных разделах лексики — коневодство, овцеводство, соколиная охота, названия некоторых предметов домашнего обихода, одежды, — особенно после монголо-татарского нашествия появилось значительное число тюркских и, шире, алтайских заимствований.[56]

О тесном многовековом общежитии русских и тюрков свидетельствует также наличие «восточных» мотивов в русском фольклоре. О половецком влиянии на русский эпос писал Вс. Ф. Миллер в книге «Экскурсы в область русского народного эпоса» (М., 1892). В. В. Стасов, почетный академик по разряду изящной словесности, в своем широко известном исследовании «Происхождение русских былин» (Собр. соч., т. III, СПб., 1894) уделил особое внимание ориентализмам в русском фольклоре. Теме «Следы половецкого эпоса в летописях» (Проблемы источниковедения. М.—Л., 1940, № 3) посвятил обстоятельную статью В. Пархоменко.

Отделение русского языка и словесности Академии наук принимало меры к регистрации и объяснению восточных элементов русского словаря.[57]

Все эти обстоятельства — совместная жизнь, браки, военные союзы и пр. — не следует рассматривать как свидетельство нали-

---

[54] Август-Людвиг Шлёцер (1735—1809) — академик АН, впоследствии почетный член АН, историк; о нем см.: История АН, т. I, с. 398; СИЭ, т. 16, стб. 293—294.

[55] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 6. М., 1936, с. 246—247.

[56] О них можно составить представление по: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке; *Менгес.* Восточные элементы.

[57] См.: *Менгес.* Восточные элементы, с. 3—10, «От редактора».

чия в те далекие времена идиллически-пасторальных отношений между русскими и тюрками, как и не следует представлять эти отношения неизменно враждебными. Отношения русских князей между собой и русских князей с тюркскими ханами в IX—XII вв. и в последующие годы определялись сложнейшими военно-политическими устремлениями сторон в бурное и трудное время.

Очевидно одно: многовековое взаимодействие восточных славян и тюрков оставило заметный след в языках, обычаях, культуре и тех и других.

Русское слово «закон», по свидетельству Константина Багрянородного (X в.), проникло в печенежский язык.[58] В памятнике половецкого языка, известном под названием «Кодекс куманикус» (1303 г.), и в некоторых арабских трактатах по лексике и грамматике половецкого, или кыпчакского, языка зафиксированы заимствованные половцами русские слова: смола, печь, изба, солома, овес, деготь.[59]

Тюркские слова в русском, украинском и белорусском языках исчисляются сотнями. Тюркские лексические элементы давно и прочно вошли в обиходный язык восточных славян, о чем свидетельствуют, в частности, рано появившиеся «списки иностранных слов» — своеобразные словари иностранных слов (см. с. 26).

4. Знание тюркских языков в Киевской Руси

Древнейшее историческое свидетельство об изучении русскими иностранных языков находим в «Поучении» Владимира Мономаха; по его словам, «отец мой (Всеволод Ярославич, — *А. К.*) дома седя, изумеяше 5 язык». Предполагают, что это могли быть следующие языки: «1) греческий, 2) латинский, 3) немецкий, 4) венгерский, 5) половецкий, по ближайшему соседству и частому сношению; если же не эти языки, то или болгарский (болгар волжских), козарский (т. е. хазарский, — *А. К.*) или торческий (т. е. язык торков, — *А. К.*), ясский, касожский и обезский, или же польский, литовский, карельский, финский и т.д.».[60] По мнению Н. М. Карамзина, это были языки «греческий, скандинавский, половецкий и венгерский, кроме русского».[61]

Сухомлинов полагал, что «в числе пяти языков был непременно греческий, знакомый русским с древнейших времен; остальные четыре языка были скорее западные, нежели восточные и северные».[62] В. В. Бартольд считал, что «слова „Поученія“ («дома седя, изумеяше пять язык») ясно показывают, что речь идет о книжных

---

[58] *Греков Б. Д.* Культура Киевской Руси. М.—Л., 1944, с. 21.
[59] *Zajączkowski A.* Związki językowe polowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949, s. 12—13.
[60] *Сухомлинов.* О языкознании в древней России. — Отд. отт.: Учен. зап. Второго отделения АН, кн. I, 1854, с. 24.
[61] Там же.
[62] Там же, с. 24—25.

занятиях, предметом которых в России того времени едва ли могли быть языки Востока».[63]

Необходимость изучения языка тюркских племен, являвшихся для Киева то согражданами, порою родственниками по браку, то беспокойными соседями, диктовалась важными практическими соображениями; кроме того, именно тюркскими языками в ту пору легко можно было заниматься «дома седя», так как было у кого учиться.

Способность к усвоению чужих языков, присущая Всеволоду Ярославичу, конечно, была редким исключением; однако условия существования Киевского государства, его географическое положение, его развитая культура, обширные культурные и торговые связи дают основание полагать, что среди его граждан были лица, практически владевшие чужими языками, в том числе (и в первую очередь!) тюркскими; из-за широко практиковавшихся смешанных браков можно с известной долей вероятности говорить о своеобразном русско-тюркском двуязычии.

«В год 6476 (=968), — читаем в «Повести временных лет», — пришли впервые[64] печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой. . . И стали тужить люди в городе, и сказали: „Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону (Днепра, — *А. К.*) и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам". И сказал один отрок: „Я проберусь", и ответили ему: „Иди". Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: „Не видел ли кто-нибудь коня?" Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. . .» (разрядка моя, — *А. К.*).[65]

Приведенный отрывок из авторитетнейшей летописи является старейшим свидетельством того, что среди русских, в частности среди граждан Киева, были лица, практически знавшие печенежский язык — один из языков тюркской семьи.

5. Монголо-татарское нашествие. Толмачи и переводчики. Первые словарные опыты. Сношения с Турцией, Средней Азией и Сибирью

Первая четверть XIII столетия в истории Руси и юго-востока Европы ознаменовалась началом движения племен из глубин Азии, получившего в истории название монгольского, или татарского, нашествия. Уже в начале 30-х годов XIII в. монголо-татары завладели Дешт-и-Кыпчаком, создав могущественное госу-

[63] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 363.

[64] Впервые — как враги; ибо первый раз печенеги, судя по той же «Повести временных лет» (с. 228), пришли в Русскую землю (точнее: прошли через Русскую землю) в 915 г.

[65] Повесть временных лет, с. 244—245.

дарственное образование, известное в восточной литературе как Джучиев улус или Синяя Орда, которое в русских источниках упоминается под именем Золотой Орды.

Почти два с половиной столетия монголо-татары терзали Русь (1240—1480). «Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля» (А. С. Пушкин). В результате монголо-татарского ига Русь была разорена, города и села превращены в пепелища и руины. По словам А. С. Пушкина, «России определено было высокое предназначение: ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока».[66]

В это тяжкое время практическое знание тюркских языков на Руси не ослабевает, а, может быть, даже упрочивается в связи с потребностью поддерживать необходимые — подневольные — связи с завоевателями. Частые поездки русских князей в Орду, общение с представителями Орды вызвали к жизни появление первых официальных переводчиков-толмачей (< тюрк. *tïlmačï*).[67]

Одно из первых упоминаний слова «толмач» (по справке проф. А. И. Попова) приведено в Ипатьевской летописи под 1261 г.

В письменных памятниках то и дело мелькают упоминания о толмачах. Так, Плано Карпини (1246 г.) застал у Батыя сына князя Ярослава, который «имел при себе одного воина из русских, по имени Сангор(а); он родом коман, но теперь христианин, как и другой русский, бывший нашим толмачом у Бату из земли Суздальской. У императора татар мы нашли князя Ярослава, там умершего, и его воина, по имени Темера, бывшего нашим толмачом у Куйюккана».[68]

Плано Карпини, по его собственным словам, получил ряд ценных сведений о татарах «через многих русских и венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше».[69]

Русский язык в те времена (XIII в.) был широко известен и использовался как средство международного общения; свидетельством сказанному являются слова Плано Карпини о том, что послание папы римского в ставке Батыя он и его спутники при помощи толмачей «тщательно переложили . . . на письмена русские и саррацинские и на письмена татар».[70] Советники Батыя, готовя

---

[66] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 6, с. 166.

[67] См. еще: *Менгес.* Восточные элементы, с. 146—150; *Doerfer*, II, § 1010.

[68] *Плано Карпини Дж. дель.* История монголов. — В кн.: *Рубрук Г. де.* Путешествие в восточные страны. Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957, с. 82.

[69] Там же, с. 78.

[70] Там же, с. 71.

ответ, спросили у Плано Карпини, есть ли у папы лица, понимающие «грамоту русских или саррацинов, или также татар».[71]

Приведем еще один документ (конец XIV в.), свидетельствующий не только о знании русскими тюркских языков, но и о знании ими исторических лиц. В «Софийской второй летописи» под 1395 г. читаем: «. . . перекова себе железом ногу свою перебитую, такою нужею хромаше; то ради прозван бысть Темир Аксак, Темир бо зовется железо, а Аксак хромець; тако бо толмачет половецьким языком, яко токовую виною прозван бысть Темир Аксак, еж протолкуется железный хромець».[72] В русском переводе ярлыка Тохтамыша к Ягайлу (1393 г.) сказано: «Аксак Темир — Железная нога»,[73] — хотя в точном переводе это значит Хромой Темир / Темур / Тимур.

В начале XV в., т. е. сразу же после смерти Тимура (1405 г.), возникла на Руси «Повесть о Темир-Аксаке», сохранившаяся в большом количестве списков и в сборниках XV—XVII вв.[74]

Главе русского посольства, отправленного в Китай в 1675 г., Николаю Гавриловичу Милеску Спафарию (1636—1708) [75] в «Наказной памяти» было приказано, «чтобы он просил китайского хана грамоты на имя русского царя присылать „на латинском и на турском языке“».[76]

Многовековое взаимодействие русского и соседящих с ним народов привело к взаимному обмену характерными для культуры каждого из этих народов словами и терминами. Накопление иноязычного лексического материала в русском языке привело к необходимости систематизировать и объяснять его. В старинных рукописях иногда встречаются списки иноязычных слов, а также отдельные фразы, диалоги с кратким толкованием их на русском языке. На основании разысканий М. И. Сухомлинова вполне можно полагать, что «словарные опыты возникают у нас или у наших соплеменников ранее XI столетия».[77]

К числу таких лексикографических опытов, представляющих первостепенный интерес для истории знакомства русских с тюркскими языками, относятся два словарика; первый из них известен

---

[71] Там же, с. 79. — Письмена саррацинские (саррацины — общее название мусульман) — арабское письмо, письмена татар — уйгурско-монгольское письмо; под языком саррацинов в данном случае понимался персидский язык (*Бартольд.* Соч., т. II/2, с. 312 468), «язык татар» — монгольский язык (*Григорьев А. П.* Официальный язык Золотой Орды XIII—XIV вв. — ТСб. 1977, М., 1981, с. 83—85). Об этимологии этнонима *сарракин(ы)/саррацин(ы)* ~ *сарацин(ы)* см.: *Менгес.* Восточные элементы, с. 74—75.

[72] ПСРЛ, т. VI, с. 124.

[73] *Березин И. Н.* Ярлык Тохтамыш-хана к Ягайлу. — В кн.: Ханские ярлыки, I. Казань, 1850, с. 21.

[74] См.: *Гребенюк В. П.* Повесть о Темир-Аксаке. Акд. М., 1971.

[75] *Урсул Д. Т.* Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980. 191 с.

[76] *Ефимов Г. В.* У истоков русского востоковедения. — Вестник ЛГУ, 1973, № 20, с.75.

[77] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч., с. 5; *Булич*, с. 161—164.

под названием «Се татарскыи языкъ», второй — «Толкование [или Толк] языка половецкого».

«Се татарскыи языкъ» — русско-татарский словарик, содержащий 27 слов, 6 фраз и 18 числительных, — находится в составе сборника XV—XVI вв., некогда принадлежавшего библиотеке Софийского собора в Новгороде. Этот сборник, содержащий сведения о сложении греческой и пермской азбук, сведения о ряде языков и названия первых букв ряда алфавитов, а также три статьи — «Осе имена словом азбоукы перьмскыя», «Грецкои языкъ», «Се татарскыи языкъ», — был опубликован П. К. Симони.[78] О. Прицак,[79] изучавший эту рукопись, «отметил точность всех приведенных данных, в частности наименование букв сирийского алфавита „алеф, бе“ . . . и первых шести букв „югорского“, под которым следует подразумевать уйгурский. . .».[80]

Слова, фразы, числительные словарика «Се татарскыи языкъ» приведены П. К. Симони в транскрипции Ф. Е. Корша.[81] Теперь этот словарик опубликован в работе Л. С. Ковтун.[82] М. А. Оболенский в 1850 г. обнаружил на обороте 603-го листа (имеющего водяной знак 1559 г.) принадлежавшей ему рукописи «Четьих-Миней» митрополита Макария половецко-русский словарик, содержащий 17 слов: «Толкование языка Половецкого. Первые половецки, а опосля русски».[83]

Эта заметка М. А. Оболенского сразу же вызвала отклик некоего *Z*, который направил в журнал «Москвитянин» составленную им «сравнительную таблицу половецких слов с татарскими, доселе употребляемыми в Закавказском татарском (=азербайджанском, — *А. К.*) наречии».[84]

Затем на долгое время прервался интерес к этому важному памятнику тюркской лексикографии, затерявшемуся на страницах «Москвитянина». И только в 1883 г. о половецко-русском словарике в русской летописи середины XVI в. напомнил известный историк П. В. Голубовский, частично его переиздавший и заметивший: «На Руси были несомненно записи тюркских слов. Это подтверждается отрывком словаря, найденного кн. Оболенским. . .

---

[78] *Симони П. К.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. — ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1, с. 175—212.

[79] *Pritsak O.* Се татарскы язык. — In: Orbis Scriptus. D. Tschezewskiy zum 70 Geburtstag. München, 1966, S. 643.

[80] *Алекссев М. П.* Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968, с. 19. — Все сведения об изучении двух названных словариков излагаются по этой книге (с. 18—28).

[81] *Симони П. К.* Указ. соч., с. 183—185.

[82] *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 322—323.

[83] Послание патриарха Фотия в древнем славянском переводе. Половецкие слова. Письмо кн. М. А. Оболенского к М. П. Погодину. — Москвитянин, 1850, ч. II, № 5, отд. III, с. 7—8.

[84] *Z.* О половецких словах. (Письмо к редактору). — Москвитянин, 1850, ч. III, № 10, отд. III, с. 31. — Письмо М. А. Оболенского (без текста «Толкования») и заметку Z перепечатал П. К. Симони (указ. соч., с. 189—191).

По сличении этого словаря с „Кодекс куманикус" придется, кажется, признать, что и тот и другой дают нам остатки одного и того же языка».[85]

Вслед за П. В. Голубовским — и, по-видимому, благодаря Голубовскому — пражский ученый К. Йиречек также обратил внимание на этот словарик.[86]

В 1908 г. П. К. Симони в названной выше статье также опубликовал «Толкование языка половецкого» (с. 185—186) по другой, более авторитетной рукописи макарьевских «Четьих-Миней» XVI в. (Моск. Синодальная библ., № 183, л. 704 об., стб. 21), снабдив свою публикацию (с. 191—193) параллелями, извлеченными из «Кодекс куманикус» (изд. Г. Куна), и комментариями Ф. Е. Корша, по мнению которого «половецкие слова, приведенные в настоящей рукописи, — не половецкие, а татарские, именно, судя по сумме признаков, крымские из местностей около Бахчисарая или Симферополя, вообще не из степей и не с южного берега [Крыма]» (с. 189).

Однако А. Е. Крымский, который считал этот словарик «за найважлив ше староруське лінгвістичне джерело»[87] и который справедливо полагал, что «митрополит московский Макарій XVI в. повинен був списати свій половецький словничок із якогось давнішого рукопису»,[88] решительно ставил под сомнение изложенное выше мнение Ф. Е. Корша.

Различия в тексте «Толкования», опубликованные М. А. Оболенским (1850) и П. К. Симони (1908), оказались не очень значительными. По мнению О. Прицака, в обоих словариках дается запись слов одного и того же языка — кыпчакского (куманского, половецкого), языка Золотой Орды XIII—XIV вв.; он же высказал предположение, что «Се татарскыи языкъ» был создан в Ростове Владимирском по поручению ростовского епископа Кирилла (1231—1262), посетившего Золотую Орду при хане Берке (1257—1267).[89]

Из статьи К. Йиречека (см. выше) о существовании половецко-русского словарика узнал немецкий тюрколог Вилли Банг (1869—1934), который, получив из Московского университета фотокопию этого словарика, опубликовал его со своими комментариями в 1911 г. в «Бюллетене» Бельгийской академии.[90] Статья В. Банга, для которого публикация П. К. Симони оставалась неизвестной, привлекла внимание ряда тюркологов: К. Грёнбек включил в свое

---

[85] *Голубовский П. В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Университетские известия, Киев, 1883, № 3, с. 153—154.

[86] *Jireček K.* Einige Bemerkungen über die Überreste der Petschenegen und Kumanen. — In: Sitzungsberichte d. Königliche Böhmische Gesellschaft der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Prag, 1889, S. 9.

[87] *Кримський.* Тюрки, с. 515.

[88] Там же, с. 516.

[89] *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков. . ., с. 25.

[90] *Bang W.* Zu der Moskauer Polowzischen Wörterliste. — Académie Royale de Belgique, Bulletin de la Classe des lettres. Bruxelles, 1911, N 4, p. 91—103.

издание «Кодекс куманикус» [91] несколько слов из «Толкования», отсутствующих в этом словаре; П. Пельо[92] и А. Зайончковский[93] занимались изучением толкования слов, содержащихся в этом словарике.

Л. С. Ковтун составила сравнительную таблицу обоих словариков — «Се татарскыи языкъ» и «Толкования языка половецкого», — из которой явствует, что 12 статей у них общие. В русской части словарика «Се татарскыи языкъ» к этим 12 добавлено еще 16 статей, но тюркские эквиваленты приводятся только к 15 из них. Наличие 12 общих статей свидетельствует, по-видимому, об общей основе текста, который в дальнейшем в разных списках получил неодинаковое развитие.[94]

Как в рукописи М. А. Оболенского, так и в рукописи, опубликованной П. К. Симони, «Толкованию языка половецкого» предшествует статья «Чюдо Алексея митрополита чюдотворца в орде». По мнению О. Прицака, «Толкование» и «Чюдо» происходят из одного источника. Он «рассматривает их как единое произведение, хотя и вошедшее в „Четьи-Минеи“ в полном виде, но восходящее к более позднему оригиналу».[95]

Статья «Толкования языка половецкого» «Сарракине — половчане, рекше тотарове» свидетельствует о том, что в период создания словарика термины «татарский» и «половецкий» сближались; в некоторых летописных сводах наблюдается полное смешение этнических обозначений «татары» и «половцы». При разъяснении слова «сарракине» среди ученых возникла оживленная полемика.[96]

Для дальнейшего изучения «Толкования языка половецкого», которому отечественные тюркологи после Ф. Е. Корша, к сожалению, не уделяли должного внимания, следует иметь в виду, что «Четьи-Минеи» митрополита Макария — не единственное сочинение, в котором содержится этот половецко-русский словарик. В сочинении келаря Троицко-Сергиевской лавры старца Симона Азарьина «Лампада» (1665) на л. 262 приведен «Толк [97] языка половецкого. Первое половецки, а опосля русски»; текст словаря без отличий от макарьевского.[98] «Толкование половецкого языка на русскiи» содержится также в одном из азбуковников, составленном в Новгороде около 1673 г. и хранящемся теперь в ГПБ (Пог. № 1655); это «Толкование» опубликовал М. П. Алексеев.[99]

---

[91] *Grönbech K.* Kumanische Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. — Monumenta Linguarum Asiae Majoris. Subsidia, vol. I. Kopenhagen, 1942.

[92] *Pelliot P.* Tängrim > tärim. — T'oung Pao, Leiden, 1944, vol. XXXVII, p. 173.

[93] *Zajączkowski A.* Op. cit., p. 25—30.

[94] *Ковтун Л. С.* Указ. соч., с. 324—325.

[95] Подробнее см.: *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков. . ., с. 24—25.

[96] См.: там же, с. 28; см. еще: *Менгес.* Восточные элементы, с. 74—75.

[97] А не «Толкование» (!).

[98] *Симони П. К.* Указ. соч., с. 186; *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков. . ., с. 25—26.

[99] *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков. . ., с. 22, 26—27.

Довольно рано на Руси появляются, а в XVI—XVIII вв. успешно развиваются и широко распространяются своеобразные словари иностранных слов, носившие название «азбуковников»[100] или «алфавитов иностранных речей», в которых давались иногда толкования слов, заимствованных из восточных языков; так, например, «Алфавит книга премудрая имея в себе 24 языка» содержит списки и объяснения арабских, армянских, древнееврейских, эфиопских, индийских, персидских, татарских и других восточных слов.[101] Азбуковники постепенно превращаются в своеобразные энциклопедии, где сообщались, между прочим, и сведения о некоторых восточных странах, в том числе и о Турции.[102]

Оживленная дипломатическая переписка Ивана III и Василия III в конце XV—начале XVI в. с Казанским и Крымским ханствами свидетельствует о том, что в Москве на государственной службе были толмачи — переводчики, свободно владевшие казанско-татарским и крымско-татарским языками.[103] Из посольских записей известно, что «грамоты в Крым 6 сентября и 29 октября 1489 г. и в апреле 1490 г. писаны были „татарским письмом“ (писал Обляз Бакшей)».[104]

Судя по фамилиям переводчиков, указанных в книге С. А. Белокурова, почти все они были татарами или происходили из татар. Хорошо знали тюркские языки, в том числе и турецкий, донские казаки; архивы сохранили память о том, что в начале XVI в. в Азове был «русский дьяк, знавший турецкий язык».[105]

При Иване III (1453—1505) снова — после освобождения от монголо-татарского ига — начались сношения России с переднеазиатскими государствами по Волге и Каспийскому морю.[106]

В конце XV в. устанавливаются регулярные политические сношения России с Турцией. В 1493 г. первое турецкое посольство прибыло в Москву; в 1496 г. отправляется в Турцию[107] первое русское посольство во главе с М. А. Плещеевым, послом «государя всея Руси»; от этого московского посла «сам султан Баязет,

---

[100] «Первым началом азбуковника был (известный с XIII в.) список „иностранных речей“, которые находились в славяно-русских книгах и требовали объяснения» (*Пыпин А. Н.* История русской литературы, т. I. СПб., 1898, с. 259, цит. по: *Алексеев М. П.* Словари иностранных языков. . ., с. 12).

[101] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч., с. 8; *Карпов А.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878 (здесь на с. 174—175 упоминаются азбуковники, содержащие объяснения татарских и турецких слов); *Крачковский.* Очерки, с. 15.

[102] См.: *Карпов А.* Указ. соч., с. 234, 236—237; *Баталин Н. И.* Древнерусские азбуковники. — Филологические записки, Воронеж, 1873, вып. III, с. 1—39; Об источниках сведений по разным наукам в древние времена России. — Православный собеседник, Казань, 1860, ч. I, с. 181—236; *Булич*, с. 160 сл.

[103] См.: *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III. — Исторические записки, 1948, № 27; *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906, с. 9.

[104] *Белокуров С. А.* Указ. соч., с. 34.

[105] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, с. 87.

[106] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 365.

[107] *Новичев А. Д.* Турция. Краткая история. М., 1965, с. 254.

перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи московита».[108]

Взятие турками Царьграда—Константинополя (29 мая 1453 г.) и падение Византийской империи произвели на Руси огромное впечатление и вызвали в последующие годы повышенный интерес к туркам и Турции, что и отмечено в исследованиях М. Н. Сперанского, А. И. Соболевского, И. И. Срезневского, М. М. Стасюлевича.[109]

Во второй половине XVI в., после того как были завоеваны Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, возобновились сношения России со среднеазиатскими государствами.[110] Сношения с татарскими ханами Сибири, начало которым было положено еще в XV в., постепенно, особенно в XVI в., приобретают систематический характер. После завоевания Казани и Астрахани из Сибири прибыло посольство с предложением подданства (1555). Постепенно русские укрепились в Сибири; уже в 1587 г. был основан г. Тобольск, надолго ставший столицей этого края; в начале XVII в. русские укрепились на Енисее и Лене; в 1632 г. был основан г. Якутск. Первые сведения о Сибири сохранились в отчете «Роспись государства за Сибирью», где говорится о путешествии в 1567 г. казачьих атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева.[111]

Следует особо отметить, что в новгородских летописях XI—XIV вв. имеется ряд сведений о Сибири (однако без применения этого названия) (1364 г. — ПСРЛ, т. IV, с. 65).

Сведения о быте, нравах, обычаях и языках народов Востока приносили паломники и торговые люди; [112] среди последних особого упоминания заслуживает Афанасий Никитин, проживший в Индии три года (1469—1472) и оставивший интереснейшие записки о своем путешествии.[113] А. Никитин практически освоил, видимо, несколько восточных языков, в том числе один или два из тюркских.[114]

---

[108] См.: История СССР, т. I (с древнейших времен до конца XVIII века). Под ред. Б. Д. Грекова, С. Б. Бахрушина, В. И. Лебедева. Изд. 2-е. М., 1947, с. 289.

[109] *Сперанский М. Н.* Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. М.—Л., 1954; *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903; *Срезневский И. И.* Повесть о Цареграде. — Учен. зап. II отд. [АН], кн. 1, 1854, с. 99—137; *Стасюлевич М. М.* Осада и взятие Византии турками. — Там же, с. 65—176.

[110] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 368.

[111] Там же, с. 376—377; *Токарев С. А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966, с. 44 сл.

[112] Подробнее см.: *Данциг Б. М.* 1) Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси. — ОИРВ, сб. I, с. 184—231; 2) Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965. 271 с.; см. также: *Кузнецова Н. А.* Борис Моисеевич Данциг (к 80-летию со дня рождения (1896—1976)). — НАА, 1977, № 2, с. 140—148.

[113] Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.—Л., 1958. 284 с.

[114] См.: там же, с. 251.

Летописи, «хожения» — записки торговых людей и паломников, «Посольские книги», «Статейные списки послов» и особенно «Русский хронограф» содержали интереснейшие сведения о Ближнем Востоке, о Турции.

Из лиц, практически знавших Ближний Восток и восточные языки, набирались чиновники соответствующих государственных учреждений, в которых они проходили служебную школу; в частности, из лиц, практически владевших восточными языками, набирались толмачи и переводчики Посольского приказа. Так, в 1689 г. в штате Посольского приказа числились переводчики с «турского и татарского (языков) Петр Татаринов» и с «турского и татарского и арапского (языков) Дмитрий Сеитов»; кроме них, еще было два переводчика только с татарского языка.[115] Известный путешественник Олеарий, посетивший Россию в 1633 и 1636 гг., писал: «. . .между ними (русскими, — *А. К.*) есть люди с острыми дарованиями, соединяющие светлый ум с счастливою памятью. Теперешний думный дьяк посольского приказа Алмаз Иванович еще в молодых летах был однажды в Персии и в Турции и в некоторое время до того усвоил языки персидский и турецкий, что может объясняться на них без помощи переводчика».[116]

В конце XVII в. появился труд стольника Андрея Ивановича Лызлова «Скифская история», в котором впервые в русской историографии обстоятельно рассматриваются многие проблемы истории монголо-татар, особенно в их отношениях с Русью.[117]

6. Собирание тюркского лингвистического материала

В конце XVII в. было положено начало систематическому собиранию лингвистического материала по тюркским и иным восточным языкам. Первые образцы корейского, бурятского, монгольского, татарского (в том числе и крымско-татарского), калмыцкого, грузинского, черемисского, мордовского, остяцкого, тунгусского, якутского, ламутского, юкагирского, вогульского, пермяцкого и самоедского языков были помещены в книге «Северная и Восточная Тартария»,[118] которую написал голландский юрист, впоследствии бургомистр Амстердама, Николас-Корнелиссон Витсен (1641—1717), прибывший в Москву в 1664 г. в составе голландского посольства, проживший там один год (на родину вернулся летом 1665 г.) и собравший там же при помощи думного дьяка

---

115 *Белокуров С. А.* Указ. соч., с. 132, 138; см. также с. 54, 55.

116 «Алмаз Иванович — думный дьяк посольского приказа при царе Алексее Михайловиче. Службу свою начал в 1640 г., умер в 1669 г. Настоящее его имя было Ерофей; прозвище Алмаз, эмблемы твердости, получил, как полагают, по своим превосходным качествам» (*Сухомлинов М. И.* Указ. соч., с. 57).

117 Подробнее см.: *Чистякова Е. В.* «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — ОИРВ, сб. VI, с. 3—88.

118 Noord and Oost Tartarye. Amsterdam, 1692; 2-е изд. — 1705; 3-е изд. — 1785.

Андрея Андреевича Виниуса (1641—1717), служившего с 1664 г. переводчиком при Посольском приказе,[119] необходимый материал для своих трудов.[120] Для второго издания своей книги Витсен воспользовался лингвистическими материалами, собранными для него Академией наук.[121] Н.-К. Витсен вошел в историю тюркского языкознания еще и тем, что в его книге впервые, как теперь полагают, приводятся полученные из русских источников сведения о тюркских рунических надписях.[122]

В конце XVII в. известный русский географ, этнограф и картограф «тобольский сын боярский» Семен Ульянович Ремезов [123] составил «Описание о сибирских народах и граней их земель» (1697—1698), оставшееся в рукописи, которое в 60—80-х годах XVIII в. использовал тобольский любитель истории И. Л. Черепанов (1724—1795), автор летописного свода сибирской истории. В приводимых И. Л. Черепановым отрывках из сочинения С. У. Ремезова последний выступает как этнограф, топонимист, историк, географ, собравший разнообразные и ценные сведения: о генеалогии сибирских ханов, о границах расселения и происхожденди сибирских народов, о происхождении названий городов, о татарских законах, о калмыках, красноярских татарах, тунгусах, даурах, маньчжурах и других народах.[124]

Практическое знание тюркских языков, утвердившееся на Руси с давних пор, а также постепенное накопление лингвистических, этнографических, исторических материалов способствовали в дальнейшем, начиная с Петровской эпохи, зарождению научного востоковедения, научной тюркологии.

---

[119] *Алексеев М. П.* 1) Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Изд. 2-е. Иркутск, 1941, с. 427—429; 2) Один из русских корреспондентов Ник. Витсена. — В кн.: С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934, с. 57; ср.: БСЭ (3-е изд.), т. 5, с. 73; СИЭ, т. 3, с. 490—491; см. еще: *Катанов Н. Ф.* Голландский путешественник Николай Витзен и труды его о России и Азии. — ИОАИЭКУ, 1901, т. XVII, вып. 4.

[120] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 192; *Булич*, с. 201.

[121] История АН, т. I, с. 25.

[122] *Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 11.

[123] *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ, 1642 — после 1720 г. М., 1965. 260 с.

[124] Там же, с. 120—127; *Андреев А. И.* Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940, с. 95. — На двух географических картах, составленных С. У. Ремезовым, по верхнему течению р. Талас в качестве географического пункта указан «Камень Орхон», на котором, как полагают, были написаны орхонские знаки (*Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 11—12). Едва ли возможно такое толкование отметки «Камень Орхон», так как оно предполагает, что Ремезову уже были известны рунические памятники на р. Орхон. — О Ремезове, Витсене и Страленберге см.: *Кызласов Л. Р.* Начало сибирской археологии. — В кн.: Историко-археологический сборник А. В. Арциховскому. М., 1962, с. 43—51.

II

ЗАРОЖДЕНИЕ НАУЧНОЙ ТЮРКОЛОГИИ В РОССИИ
(начало XVIII в.)

1. Мероприятия Петра I

Петр I, преобразователь Российского государства, рано понял, как важно создать необходимые условия для развития и процветания в России искусств и наук, которые и до него имели многовековую историю, уходящую корнями в блестящую культуру Киевской Руси.

Петр I еще в начале своего царствования отчетливо сознавал, что будущее России в силу ее географического положения неразрывно связано с Востоком и что изучение Востока и его языков является одной из первоочередных задач, возникших перед Россией.

Началом нового этапа — датой рождения русского востоковедения — следует считать 18 июня 1700 г., когда был издан указ Петра I, предписывавший вновь назначенному сибирскому митрополиту отобрать и послать в Тобольск «добрых и ученых непрестарелых иноков дву[х] или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись».[1] Последствия этой инициативы, к сожалению, не известны, но для истории русского востоковедения она важна как первое официальное — государственное — мероприятие, непосредственной целью которого была подготовка специалистов по восточным языкам.

Петр I использовал каждую представляющуюся возможность для организации изучения восточных языков: он пытался организовать обучение русских сперва китайскому [2] и монгольскому,[3] а затем японскому языку.[4]

В результате развития ближневосточной политики Петра I, особенно в связи с Прутским походом 1711 г., обнаружилась настоятельная необходимость в подготовке лиц, знающих турецкий, персидский, арабский языки, нравы, обычаи, законы стран и народов Ближнего Востока.

---

[1] ПСЗРИ, т. IV, № 1800. — См. еще: *Булич*, с. 194.
[2] *Булич*, с. 194.
[3] *Веселовский*. Сведения, с. 84—96.
[4] *Петрова О. П.* Японский язык в России в первой половине XVIII века. (По архивным материалам). — НАА, 1965, № 1, с. 163—177; *Куликова А. М.* Начало изучения японского языка в России. — НАА, 1979, № 1, с. 134—145.

22 февраля 1711 г. Петр I выпустил «Манифест, или Объявление. О вероломном розрыве мира салтана турского Ахмета против его царского величества».[5] По-видимому, одновременно с манифестом были составлены «Универсалы», представляющие собою краткое изложение Манифеста и переведенные на «турецко-татарский» язык для распространения среди буджакских (бессарабских) и крымских татар. Универсалы, почти тождественные, были, по всей вероятности, составлены и переведены в Москве и оттиснуты с медных досок в Московской Синодальной типографии.[6]

«Языком своим,— пишет Ф. Е. Корш,— универсалы живо напоминают крымские акты: та же беспорядочная и непоследовательная смесь татарского с чагатайским и османским, причем первая из этих составных частей служит основой, а две другие вводятся как бы для красы. Впрочем, есть и разница: в универсалах меньше арабщины, а османский характер речи выдержан несколько строже, чем в произведениях крымских канцелярий; именно склонение и спряжение лишь изредка выдают привычку переводчика к татарской речи. Несомненно, что он старался выражаться по-османски,— конечно, для того, чтобы сообщить этим «прелестным письмам» особенную внушительность в глазах предполагаемых читателей, взиравших на османский язык с благоговением, как на орган высшей власти. Весьма вероятно, что он сам познакомился с османской речью из того же источника; по крайней мере, в османских элементах его языка нет ни малейших следов литературного влияния».[7]

В результате тщательного анализа языка универсалов Ф. Е. Корш приходит к выводу, что «привычным наречием» для переводчика «было приволжское», т. е., по всей вероятности, казанско-татарский язык,— «дипломатическому языку он учился по крымским и османским документам, с которыми познакомился не в Крыму и не в Турции, а, вероятно, в Москве, в посольском приказе».[8] Ф. Е. Корш опубликовал текст (с. 15—17) универсала к крымским татарам, поместив в подстрочных сносках разночтения по буджакскому универсалу; русский перевод на с. 17—19.[9]

Строгий филологический анализ перевода этих универсалов, сделанный выдающимся русским востоковедом Ф. Е. Коршем, подтверждает еще раз, что на русской дипломатической службе

---

[5] Подробнее о Манифесте см.: *Пекарский.* Наука и литература, т. 2, с. 255—257; *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание гражданской печати. М.—Л., 1955, с. 178—180.

[6] *Корш Ф. Е.* Универсалы Петра Великого к буджацким и крымским татарам. — Отд. отт.: Древности восточные, 1893, т. I, вып. III, с. 1, 6.

[7] Там же, с. 7 (на с. 7—14 приведен подробный анализ языка универсалов).

[8] Там же, с. 14.

[9] По сообщению А. Г. Каримуллина (Возникновение российского книгопечатания арабским шрифтом. — НАА, 1969, № 3, с. 95), в Государственном историческом музее СССР (Москва) сохранилось два экземпляра универсалов.

издавна состояли хорошие знатоки казанско-татарского, крымско-татарского и османского языков.

Давние, но эпизодические связи России с Китаем при Петре I приобретают — после Нерчинского договора 1689 г. и учреждения в Пекине Российской духовной миссии (1715 г.) — более или менее регулярный характер (подробнее см.: *Скачков*).

Страны, лежащие к востоку от Каспийского моря, уже в XVI в. привлекли внимание русских царей. Петр I вынашивал план мирного присоединения Средней Азии, стремясь через нее проложить путь в Индию. С этими далеко идущими намерениями Петр I снарядил подряд две экспедиции (1714 и 1716 гг.) в Среднюю Азию, во главе которых был поставлен князь Александр Бекович-Черкасский (его мусульманское имя — Девлет-Гирей). Поход на Хиву весною 1717 г. закончился гибелью Бековича-Черкасского (*Бартольд*. Соч., т. IX, с. 392—396).

В том же 1717 г. Петр I отправил в Бухару с возвращающимся на родину послом бухарского хана «секретаря Ориентальной экспедиции Посольского приказа» Флорио Беневени, владевшего персидским и турецким языками, который через Кавказ и Персию прибыл в Бухару в 1721 г.; вернулся он в Россию через Хиву в 1725 г. (*Попов А. Н.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом.— Зап. РГО, 1853, кн. IX, с. 237—424).

С именем Петра I связан целый ряд мероприятий, направленных на развитие как практического, так и научного востоковедения в России. Политическими планами Петра I на Черном море, Кавказе, Ближнем Востоке определялся его интерес к странам и народам этого района — к их языкам, истории и культуре. В 1716 г. по распоряжению Петра I издается первый полный перевод Корана,[10] исполненный доктором Падуанского университета Петром Посниковым на основе первого французского перевода Андрэ Дю Риё (1647):[11] «Алкоран о Магомете, или закон турецкий, переведенный с французского языка на российский, напечатася повелением Царского Величества в Санктпетербургской типографии 1716 году, в месяце декемврии».

В течение XVIII в., начиная с эпохи Петра I, постепенно накапливались различные сведения о Турции, ее внутреннем устройстве, ее вооруженных силах, торговле и т. п.[12]

Наличные кадры переводчиков и толмачей Коллегии иностранных дел, заменившей в 1720 г. старый Посольский приказ, не

---

[10] К числу первых письменных сведений об исламе относится перевод (около 1516 г.) «Сказания о Сарацынской вере . . . латынина Риклода», сделанный с греческого текста Димитрием Кидонским; см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 325.

[11] *Крачковский*. 1) Очерки, с. 33—34; 2) Русский перевод Корана в рукописи XVIII в. — Избр. соч., т. I, с. 175—181.

[12] Подробнее см.: *Рафиков А. Х.* Собрание русских изданий XVIII в. о Турции в Библиотеке Академии наук СССР. — Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Л., 1965, с. 292—320.

могли в надлежащей мере обеспечить выполнение новых задач. Петр I пошел по пути, единственно возможному для скорейшего достижения цели: посылать достаточно подготовленных молодых людей в страны Ближнего Востока.

18 января 1716 г. издается Сенатский указ: «На Москве из латинских школ выбрать из учеников робят добрых, молодых пять человек, таких, которые по меньшей мере грамматику выучили, для посылки в Персиду при посланнике господине Волынском [13] для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому, а выбрав, отдать их в Посольский приказ».[14]

Во исполнение этого указа отобрали «из Монастырского приказа школьников Гавриила Ангельца, из Посольского приказа толмача Зота Чегодарева, из греческой школы Алексея Куприянова, из Посольского приказа Федора Сенюкова, из Монастырского приказа подьячего Лаврентьева Власова».[15]

По свидетельству С. К. Булича, «в результате этой меры у нас впоследствии явились свои переводчики персидского языка (Колушкин, после резидент при персидском дворе, и др.)».[16] Названный здесь Федор Сенюков, вероятно, тождествен переводчику при русской миссии в Константинополе Сенюкову, упомянутому в письме И. И. Неплюева (от июня 1731 г.), русского резидента в столице Османской империи.[17]

28 августа 1724 г. в связи с посылкой в Турцию миссии «бригадира и гвардии маэора Румянцева» издается распоряжение, в котором говорится, что Петр I повелел «для посылки в Царьград ради обучения турецкого языка выбрать ему, бригадиру Румянцеву, из учеников Московской (славяно-греко-латинской,— *А. К.*) Академии четырех человек».[18]

О результатах этого мероприятия мы также не имеем сведений, но факт посылки молодых людей для обучения турецкому говорит сам за себя.

2. Востоковедная деятельность Д. Кантемира

Советник Петра I по турецким делам Дмитрий Кантемир (1673—1723), бывший молдавский господарь, отец известного русского сатирика Антиоха Кантемира, происходил, по преданию

---

[13] *Бушев П. П.* Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715—1718 гг. (по русским архивам). М., 1978. 232 с.; *Алиев Ф. М.* Миссия посланника Русского государства А. П. Волынского в Азербайджане. 1716—1718 гг. Баку, 1979. 122 с.

[14] ПСЗРИ, т. V, № 2978.

[15] *Лебедев В. И.* Посольство Артемия Волынского в Персию. — Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1948, № 6, с. 532.

[16] *Булич*, с. 195.

[17] *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.). — ОИРВ, сб. IV, с. 23.

[18] *Иванов П.* Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам. — ВРГО, 1853, ч. 8, с. 170—171; см. еще: ЖМНП, 1853, ч. 80, отд. VII, октябрь, с. 28—29.

(далеко не всеми принимаемому на веру), из старинного татарского рода, восходящего к Тамерлану,[19] о чем, по-видимому, свидетельствует и его фамилия: *Кантемир* < *кан/хан+темир*.[20]

Дмитрий Кантемир провел в Константинополе 22 года (1688—1710), сначала в качестве заложника (аманата)[21] от своего отца Константина Кантемира (1627—1693), молдавского господаря (1685—1693), вассала турецкого султана, позднее (после 1691 г.) в качестве дипломатического агента (кетхуда) своего брата Антиоха, а затем в качестве претендента на молдавский княжеский престол.[22]

Д. Кантемир получил прекрасное по тем временам образование: в Константинополе он обучался в «Патриаршей школе»,[23] ревностно хранившей традиции старой византийской школы. С греко-латинской образованностью сочеталось у Д. Кантемира совершенное владение рядом языков.

Из биографии Д. Кантемира, составленной на латинском языке его сыном, известно, что Д. Кантемир «кроме своего родного молдавского языка знал языки „греческий, турецкий, арабский, высший турецкий (Turcicam sublimiorem), который называется фарси и существенно отличается от простонародного турецкого, латинский, итальянский, русский, или, вернее, славянский, т. е. церковно-славянский". Из сказанного об языке „фарси" можно заключить, что имеется в виду не персидский, а (вместе с литературным османским языком) язык турок-азербайджанцев, которых в Турции часто называли и называют персами, что отмечено в посмертной статье молодого турколога П. А. Фалева».[24] В. Г. Белинский в своем очерке «Портретная галлерея русских писателей» так охарактеризовал Д. Кантемира: «Князь Димитрий был человек ученый. ... был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках».[25]

В 1710 г. турецкий султан назначил Д. Кантемира господарем Молдавии; однако Д. Кантемир не оправдал надежд, возлагав-

---

[19] *Радовский М. И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.—Л., 1959, с. 3; *Cioranesco G.* La contribution de Demetre Cantemir aux études orientales. — Turcica. Revue d'études turques. Paris—Strasbourg, 1975, t. VII, p. 206; *Ермуратский В.* Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира. Кишинев, 1956.

[20] См. «Collectania Orientalia»: ЛОААН, ф. 784, оп. 1, № 36, л. 47.

[21] До него заложником был его старший брат Антиох.

[22] *Guboglu M.* Dimitrie Cantemir — orientaliste. — In: Studia et Acta Orientalia, Bucarest, 1960—1961, III, p. 130—131; *Радовский М. И.* Указ. соч., с. 4—5.

[23] *Guboglu M.* Op. cit., p. 130; *Радовский М. И.* Указ. соч., с. 5.

[24] *Бартольд.* Соч., т. VIII, с. 471; о П. А. Фалеве см.: ББСОТ, с. 274—275.

[25] *Радовский М. И.* Указ. соч., с. 8.

шихся на него турецкими властями,— не сумел удержать народ Молдавии в полном повиновении Османской империи. Д. Кантемир вступил в переговоры с Петром I, заявив о своей готовности оказать посильную помощь русским войскам. После Прутского похода 1711 г. Д. Кантемир с 4000 молдаван [26] нашел новую родину в России.

Есть все основания полагать, что именно Петр I — в силу интересов России на Ближнем Востоке — поощрял работу Д. Кантемира, изучавшего историю Турции и ислам.

Осенью 1716 г. Д. Кантемир закончил свой труд «Возвышение и падение дома Османов». Этот труд, написанный на латинском языке,[27]— первое систематическое изложение политического и военного положения Османской империи — был переведен на английский [28] (1734—1735; 2-е изд.— 1756), затем с английского на французский (1743), немецкий (1745), румынский (1872) и принес ее автору громкую посмертную научную славу.[29]

В 1720 г. Д. Кантемир написал на латинском языке новый труд «Система религии и состояние Турецкой империи», переведенный с рукописи [30] на русский язык питомцем Московской славяно-греко-латинской академии, домашним учителем в семье Д. Кантемира, его секретарем, позднее переводчиком Петербургской Академии наук [31] Иваном Юрьевичем Ильинским [32] (ум. 1737),[33] который дал этому труду соответствующее его содержанию название «Книга система, или состояние мухаммеданския религия. Печатается повелением его величества Петра Великого. СПб., 1722».[34]

С именем Д. Кантемира связано создание первой в России типографии с арабским шрифтом, которую он устроил по повелению Петра I во время персидского похода 1722 г. В этой «пла-

---

[26] Там же, с. 6—7; *Guboglu M.* Op. cit., p. 131; СИЭ, т. 6, с. 695. — Согласно БСЭ (т. 20, с. 28), «Кантемир вместе с 11 тыс. молдаван перешел в Россию».

[27] Incrementa atque decrementa aulae Othomanicae. — Из оригинальной рукописи была напечатана лишь небольшая часть: Excerptum ex operibus latinis Demetrii Cantemirii, voivadae Moldoviae. Jassy, 1833.

[28] Антиох Кантемир, сын Д. Кантемира, будучи русским послом в Англии (1732—1738), рукопись названного труда своего отца подарил королеве Каролине; труд Д. Кантемира перевел на английский язык аббат Николай Тиндал (Nicolas Tindal, 1687—1744), — см.: *Guboglu M.* Op. cit., p. 132, прим. 3.

[29] Подробнее об этом труде см.: *Guboglu M.* Op. cit., p. 132—142; Dimitrie Cantemir, historian of South East European and Oriental civilizations. Extr. from The history of the Ottoman empire. With a forew. by Halil Inalcik. Ed. by Alexandru Dutu and Paul Cernovodeanu. Bucharest, 1973. 359 p.

[30] Systema de religione et statu Imperii Turcicii. — Там же, с. 152, прим. 3.

[31] *Пекарский.* Наука и литература, т. I, с. 237.

[32] Материалы для истории имп. АН, т. VI. 1725—1743. СПб., 1890, с. 101. — «История АН» (т. I, с. 467) приводит другое отчество: Иван Иванович Ильинский.

[33] *Радовский М. И.* Указ. соч., с. 10—12. — По другим сведениям (*Guboglu M.* Op. cit., p. 152), Ильинский умер в 1735 г.

[34] Подробнее см.: *Guboglu M.* Op. cit., p. 152 сл.; *Смирнов Н. А.* Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, с. 27.

вучей типографии» в Астрахани 15 июля 1722 г. был отпечатан на трех страницах арабскими буквами красивого рисунка на хорошем османском языке манифест Петра I, обращенный к тюркскому населению предполагаемого района военных действий. Судя по стилю и изяществу слога, перевод манифеста был выполнен лицом, в совершенстве владеющим османским языком; в ту пору это мог быть только Д. Кантемир.[35] Манифест (кажется, в единственном экземпляре?!) сохранился в АВЛОИВ (Р. 1, оп. 7, № 23/1287); здесь же хранится его рукописный немецкий перевод.

Из «Повсядневных записок» — дневника И. Ильинского — известно, что «5 августа (1722 г.,— *А. К.*) войско все в поход пошло. Манифест турецкий 150 (экз.) отослан к Василию Васильевичу чрез переводчика Льва Залеева».[36] Следовательно, в Персидском походе кроме Д. Кантемира был по крайней мере еще один переводчик.

Во время Персидского похода Д. Кантемир списал в Дербенте несколько мусульманских эпиграфических памятников.[37]

С Персидским походом связано и другое важное для истории отечественного востоковедения мероприятие: по приказу Петра I, отданному Казанскому губернатору, были списаны и переведены тексты надгробий Булгарского городища;[38] перевод этих эпитафий впервые был опубликован академиком И. И. Лепехиным (см. с. 68—69).

3. Востоковедение в Академии наук. Г.-З. Байер

Величайшей заслугой Петра I перед русской наукой явилось учреждение — по его идее и его заботами — Академии наук.

28 января 1724 г. Правительствующий Сенат, на основании рассмотренного 22 января 1724 г. Петром I проекта, издал указ «О Академии и о сумме, на содержание оной», который начинался следующими словами: «Его императорское величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги».[39]

Академия делилась на три класса: 1) математический, 2) физический, 3) гуманитарный; последний состоял из трех кафедр:

---

[35] По мнению А. Г. Каримуллина (указ. соч., с. 96), манифест переведен на татарский язык перводчиком А. И. Тевкелевым; о нем см. с. 53.

[36] *Пекарский.* Наука и литература, т. I, с. 237.

[37] К этому же времени относятся его работы «In proemium sinopsis» (содержит перевод части труда арабского писателя о Дагестане и Дербенте), «Descriptio templi Muhammedani in Derbend» (с рисунками) и другие статьи, собранные позднее в сборнике «Collectania Orientalia» (1886), который был опубликован в приложении к VII тому собрания его сочинений (Бухарест, 1888). — См.: *Guboglu M.* Op. cit., p. 159 (ошибочно указаны даты 1876 и 1878).

[38] Подробнее см.: *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 7—8.

[39] *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.—Л., с. 10.

1) краснопречия, 2) истории древней и новой, 3) права, политики, этики.[40]

2 ноября 1725 г. состоялось первое научное собрание (конференция) Академии наук.

Первое торжественное публичное собрание «Академии наук Российской» — так она была названа (один только раз!) на пригласительных билетах — состоялось 27 декабря 1725 г.; впоследствии, вплоть до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., она называлась Императорской Академией наук в С.-Петербурге (в обиходном употреблении: Петербургская Академия наук; по-немецки — Die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg; по-французски — L'Académie Imperiale des Sciences de St. Pétersbourg); затем по июнь 1925 г.— Российская Академия наук, с июня 1925 г. — Академия наук СССР.

Позднее в проекте штатов Академии наук 1735 г. значилась кафедра восточных древностей, хотя организовать ее — вероятно, за смертью Байера (1738) — на удалось.[41]

Официальным признанием востоковедения (еще до организации особой кафедры) дисциплиной, достойной быть представленной в Академии наук, явилось приглашение в составе «первого призыва» академиков востоковеда Готлиба (Теофила) [42]-Зигфрида Байера (Bayer; родился в Кенигсберге 6 января 1694 г., умер в С.-Петербурге 10 (21) февраля 1738 г.),[43] прибывшего в С.-Петербург 17 (6) февраля 1726 г.

«Байеру предоставлена была свобода избрать кафедру или древностей, или восточных языков, или истории, или же, наконец, сделаться историографом Ея Императорского Величества. Он избрал древности и восточные языки, согласно чему и состоялся с ним контракт 3 декабря 1725 г.»,[44] т. е. с момента его отъезда из Кенигсберга, где он служил библиотекарем в местной библиотеке. Круг обязанностей «профессора антиквитетов» Г.-З. Байера «в том состоит, чтоб греческие, римские, а особливо ориентальные древние вещи и языки исправлять; трудиться над историею Е. В. блаженные памяти царя Алексея Михайловича, а по окончании оныя историю протчих государей, царей и великих князей российских равным образом сочинять будет».[45] Байер пре-

---

[40] История АН, т. I, с. 33—34.

[41] Очерки по истории Академии наук. Лингвистические и литературоведческие науки. М.—Л., 1945, с. 30.

[42] Байер вместо латинизированного греческого имени Теофил (Theophillus) называл себя равнозначным немецким именем Готлиб (Gottlieb).

[43] О нем см.: История АН, т. I, с. 643 (по указателю); *Пекарский*. История АН, т. I, с. 180—196; ИИН, № 3092—3093; *Крачковский*. Очерки, с. 35—36; *Babinger F.* Gottlieb Siegfried Bayer (1694—1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien in 18. Jahrhundert. München, 1918; *Таранович В. П.* Академик Т.-З. Байер и его труды по востоковедению (к 200-летию со дня смерти Байера). — АВЛОИВ, ф. 102, № 2; О рукописных трудах Байера см.: *Дорн*, с. 119—120, № 57—59; с. 216—217.

[44] *Пекарский*. История АН, т. I, с. 188.

[45] История АН, т. I, с. 49.

подавал «греческие и римские древности» в так называемой «Карповской школе для сирот и бедных детей», которую учредил Феофан Прокопович (8 VI 1681—8 IX 1736) в Петербурге в 1721 г.,[46] и состоял инспектором Академической гимназии.[47]

Байер еще на родине, в Берлине, начал изучать китайский язык, который и остался на всю его недолгую жизнь наиболее близким ему предметом научных занятий; позднее в Галле он «изучал арабский язык, рукописи и восточные древности у Соломона Ассади, или Негри, бывшего родом из Дамаска. Иоанн Генрих Михаэлис руководил его в изучении ефиопского языка, а Гейнекций — в греческой церковной истории».[48] 11 февраля 1717 г. в Лейпциге Байер получил степень магистра; здесь же он составил каталог восточных рукописей городской библиотеки, для чего ему пришлось заняться также и сирийским языком.[49] По приезде в Петербург Байер принялся за изучение монгольского, маньчжурского, «тангутского» (т. е. тибетского), «браминского» (т. е. санскрита) и калмыцкого языков.[50]

При своем широком интересе к восточным языкам Байер не мог не обратиться к тюркским языкам, материалы и наставников для изучения которых он мог легко и в достаточном количестве найти в Петербурге. Свидетельством интереса Байера к тюркским языкам является его перевод отрывка из «Родословной тюрок» Абу-л-Гази, позволяющий считать Байера первым — по времени — тюркологом в Академии наук (см. с. 77).

Имя Г.-З. Байера упоминается также в истории изучения тюркских рунических енисейских надписей (3-й, 4-й, 5-й памятники из долины р. Уйбат; 1-й, 2-й, 3-й памятники из долины р. Тубы) [51] в связи с его попыткой объяснить знаки этих надписей через кельтское письмо.[52]

Байер по заказу правительства, в связи с русско-турецкой войной 1735 г., составил на немецком языке историческое описание Азова.[53]

---

[46] Там же, с. 125, 141. — «Карповской» эта школа называлась по своему местоположению на р. Карповке (разделяющей Аптекарский остров и Фомин остров, он же Березовый, позднее Городской; ныне Петроградская сторона) близ усадьбы Ф. Прокоповича; ныне на этом месте находятся здания факультетов и клиник 1-го Медицинского института, территория которого ограничена р. Карповкой и улицей Л. Толстого, бывшей Архиерейской, названной так в честь архиерея Ф. Прокоповича, возглавлявшего «ученую дружину» Петра I (см.: СИЭ, т. 11, стб. 603—604).

[47] Там же, с. 126.

[48] *Пекарский.* История АН, т. I, с. 186.

[49] Там же, с. 186.

[50] *Булич*, с. 219.

[51] ДТС, с. XXIV.

[52] *Bayer Th.-S.* Vetus inscriptio prussica. — Commentarii Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae, 1729, t. II, p. 470—481, tab. 29.

[53] См.: *Ливотова, Португаль.* Востоковедение, с. 12, № 12. — Описание переведено на русский И.-К. Таубертом под названием «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (СПб., 1738. 284 с.; 2-е изд. — 1768;

В знак признания ученых заслуг Байера Конференция Академии наук 22 ноября 1734 г. присвоила ему звание профессора восточных языков.[54] «Ученые, входящие в состав действительных членов Академии, именовались в Проекте 1724 г. академиками. Во многих других официальных документах того времени и более поздних они назывались профессорами».[55]

Г.-З. Байер, по мнению большинства историков русского востоковедения, несмотря на свои большие и разносторонние знания и исключительное трудолюбие, не оказал сколько-нибудь существенного влияния на развитие русского востоковедения и не оставил после себя учеников, в чем, может быть, он и не был непосредственно повинен.

4. Деятельность Г. Я. Кера. «Проект Академии, или Общества восточных наук и языков в империи Российской, 1733 г.». Проекты учреждения высшего востоковедного заведения в Казани и С.-Петербурге

В январе 1732 г. по приглашению Коллегии иностранных дел в Петербург прибыл знаток ряда восточных языков Георгий-Якоб (Георгий Яковлевич) Кер (Kehr; родился в Шлейзингене в 1692 г.; умер в С.-Петербурге 5 мая 1740 г.), изучавший восточные языки в университете г. Галле. В 1722 г. Лейпцигский университет присвоил ему ученую степень магистра; до приезда в С.-Петербург он опубликовал в Лейпциге ряд трудов на востоковедные темы.[56] В марте 1732 г. с Кером «был заключен контракт, по которому он поступил переводчиком арабского, персидского и турецкого языков при Коллегии иностранных дел, с обязательством обучать также этим языкам русских юношей, получая ежегодно по 400 рублей жалования, да сверх того наградных по 100 рублей за каждого, в совершенстве обучившегося, студента (судя по документам, подобной награды ему ни разу не пришлось получить). В июне 1732 г. из Московской славяно-греко-латинской академии (осн. в 1687 г.), по требованию Коллегии иностранных дел, в Петербург прибыли для изучения ориентальных языков у проф. Кера шесть [57] учеников: Сергей

3-е изд. — 1782). О сочинении Байера, содержащем сведения о народах Кавказа и Средней Азии, см.: *Ливотова*, *Португаль*. Востоковедение, с. 12, № 21.

[54] *Таранович В. П.* Указ. соч., л. 38.

[55] История АН, т. I, с. 35.

[56] *Пекарский*. История АН, т. I, с. 313—314; см. еще: *Шувалов М. П.* Очерк жизни и деятельности оринталиста Кера. — Сб. Моск. Главного архива МИД, вып. 5, 1893; *Трутовский В. К.* Г.-Я. Кер (1692—1740). Биографический очерк. — Труды Моск. нумизм. об-ва, 2-й полутом, 1898, с. 201—212.

[57] У Веселовского (Сведения, с. 5) и у Булича (с. 368) указано пять учеников; по-видимому, это объясняется тем, что судьба шестого ученика (Чер-

Яковлев, сын подьячего, Петр Воронин, сын церковного сторожа (оба школы богословия), Василий Братищев, сын церковника, Федор Черницын, сын иконописца (оба школы философии), Петр Щукин, сын купецкого человека, и Петр Чекалевский, сын подьячего (оба школы риторики)».[58]

Несмотря на весьма неблагоприятные условия прохождения курса обучения (ученикам поручалась переписка бумаг; им давались и другие поручения, не имевшие отношения к их непосредственным занятиям; крайне скудным было содержание — 8 коп. в день, и т. п.),[59] ученики Кера, видимо, добились известных успехов, так как двое из них — Братищев и Чекалевский — были отправлены в Персию.[60]

Василий Федорович Братищев, девять лет проживший в Персии (1736—1745), «сначала как студент при нашем резиденте, затем переводчик и сам резидент», оставил по себе память книгой: «Известия о произшедших между шахом Надиром и старшим его сыном Реза-Кули-мирзою печальных приключений в Персии 1741 и 1742 годов, ныне сообщенное сочинением канц-советника Василия Братищева» (СПб., при Имп. Акад. наук, 1763. 54 с., тираж 600 экз.).

Другие четыре «ученика ориэнтальных языков» в январе 1737 г., т. е. в конце пятого года обучения, подали в Коллегию иностранных дел прошение с просьбой «уволить их от изучения восточных языков, на которых они никогда не будут в состоянии изъясняться, так как на то требуется „природная своих стран практика“».[61]

Из этого нельзя, однако, сделать — вслед за С. К. Буличем [62] и некоторыми другими исследователями — вывод о полной неудаче преподавательской деятельности Кера. Вероятно, прошение было подано ввиду трудностей в усвоении разговорного языка, хотя определенными пассивными знаниями восточных языков ученики все-таки овладели. В одном из документов Коллегии иностранных дел сказано: «При после господине генерале Румянцеве иметь Коллегии иностранных дел канцеляриста Егора Борисова ... а для писма вместо копииста двух учеников ориэнтальных Сергея Яковлева да Петра Воронина, которые здесь с 1732 года у профессора Кера обучались ориэнтальных языков и из товарищей их Василий Братищев да Петр Чекалевской посланы и ныне в Персии, а Петр Щукин в Константинополе при

ницына) после окончания курса осталась неизвестной. — Ср. также: «В 1732 году пять учеников, умевших говорить по-латыни, поступили в Иностранную коллегию для изучения арабского, турецкого и персидского языков, которые преподавал профессор Кер» (*Смирнов С.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 242).

[58] *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 96.

[59] Подробнее см.: там же, с. 96—98.

[60] Там же, с. 98; *Крачковский.* Очерки, с. 48.

[61] *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 98.

[62] *Булич*, с. 366.

статском советнике Вешнякове... А профессору Керу вместо тех учеников для обучения ориэнтальных языков имеет потребовано быть от Святейшего Синода из московских школ еще молодых учеников двух или трех человек» (Арх. внеш. политики России, «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 177—177 об.).[63]

Таким образом, в результате разысканий Б. М. Данцига выясняется, что пять из шести «учеников ориэнтальных языков» использовались по ведомству русской дипломатической службы; неизвестна лишь судьба шестого ученика — Федора Черницына.[64]

Что же касается присылки «из московских школ еще молодых учеников двух или трех человек», как сказано в цитированном выше документе, то это требование Коллегии иностранных дел встретило сопротивление. Так, еще в 1735 г. ректор Московской академии жаловался в Синод, что немногие ученики заканчивают курс, «ибо инии посылаемы бывают в Санктпетербург для обучения ориентальных диалектов и для камчадальской экспедиции, инии в Астрахань для наставления калмыков и их языка познания, инии в Сибирскую губернию с действительным штатским советником Василием Татищевым, инии в ориенбургскую экспедицию с штатским же советником Иваном Кириловым...».[65]

Тем не менее в 1738 г. к Керу из Московской академии были отправлены для изучения маньчжурского языка два ученика.[66]

Г. Я. Кер был серьезно подготовленным востоковедом (его учителем был известный арабист Соломон Негри, 1665—1729). В историю мировой арабистики Кер вошел тем, что «на анализе 18 монет в 1724 г. дешифровал арабский куфический шрифт, показав, что это лишь разновидность обычного арабского письма, а не особый шрифт, как думали до того».[67]

В 1735 г. Кер был приглашен Академией наук для разбора, описания и составления «каталога о 4000 древних „татарских" монетах, которые из земли выкопаны и ныне в Кунсткамере хранятся».[68]

В результате упорного труда Кер составил описание коллекции монет Кунсткамеры. Фолиант описания, долго считавшийся (как иногда считают и теперь) утраченным (*Дорн*, с. 16), был обнаружен В. Г. Тизенгаузеном в Московском Главном архиве МИД (=ЦГАДА).[69]

---

[63] *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.), с. 9.

[64] Там же, с. 10.

[65] *Смирнов С.* Указ. соч., с. 243.

[66] Там же, с. 242.

[67] *Крачковский.* Очерки, с. 36; *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 92.

[68] *Станюкович.* Кунсткамера, с. 88; *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 92; ср.: *Дорн*, с. 16 («8000 арабских и татарских монет»); *Тизенгаузен В. Г.* Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1878, с. 4 («6000. . . монет»).

[69] Sacrae Caesareae Majestatis Ruthenorum Thesaurus Orientalis plusquam sex millium antiquorum Numismatum Arabicorum, Tataricorum ac Mauro-

Дорн (с. 121, № 65) упоминает еще об одном нумизматическом труде Кера, оставшемся в рукописи.

Со смертью Кера (1740) надолго — до избрания Х. Д. Френа ординарным академиком (24 сентября 1817 г.) — прекратилось систематическое изучение нумизматической коллекции Кунсткамеры, хотя время от времени к ней обращались Паллас, Клапрот и др.[70]

Предложение, сделанное Керу,— разобрать и описать нумизматическую коллекцию Кунсткамеры — дало основание П. С. Савельеву (Предположение, с. 28) и Н. И. Веселовскому (Сведения, с. 10) ошибочно полагать, что Кер был«утвержден академиком».

Кер никогда не состоял в списках действительных членов Академии наук,[71] что, однако, не мешало ему принимать деятельное участие в ее научной жизни; так, например, незадолго до своей кончины, 25 июня 1739 г., Кер прочитал в Академической конференции латинский (?) перевод персидского текста астрономических таблиц знаменитого самаркандского ученого Улугбека (1394—1449).[72]

Работоспособность Кера была поистине удивительной, что красноречиво подтверждает его архив, хранящийся в ЦГАДА (ф. 191, 145 ед. хр.).[73] Небольшая часть рукописного научного наследия Кера находится в АВЛОИВ (ф. 26),[74] где хранится его немецкий перевод сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрок» (см. с. 77), а также сделанная им собственноручная копия с не дошедшего до нашего времени списка 1714 г. сочинения тимурида, основателя династии Великих Моголов, Захир ад-дина Бабура (1482—1530) «Записки Бабура»[75] и латинский перевод части (л. 1 об.—459 об.) этого труда: «Latina interpretatio Mscti Tataro-Indici Babur Namäh i. e. Indo-Mongolici primarii Monarchae Baburi Historiae authenticae rerum ab ipso gestarum ab ipso compositae»;[76] затем следует приписка арабскими буквами: «Кер, профессор, в Петербурге, 1737». Часть его архива хранится также

Indicorum. . . a Professore Georgio Jacobo Kehr in ordinem digestus atque Commentario ex rarissimis Orientalibus libris compluribus illustratus. — См.: *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч., с. 3—4, 17; о том же см.: Труды 3-го Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I. СПб., 1879—1880, с. 3—4, 17; *Бартольд.* Соч., т. IV, с. 358—361.

[70] Подробнее см.: *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч.

[71] См.: Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. I. 1724—1917. М., 1974.

[72] Подробнее см.: Материалы для истории имп. АН, т. VI, 1725—1743. СПб., 1890, с. 494—495.

[73] См.: ЦГАДА. Путеводитель. М., 1946, с. 149—150; *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 91, 92—93, 98—101; см. еще: *Белокуров С.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1899, с. 91—93.

[74] *Дорн*, с. 121, № 61, 62, 64, 65, 66.

[75] См.: *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М., 1965, № 76.

[76] *Дорн*, с. 121, № 62 (здесь заглавие перевода передано неточно).

в РО ГПБ: «Каталог рукописей проф. Кера» (11 листов) (Немецк. F. XVIII, № 12).[77]

Н. И. Ильминский, издавший «Записки Бабура» по керовскому списку, писал: «Решимость пожертвовать несколькими месяцами ежедневной работы списку Бабер-намэ доказывает, что Кер оценил важность этого сочинения, но, как видно из его латинского перевода, он не вполне знал джагатайское наречие. Хотя повсюду видны признаки добросовестной и заботливой копировки, Кер, по местам не разобрав слов, не могши угадать их по смыслу, должен был писать наобум какие-то неявственные черты; его непривычное к джагатайской грамоте перо не могло не делать ошибок и опущений».[78]

Позднее «Записки Бабура» в подлинном тексте заинтересовали О. И. Сенковского; в мае 1824 г. он собственноручно снял копию с экземпляра списка этого сочинения, «принадлежавшего Назарбаю Туркестани», хранящуюся ныне в РОЛОИВ.[79]

Две обстоятельные статьи Г. Ф. Благовой, посвященные истории изучения «Записок Бабура», избавляют меня от необходимости пересказывать здесь некоторые подробности, связанные с изданием и изучением этого сочинения.[80] Отмечу только, что полный русский перевод этого интересного сочинения был осуществлен уже в наше время.[81] Оригиналом для этого перевода послужил Хайдарабадский список, изданный факсимиле в Лондоне (1905) английской исследовательницей А. Беверидж.[82]

Из многочисленного научного наследия Кера в России были напечатаны спустя много лет после его смерти лишь две работы

---

[77] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889. СПб., 1893, с. 34, № 15.

[78] «Бабер-намэ», или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857, с. IV. — Позднее Н. И. Ильминский (Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. — УЗКУ, 1861, кн. III, с. 39, прим. 1) установил правильное чтение этого имени— Бабур. Кер (см. заглавие его перевода) правильно читал это имя.

[79] См.: *Дмитриева Л. В.*, *Мугинов А. М.*, *Муратов С. Н.* Указ. соч., № 78.

[80] *Благова Г. Ф.* 1) К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по керовскому списку. — КСИНА, 1961, т. XLIV, с. 89—105; 2) К истории изучения «Бабур-наме» в России. — Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 168—176.

[81] «Бабур-наме. Записки Бабура». Пер. М. [А.] Салье. Ташкент, 1958.

[82] Zahīraddīn Bābur. Bābur-nāma. Memoirs of Bābur. Trans. from the original Turki text by A. Beveridge. London, 1905; 2-е изд.: 1922. Переиздано фирмой «Otto Harrassowitz». Wiesbaden, 1970. — Новое критическое издание мемуаров Бабура: Bâbûr-nâme. Mémoires de Zahiru'ddin Muhammed Bâbur. Edition critique et traduction de la chronique des années 899 a 908 de l'Hegire, d'après les manuscrits Elphinstone, de Haydarâbâd et de Téhéran, précédées d'une intoduction phonologique. Thèse présentée pour le doctorat de troisième cycle par Jean-Louis Bacqué-Grammont. 1969; Le livre de Babur — Babur-Nama Mémoires de Zahiruddin Muhammad Bâbur traduit du turc tchaghatay par Jean-Louis Bacqué-Grammont, annoté par J.-L. Bacqué-Grammont et Mohibbul Hasan. UNESCO, 1980. 478 p. — «Трактат об арузе» («Мухтасар») — другое крупное сочинение Бабура — издан И. В. Стеблевой в серии «Памятники письменности Востока», XII (М., 1972) и С. Хасановым (*Бобир З. М.* Мухтасар. Тошкент, 1971).

«Проект Академии, или Общества восточных наук» (см. с. 19) и «Азбуки восточных языков».[83]

Г. Я. Кер, которого некоторые его современники считали «за большого чудака, почитавшего выше всего свою восточную ученость»,[84] нашел в России свою вторую родину и проникся глубоким пониманием задач, стоявших в то время перед практическим и научным востоковедением в России, о чем убедительно свидетельствует его проект Восточной академии.

В 1733 г. Кер составил грандиозный по тем временам — фантастический, по мнению одних, вполне реальный, по мнению других (см. ниже),— проект «Academiae vel Societatis Scientiarum atque Linguarum Orientalium in Imperii Ruthenici emolumentum et gloriam instaurandae simul et ad autore hujus consilii, hisce in studiis XXV annorum exercitatione experto, dirigendae» (Академия, или Общество восточных наук и языков, которая должна быть учреждена на благо и во славу Российской империи и управляема автором сего проекта, обладающего опытом 25-летнего упражнения в этих науках).[85]

До Кера с проектом организации востоковедного образования в России — правда, значительно более скромным по размаху — выступил немецкий математик и философ Г.-В. Лейбниц (1646—1716), который, разрабатывая по поручению Петра I систему просвещения для России, ввел в программу высшего образования древнееврейский и арабский языки.[86]

---

[83] Азбуки профессора восточных языков при имп. Академии наук Георгия Яковлевича Кера. С подлинника, хранящегося в Рукописном отделении Библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел (ныне: ЦГАДА, ф. 191, — *А. К.*). Издание первое в 45 экземплярах . . . сделанное способом фотолитографическим, Москва, 1876. — Это издание содержит 137 азбук, которые иллюстрируются переводами «Отче наш».

[84] *Пекарский.* История АН, т. I, с. 313.

[85] Латинский оригинал проекта Кера, найденный Х. Д. Френом в Архиве АН, опубликован в приложении к книге: Das muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. Vorläufiger Bericht vom Director des Asiat. Museums Ch. M. Frähn. СПб., 1821. — Подлинник проекта хранится в АВЛОИВ (ф. 26). — О большой и кропотливой работе, предшествовавшей выработке окончательного варианта проекта, свидетельствуют материалы, хранящиеся в ЦГАДА (ф. 191, № 11): «Societatis Litterariae, Academiae, Seminarii que Orientatium Linguarum atque Scientiarum Subsidia»; здесь же хранится черновик опубликованного варианта проекта. Проект Кера в несколько сокращенном переводе на русский язык опубликован: *Савельев.* Предположения; см. еще: *Шувалов М. П.* Указ. соч., с. 102—107; Азиатская академия. Заметки профессора Хаханова о проекте Кера и проекте графа Уварова с критическими замечаниями Де-Местра. — Кавказский вестник, 1902, № 8—9, с. 44—49. — Полный перевод проекта Кера на русский язык по изданию Х. Д. Френа осуществлен И. Ф. Фихманом (старшим научным сотрудником ЛОИВ), с любезного разрешения которого я пользуюсь рукописью его перевода.

[86] *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII—1-я пол. XIX в.). — НАА, 1970, № 4, с. 133—139; см. также: По поводу мысли Лейбница об учреждении университета в Астрахани. — ЖМНП, 1859, ч. 102, отд. VII.

Настоятельная необходимость учреждения в России Академии восточных наук и языков мотивировалась Кером соображениями, которые излагаются ниже (с незначительными сокращениями).

«1. Российская империя вела, ведет и будет вести постоянную переписку на турецко-татарском языке с Турецким султаном, Крымским ханом, князьями Кабардинскими и другими — Черкесскими, Дагестанскими, Ширванскими и проч.

Равным образом: с ханами Киргизскими, Тарханскими, Башкирскими ханами и султанами Узбеко-Хорезмийско-Бухарскими.

Равным образом: весьма частую переписку на персидском языке производит с Персидским шахом и Бухарскими государствами; и, возможно, вскоре также и с императором Восточной Индии, именуемым обычно Великим Моголом.

2. Нередко Черкесским князьям и многим другим вручаются послания и правительственные бумаги Российской империи и посылаются таковые, которые затем должны быть обязательно доведены до сведения их подданных на их природных языках.

Эти письма и распоряжения должны быть написаны орфографически правильно и четко, каллиграфически же изысканно и изящно, дабы затем эти подданные не оправдывали бы свое непослушание ссылкой на неясность текста.

Равным образом: Великому императору Индии в дальнейшем придется отправлять послания, изысканнейшим образом составленные и написанные.

3. К Российскому императорскому двору весьма часто прибывают посланцы азиатских государств в сопровождении единоземцев, по их понятиям достаточно образованных. Для бесед с ними нужны же люди образованные, грамотные, обходительные, душевные и сведущие, а также требуются устные переводчики, именуемые обычно толмачами.

4. Бывает, что сановники Российской империи, лишенные досуга для занятия восточными штудиями, а также восточные переводчики, необразованные вопреки ожиданию, нуждаются в сведениях о некоторых либо древних, либо современных названиях восточных областей, городов, рек, гор, о восточных царях, князьях и их семьях, притязаниях, правах и других восточных делах, достойных упоминания, иногда для серьезных государственных дел, иногда в порядке удовлетворения любознательности. Откуда почерпнут они эти сведения?

5. В исторических сочинениях, написанных на татарском, турецком, персидском и латинском языках, встречаются сообщения, достойные быть отмеченными для вящей пользы Российской империи.[87] Но до сих пор не существует ни соответствующего хронологического их упорядочения, ни сопоставления сообщений разных авторов, ни сравнения событий, имевших место одновременно в разных странах, ни, наконец, надлежащего сличения, описания и толкования всех восточных имен собственных, в соответствии с разноязычьем говорящих, по-разному в разных странах произносимых.

6. Назначенным в пограничные с Турцией, Персией, Татарией, Бухарой земли Российской империи военачальникам, губернаторам, правителям, советникам, судьям необходимо знать, каким образом, действуя в соответ-

---

[87] Из содержания этого пункта следует, что Кер первым из востоковедов определил одну из главнейших задач русского научного востоковедения, сохраняющих свое значение и поныне: изучение восточных источников для освещения истории народов России; позднее — в XIX—XX вв. — это направление отечественного востоковедения поддерживалось Х. Д. Френом, М. А. Казем-Беком, В. В. Григорьевым, Н. И. Веселовским, В. Р. Розеном, В. В. Бартольдом, В. Г. Тизенгаузеном, И. Ю. Крачковским, А. Ю. Якубовским и другими выдающимися востоковедами.

ствии с обычаями отцов этих народов, склонить их на свою сторону и укрепить в них благосклонность к Российской империи.

7. По причине секретных императорских дел, весьма часто имеющих место, Российской империи для ее же большей безопасности необходимы мужи и юноши, пригодные для выполнения поручений на Востоке, из среды самого русского народа. Каковые должны быть хорошо подготовлены к этой ответственной должности загодя, путем длительного и упорного упражнения.

Из этих обстоятельств со всей очевидностью вытекает потребность в данной Академии».

Для осуществления всего сказанного выше, по мнению Кера, требовались:

«1. Переводчики грамотные, знакомые с правилами герменевтики и экзегетики и настолько сведущие, чтобы могли они чисто, точно и изящно перевести и выразить любые арабские, персидские, турецкие, татарские и другие тексты в соответствии со смыслом и весом каждого восточного слова.

2. Письмоводители и каллиграфы или восточные секретари, опытные в написании писем возможно более изысканных, каковые не только умели бы правильно читать всякого рода турецкие, персидские и арабские документы, но и сами могли бы искусно составлять их и блистательно писать.

3. Устные переводчики, или так называемые толмачи восточных языков, которые на арабском, персидском и турецком языках с научной рассудительностью могли бы вести беседу с восточными послами о словесности, на естественнонаучные и прочие древние и современные предметы, в особенности на исторические и географические.

4. Восточные библиотекари, архивариусы, знатоки дипломатики и нумизматы, полиглоты, полигисторы и, наконец, знатоки всеобщей мудрости, искусные собиратели восточных древностей, энциклопедически образованные педагоги, систематизаторы и толкователи этих древностей, хорошо сведущие в истории и одаренные философской проницательностью, с тем чтобы они были живыми инвентарями и живыми сокровищницами восточных дел, встречающихся в документах.

5. Латино-греко-русско-татаро-турецко-персидско-арабские историки, антиквары, филологи и критики, которые сумели бы извлечь и применить на пользу Российской империи некоторые сведения из наиболее отборных историй, написанных на этих языках.

6. Восточные полигисторы, опытные в политике и праве, которые могли бы служить своего рода советниками при восточных посольствах и добывать из восточных и других сочинений правила и наблюдения, весьма полезные для использования в своих интересах и привлечения на свою сторону и подчинения Российской империи восточных народов.

7. Профессоры, опытнейшие во всех этих предметах и пригодные обучать юношей всем этим наукам, каковые, однако, должны бы быть поощрены сравнительно большим жалованием.

Из их числа можно будет также назначать миссионеров для обращения мусульман в христианскую веру».

Имеющиеся пособия, по мнению Кера, не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям:

«Ибо печатные турецкие, персидские и арабские грамматики либо слишком кратки, неполны и увечны; либо, если они и более обстоятельны, то они во всяком случае в какой-то степени туманны и, наконец, не содержат удовлетворительных парадигм.[88]

[88] Оценка, данная Кером существовавшим в его время пособиям по турецкому языку, представляется мне излишне строгой; грамматики османского языка Мегизера (1612), Дю Риё (1630), словарь (1660) и грамматика (1680)

По каллиграфии и дипломатике этих языков до сих пор ничего не издано.
Словари этих языков — редчайшее явление и совершенно неудовлетворительны; но они могут и должны быть пополнены колоссальным вкраплением не только слов, но и отдельных выражений.
И прежде всего татарский язык еще не сведен в словарь и грамматику, невзирая на всю потребность в нем.
Нет еще удовлетворительных книг-разговорников, сборников изречений и афоризмов арабских, персидских и турецко-татарских.
Кроме истории Абу-л-Фараджа, Евтихия Александрийского, изданных Пококкио и Гагнером, на арабском и латинском языках, нет больше светских историй, чтение которых могло бы принести какую-нибудь пользу в Российской империи.
В самом деле, восточные книги, до сих пор изданные, служат только либо богословам и священникам для толкования священной Библии, либо свободным от дел образованным людям для удовлетворения пустой любознательности; либо, наконец, они препарируются ради добывания хлеба без тщательного старания по частям, в неупорядоченном виде младшими академическими магистрами, лишенными подлинного опыта работы с восточной литературой.
Необходимые пособия: Грамматико-критических толкований, лексических и реальных словарей, номенклаторов, фразеологий, пособий по изящному стилю, образцов и наблюдений по орфографии, каллиграфии и дипломатике, снабженных методическими указателями и наглядными примерами, руководств по письмоводству, разговорников, руководств по древностям, церемониалу, истории, хронологии, генеалогии, географии, нумизматике и другим достойным внимания дел и сочинений, из арабско-мавританского, персидско-бухарского и турецко-татарского собранных, на латинском изложенных и на вкус ученых мужей расположенных и поясненных автором и составителем Георгом Якобом Кером, восточных языков профессором и переводчиком, частично выполненных, частично еще подлежащих выполнению и с недавнего времени начатых и таким образом расположенных, чтобы все они служили в качестве полного инвентаря для изложения восточных языков. Специальный каталог всех этих неусыпных трудов, занятий, сочинений, опытов, принципов и методов, составленный автором Кером, мог бы быть предъявлен.
Пособия желательные, подлежащие приобретению в других странах: Рукописные кодексы историко-географо-политические, арабо-персидско-турецкие; либо следует переписывать их с рукописей восточных библиотек Германии, Голландии, Англии, Франции, Испании и Италии силами некоторых молодых людей, приобревших навыки арабской скорописи и получивших научную подготовку в этих языках, и пересылать их через российских послов в императорскую коллегию; либо они могут быть истребованы с мусульман, подданных Российской империи как своего рода чрезвычайная и весьма терпимая дань через российских губернаторов, поставленных во главе этих мусульманских народов; либо: они должны быть добыты в результате покорения в будущем городов Самарканда, Бухары и других, поскольку в них имеются и торговцы восточными рукописями, книгохранилища; либо, наконец, они смогут быть приобретены путем товарообмена с купцами, торгующими книгами в городе Бухаре. Также: турецкие книги, печатанные в турецкой Константинопольской типографии, дешево могут быть приобретены находящимся там послом Российской империи. Также: приборы для арабского и персидского скрипториев, в общей сложности в тысячу каламов, следует приобрести и переслать императорской коллегии через того же посла, а также через

османского языка Менинского и ряд других пособий создали к началу XVIII в. весьма солидный фундамент для преподавания и научного исследования грамматики и лексики османского языка. Подробнее см.: *Кримський.* Тюрки, с. 464—474; *Babinger F.* Die türkischen Studien in Europa bis zum Auftreten Josef von Hammer-Purgstalls. — Die Welt des Islāms, 1919, Bd 7, H. 3—4, S. 103—129; *Кононов.* Очерк, с. 15—23.

российского посла в Персии. Также: все относящееся к азиатским языкам и письменности, монетам, древностям, что собирается в Сибири камчатскими путешественниками и посылается сюда, все это в целом могло бы служить для оборудования восточной библиотеки, на пользу этой новой Восточной Академии, коль скоро никто в Академии наук турецко-татаро-персидские письмена не понимает.

Польза:

1. Если эта Восточная Академия, или Общество, учредится и поддержана будет в сохранном состоянии, то наверняка явятся люди, готовые, с божьей помощью, служить на пользу и славу Российской империи, пригодные военачальники, губернаторы, правители, советники, судьи и другие для назначения их в пограничные с Турцией, Татарией, Бухарой и Сибирью области, каковые хорошо умели бы всякими ласками привлекать соседние восточные народы и постепенно приятным образом присоединить их к Российской империи, а также сохранить их в душевном расположении и готовности служить русским и в добровольном подчинении и послушании их нашей августейшей императрицы.
2. Вместо отдельных Российской империи чиновников, военачальников, губернаторов, правителей, советников, лишь по временам обремененных делами, касающимися азиатских народов, отчасти граничащих с территорией Российской империи, отчасти и дружественных, в дальнейшем всегда будут и смогут быть готовые к услугам разного рода и разных видов грамотные, образованные и опытные каждодневными упражнениями русские юноши и мужи, которые сумели бы удовлетворительно обеспечить каждое и любое турецкое, татарское и персидское, а также и арабское дело в зависимости от обстоятельств, либо полностью, либо частично, и способствовать выгоде и мощи всей Российской империи. . .».

«Возможности и благоприятные обстоятельства:

1. Книги и письма турецко-татарские, персидские, арабские и другие чужеземные тексты, хранящиеся в императорской коллегии иностранных дел.
2. Ящик, наполненный письмами татарскими, турецкими, персидскими, арабскими и другими, который превосходительнейший граф Дуглас давно хотел передать императорской коллегии иностранных дел и все еще ждет случая для передачи.
3. Четыре ящика, наполненных книгами и документами, которые превосходительнейший генерал Левашов вывез из Ширвана как добычу и до сих пор хранит у себя.

Все это имеется уже в наличии и немедленно может быть представлено для создания избранной Восточной библиотеки, обслуживающей данную императорскую Академию, или Общество; каковая библиотека затем легко может быть все более и более умножена посредством искомых и из других стран запрашиваемых пособий, а также пополнена плодами неусыпных наблюдений семи видов восточных ученых, ранее уже отмеченных.

Под рукой уже опытнейший доктор Мессершмидт.[89] Кроме того, при императорской коллегии имеются многие искушенные в азиатских делах секретари, переводчики и толмачи, как-то для турецкого и татарского языков: секретарь Суда,[90] весьма сведущий в турецком языке; переводчик Синевич, отлично говорящий по-турецки; Мустафа-Ахмад, в совершенстве владеющий письменной и устной татаро-турецкой речью;

для персидского и турецкого языка:

---

[89] О нем см. с. 59.

[90] Секретарь Иностранной коллегии Жан де ла Суда́, осужденный по делу Артемия Петровича Волынского, наказанный плетьми (27 VI 1740) и сосланный на Камчатку (см.: *Корсаков Д. А.* Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891, с. 286), выведен в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (М., 1959; см. вступ. статью М. В. Нечкиной, с. 22, 26) под именем Зуда́. В начале 1741 г. Суда́ был помилован и вернулся в С.-Петербург.

Бикри Христофор, воспринявший от родителей персидский и турецкий языки;

для арабского, персидского, турецкого, сиро-халдейско-самаритано-пунического, эфиопско-абиссинского, греческого и латинского языка всегда в состоянии готовности Георг-Якоб Кер, императорский профессор восточных языков.

Затем:

для языков и текстов калмыцко-монголо-манчжурских и китайских: Теофил-Зигфрид Байер,[91] профессор древностей, академик, и Бухарт,[92] блестяще подготовленный юноша, недавно вернувшийся в С.-Петербург из Пекина, столицы китайского императора;

для китайских текстов предыдущий, а также Бакунин, секретарь восточных посольств; для манчжурских он, вместе с Петром Смирновым,[93] переводчиком калмыцких текстов, прекрасно владеющий и их письмом; и они могли бы стать членами данной Восточной академии, или Общества словесности, и, вместе с вернувшимся Муртазой Тевкелевым,[94] сотрудниками профессора Кера.

Наконец, юноши, знающие восточные языки, находящиеся при русских послах в Германии, Голландии, Англии, Франции, Испании, Португалии и Италии, могли бы за не столь уж большую плату помочь в переписке восточных кодексов, хранящихся в знаменитых библиотеках».

В числе первоклассных знатоков татарского языка Кер мог бы назвать также митрополита Тобольского и Сибирского Антония Стаховского (см. с. 87).

При рассмотрении вопроса о степени реальной осуществимости проекта Кера следует принять во внимание тот немаловажный факт, что кроме названных Кером «секретарей, переводчиков и толмачей» в русской миссии в Константинополе были свои переводчики и толмачи из русских.

Из письма, отправленного в С.-Петербург 6 июня 1731 г. русским резидентом в Константинополе (с 1721 по 1735 г.) Иваном Ивановичем Неплюевым, известно, что в то время при русской миссии переводчиками состояли Маринин, Сенюков (см. с. 37), Бакунин, Похвиснев (с братом).[95]

Об успехах Ф. Сенюкова в изучении турецкого языка свидетельствует хранящаяся в РОБАН в Ленинграде (шифр 17.8.6) копия перевода на русский язык турецкой книги «Краткое описание Турецкого государства», выполненного «в Константинополе подьячим Федором Сенюковым в 1726 году». Копия снята в 1737 г. для БАН со списка перевода (оригинала?), принадлежавшего П. Н. Крекшину.[96] Кроме переводчиков и толмачей,

---

[91] О нем см. с. 40.

[92] О Бухарте (Пухарте) см.: *Булич*, с. 372.

[93] О нем см.: *Булич*, с. 404.

[94] По принятии русского подданства — Алексей Иванович Тевкелев; о нем см.: *Веселовский*. Сведения, с. 6; *Попов Н.* В. Н. Татищев и его время. М., 1861, с. 173—175; *Ханыков Я. В.* Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева. — Временник Московского общества истории и древностей российских, 1852, кн. 13, раздел «Смесь», с. 19—21.

[95] *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.), с. 23.

[96] Указанием на этот труд Ф. Сенюкова я обязан любезности И. Г. Добродомова.

число которых постепенно росло, появилась и новая категория служащих миссии: ученики, готовящиеся к переводческой деятельности; в 1741 г. их было шесть.[97] Русская миссия в Константинополе, как видно из финансовых отчетов, регулярно выплачивала жалование учителям турецкого и греческого языков.[98]

Русский резидент Алексей Андреевич Вешняков (с 1734 по 1745 г.) постоянно заботился о подготовке переводчиков; 15 июня 1740 г. Вешняков писал в Коллегию иностранных дел: «Необходимо нужно нам обзаводиться своими (переводчиками, — *А. К.*) и чтоб установить какое основание, как есть у французов школы в Париже, и здесь учат человек по тридцати: и так ныне везде своих имеют, также и нам надобно набрать сколько можно и из таких, которые годиться будут и еще в России учить . . . По слабейшему нашему мнению, выбрать из Спасской латинской школы в Москве умеющих по-латыне молодых острых дворянских детей и велеть учить в особливой школе по-турецки и гречески, также и по-итальянски».[99]

При Вешнякове было 13 учеников, среди них находился освобожденный из турецкого плена Семен Дементьев, который «по-турецки говорит, как природный, пишет рукой дивной, читает свободно».[100] Список учеников при Российском посольстве в Константинополе, занимавшихся турецким языком у турка Хафиза-эфенди, приведен в рапорте Петерсона (от 16 XI 1775).[101]

Русско-турецкая война 1736—1739 гг. вновь возбудила повышенный интерес к Турции, к ее истории и современному состоянию. В 1748 г. питомцы Сухопутного кадетского шляхетского корпуса капралы Шокуров и Колычев отосланы были в Иностранную коллегию «для обучения турецкого, итальянского и персидского языкам» (ЦГВИА, ф. 314, оп. 1, т. I, № 2184). Кадет того же корпуса Алексей Мусин-Пушкин в том же году отослан в Иностранную коллегию «к отправлению для обучения турецкого и итальянского языков в Константинополь» (там же, оп. 1, т. 2, № 2200.— Этими сведениями я обязан С. Н. Травникову).

Продолжая намеченную еще Петром I линию — переводить и публиковать книги о Турции,— Академия наук издала в русском переводе профессора элоквенции В. К. Тредиаковского два труда, имеющих отношение к ее истории.[102]

---

[97] *Данциг Б. М.* Из истории изучения Ближнего Востока в России (вторая четверть XVIII в.), с. 23.

[98] Там же, с. 24.

[99] Там же.

[100] Там же, с. 25.

[101] Сборник имп. Русского исторического об-ва, т. XV, с. 518—520.

[102] 1) Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильи. . ., ч. 1—2. СПб., 1737; 2) Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе 1730 и 1731 года при низложении Ахмета III и возведении на престол Магомета V (ошибка: Ахмеду III наследовал Махмуд I, — *А. К.*). СПб., 1738. — К этому событию имеет непосредственное отношение «Описание, присланное из Константинополя от бывшего тамо резидента Ивана Неплюева о бунте, случившемся в сентябре месяце 1730-го года, которым салтан Агмет с престола

Рано в России появился интерес и к турецкой литературе,[103] который, вероятно, являлся производным от интереса к Турции и туркам, возникшего еще в середине XV в., сразу же после взятия Константинополя турками (1453).

Подготовка переводчиков в Константинополе, переводы книг о Турции, внимание к турецкой литературе служат бесспорным доказательством не только пристального интереса к Турции, ее истории, языку, литературе и современному состоянию, но и наличия лиц, способных удовлетворять этот интерес.

Принимая во внимание все сказанное выше, а также быстрое и успешное развитие наук и искусств в первой половине XVIII в., проект Академии восточных наук и языков, предложенный Кером, следует рассматривать как в общем реальный и осуществимый, по крайней мере в основных пунктах. По мнению И. Ю. Крачковского, проект Кера «являлся вполне удачной по своему времени попыткой синтеза теории и практики в востоковедной работе, которая стала осуществляться планомерно почти через два века».[104] Известным подтверждением реальности проекта Кера или по крайней мере его важности для России является вынашивавшийся в свое время (50-е годы XVIII в.) М. В. Ломоносовым — может быть, не без влияния идей Кера — проект «Ориентальной Академии».[105]

В предварительной подготовке будущих «учеников ориэнтальных языков» существенную роль, как видно из изложенного, играла Московская славяно-греко-латинская академия, дававшая своим питомцам крайне необходимую для усвоения восточных языков общую подготовку, основанную на изучении церковнославянского, греческого, латинского и древнееврейского (с середины XVIII в.) языков. В Киевской духовной академии (основана в 1654 г.) начиная с 1738 г. преподавались древнееврейский, немецкий и греческий языки.[106]

свержен, а на место его племянник Магмут возведен нижеписанным порядком» (АВЛОИВ, Р. I, оп. 7, № 37, 34 л.). Сохранились еще две рукописи, повествующие об этом же событии: 1) «Relation historique de l'importante Révolution arrivée à la Porte Ottomane le 28 Septembre 1730 accompagnée de réflection et de remarques, en faveur de ceux qui n'ont qu'une légère connaissance des moeurs et des coutumes des Turcs» (АВЛОИВ, Р. I, оп. 7, № 16, л. 1—57 — текст, л. 58—77 — примечания; *Дорн*, с. 117, № 38); 2) «Relation des troubles arrivées à la Porte Ottomane le 28 Septembre 1730» (АВЛОИВ, Р. I, оп. 7, № 25, 26 л.; *Дорн*, с. 117, № 39).

[103] Подробнее см.: *Михайлов М. С.* Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии. — В кн.: Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 275—320; *Боролина И. В.* Из истории первых переводов турецкой художественной литературы в России. (По материалам русской периодической печати XVIII в.). — В кн.: Вопросы тюркской филологии. М., 1966, с. 180—213. — Известный труд «Giambattista Toderini (1728—1799). Letteratura Turchesca» (Venis, 1787) в «свободном переводе» под названием «Известия о турецкой литературе» частично был опубликован в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (М., 1791, ч. II, с. 195—246).

[104] *Крачковский.* Очерки, с. 37.

[105] История АН, т. I, с. 408.

[106] *Веселовский.* Сведения, с. 41—44.

Свою долю в подготовку будущих слушателей «Ориентальной Академии» внесла бы и основанная Ф. Прокоповичем в С.-Петербурге в 1721 г. школа (см. с. 42), в которой преподавались грамматика, славянское чтение, русский, латинский, греческий языки, риторика, логика, арифметика, геометрия. С середины XVIII столетия эти же функции — предварительной подготовки будущих востоковедов — мог бы выполнять Московский университет (основан в 1755 г.) и гимназия при нем.

Однако общее состояние государственных дел в послепетровской России не способствовало развитию наук и искусств. «Ориэнтальная школа» Кера, равно как и «школы» японского и китайского языка, действовали еще некоторое время после Петра I, вероятно, в силу инерции, сообщенной его идеями, направленными на создание научного востоковедения в России. Немаловажное значение для судьбы проекта Кера имела преждевременная кончина его автора (1740).

Удивительная научная и практическая прозорливость Кера, глубоко проникшегося пониманием значения научного и практического востоковедения для России того времени и усмотревшего в зарождающемся русском востоковедении его великое будущее, получила практическую реализацию в начале XIX в. в новом регламенте Академии (1803), в первом общем уставе русских университетов (1804) и, наконец, в создании Азиатского музея АН (1818).

В начале XIX в. (примерно в 1803—1804 гг.) с «Запиской об образовании Азиатской Академии» выступил Иван (Ян) Осипович Потоцкий (1761—1815/1816), историк, этнограф, литератор, который, по-видимому, не знал о существовании проекта Кера, проект Потоцкого не был реализован,[107] хотя содержал ряд весьма полезных предложений.

В середине 80-х годов XVIII столетия Ф. Янкович де Мириево (см. с. 131) предложил свой «План о заведении училища восточных языков». В 1806 г. попечитель Казанского учебного округа С. Я. Румовский, с целью сосредоточить преподавание восточных языков в одном учебном заведении, предложил учредить «Главное для восточных языков училище». Предложение Румовского горячо поддержал Х. Д. Френ, возглавивший в 1807 г. арабо-персидскую кафедру в Казанском университете.

В 1810 г. С. С. Уваров (позднее президент АН и инициатор создания Азиатского музея АН, см.: с. 111) выступил с проектом Азиатской академии.

В 1826 г. совет Казанского университета одобрил предложение о создании в Казани Института восточных языков.

---

[107] Проект И. О. Потоцкого относительно создания Азиатской Академии в России. (Публикацию подготовила Н. В. Таирова). — НАА, 1973, № 2, с. 202—207. — Здесь на с. 202 сказано, что И. О. Потоцкий был почетным и действительным членом Академии наук, однако И. О. Потоцкий был только почетным членом АН; см.: Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. I. 1724—1917. М., 1974, с. 204.

В 1829 г. О. И. Сенковский (см. с. 156) составил «Записку о необходимости учредить при Санктпетербургском университете особый полный класс восточных языков».

В 1841 г. возник проект открыть «отдельный при Казанском университете Восточный институт»; в процессе его разработки учреждение получило новое название — Азиатский институт, который решено было создать в С.-Петербурге.

В декабре 1851 г. в С.-Петербурге был организован комитет «для изготовления проекта и штата Азиатского института»; в результате деятельности этого комитета явился «Проект устава и штата Императорского Санкт-Петербургского Азиатского института».

И этот проект, как и все предыдущие, реализован не был. 8 февраля 1854 г. министр просвещения А. С. Норов представил Николаю I доклад «О замене предполагаемого Азиатского института Факультетом восточных языков при С.-Петербургском университете». Этот проект был реализован: 22 октября 1854 г. Николай I подписал Указ Правительствующему Сенату об учреждении Факультета восточных языков С.-Петербургского университета [108] (см. с. 162).

5. Собирание лингвистических материалов экспедициями Академии наук в XVIII в.

Востоковедные штудии, время от времени проводившиеся в стенах Академии, после смерти Байера (1738) и Кера (1740) совершенно замерли, и в ней «ни одного азиатским языкам искусного человека не осталось».[109] Это безрадостное для нашего востоковедения положение было закреплено Регламентом 1747 г.

24 июля 1747 г. в Царском Селе Елизавета Петровна утвердила — «быть по сему» — «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге», согласно которому «класс гуманиора» (гуманитарные науки) переводился в Академический университет, а в самой Академии оставались лишь физико-математические науки.

М. В. Ломоносов считал Регламент 1747 г. неудовлетворительным и решительно высказывался за его изменение.[110] Еще в декабре 1745 г. он составил «Список наук в Академии с распределением их на три класса»; в 3-м классе под № 9 названы восточные языки.[111]

В составленной (1758—1759) М. В. Ломоносовым «Записке о необходимости преобразования Академии наук» в штате акаде-

---

[108] Подробнее о предыстории ФВЯ и всех предшествующих его созданию проектов см.: *Куликова А. М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982. 207 с.; МИФВЯ, т. I, с. 93—325.

[109] *Крачковский.* Очерки, с. 38.

[110] *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1957, с. 11—25.

[111] Там же, с. 10.

мического университета «в философском факультете» предусматривался «профессор древности и ориентальных языков».[112]

В проекте нового академического регламента (1764—1765), предложенного М. В. Ломоносовым, в § 36 значится: «Знающий восточные языки академик. . . должен стараться иметь переписку с природными восточных народов учеными. . . и собирать всякие книги и известия о состоянии тамошних стран, особливо соседственных народов в рассуждении истории, поелику можно пользоваться тем в описании российских древностей и соседственного политического взаимства. . .».[113] В сохранившихся бумагах М. В. Ломоносова речь идет даже о создании «Ориентальной академии».[114] Предложениям М. В. Ломоносова как в части общей реорганизации Академии, так и в отношении востоковедения не суждено было осуществиться.

Однако, к счастью для нашей науки, собирание и первоначальная обработка лингвистического материала (тексты, глоссарии и т. п.) по различным языкам народов и народностей тогдашней России осуществлялись в значительных масштабах многочисленными экспедициями, во главе которых стояли натуралисты.

Еще до создания Академии наук по приказу Петра I в 1717 г. к берегам Волги и на Кавказ отправилась экспедиция лейб-медика Г. Шобера (см. ниже), а в 1720 г. начинает свое знаменитое путешествие по Сибири Д. Г. Мессершмидт (см. с. 59).

После учреждения Академии наук (1725) изучение Поволжья, Сибири, Кавказа приобретает систематический характер. В течение XVIII в. она снарядила и отправила сюда ряд экспедиций, которым наряду с другими заданиями «всех чюжих языков пробы собирать велено».[115]

Этими экспедициями — благодаря усилиям стоявших во главе их натуралистов (Г. Шобер, Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П. С. Паллас, И. И. Лепехин, С. Г. Гмелин, И. А. Гильденштедт, И. П. Фальк, И. Г. Георги) и научно-организационной деятельности «просвещенных администраторов» (В. Н. Татищев, П. И. Рычков) — был собран и частично обработан большой лингвистический, этнографический, топонимический, исторический и географический материал, относящийся к различным народам и народностям, населявшим восточные окраины тогдашней России, в том числе — и, пожалуй, в подавляющем количестве — материалы по тюркским языкам и фольклору.[116]

Первым путешественником-натуралистом, доставившим разнообразные сведения о Волге и Кавказе, был лейб-медик Готлиб (Готлоб) Шобер (Schöber, ок. 1670—1739), поступивший на русскую службу в 1712 г. и совершивший по поручению Петра I путешествие (1717—1720) к берегам Волги (с целью изучения лечеб-

---

[112] Там же, с. 67.
[113] Там же, с. 150.
[114] История АН, т. I, с. 408.
[115] Материалы по истории АН, т. II. СПб., 1886, с. 407.
[116] См.: *Булич*, с. 408—409, 413—416, 421—430.

ных свойств минеральных источников около Самары) и на Кавказ. Шобер не ограничился медицинскими исследованиями; он доставил описание этого района в общегеографическом, этнографическом, лингвистическом и других отношениях. Оригинал отчета Шобера был увезен в Голландию; в ЛОААН имеется копия записок Шобера: «Memorabilia Russico-Asiatica».[117] 13 слов и 10 числительных крымско-татарского языка, собранные Шобером, были опубликованы Г. Ф. Миллером.[118]

Вторым был уроженец Данцига (Гданьск), питомец университета в Галле, медик, зоолог, ботаник, филолог Даниил Готлиб Мессершмидт (D.-G. Messerschmidt, 1685—1735),[119] хорошо знавший латинский, греческий и древнееврейский языки.

По указу Петра I от 15 ноября 1718 г. Мессершмидт был поставлен во главе научной экспедиции по Западной Сибири, Даурии и Монголии «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей».

Мессершмидт, путешествие которого продолжалось семь лет (1720—1727), на месте расширил программу работ, включив в нее сбор сведений по географии, истории, этнографии, археологии, медицине и языкам народов, обитающих в Сибири.[120]

Мессершмидту и его немногочисленным сотрудникам удалось собрать богатые ботанические и зоологические коллекции, большое количество «древностей и нумизматики» и других вещей, «относящихся к культуре и домашнему быту»,[121] а также материалы по языкам народов Сибири (см. ниже).

По мнению академика Г. Ф. Миллера, участвовавшего в официальной приемке материалов экспедиции Мессершмидта, результаты его путешествия «превзошли все ожидания»; к сожалению, значительная часть коллекций, собранных Мессершмидтом, погибла во время пожара Кунсткамеры (1747).[122]

Материалы по языкам Сибири, собранные экспедицией Мессершмидта, сосредоточены главным образом в рукописи, озаглавленной «Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum a Daniele Gottlieb Messerschmidt med. D. in itineribus per Sibiriam

---

[117] *Гнучева*, с. 23; *Булич*, с. 200—201, 424.

[118] *Müller G. F.* Sammlung Russischer Geschichte, Bd VII, 1—2. Stück. St.-Pb., 1762, S. 95.

[119] О нем см.: *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. 184 с.

[120] *Пекарский.* Наука и литература, т. I, с. 351; *Гнучева*, с. 25—30; *Новлянская М. Г.* Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири. — Изв. ВГО, 1962, т. 94, вып. 3, с. 231—239.

[121] *Станюкович.* Кунсткамера, с. 33.

[122] Часть дневников Мессершмидта была разобрана и опубликована академиком И. Г. Георги (*Georgi.* Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien. — Neue Nordische Beyträge (серия, издававшаяся П.-С. Палласом), Bd III, St.-Pb., 1782, S. 97—158) и академиком В. В. Радловым (Сибирские древности, т. I, вып. 1. СПб., 1888). Новое издание дневников Мессершмидта осуществлено АН СССР и Германской АН в Берлине: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. Teil 1. Berlin, 1962; Teil 2. Berlin, 1964; Teil 3. Berlin, 1966; Teil 4. Berlin, 1968.

et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 usquam a 17» (ЛО ААН, ф. 98, оп. 1, № 35). На л. 2 написано: «Einige Türckische oder Tattarische Vocabula so in Tobolski von den Bucharen bekommen». Затем следуют: немецко-татарский словарик (л. 2—9); татарско-немецкий словарик (л. 11 об.—12); пермяцко-остяцкие числительные, местоимения, существительные (л. 12 об.—20 об.). Эти материалы датированы: «апрель—декабрь 1722» (л. 13, 20). Далее (л. 20 об.—27) заметки по разным сибирским языкам; на л. 22 об. дата: «1723, июнь».

В рукописи под названием «Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiria pertinentia» (ЛОААН, ф. 98, оп. 1, № 39) собран различный языковой материал, в частности образцы восточных азбук, что свидетельствует о широких лингвистических интересах Д. Г. Мессершмидта; ему же принадлежит одно из первых упоминаний о памятниках тюркской рунической письменности.

Представляет известный интерес также русско-многоязычный — в том числе и татарский — словарик названий 137 птиц «Avium in Sibiriae Regno reperiundarum» (ЛОААН, ф. 98, оп. 1, № 20, л. 66—83); здесь же (л. 84—89 об.) латинские, русские, татарские и немецкие названия птиц — «Index polyglottos-avium per Sibiricae Regnum observatorii». В конце сказано: «Переписано в Красноярске, май, 1722 г.».

Существенную помощь Мессершмидту в деле собирания краеведческого и лингвистического материала оказал Филипп Иоганн (Юхан) Табберт, который с 31 января 1707 г. — после пожалования ему и его братьям дворянского звания — получил фамилию Страленберг (1676—1747).[123]

Это был пленный капитан шведской армии Карла XII, сосланный в 1711 г. в числе других пленных шведов на поселение в Тобольск, административный и экономический центр Сибири.

Страленберг, проживший 12 лет в Тобольске, оставил заметный след в истории изучения Сибири в географическом, этнографическом, историческом и лингвистическом отношении. Два его труда — «Новое географическое описание Великой Татарии. . . (карта)» [124] и «Северная и Восточная часть Европы» — доставили ему широкую научную известность и увековечили память о нем.

---

[123] *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 26—27; *Иванов В. Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII—XVIII вв. М., 1974, с. 48—55; *Катанов Н. Ф.* Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труды его по России и Сибири (начало XVII в.). — ИОАИЭКУ, т. XIX, вып. 2, 1903, с. 170—174; *Насилов Д. М.* Об алтайской языковой общности. — ТСб. 1974. М., 1978, с. 90—108; *Jarring G.* 1) Strahlenberg in schwedischer Literatur und Wissenschaft. Ein bio-bibliographische Übersicht. — UAJ, 1976, Bd 48, S. 121—123; 2) Das Schicksal der zentralasiatischen wissenschaftlichen Erbschaft von Philipp Johann Strahlenberg. — CAJ, 1977, XXI/3—4, S. 224—228; 3) Тюркология в Швеции. — СТ, 1977, № 3, с. 95—102; *Ярош Г.* Ф. И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта. — Изв. СО АН СССР. Серия общ. наук, 1968, 1, с. 68—72.

[124] *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 40.

Для изучения Сибири и соседних с ней областей в лингвистическом отношении важное значение имел труд Страленберга, носивший по обычаям того времени пространное название: «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. . .» (Северная и Восточная части Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени, и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшейся «Tabula Polyglotta» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий. Стокгольм. В издании автора. 1730).[125]

По распоряжению В. Н. Татищева в 1738 г. в Самаре эта книга сокращенно была переведена на русский язык: «Гисторическое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии, паче же Империи Российская, которая из оных за полуночную часть признается. Сочинено Иоанном Стрален-Бергом и напечатано в Штокхолме 1730 году» (РОБАН, 16, 13.16).[126]

Еще до получения рукописного перевода этого труда, в 1732 и 1737 гг., В. Н. Татищев написал «Примечания на книгу, учиненную господином Страленбергом, именованной Северной восточной страны Европы и Азии, печатанной в 1730 г. в Стокгольме» (ЦГАДА, ф. 199, 149, ч. 2, № 4, л. 1—18; РОБАН, 17.9.7).[127]

В ЦГАДА (портфели Миллера, ф. 199, оп. 1, д. 46, № 13) и в БАН (РО, 17.9.7) хранятся «Примечания Татищева на книгу Страленберга: О калмыках, болгарах, о народах сарматских, о башкирах, о Томане и Тумени, о роксоланах, о Белой и Червонной России».

Критические замечания В. Н. Татищева на сведения Страленберга о якутах сохранились в ЛОААН (ф. 21, оп. 5, № 149, л. 410—416).

В течение XVIII в. было сделано, как теперь установлено, пять переводов на русский язык труда Страленберга,[128] среди которых следует отметить анонимный перевод, хранящийся в Гос.

---

[125] Там же, с. 71—72. — Названное выше сочинение Страленберга переиздано фотомеханическим способом в серии Сегедского университета им. Аттилы Йожефа (Венгрия): Studia Uralo-Altaica, VIII (Szeged, 1975), с предисловием Кругера (J. R. Kruger).

[126] Истор. очерк и обзор РОБАН, с. 438, № 33.

[127] Там же, с. 436, № 14.

[128] Однако ни один из них не был издан полностью; отрывки из этого труда в переводе на русский язык опубликованы: *Радлов В. В.* Сибирские древности, I, вып. 2. СПб., 1888; *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861.

библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Москва): «*Штраленберг.* Историческое и географическое описание о древнем и новом состоянии полуночно-восточной части Европы и Азии, паче же империи Российской. Перевод с стокгольмского издания 1730 г. Вятка, 1797. Скоропись в 4°». [129]

Страленберг (указ. соч., глава XIII) один из первых предпринял попытку объяснить некоторое число ориентализмов, усвоенных русским языком (altyn, ambar, arbus, arschyn, bazar, biber, caravan, jenissei, tabun, ulus и др.); здесь же он приводит сведения о палеоазиатских народах и народностях, этнонимах и топонимах.

Страленберг установил, что Восточная Европа и Северная Азия населены не только *татарами*, как предполагали в то время в Западной Европе, но и многими другими народами, которые он разделил на шесть классов. В приложении к своему труду Страленберг привел таблицу: «Gentium Boreo-Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum [130] oder Specimen einiger Zahlen und Wörter. . .» (Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар, или образцы некоторых чисел и слов татарских народов и народов — потомков гунно-скифов, которые живут в северо-восточной части Европы и в Азии. Из коих, наряду с другими историческими сведениями, можно будет усмотреть, как эти народы в давние времена смешивались либо между собой, либо с другими западными народами; но места их обитания, однако, можно найти на недавно изданной карте) (см. выше).

Здесь приведены слова 32 языков, которые Страленберг разделил — по числу народов — на шесть классов.

«I. Обро-венгерские и финские народы, имеющие единый диалект. . . в древности их прародителями были гунны, или унны. Языки: венгерский, финский, вогульский, мордовский, черемисский, пермяцкий, вотяцкий, остяцкий.

II. С тремя ниженазванными народами тюрки, крымские, узбекские, башкирские, киргизские и туркменские татары составляют единый диалект; [эти три народа суть следующие:] (1) сибирско-мусульманские татары, [обитающие] в городах Тобольске, Тюмене, Таре; (2) якуты; (3) чуваши.

III. Нижеследующие шесть народов, которые живут друг от друга на расстоянии нескольких сотен миль, имеют, по-видимому, один диалект и принадлежат к самоедскому классу: [131] (1) самоеды (архангельские, печорские); (2) остяки (сибирские, обские, нарымские); (3) остяки (чулымские, томские); (4) самоеды-тавгийцы (обитающие на берегах Ледовитого океана, между Енисеем и Леной); (5) самоеды — мангазейские (обитающие от г. Туруханска до Енисея и до Ледовитого океана); (6) канцы или котовцы (обитающие на р. Кан).

---

[129] *Повлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 88.

[130] На титульном листе и в IV отделе книги (с. 55—72) этот раздел назван «Tabula Polyglotta» (Список слов на многих языках).

[131] По современному делению: самодийская группа языков.

IV—V. [Здесь объединены в группы народов и их языков:] (А). Три народа, не состоящие под единым управлением, часть которых состоит в родстве по религиозным верованиям, другая — по принадлежности к древней общности: (1) калмыки (они и монголы имеют общую религию и общий диалект); (2) маньчжуры (или китайские татары. . .); (3) тангуты (т. е. тибетцы, — *А. К.*) принадлежат Далай-ламе, в отношении религии общи с калмыками и монголами. (Б). Семь народов, хотя и имеющие различие по языку, состоят под русским управлением в Сибирской губернии; тунгусы, хотя и имеют в языке три разновидности, имеют почти один диалект; последние четыре [народа] имеют в языке мало общего: (1) камасинцы; (2) аринцы; (3) тунгусы конные; (4) тунгусы оленные; (5) тунгусы собачьи; (6) коряки (северо-восточной Камчатки); (7) курилы (юго-восточная Камчатка).

VI. Пять народов, обитающих между Черным и Каспийским морями; они совершенно различны по языкам, однако некоторые из них [по языку] близки к крымско-татарскому: (1) авары или акары; (2) кумыки, иначе кайтаки; (3) кубачинцы; (4) черкесы, иначе гюрчи (грузино)-черкесы; (5) куралы».[132]

Слова «кавказских языков» (VI класс) Страленбергу сообщил библиотекарь Стокгольмской королевской библиотеки Г. Бреннер, что же касается языка курильцев, то «я извлек их, — замечает Страленберг, — из [книги] N. N.» (с. 71).

Обстоятельному объяснению приведенной выше таблицы посвящен IV отдел сочинения Страленберга (с. 55—72): «Von der Tabula Polyglotta und ihrer Nutzbarkeit in Untersuchung der alten Historie» (О «Tabula Polyglotta» и ее полезности при изучении древней истории).

Для сравнительного сопоставления лексического материала приведенных в таблице языков Страленберг выбрал 60 слов: имена числительные (I кл.: 1—10, 100; II, III, IV, V кл.: 1—12, 20—100, 1000; VI кл.: 1—10, 20—100, 1000), имена существительные (бог, отец, мать, род, город, огонь, вода, земля, ветер, звезда, дождь, глаз, язык, борода, рука, нога и т. д.); список имен существительных по разным классам не совпадает, варьируясь в незначительных пределах.

Приведенные в таблице 60 слов полностью переведены только на венгерский и калмыцкий языки; в графе «Финский язык» не-

---

[132] Ср.: *Булич*, с. 202. — О современных воззрениях на родство уральских и алтайских языков см.: *Насилов Д. М.* 1) Об алтайской языковой общности. (К истории проблемы), с. 90—108; 2) Из истории алтаистики. — СТ, 1977, № 3, с. 77—93; 3) В. В. Радлов и проблемы алтаистики. — СТ, 1978, № 1, с. 96—102; 4) Из истории алтаистики. — СТ, 1979, № 4, с. 94—100; 5) Взгляды акад. Ф. И. Видемана и проф. М. П. Веске на урало-алтайскую проблему. — В кн.: Финно-угорские народы и Восток (Учен. зап. Тартуск. ун-та, № 455). Тарту, 1978, с. 48—59; 6) Вл. Котвич о способах действия в алтайских языках. — В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения, ч. 2. М., 1975, с. 307—318; 7) Алтаистика XIX в. — ТСб. 1977. М., 1981, с. 150—155; *Баскаков Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981. 134 с.

достает перевода двух слов; в графе «Сибирско-мусульманско-татарский язык» не переведено три слова (Wind, Pflitz-Bogen, Hütte); в графе «Якутский язык» оставлено без перевода одно слово (Fuss); графа «Чувашский язык» заполнена только для первых 10 числительных и 28 имен существительных; другие графы тоже заполнены далеко не во всем объеме, что явилось следствием печального обстоятельства: Страленберг, возвращаясь в 1723 г. из Тобольска на родину через Москву, потерял записную книжку, в которую были занесены лексические материалы.

Известный научный интерес представляет составленный Страленбергом «Vocabularium Calmucko-Mungalicum [с. 137—156]» (Калмыцко-монгольско-немецкий словарь).

Кроме того, на с. 129—136 приведено сопоставление некоторых тюркских и немецких слов. Заслуживают внимания специалистов сравнительная таблица образцов «Старо-арабского или куфического и ново-арабского письма» (с. 314—316) и объяснение некоторых особенностей и терминологии русской денежной системы, русской метрологии, а также отдельных географических названий (с. 308—438).

Страленбергу одному из первых удалось дать на основе достоверных фактов достаточно верную для своего времени картину расселения северо-восточных народов и удачно сгруппировать языки, на которых говорили эти народы. Несмотря на ряд фактических неточностей, «странные и несогласные с истиною» положения (В. Н. Татищев), классификации Страленберга сыграли положительную роль в истории урало-алтаистики (подробнее см.: *Насилов Д. М.* Об алтайской языковой общности. (К истории проблемы), с. 102—104).

Страленберг в своей книге впервые воспроизвел несколько рунических надписей (Приложение, таблицы V, XII).[133] Карл Шульман, один из участников экспедиции Мессершмидта, сделал зарисовки камней, на которых «были изображены резные правильные четырехугольники в виде ромбов или ромбоидов», [134] но прочитать их не удалось. Таким образом, в историю открытия тюркских рунических надписей на равных основаниях должны входить Страленберг, Мессершмидт, Шульман.

Труд Страленберга был встречен в Европе с живейшим интересом: Россия после победоносного завершения Северной войны (1700—1721) привлекала всеобщее внимание. В 1738 г. книга Страленберга вышла в английском переводе в Лондоне; в 1757 г. она была издана в Амстердаме в переводе на французский язык; в 1780 г. появился ее испанский перевод.[135] На русский язык

---

[133] См. еще: Материалы по археологии России. № 3. Сибирские древности. 1888, вып. 1, Приложение, с. 9—19.

[134] *Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 12—13.

[135] *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 86—87, 91. — К французскому переводу труда Страленберга (Description historique de l'Empire Russien, traduite de l'ouvrage allemand par Barbeau de la Bruyère, vol. 1—2. Amsterdam, 1757) добавлена переводчиком (2-me vol., p. 364—368) «Grammaire

книга Страленберга переводилась по частям и целиком несколько раз, но ни разу не была издана.[136]

Путешественником и историком, оставившим заметный след в изучении Сибири, был Гер(г)ард Фридрих (Федор Иванович) Миллер (Müller, 1705—1783),[137] который вместе с Иоганном Георгом Гмелиным (Gmelin, 1709—1755) был поставлен во главе сухопутного отряда Великой северной (или 2-й Камчатской) экспедиции (1732—1743) Витуса Беринга.

Миллеру и его коллегам была дана от Академии наук инструкция по собиранию историко-географо-этнографических и лингвистических материалов: «§ 6. Об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров, например: переводы господней молитвы, числа, существительные, употребительнейшие имена. . . § 7. Имена каждого народа, страны, реки, города, и проч. точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен».[138]

Миллер и его помощники составили более 30 словариков местных — сибирских, в том числе и тюркских — языков, которые ныне хранятся в ЦГАДА.[139]

Среди лингвистических материалов Г. Ф. Миллера, хранящихся в ЛОААН (ф. 21, оп. 1, № 143, 164, 168; ф. 21, оп. 5, № 6). имеется ряд латинско-тюркских, русско-тюркских словариков, лексика которых приведена в сопоставлении с другими сибирскими и приуральскими языками.

Известный исторический интерес представляет составленный Миллером «Vocabularium Harmonicum» — немецко-татарско-черемисско-чувашско-вотяцко-мордовско-пермско-зырянский вокабулярий, к которому приложена молитва «Отче наш» в переводе на черемисский и татарский языки. Этот вокабулярий, содержащий 275 обиходных слов и 38 числительных, опубликован дважды, в немецком и русском изданиях труда Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. . .».[140]

---

de la langue des Tartares Mungales ou Munguls, connus autrefois sous le nom des Mogols, traduite d'un manuscrit arabe par Mr. Thévenot (Грамматика языка татар-мунгалов или мунгулов, — известных иногда [также] под именем моголов, — переведенная с арабской рукописи г-ном Тевено). Здесь приведены некоторые сведения о монгольском языке.

136 Подробнее см.: *Новлянская*. Ф. И. Страленберг, с. 88—90.

137 *Пекарский*. История АН, т. I, с. 308—430. — Автобиографию Г. Ф. Миллера см. в кн.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири, I. М.—Л., 1937, с. 145—155; здесь же «Обзор рукописей Г. Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках».

138 *Миллер Г. Ф.* История Сибири, с. 460—461.

139 Там же, с. 561—562; *Боргояков М. И.* 1) Словник Г. Ф. Миллера по тюркским языкам Сибири. — В кн.: Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971, с. 122—130; 2) Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

140 *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Kasan wohnhaften heidnischen Völkern den Tscheremischen, Tschuwaschen und Wotiacken. —

В разделе «О их языках, о художествах и о науках» Миллер пишет: «Помянутые три народа (черемисы, чуваши, вотяки, — *А. К.*) в языках между собою много разнятся. Черемисский язык имеет некоторое сходство с финским. . . чувашский больше сходствует с татарским языком, а вотяцкой много с черемисским, а по большей части с пермским» (русский перевод, с. 27). Не ускользнули от внимания Миллера и диалектальные различия в каждом из трех названных языков: «Чуваши, имеющие жительство около Василева, Кузмодемьянска и Чебоксар, говорят так же, хотя и не весьма отменно, однако инако, нежели те, которые живут ниже устья реки Камы» (с. 27—28).

Историк Иоганн-Эбергард Фишер (Fischer, 1697—1771),[141] также участник Великой северной (или 2-й Камчатской) экспедиции (1733—1743), в 1739 г. был командирован Академией наук в Сибирь на смену Г. Ф. Миллера, стоявшего во главе «сухопутного отряда» этой экспедиции.

В портфелях Миллера (ЦГАДА, ф. 199) [142] сохранилась «Инструкция г. адъюнкту Фишеру, когда он был послан на мое место», к которой Г. Ф. Миллер приложил «Vocabularium» — список около 700 слов,[143] их надлежало переводить на возможно большее число языков.[144]

Один экземпляр составленного по этому словнику вокабулярия, приписываемого И. Э. Фишеру,[145] — «Vocabularium continens trecenta vocabula triginta quator gentium, maxima ex parte Sibiricarum» (Вокабулярий, содержащий триста [146] вокабул тридцати четырех народов преимущественно из сибирских краев) — хранится в ЛОААИ (Р. III, оп. 1, № 135, 77 л.).

Лингвистические материалы И. Э. Фишера использовал историк Август Людвиг Шлёцер (Schlözer, 1735—1809), академик,

---

Sammlung Russischer Geschichte, Bd III, 4. Stück. St.-Pb., 1759, S. 305—412 (вокабулярий — с. 382—409). — Русское издание: Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. . . с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то на казанско-татарском, черемисском, чувашском вотяцком, мордовском, пермском и зырянском (с российским переводом, — *А. К.*), и приобщенным переводом господней молитвы «Отче наш» на черемисском и чувашском языках, сочиненное Г. Ф. Миллером, имп. АН профессором, по возвращении его в 1743 году из Камчатской экспедиции. СПб., 1791. 401 с.

141 О нем см.: *Пекарский.* История АН, т. I, с. 617—636.

142 См.: *Феоктистов А. П.* Истоки мордовской письменности. М., 1968, с. 86—88.

143 По А. П. Феоктистову (указ. соч., с. 86), — 500 слов.

144 Инструкция и вокабулярий (список немецких слов с переводом на русский, составленный не по алфавиту, а по темам) опубликованы: Сборник Музея по антропологии и этнографии при АН, 1900, т. I, с. 37—108.

145 Этот словарь, по-видимому, «не был трудом самого Фишера»; полагают, что он получил его от кого-нибудь из сибирских должностных лиц, которые собирали лексику, равно как и другие материалы о сибирских народах, по поручению В. Н. Татищева. — См.: *Пекарский.* История АН, т. I, с. 631—632; МИФВЯ, т. IV, с. 19—20; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 40, 402.

146 Основной список содержит 486 слов.

позднее — почетный член Академии наук; по-видимому, по его просьбе в 1768 г. Фишер отправил рукопись под указанным выше названием в библиотеку Исторического института в Гёттингене,[147] где она находится и поныне.[148]

А. П. Феоктистов высказал предположение, что словарь, отправленный в Гёттинген, «является всего лишь отдельным (и не обязательно вполне идентичным!) списком той же рукописи, которая хранится у нас в Архиве АН СССР».[149]

Как можно теперь судить по фотомеханическому воспроизведению (*Дёрфер*, с. 45—139), гёттингенский экземпляр вокабулярия Фишера, по-видимому, является черновиком, значительно отличающимся по расположению материала от ленинградского (переписанного набело) экземпляра этого труда.

Оба списка — ленинградский (л. 1—3) и гёттингенский (*Дёрфер*, с. 45—47) — начинаются разделом, озаглавленным «Nomina propria», — список (латинскими буквами) рек, городов, населенных пунктов Сибири и Поволжья с объяснениями на немецком языке (расположение материала в списках несколько различное). Тюркская часть вокабулярия (л. 49—61) содержит лексический материал по следующим языкам (графы на развернутом листе, исходная часть — французская): 1) Francia; 2) Bucharia; 3) Tatarorum kaczensium; 4) Teleutorum et Tatarorum kuznecensium; 5) Tatarorum tomensium; 6) Tatarorum tobolensium et tarensium; 7) Tatarorum kazanensium; 8) Czuwaszorum.[150] Всего слов в тюркском разделе: 19+16+486=521 слово.

Кроме тюркской части ленинградский список содержит лексический материал почти по всем финно-угорским, самодийским, тунгусским, монгольским, славянским, древнееврейскому, грузинскому и некоторым другим языкам.

Гёттингенский экземпляр этого вокабулярия (*Дёрфер*, с. 45—182) состоит из следующих разделов: латинско-калмыцко-бухарско-татарско-остяцко-тунгусская часть (с. 45—70); греко-финско-вотяцко-черемисско-чувашско-казанско-татарско-мордовско-мезенско-самоедско-грузинско-венгерская часть (с. 72—93); русско-тобольско-татарско-вогульско-польско-шведско-пермяцко-остяцко-маньчжурско-китайско-самоедская часть (с. 94—117); монгольско-тунгусско-тангутско-кузнецко-татарско-телеутско-качинско-татарско-ариорско-котторско-койбальско-камачинско-бурятская часть (с. 118—139); затем следует «Предложение» — историко-этнографическо-географическое описание европейской части России и Сибири на русском языке (с. 140—182); третий раздел этого труда называется «О махометанех» (с. 170—177); здесь приводятся некоторые сведения о «татарском» языке. На с. 177—182 поме-

[147] Ср.: *Аделунг*, с. 21; *Пекарский*. История АН, т. I, с. 631; МИФВЯ, т. IV, с. 20.

[148] *Дёрфер*, с. 11—12.

[149] *Феоктистов А. П.* Указ. соч., с. 88.

[150] Русско-чувашская часть этого вокабулярия исследована и опубликована: *Сергеев Л. П.* О памятниках чувашской письменности XVIII века. — Записки НИИЯЛИ. Чебоксары, 1970, вып. 46, с. 232—241.

щены заметки (на французском языке), объясняющие арабские и персидские слова, встречающиеся в тюркских языках.

Во введении к своему труду «Сибирская история» [151] И. Э. Фишер привел 23 «татарских» слова в сопоставлении с венгерскими параллелями, стремясь тем самым доказать родство названных языков,[152] а также 12 койбальских слов в сопоставлении с венгерскими, остяцкими и др.[153]

Известный исторический интерес представляет его статья «О народе и имени татарском» (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, май, с. 455—484).

В истории собирания, систематизации и издания словарных материалов почетное место занимает профессор (академик) естественной истории (с 1767 г.), зоолог по основной специальности, путешественник Петр-Симон (Петр Симонович) Паллас (Pallas, 1741—1811),[154] возглавлявший 1-ю Оренбургскую экспедицию Академии наук в Оренбургский край и Сибирь (1768—1774).[155]

Совершая свое шестилетнее путешествие, Паллас проехал по правобережью Волги (1768), по левобережью Волги и Оренбургским степям (1769), по Южному Уралу и Западной Сибири (1770), по Западной и Южной Сибири (1771), по Восточной Сибири и Забайкалью (1772), от Красноярска через Томск и Уральск на Царицын (1773), по Нижней Волге (1774).[156]

Разнообразный материал, собранный во время этого многотрудного путешествия, вошел в его отчет — пятитомное «Путешествие по разным провинциям Российской империи. . .» (на немецком языке вышло в 1771—1776 гг., на русском — в 1773—1788 гг.); здесь приведены лингвистические, исторические и этнографические сведения о мордве, казахах, калмыках, киргизах, башкирах, мещеряках, вогулах, татарах, обских остяках и мн. др.

Иван Иванович Лепехин (1740—1802), профессор (академик) натуральной истории и путешественник, член и непременный секретарь Российской Академии,[157] руководитель 2-й Оренбургской

---

[151] *Fischer J. E.* Sibirische Geschichte, Bd I. St.-Pb., 1768, S. 167—168; то же в русском переводе: Сибирская история, с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631 с., 2 л. карт.

[152] *Булич*, с. 424.

[153] *Аделунг*, с. 22.

[154] *Маракуев В.* П.-С. Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877; *Кеппен Ф. П.* Ученые труды П.-С. Палласа. СПб., 1895. 54 с. (отд. отт.: ЖМНП, 1895, апрель).

[155] *Гнучева*, с. 97—100.

[156] *Токарев С. А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966, с. 95—96.

[157] Нередко Российскую Академию путают с Петербургской Академией наук, называя последнюю Российская Академия наук (см. с. 41), а потому считаю нужным привести следующую справку: «Российская Академия основана, по докладу княгини Екатерины Романовны Дашковой (о ней см.: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978, — *А. К.*), 30 сентября и открыта 31 октября 1783 г. с целью, как сказано в ее первоначальном уставе, «иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее употребление слов оного, свойственное оному витий-

экспедиции 1768—1773 гг. (Волга, Урал, север европейской части России, побережье Ледовитого океана),[158] вошел в историю отечественного востоковедения изданием перевода 46 арабских, татарских и 3 армянских надписей, найденных среди развалин г. Булгара на Волге: «. . .те подписи, кои армянским языком написаны, армянином Иваном Васильевым, а которые татарским письмом, те ахуном Кадырмаметом Сюнчалеевым и слободским переводчиком Юсупом Ижбулатовым описаны и переведены на российский язык...».[159]

3-ю Астраханскую экспедицию (Астраханский край, Кавказ, Персия, 1768—1774) возглавлял профессор (академик) ботаники (с 4 апреля 1767 г.) Самуил Готлиб Гмелин (Gmelin, 1745—1774).[160]

Гмелин во время своего путешествия собрал, среди прочих лингвистических материалов, «Русско-турецко(=азербайджанско,— *А. К.*)[161]-персидско-гилянский глоссарий (196 имен существительных+19 имен числительных)».[162] «В гилянском говоре, — пишет Гмелин, — приметил я некоторую отменность от персидского».[163] Кроме того, он записал татарские названия некоторых волжских рыб, а также около 50 слов кандомских и кузнецких татар и три песни качинцев, тагайцев и чатцов.[164]

Профессор (академик) натуральной истории (с 8 апреля 1771 г.) Иоганн Антон Гильденштедт (Güldenstädt, 1745—1781), совершивший путешествие по Астраханскому краю, Кавказу, Новороссии и Украине (1768—1775),[165] собрал лексический материал для сравнительного глоссария персидского, курдского и «казахско-татарского языков»,[166] — под последним следует разуметь казахский диалект азербайджанского языка.[167] В архиве Аделунга

ство и стихотворение. Число членов ее определено в 60 человек». Первым президентом сделана княгиня Дашкова. По воцарении имп. Павла, в 1796 г. (в книге Л. Я. Лозинской, с. 3: в 1794), княгиня Дашкова уволена и президентом назначен Н. Бакунин, а секретарь остался прежний, Лепехин. . . . . .19 октября 1841 г. Академию Российскую признали за благо упразднить, слив ее научно и имущественно с Академией наук, при которой она составляет теперь (до 1927 г., — *А. К.*) II отделение» (Русская старина, январь 1882, с. 194—195; *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии, вып. 1—8. СПб., 1874—1888).

158 *Гнучева*, с. 101—102.

159 Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг., ч. I. Вторым тиснением. СПб., 1795, с. 272.

160 *Гнучева*, с. 102—103.

161 Один из первых словарных образцов азербайджанского языка.

162 *Гмелин С.-Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, часть III, половина вторая. СПб., 1785, с. 520—527.

163 Там же, с. 520.

164 *Булич*, с. 425.

165 *Гнучева*, с. 104—106.

166 *Güldenstädt J.-A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, II. St-Pb., 1791, S. 545—552.

167 См.: *Ширалиев* М. Основы азербайджанской диалектологии. Баку, 1962, с. 17 (на азерб. яз.).

(РОГПБ, ф. 7) хранятся две записи кумыкской лексики, доставленные Гильденштедтом (см. с. 89).

Ботаник Иоганн Петер Фальк (Falk, 1727 [168]—1774), возглавлявший экспедицию Академии наук в Астраханский и Оренбургский края, Западную Сибирь, Южный Урал и Казань (1769—1773),[169] опубликовал в своем отчете сравнительный глоссарий казанско-татарского, киргизского, «бухарского» и «калмыцкого» языков.[170]

Академик, химик, медик, этнограф Иоганн Готлиб (Иван Иванович) Георги (Georgi, 1729—1802) вначале в составе экспедиции Фалька, затем самостоятельно совершил путешествие на Байкал и в Пермский горный округ (1772—1774),[171] где собрал большой материал по этнографии [172] и отчасти языкам названных районов.[173]

В названном труде Георги разбросаны — порою очень тонкие — наблюдения над тюркскими языками, их строем и словарным составом; так, например, Георги пишет: «Язык их (бухарцев, см. прим. 182, — *А. К.*) почитается между татарскими наречиями красивым, хотя и походит нарочито на персидский».[174] Ср. еще: «Язык их (т. е. башкир, — *А. К.*) есть татарское же, но с казанским весьма несходное наречие».[175] Есть сведения, что Георги составил первый «Словарь башкирского языка» (утрачен).[176]

Академик-натуралист Эрик Густавович Лаксман (Laxmann, 1737—1796),[177] во время своего пребывания в Сибири (1788) занимаясь карагасским языком, одним из первых признал его языком тюркской семьи.[178]

В 1793—1794 гг. П.-С. Паллас совершил путешествие по нижней Волге, Северному Кавказу и Крыму.[179] В Крыму Паллас делал наблюдения над языком крымских татар.[180]

---

[168] В разных изданиях приводятся три даты рождения Фалька: 1730, 1731, 1733.

[169] *Гнучева*, с. 106—108.

[170] *Falk J.-P.* Beyträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung, Bd III. St.-Pb., 1786, S. 575—582; *Шафрановская Т. К.* Конец Сибирской экспедиции И. П. Фалька и его записка. — Страны и народы Востока, вып. XV. Л., 1973, с. 255—262.

[171] *Гнучева*, с. 108.

[172] См.: *Токарев С. А.* Указ. соч., с. 103—110.

[173] См.: [*Георги И. Г.*] Описание всех в российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть II. О народах татарского племени. Переведено с немецкого. СПб., 1776.

[174] Там же, с. 64.

[175] *Булич*, с. 435; *Гарипов Т. М.* Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 36—37.

[176] *Гарипов Т. М.* Указ. соч., с. 36—37.

[177] *Раскин Н. М., Шафрановский И. И.* Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. Л., 1971.

[178] *Булич*, с. 439.

[179] *Гнучева*, с. 126.

[180] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793—1794 гг. — Записки имп. Одесского общества истории и древностей, 1881, т. XII; Поездка

В результате усилий «академических путешественников» был собран большой и разнообразный лексический материал по языкам (в том числе и тюркским) народов названных выше областей тогдашней России.

Эти материалы, записанные неспециалистами на слух, лишь приблизительно отражали истинное звучание; кроме того, при оценке этих материалов следует иметь в виду, что, как правило, записывались не связные тексты, а отдельные слова — ответы на вопросы анкет, составленных в свое время В. Н. Татищевым (см. с. 83) и позднее Г.-Л.-Хр. Бакмейстером (см. с. 88).

Собранные экспедициями Академии наук материалы могли быть использованы главным образом для лексикографической работы; они пригодились при составлении «Сравнительных словарей всех языков и наречий» (см. с. 98).

Небывалый, ни с чем не сравнимый размах экспедиционной деятельности, в результате которой была изучена огромная территория Сибири, Урала, Кавказа, удивил мир: «. . .Британская энциклопедия указывает, — писал С. Ф. Ольденбург, — что благодаря экспедициям Россия могла считаться в свое время наилучше исследованной страною в мире».[181]

6. История приобретения, переводов, изданий и изучения «Родословной тюрок» Абу-л-Гази

Имя Филиппа Иоганна (Юхана) Страленберга вошло в историю тюркологии в связи с опубликованием первых зарисовок тюркских рунических надписей и с его первым опытом классификации урало-алтайских народов и соответствующих языков (см. с. 64), а также в связи с приобретением рукописи и организацией перевода с «татарского» на русский и с русского на немецкий язык сочинения хивинского хана и историка Абу-л-Гази-Бахадур-хана (1603—1664) «Шаджара-и тӱрк(и)» (Родословная тюрок).

По словам самого Страленберга, в целях собирания сведений для своих научных занятий он поддерживал «дружеские отношения как с проживающими в г. Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами,[182] так и с другими татарами-мусульманами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию. Особенно часто встречался я с их ахуном, очень любезным человеком по имени

во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на Тамань. — Там же, 1883, т. XIII.

[181] *Ольденбург С. Ф.* АН СССР за двести лет. Л., 1925, с. 7.

[182] «. . .бухарцы (узбеки), которые еще до присоединения Западной Сибири к России занимались в этих местах торговлей, являясь посредниками между купцами Сибири и Средней Азии» (*Зияев Х.* Средняя Азия и Сибирь. Ташкент, 1962, с. 10); «. . .русские и по их примеру западные европейцы стали употреблять термин „бухарец" в смысле „горожанин" Средней Азии, торговец» (*Бартольд.* Соч., т. II/1, с. 273). — Бухарцами назывались торговцы из узбеков-горожан (сартов) и таджиков.

Азбакевич.[183] Однажды он показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он назвал «Чингиз Китап», т. е. Книга Чингиза. Обе рукописи были получены из Туркестана. Из объяснений в отношении отдельных частей этих рукописей, данных им на русском языке, я понял, что в них, особенно в последней, содержится много материалов для описания Великой Татарии. Поэтому я выпросил у него эту рукопись, чтобы более подробно просмотреть ее с помощью другого моего знакомого татарина».[184]

Страленберг, по достоинству оценив труд Абу-л-Гази, поручил сделать перевод его сочинения своему знакомому татарину и двум шведам — пленным, которые, «зная достаточно хорошо русский язык, засели втроем за работу в деревне, в которой жил этот татарин»; последний «слово в слово переводил каждое предложение на русский язык, а пленные офицеры переводили на немецкий».[185] Перевести полностью этот текст не удалось, так как татарин не понимал многих арабских, персидских и монгольских слов, которые в изобилии встречаются в этом сочинении; в силу этого в немецком переводе оказались неясные места. И все-таки каждый (Страленберг и два шведа, принимавшие участие в переводе) «получил свой экземпляр перевода, а сделанные с них в дальнейшем копии попали потом еще и в другие руки».[186]

Одним из двух шведов, записавших по-немецки русский перевод сочинения Абу-л-Гази со слов переводчика-татарина, был, по-видимому, Петер Шёнстрём (P. Schönström; у Х. Д. Френа предположительно, со знаком вопроса, Schoenstroem, т. е. та же фамилия в латинской транскрипции), который позднее передал свою копию в библиотеку университета в г. Упсала (Швеция).[187] А вторым, вероятно, был Бентинк (Bentinck, см. ниже).

25 июня 1720 г. из Тобольска в С.-Петербург Д. Г. Мессершмидт отправил в Медицинскую канцелярию, в ведении которой состояла его экспедиция, на имя архиатера и президента «Медицинского факультета» Иоганна Деодата Блюментроста (брата лейб-медика царя Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста (29 X 1692—27 III 1755), впоследствии первого президента Академии наук (с 7 XII 1725 по 6 VII 1733)) большую посылку, в которой среди различных материалов была и рукопись, полученная Мес-

---

[183] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. III: Asbeckowicz; в списке книг и рукописей, принадлежавших Д. Г. Мессершмидту (ЛОААН, ф. 98, оп. 1, № 4, л. 133 об.): Asbackevits. — Может быть, фамилия Азбакевич есть русское производное от имени Озбек? — Об издании Френом и Ибр. Хальфиным сочинения Абу-л-Гази см. с. 80.

[184] *Новлянская*. Ф. И. Страленберг, с. 78.

[185] Там же, с. 79.

[186] Там же, с. 79; см. еще: *Strindberg A*. Notice sur le manuscrit de la première traduction de la chronique d'Abulghâsi—Bahâder. Stockholm, 1889, p. 5—8. — Об Августе Стриндберге см.: *Ярринг Г.* Тюркология в Швеции, с. 96.

[187] *Strindberg A*. Указ. соч., с. 11.

сершмидтом от Страленберга,[188] под названием «Curiosa Sibiriae. Historico-Politica et Chronologica seu Abul-Hasi Bagadur-Chan. Historia Genealogico-Politica. De Vita et Rebus gestis Magni Mongolorum Monarchi Czingis-Chan. Turcico idiomate inscripta. Chasa in Citap Schassare Turky.[189] Cum Almanach seu Calendario Tattarorum Sibiriensium Muhamedano. In MSS^tis Turcicis, ad Illustrem Facultatem Medica d. 25 Juny, A. 1720. transmissa» (Курьезитеты Сибири. История, политика и хронология Абу-л-Гази Бахадурхана. История, генеалогия, политика. О жизни и делах великого монгольского монарха Чингиз-хана. Написана на тюркском языке. Это — подлинно книга «Шаджара(-и) турки». С альманахом и календарем сибирских татар-мусульман. Тюркская рукопись, пересланная в славный Медицинский факультет 25 июня 1720 г.).[190]

В указанном конволюте помещено только приведенное выше заглавие этого труда (л. 331), но самой рукописи нет. Затем следуют два листа (л. 332, 333), в верхней части которых повторяется заглавие, написанное мелким почерком, занимающее одну шестую часть листа. Это инвентарная запись, а сама рукопись хранилась, вероятно, в архиве Медицинской канцелярии, а затем в библиотеке Академии наук. С этой рукописи по распоряжению Г. Я. Кера была снята копия, хранящаяся в Москве, с которой Х. Д. Френ в 1825 г. подготовил типографское издание (см. с. 80).

В списке книг и рукописей Мессершмидта, составленном им в 1725 г., указаны материалы, — к сожалению, не сохранившиеся, — имевшие самое непосредственное отношение к истории рукописи и переводу на немецкий язык сочинения Абу-л-Гази: 1) «Manuscriptum turcicum seu Linguae turcicae elementa per Achun Asbackevitz, Tobol'sk, in rot[em] Leber»;[191] 2) «Abul-gassi-Bagadur-Chan, Chasa in Kitap Schassare Turky. Ex turcico in german[icum] per Capit[anum] Phil[ippum] Joan[nem] Tabbert (Manuscript)»; 3) «Phil[ipp] Joan[nes] Tabbert, Annotationes in Abulgassi-Bagadur-Chan. Chasa in Kitap etc cum annotationum illustrationibus, germanice (Manuscript)».[192]

Сочинение Абу-л-Гази впервые было издано [193] в 1726 г. в Лейдене в переводе на французский язык.[194] Переводчик и автор

---

[188] *Новлянская М. Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт. . ., с. 9, 18—19, 22.

[189] Арабск.: *хаза инн китаб Шаджара(-и) тӱрки* 'это — подлинно книга Родословие тюркское'. — Это сочинение в других рукописях известно как *Шаджара-и тӱрк* 'Родословная тюрок' или *Шаджара-и тӱрк ва могол* 'Родословная тюрок и монголов'.

[190] ЛОААН, ф. 98, оп. 1, № 22, л. 331; ср.: *Пекарский.* Наука и литература, т. I, с. 359.

[191] ЛОААН, ф. 98, оп. 1, № 4, л. 133 об.; см. еще: *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 33, прим. 5; *Messerschmidt D. G.* Op. cit., ч. 4, с. 111, № 31.

[192] *Messerschmidt D. G.* Указ. соч., ч. 4, с. 113, № 18, 19.

[193] Издатель — Варенн де Мондасс, см.: *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. III.

[194] Histoire généalogique des Tatars traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan et enrichie d'un grand nombre des remarques authentiques et très curieuses sur le véritable état présent de l'Asie septentrionale avec les cartes géographiques nécessaire. Par. D.***. A Leyde, 1726.

примечаний, скрывшийся под псевдонимом Д***, которого Страленберг назвал «добрым другом» (см. ниже), в предисловии говорит, что появлением своим эта книга целиком обязана пленным шведам. «Некоторые из них, — пишет он, — люди просвещенные, купив татарскую рукопись этой „Истории“ у одного бухарского купца, привезшего ее в Тобольск,[195] перевели ее за свой счет сначала на русский язык, а затем с русского языка на различные другие языки. Однако во все эти переводы вкралось бесконечное количество ошибок как по неведению первых переводчиков, так и по недосмотру вторых. Пришлось употребить свыше года для того, чтобы разобраться в этой „Истории“ и привести ее в такое состояние, чтобы она стала доступной читателям».[196] Существенную помощь, по словам переводчика, ему оказала копия с рукописи труда Абу-л-Гази, полученная им «от одного из тех людей, которые сделали за свой счет ее перевод».[197]

Приведенные выше слова автора французского перевода подтверждает Страленберг в своем сочинении «Северная и Восточная части Европы и Азии. . .» (с. 113): «Благосклонный читатель, возможно, уже знаком, с тем, что я изложил в моем Предварительном сообщении, [изданном] в 1726 г.,[198] в котором речь идет об одном татарском манускрипте и о том, как при моем посредстве этот манускрипт с татарского на немецкий, а с последнего на французский был переведен моим добрым другом и был издан в 1726 г. в Лейдене под названием „Histoire généalogique des Tatars“».

Переводчик сочинения Абу-л-Гази на французский язык, пользовавшийся, как уже отмечалось, псевдонимом Д***, — по-видимому, пленный шведский офицер Бентинк (Bentinck),[199] во время пребывания в Тобольске участвовавший в работе над переводом этого сочинения на немецкий язык. Вот, вероятно, почему Страленберг называет его добрым другом!

С французского издания был сделан В. К. Тредиаковским перевод на русский язык, изданный в С.-Петербурге в 1768 г.: «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописныя татарския книги сочинения Абулгачи (! — *А. К.*) Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Север-

---

[195] Ср. со словами Страленберга (см. с. 72).

[196] Цит. по: *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 18.

[197] Там же.

[198] Vorbericht eines zum Druck verfertigten Werkes von der Grossen Tatarey und dem Königreiche Sibirien, mit einem Angang von Gross-Russland. Stockholm, 1726.

[199] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. III; *Березин И.* Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. — ЖМНП, 1850, № 12, с. 17; *Strindberg A.* Указ. соч., с. 13; *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 17—18, прим. 4; ср.: *Messerschmidt D. G.*, Указ. соч., ч. I, с. 14. — У Пекарского (История АН, т. II, с. 44, прим. 3) Bentick, вероятно, опечатка вместо Bentinck.

ных Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук, ч. I—II».[200]

Позднее (1780) французский перевод послужил оригиналом для перевода на английский язык.

Страленберг сам, по-видимому, хотел издать это сочинение в переводе на немецкий язык с соответствующими примечаниями. Однако издание французского перевода заставило его отказаться от этого намерения. Страленберг ограничился тем, что к «Введению» к своему труду «Северная и Восточная части Европы и Азии. . .» (с. 112—127) добавил специальный раздел, посвященный сочинению Абу-л-Гази.[201] Здесь (с. 116—121) сведения Абу-л-Гази о тюркских племенах сопоставляются с таковыми же в труде упсальского архиепископа Иоанна Магнуса (1488—1544); приведены краткие сведения из биографии Абу-л-Гази (с. 114).

Готовясь издать немецкий перевод «Родословной тюрок», Страленберг, конечно, должен был подумать о примечаниях к тексту перевода, так как без них многое в сочинении было бы непонятно неподготовленному читателю. Страленберг составил по-немецки примечания, которые в архиве Д. Мессершмидта значились под латинским названием «Annotationes in Abul-gassi-Bagadur-Chan, Chasa in Kitap etc. cum annotationum illustrationibus, germanice».

В бывшем Московском Главном архиве МИД (ЦГАДА, Москва) хранятся «Замечания на историю татар, сочиненную Абулгази Багадур-ханом»; из предисловия «видно, что. . . автор сих замечаний до 1723 г. был в Тобольске. Вероятно, сия книга переведена с немецкого или другого какого-либо языка. Писана вчерне, в полстраницы, на 120-ти лл. № 274/510».[202]

Три факта — время (до 1723 г.), место (г. Тобольск), иностранный язык оригинала — позволяют высказать предположение, что «Замечания на историю татар, сочиненную Абулгази Багадур-ханом» есть русский перевод немецких «Annotationes», составленных Страленбергом.

Но кем, для кого, с какой целью сделан перевод? В этой связи взор невольно обращается к В. Н. Татищеву — единственному, пожалуй, в ту пору лицу, живо интересовавшемуся историей тюрок в связи с историей России.

В. Н. Татищев по поручению Петра I в 1724 г. отправился в Швецию. В Стокгольме он встретился с Страленбергом, с которым до того, в 1720 г., виделся в Тобольске.[203] Страленберг

---

[200] Год издания установлен по: *Пекарский.* История АН, т. II, с. 44—45, прим. 1 и 219.

[201] «Von des Abulgasi Bagadur-Chans Tatarischen Historie und desselben Übereinstimmung mit denen Europäischen Scribenten» (О татарской истории Абу-л-Гази Багадур-хана и ее соответствии с таковой европейских писателей).

[202] *Токмаков И. Ф.* Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском Главном архиве МИД и его библиотеке. — Труды IV Археологического съезда, т. II, отд. IX. Казань, 1891, с. 292.

[203] *Новлянская.* Ф. И. Страленберг, с. 77.

в письме от 12 марта 1725 г. к лингвисту Иоганну Фришу, ректору Берлинской гимназии,[204] писал о В. Н. Татищеве следующее: «Здесь в Стокгольме находится русский горный советник Татищев, очень интересный и образованный русский. Он охотно согласился взять в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази и обещал проверить его текст».[205]

Какой текст — перевода или оригинала? Для перевода с оригинала на русский язык или с немецкого на русский? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (шифр: 25.5.470) хранится рукопись: «Абулгази-хан. Татарская история. Отрывок. Текст перевода с поправками В. Н. Татищева».[206] В дальнейшем изучение сочинения Абу-л-Гази шло весьма энергично; этот памятник на протяжении всего XIX столетия привлекал к себе внимание ряда ученых.

Профессор Гёттингенского университета Гаттерер опубликовал в 1780 г., — сначала в «Historisches Journal» (т. XII, XV, XVI), затем в «Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und zu Lande» (т. VII) — немецкий перевод сочинения Абу-л-Гази, «который тщанием доктора медицины Дан. Готл. Мессершмидта (! — *А. К.*) в 1721 г. был переписан, а в 1778 г. вместе с экземпляром самой татарской рукописи . . . был подарен библиотеке Гёттингенского университета»; в том же 1780 г. это сочинение было издано отдельной книгой.[207]

«Однако надо признать, — писал Френ, — что и сам Мессершмидт, муж, впрочем, достойный похвалы за многие добродетели, не был осведомлен в языках и истории азиатских народов и (что следует признать самым главным в этом деле) не знал татарского языка, так что он ни в коем случае не мог самостоятельно переводить Абу-л-Гази, но только с чужой помощью; и скорее вообще следует предположить, что перевод, носящий его имя, изготовлен трудом тех же переводчиков, татарина и русского, и в то же время, и по той же рукописи, именно Страленберговской,[208] откуда французская версия происходит, так что, если мы правильно оцениваем дело, эту немецкую версию, хотя ее и следует предпочесть французской, потому что она восходит к татарскому тексту при единственном посреднике — русском языке, коим и сам Мессершмидт хорошо владел, — всего лишь сестрой французской следует считать. При таких обстоятельствах мессершмидтовский перевод

---

[204] У Новлянской — «вице-ректор. . . Я. Л. Фриш» (там же).

[205] *Татищев В. Н.* История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 8.

[206] Истор. очерк и обзор РОБАН, с. 439, № 40.

[207] Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch—Mogulischen oder Mogorischen Chanen. Aus einer türkischen Handschrift in Deutsche übersetzt von D. Dan. Gottlieb Messerschmidt. Göttingen, 1780. 340 c.; см.: *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. IV.

[208] У Мессершмидта, кроме экземпляра рукописи, пересланной в С.-Петербург (1720), был еще один список «татарского» оригинала, принадлежавший ахуну Азбакевичу, а также перевод этого сочинения и примечания к нему, написанные Страленбергом (см. с. 75).

подвержен таким же ошибкам, что и французский. И конечно, он наделен столькими явными пороками, что должна быть поколеблена его достоверность и в остальном. Итак, каждому понятно, что им одним нельзя пользоваться, не заглядывая в самый текст и не сверяясь с ним».[209]

Академику Г. З. Байеру принадлежит первый опыт перевода на латинский язык отрывка из «Родословной тюрок»: «Speciment Libri Schagjire Turki latine conversi a Theophilo Sigefrido Bayere»[210] (Образец [из] книги [Абу-л-Гази] Шаджара(-и) тӯрки. Латинский перевод Теофила-Зигфрида Байера).

По мнению Френа, «Байер, хотя и осведомленнейший во всех свободных науках, легче, чем обычно считают, касался магометанских языков, а татарский только с порога приветствовал, так что в этом своем переводе, насколько по тому образцу можно судить, руководствовался немецким страленберговским, экземпляр коего, не знаю, каким способом, достал».[211]

Г. Я. Кер одновременно с Байером сделал полный перевод сочинений Абу-л-Гази на немецкий язык, который, как и многое другое из его трудов, остался в рукописи (АВЛОИВ, ф. 26, № 1, 331 л.): «Das Ghiwischen Regenten Abu-l-Chasi Bahadur-Chans Monghalisch-Tatarisch-Türkischen Geschlecht-Registers und Chronici wahrhafte Uebersetzung aus dem Tatarischen Original-Text».[212]

Переводу Кера резко отрицательную оценку дал строгий, но справедливый Френ, по мнению которого Кер «этого (тюркского, — *А. К.*) языка достаточно не знал [213] и чересчур самоуверенно сражался в положении, когда его литературная амуниция [букв. гарнизон] не соответствовала . . . потребности. . . и создал перевод, который по справедливости можно назвать чудовищным по форме. . .».[214]

Приговор Френа подтверждается состоянием подлинной рукописи перевода. Она буквально испещрена зачеркиваниями и исправлениями, вынесенными на поля и оборотные стороны листов, а также систематическими отсылками (на полях) к «Histoire généalogique des Tatars» (см. с. 73); на л. 23 об. отметка: «ср.: Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan. A Delf, 1723». Все это безусловно свидетельствует о тщательном редактировании перевода Кера. По-видимому, редакторская правка принадлежит академику И. Э. Фишеру, на которого Академией наук в 1733 г. «было возложено исправление немецкого перевода сочинения Абулгази-хана. Этот перевод был сделан непосредственно

---

[209] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. IV—V. — Цитируется по рукописному переводу И. Ш. Шпфмана (старшего научного сотрудника ЛОИВ).

[210] Опубликовано в журнале: Nova Eruditorum [Leipzig], 1732, t. I, p. 356—366.

[211] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. V.

[212] *Дорн*, с. 121, № 61.

[213] По словам Н. И. Ильминского, Кер «не вполне знал джагатайское наречие» (*Бабер-намэ. . .*, с. IV).

[214] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. V.

с татарского оригинала известным ориенталистом Кером очень близко к подлиннику, причем были верно переданы не совсем приличные для европейского уха выражения, за что Кера и винили как чудака».[215]

И. Э. Фишер, как известно, не знал тюркских языков и, следовательно, мог править перевод Кера только сверяясь с «Histoire généalogique des Tatars», о чем и свидетельствуют частые ссылки на эту книгу.

В архиве Кера (ЦГАДА, ф. 181, № 1459) хранится рукописная книга в кожаном переплете — копия «Родословной тюрок», снятая для него в 1733—1734 гг. со списка, привезенного из Тобольска (см. выше) и принадлежавшего библиотеке Академии наук, о чем говорят соответствующие записи на титульном листе и в конце текста (л. 395). В конце копии (л. 395) на персидском языке арабским письмом сделана следующая запись: «Этот экземпляр „Шаджара[-и] тӱрк“ от начала и до конца изучил Муртаза Тевкили [216] и [установил, что его содержание] согласно с древними историями, особенно оно совпадает с историей ходжи Рашид [ад-дина]; в вилайетах Дома Османова и в землях Ирана [это сочинение] редко встречается».

Список начинается словами: «хаза ал-китаб шаджарат тӱрки» (Эта книга — Родословие тюркское); почерк — хороший (профессиональный) насталик. На полях — многочисленные заметки, содержащие пояснения к отдельным словам и терминам, исторические примечания, частые ссылки на «Hist[oire] généal[ogique] des Tatars». Кому принадлежат эти заметки? По-видимому, И. Э. Фишеру (см. выше).

В том же архиве (ЦГАДА, ф. 191, № 91, 92) хранятся две рукописи: перевод на немецкий язык значительной части названного сочинения Абу-л-Гази («Historia genealogica-politico Tatarorum» (3-я часть, 123 л.) и историко-географические заметки «Collectanea de Historia et Geographia Tatarorum».

Сохранился еще один немецкий перевод этого сочинения, принадлежавший, по-видимому, Страленбергу: «Abulghasi, nach der von Strahlenberg besorgten deutschen Uebersetzung unter dem Titel: Kitap oder ein Buch des ganzen Geschlecht-Registers der Tartaren aus der Tartarischen Sprache übersetzet. I vol.».[217]

Следует обратить внимание на тот факт, что сочинение Абу-л-Гази здесь названо «Kitap» (Книга), т. е. почти так, как называл ее первый ее владелец Азбакевич: «Чингиз Китап — Книга Чингиза» (см. с. 72); это убедительно подтверждает принадлежность данного списка перевода Страленбергу, а также то, что этот перевод сделан с рукописи, принадлежавшей упомянутому Азбакевичу.

Г. З. Байер первый установил и привел в своем латинском пе-

---

[215] *Пекарский*. История АН, т. I, с. 617.
[216] Муртаза Тевкелев (см. с. 53).
[217] АВЛОИВ, ф. 26; см. еще: *Дорн*, с. 121, № 63.

реводе (см. выше) правильное авторское название сочинения: Schagjire Turki — *Шаджара(-и) тӱрки* 'Родословие тюркское'.

В. Н. Татищев в своих исторических изысканиях широко пользовался сочинением Абу-л-Гази, о чем свидетельствуют его многочисленные ссылки на этот труд,[218] а также его просьба, направленная в Академию наук, «прислать ему рукописную копию труда Абу-л-Гази, а вместе с ней напечатанную часть ее»,[219] которую почему-то не смогли выслать.[220]

«Но труд Абу-л-Гази, — пишут издатели «Истории» Татищева, — на татарском языке был найден, кажется, в 1738 г. на месте;[221] по поручению Татищева его переводили в Самаре, но до конца 1738 г. этот перевод не был еще окончен».[222] Это глухое сообщение ничего существенного не дает для выяснения, был ли у Татищева оригинал сочинения Абу-л-Гази, равно как ничего не говорит и о дальнейшей судьбе оригинала.

Два приведенных ниже письма В. Н. Татищева свидетельствуют, что в его распоряжении был только русский перевод сочинения Абу-л-Гази.

В письме от 25 сентября 1736 г., направленном президенту Академии наук графу К. Г. Разумовскому из села Болдино, где Татищев жил в ожидании суда, он пишет:

«Ныне я получил от Академии историю татарскую Абулгасихана, которая весьма к русской истории нужна, и жалел, что она у нас так долго не напечатана; но ныне, читая оную, нашел, что она неправильно с татарского переведена: многие имена за недостатком букв перепорчены, а во многом переводчик русский погрешил; в ней же примечания, сочиненные шведом,[223] частью от незнания, частию от пристрастия, не правы и нам лживыми оскорблениями наполнены. . . Мне же хотя времени до окончания истории настоящей весьма недостаточно, однакож оную читая, исправляю и мои примечания делаю, и докончив совсем, в Академию пришлю; а между тем надобно при Академии оную с татарского свести и исправить; к тому если зачатая в Китаях переводить докончена и прислана, оная к изъяснению сея весьма нужна. А для удовольствия вашего сиятельства и академии при сем татарскую историю посылаю. . .».[224]

В письме от 30 сентября 1746 г., адресованном И.-Д. Шумахеру, библиотекарю и советнику Академии наук, В. Н. Татищев пишет: «. . . понеже я присланную от вас книгу Абулгази-хана прилежно читая, при том все описки и переводчика погрешности исправляя, не мог при том оставить, чтоб многое, а паче в толкованиях Тра-

---

[218] *Татищев В. Н.* История Россійская (см. по указателю: т. I, с. 463; т. II, с. 330).

[219] Речь, по-видимому, идет о французском переводе 1726 г. (см. с. 73).

[220] *Татищев В. Н.* История Россійская, т. I, с. 20.

[221] В Самаре (?) или Оренбурге (?).

[222] *Татищев В. Н.* История Россійская, т. I, с. 20.

[223] По-видимому, речь идет о Страленберге.

[224] Материалы для истории имп. Академии наук, 1895, т. VIII, с. 248.

ленберга (Страленберга, — *А. К.*) погрешности не исправить, которое сначала казалось, что меня от настоящего труда не долго удержит, но в действе не мало труда показалось: я ее четвертую часть прочитав, исправил, а примечаний уже моего мелкого письма собралось 2 тетради, в которых много того находится, о чем немногие знают, а ко известию сее истории весьма нужно. . .».[225]

По всей вероятности, речь идет о каком-то не дошедшем до нашего времени переводе сочинения Абу-л-Гази.

Первое издание текста рукописи «Родословной тюрок» Абу-л-Гази [226] было осуществлено Х. Д. Френом с помощью Ибрагима Хальфина.[227] По предположению В. С. Иконникова, «изданием сочинения Абу-л-Гази Румянцев [228] думал заменить в (тюркских,— *А. К.*) школах чтение религиозных магометанских книг — историческими».[229]

Основанием текста послужил список с рукописи, находившийся в Москве в Архиве МИД (ЦГАДА, — *А. К.*) [230] и писанный для Кера [231] с оригинала, когда-то находившегося в библиотеке Академии.[232] С этим списком сведены в конце варианты рукописи, полученной из Уфы.[233]

Уфимский список, датированный 1722 г. и восходящий, как и основной список, к одному прототипу,[234] переписал Ниметулла бен Максуд, имам Уфимского округа Куккуйян. Этот список попал в руки издателей тогда, «когда книга должна была сойти с печатного станка»,[235] а потому Ибр. Хальфин все разночтения по Уфимскому списку вынес в приложение (с. 187—193).

Из сказанного следует, что в 20-х годах прошлого столетия

---

[225] Там же, с. 257—258.

[226] Abulghasi Bahadur Chani. Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentia J. C. N. de Romanzoff Casani, MDCCCXXV. — Об откликах на это издание и его оценках см.: *Березин И.* Указ. соч., с. 17—34.

[227] Письма Ибр. Хальфина к Х. Д. Френу (первое от 22 декабря 1819 г., последнее от 1 апреля 1825 г.) по поводу подготовки текста этого сочинения к изданию и печатанию в типографии Казанского университета хранятся в ЛОААН (ф. 778, оп. 2, № 339, 17 л.).

[228] Граф Николай Петрович Румянцев (1753—1826), министр коммерции (с 1802 г.), иностранных дел (с 1807 г.), председатель Государственного совета (с 1810 г.) и государственный канцлер, «после ухода в отставку посвятил свое время, энергию и немалые средства на организацию широких научных исследований в области истории, географии, этнографии России и соседних с нею стран» (НАА, 1979, № 4, с. 122).

[229] *Иконников В. С.* Опыт русской историографии, т. I, кн. 1. Киев, 1891, с. 159, прим. 3.

[230] Доставлен в С.-Петербург Я. О. Ярцовым (см. с. 143).

[231] «. . .которая рукою Кера с рукописи имп. Академии наук в СПб. (а она сама — список с тобольского манускрипта) в 1733 г. переписана» (*Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. VII). — Это утверждение — «рукою Кера» — едва ли соответствует действительности, так как список писан, судя по почерку, рукою профессионала-переписчика.

[232] Прислан в 1720 г. Мессершмидтом из Тобольска (см. с. 72).

[233] *Березин И.* Указ. соч., с. 17—18.

[234] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. IX.

[235] Там же.

Френ и Хальфин уже не могли воспользоваться рукописью сочинения Абу-л-Гази, пересланной в 1720 г. Мессершмидтом из Тобольска в С.-Петербург. Френ с грустью писал, что «две [236] рукописи Абу-л-Гази, которые прежде хранились в библиотеке имп. АН в СПб., из коих одна Мессершмидтом в 1720 г. из Тобольска в СПб. к Блюментросту. . . была переслана, уже давно разыскиваются, похищенные жестокой неведомой рукой».[237]

Последнее упоминание о наличии рукописи этого сочинения в академической библиотеке относится к 1779 г. Среди рукописных книг БАН названа «Газа ин китарь (вместо «китапъ», — *А. К.*) Шазаре Турки или Родословная история татарских ханов, сочиненная Абуль-Гази-Багадур-ханом».[238]

В письме от 25 октября 1820 г. Ибр. Хальфин сообщил Френу, что он принимает предложение «Его сиятельства графа (Н. П. Румянцева, — *А. К.*) перевести Историю Абулгази на российский язык». В письме от 9 февраля 1821 г. Хальфин пишет, что им в адрес Френа отправлен «перевод Абулгази», вероятно образец; дальнейшая судьба этого перевода не известна.

По первоначальному плану Х. Д. Френа, издание сочинения Абу-л-Гази должно было состоять из трех томов: первый том — оригинальный «татарский» текст; второй том — «новый и верный перевод»; третий том — «филологические, исторические и географические примечания с нужными географическими картами».[239] Издан был только первый том — оригинальный текст с предисловием Х. Д. Френа; см. с. 80, прим. 226.

Критическое издание текста «Родословная тюрок» и перевод его на французский язык осуществил Петр Иванович Демезон [240] (см. с. 182).

Издание П. И. Демезона основывалось на рукописи сочинения Абу-л-Гази, которую знаменитый русский лексикограф и литератор В. И. Даль (1801—1872) приобрел во время службы в Оренбурге (1833—1841) [241] и передал в 1842 г. в дар Азиатскому музею

---

[236] Вторая из них, по-видимому, принадлежала Мессершмидту (см. выше).

[237] *Абу-л-Гази* (предисловие Френа), с. VII.

[238] Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Василием Костыговым. [СПб.], 1779, с. 87. — О Костыгове Василии Григорьевиче (1749—?) см.: *Кулябко Е. С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977, с. 105—108.

[239] *Френ Х.* Предварительное донесение о важном обогащении в нынешне году арабскими, персидскими и татарскими рукописями Азиатского музея СПб. имп. АН. — Прибавления к № 93 «СПб. ведомостей», 1819, с. 13.

[240] *Desmaisons.* Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâsi Behâdour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons, T. I. Texte. St.-Pb., 1871; T. II. Traduction. St.-Pb., 1874. — Переиздано фотомеханическим способом, фирмой «Otto Harrassowitz». Wiesbaden, 1970. — Грамматический очерк языка этого сочинения по тексту Демезона см.: *Иванов С. И.* Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Имя и глагол. Грамматические категории. Ташкент, 1969.

[241] *Бессараб М.* Владимир Даль. М., 1968, с. 92—148, 258.

АН.[242] Рукопись была сопоставлена Демезоном с берлинским, гёттингентским и казанским изданиями этого сочинения.[243]

Из доклада, прочитанного Б. А. Дорном 29 декабря 1839 г. на общем собрании Академии наук,[244] известно, что драгоман Министерства иностранных дел Я. О. Ярцов перевел на русский язык сочинение Абу-л-Гази с казанского издания; к сожалению, перевод остался ненапечатанным, и, по-видимому, затерялся.[245]

Сочинение Абу-л-Гази с издания Демезона на казанско-татарский язык перевел Габдулла Галлам Файзханов.[246]

С текста, изданного в Казани в 1825 г., известный арабист, переводчик Корана Г. С. Саблуков (1804—1880) сделал перевод, опубликованный в двух изданиях. [247]

Из издания Демезона были опубликованы два отрывка.[248]

Второе по времени открытия и опубликования и первое по времени составления сочинение Абу-л-Гази «Родословная туркмен» в русском переводе было введено в научный обиход А. Г. Туманским (1861—1920).[249]

Сводный текст (по семи рукописям) и новый перевод этого сочинения подготовил и опубликовал А. Н. Кононов.[250]

Из сказанного с полной очевидностью следует, что научное издание, перевод и изучение «Родословной тюрок» Абу-л-Гази, равно как «Родословной туркмен» того же автора, является безусловной заслугой нашей отечественной тюркологии.[251]

---

[242] *Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. И.* Указ. соч., № 81. — О других рукописях см. там же, № 82—86.

[243] *Desmaisons.* Op. cit., t. I, p. 1.

[244] *Dorn B.* Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der asiatischen Studien in Russland. Rede gehalten am 29 Dec. 1839. — Recueil des Actes des sceance publique de l'Académie imper. des Sciences de St.-Pb., 1840.

[245] Там же, с. 88, прим. 43.

[246] İslâm Ansiklopedisi, 30 cüz, İstanbul, 1946, s. 82.

[247] Библиотека восточных историков, т. III. Изд. И. Н. Березина. СПб., 1854 (не полностью; полное отдельное издание: Казань, 1906).

[248] 1) Отрывки из сочинения Абу-л-Гази. Перепечатано из издания барона Демезона под наблюдением П. М. Мелиоранского. Пособие для студентов Факультета восточных языков. Казань, 1898; 2) Выписка из сочинения Абул-Гази Багадур-хана о завоевании сыном Чингиз-хана Джучи-ханом древних городов Саганака, Узгента, Аснаша и Дженда. (Оригинальный текст, изд. барона Демезона, СПб., 1871, стр. 104—106). — ПТКЛА, 1901, год VI, с. 102—103.

[249] Абуль-Гази-Бахадур-Хан. Родословная туркмен. Асхабад, 1897. — Об А. Г. Туманском см.: БВСОТ, с. 273—274.

[250] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958.

[251] В книге А. А. Белоусова «В семье единой» (Улан-Батор, 1977, с. 79—80) рассказывается о занятиях А. М. Горького трудом Абу-л-Гази: «В конце февраля 1895 г. А. М. Горький, по рекомендации В. Г. Короленко, был принят литературным сотрудником «Самарской газеты». На следующий же день он рассказал читателям газеты об историке-востоковеде Абулгази-Баядур-хане, давшем интересное описание древнего быта тюрко-монгольских племен». — Этой справкой я обязан любезности И. Г. Добродомова.

А. Вамбери (см. с. 183) во время своего путешествия в 1863 г. приобрел рукопись «Шаджара-и тюрк», о которой в своей книге «Путешествие по Средней Азии» (М., 1864) пишет.: «. . .весь мир благодарен ему (т. е. Абу-л-Гази) за его „Шаджара-и тюрк“» (с. 155).[252]

7. Лексикографическая деятельность В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, К. А. Кондратовича, М. Абдрахманова

Пионером сопоставительного языковедения в России XVIII столетия, инициатором, руководителем и активным участником составления ряда словарей, различных по своему материалу и принципам композиции, был выдающийся государственный деятель и историк Василий Никитич Татищев (1686—1750), один из «птенцов гнезда Петрова».

Среди его многочисленных научных трудов особое место занимает составленный в 1744—1745 гг. и изданный в 1793 г. в С.-Петербурге «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский, чч. I—II—III (А—К)» [253] — кладезь исторических, географических, этнографических и лингвистических сведений.

В «Лексиконе», который по своему типу является энциклопедическим словарем, объясняются и толкуются многие восточные — преимущественно тюркские — этнонимы, топонимы, общественно-политические, исторические и географические термины и названия, причем четкость, точность и ясность объяснений и толкований слов свидетельствуют о глубоких познаниях их автора в самых разнообразных областях знаний.

«Лексикон», «История Российская», интерес к «Родословной тюрок» Абу-л-Гази, казалось бы, подтверждают предположение некоторых исследователей, что Татищев мог знать татарский язык, который к тому же был ему крайне нужен в его многолетней административной деятельности на Урале, в Оренбурге и в Астрахани.[254]

В. Н. Татищев если и знал татарский язык, то, по-видимому, знал его только в разговорной форме, но читать написанное по-татарски арабской азбукой не мог, о чем свидетельствуют его собственные слова, которые известны из письма В. Н. Татищева к П. И. Рычкову: «Прежде Вы начали татарский лексикон сочинять и весьма бы нужен к чему Менинский. . .[255] много служить

---

[252] Справка: *Худайназаров Х.* Художественное мастерство Абулгазы в прозе. Акд. Ашхабад, 1974. 43 с.

[253] Переиздан: *Татищев В. Н.* Избр. соч. Л., 1979, с. 153—360.

[254] *Булич*, с. 423; *Крачковский.* Очерки, с. 48.

[255] Менинский (Francisci a Mesgnien Meninski, 1623—1698) — автор турецкого словаря и грамматики: Thesaurus Linguarum Orientalium. Viennae, 1680; 2-е изд. — 1780; Linguarum Orientalium, Turcicae, Arabicae, Persicae, institutiones, seu Grammatica Turcica. Viennae, 1680; 2-е изд. — 1756.

может; но у меня мало употребляем, для того что татарского и арабского читать не умею. Если б кто взялся оный перевести, я бы не пожалел дать 100 рублей».[256]

В. Н. Татищев имел достаточные по тому времени познания в языковедении, о чем свидетельствует его сочинение «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ».[257] Отвечая на вопрос своего умозрительного собеседника — «Который язык нужднее к учению?», — В. Н. Татищев говорит, что выбор следует делать в зависимости от предмета изучения; латинский и греческий языки нужны лицам духовного чина, «знатному шляхетству велико- и белороссийскому нуждно и полезно немецкий язык. . . Мало же меньше нужен французский язык. . . Но Казанской губернии шляхетству хотя и оныя языки для приобретения наук полезны, но по соседству и всегдашнему с татары обхождению татарской, а других губерней сарматской языки нуждны и полезны. Затем соседских государств китайской, мунгальской, персидской и турецкой не токмо тем, которые там могут быть, и для приобретения находящихся у них собственных наук и знания их гисторей не бесполезны».[258]

На другой вопрос — «Какие и где следует учредить школы для изучения языков?» — В. Н. Татищев дал следующий ответ:

«Нужднейших почитаю три: 1) Татарской, которого удобняе всех мест в Казани, Тобольске и Астрахании, а особливо ныне и в Оренбурге обучать. . . а притом как между татары многие в арапском языке ученые находятся, то могут и арапского обучаться. 2) Главной поданных руских язык сарматский, но сей употребляют разные народы, яко фины и корелы, лапланцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чуваши, черемисы и пр. . . . Их можно в Тобольске, у города Архангельского, Казани и в Петербурге училища устроить. 3) Калмыцкой язык и, по употреблению их книг, тангутский удобняе в Астрахании учить. 4) Затем, хотя в Сибири многие разные языки имеются, но более мунгальской и тангутской (т. е. тибетский, — *А. К.*) нуждны; оных и других можно свободно в Иркутске или Нерчинске, а северных и камчадальских в Якутске или Охотске обучать».[259]

Приведенные вопросы и ответы В. Н. Татищева свидетельствуют о глубоком понимании задач, стоящих перед русской наукой того времени.[260]

---

[256] *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. — Сборник статей, читанных в ОРЯС АН, 1868, т. II, № 1, СПб., с. 15.

[257] *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ. С предисловием и указаниями Нила Попова. М., 1887; см. еще: *Татищев В. Н.* Избр. соч., с. 51—132.

[258] *Татищев В. Н.* Избр. соч., с. 101—102.

[259] Там же, с. 102—103.

[260] Подробнее о лингвистических воззрениях В. Н. Татищева см.: *Вдовин И. С.* История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, с. 17—

В начале 1734 г. В. Н. Татищев был назначен начальником горных заводов на Урале. Здесь он приступил к глубокому изучению истории, географии и этнографии Сибири. Татищев разработал анкету — «вопросные пункты», содержащие 92 параграфа. Несколько позднее, а именно в 1737 г., он направил в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии Российской», содержавшее уже 198 вопросов, которые были по просьбе Татищева посланы участникам Камчатской экспедиции. Среди других вопросов здесь были и лингвистические. Поступавшие на них ответы, по-видимому, совершенно не удовлетворяли строгим требованиям Татищева, а потому он составил особый словник: «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы. . .».[261]

Во время своего пребывания на Урале (1734—1737) В. Н. Татищев собирал материалы по истории, этнографии и языкам народов Сибири, о чем свидетельствует рукопись, озаглавленная «Города Тобольска ведомость, сочиненная в Тобольску по имянному ея имп. величества указу, присланного из Кабинета, и по определениям тайного советника господина Татищева потребная к сочинению истории» (ЛОААН, ф. 21, оп. 5, № 184; *Дорн*, с. 117, № 35);[262] здесь помещены написанные русскими буквами словарики: «тобольские татари», «тарские татари».

В конце 30-х годов XVIII столетия по инициативе В. Н. Татищева собирал материалы и составлял различные словари, в том числе татарский и чувашский, Кирпак Андреевич Кондратович (1703—ок. 1790).[263]

Из прошений, поданных Кондратовичем в Академию наук 30 мая 1737 г. и 22 июня 1739 г., известно, что он составил следующие лексиконы: татарско-русский, чувашско-русский, вогульско-русский, черемисско-русский, вотско-русский, остяцко-русский. Названные лексиконы были им переданы В. Н. Татищеву; дальнейшая их судьба не известна.[264] Может быть, их следует искать в «Ведомости» В. Н. Татищева (ЛОААН, ф. 21, оп. 5, № 152), где собраны «Словари: русско-татарский, русско-вогульский и др. наречий, а также русско-татарско-остяцкий»; здесь же под № 149 находятся «Словари: вогульский, черемисский, чувашско-черемисский, мордовский, калмыцкий, грузино-персидско-турецкий; различные слова этих наречий в переводе на русский»; под № 153

39; *Аверьянова А. П.* В. Н. Татищев как филолог (к 200-летию со дня его смерти). — Вестник ЛГУ, 1950, № 7, с. 45—57.

[261] *Попов Н.* Указ. соч., с. 583—585, прим. 144; см. также: *Вдовин И. С.* Указ. соч., с. 29—34. — Рукопись «Лексикона» хранится в РОБАН (32.13.14); см.: Истор. очерк и обзор РОБАН, с. 436, № 15.

[262] Ср.: *Булич*, с. 422.

[263] *Пекарский П. П.* Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия. — Современник, 1858, № 6; см. также: История АН, т. I, с. 271, 390—391, 394; ББСОТ, с. 193.

[264] *Булич*, с. 422—423; *Егоров.* Чувашские словари, с. 135.

значится «Словарь русско-татарский наречия Пелымского округа»; см. еще в том же фонде и описи № 184.

С именем В. Н. Татищева связан также рукописный «Российско-татарско-калмыцкий словарь» (РОБАН, 1.5.58, 98 л.), который составлялся в татарско-калмыцкой школе, основанной Татищевым в Оренбурге (так у Бартольда: Соч. IX, с. 409; по Буличу, с. 405: в Самаре) в 1744 г. (?).[265]

Этот словарь, представленный только первыми тремя буквами русского алфавита (А, Б, В), содержащий 866 пронумерованных слов и фраз,[266] составлялся под руководством Петра Ивановича Рычкова (1712—1777), первого члена-корреспондента АН (с 1759 г.) географа, экономиста, историка.[267]

Непосредственное участие в составлении словаря принимал учитель вышеназванной школы ахун Махмуд А(б)драхманов,[268] владевший — кроме своего родного, татарского — турецким, арабским и персидским языками.[269]

Русским словником для словаря послужил несколько переработанный «Лексикон треязычный, сиречь речений словенских, еллино-греческих и латинских сокровище», изданный Федором Поликарповым в Москве в 1704 г.[270]

Словарь был задуман четырехъязычным, но на л. 1 приведены только две графы — «татарский» и «калмыцкий», — которые разбиты на подграфы (соответственно) «россиискими литеры» и «татарскими литеры», «россиискими литеры» и «калмыцкими литеры». Начиная с л. 2 вводится четыре графы: «российскии, арабскии, татарскии, калмыцкии»; последние три графы разбиты на подграфы «российскими литеры» и соответственно арабскими, татарскими, калмыцкими литерами; графа «арабскии» не заполнена.

Среди довольно многочисленного научного наследия П. И. Рычкова есть одно — несправедливо забытое — рукописное сочинение, имеющее прямое отношение к истории тюркских народов: «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются, собрано в Оренбурге из книг турецких и персицких и по скаскам бывалых в тех местах людей, к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания. [Далее подпись автора]. 10 апреля 1750 г.» (РОБАН, 32.5.17).[271]

---

[265] *Булич*, с. 405—407, 416; *Нугманов*. Русско-тат. рукоп. словари, с. 30—32.

[266] Ср.: *Булич*, с. 406; *Нугманов*. Русско-тат. рукоп. словари, с. 30.

[267] Подробнее о нем см.: История АН, т. I, с. 244—246; *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка. . ., с. 1—184.

[268] У Нугманова (Русско-тат. рукоп. словари, с. 30). — Габдарахманов, т. е. казанско-татарская форма арабского имени Абдаррахман.

[269] *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка. . ., с. 12—13; *Булич*, с. 406.

[270] *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка. . ., с. 11—12.

[271] Истор. очерк и обзор РОБАН, с. 439, № 39.

8. Рукописные тюркские вокабулярии, глоссарии, словари, разговорники XVIII—начала XIX в.

Из дошедших до нашего времени словарных опытов начала XVIII в., которым предшествовали «азбуковники», «алфавиты иностранных речей» (см. с. 30), первым следует назвать помещенный в сборной рукописи конца XVII—начала XVIII в. (РОБАН, 7.8.27, л. 88—95) писанный русскими буквами анонимный и недатированный русско-татарский словарик (около 300 слов), озаглавленный «Наука языку турскому и рускому»; в конце его написано: «Если хто хощет много знать сей язык, тогда. . . поди сначала и до конца конец» (л. 95). По мнению М. Нугманова, этот словарик составлен русскими купцами.[272]

Известный интерес — как образец одного из старейших переводов связного русского текста на татарский язык — представляет «Книга об обращении сарацынов к вере христианской, переведена преосвященным митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием Стаховским, 1726 года», в двух частях (РОГПБ, *Дорн*, № 504/1—2, ч. 1 — л. 1—144, ч. 2 — л. 145—236);[273] русский и татарский (арабскими буквами) тексты, приведенные en regard, писаны несколькими разными почерками.

Многие из дошедших до нашего времени рукописных тюркских словарей первой половины и середины XVIII в. являются ответами на своеобразную анкету — «Города Тобольска ведомость, сочиненная в Тобольску по имянному ея имп. величества указу, присланного из Кабинета, и по определениям тайного советника господина Татищева потребная к сочинению истории» (см. с. 85).

К их числу принадлежат писанные русскими буквами: 1) русско-татарско-чувашско-мордовский лексикон (около 300 слов), содержащийся в деле, носящем название «Ведомость Синбирской провинциальной канцелярии, учиненная в ответ на вопросные пункты, которые явствуют в присланной с предложения копи» (ЛОААН, ф. 21, оп. 5, № 149, 1737—1738 гг., л. 92—140; лексикон: л. 126—140 об.), в конце (л. 140 об.) написано: «Сочинял сию ведомость Синбирской провинциальной канцелярии протоколист Василей Белоусов»; [274] 2) русско-бухарско-татарский словарик (там же, л. 188 об.—201); 3) русско-татарский словарик (около 250 слов), «переписал Федор Холодищев» (там же, л. 249—260 об.);

---

[272] *Нугманов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 26—27.

[273] См.: *Березин И.* Указ. соч., с. 15—16; *Нугманов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 22 (здесь неправильно прочитано заглавие: «Книга сообращений. . .»; на с. 20—21 приведена фотография заглавного листа и одной страницы с татарским текстом).

[274] Русско-чувашская часть этого лексикона опубликована: *Димитриев В. Д.* Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века. — Зап. НИИЯЛИ, Чебоксары, 1960, вып. XIX, с. 286—298. — Здесь же параллельно с русско-чувашской частью лексикона приведены чувашские слова из «Русско-чувашско-марийско-мордовского словаря», хранящегося в ЛОААН (*Димитриев В. Д.* Указ. соч., с. 275).

4) русско-татарско-чегодайско-[275]персидско-турецко-кабардино-кудачинско-оварский словарик (около 750 слов); кабардинская, кубачинская, оварская графы не заполнены, чегодайская и турецкая (особенно первая) графы заполнены с большими пропусками (там же, л. 472 об.—492).

Словарики (кроме русско-татарского) снабжены введениями, в которых приводятся сведения о народностях, обитающих в местах собирания лексического материала, что безусловно подтверждает предположение о связи этих материалов с «Ведомостью Татищева».

Примерно в это же время (40-е годы XVIII столетия) был составлен русско-татарский разговорник (РОБАН, 17.15.8, л. 1—71). На первом заполненном листе (л. 3) — пословицы и поговорки, писанные арабскими буквами, весьма приличным почерком; внизу на том же листе: «Писал сие писмо ученик татарского языка Матвей Котельников». Разговорник (л. 4—66; л. 67—71 не заполнены) состоит из трех граф: русские фразы в переводе на татарский язык написаны арабскими и русскими буквами.

О Матвее Семеновиче Котельникове известно немного: он был сыном ссыльного в Оренбургский край; обучался «в оренбургских школах наукам, нотному пению, по-татарски читать и писать, которое нарочито понял».[276]

Г.-Л.-Хр. Бакмейстер, задумавший составить «Всеобщий словарь», разослал анкету для собирания словарных материалов «разных языков в примерах» (см. с. 99); таким путем он собрал большой лексический материал, среди которого оказались и многочисленные списки русских слов с переводом на тюркские языки. Несколько позднее такую же работу проделал П.-С. Паллас (см. с. 100).

Лингвистические материалы, собранные Бакмейстером, и некоторая часть материалов П.-С. Палласа позднее были переданы Федору Павловичу (Фридриху) Аделунгу (1768—1843) [277] — историку, археологу, лингвисту и библиографу, почетному члену Академии наук; ныне эти материалы хранятся в РОГПБ (ф. 7, Архив Аделунга).

Большая часть словарных материалов Палласа впоследствии поступила в распоряжение академика А. М. Шёгрена (1794—1855); в настоящее время они находятся в ЛОААН (см. с. 127).

Тюркские словарные материалы из архивов Бакмейстера—Аделунга и Палласа, собранные на местах усилиями многих должностных лиц, могут с пользою служить целям сравнительно-исторической лексикографии, а потому для облегчения этой работы их следует здесь перечислить.

---

[275] Т. е. чагатайский; представляет интерес для истории и датировки термина.

[276] *Булич*, с. 423, прим. 5; см. еще: *Нугманов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 32—35.

[277] О нем см.: РБС, т. I, Аарон—имп. Александр I, 1896, с. 71—73.

Тюркские словарные материалы из архива Бакмейстера—Аделунга

(Преимущественно вторая половина XVIII—начало XIX в.)[278]

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 15.

1.[279] «Dialectus linguae tataricae qua Kumüki utuntur (10 с). — Русские числительные (с. 1—2); фразы в переводе на кумыкский язык в трех начертаниях: арабскими, русскими и латинскими буквами (с. 2—10). В подстрочных примечаниях приводятся сведения о произношении отдельных кумыкских гласных и согласных. На последней странице (ненумерованной): «Reçu par Mr. le Professeur Güldenschtädt, le 18 Sept. 1775».

2. «Dialectus linguae tartaricae qua Kumiki utuntur in loquendo ex traductione Studiosi Kraschenninikow» (7 с.). — Русские числительные и фразы в переводе на кумыкский язык, русскими и латинскими буквами. В верхнем левом углу помета Аделунга: «Aus Hrn. Güldenstädtschen Papieren im Archiv der Academie der Wissenschaften».

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 16.

21. 1. «Traduction Turque reçue par Mr. le Conseiller Müller à Moscou» (2 с.). — Турецкие фразы и имена числительные, арабским письмом с русской транскрипцией.

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 17.

14. «Сей перевод по алфавиту собран стараннем генерал-майора и кавалера Скалона с тем желанием, не можно ль иногда из оного сочинять российскими литерами азбуку, букварь и другие приличествующие сему народу книшки. 8 дня 1774 году. Сибирской губерни Иртышской линии в крепости Устькаменгорской» (84 с.). — Русско-киргизский словарь (около 1600 слов). За словарем следует титул Екатерины II по-русски и по-киргизски, затем идут имена числительные и русские фразы с переводом на киргизский язык «Отче наш». Этот словарь, по-видимому, является ответом на анкету Бакмейстера (см. с. 99).

15. Имена числительные, фразы в переводе на киргизский язык русскими буквами (4 с.). В конце последней страницы приписка (по-немецки): «получено из Омска от пастора Лютера 20 февраля 1780 г.».

16. Имена числительные, фразы в переводе на киргизский язык арабским и русским письмом (6 с.). В конце приписка: «Переводил Оренбургской губернии в городе Оренбурге. . . канцелярии переводчик Матвей Родионов сын Родионов». Затем следует (с. 6—7) справка: «Что же касается до наречия вышеобозначенного, то оным говорят обитающие в Оренбургской губернии мухаметанского закона татара. . .», т. е. речь идет о казахах и казахском языке. На с. 7 дата: «1778 г.».

Без номера (1 с.). Три русских фразы в переводе на киргизский язык; наверху приписка по-немецки: «Киргизский яз. из Омска».

14.1. «По-киргизски» (4 с.). — «Отче наш»; затем 70 русских слов и числительные (1—10, 20, 30, 40, 50, 100, 1000) в казахском переводе; внизу приписка: «Aus Orenburg durch Hrn. Zoll.-Direktor Wilitschko erhalten».

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга; № 18.

1. «Словарь человеческих языков северо-восточных народов — якутов, Удских, Угурских, Имайских зимовьев тонгусов и Охотских ламутов. 1807 года» (55 с.). — Состоит из четырех частей: «Якутско-тунгузско-ламутско-

---

[278] *Булич*, с. 424—439.

[279] Цифры слева обозначают номера описи.

русский словарь», слова и фразы (с. 1—43); «Щет сибирских народов вообще», т. е. имена числительные (с. 44—52); «Слова и целые речения северо-восточных Сибирских народов Российской державы» (с. 52—55); «Русско-якутско-тунгусско-ламутский словарь» (без пагинации). Приписка: «Gesammelt von der Landmesser Iwan Koshewin».[280]

2. Французско-якутский словарик (5 с.).

3. Немецко-якутско-тунгусско- . . . словарик (7 с.). На с. 8 внизу приписка: «Aus Redowsky's Papieren».[281]

4. «Jakutisch (Aus Witsen)» (2 с.). — Голландско-якутский словарик.

5. «Краткой перевод якутского разговора на российской» (4 с.). — Русско-якутский словарик. В конце приписка: «Aus Redowsky's Papieren».

6. «I. Jakutische Wörter aus den Papieren des Dr. Redowsky, dem sie auf seiner Reise nach Ochozk, 1806, waren mitgetheilt worden» (2 с.). — Немецко-якутский словарик.

«II. Jakutische Wörter, welche dem Dr. Redowsky auf seiner Reise mitgetheilt worden» (2 с.). — Немецко-якутский словарик.

7. «Якутский перевод» (6 с.). — Русско-якутский словарик и разговорник.

8. Русско-якутский словарь и разговорник 1773 г., составленный «якутского народа опекуном дворянином Иваном Старостиным» (9 с.).

Другой список того же словаря (7 с.). Подпись: «Опекун дворянин Иван Старостин».[282]

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 19.

1. «Krimisch, Tatarisch (Aus Witsen)» (8 л.). — Татарско-голландский глоссарий (около 540 слов).

2. «Молитва „Отче наш" на татарском языке» (л. 1). — Писано русскими и арабскими буквами; texte en regard. В конце: «Перевел татарского языка учитель священник Александр Троянский».

3. «По-татарски в Оренбурге» (6 л.). — Состоит из «Отче наш», русско-татарского глоссария (70 слов) и числительных (1—10, 20, 30, 40, 50, 100, 1000). Texte en regard. В конце: «Aus Orenburg durch den Hrn. Zoll.-Direktor von Wilitschko erhalten».

4. Молитва «Отче наш» на латинском языке с переводом на казанско-татарский язык (1 л.). Texte en regard. Писано латинскими буквами. Перед текстом: «Mitgetheilt von Hrn. Prof. Fuchs in Kasan, 15 oct. 1807. Kasan-Tatarisch».

5. «Das Vater-Unser in Tatarischer Sprache, übersetzt von einem Molla in Kasan» (1 л.). — Татарский перевод «Отче наш», написанный красивым насталиком.

6.01. «Перевод молитвы „Отче наш" на татарском языке, доставленный из Казанской гимназии» (1 л.). — Писано русскими буквами. 02. «[«Отче наш»] на татарском же языке, доставленной из Казанской духовной академии» (1 л.). — В конце: «Переводил учитель оной гимназии священник Александр Троянский».

7. «Vater-Unser. Tatarisch. Aus dem Kasanischen Gymnasium» (1 л.). — «Отче наш» на татарском языке. Писано латинскими буквами.

8. «Türkisch-tatarisch. So wie es unter den vornehmen Ständen im Kaukasus, und in einem grossen Theile von Persien gesprochen wird» (4 л.). — «Отче наш» на латинском языке с переводом на азербайджанский; texte en regard. Писано латинскими буквами. Ср.: № 22.

---

[280] О Кожевине см. с. 96.

[281] О Редовском см. с. 96.

[282] См.: *Убрятова Е. И.* Труду О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten» 120 лет! — В кн.: О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973, с. 12—13.

9. «На тюркском перевод» (2 л.). — Символ веры. «Переводили богословии и фплософии слушатели Семен Березовский и Василей Серлянский». В левом верхнем углу: «Получ[ено] Генв[аря] 16 дня 1791».

10. «Слова, взятые из уроков для переводу татарского языка» (24 л.). — Русско-татарские вокабулы, писанные русскими буквами, разделенные на 130 уроков (в среднем по 8 слов в уроке, т. е. всего 130×8=1010 слов). Ср.: № 16.

11. «Речи для переводу татарского языка» (3 л.). — Для перевода с русского на татарский предлагаются имена числительные и 23 предложения. «Переводил богословии и философии слушатель Сергачевой округи села Березовки диакона Егора Осипова сын Семен Березовский». В конце рукописи, после двух незаполненных листов, наискось написано: «Reçu avec le lettre de S. E. l'Evêque Damaskin du 12 Decembre 1789».

12. «Über die Sprache der Kasanischen Tataren. Mitgetheilt von dem Hrn. Prof. Fuchs in Kasan» (1 л.). — Несколько грамматических заметок и перевод «Das Vater-Unser» с объяснениями некоторых оборотов и слов.

13, 14, 15, 16, 17, 18, 19. Разные заметки, возможно принадлежащие Бакмейстеру.

20. «Молитва „Отче наш". Перевод с славянского на татарский язык» (1 л.). — Texte en regard в три колонки: русский, татарский — арабскими буквами, татарский — русскими буквами. В верхнем левом углу: «Orenburgisch, Tatarisch».

21. «Перевод на крымско-татарский язык» (1 л.). — 70 русских слов, числительных (1—10, 20, 30, 40, 50, 100, 1000) и «Отче наш». Русский словник воспроизведен типографски; вероятно, это опросный лист (лингвистическая анкета). Писано русскими буквами. На обороте листа в нижнем левом углу: «Mitgetheilt von dem Hrn. Kollegienrathe von Slowzow. Oktober 1807».

22. «Türkisch-tatarische Mundart unter den vornehmen Ständen im Kaukasus und einem grossen Theile von Persien. Mitgetheilt von dem Hrn. Oberstleutnant von Troussow in Baku» (1 л.). — Составлено по тому же (см. № 21) опросному печатному листу.

23. Заметки.

23[а]. Немецко-татарский глоссарий (3 л.). Числительные (1—19, 20—24, 30, 40, 50, 60—70, 80, 90, 99, 100, 200, 1000) и фразы (подобные № 11). Татарская часть — арабскими и латинскими буквами. В конце, в правом углу: «J. Jaehrig».[283]

24. Заметки.

25. «Alphabets Tartares». — Отдельный оттиск или лист из книги.

26. «Реестр татарским волостям Бийского и Кузнецкого уездов, на диалекты которых переведены нижеписанные слова, с показанием где оныя находятся, так же какими буквами в переводе слов означены» (10 л.). — Ответ на предписание Екатерины II от 22 марта 1784 г., «чтоб приложенные при оном предложении слова были переведены на языки разных Колыванскую губернию населяющих народов. . .». Русских слов — 286; на л. 9—10 — грамматические заметки.[284]

27. «По руски, по кангтски, по карагаски или по камасински» (2 л.). — Этому глоссарию (126 слов) предшествует копия письма, направленного генерал-губернатором из Иркутска в С.-Петербург «мая 14-го дня 1786 года» в ответ на предписание Екатерины II (см. № 26).

28. «Наречие татарское. Проточенные ж линии с предъидущими линиями татарской диалект на российском перевод сходственной» (7 л.). — Русско-татарский (тобольские и тарские татары) глоссарий (286 слов), содержащий следующие графы: 1) «Российское слово», 2) «В городе Тобольске» (арабскими и русскими буквами); 3) «В городе Таре»; 4) «Оного города в округе», — не все графы заполнены переводом. В конце подпись: «Советник Илья Мыльников». Ср.: № 102, с. 93.

---

[283] Ср.: *Булич*, с. 425.
[284] Там же, с. 429—430.

29. «Перевод российского словаря на языки: качинския, кызыльския, кайдынския, сагайския и белтырския» (8 л.).

30. «Vocabularium der Tartarischen Sprache. . .» (14 л.). — Вокабулярий из диалектов татар, обитающих в Верхотурье, Туринске, Тобольске, Томске, Красноярске, Кузнецке и других местах Сибири. «Кангатско-латинско-башкирско-туринско-тобольско-томско-телеутско-кузнецко-красноярско-бухарско-якутский вокабулярий, писанный латинскими буквами».[285]

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 20.

1. Заметки по башкирскому языку (2 л.). По-башкирски. «Отче наш» (л. 1); русско-башкирский вокабулярий (70 слов); числительные (1—10, 20, 30, 40, 50, 100, 1000; русскими буквами). В конце л. 2 об.: «Aus Orenburg durch den Hrn. Zoll.-Direktor von Wilitschko erhalten». Ср.: с. 90, № 3.

РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 26.

13. «Молитва „Отче наш" на чувашском языке. Перевел поэзии учитель Петр Тагиев Иванов» (1 л.).

14. «Молитва востав от сна», «Молитва отходя ко сну», «Молитва перед обедом», «Молитва после обеда» (3 л.). — Переводил с российского на чувашский диалект богословии и философии слушатель Григорий Рожанский». Писано русскими буквами.

15. «Речи для переводу на чувашский язык. Переводил Нижегородской эпархии чувашского языка проповедник перей Ермей Рожанский» (3 л.). — На чистом листе в конце внизу: «Reçu avec la lettre de S. E. l'Evèque Damaskin du 12 Decembre 1789».

16. «Слова, взятые из французских разговоров российские с чувашскими расположенные по урокам» (42 л.). — 130 уроков (ср. с. 91, № 10). «Переводили с российского на чувашский язык богословии и философии слушатели Григорий Рожанский и Иван Русановский» (л. 42 об.).

18. «Краткий катихизис, переведенный на чувашский язык с наблюдением российского и чувашского просторечия ради удобнейшего онаго познания восприявших святое крещение. 1788 года» (18 л.). — «Переводил Нижегородской эпархии чувашского языка проповедник иерей Ермей Рожанский»; другим почерком в самом конце приписано: «природою из чуваш, учившийся в семинарии Нижегородской».

18/1. «На чувашском переводе» (2 л.). — Символ веры; наверху слева «получ[ено] Генв[аря] 16 дня 1791». Писано русскими буквами. «Переводил богословии и философии слушатель Иван Русановский».

19. «Wörtersammlung zur Vergleichung des Tschuwaschischen mit dem Tatarischen von Hofrath Neumann, 1815» (4 л.). — Русско-татарский словарик (около 200 слов; писано русскими буквами).

20. Русско-чувашско-мордовско-черемисский словарик (2 л.). Около 100 слов; писано русскими буквами.

21. «Словарь языка чувашского» — см. с. 108.

Из многоязычных глоссариев (РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга) следует упомянуть наиболее важные.

1. «Wörter-Sammlung aus der Chiwischen, Bucharischen, Kirgisischen und Meschtscheräkischen Sprache» (13 с.). — Тюркские слова писаны русскими буквами, без ударений.[286]

2. «Наречие по Туруханской округе» (26 с.). — Русско-остяцко-якутско-тунгузско-самоедский глоссарий (286 слов); [287] скреплен подписью советника Ильи Мыльникова.

---

[285] Там же, с. 429.

[286] Там же, с. 435.

[287] Наличие в этом (и других, см. выше) глоссарии 286 слов свидетельствует о возможном происхождении его в связи с собиранием материалов для «Сравнительного словаря всех языков и наречий. . .» (см. с. 101).

3. «Собрание числительных и фраз на русском, тунгузском, бурятском, якутском и японском языках» (14 с.). — Получено 20 июля 1779 г. от иркутского губернатора Клички.

РОГПБ (Q, XVI, № 18) располагает также составленным, по всей вероятности, в первой половине или в середине XVIII в. Русско-татарским словарем (51 л.) без начала и конца.[288]

Тюркские словарные материалы из архива Палласа
(ЛОААН, ф. 94, оп. 2)

18. [289] Список русских слов с переводом на башкирский язык (18 л.). Переводил коллежский асессор Мендиер Бекчурин.[290]

19. Список русских слов с переводом на татарский, башкирский и мещерятский (10 л.). Переводил Соколов.

22. Перевод бухарских слов (5 л.).

23. Список русских слов с переводом на хивинский, бухарский, киргизский и мещерятский языки (6 л.).

24. Список русских слов с переводом на хивинский и бухарский языки (6 л.).

25. То же (6 л.).

26. «Список русских слов (357, — *А. К.*) с переводом на арабский, перситский, татарский, мещерятский, киргизский, хивинский, бухарский языки» (14 л.). — Переводил коллежский асессор Мендиер Бещерин. Слова названных языков написаны в два столбца — арабскими и русскими буквами.[291]

95. Материалы по диалектам персидского и татарского языков (5 л.).

101. «Переводы, присланные от преосвященства Казанского. Толковал отставной сержант Михайло Алкин» (6 л.). — Список русских слов с переводом на татарский язык.

102. «Наречие татарское и бухарское, а проточенные в сей ведомости с линеи с татарского диалекта на русский перевод с предидущими линеями сходственной» (18 л.). — Список 286 русских слов (см. еще № 105) и их тюркские соответствия, собранные в Тобольском, Тюменском, Туринском, Ялуторовском, Омском, Томском, Каинском округах и в г. Томске; писано арабскими и русскими буквами. Подпись: «Федор Желтухин»; в правом нижнем углу, по-видимому, подпись копииста: «Данила Куткин (?)». См. еще с. 91, № 28.

103. Собрание российских слов с переводом на татарский, башкирский и другие языки (7 л.). Подпись: «Петр Учадамцов».

104. Список русских слов с переводом на татарский язык (5 л.). Подпись: «Федор Желтухин».

105. [292]«Перевод, учиненный в Вятском намесническом правлении татарского разговора 286-ти слов на их языке и их письмом с подписанием тех же самых и российскими буквами» (6 л.). — Подпись: «Секретарь Федор Попов».

107. «Перевод нижеобъявленных слов теми языками и диалектами, как употребляются между народами губернии Нижегородскую и Пензенскую населяющими» (6 л.). — Перевод русских слов на татарский и другие языки. Подпись: «Иван Ребиндер».

108. Список русских слов с переводом на трухменский язык (11 л.).

111. Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский и другие языки (5 л.).

---

[288] Подробнее см.: *Булич*, с. 424.

[289] Цифры слева обозначают единицу хранения.

[290] Его фамилия и имя по-русски писались также: Мендияр Бекчурин, Бикчурин, Бекчерин, Бещерин. — ББСОТ, с. 120.

[291] См.: *Нугманов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 37—38.

[292] Там же, с. 35 — ошибочно указан № 106.

112. То же за подписью М. Бекчурина (7 л.).

120. Список русских слов с переводом на чувашский язык (3 л.). Подпись: «Иван Алексеев Александров».

121, 122. Список русских слов с переводом на чувашский язык (3+2 л.).[293]

125. «Собрание слов российских с переводом турецким г. Секретаря Рубанова» (9 л.).

В Архиве востоковедов и в Рукописном отделе ЛОИВ также сосредоточено некоторое количество рукописных тюркских словарей, словарных материалов.[294]

Заслуживающим особого исследования памятников тюркской лексикографии XVIII в. в России является «Турецкий лексикон» (АВЛОИВ; Р. I, оп. 7, № 18) — рукописный турецко-русский словарь, датированный 29 августа 1793 г., принадлежавший некогда библиотеке Учебного отдела восточных языков при Азиатском департаменте МИД.

Этот первый большой турецко-русский словарь, содержащий около 30 000 слов, при внимательном рассмотрении обнаруживает известную связь с «Лексиконом» Фр. Менинского (см. с. 83).[295]

Среди многочисленных рукописных тюркских словарей должен привлечь внимание тюркологов «Vocabulaire Français-Turc par Vlangali.[296] 1826, St.-Petersbourg» (экслибрис: «Библиотека Азиатского департамента МИД»; РОЛОИВ, Д-185) и анонимный «Российско-татарский словарь» (РОЛОИВ, С-323), условно датируемый концом XVIII—началом XIX в. (657 с.). Графы с татарскими соответствиями заполнены только на с. 1—382, и то далеко не всегда (не более 35—40%); на с. 383—657 выписаны только русские слова без татарских соответствий.[297]

Известный интерес для истории восточной лексикографии в России конца XVIII в. представляет рукописный вокабулярий и разговорник (АВЛОИВ; Р. II, оп. 2, № 41), записанный у Дорна (с. 117, № 36) как «Kalmückisch-armenisch-persisch-türkisches Wörterbuch», у Булича (с. 410, 430) и С. А. Козина [298] как «Калмыцко-армянско-персидско-татарский словарь», а в картотеке АВЛОИВ как «Vocabul Calmucico-armeno-persico-turcicum». Рукопись содержит тюркские вокабулы и фразы (л. 96 об.—112 об.)

---

[293] Чувашская часть Словариков под № 111, 112, 120, 121, 122 обследована и описана: *Сергеев Л. П.* Указ. соч., с. 236—238, 242—263. — Следует исправить ошибку: вместо М. Бекдорин (с. 236, 237) должно быть М. Бещерин.

[294] *Дорн*, с. 115—122; Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пгр., 1920, с. 6—7; *Журавлев Н. П., Мугинов А. М.* Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР. — УЗИВАН, 1953, т. VI, с. 34—53; *Дмитриева Л. В.* Материалы по тюркскому языкознанию в собрании Института народов Азии АН СССР. — Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 44—53.

[295] Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Из истории отечественной тюркологии. — УЗИВАН, 1953, т. VI, с. 273—274.

[296] ББСОТ, с. 140—141.

[297] *Березин И.* Указ. соч., с. 14—15.

[298] *Козин С. А.* Азиатский архив при Институте востоковедения Академии наук СССР. — Библиография Востока. 1934, № 5—6, с. 65.

в переводе на персидский, армянский, калмыцкий языки; на л. 113об.—164 в пятой графе вписаны грузинские соответствия. Таким образом, эту рукопись следует называть «Тюркско-персидско-армянско-калмыцко-грузинский вокабулярий и разговорник». Ряд листов не заполнен. На л. 176 после перечисления названий месяцев (мусульманских) на персидском и тюркском языках стоит дата: «1780—1793». С. К. Булич полагал, что «собиратель (этого вокабулярия, — *А. К.*) был иностранец, как можно это заключить из отсутствия русского перевода и самого почерка. . .».[299]

Собирание лексического материала, естественно, сопровождалось интересом к оригинальной азбуке отдельных восточных языков; свидетельством такого интереса является «Armenisches, Türkisches, Tatarisches und Mongolo-Kalmückisches Alphabet» (АВЛОИВ, Р. I, оп. 9, № 11; *Дорн*, с. 117, № 34). На последнем листе (л. 31) монгольскими и латинскими буквами подпись «Joh. Christian Hammel», которая свидетельствует о том, что эта рукопись написана «в конце XVIII и начале XIX вв. рукою академика Иоганна Христиана Гаммеля или его отца».[300] Содержание рукописи: арабский алфавит (л. 1 об.—3); арабские названия месяцев; названия некоторых восточных стран, областей, городов; названия дней; знаки зодиака (л. 4а); тюркский (арабский) алфавит (л. 5); тюркские числительные (л. 5б); латинско-турецкий вокабулярий (л. 6—10); фразы на татарском языке (л. 12—12 об.); таблица соответствий латинских и арабских букв (л. 13а); арабский алфавит — объяснения значения букв (л. 14—14 об.); армянский алфавит (л. 15—25); монголо-калмыцкий алфавит (л. 26—31).

В свое время внимание О. Н. Бётлингка [301] привлек «Северо-восточный словарь или Лексикон. С руским (!) якутского и тонгуского (!) языков с чистыми грамматическими склонениями переведенный Санктпетербургской имп. Академии наук геодезистом Государственной коллегии коллежским регистратором Иваном Кожевиным. Книга третия (!)» (АВЛОИВ, Р. III, оп. 3, № 23).[302] Словарь в переплете, по корешку которого на красном фоне золотом написано: «И. Кожевин, Русско-якутский словарь» (с. 1—243.)

«„Mithridates oder allgemeine Sprachkunde» (см. с. 102), — писал О. Н. Бётлингк, — I часть (1806 г.) содержит на с. 494 только „Отче наш“ Витсена и 11 слов из Биллингсова путешествия; IV часть (1817) сообщает на 185 с. „Отче наш“ геодезиста Кожевина (см. ниже, — *А. К.*). Издатель „Митридата“ Фатер, замечая

---

[299] *Булич*, с. 410.

[300] Там же, с. 430. — В списке д. ч. АН (Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. 1, с. 41) значится Joseph Hamel — Иосиф Христианович Гамель (30 I 1788—22 IX 1862), орд. академик (с 23 VII 1813) по технологии и химии.

[301] *Бётлингк О.* О языке якутов. — УЗИАН, 1853, т. I, вып. 4, с. 429.

[302] Л. В. Дмитриева (Материалы по тюркскому языкознанию. . ., с. 52) по ошибке назвала шифр: Р. II, оп. 4, № 30.

различие между этими двумя редакциями „Отче наш", оказывает предпочтение редакции Кожевина, потому что он записал свой перевод в самом якутском крае, и притом все труды Кожевина отзываются величайшей тщательностью и точностью. Может быть, говорит Фатер в заключении, что эти две редакции принадлежат двум различным наречиям якутского языка».[303]

На с. 1 Словаря И. Кожевина выписано заглавие: «Словарь русского, якутского и тонгуских (!) языков вообще» (с. 1—100). На каждой странице — четыре графы: «Русской. Якутской. Тонгуско-горный. Ламской или Морской тунгуской» (на некоторых страницах: ламутско-тунгуский или тонгуско-ламутский). Этот том Словаря начинается словом «Море». С. 101—243 — «Общественные речи» — разговорник на четырех названных языках.

Словарь не датирован, однако известно, что геодезист Иван Ефимович Кожевин, сын «землемера 14-го класса Ефима Кожевина, путешествовавшего по Якутии в 1795—1799 гг.»,[304] и адъюнкт Академии наук по ботанике Иван Иванович Редовский (1774—1807) «весной 1806 г. направились из Иркутска к р. Лене, спустились по ней до Якутска и оттуда проехали к Охотску»;[305] известно также, что Кожевин по просьбе Ф. П. Аделунга «собрал образцы многих языков, из которых особенно богаты были образцы якутского и тунгусского языков».[306] В бумагах И. И. Редовского (РОГПБ, ф. 7, арх. Аделунга, № 18) сохранилось два небольших немецко-якутских словарика (см. с. 90).

Второй дошедший до нашего времени словарь, составленный И. Кожевиным, носит замысловатое название: «Лексикон, Диадемический[307] Меркурий. Собрание странственников природы кочующих тонгуских языков, их разговоров и наречий с переведением на российский диалект. Сочинен космографии, геодезии и морских наук геодезистом, бывшим якутским уездным землемером кольлежским регистратором Кожевиным. 1811-го года. В Иркутске Северных Перисций» (АВЛОИВ, Р. II. оп. 3, № 11/988); с. 1—57 — «Тунгусо-ламутско-русский словарь»; с. 58—62 — «Щет вещей, денег и прочаго»; с. 63—72 — русские стихотворения (по-видимому, самого Кожевина); с. 72 (низ) — рисунок, изображающий стойбище тунгусов; на следующей, ненумерованной странице — изображения птиц; с. 73—86 — исторические заметки; на следующей, ненумерованной странице — «Отче наш» в переводе на тунгусский язык; затем три ненумерованные страницы с разными заметками. На с. 86 другим почерком, — по-видимому, рукой самого составителя, — написано: «Сочинил Императорской Академии наук геодезист коллежский регистратор Иван Кожевин».

Вероятно, И. Е. Кожевину принадлежит и «Русско-якутско-

---

303 *Бётлингк О. Н.* О языке якутов, с. 429.

304 Подробнее см.: *Иванов В. Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII—XVIII вв. М., 1974, с. 150—154.

305 История АН, т. II, с. 111.

306 *Аделунг*, с. 204.

307 На с. 1: Земной.

тунгузский словарь» (л. 1—134); сохранилась только часть, начинающаяся словом «лавка» (АВЛОИВ; Р. II, оп. 4, № 30/1262).

Якутско-тунгузско-ламутский словарь, составленный И. Е. Кожевиным, хранится в РОГПБ (ф. 7, арх. Аделунга, № 18); см. с. 90.

По сведениям Аделунга,[308] четыре тома лингвистических записей Кожевина в свое время были переданы в Архив АН, откуда они поступили в АВЛОИВ и в РОГПБ.

В фонде И. Н. Березина хранятся «Слова и речения качинских и сагайских татар Минусинского округа» (АВЛОИВ, ф. 5, № 5).

Известный интерес представляет «Словарь азербайджанского и крымско-татарского языков» (АВЛОИВ, Р. I, оп. 9, № 3), а также турецкие лексические материалы XIX в., собранные Х. Ксенофонтовым (там же, Р. I, оп. 7, № 19). О тюркских материалах архива А. М. Шёгрена см. с. 127.

Значительные по объему и содержанию записи связных тюркских текстов хранятся в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского университета; благодаря стараниям ее научных сотрудников ими теперь можно легко пользоваться.[309]

Вып. I содержит материалы по языкам ногайцев и туркменов (с. 12); таранчинский (уйгурский) фольклор (с. 26—28) — рукописи трудов, изданных Н. Пантусовым; чувашский фольклор (с. 28—32).

Вып. II содержит кумыкско-русский словарь (от П до Т включительно), без имени автора, места, даты (с. 8); материалы по лексике татарского (с. 22—23) и чувашского языков (с. 27—31); «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка. Рассуждение студента восточной словесности Иосифа Адамова. Казань, 1851, 59 лл.» (с. 35) — речь здесь идет о кумыкском и ногайском языках.

В отделе рукописей и редких книг научной библиотеки Тартуского университета хранится анонимный «Lexicon Turc. Russ. Lat.» (Турецко-русско-латинский лексикон), составленный в начале XVIII в. (1739 г.?) в Католической миссии в Астрахани.[310]

В Краеведческом музее в Астрахани хранится Dictionarium Turcicum» — латино-турецкий словарь и грамматика (примеры в латинской транскрипции). В конце словаря написано: «Questo vocabulario composite ia un P. Gesuita Francessco. Astrakan. 1755».

По-видимому, оба названных словаря, составленные примерно в одно время, принадлежали членам Католической миссии в Астрахани.

Известный грузинский тюрколог С. С. Джикия исследовал рукопись — пособие по турецкому языку для грузин «Грузинско-

---

[308] *Аделунг*, с. 204.

[309] *Радзиевская С. Б.* Описание рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. I. Фольклор. Казань, 1958. 35 с.; вып. II. Лингвистика. Казань, 1968. 35 с.

[310] Подробнее см.: *Нурмекунд П.* Об одном рукописном турецком словаре. — СТ, 1973, № 1, с. 112—116.

турецкая „Учебная" книга XVIII века» (Труды Ин-та языкознания АН ГрузССР. Серия восточных языков, I. Тбилиси, 1954, с. 187—207 (на грузинск. яз.; резюме на русск. яз., с. 207)).

В Рукописном отделе Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа (№ 0198) хранится книга, состоящая из трех частей: I. Грузинско-турецкий словарь (1—97 с.); II. Грузинско-турецкие тексты (98—207 с.); III. Грузинско-турецкий словарь (208—310 с.).

Рукописные словарные и другие лингвистические материалы по различным тюркским языкам имеются во всех архивах тюркоязычных республик и областей СССР, а равным образом в рукописных хранилищах Армении и Грузии. Они еще ждут своих исследователей.

9. «Сравнительные словари всех языков и наречий»

Трудно переоценить то громадное значение, которое имела для развития языкознания в России ученая деятельность Михаила Васильевича Ломоносова (1711—1765), автора «Российской грамматики», развивавшего идеи сравнительного изучения языков путем сопоставления не только лексики, но и грамматики.

Под влиянием опыта Ломоносова и лингвистических идей Лейбница Екатерина II, еще будучи великой княгиней, сама занималась и поощряла занятия лексикографией многих близких ей лиц и в том числе капеллана английской фактории в С.-Петербурге, позднее (с 24 мая 1762 г.) почетного члена Академии наук Даниила Дюмареска (ок. 1718—ок. 1802 [311]), шотландца французского происхождения.

Словарь Дюмареска упоминается под французским (Vocabulaire comparatif des langues orientales) и английским (Comparative Vocabulary of the Eastern Language) заглавиями; однако, по мнению В. В. Бартольда, «по-видимому, книга не была напечатана [312] и рано исчезла; уже Фр. Аделунг,[313] писавший в 1815 г., не мог ее найти».[314]

---

311 В «Истории АН» (т. I, с. 467) и ряде других источников датой смерти Дюмареска ошибочно назван 1805 г. В протоколе заседания конференции АН от 3 октября 1802 г. сказано (перевод с французского): «Секретарь прочитал письмо советника двора Вакселя из Лондона от 20 августа 1802 г., в котором сообщается, что почетные члены АН: Mrs. Dumaresque, Morton, Wilson. . . sont morts depuis quelque temps» (Протоколы заседаний конференции имп. АН с 1725 по 1803 г., т. IV, 1786—1803. СПб., 1911, с. 1023—1024).

312 Ср.: *Булич*, с. 222; МИФВЯ, т. IV, с. 21.

313 *Аделунг*, с. 22—23.

314 *Бартольд*. Соч., т. IX, с. 416. — Из письма Фр. Аделунга академику И.-Ф. Кругу (1764—1844) от 26 августа 1805 г. известно, что Аделунг просил своего корреспондента навести справки об этом труде Дюмареска в книжной лавке Академии наук (*Lauch A.* Wissenschaft und kulturelle Beziehungen in der russischen Aufklärung zum Wirken H. L. Ch. Bacmeisters. Berlin, 1969, S. 355).

По предположению академика-слависта Я. К. Грота (1812—1893), Словарь Дюмареска «был напечатан в одном томе в 4-ку, вероятно, в малом числе экземпляров, так как никаких следов его в библиотеках не осталось; но за достоверность известия об издании этой книги Аделунгу (см. выше, — *А. К.*) ручались заслуживающие доверия лица, которые сами ее видели».[315]

Во всяком случае есть все основания утверждать, что такой словарь был составлен. Это мое мнение основывается на записи (на латинском языке) в протоколе заседания конференции Академии наук от 24 июля 1756 г., в котором сказано, что для использования учениками академической гимназии полезно напечатать многоязычный словарь и что такой словарь уже есть в наличии, он составлен пастором англиканской церкви Д. Дюмареском.[316]

Утверждение С. К. Булича (с. 222), что словарь Дюмареска был издан в Англии, не соответствует действительности.

Г. М. Мередит-Оуэнс, сотрудник Британского музея в Лондоне, на мой запрос любезно сообщил (письма от 20 и 21 марта 1967 г.), что, по наведенным им справкам, среди печатных книг названного словаря нет, и высказал предположение, что труд Дюмареска остался в рукописи и был использован позднее при составлении «Сравнительного словаря всех языков и наречий» (см. ниже). Однако Фр. Аделунг, скрупулезно перечисливший все источники и материалы этого большого лексикографического труда, не упоминает среди них словаря Дюмареска, хотя и был осведомлен о нем и безуспешно пытался найти его.[317]

Соблазнившись увлекательной идеей составить «Всеобщий словарь», стал собирать лексические материалы и систематизировать уже собранные инспектор академической гимназии (1766—1777), а затем чиновник финансового ведомства Гартвиг-Людвиг Христиан (Логин Иванович) Бакмейстер (Bacmeister, 1730—1806).[318]

В 1773 г. Бакмейстер обратился с призывом прислать ему «образцы» различных языков; с этой целью он разослал во все административные центры России, ученым, совершавшим в ту пору путешествия по России (академикам Лепехину, Палласу, Гильденштедту и др.), а также почти во все европейские страны брошюру-анкету «Объявление и прошение, касающияся до собрания разных языков в примерах. В Санктпетербурге при Академии наук, 1773 года».

«Объявление» напечатано на развернутом листе в четыре столбца: на русском, французском, латинском, немецком языках.

«Напечатанные при сем, . . .краткие речи намерен я, — писал Бакмейстер, — собирать в переводе на разные новые и живые

---

[315] *Грот Я. К.* Филологические занятия Екатерины II-й. — В кн.: Труды Я. К. Грота, IV. СПб., 1901, с. 292.

[316] Протоколы заседаний конференции имп. АН, т. II, 1744—1770. СПб., 1899, с. 357.

[317] *Аделунг*, с. 26—33.

[318] О нем см.: там же, с. 23—36.

языки, какие токмо мне достать можно будет» (стб. 3). Приложенные здесь образцы «речей» переведены на арабский, шведский и финский языки. В приложении дан «Vocabulaire de la langue» — перечень 360 русских слов, подлежащих переводу.[319]

В 1784 г. Бакмейстер повторил свое обращение (с несколько измененной анкетой). На его призыв отозвались ученые и администраторы; в результате общих усилий был собран лингвистический материал по самым разнообразным языкам, в том числе и по тюркским.[320] Материалы Бакмейстера легли в основу крупнейшего лексикографического труда XVII в. — «Сравнительные словари всех языков и наречий».[321]

Примерно в 1784 г. Екатерина II ненадолго вернулась к увлечению своей молодости — составлению «Всеобщего словаря». 26 августа 1784 г. она приказала разослать во все епархии Российской империи указ, предписывающий составлять словари языков инородческих народов, обитающих в каждой данной епархии.

Среди довольно значительного числа помощников Екатерины II в работе над Словарем [322] был берлинский ученый-полигистор Христофор Фридрих Николаи (1733—1811), составивший по ее поручению (январь 1785 г.) обозрение всех языков мира — «Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. l'Impératrice de toutes les Russies» (Общее обозрение всех языков мира с предварительным каталогом главных словарей на всех языках и важнейших книг, рассматривающих происхождение всех языков, их этимологии и сродство. Составлено по повелению ея и. в. императрицы Всея Руси) (346 с. in folio; хранится в РОГПБ).[323]

В письме от 9 мая 1785 г. к доктору Циммерману Екатерина II писала: «Я составила реестр от двух- до трехсот коренных русских слов, которые велела перевести на столько языков и наречий, сколько могла их найти: их уже более двухсот. Каждый день писала я по одному из своих слов на всех мною собранных языках. . . [Наконец] эта игра в лошадки мне наскучила. . . Жалея, однако, бросить в огонь такое множество бумаг. . . я пригласила к себе профессора Палласа. . .».[324]

Естествоиспытатель П. С. Паллас со свойственной ему энергией и трудолюбием приступил к этой далекой от его прямой специальности работе. 22 мая 1785 г. Паллас опубликовал в Петербурге «Avis au public»,[325] в котором излагались цели и принципы состав-

[319] Подробнее см.: *Вдовин И. С.* Указ. соч., с. 55—56.
[320] Подробнее см.: *Аделунг*, с. 24—33 (список языков и фамилии собиравших образцы на с. 26—33); *Булич*, с. 222—224.
[321] *Аделунг*, с. 26—31.
[322] См.: *Булич*, с. 224.
[323] *Аделунг*, с. 42—43; *Булич*, с. 225. — Предисловие к труду Фр. Николаи см.: *Аделунг*, с. 43—47; *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 295.
[324] *Аделунг*, с. 40; см. еще: *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 292.
[325] Текст этого обращения см.: *Аделунг*, с. 48—51; *Булич*, с. 225—226.

ления всеобщего словаря; в следующем, 1786 г. была издана инструкция-модель,[326] содержащая список 442 русских слов с переводом на немецкий, латинский, французский языки, долженствовавшая служить руководством к собиранию словарного материала. Эта инструкция была разослана для перевода содержащихся в ней слов во все административные — светские и духовные — центры России, а равным образом и за границу, в русские дипломатические миссии.

В результате усилий многих корреспондентов и выдающейся научной и организаторской деятельности академика Палласа в 1787 г. в С.-Петербурге был издан лексикон, носивший, по обычаю того времени, замысловатое название: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение перьвое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть перьвая, в Санктпетербурге, 1787 года».[327]

Словник Словаря содержит 285 русских слов, переведенных на 200 языков (из них европейских языков — 51, азиатских языков и наречий — 149). Часть вторая, изданная в 1789 г., содержит африканские и американские языки.

Об источниках словаря в предисловии П. С. Палласа между прочим сказано: «В рассуждении языков внутри государства, взяты они из многочисленных рукописных словарей»; здесь же говорится об использовании собрания лингвистических материалов «рачительного и ученого господина асессора и унтер-библиотекаря Бакмейстера».

В этом издании («часть перьвая») приведены слова — эквиваленты соответствующим русским — из следующих тюркских языков и наречий (перечисляются здесь в порядке, представленном в словаре):

88) турецкий[328]
89) татарский около Казани
90) » мещеряцкого поколения
91) » башкирского племени
92) » ногайского поколения
93) » рода Казаг в Кавказе
94) » в Тобольской округе
95) » чацкого роду
96) » по Чюлиме
97) » по Енисею
98) татарский около Кузнецка
99) » на Барабе
100) кангатский
101) телеутский
102) бухарский
103) хивинский
104) киргизский
105) трухменский
106) якутский

Чувашский язык назван среди финских языков, к которым он отнесен, конечно, неправильно.[329]

---

[326] Modèle du vocabulaire, qui doit servir à la comparaison de toutes les langues. [St.-Pb.], 1786; см.: *Аделунг*, с. 52—55; *Булич*, с. 226.

[327] Русскому титульному листу и предисловию редактора П. С. Палласа предшествуют латинские титульный лист и предисловие: Linguarum Totius Orbis Vocabularia comparativa. . . Petropoli, MDCCLXXXVI (т. е. 1786!).

[328] См.: *Stachowski S.* Osmanisch-türkische Wörter im Wörterbuch von P. S. Pallas (1787—1789). — Folia Orientalia, 1968, t. IX, Kraków, s. 53—68.

[329] *Булич*, с. 439; ср.: *Аделунг*, с. 81.

Непрерывно поступающий новый лексический материал позволил быстро подготовить новое издание словаря, осуществленное по новому плану под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево (1741—1814; о нем см. с. 131): «Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. Часть первая (А—Д), СПб., 1790; Часть вторая (Д—Л), СПб., 1791; Часть третья (Л—С), СПб., 1791; Часть четвертая (С—Ѳ), СПб., 1791». В нем был представлен материал 279 языков: азиатских — 171, европейских — 55, африканских — 30, американских — 23.[330] Структура словаря: исходная (левая) сторона (или первая графа) — иностранное слово, вторая графа — его значение (по-русски), третья графа — название языка, в котором зарегистрировано это значение. К тюркским языкам и наречиям, использованным в словаре Палласа, добавлены: татарский в Таврической области (кажется, всего одно слово), кумыцкий в Дагестане, «чювашский», койбальский, моторский.

Названные словари имели большое значение для развития сопоставительного языкознания в России и в Западной Европе, а работа над ними пробудила интерес к собиранию лингвистического материала по различным языкам, представленным в России, в том числе и тюркским.

Тюркские лексические материалы, появление которых связано с работой над «Сравнительными словарями», дошли до нашего времени в коллекциях Палласа и Аделунга (см. с. 89—94).

Собранные академическими экспедициями XVIII в. и опубликованные в отчетах их руководителей (см. с. 57—71), эти материалы, а также тюркская лексика «Сравнительных словарей» были использованы И. Хр. Аделунгом, автором большого справочного труда по различным языкам.[331]

10. Словарь Дамаскина. Словарь С. Хальфина. «Словарь языка чувашского»

Собирание материалов для «Сравнительных словарей всех языков и народов», которому был придан характер государственного мероприятия, вызвал на местах интерес к лексикографической работе — составлению списков слов и лексиконов различных языков.

К числу лексиконов, побудительным стимулом к составлению которых явился, по всей вероятности, сбор материалов для наз-

---

[330] Подробнее см.: *Аделунг*, с. 93—102. — «При ближайшем изучении второго издания словаря оказывается, что он (редактор, — *А. К.*) включил 272 языка, точнее не только языки, но и отдельные диалекты и говоры языка» (*Вдовин И. С.* Указ. соч., с. 64—65).

[331] *Adelung J. Ch.* Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten. 1. Teil. Berlin, 1806. — О тюркских языках см. раздел: Türkisch-tatarischen Sprach- und Völkerstamm, S. 453—497.

ванных выше словарей, относятся прежде всего лексиконы, содержащие в русском словнике 286 слов:[332]

1) «Наречие татарское» — русско-татарский глоссарий, за подписью Ильи Мыльникова (№ 28, с. 91);

2) «Реестр татарским волостям Бийского и Кузнецкого уездов» (№ 26, с. 91);

3) «Русско-остяцко-якутско-тунгусско-самоедский глоссарий», за подписью Ильи Мыльникова (№ 2, с. 92);

4) «Наречие татарское и бухарское», за подписью Федора Желтухина (№ 102, с. 93);

5) «Глоссарий языка вятских татар», за подписью Федора Попова (№ 105, с. 93).

Словарь Дамаскина

Одним из крупнейших лексикографических опытов, непосредственно связанных с «Сравнительными словарями», является лексикон, известный под названием словаря Дамаскина,[333] составленный по именному распоряжению Екатерины II.

26 августа 1784 г. Екатерина II обратилась к епископу Дамаскину с следующим рескриптом: «Преосвященный епископ Нижегородский Дамаскин! Считая, что в Нижегородской семинарии преподается учение языков разных народов в епархии Вашей обитающих, Я желаю, чтобы Ваше преосвященство доставили мне Словарь тех языков с Российским переводом, расположа оной по алфавиту российских слов и сверх письмян оных народов написав по российски каждое слово, как оное произносится. Пребываю впрочем Вам доброжелательная Екатерина».[334]

Во исполнение этого распоряжения был составлен дошедший до нашего времени в двух списках двухтомный «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, имянно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ея императорского величества премудрой государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской, по алфавиту российских слов расположенной и в Нижегородской семинарии от знающих оныя языки священников и семинаристов под присмотром преосвященного Дамаскина, епископа Нижегородского и Алаторского, сочиненной 1785 года». Так озаглавлен первый том Словаря. Второй том носит

---

[332] Напомню: словник «Сравнительных словарей» (1787) содержал 285 слов.

[333] Епископ Нижегородский и Алаторский Дамаскин (1737—1795), до монашества Димитрий Семенов-Руднев, получил образование в Московской духовной академии. Затем был назначен инспектором при молодых людях, посланных в Гёттингенский университет «для довершения своего образования»; вместе с ними Семенов-Руднев в течение 1766—1772 гг. слушал лекции в этом университете. По возвращении в Россию сдал при Академии наук экзамены и получил (1773) звание профессора словесных наук и церковной истории. Подробнее о нем см.: *Сухомлинов М. И.* История Российской академии, вып. 1. СПб., 1874, с. 139—183; *Феоктистов А. П.* Указ. соч., с. 70—74; ББСОТ, с. 154—155.

[334] *Зевакин М. И., Имяреков А. К.* Пятиязычный «инородческий» словарь 1785 г. — Изв. ОЛЯ, 1949, № 5, с. 474.

название «Словарь черемисского языка с российским переводом».[335] Оба тома были отправлены 15 апреля 1785 г. епископом Дамаскиным Екатерине II (теперь хранятся в РОГПБ: т. 1 — Эрмитажная, № 223, л. 1—477; т. 2 — Эрмитажная, № 218, л. 1—245).

Первый том открывается приведенным выше титульным листом (л. 1), за которым следует «Предуведомление» — краткая историко-этнографическая справка о татарах, чувашах, мордве, черемисах (л. 2—7),[336] затем излагаются «Сведения о богослужении, молитвах и других обрядах, примечаемых в чуваше и мордве, кои остались у них еще от язычества» (л. 8—11 об.). Далее (л. 12—471 об.) следует «Словарь языков российского, татарского, чувашского и мордовского по российскому алфавиту расположенной и российскими письменами писанной, послику ни чуваша, ни мордва, ни черемисы своих букв или литер не имеют, татаре пишут арабскими буквами».

На каждом листе — четыре графы: «По-российски», «По-татарски», «По-чувашски», «По-мордовски».

В конце (л. 472—477) приведены дополнения к буквам: А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Х, Ц, Ч, Ш.

Второй том Словаря писан в две графы: «По-российски», «По-черемисски».

Черновой список Словаря, несколько отличающийся [337] от преподнесенного Екатерине II белового списка, по распоряжению епископа Дамаскина был передан в библиотеку Нижегородской духовной семинарии;[338] в настоящее время этот список Словаря хранится в Государственном архиве Горьковской области. Этот — Горьковский — черновой список также двухтомный, причем каждый том является самостоятельной единицей хранения. Первый том носит приведенное выше название (Коллекция Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, ф. 2013, оп. 602, д. 187, 519 л.); второй том озаглавлен: «Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный» (там же, ф. 2013, оп. 602, д. 186, 373 л.).

В первом томе (л. 1—53) приведена копия рескрипта Екатерины II на имя епископа Дамаскина (см. выше), затем следует «Предуведомление» (в черновом и беловом списках), списки русско-татарско-мордовских слов, составленных для пересылки редактору

---

335 Ср.: *Феоктистов А. П.* Указ. соч., с. 77. — Здесь, по-видимому, по аналогии с черновым (Горьковским) списком (см. ниже) добавлено: «. . . по алфавиту российскому расположенный».

336 «Предуведомление» опубликовано А. Можаровским под названием «Инородцы Нижегородской епархии по сообщению о них преосвященного Дамаскина императрице Екатерине II» (Миссионер, 1879, № 37, с. 317—318; № 38, с. 324—326).

337 Подробнее см.: *Феоктистов А. П.* Указ. соч., с. 58—60, 74—77 (о предполагаемых источниках Словаря Дамаскина см. с. 87). — Сведения о Горьковском (черновом) списке Словаря излагаются по названной книге А. П. Феоктистова.

338 *Булич*, с. 420—421, 426.

«Сравнительных словарей всех языков и наречий» (см. с. 101), русско-татарско-мордовский словарик (287 пронумерованных словарных статей), русско-татарский словарик (287 слов), русско-мордовско-татарский словарик.

Далее (с л. 54) начинается русско-татарско-чувашско-мордовский словарь с новым подзаголовком, писанным рукой Дамаскина: «Словарь татарских, чувашских и мордовских языков с российским переводом и по российскому алфавиту» (ср. с Ленинградским списком, л. 12).

Словарный материал первого тома Словаря Горьковского списка расположен также в четыре графы (см. выше).

Во втором томе имеется особая графа для удмуртских (около 1500) и марийских слов (около 6000).

Второй том Словаря начинается особым разделом «Перевод с российского на черемисский язык», включающим 287 пронумерованных русско-марийских лексических соответствий; этот материал предназначался для «Сравнительных словарей всех языков и наречий». Следовательно, в Горьковском (черновом) списке Словаря Дамаскина содержится материал пяти (кроме русского) языков: татарского, чувашского, мордовского, удмуртского и марийского.

В рукописном фонде Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имеется копия русско-чувашской части словаря.[339] Копия русско-мордовской части принадлежит Мордовскому научно-исследовательскому институту.

Этот словарь издавна привлекал к себе внимание тюркологов,[340] которое сохраняется и поныне.[341] Ему посвящено большое исследование Э. Н. Наджипа «Пятиязычный словарь Дамаскина (XVIII век). Характеристика татарской части словаря», — к сожалению, пока издана только краткая характеристика татарской части этого Словаря.[342]

Словарь Дамаскина, сохраняющий свое значение как лексикографический памятник XVIII в., зафиксировавший лексику пяти языков, заслуживает тщательного и всестороннего изучения.

Русско-татарский словарь Сагита Хальфина

Одновременно со словарем епископа Дамаскина, в том же 1785 г., был закончен составлением (или, может быть, перепиской) «Татарский словарь, в пользу обучающегося при Казанских гим-

---

339 *Егоров.* Чувашские словари, с. 119—120.

340 *Макарий.* История Нижегородской епархии (1672—1850). СПб., 1857, с. 171—175; *Можаровский А.* Рукописный пятиязычный словарь в Нижегородской семинарской библиотеке и его происхождение. — Русская старина, 1878, декабрь, с. 705—707; *Булич*, с. 420—421.

341 *Зевакин М. И., Имяреков А. К.* Указ. соч., с. 474.

342 См. упомянутые выше статьи В. Г. Егорова, М. И. Зевакина и А. К. Имярекова; см. также: *Нуганов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 38—40; *Наджип Э. Н.* Пятиязычный словарь Дамаскина. (Характеристика татарской части). — СТ, 1980, № 2, с. 57—63.

назиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных гимназиях 1785 года», известный теперь в трех списках: 1) РОГПБ (Эрмитажная, № 217/1—3); 2) АВЛОИВ (Р. II, оп. 4, 14/1034; № 15/1034); 3) Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского университета (№ 8782, 1, 8782, 2).

Татарские слова, общее число которых в двух томах достигает 25 000,[343] написаны русскими и арабскими буквами; отдельные слова русского словника остались без перевода, что, по-видимому, свидетельствует о затруднениях автора в подборе татарского эквивалента.

Так как словарь не подписан, у одного из исследователей истории Казанского университета возник вопрос об авторе этого труда. «Принимал ли Сагит Хальфин участие в составлении этого словаря?» — задает вопрос Н. Булич и отвечает: «Неизвестно».[344]

Однако у других лиц, писавших об этом словаре,[345] подобного вопроса не возникало, так как единственным преподавателем татарского языка в казанских гимназиях в то время был — что достоверно известно — Сагит Хальфин (1732—1785; см.: ББСОТ, с. 282—283). С другой стороны, на списке этого словаря, хранящемся в АВЛОИВ, рукою первого директора (1818—1842) Азиатского музея АН академика Х. Д. Френа написано: «Vocabularium Russo-Tataricum, Juventuti in Gymnasio Kasanensi Linguae Tataricae studiosae composuit a. 1785 Sā'id filius 'Hasani, Chalfin [те же имя и фимилия арабскими буквами] Linguae Tataricae quondam in Gymnasio Kasanensi praeceptor atque in rei navalis curia, quae Kasani est, interpres. Isma'il, ejus filius, desripsit. De Sergio Ziwotoff, Protoiereo Petropolitano, pro Museo Asiatico Academiae Imp. Scientiarum XX Rubelorum tessera emi a. 1819. Fraehn».[346]

Этот двухтомный Русско-татарский словарь, составленный в 1785 г. Сагитом Хасановичем Хальфиным, переписанный его сыном Исмаилом и купленный Азиатским музеем АН в 1819 г. у петербургского протоиерея Сергея Животова за 20 рублей, был использован О. Н. Бётлингком при составлении его знаменитого труда о якутском языке и упоминается в статье «О турецко-татарской грамматике».[347]

Принадлежащий РОГПБ «Татарский словарь в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку,

---

[343] По другим источникам, около 20 000 слов (*Нугманов* Русско-тат. рукоп. словари, с. 41).

[344] *Булич Н.* Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1904, с. 153.

[345] См., например: *Булич*, с. 426—427; *Фатхиев.* Описание, с. 23; *Нугманов.* Русско-тат. рукоп. словари, с. 40—42; *Михайлова С. М.* Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972, с. 98—103.

[346] *Дорн*, с. 29, 115, № 18; *Булич*, с. 426—427; *Кононов А. Н.* Из истории отечественной тюркологии, с. 269—272.

[347] *Böhtlingk O.* 1) Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851, S. LIV; 2) Zur türkisch-tatarischen Grammatik. — Mél. Asiat., 1852, t. I, p. 115—116.

сочиненный при оных же гимназиях 1785 года» состоит из трех томов: т. I, л. 1—331, от А («А буде») до К («Къ томужъ»); т. II, л. 1—319, от «Лавка» до «Пятью»; т. III, л. 319—499, от «Раба» до «Ящик».

История списка словаря С. Хальфина, принадлежащего Казанскому университету, известна: директор 1-й Казанской гимназии (1782—1785), подполковник Казанского 3-го батальона Иван Федорович фон Людеман преподнес князю Г. А. Потемкину-Таврическому в 1785 г. «роскошный экземпляр рукописной грамматики и словаря татарского языка, составленной по его (Людемана, — *А. К.*) поручению для целей гимназического преподавания; эта рукопись до настоящего времени хранится в библиотеке Казанского университета, доставшись ему вместе с собранием книг Потемкина».[348]

В казанском списке, в отличие от двух других, Словарю предшествует «Краткая грамматика татарского языка». На титульном листе этого списка написано: «Татарский словарь и краткая татарская грамматика в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных же гимназиях. 1 часть, в Казани 1785-го года». На с. 4—10 — посвящение, подписанное Людеманом: «Его светлости князь Григорию Александровичу Потемкину». Затем следует «Краткая татарская грамматика для чтения и правописания на татарском языке, сочиненная при Казанских гимназиях, 1785-го года» (с. 1—44). Далее идет «Татарский словарь в пользу обучающегося при Казанских гимназиях юношества татарскому языку, сочиненный при оных гимназиях. 1 часть, в Казани 1785-го года» (653 с.). Вторая часть словаря (874 с.) начинается словом «Лавка» и кончается словом «Ящик».[349]

По справке А. Фатхиева, «Краткая грамматика», приложенная к Словарю, по содержанию совпадает с печатным изданием «Азбуки татарского языка» С. Хальфина,[350] что является еще одним подтверждением того, что грамматика и словарь принадлежат С. Хальфину.

Наличие дошедших до нашего времени трех списков Русско-татарского словаря С. Хальфина позволяет сделать вывод, что этот труд, задуманный как учебное пособие, мог иметь довольно

---

[348] *Загоскин Н. П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804—1904. Том I. Введение и часть первая (1804—1814). Казань, 1902, с. 220; *Булич Н.* Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. 1, с. 152, прим. 3. — Библиотека Потемкина, хранившаяся в Новороссийске, по распоряжению Павла I (1797) была передана в 1-ю Казанскую гимназию (*Владимиров В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие, ч. 1. Казань, 1867, с. 13), оттуда она поступила в Казанский университет. — См.: *Романов Я. С.* Краткий очерк истории научной библиотеки Татарской республики при КГУ. 1804—1939. Казань, 1940, с. 6.

[349] Подробнее см.: *Фатхиев.* Описание, с. 22—23.

[350] Там же, с. 23. — Следует исправить одну допущенную здесь неточность: «Азбука» С. Хальфина издана в Москве в 1778 г., а не в 1785 г., как указано на с. 22, 23.

значительное распространение и его «тираж» не ограничивался тремя экземплярами.

Словарь С. Хальфина как памятник татарской лексикографии XVIII в. заслуживает самого тщательного изучения.

Словарной работе в Казани в это время, по-видимому, уделялось довольно большое внимание. Известно, что «в 1784 г. Казанский архиепископ Антоний приступил, по поручению императрицы (Екатерины II, — *А. К.*), к составлению Словаря татарского языка, — труд, в котором содействовали ему ученик гимназии Семен Мальцев и какой-то солдат Имангул Чуриков»; эта работа — «кажется, впрочем, неоконченная» — до нас не дошла.[351]

«Словарь языка чувашского»

Вероятно, в том же 1785 г. был составлен анонимный рукописный «Словарь языка чувашского» (РОГПБ; Эрмитажная, № 222) — русско-чувашский словарь (68 л., около 3000 слов, русская транскрипция чувашских слов с указанием ударений), также возникший, по-видимому, в связи с работой над «Сравнительными словарями всех языков и наречий.[352]

* * *

Подводя итоги тому, что было сделано в России в течение XVIII в. в области собирания материалов по тюркским языкам и их систематизации и изучения, мы имеем все основания считать, что именно в это время трудами многих ученых (часто нетюркологов) был заложен фундамент, на котором развивалась отечественная тюркология в следующем столетии.

XVIII столетие в истории отечественной тюркологии ознаменовалось следующими важными мероприятиями: 1) положено начало систематическому собиранию и первичной обработке лингвистических материалов по различным тюркским языкам; 2) составлен ряд рукописных тюркских словарей; 3) положено начало преподаванию тюркских языков в русских учебных заведениях: «школа» Кера (см. с. 44), Академическая гимназия при Московском университете, Астраханская школа — Астраханское народное училище, 1-я Казанская гимназия, Омская азиатская школа, Тобольское главное народное училище, Нижегородская и Тобольская духовные семинарии (см. с. 129—140); 4) изданы первые печатные пособия по языкам: а) чувашскому (Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка), б) татарскому (Азбука татарского языка С. Хальфина), в) турецкому (Турецкая грамматика Гольдермана). Подробнее об этом см. ниже (с. 201 сл.).

---

[351] *Загоскин Н. П.* Указ. соч., с. 221.
[352] *Булич*, с. 432—433.

III

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК (XIX—начало XX в.)

1. Востоковедение в Академии наук. Деятельность Г. Ю. Клапрота

Начало XIX в. ознаменовалось опубликованием двух документов — нового академического регламента 1803 г. и нового университетского устава 1804 г., сыгравших важную роль в развитии отечественного востоковедения.

25 июля 1803 г. был утвержден новый регламент Академии наук, по которому в числе «наук, коих усовершенствованием Академия должна заниматься», перечисляются также «история, статистика и экономия политическая» (§ 3); таким образом, гуманитарные науки, изъятые из Академии по регламенту 1747 г., вновь заняли в ней свое место.

Несмотря на то что в новом регламенте ни слова не сказано о востоковедении, в числе адъюнктов по восточным языкам и словесности был приглашен и зачислен с 1 сентября 1804 г. (прибыл в С.-Петербург в начале 1805 г.) немецкий ученый Генрих-Юлиус Клапрот (Klaproth, 1783—1835), 11 марта 1807 г. избранный экстраординарным академиком.[1]

Научные интересы Клапрота были очень широки: языкознание и история, география и этнография, он изучал китайский, маньчжурский, монгольский, тибетский, тюркские, грузинский, армянский и другие восточные языки.

Клапрот за время своего семилетнего пребывания в России получил блестящую для ориенталиста возможность совершить путешествие по Сибири и Кавказу.

В 1805 г. Клапрот в числе других ученых был прикомандирован к посольству Ю. А. Головкина, направлявшемуся в Китай; однако ученые, входящие в состав посольства, из Урги вынуждены были возвратиться в Иркутск. На обратном пути (1805—1806) он собирал в южных районах Восточной Сибири лингвистические, этнографические и географические материалы.[2]

В 1807—1808 гг. Клапрот по поручению Академии изучал этнографию и языки адыгейцев, абазин, кабардинцев, карачаевцев,

---

[1] ББСОТ, с. 187—189.

[2] История АН, т. II, с. 111, 224; *Гнучева*, с. 155—157; Отчет Клапрота см.: ЛОААН, ф. I, оп. 2, 1807, § 8.

балкарцев, осетин, горных грузин и других народностей Северного Кавказа и Грузии. [3]

Он собрал и опубликовал значительный материал по этнографии и языкам башкир, казахов, киргизов, якутов и тунгусов,[4] а также одним из первых проявил интерес к языку и алфавиту древних уйгуров.

Мимо внимания Клапрота не прошли и памятники тюркской письменности — «Бабур-наме», «Кодекс куманикус», тюркские и арабские надписи в Булгаре на Волге.

С именем Клапрота связано издание первого в России востоковедного сборника, напечатанного в С.-Петербурге в 1810 г. по распоряжению Академии наук;[5] здесь он в числе других своих работ опубликовал (с. 101—110) перевод на немецкий язык главы из «Бабур-наме», посвященной описанию Ферганы.[6]

Все сказанное достаточно отчетливо свидетельствует о том, что Клапрот был выдающимся ориенталистом с большими и разносторонними знаниями, — и тем не менее его семилетняя ученая деятельность в России не оставила заметного следа в русском востоковедении.

В 1811 г. Клапрот по командировке Академии выехал в Берлин, чтобы заказать там шрифты, необходимые для издания его трудов, увезя с собой собранные на Дальнем Востоке и на Кавказе материалы,[7] что свидетельствует о заранее обдуманном намерении не возвращаться в Россию. 25 июня 1812 г. Клапрот отправил из Берлина письмо, в котором обвинял канцелярию в неправильном исчислении его академического жалования. Конференция Академии наук была «чувствительно оскорблена» дерзким тоном письма Клапрота, «который вздумал поносить как правительство, так и Академию, несмотря на то что в течение семи лет пользовался он всякими благодеяниями, поощрениями и наградами как от правительства, так и от сословия, коего быть членом он имел честь, столь мало своим поведением заслуженную».[8] Конференция на своем заседании 24 марта 1813 г. решила: «. . . исключить его (Клапрота) с бесславием из Академии».[9] Правительствующий Сенат 11 мая 1817 г. утвердил решение Конференции лишить Клап-

---

[3] *Гнучева*, с. 160. — Результаты экспедиции изложены в книгах: 1) Reise in den Kaukasus und nach Georgien in den Jahren 1807 und 1808, t. I—II. Halle—Berlin, 1812—1814; то же на французском яз.: *Klaproth J.* Voyage au mont Caucase et en Géorgie. Paris, 1823; 2) Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814.

[4] *Klaproth J.* 1) Asia Polyglotta. Paris, 1823; 2-е изд. — 1831; 2) Sur quelques antiquités de la Sibérie. Paris, 1824; 3) Sur la langue des kirghiz. — JA, 1825, t. 7, p. 321—344; 4) Sur les Boukhares. — JA, 1823, t. 2.

[5] Archiv für Asiatische Literatur, Geschichte und Sprachkunde. St.-Pb., 1810.

[6] *Ҳўжаев Ғ.* «Бобирнома»нинг немисча икки таржимаси. — Ўзбек тили ва адабиёти, Тошкент, 1979, № 26, с. 46—49.

[7] История АН, т. II, с. 249.

[8] ЛОААН, ф. I, оп. 2 (1813), № 5, § 69.

[9] Там же.

рота звания экстраординарного академика и исключить из сословия Академии.[10]

Первый русский ученый, избранный членом-корреспондентом Академии наук по разряду восточной словесности и древностей (1810), — Григорий Иванович Спасский (1783—1864), горный инженер, посвятивший свой досуг изучению истории Сибири и Черноморского края.[11]

В историю русской тюркологии Г. И. Спасский вошел статьей «Древности Сибири», сыгравшей важную роль в собирании и систематизации тюркских рунических надписей (подробнее см. с. 308). Известный исторический интерес представляют составленные Спасским словарики ряда диалектов хакасского языка (см. с. 288). [12]

В историю русской культуры и русского востоковедения Г. И. Спасский вошел также как издатель журнала «Сибирский вестник» (выходил в С.-Петербурге с 1818 по 1824 г.), в котором помещались ценные статьи и материалы по истории, географии и этнографии Сибири и Средней Азии, и научно-популярного журнала по востоковедению «Азиатский вестник» (издавался в 1825—1827 гг., также в С.-Петербурге), в котором печатались «избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения».

2. Проект Азиатской академии С. С. Уварова, 1810 г.

Выявившаяся еще в Петровское время настоятельная потребность в кадрах специалистов-востоковедов к началу XIX в. приобрела характер острой необходимости, откликом на которую явился целый ряд проектов.[13]

Одним из них был «Проект Азиатской академии» (1810) молодого в ту пору дипломата Сергея Семеновича Уварова (1786—1855), позднее попечителя Петербургского учебного округа (1811), президента Академии наук (1818—1855) и министра народного просвещения, известного своими реакционными взглядами. В обоснование своего проекта [14] Уваров выдвигал мысль, что «было бы

---

[10] Там же, оп. 2 (1817), № 15.

[11] ББСОТ, с. 264—266.

[12] См.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

[13] О них см.: МИФВЯ, т. IV, с. 34—35; *Крачковский.* Очерки, с. 69—71; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII—1-я пол. XIX в.). — НАА, 1970, № 4, с. 133—139.

[14] *Ouvaroff S.* Projet d'une Académie asiatique. St.-Pb., 1810; немецкий перевод: *Ouvaroff S.* Ideen zu einer asiatischen Akademie. Traduction du français par Hauenschild. St.-Pb., 1811; то же в кн.: Études de philologie et de critique par M. Ouvaroff. St.-Pb., 1843, p. 1—48 (см. замечания на французском языке посланника Королевства Сардинии в России графа Жозефа де-Местра: там же, с. 53—65); русский перевод проекта Уварова см.: 1) Мысли о заведении в России Академии Азиатской [за подписью «Ж.», т. е. В. А. Жу-

полезно заведение такой Академии, которая могла бы служить посредницею между образованностью Европы и просвещением, скрывающимся в недрах Азии, и которая соединяла бы в себе все то, что может иметь некоторое отношение к познанию Востока».[15] Академия мыслилась и как учебное заведение, которое «должно заключать в себе: во-первых, курс языков; во-вторых, курс литературы, и для каждого из сих курсов должны быть определены учителя».[16]

Проект состоит из двух частей: первая часть наполнена общими рассуждениями о Востоке, который «единодушно был признан колыбелью мировой цивилизации»; вторая часть посвящена общему обзору курса азиатских языков и литератур (индийская — санскритская; китайская; мусульманская — арабская, персидская, турецкая, татарская; еврейско-библейская), для которых составлены (для первых трех — Клапротом, для последней — профессором еврейского языка С.-Петербургской духовной академии И. А. Феслером) краткие программы и списки необходимых пособий.

Проект Азиатской академии Уварова, не в пример проекту Кера, получил широкую известность: его перевел на русский язык В. А. Жуковский, к нему проявил интерес Наполеон, его идеям сочувствовал знаменитый французский ориенталист Сильвестр де Саси, большое внимание уделял ему Гёте.[17] Однако, по компетентному заключению И. Ю. Крачковского, проект Уварова «был нереален в условиях тогдашней России, уступая в этом отношении даже проекту Кера. . . Это было скорее общее рассуждение о важности изучения Востока, чем сколько-нибудь конкретное построение».[18]

Тем не менее этот и другие «востоковедные» проекты сыграли положительную роль тем, что привлекали внимание «власть предержащих» и немногочисленных в ту пору ученых к проблемам организации востоковедных учебных заведений и изучения Востока.

3. Азиатский музей (1818—1930) и тюркология в Академии наук

По всей вероятности, как своеобразный реванш за нереализованный проект Азиатской академии следует рассматривать инициативу С. С. Уварова — в то время уже президента Академии наук, — выраженную в письме от 11 ноября 1818 г. в Комитет

ковский]. — Вестник Европы, 1811, ч. 55, № 1, с. 27—52; № 2, с. 96—120; 2) Азиатская Академия. Заметки профессора Хаханова о проекте Кера и проекте графа Уварова с критическими замечаниями Де-Местра. — Кавказский вестник, 1902, № 8—9, с. 49—89.

[15] Вестник Европы, 1811, ч. 55, № 1, с. 34.

[16] Там же, № 2, с. 97.

[17] *Крачковский.* Очерки, с. 69—71.

[18] Там же, с. 69.

правления Академии, в котором он писал «о необходимости устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных под названием Восточного кабинета и хранителем оного определить г. академика Френа. . .».[19]

Так возник Азиатский музей [20] — первое научно-исследовательское востоковедное учреждение в России, сыгравшее важную роль в истории отечественного востоковедения.

В историю Азиатского музея, равно как и в историю востоковедения в России первой половины прошлого века, навсегда вошло имя первого его директора (1818—1842) — ординарного академика по разряду восточных древностей (с 24 сентября 1817 г.) Христиана Даниловича Френа (Fraehn, Frähn, 1782—1851), арабиста, ираниста, тюрколога.[21]

В истории русской тюркологии Френ оставил заметный след систематизацией и описанием тюркских рукописей и нумизматического материала собрания Азиатского музея, рядом статей по истории тюркских народов и изданием в оригинале текста известного сочинения Абу-л-Гази (см. с. 80).

Френ способствовал развитию нашего востоковедения и как профессор восточных языков Казанского университета (1807—1817). Особенно продуктивной была его научная деятельность после переезда в 1817 г. в С.-Петербург.

«Едва ли есть ориенталист в России, — писал П. С. Савельев, — который бы не был ему (Френу, — *А. К.*) чем-нибудь обязан. . . Были и до него в Академии знающие ориенталисты — скромный Кер и знаменитый Клапрот, но труды их не оставили даже следов в русской науке, а Френ привил свою науку к русской почве и оставил немало последователей и продолжателей».[22]

Первым из русских адъюнктом по тюркским языкам в Академии наук был ученик Френа по Казанскому университету Януарий Осипович Ярцов (1792—1861), причисленный, по рекомендации Френа, к Академии в звании адъюнкта 10 июня 1818 г., но уже в июле 1819 г.[23] перешедший на службу в Азиатский департамент МИД на должность драгомана [24] (о нем см. еще с. 143).

---

[19] История АН, т. II, с. 221. — Полностью письмо опубликовано: *Дорн*, с. 196—197.

[20] В письме Уварова речь шла о Восточном кабинете; в немецком переводе письма говорилось о «Morgenländisches (Asiatisches) Kabinet» (*Дорн*, с. 198). — Название «Азиатский музей» — «Das Asiatische Museum» — впервые употреблено в ответе Френа Комитету правления АН в декабре 1818 г. (*Дорн*, с. 200); см.: *Тихонов Д. И.* Сокровища Азиатского музея и их собиратели. (Исторический очерк). — Сб. МАЭ, Л., 1973, т. XXIX, с. 4—38.

[21] ББСОТ, с. 279—281.

[22] *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, с. 46.

[23] *Модзалевский Б. А.* Список действительных членов АН СССР. 1725—1925. Л., 1925, с. 15; Академия наук СССР. Персональный состав. Кн. I. 1724—1917. М., 1974, с. 37. — Здесь неправильно указана его специальность — «востоковед-санскритолог», следует «востоковед-тюрколог».

[24] Ярцов по пути из Казани в Петербург задержался в Москве, где по поручению акад. Френа и Н. П. Румянцева занимался в Архиве Коллегии ино-

Востоковедение приобрело в жизни Академии определенное значение (чему немало способствовала активная научная деятельность Х. Д. Френа), и на основании дополнительных пунктов (от 30 января 1830 г.) к регламенту 1803 г. было выделено в штате два места «для истории и словесности азиатских народов».[25] Одно из них занимал Френ, на другое в 1832 г. был избран монголист и тибетолог Я. И. Шмидт (1779—1847).

Новый устав Санкт-Петербургской Академии наук (от 8 января 1836 г.) упрочил положение востоковедения: среди наук, «усовершенствованием коих Академия должна заниматься», отныне значатся «восточная словесность и древности» (§ 4).

После выхода Френа на пенсию (1842) академиком по разряду восточной словесности и древностей был избран востоковед-энциклопедист Борис Андреевич Дорн (1805—1881), второй после Френа директор Азиатского музея (1842—1881), историк и географ Кавказа и Ближнего Востока, профессор восточных языков.[26]

Середина прошлого столетия в истории отечественной тюркологии ознаменовалась выходом в свет книги, составившей эпоху, — труда по грамматике якутского языка (см. с. 295), автором которого был выдающийся санскритолог, блестящий лингвист, академик Оттон Николаевич Бётлингк (Böhtlingk, 1815—1904).[27]

Бётлингк был широко осведомленным тюркологом; наряду с якутским языком он проявлял интерес и к турецкому (см. с. 234).

Особое место в истории восточного языкознания в России середины XIX в. занимает академик Антон Антонович Шифнер (Schiefner, 1817—1879),[28] научные интересы которого были необычайно широки даже по масштабам прошлого столетия: «. . .кавказские языки во всем их разнообразии, палеоазиатские, финские, тюркские, монгольские, иранские, кроме того, санскритский и тибетский, причем этим длинным списком, наверно, не исчерпывается число языков, над которыми Шифнер работал».[29]

В историю изучения тюркских и палеоазиатских языков в России Шифнер вошел как бескорыстный редактор и издатель огром-

---

странных дел разбором восточных рукописей; он выехал из Москвы не ранее второй половины апреля 1819 г. (см.: Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1882, кн. I, 1882, с. 112). — Ярцов перешел из Академии наук в МИД, по-видимому, под влиянием Н. П. Румянцева, который, убедившись в «прилежности и способностях г. Ярцова», решил «стараться его приобресть» (там же, с. 119).

[25] История АН, т. II, с. 222.

[26] См.: ОИРВ, сб. 2, с. 497—498; *Ливотова, Португаль.* Востоковедение, № 701—821; ББСОТ, с. 159; *Куликова А. М.* Б. А. Дорн и университетское востоковедение в России. — НАА, 1975, № 2, с. 220—228.

[27] ББСОТ, с. 127—128; см. также: О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973. 237 с.

[28] См.: ОИРВ, сб. 2, с. 508; ББСОТ, с. 292—293.

[29] *Ольденбург С. Ф.* Предисловие. — В кн.: Памяти М. А. Кастрена. Л., 1927, с. 1. О занятиях Шифнера палеоазиатскими языками см.: *Вдовин И. С., Терещенко Н. М.* Очерк истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959, с. 26.

ного научного наследия (двенадцать томов!) замечательного ученого и путешественника М. А. Кастрена (1813—1852), совершившего в 1845—1849 гг. путешествие по Сибири (см. с. 286).[30]

Шифнер издал и снабдил предисловием труды Кастрена,[31] в частности первое описание койбальского и карагасского наречий.[32]

Шифнеру принадлежит несправедливо забытое сочинение, посвященное эпосу минусинских татар;[33] материал тюркских языков им широко использован в статье «An- und Auslaut bedingen sich gegenseitig».[34]

В истории русского востоковедения видное место занимает историк и филолог, востоковед-автодидакт, академик Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов (1830—1904).[35] В сравнительно небольшом списке его трудов (35 названий) в части тюркологических работ сохраняет свое значение знаменитое «Исследование о Касимовских царях и царевичах» в четырех частях, выходившее в С.-Петербурге с 1863 по 1887 г. В нем тюрколога привлекает длинный ряд интереснейших историко-филологических экскурсов и примечаний.

Для специалистов значительный интерес представляют татарские и турецкие документы по истории сношений Крымского ханства с Россией и Польшей, хранившиеся в Московском Главном архиве МИД (ЦГАДА), переписанные преподавателем татарского языка на факультете восточных языков С.-Петербургского университета Хусейном Фейзхановым (1828—1866)[36] и изданные В. В. Вельяминовым-Зерновым.[37]

Памятником тюркской лексикографии в России является широко известный «Словарь джагатайско-турецкий», изданный Вельяминовым-Зерновым в С.-Петербурге в 1868—1869 гг. Тяжелая болезнь (1871) вынудила его оставить службу в Академии и почти полностью прекратить научно-исследовательскую деятельность (см. еще с. 270).

---

[30] История АН, т. II, с. 225; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 423; ББСОТ, с. 182—183.

[31] Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schiefner. Bd I—XII. St.-Pb., 1853—1862.

[32] Там же, Bd XI; подробнее см. с. 286.

[33] *Schiefner A.* 1) Ueber die Heldensagen der Minussinschen Tataren. — Bull. hist.-phil., 1858, t. XV, N 23—24, стб. 353—390; то же: Mél. Asiat., 1859, t. III, с. 373—425; 2) Heldensagen der minussinschen Tataren, rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St.-Pb., 1859, XLVII. 432 с.

[34] См.: Bull. hist.-phil., 1858, t. XV, N 12, стб. 189—192; то же: Mél. Asiat., 1857—1859, t. III, с. 281—285.

[35] ОИРВ, сб. 2, с. 496; *Лунин.* Историография, с. 122—125; ББСОТ, с. 136—137; личное дело Вельяминова-Зернова см.: ЛОААН, ф. 4, оп. 4, № 102.

[36] *Сафиуллина Ф. С.* Хусейн Феизханов. — В кн.: Вопросы татарского языкознания, кн. 2-я. Казань, 1965, с. 407—423; ББСОТ, с. 276—277. — Его имя и фамилия в литературе встречается в следующих начертаниях: Хусаин/Хусейн/Хусеин Фейзханов/Фаизханов/Фаезханов/Феизханов.

[37] Материалы для истории Крымского ханства. . . СПб., 1864. 941 с. — Подробнее см. с. 254.

Эпоху в истории отечественной и мировой тюркологии составила деятельность Василия Васильевича Радлова (1837—1918),[38] который своими многолетними трудами заложил фундамент тюркской филологии. В. В. Радлов, питомец Берлинского университета, нашел в России, куда прибыл летом 1858 г., все необходимое для работы. Его жизнь отчетливо делится на три периода: алтайский, казанский, петербургский-петроградский.

Алтайский период (1859—1871) жизни В. В. Радлова был посвящен прежде всего изучению тюркских языков Алтая и Западной Сибири, собиранию и первичной обработке материалов по языкам, фольклору, этнографии и археологии тюркоязычных народов Алтая и Западной Сибири.

Казанский период (1871—1884) прошел под знаком педагогической и административной деятельности: в конце 1872 г. он был назначен инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа.

Петербургский-петроградский период (1884—1918) жизни и деятельности В. В. Радлова начинается с избрания его «ординарным академиком по части истории и древностей азиатских народов» (7 ноября 1884 г.).

Этот период был самым разнообразным по тематике научных занятий и самым плодотворным по числу изданий, осуществленных В. В. Радловым, чему, конечно, в значительной степени способствовала его деятельность на Алтае и в Казани.

В. В. Радлов в течение своей шестидесятилетней научной деятельности постепенно включил в сферу своих научных интересов все области тюркологии: диалектография и диалектология, лексикография и лексикология, сравнительная и историческая фонетика, грамматика тюркских языков, тюркская текстология и издание памятников тюркской письменности руническим, уйгурским, арабским письмом, тюркский фольклор, этнография, история и археология.

Многочисленные и разнообразные материалы, собранные во время почти 12-летнего пребывания на Алтае, позднее были систематизированы, изучены и изданы.

«Приступив в 1859 году к исследованию тюркских наречий собственного Алтая, — писал В. В. Радлов в предисловии к «Опыту словаря», — я с самого начала стал собирать не только произведения народного творчества, но и по возможности объемистый лексический материал». Позднее этот материал был дополнен другим, извлеченным из различных тюркских словарей. Так возник знаменитый «Опыт словаря тюркских наречий» (24 выпуска, объединенных в четыре тома).[39]

---

[38] *Дулина Н. А.* Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем. — ТСб. 1971. М., 1972, с. 261—279 (этот сборник посвящен памяти В. В. Радлова); *Лунин.* Историография, с. 299—309; ББСОТ, с. 241—245; *Милибанд.* ББССВ, с. 460—461.

[39] 1-е изд. — СПб., 1893—1911; дважды переиздан фотомеханическим способом: Изд. восточной литературы. М., 1963—1964; Изд. Мутон и Ко, Гаага,

Материалы по тюркскому фольклору, изданные в серии «Образцы народной литературы тюркских племен», для первых семи частей были собраны Радловым, для трех последних — Куношем, Катановым, Мошковым.[40]

«Образцы», которые, по словам А. Н. Самойловича, стали «первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента тюркологии»,[41] с течением времени не только не потеряли своего научного значения, а, наоборот, приобрели еще большую ценность, так как они являются единственным документированным источником сведений по истории ряда бесписьменных в прошлом тюркских языков.[42]

Наличие в распоряжении В. В. Радлова огромного материала почти по всем тюркским языкам позволило ему перейти к обобщению своих наблюдений над фонетическим и грамматическим строем тюркских языков, реализованному, к сожалению, только для фонетики.[43]

«Фонетика» Радлова, мало используемая советскими тюркологами, равно как и основанная на ней классификация тюркских языков, сохраняет свое значение — как в части фактического материала, так и в части основных выводов.

Стремление глубже познать тюркскую фонетику и грамматику приводит В. В. Радлова к изучению истории тюркских языков по памятникам; появляется серия работ: «Сельджукские стихи», «Ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлуга», «Несторианско-тюркские надписи в Семиречье», исследование языка «Кодекс Куманикус» и, наконец, издание текста и немецкий перевод на основе Венского и Каирского списков «Кутадгу билиг».

Конец прошлого столетия ознаменовался открытием в Монголии больших рунических надписей, в дешифровке, изучении и

1960. — Урало-Алтайское общество (Гамбург, ФРГ) издавало с 1969 г. немецкий индекс к «Опыту словаря» Радлова: *Radloff*. Index der deutschen Bedeutungen zusammengestellt und herausgegeben unter Leitung und Redaktion von A. v. Gabain und W. Veenker. — В 1972 г. вышел 4-й выпуск. На этом издание прекратилось.

[40] Заглавия всех 10 частей см.: *Ливотова, Португаль*. Востоковедение, № 1341.

[41] *Самойлович А. Н.* Радлов как турколог. — Новый Восток, 1922, № 2, с. 708.

[42] «Образцы» (первое издание — СПб., 1866—1907) переизданы фотомеханическим способом в ГДР (Лейпциг, 1965): для первых семи частей переизданы переводы, для последних трех — тексты в транскрипции. Проф. Д. Синор (Индиана, Блумингтон, США) в 1967 г. приступил к фотомеханическому переизданию «Образцов», но позднее издание прекратилось.

[43] *Radloff W.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. 1. Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882—1883. — «Фонетика» В. В. Радлова подверглась необоснованно резкой критике со стороны В. Д. Смирнова (отд. отт.: ЖМНП, 1884, CCXXXVI, ноябрь, Отд. 2, с. 76—106). Ответ Радлова на критику Смирнова см.: ЖМНП, 1877, январь. . . Вторая (незаконченная) часть этого труда — «Морфология» — была передана автором (не позднее 1914 г.) А. Н. Самойловичу и, по-видимому, затерялась. См.: *Самойлович А. Н.* В. В. Радлов как турколог, с. 27; *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — НАА, 1963, № 2, с. 247.

издании которых В. В. Радлову, наряду с В. Томсеном, принадлежит первое место (см. с. 309).

В. В. Радлов является пионером тюркской текстологии, кроме целой серии рунических памятников он собственноручно переписал и издал ряд памятников уйгурской письменности (см. с. 312).[44] В. В. Радлов подготовил уйгурско-немецкий словарь, печатание которого началось при жизни автора. Рукопись хранится в ЛО ААН (ф. 177, оп. 1, № 81, 82, 90); чистые листы (96 страниц) этого словаря — в Библиотеке ЛО ИЯ АН СССР (*Насилов Д. М.* В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников, с. 83).

Наблюдения над грамматическим строем орхоно-енисейских и уйгурских памятников и их усовершенствованные переводы изданы в серии статей (6 выпусков).[45] Четвертая статья этой серии — «Einleitende Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte» (Вводные мысли к изучению древнетюркских диалектов) — имеет особое значение для понимания многих проблем истории тюркских языков и истории тюркоязычных народов.

Пятая статья этой серии — «Die alttürkischen Dialekte» (Древнетюркские диалекты) — представляет собою последнее по времени предпринятое В. В. Радловым краткое описание грамматики некоторых памятников рунической и уйгурской письменности; здесь же была сделана попытка представить классификацию древнетюркских диалектов (языков), которая до сих пор не заменена ничем иным.

Студенческие годы В. В. Радлова прошли в Берлине и Галле в эпоху, когда шла напряженная разработка новой теории сравнительного языкознания. Учителями его были выдающиеся лингвисты Ф. Бопп, Г. Штейнталь и А. Потт. Жизнь в Казани, в одном из главных центров научного языкознания тогдашней России, участие в кружке И. А. Бодуэна де Куртенэ [46] не могли не повлиять на пробуждение у Радлова интереса к проблемам общего языкознания, которые, однако, он неизменно рассматривал через призму хорошо известного ему тюркского лингвистического материала.

К числу его трудов, представляющих общелингвистический интерес, относится его ранняя статья 1882 г. «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele den Türksprachen» (Звуковые изменения и их значение для развития языка, подтвержденные примерами из тюркских языков).

Общие проблемы тюркского языкознания В. В. Радлов обстоятельно анализирует в исследованиях начала нынешнего столетия: «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems» (К истории

---

[44] Подробнее см.: *Насилов Д. М.* 1) Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении. — ТСб. 1970. М., 1970, с. 93—110; 2) В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников. — ТСб. 1971. М., 1972, с. 64—101.

[45] Alttürkische Studien. St.-Pb., 1909—1912.

[46] *Благова Г. Ф.* Памяти И. А. Бодуэна де Куртенэ. (Изложение доклада Э. Р. Тенишева и прений по этому докладу). — СТ, 1979, № 6, с. 99—101.

тюркской звуковой системы), «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (Якутский язык в его отношении к тюркским языкам).

Особое место в ряду работ, в которых ставились и решались Радловым проблемы общей теории тюркских языков, принадлежит большой статье 1906 г. «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». В этой работе — введении ко второй части «Сравнительной грамматики северных тюркских языков» — излагаются основные проблемы морфологии тюркских языков. В частности, здесь изложена идея (к сожалению, не получившая распространения) о природе тюркской агглютинации и о происхождении аффиксов.

Основные положения статьи подверглись критике со стороны Н. А. Бодуэна де Куртенэ.[47] Однако теперь, по прошествии более семидесяти лет, можно сказать, что эта идея Радлова заслуживает самого пристального внимания.[48]

При оценке вклада В. В. Радлова в развитие тюркологии необходимо принимать во внимание общее состояние тюркологии как науки в 60-х и последующих годах XIX и в начале XX в.

К началу деятельности В. В. Радлова тюркология в России имела бесспорные и признанные успехи. Трудами И. И. Гиганова, А. А. Троянского, М. А. Казем-Бека, О. Н. Бётлингка, Х. Д. Френа, Б. А. Дорна, О. И. Сенковского, А. О. Мухлинского, Н. Н. Березина, В. В. Григорьева, П. С. Савельева, В. И. Вербицкого, Н. Н. Ильминского и других ученых русская тюркология заняла ведущее место. Было много хороших работ, главным образом по отдельным языкам, но не было обобщающих, фундаментальных трудов, базирующихся на большом, тщательно систематизированном материале всех основных тюркских языков; не было, за редким исключением, трудов, открывающих широкие научные горизонты и имеющих общетюркологическое значение.

Состояние исследовательского материала дорадловской тюркологии, его скудость и слабая изученность вынуждали тюркологов заниматься преимущественно аналитико-описательной работой на материале какого-нибудь одного из тюркских языков. Сравнительно-сопоставительные исследования проводились поэтому в весьма скромных масштабах и ограничивались сопоставлением отдельных — лежащих на поверхности — языковых фактов.

Первые попытки сопоставительного анализа отдельных фактов (а не системы!) грамматики тюркских языков намечаются уже в трудах И. И. Гиганова (1801) и М. А. Казем-Бека (1839, 1846), а также в «Грамматике алтайского языка» (1869).

---

[47] *Бодуэн де Куртенэ И.* Заметки на полях сочинения В. В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». — ЖС, 1909, т. II—III, с. 191—205.

[48] *Кононов А. Н.* О природе тюркской агглютинации. — ВЯ, 1976, № 4, с. 3—17.

Сравнительное изучение тюркских языков на базе достижений тогдашней индоевропеистики начинается с «Грамматики якутского языка» О. Н. Бётлингка, изданной в 1851 г.

Из довольно значительного числа тюркских словарей, изданных до выхода в свет «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, только «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова, вышедший в С.-Петербурге в 1869—1871 гг., содержит лексику ряда тюркских языков и, следовательно, может быть причислен к общетюркологическим словарям.

Трудами же В. В. Радлова тюркология в целом — во всех ее основных филологических и лингвистических разделах — поднялась на новую ступень, приобрела новое качество, чему способствовало в первую очередь введение Радловым в научный обиход нового фактического материала, почерпнутого из сокровищницы почти всех тюркских языков, создание общетюркского словаря, изучение фонетики и грамматики многих живых тюркских языков и почти всех основных памятников рунического, уйгурского и отчасти арабского письма и, может быть, самое главное — утверждение сравнительно-исторического метода в тюркологии.

Сказанное дает основание утверждать, что принятая многими тюркологами периодизация дооктябрьской отечественной тюркологии — дорадловская эпоха и радловская эпоха — соответствует объективно установленным фактам. Последнее шестидесятилетие дооктябрьского периода прошло под знаком неутомимой и многогранной деятельности В. В. Радлова.

Исключительно обширные знания и изумительная работоспособность позволили ему одному, без помощников, проделать работу такого объема, которая, без преувеличения, под силу только целому коллективу опытных исследователей.

Несмотря на очевидные крупные научные достижения В. В. Радлова, его переводы памятников тюркской письменности (Хуастванифт, Кодекс куманикус и некоторые другие) подверглись резкой, часто необоснованной критике со стороны Ф. В. К. Мюллера и А. Лекока; но дальше других в деле научной компрометации Радлова пошел В. Банг (по словам В. В. Радлова: «. . .в трех журналах напал на меня и просто ругается»). В защиту В. В. Радлова выступили К. Г. Залеман, В. В. Бартольд и А. Н. Самойлович.[49]

Обзор жизни и деятельности В. В. Радлова и его заслуг перед отечественным востоковедением был бы неполным, если бы мы не сказали о нем как об администраторе, педагоге и общественном деятеле.

Организационно-административная деятельность В. В. Радлова началась еще в Казани, когда он был назначен «инспектором инородческих школ». Затем, уже в С.-Петербурге, Радлов некоторое время занимал должность директора Азиатского музея

---

[49] Подробнее см.: *Насилов Д. М.* В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников, с. 78—80; см. еще: *Крымский.* Тюрки, с. 570.

(1885—1890); в бытность его директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (1894—1918) была проведена реорганизация этого музея.

В. В. Радлов был одним из инициаторов создания и председателем «Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии», который сыграл важную роль в развитии отечественного востоковедения.

Комитет, заседавший в С.-Петербурге—Петрограде (1903—1918), во главе которого стоял В. В. Радлов, а после его смерти (12 V 1918) до конца 1918 г. — С. Ф. Ольденбург, сыграл важную роль в истории изучения Востока русскими учеными, главным образом организацией и финансированием научных экспедиций в восточные страны. Комитет издавал на русском и на французском (до 1912 г.) языках «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (ИРКИСВА).[50]

Последние десять лет своей жизни В. В. Радлов был председателем правления «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта» (1908—1918).

В. В. Радлов не преподавал ни в Казанском, ни в С.-Петербургском университетах, но учеников в петербургский период своей жизни имел; ими были тюркологи Н. Ф. Катанов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович, монголисты Б. Я. Владимирцов и А. Д. Руднев; во время пребывания в Казани Радлов руководил тюркологической подготовкой В. А. Богородицкого (см.: ББСОТ, с. 128—129).

Его ученики — тюркологи, избравшие каждый более или менее узкую область (Н. Ф. Катанов — этнография и языкознание, П. М. Мелиоранский — языкознание, С. Е. Малов — руника и уйгурика, тюркские языки Центральной Азии и Западного Китая, А. Н. Самойлович — литература, этнография, языкознание), — продолжали и развивали общие идеи своего учителя, внося свое, новое в понимание основных проблем тюркологии, углубляясь одновременно в области, не затронутые исследовательским вниманием В. В. Радлова; к последним относятся, в частности, среднеазиатские тюркские литературные памятники и языки огузской группы «послерунического» периода.

В. В. Радлов, не имевший слушателей-студентов, остро нуждался в общении со своими коллегами-востоковедами; ему, по-видимому, недоставало общества единомышленников, с которыми можно было обсуждать все возникающие научные проблемы, как

---

[50] Подробнее см.: *Бартольд В. В.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг. — *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 503—509; *Люстерник Е. Я.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — НАА, 1975, № 3, с. 224—232; Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Пгр., 1923, с. 19—20; *Ольденбург С. Ф.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — ЖМНП, 1903, CCCXXXIV, сентябрь, отд. 4, с. 44—47; *Назарова Н. Н.* В. В. Бартольд и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. — В кн.: Письменные памятники Востока. История, филология. М., 1979, с. 144—151.

это делалось в Казани, где регулярные встречи по субботам на квартире И. А. Бодуэна де Куртенэ превратились в своеобразную «творческую лабораторию и экспериментальную базу».[51]

Ответом на эту острую потребность научного общения явились «Радловские четверги» — регулярные собрания по четвергам на квартире В. В. Радлова (СПб., Васильевский остров, 7-я линия, д. 2). «. . . в течение всего 1908 г., по четвергам (с 10 до 12 ч. дня), — писал С. Е. Малов, — у В. В. Радлова собирался тесный небольшой кружок ориенталистов, где с большим увлечением и юношеским энтузиазмом читались и объяснялись В. В. Радловым эти юридические документы (изданные в 1928 г. С. Е. Маловым, — *А. К.*) и происходил оживленный обмен мнений между всеми присутствовавшими. Постоянными посетителями этих четвергов были: А. Н. Самойлович и С. Е. Малов (туркологи), А. Д. Руднев и Б. Я. Владимирцов (монголисты) и Вл. Котвич и Ф. В. Муромский (монголисты и маньчжуристы). В конце того же 1908 г. и в последующие годы на этих собраниях у академика В. В. Радлова читались буддийские, манихейские и христианские тексты, причем число участников увеличилось индианистом Ф. И. Щербатским, китаистом А. И. Ивановым, а также иногда присутствовали: академик К. Г. Залеман, проф. Г. Рамстедт и П. А. Фалев».[52]

О политических убеждениях В. В. Радлова дают яркое представление биографические справки, приведенные А. Н. Самойловичем: «В результате настойчивых хлопот В. В. Радлова в царское время были возвращены из сибирской ссылки и допущены к работе в музеях Ленинграда (тогда — С.-Петербурга) политические ссыльные: Клеменц, Штернберг, Пекарский и др.». Об его отношении к советской власти можно судить по следующему факту: «Будучи 80-летним стариком, акад. В. В. Радлов одним из первых академиков вступил в сношение с большевистским народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским, всемерно заботясь в последние месяцы своей жизни об осуществлении своих планов расширения Музея этнографии, и советская власть действительно провела в жизнь планы первого после Октябрьской пролетарской революции директора этого музея В. В. Радлова».[53]

---

[51] *Благова Г. Ф.* Памяти И. А. Бодуэна де Куртенэ, с. 99—101.

[52] *Радлов В. В.* Памятники уйгурского письма. Материалы, изданные после смерти автора с дополнениями С. Е. Малова. Л., 1928, с. VIII; ср. слова А. Н. Самойловича в письме к В. А. Гордлевскому: «Давнишняя моя идея объединить русских туркологов начинает, по-видимому, осуществляться: по моей инициативе 12 сентября (1915 г., — *А. К.*) основан на квартире Радлова частный кружок «алтаистов» (турецко-монгольско-манджурский)». . . (*Баскаков Н. А.* А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому. — СТ, 1973, № 5, с. 88). О «приватных» занятиях П. М. Мелиоранского у В. В. Радлова см.: *Самойлович А. Н.* Памяти П. М. Мелиоранского. — ЗВОРАО, 1907, т. XVIII, вып. 1, с. 02—03. С. Е. Малов всегда называл себя «приватным» учеником В. В. Радлова. О занятиях Н. Ф. Катанова (тоже «приватным» способом) у В. В. Радлова см.: *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов. Изд. 2-е. М., 1973, с. 16.

[53] *Самойлович А. Н.* Памяти великого турколога академика В. В. Радлова. (К столетию со дня рождения: 1837—1937). — Революция и националь-

Востоковедом-лингвистом широкого диапазона, оставившим неизгладимый след в истории русской и мировой иранистики, был академик Карл Германович Залеман (1849—1916).[54]

Окончив факультет восточных языков С.-Петербургского университета по двум разрядам — арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритско-персидскому (1867—1871), К. Г. Залеман позднее совершенствовался в татарском языке в Казани (1880) у выдающегося просветителя-демократа Каюма Насыри (1825—1902).[55] Еще в студенческие годы им был составлен «Русско-кумыкский словарь» (ЛОААН, ф. 87, оп. 1, № 316).[56] В течение всей своей исследовательской деятельности Залеман уделял значительное внимание тюркологическим изысканиям; его биограф свидетельствует: «Из всех неиранистических дисциплин наибольшее внимание Залеманом было уделено тюркологии».[57] О его глубоком знании живого татарского языка говорит следующий факт: по предложению Британского библейского общества он сделал перевод на татарский язык Евангелия от Матфея, Марка и Луки (изданы только первые два).[58]

В архиве Залемана (ЛОААН, ф. 87, оп. 1, № 262—271) сохранились материалы по изучению орхонских памятников.[59]

К. Г. Залеман опубликовал и снабдил историко-филологическими примечаниями весьма интересную рукопись Азиатского музея на «чагатайском» языке, названную им «Легенда про Хаким-ата».[60] «Прибавления» Залемана к труду В. В. Радлова о «Кудатку билиг»[61] представляют чрезвычайный интерес.

В сферу научных занятий К. Г. Залемана попал и другой важный памятник — «Кодекс куманикус».[62]

В архиве Залемана сохранились начальные листы подготовлявшейся им «Грамматики алтайских языков», копии с тюркских рукописей и транскрипции текстов.[63]

ности, 1937, № 2 (84), с. 80; *Благова Г. Ф.* В. В. Радлов и изучение топонимии Сибири. — В кн.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, с. 88—90.

[54] О нем см.: *Периханян А. Г.* Карл Германович Залеман. — ОИРВ, сб. IV, с. 79—115; см. также: ОИРВ, сб. 2, с. 498—499; ББСОТ, с. 163—164; *Лунин.* Историография, с. 175—180.

[55] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 608. — О К. Насыри см.: ББСОТ, с. 224—225; см. также кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976.

[56] *Периханян А. Г.* Указ. соч., с. 99.

[57] Там же.

[58] Там же. — Перевод Евангелия от Матфея издан в Казани дважды, в 1882 и 1890 гг.; от Марка — также в Казани в 1886 г.

[59] *Периханян А. Г.* Указ. соч., с. 101.

[60] ИАН. V сер., 1898, т. IX, № 2, с. 105—150; то же: Mél. Asiat., 1901, t. XI, p. 65—110; *Бартольд.* Соч., т. II/1, с. 532.

[61] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik, I. St.-Pb., 1891 (прибавления Залемана — S. XIV—XXVIII, XLIX—L).

[62] *Salemann C.* Zur Kritik des Codex Comanicus. — ИАН. VI сер., 1910, t. IV, N 12, S. 943—957; то же: Mél. Asiat., 1910, t. XIV, p. 341—355.

[63] *Salemann C.* Grammatik der altaischen Sprachen. — ЛОААН, ф. 87, оп. 1, № 304, 18 л. (см. об этом: *Периханян А. Г.* Указ. соч., с. 101—102).

Круг тюркологических интересов К. Г. Залемана был весьма широк, хотя, как и в области иранистики, он ограничивался преимущественно изучением памятников письменности в филолого-лингвистических аспектах. Среди его тюркологических работ надо назвать в первую очередь исследование о так называемых «Сельджукских стихах»; эта работа, основанная на обнаруженном им в Азиатском музее неизвестном ранее списке мистической поэмы Султана Веледа (1226—1312) «Ребаб-наме» (1301), продолжает изучение этого памятника, начатое В. В. Радловым по списку Венской имп. библиотеки (см. с. 316). Спустя четверть века, под конец своей жизни, Залеман вернулся к этой теме, подготовив работу, названную им «Новые сельджукские стихи» (ЛОААН, ф. 87, оп. 1, № 303, 12 л.).[64]

Конец XIX в. в истории русской тюркологии знаменуется повышенным вниманием к изучению памятников тюркской письменности; в первую очередь это касается вновь открытых Н. М. Ядринцевым (1889) больших рунических памятников (см. с. 309). К. Г. Залеман и в этой области обнаружил познания, достойные профессионального тюрколога.

Нельзя не отметить многолетнюю деятельность К. Г. Залемана по каталогизации арабских, персидских, тюркских рукописей. В списке его трудов [65] насчитывается одиннадцать печатных тюркологических работ (№ 9, 17, 23, 26, 31, 48, 55, 61, 69, 81, 83); ему принадлежит прекрасно составленная библиография трудов В. В. Радлова.

В историю изучения якутской лексики, в историю тюркской лексикографии навсегда вошло имя политического ссыльного, выдающегося якутоведа Эдуарда Карловича Пекарского (1858—1934), члена-корреспондента Академии наук (1927) и почетного академика (1931).[66] Э. К. Пекарский, проживший в якутской ссылке почти 25 лет, собрал там огромный материал по якутской лексике. Академия, а с 1903 г. и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии по ходатайству В. В. Радлова и К. Г. Залемана неизменно оказывали ему материальную и моральную поддержку;[67] в частности, в результате хлопот В. В. Радлова Э. К. Пекарский получил разрешение проживать в столице, чем и воспользовался, переселившись в 1905 г. на жительство в С.-Петербург, где поступил на службу сначала в Этнографический отдел Русского музея (1905—1910), затем (1911) стал сотрудником Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Первый выпуск «Словаря якутского языка», составленного Э. К. Пекарским при ближайшем участии Д. Д. Попова и

---

[64] *Периханян А. Г.* Указ. соч., с. 100.

[65] Матер. для биогр. словаря д. ч. АН, ч. 1, с. 295—298.

[66] О нем см.: *Убрятова.* Очерк, с. 21—25; Эдуард Карлович Пекарский. К столетию со дня рождения. Якутск, 1958. 54 с.; ББСОТ, с. 233—234; *Милибанд.* ББССВ, с. 423—424.

[67] См. предисловие Э. К. Пекарского к «Словарю якутского языка» (т. I, с. IV—V).

В. М. Ионова, вышел в Петербурге в 1907 г., а последний — в Ленинграде в 1930 г.[68]

Востоковеды были единодушны в высокой оценке этого словаря. В. В. Радлов писал: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным Thesaurus Linguae Jakutorum, да и для многих литературных языков подобный словарь, к сожалению, остается еще надолго pium desiderium».[69]

Э. К. Пекарский известен и как выдающийся знаток якутского фольклора и этнографии якутов.[70]

Академик Н. Я. Марр (1864—1934)[71] неоднократно — специально или попутно — касался тюркологических проблем. Этому способствовало его практическое (с детских лет) знакомство с турецким языком и обстоятельное научное изучение тюркских языков на факультете восточных языков (1884—1888), где его учителями были выдающиеся тюркологи И. Н. Березин и В. Д. Смирнов.[72]

Среди тюркологических работ Н. Я. Марра, которых в списке его научных трудов довольно много, сохраняют свое значение записи анатолийско-турецкого фольклора, сделанные им во время поездки (1904) по Карскому и Чорухскому вилайетам (входившим тогда в состав России).[73]

В истории тюркской филологии почетное место занимает питомец, позднее профессор Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, академик (1913), выдающийся историк-медиевист Василий Владимирович Бартольд (1869—1930),[74] которому принадлежит — кроме многочисленных этимологий тюркских этнонимов, антропонимов, топонимов и других филологических экскурсов, разбросанных по страницам его сочинений, — первая публикация образцов текста и осуществление полного русского перевода «Книги моего деда Коркута».[75]

---

[68] Переиздан фотомеханическим способом в 1958—1959 гг. Переведен на турецкий язык: *Pekarskiy E.* Jakut Dili Sözlüğü. I (A—M). İstanbul, 1945.

[69] См.: *Харитонов Л. Н.* Словарь якутского языка Э. К. Пекарского и его значение. — В кн.: Эдуард Карлович Пекарский, с. 10.

[70] См. кн.: Эдуард Карлович Пекарский.

[71] *Миханкова В. А.* Н. Я. Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.—Л., 1948; *Милибанд.* ББССВ, с. 336—340.

[72] *Джикия С.* Н. Я. Марр и турецкие языки. — Язык и мышление, VIII. Л., 1937, с. 243—253.

[73] *Мерчул Г.* Житие св. Григория Хандзтийского. Грузинский текст с дневником поездки в Шапию и Кларджию. — Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, 1911, кн. VII; подробнее см.: *Векилов А. Н.* 1) Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — УЗИВАН, 1960, т. XXV, с. 297; 2) Турецкая диалектология, I. Л., 1973.

[74] ББСОТ, с. 117—119; *Лунин.* Историография, с. 99—109; *Лунин Б. В.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. Ташкент, 1981. 223 с.; *Милибанд.* ББССВ, с. 61—63.

[75] Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод акад. В. В. Бартольда. Изд. подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.—Л., 1962.

Последними по времени представителями дооктябрьского периода развития тюркского языкознания в Академии наук были питомцы того же факультета, «приватные» ученики В. В. Радлова — А. Н. Самойлович (1880—1938)[76] и С. Е. Малов (1880—1957).[77]

Сразу же после окончания университета (1903) А. Н. Самойлович был оставлен для приготовления к профессорской деятельности на кафедре турецко-татарской словесности; в том же году он начал работать в Азиатском музее в качестве «приглашенного» — т. е. нештатного — сотрудника,[78] а в 1918 г. на него было возложено заведование отделом нумизматики, эпиграфики, археологии.[79]

С. Е. Малов по окончании факультета восточных языков был зачислен в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Академии наук на должность помощника библиотекаря.[80]

Совершив по представлению В. В. Радлова на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии два путешествия в Западный и Центральный Китай (1909—1911; 1913—1915), С. Е. Малов собрал коллекцию тюркских (главным образом уйгурских) рукописей, среди которых первое место занимает уникальный список буддийского сочинения «Золотой блеск». Рукописи, собранные С. Е. Маловым, хранятся в РОЛОИВ (см. еще с. 314).

Академики-востоковеды, широко понимая свои задачи, неизменно — начиная с Х. Д. Френа — оказывали постоянную помощь востоковедам и востоковедению, сосредоточенному в ту пору преимущественно в Казанском и С.-Петербургском университетах.

Академия издавала за свой счет труды ученых, не входивших в ее состав, — в частности, взяла на себя и осуществила издание трудов Кастрена, «Образцов» и «Опыта словаря» Радлова (до его избрания академиком), текст и перевод «Родословной тюрок» Демезона и др.[81]

Принимая во внимание успешное развитие тюркологии вне ее стен и стараясь содействовать этому развитию, Академия достойнейших из тюркологов (равно как и других ученых) избирала в число своих членов-корреспондентов.

В прошлом столетии из тюркологов этой высокой чести удостоились: Григорий Иванович Спасский (1783—1864), историк и архео-

---

[76] ББСОТ, с. 254—256; *Лунин.* Историография, с. 325—332; *Милибанд.* ББССВ, с. 393—394. — Памяти А. Н. Самойловича посвящен «Тюркологический сборник. 1974» (М., 1978), здесь же список его трудов и литература о нем; см. еще: СТ, 1973, № 5.

[77] ББСОТ, с. 211—212; *Милибанд.* ББССВ, с. 327—328. — Памяти С. Е. Малова посвящен «Тюркологический сборник. 1975» (М., 1978), здесь же список его трудов и литература о нем.

[78] См. личное дело А. Н. Самойловича: ЛОААН, ф. 4, оп. 4, № 5650.

[79] Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пгр., 1920, с. 114. — Коллекция тюркских рукописей А. Н. Самойловича хранится в РОЛОИВ.

[80] См. личное дело С. Е. Малова: ЛОААН, ф. 4, оп. 4, № 363, 1995.

[81] См.: История АН, т. II, с. 632.

лог Сибири (см. с. 308); Осип Иванович Сенковский (1800—1858), арабист и тюрколог; Мирза Александр (Александр Касимович) Казем-Бек (1802—1870), иранист, тюрколог, арабист; Николай Иванович Ильминский (1822—1891), тюрколог-лингвист и этнограф.

4. Научные экспедиции востоковедов в XIX—начале XX в.

В числе экспедиций, снаряженных Академией наук в течение XIX—начале XX в., были и такие, которые доставили лингвистический материал, собранный главным образом среди тюркоязычного населения Кавказа и Сибири.

Лингвистическая экспедиция академика Андрея Михайловича Шёгрена (Johann-Andreas Sjögren, 1794—1855) по Кавказу (1835—1837)[82] собрала, в числе прочих, и материалы по тюркским языкам. Среди них (ЛОААН, ф. 94, оп. 1) имеются также словарики тюркских слов: «Ueber den Tatarischen Dialekt in der Krim» (№ 117, 7 л.); «Vocabulaire de langue» (список слов с переводом на ряд языков, в том числе и на татарский) (№ 146, 25 л.); «Список слов с переводом на татарский, татарский из Карасубазара, ногайский и др.» (№ 147, 13 л.); «Словарь татарского языка во всех наречиях, которые употребляются в Сибири, с переводом на латинский язык» (№ 168, 7 л.); «Тюркско-татарский словарь» (№ 175, 26 л.); «Список латинских слов с переводом на самоедский, ногайский и др. языки» (№ 187, 8 л.); «Список слов с переводом на остяцкий, якутский и др. языки» (№ 190, 12 л.); «Сходство тюрко-татарских слов с финским. . . в отношении к венгерскому» (№ 191, 55 л.); «Список немецких слов с переводом на татарский и др. языки» (№ 198, 4 л.); «Разбор «Чувашско-русского лексикона и русско-чувашского словаря», составленного священником Василием Громовым в течение 1831—1841 гг. в селе Ишак» (№ 238, 2 л.).

Сибирская экспедиция (1842—1845) А. Ф. Миддендорфа (1815—1894) доставила многочисленные записи якутского лингвистического материала.[83]

Этнографо-лингвистическая экспедиция (1845—1849) М. А. Кастрена [84] по Сибири была исключительно плодотворной. Кастрен на основании личных наблюдений составил грамматику койбальского и карагасского языков (см. с. 286).

В. В. Вельяминов-Зернов в 1863 г. совершил путешествие в Рязанскую губернию «для археологических и этнографических исследований среди местного населения татар»;[85] в 1865 г. в Мос-

---

[82] *Гнучева*, с. 187—188; *Куник А. А.* Перечень сочинений ак. Шёгрена, напечатанных с 1821 по 1854 г. — Учен. зап. I и III отд. АН, т. III, 1855, с. 569—583.

[83] *Гнучева*, с. 202—203; *Леонов Н. И.* Александр Федорович Миддендорф М., 1967 (о якутском языке см. с. 24, 26).

[84] *Гнучева*, с. 205—206.

[85] Там же, с. 209.

ковской, Тульской и Орловской губерниях он собирал материалы по истории Касимовского царства.

Для истории изучения тюркских рунических памятников важное значение имела Орхонская экспедиция (1891) В. В. Радлова,[86] отправленная по следам экспедиции Н. М. Ядринцева (см. с. 309).

В 1898 г. для собирания и приобретения рукописей и древностей у местных жителей в Турфанскую котловину была снаряжена экспедиция Дмитрия Александровича Клеменца (1848—1914).[87]

С целью обследовать древности Туркестанского края, в частности городища Афрасиаб, в 1884 г. в Среднюю Азию отправился Н. И. Веселовский (1848—1918),[88] который позднее неоднократно вел там археологические раскопки.

В. В. Бартольд в мае 1893 г. был командирован С.-Петербургским университетом и Академией наук в Среднюю Азию с целью обследования «памятников древности в областях Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Семипалатинской и в провинциях Западного Китая».[89] В 1902 г. В. В. Бартольд совершил поездку в Самарканд с археологической целью; позднее — в 1904 и 1916 гг. — там же Бартольд продолжил свои археологические исследования.[90]

В 1909 г. в Восточный Туркестан отправилась «Русская Туркестанская экспедиция» (1909—1910; 1914—1915) во главе с С. Ф. Ольденбургом (1863—1934),[91] снаряженная Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, обогатившая наши коллекции новыми китайскими и тюркскими рукописями.[92]

В 1909—1911 гг. по инициативе В. В. Радлова на средства того же Русского комитета в Центральный и Северо-Западный Китай был командирован С. Е. Малов с целью изучения языка и этнографии обитающих там тюркских народов. С. Е. Малов собрал там интересный этнографический материал и приобрел ряд тюркских рукописей, среди которых особенно ценной оказалась рукопись буддийской сутры «Алтун йарук — Золотой блеск» (см. с. 314).

В 1913—1915 гг. С. Е. Малов вновь по командировке Русского комитета объездил Северо-Западный Китай «главным образом для продолжения лингвистических его (С. Е. Малова, — *А. К.*) работ в области изучения турецких наречий, но также для собирания сведений о быте населения и памятниках древности».

---

[86] Там же, с. 251—252.

[87] Там же, с. 259—260.

[88] *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979 (эта книга почти целиком посвящена анализу научной деятельности Н. И. Веселовского; здесь же список его трудов, литература о нем); ББСОТ, с. 139.

[89] *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — *Бартольд.* Соч., т. IV, с. 21—91.

[90] *Бартольд.* Соч., т. IV, с. 130—133.

[91] *Милибанд.* ББССВ, с. 398—400; ИИН, № 10960—10966.

[92] Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., снаряженная Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет. Составил С. Ф. Ольденбург. СПб., 1914. VIII, 88 с.

IV

ПРЕПОДАВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ

(XVIII—начало XX в.)

Во второй половине XVIII в. — в связи с развитием торговой, политической и административной деятельности Русского государства времен Екатерины II — вновь (после Петровской эпохи) подтвердилась настоятельная необходимость в планомерной подготовке переводчиков с языков народов и народностей, населяющих восточные окраины России и страны, соседящие с Россией с Востока. Среди «инородческих» языков, в знатоках которых была особенно острая потребность, едва ли не первое место занимал «татарский» язык, под которым в то время понимали все тюркские языки Европейской России (за исключением чувашского и башкирского), Сибири (сибирские татары), Крыма и Кавказа.

В середине XVIII в., наряду с введением в программу некот орых учебных заведений уроков «татарского» языка (см. ниже), предпринимались попытки организовать подготовку толмачей путем прикрепления учеников к опытным переводчикам; так, в 1763 г. в Оренбургской губернской канцелярии у переводчика татарского языка было десять учеников.[1]

1. Академическая гимназия при Московском университете

При Московском университете со времени его основания (12 января 1755 г.) состояли две гимназии — для дворян и для разночинцев, — которые были более известны под общим названием Академической гимназии. В гимназиях для желающих преподавались еврейский и халдейский языки;[2] по другим сведениям, «с 1756 года в дворянской гимназии. . . преподавались. . . языки еврейский, халдейский и татарский».[3] По словам Ст. Шевырева, преподавание татарского языка в Академической гимназии было введено в 1771 г. и «поручено учителю Арасланову».[4]

---

[1] *Булич*, с. 417.

[2] *Шевырев Ст.* История имп. Московского университета, написанная к столетию его юбилея. 1755—1855. М., 1855, с. 43.

[3] *Страхов П.* Краткая история академической гимназии, бывшей при имп. Московском университете. М., 1855, с. 4.

[4] *Шевырев Ст.* Указ. соч., с. 190.

Из книги под пышным названием «Торжество, в котором е. и. в. . . .Екатерине Алексеевне. . . и великому князю Павлу Петровичу. . . и великой княгине Наталии Алексеевне. . . по щастливом совершении в Санктпетербурге сентября 29, 1773 г. . . . их бракосочетания имп. Московский университет публичными речами на разных языках (преподававшихся в Московском университете, — *А. К.*) . . .приносил поздравления, октября 19 дня 1773 года. Печатано при имп. Московском университете» известно, что речь на татарском языке произнес «учитель оного языка» Петр Алкеев (вероятно, крещеный татарин).

В списке учеников гимназии, получивших в июле 1773 г. «награждение книгами», значится: «Из татарского класса: Герасим Емельянов».[5]

В «Объявлении о учениях и упражнениях в обеих гимназиях имп. Московского университета 1774 года» сказано: «Петр Алкеев по середам и субботам от 3 и 4 часов преподавать будет начала татарского языка».

В «Объявлении» на следующий, 1775/76 учебный год татарский язык не упоминается.

На торжествах в Московском университете по случаю бракосочетания Павла Петровича и Марии Федоровны (15 октября 1776 г.) и по случаю рождения Александра Павловича (12 декабря 1777 г.) с речами на татарском языке выступал «учитель оного же языка» Илья Арасланов (вероятно, тоже крещеный татарин).

В издававшейся Г.-Л.-Х. Бакмейстером серии «Русская библиотека» излагается содержание «Каталога предметов преподавания в гимназиях для дворян и разночинцев при Московском университете» (на латинском языке), из которого узнаем, что в расписание на 1777/78 учебный год включен татарский язык (без указания фамилии преподавателя).[6]

Утрата архива Московского университета и гимназий при нем во время пожара Москвы (1812) лишила нас возможности, может быть навсегда, узнать что-либо подробнее о преподавании татарского языка в этих гимназиях во второй половине XVIII в.

2. Астраханское народное училище

В 1764 г. в Астрахани была учреждена «школа для 324 солдатских детей и для 200 разночинцев. В школе сверх языков отечественного, немецкого и четырех азиатских и наук общих, преподавались фортификация и навигация».[7] В число четырех азиатских языков, как предполагают, входили арабский, татарский, армянский, калмыцкий.[8]

---

[5] Прибавление к № 55 Московских ведомостей, во вторник, июля 9 дня 1773 года.

[6] Russische Bibliothek. 1778, Bd V, S. 230.

[7] По поводу мысли Лейбница об учреждении университета в Астрахани. — ЖМНП, 1859, ч. 102, отд. VII, с. 208.

[8] *Веселовский.* Сведения, с. 26; *Булич*, с. 411, 417—418.

Екатерина II, задавшись целью создать единые для всей России средние школы — народные училища, пригласила для детальной разработки этого плана Федора Ивановича Янковича де Мириево (1741—1814), происходившего из старинного сербского рода. Ф. И. Янкович де Мириево составил проект, устав и подготовил программу для народных училищ. Позднее Ф. М. Янкович де Мириево составил «План. . . о заведении училища восточных языков»,[9] который не был осуществлен.

В указе Екатерины II от 27 сентября 1782 г. (ПСЗРИ, № 15, с. 523), данном Комиссии об учреждении народных училищ, сказано следующее: «О языках, кои следует преподавать в народных училищах. . . 4. В губерниях, лежащих к стороне Татарской, Пермской и Бухарской, нужно в тех классах, где преподаются языки, ввести уроки арабского языка, как такового, от него все в той стороне употребляемые диалекты имеют свое происхождение и посредством которого можно будет завести лучших переводчиков во всех сих языках, нежели до сего времени мы их имеем. 5. Самое то же предлежит к наблюдению в Иркутской губернии и Колыванской области в рассуждении китайского языка. . .».

Составитель указа (по-видимому, Ф. И. Янкович де Мириево) наивно полагал, — вероятно, судя по однообразию применяемой графики, — что татарский, персидский и «бухарский» языки имеют «свое происхождение» от арабского. Как бы то ни было, но указ этот сыграл свою роль в деле организации преподавания тюркских языков.

6 мая 1785 г. Екатерина II в рескрипте на имя «правящего должность генерал-губернатора Саратовского и Кавказского» Павла Сергеевича Потемкина повелела: «В Астрахани по стечению разных народов учредить Народное училище»; устав его был утвержден 5 августа 1786 г., однако открыто оно было только 22 сентября 1788 г. и называлось «Главное Народное училище в Астрахани»;[10] в это училище «купечество астраханское. . . и сами азиатцы охотно отдавали. . . детей своих».[11] С 1785 г. в Казанском народном училище началось преподавание татарского языка.[12]

Первым директором Главного Народного училища в Астрахани был назначен востоковед-практик, грек по национальности, член Падуанской и Пизанской академий Димитрий А. Агафи, который «в 1789 г. и начал преподавать в трех высших классах арабский, персидский и турецкий языки».[13]

---

[9] Подробее см.: *Куликова А. М.* План коллежского советника Янковича де Мириево о заведении училища восточных языков. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Декабрь 1978, ч. I. М., 1979, с. 33—39.

[10] *Остроумов Т.* Исторический очерк Астраханской 1-й мужской гимназии за время с 1806 по 1914 год. Астрахань, [б. г.], с. 1—3. — В другом источнике (*Веселовский.* Сведения, с. 26) ошибочно указан 1778 г.

[11] По поводу мысли Лейбница. . ., с. 208.

[12] *Куликова А. М.* Указ. соч., с. 34.

[13] *Остроумов Т.* Указ. соч., с. 3; *Крачковский.* Очерки, с. 34.

В 1795 г. при училище был открыт «особый класс калмыцкого, татарского, турецкого, персидского и армянского языков для мальчиков из солдатских детей». В этом классе Д. А. Агафи преподавал турецкий и персидский языки, переводчик калмыцкого языка Федор Кондратьев — калмыцкий язык, армянин-купец Артемий Делянов — армянский язык, переводчик Аврам Матвеев — татарский язык.[14]

Со смертью Д. А. Агафи (1798 г.?)[15] преподавание турецкого и персидского языков прервалось. В 1799 г. преподавание и других восточных языков «по ограниченности успехов, оказываемых учениками в восточных языках» было прекращено.[16] В 1806 г. Главное Народное училище в Астрахани было преобразовано в Астраханскую 1-ю мужскую гимназию.[17] В сентябре 1817 г. в Астраханской гимназии по инициативе «сына персидского Мазандеранского везиря» Мирзы Абдуллы Везирова (умер 2 июня 1834 г.), бывшего секретаря при Астраханском персидском консуле, преподававшего в гимназии персидский язык с августа 1811 г., было введено преподавание татарского языка, учителями которого были Везиров и Петр Волочков.[18]

С 1 мая 1832 г. татарский язык вел «бухарский дервиш» Абдулла Фазлулиев; утвержден в должности учителя татарского языка 3 июня 1833 г., но уже 30 октября 1833 г. «вследствие своей нетрезвой жизни и грубости по отношению к директору отстранен от должности».[19]

1 ноября 1833 г. преподавание татарского и персидского языков было поручено (под руководством Везирова) мулле Мавляму (!) Бердиеву, который вел занятия до выхода на пенсию (18 сентября 1864 г.).[20]

По уставу от 8 декабря 1828 г., который в Астраханской гимназии был введен только 17 мая 1835 г.,[21] были сохранены классы персидского (учитель Михайлов)[22] и татарского языка (учитель М. Бердиев).

Незадолго до выхода на пенсию М. Бердиева, а именно 23 августа 1863 г., младшим учителем татарского языка был определен надворный советник Михаил Борисович Первухин.[23]

Несмотря на меры (самого разнообразного характера), которые принимались для улучшения преподавания восточных языков,[24]

---

[14] *Остроумов Т.* Указ. соч., с. 3.
[15] *Крачковский.* Очерки, с. 34: 1795 г.
[16] *Остроумов Т.* Указ. соч., с. 4.
[17] Там же, с. 6.
[18] О них см.: там же, с. 40—43, 53.
[19] Там же, с. 94.
[20] Характеристику и некоторые биографические данные о Бердиеве см.: там же, с. 94—95, 191.
[21] Там же, с. 116.
[22] О нем см.: там же, с. 193.
[23] Послужной список Первухина см.: там же, с. 191—193. — О нем см. также: наст. изд., с. 137.
[24] О них см.: *Остроумов Т.* Указ. соч., с. 199—220.

достичь сколько-нибудь удовлетворительных результатов, по-видимому, не удалось, — «с начала 1866—1867 уч. года (преподавание восточных языков, — *А. К.*) разрешено было прекратить, и учителя Джиафаров (персидский яз.) и Первухин (татарский яз.) были оставлены за штатом».[25]

3. 1-я Казанская гимназия

Третьим по времени введения преподавания татарского языка учебным заведением, но первым по значению в истории отечественной тюркологии и по важности достигнутых результатов стали Казанские гимназии (с 1798 г. — 1-я Казанская гимназия), указ об учреждении которых был подписан Елизаветой Петровной в Царском Селе 21 июля 1758 г.

Гимназии были призваны способствовать «размножению наук и обучению дворян и разночинцев»; в соответствии с этими задачами по названному указу в Казани (как в свое время и в Москве) одновременно учреждались две гимназии: одна для дворян, другая для разночинцев. Занятия в первой начались 25 января 1759 г.,[26] а во второй — 10 мая того же года.[27]

Первым «командиром гимназии»[28] был назначен асессор Московского университета Михаил Иванович Веревкин (1732—1795), член-корреспондент Академии наук (с 1782 г.), член Российской Академии (с 1785 г.), писатель, переводчик,[29] которому принадлежит инициатива введения татарского языка в программу гимназии. В рапорте от 18 сентября 1759 г. Веревкин писал: «Здешний город есть главный целого царства татарского национального диалекта. Не повелено ли будет завести при гимназиях класс татарского языка: со временем на оном отыскиваемы быть могут многие манускрипты; правдоподобно, что оные подадут некоторый, может быть, немалый свет в русской гистории».[30]

М. И. Веревкин, не будучи востоковедом, очень точно определил одну из главнейших задач русского востоковедения: изучение восточных источников для освещения отечественной истории.

Идея Веревкина была осуществлена ровно через десять лет. Екатерина II, имея в виду удовлетворить нужду в хороших переводчиках татарского языка, в указе от 12 мая 1769 г. на имя

---

[25] Там же, с. 220.

[26] Как день открытия гимназии указывается также 21 января 1759 г. В этот день состоялось торжественное молебствие. — См.: *Владимиров В.* Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Ч. I. Казань, 1867, с. 23.

[27] Там же, с. 33.

[28] С 1798 г. во главе гимназии стоял директор. — См.: там же, ч. II, с. 8.

[29] Он перевел (с французского издания Дю Рие) Коран, изданный под названием «Книга Алкоран аравлянина Магомета. . .» (СПб., 1790); им же переведены «История турецкая, сочиненная аббатом Миньотом» (СПб., 1789—1790) и 1-й том труда Д'Оссона «Полная картина Оттоманския империя» (СПб., 1795). — Полный список его переводов см.: Москвитянин, 1842, кн. VI.

[30] *Владимиров В.* Указ. соч., ч. 1, с. 39; ср.: *Веселовский.* Сведения, с. 23.

Казанского губернатора Квашнина-Самарина повелела: «Учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того языка и определить учителем оного старой и новой в Казани татарских слобод депутата и тамошней адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, которого, пожаловав в переводчики с чином и жалованьем против губернского переводчика, как его самого, так и детей его, исключа из податного оклада, дабы он с своей стороны к обоим ему поручаемым должностям прилежание, и дети его к изучению себя видеть годными к службе надежное одобрение иметь могли».[31]

5 октября 1769 г.[32] Сагит Хасанович Хальфин (см. с. 106) приступил к преподаванию татарского языка. «Для обучения этому языку выбраны были все ученики, изъявившие на то желание; они должны были быть в этом классе до тех пор, пока приготовятся в переводчики. Одно только отличное знание учениками латинского языка освобождало их от этого класса, потому что последние отправлялись в Московский университет. При открытии этого класса не было учебных пособий; поэтому Московский университет (который был куратором Казанской гимназии, — *А. К.*) предписал директору обратиться за учебниками в духовные училища в Казани, где обучались крещеные татары»,[33] — вероятно, в этих школах имелись рукописные пособия по татарскому языку. В 1778 г. было издано первое учебное пособие по татарскому языку, составленное С. Хальфиным (см. с. 107).

Должность «информатора» (так назывались учителя Казанских гимназий) татарского языка в семье Сагита Хальфина[34] стала наследственной: после его ухода (март 1785 г.)[35] это место занял его сын Исхак (умер в 1800 г.); ему наследовал (31 июня 1800 г.) Ибрагим Хальфин (1778—13 января 1829 г.),[36] внук Сагита и сын Исхака Хальфина.[37]

---

[31] *Владимиров В.* Указ. соч., ч. 1, с. 45.

[32] Там же, с. 45. — На с. 39, 160 приведена другая дата, а именно 1770 г. (без указания месяца).

[33] Там же, с. 45—46.

[34] Литературу о нем см.: *Фатхиев.* Описание, с. 21—22; *Латыпова С.* Семья Хальфиных. — Совет мәктәбе, Казань, 1968, № 5, с. 59—61 (на татарск. яз.).

[35] Есть и другие сведения: «Еще в 1773 г., по болезни С. Хальфина, он был замещен сыном Исхаком, переводчиком на татарский язык «Устава управы благочиния» (1792)» (*Корбут.* КГУ, т. I, с. 144). — Эти сведения неверны (или это было временное замещение), так как во время завершения работы над своим Словарем (1785 г.; см. с. 106) С. Хальфин состоял учителем гимназии.

[36] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. 1, ед. хр. 132, л. 1—4; Архив КУ, № 40, ед. хр. 4024, д. 65 (послужной список Ибр. Хальфина); *Фатхиев.* Описание, с. 26—29; *Гали М.* Ибрахим Халфин ва Шигап Марджани. — Совет адибияте, Казань, 1952, № 8, с. 100—103 (на татарск. яз.).

[37] *Владимиров В.* Указ. соч., ч. I, с. 46—47; *Булич*, с. 419; *Веселовский.* Сведения, с. 97—98; *Закиев М. З.* Влияние Казанского университета на развитие тюркологии в первой половине XIX века (до 1855 г.). — В кн.: Вопросы татарского языкознания, кн. 2. Казань, 1965, с. 363—364, 368—373; *Михайлова С. М.* Формирование и развитие просветительства среди

В гимназии некоторое время преподавали еще два представителя этой семьи: Исмаил Хальфин (младший брат Исхака) и Шагин-Гирей Хальфин (сын Ибрагима).[38]

Сагит и Ибрагим Хальфины были авторами пособий для изучения татарского языка (см. с. 107, 261).

По словам О. М. Ковалевского, из школы Хальфиных «вышли многие знатоки, которые на разных ступенях государственной службы оправдали ожидания правительства».[39]

После десятилетнего перерыва (с 1788 по 1798 г. Казанские гимназии были закрыты «по недостатку средств») преподавание татарского языка возобновилось (9 часов в неделю).[40]

Из архивных материалов известно, что еще «за два года до приезда Френа в Казань (т. е. в 1805 г., — *А. К.*). . . в Казанской гимназии Ибрагим Хальфин начал преподавать начала арабского языка в татарском классе».[41]

30 января 1826 г. в число преподавателей 1-й Казанской гимназии вступил М. А. Казем-Бек, который на первых порах занимался «усовершенствованием учеников в чтении и письме персидского и арабского языков с особенным усердием без всякого возмездия за труды его».[42] Позднее, когда по уставу 1836 г. было введено преподавание турецко-татарского языка, Казем-Бек преподавал турецкий язык «с указанием уклонений от него языка татарского и других тюркских наречий»,[43] т. е. в сравнительно-сопоставительном плане.

2 января 1836 г. Николай I утвердил «Положение о преподавании восточных языков в 1-й Казанской гимназии, коим определено:

1. В 1-й Казанской гимназии назначается преподаватель, сверх предметов, положенных по уставу учебных заведений 1828 г., языки: 1) арабский, 2) персидский, 3) турецко-татарский и 4) монгольский.

2. Изучение восточных языков имеет целью приготовить чиновников, основательно знающих сии языки, для определения их: 1) по министерству народного просвещения в качестве преподавателей восточных языков; 2) по министерству иностранных дел, в звании переводчиков и драгоманов; 3) по министерству внутренних дел, при начальниках губерний и областей, лежащих

татар Поволжья (1800—1861). Казань, 1972 (гл. II. «Просветительская деятельность семьи Хальфиных», с. 84—161); ББСОТ, с. 281—283.

[38] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, арх. 1812, л. 2—3; *Артемьев А.* Казанская гимназия в 18-м столетии. — ЖМНП, 1874, май—июнь, с. 61; *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 159—161.

[39] [*Ковалевский О.*] Обозрение хода и успехов преподавания восточных языков при Казанском университете. — ЖМНП, 1843, ч. 39, отд. III, с. 51—52; *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 20.

[40] *Владимиров В.* Указ. соч., т. II, с. 3—6, 46.

[41] ЦГА ТАССР, ф. 733, оп. 39, арх. 18, л. 1. — О научной и общественной деятельности Ибр. Хальфина см.: *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 121—161.

[42] *Рзаев А.* Мирза Казем-Бек. Баку, 1965, с. 16.

[43] *Владимиров В.* Указ. соч., с. 59.

по азиатской границе, при ханах и султанах, в подданстве России находящихся, также при управляющих иноверцами в качестве переводчиков, приставов и других пограничных чиновников; 4) по министерству финансов, при начальниках таможен, учрежденных по протяжению восточной границы России, и в казенных палатах губерний, сопредельных с азиатскими областями.

3. Преподавание языков восточных в Казанской гимназии разделяется на три разряда: в 1-м преподаются языки арабский и татарский; во 2-м — турецко-татарский и персидский; в 3-м — монгольский и турецко-татарский».[44]

Придавая надлежащее значение хорошо составленной программе и разработке методики преподавания восточных языков, гимназическое начальство поручило М. А. Казем-Беку и Ф. Эрдману (1793—1863), профессору арабского языка в Казанском университете (1819—1845), составить каждому в отдельности методическое пособие и программу для преподавателей арабского, персидского и турецко-татарского языков.

Обе записки, которые назывались «Проект преподавания восточных языков в Первой Казанской гимнази»и, были направлены на отзыв в Академию наук. О. И. Сенковский в своем отзыве писал, что проект Эрдмана «слишком общий, нуждается в приличном развитии. . . О плане Мирзы Казем-Бека нельзя, по моему мнению, сказать ничего другого, кроме полной похвалы, которой он заслуживает во всех отношениях».[45]

«Проект» Казем-Бека, одобренный министром народного просвещения, был издан в качестве учебной программы и методического пособия под названием «Распределение преподавания арабского, персидского и турецко-татарского языков в Первой Казанской гимназии, составленное адъюнкт-профессором Мирзою Александром Казем-Беком. Казань. 1836» («Турецко-татарский язык» — с. 38—51; «Общее примечание» — с. 52—54).[46]

По этому «Распределению» восточные языки в Казанской гимназии преподавались в течение пятнадцати лет, и только в 1851 г. проф. И. Н. Березин составил новый «Проект преподавания» турецко-татарского языка, а проф. И. Ф. Готвальд — таковой же для арабского и персидского.[47]

Подобное же «Распределение» Казем-Бек составил и для Астраханской и Тифлисской гимназий (ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 38, арх. № 29, л. 45—47).[48]

Преподавание татарского языка в 1-й Казанской гимназии

---

[44] МИФВЯ, т. I, с. 1—2.

[45] *Мазитова Н. А.* Казанский период научно-педагогической деятельности проф. А. К. Казем-Бека. — В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории, вып. IV. Казань, 1970, с. 119.

[46] «Распределение преподавания монгольского и начал тибетского языков. . .» составил проф. О. Ковалевский (Казань, 1836).

[47] *Мазитова Н. А.* Казанский период. . ., с. 119, прим. 3.

[48] Там же, с. 120.

после смерти Ибрагима Хальфина (13 января 1829 г.) было передано священнику Алексею Онисифорову (см. с. 195). С 1 октября 1835 г. по 11 апреля 1836 г. «исправлял должность учителя татарского языка» (без жалования) Михаил Борисович Первухин (1813—?), питомец Казанского университета (выпуск 1834 г.), преподававший в этой гимназии арабский язык с 10 ноября 1834 г. по 13 ноября 1840 г. (уволился в связи с желанием «продолжить службу по другому ведомству»).[49]

Введенный по уставу 1836 г. турецко-татарский язык с 1836 по 1842 г. преподавал М. А. Казем-Бек.

С 1840 г. (в апреле 1842 г. утвержден в должности старшего учителя) по 1848 г. турецко-татарский язык преподавал также лектор Казанского университета Абдюссетар (или Абдюссаттар ~ Абдуссетар) Казем-Бек (1820—?),[50] младший брат М. А. Казем-Бека; с 1848 г. занятия по турецкому языку вел старший учитель Владимир Михайлов, окончивший Восточный разряд Казанского университета в 1846 г.;[51] практические занятия по турецкому языку вели Осман Кутлуш-оглу из Константинополя [52] и мулла Мухаммед Алиев; [53] с 1854 г. татарский язык и восточную каллиграфию преподавал Мухаммед-Галей Махмудов (1824—1891),[54] последний по времени учитель татарского языка в Казанской гимназии,[55] составивший для гимназистов объемистое (255 страниц!) «Практическое руководство к изучению татарского языка», вышедшее в Казани в 1857 г. (см. еще с. 264).

Несмотря на трудности определения питомцев гимназии на службу, несмотря на трудности подыскания квалифицированных преподавателей, татарский и турецкий (наряду с другими восточными языками) остаются в программе гимназии.[56]

Число восточных языков, преподаваемых в Казанской гимназии, постепенно увеличивается. На основании «Высочайше утвержденного 21 марта 1849 г. мнения Государственного Совета в 1-й Казанской гимназии назначаются преподавать следующие

---

[49] Формулярный список о службе и достоинстве старшего учителя арабского языка 1-й Казанской гимназии Михаила Борисова сына Первухина на 1840 год. — ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5064, л. 560 об.—561; то же: ф. 87, оп. 1, ед. хр. 4158, л. 31 об.—32; ББСОТ, с. 235.

[50] ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 47, ед. хр. 77, л. 4; ББСОТ, с. 173—175.

[51] *Фойгт К.* Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в имп. Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. — УЗКУ, 1852, кн. III, с. 30—31; ББСОТ, с. 219.

[52] *Веселовский.* Сведения, с. 98; ББСОТ, с. 202.

[53] *Владимиров В.* Указ. соч., ч. II, с. 57.

[54] О нем см.: там же, с. 59; *Фатхиев.* Описание, с. 72—73 (здесь список литературы о нем); *Мазитова Н. А.* Мухаммед-Галей Махмудов (1824—1891). — В кн.: Вопросы татарского языкознания, кн. 2, с. 400—406; ББСОТ, с. 214; *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 183—197; *Гайнуллин М. Х.* Татарская литература XIX в. Казань, 1975, с. 23—27. — По некоторым данным (*Крачковский.* Очерки, с. 125; *Фатхиев.* Описание, с. 72), Махмудов родился в 1820 г.

[55] *Веселовский.* Сведения, с. 98.

[56] Подробнее см.: МИФВЯ, т. I, с. 10—26.

восточные языки: 1) арабский, 2) персидский, 3) турецко-татарский, 4) монгольско-калмыцкий и 5) китайский».[57]

Сохранившиеся в специальной литературе указания дают возможность составить довольно полное представление о методе, объеме и программах преподавания восточных языков в 1-й Казанской гимназии в конце первой половины прошлого столетия.

Преподавание восточных языков начиналось с 4-го класса и делилось на два цикла: «Теоретическое преподавание» и «Практическое преподавание».

Теоретическое преподавание, турецко-татарский язык: «IV класс. Чтение и письмо. Этимология в главнейших формах по грамматике Мирзы А. Казембека, с объяснениями из Редуза (*Redhouse J. W.* Grammaire raisonnée de la langue ottomane. Paris, 1846, — *А. К.*), Гиганова и Хальфина и указанием различий османского и татарского диалектов. V класс. Подробное изложение этимологии. Переводы пословиц, помещенных в грамматике Жобера (*Jaubert A.* Eléments de la grammaire turke. 2 ed. Paris, 1833, — *А. К.*), и избранных мест из истории Табари, из Сорока Визирей, летописей Тибри и Тути-намэ, также хрестоматии Хальфина и болгарских повествований, с тщательным этимологическим разбором и объяснением встречающихся синтаксических правил и указанием диалектических различий. VI класс. Краткое систематическое изложение синтаксиса. Продолжение переводов из Кабус-намэ, Тути-намэ, всеобщей истории Гезар-Фенна, истории Наимы и географии Джиганнума, также из болгарских повествований, собрания анекдотов о мудрецах и Шейбаниады, с постоянным этимологическим и синтаксическим разбором, объяснением диалектических различий и отклонений книжного и разговорного языка. VII класс. Трудные переводы из последней части разговоров Биянки (*Bianchi T. X.* Guide de convesations turques. Paris, 1839, — *А. К.*) и толкование избранных мест из сочинений Рагиб-Паши, Мухаммеда Эр-руми и других османских писателей, как прозаиков, так и поэтов; также из истории Абуль-гази, Мир Али-Шира и ханских ярлыков, изданных Березиным, с постоянным разбором, объяснением диалектических разностей и отклонений книжного и разговорного языка. Переводы с русского языка на турецкий и татарский по учебникам Зейденштикера, Кистера или Топорова, также частных и официальных писем».[58]

Практическое преподавание, турецко-татарский язык: «IV класс. Чтение печатных сочинений и рукописей, писанных разными почерками, с указанием произношения константинопольского и татарского. Заучивание употребительнейших слов и фраз по руководству турецких разговоров Биянки, турецкой грамматике Девидса (*Davids A. L.* A Grammar of the Tur-

---

[57] Там же, с. 17.
[58] Там же, с. 22.

kish Language. Londres, 1832; в переводе на французский язык: Grammaire Turke. London, 1806, — *А. К.*), татарской азбуке Гиганова (Грамматика татарского языка. СПб., 1801; см. с. 259, — *А. К.*) и татарской грамматике Троянского. V класс. Продолжение тех же занятий и, сверх того, составление фраз из заученных слов и, по примеру уже известных фраз, устные переводы с русского языка на турецкий и татарский и разговоры на них. VI класс. Продолжение тех же занятий и, сверх того, письменные переводы с русского или арабского и персидского языков на турецкий и татарский с указанием отличий языка книжного и разговорного. VII класс. Продолжение тех же занятий и, сверх того, заучивание наизусть и декламация избранных поэтических отрывков и упражнения в сочинении частных писем и деловых бумаг, употребительных в общежитии. Упражнения в письме на всех трех мусульманских языках: арабском, персидском и турецко-татарском, по разным почеркам, возлагаются на каллиграфа. В IV классе преподаются почерки насх и та'лик, в V классе те же с присовокуплением шикесте, в VI те же с прибавлением дивани, в VII те же с присовокуплением рэйхани и рук'а».[59]

Приведенная выше программа курса турецко-татарского языка свидетельствует о высоком уровне требований, предъявляемых как к преподавателям, так и к ученикам.

«Татарский класс» 1-й Казанской гимназии сыграл важную роль в истории отечественной тюркологии и в истории просвещения ряда национальных меньшинств тогдашней России.

В течение первой половины XIX в. в Казанской гимназии получили среднее образование многие представители тогдашней тюркоязычной интеллигенции; так, в 1834 г. окончил гимназию Абдюш Вагапов, автор учебных пособий «Самоучитель для русских по-татарски, для татар по-русски» и «Русско-татарская азбука»;[60] в 1842 г. гимназию окончил известный впоследствии востоковед Доржи Банзаров (1822—1855); в 1843 г. — Сайфулла Токумбетов.[61]

И вот когда «преподавание восточных языков в Казани развилось до обширных размеров и когда это изучение сделалось знаменем деятельности 1-й Казанской гимназии»,[62] состоялось решение (22 октября 1854 г.) об учреждении Факультета восточных языков при С.-Петербургском университете, а «преподавание восточных языков . . .в 1-й Казанской гимназии [решено было] прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка и для обучения сему языку четырех воспитанников. . .».[63]

---

[59] Там же, с. 25.
[60] *Закиев М. З.* Влияние Казанского университета. . ., с. 384—385; *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 169—175.
[61] *Владимиров В.* Указ. соч., с. 64—65.
[62] Там же.
[63] МИФВЯ, т. I, с. 144; *Владимиров В.* Указ. соч., ч. II, с. 71—72.

В июле 1865 г. 1-я Казанская гимназия была преобразована в классическую гимназию с двумя древними (греческим и латинским) языками.[64]

4. Преподавание тюркских языков в университетах России

В дооктябрьской России восточные языки преподавались в следующих университетах: Харьковском, Казанском, С.-Петербургском, а также в Гельсингфорском (Хельсинки), Дерптском-Юрьевском (Тарту) и Виленском (Вильно — Вильнюс).

5 ноября 1804 г. был утвержден устав, по которому в преобразованном Московском и во вновь создаваемых Казанском и Харьковском университетах на отделениях словесных наук учреждались кафедры восточных языков.[65]

Харьковский университет (основан 17 января 1805 г.) был первым русским университетом, сумевшим заместить кафедру восточных языков.

«При открытии лекций в университете к преподаванию восточной словесности был допущен в качестве адъюнкта пастор Харьковского евангелического общества Барендт,[66] занимавший слушателей своих еврейскою грамматикой [67] и переводами псалмов с присовокуплением более теоретического, нежели практического курса под названием: филология восточных языков».[68] Однако «для него (Барендта, — *А. К.*) не рассчитывали найти много слушателей и потому поручили ему и преподавание латинского языка».[69]

Со смертью Барендта (3 декабря 1805 г.) преподавание восточных языков в Харьковском университете надолго прекратилось, хотя еще в 1811 г. возник проект учредить должность адъюнкта «татарско-маньчжурского языка», который, однако, не мог быть тогда осуществлен.

Для истории отечественной науки важно отметить следующий любопытный факт: профессор всеобщей истории Харьковского университета, француз по происхождению, А. А. Дегуров написал

---

[64] *Горохов В. М.* О преподавании восточных языков в 1-й Казанской гимназии в дореформенный период. — УЗ Каз.ГПИ, 1940, вып. 3, с. 122.

[65] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 42.

[66] Иоганн-Готфрид (Иван Богдановпч) Барендт (Бэрендт). О нем см.: *Рославский-Петровский А.* Об ученой деятельности имп. Харьковского университета в первое десятилетие его существования. — ЖМНП, 1855, ч. 87, разд. V, с. 4, 5, 23; *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета, т. I (1802—1815). Харьков, 1897—1898, с. 153, 155, 546, 562, 568, 785; *Ковалевский А.* Изучение Востока в Харьковском университете и в Харькове в XVIII—XX веках. — В кн.: Антология литератур Востока. Харьков, 1961, с. 24 (на укр. яз.); ср.: *Веселовский.* Сведения, с. 18—19, *Крачковский.* Очерки, с. 53; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 43.

[67] Барендт вел занятия на латинском языке (*Ковалевский А.* Указ. соч., с. 24).

[68] *Рославский-Петровский А.* Указ. соч., с. 23.

[69] *Багалей.* Указ. соч., т. I, с. 155.

интересное исследование о культуре ногайцев,[70] содержащее ценный фактический материал, а годом позднее Харьковский университет издал «Новый и полный толкователь слов славянских, греческих, латинских, немецких, итальянских, французских, жидовских, турецких и др., употребляемых в российском языке» (1817).[71]

История сохранила ряд свидетельств глубокого интереса к востоковедению, проявленного Харьковским университетом; одним из них является приобретение древнееврейского (1806—1809) и татарского (1812—1814) шрифтов,[72] другим — попытка заместить кафедру восточных языков путем приглашения видных ученых-ориенталистов Ф. Вилькена (1777—1840) и Я. Берггрена (1790—1868).[73]

Преподавание восточных языков в Харьковском университете удалось восстановить только в 1830 г.: в октябре 1829 г. на кафедру восточных языков был приглашен известный впоследствии востоковед, академик Б. А. Дорн (см. с. 114), который преподавал арабский, персидский, древнееврейский, санскрит, турецкий и эфиопский языки.[74]

Б. А. Дорн по прибытии в Харьков «не мог тогда еще объясняться по-русски. Поневоле профессор (Дорн, — *А. К.*) должен был избрать для своего преподавания латинский язык, знание которого более или менее обязательно было для студентов всех факультетов. . . Сколько ни увлекался профессор своим предметом, но первый год число студентов его было весьма невелико. . . Спустя несколько лет Дорн переведен был в Петербург, где и занял место в Академии наук. Обладая необыкновенною способностью к изучению языков, Дорн, расставаясь с Харьковом, уже свободно говорил по-русски».[75]

Дорн за время своего пребывания в Харькове напечатал только одну работу на латинском языке по сравнительному языкознанию — «De affinitate lingua slavicae et sanscritae» (1833).

С переездом Дорна в С.-Петербург (1835) преподавание восточных языков (за исключением индийской филологии) в Харькове

---

[70] De la civilisation des Tatars-Nogaïs dans le midi de la Russie européenne. Par De Gouroff. Kharkoff, 1816; *Лебедев А. С.* Антон Антонович Дегуров. Биографический очерк из истории Харьковского и Петербургского университетов. 1806—1836. — Вестник Европы, 1876, т. II, кн. 3, с. 136—176; *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 22, 40, 43, 46, 51, 55, 58—60, 72, 110.

[71] *Ковалевский А.* Указ. соч., с. 26.

[72] Там же.

[73] *Крачковский.* Очерки, с. 54; *Ковалевский А.* Указ. соч., с. 26—27.

[74] *Крачковский.* Очерки, с. 54—55; *Веселовский.* Сведения, с. 18—19, 106; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 43; ББСОТ, с. 159; *Куликова А. М.* Б. А. Дорн и университетское востоковедение. — НАА, 1975, № 2, с. 220—228. — Однако А. П. Ковалевский (указ. соч., с. 27—30) среди языков, которые преподавал Дорн, не упоминает турецкого языка (!).

[75] *Багалей.* Указ. соч., т. II (1815—1835). Харьков, 1904, с. 609. — Здесь (с. 489—490) сказано, что Дорн родился в 1800 г., с 1827 г. — ординарный профессор восточных языков Харьковского университета. Обе эти даты

прекратилось и было восстановлено только после Октябрьской революции.[76]

Казанский университет (основан 14 февраля 1805 г.)[77] пригласил на кафедру восточных языков Х. Д. Френа,[78] который, «обучившись сперва в Ростокской гимназии, потом продолжил учение в Ростокском университете. Занимался преимущественно богословиею и филологиею, наипаче восточными языками. Окончил учение в Гёттингенском и Тюбингенском университетах. Обучал в Пестолоциевом институте латинскому языку. Получил в Ростоке степень доктора философии и свободных наук».[79]

Х. Д. Френ был зачислен в Казанский университет 3 августа 1807 г.; прибыл в Казань 3 октября 1807 г.

«Главным предметом преподавания Френа в течение десяти лет был арабский язык. . . Другою весьма любимою частью преподавания Френа была восточная нумизматика»,[80] хотя в уставе Казанского университета определялось, что студенты восточного класса кроме татарского языка «должны посвятить себя и другим наукам, как то: турецкому, персидскому, мунгальскому, китайскому и пр.».[81]

П. С. Савельев утверждал, что Френ преподавал в Казанском университете арабский, персидский и турецкий языки.[82] Однако факт преподавания Френом турецкого языка не подтверждается ни свидетельством современников, ни архивными документами, в частности его послужным списком.

В поле зрения такого пытливого ученого, каким был Френ, — жившего к тому же в Казани, центре татарской образованности, — должен был оказаться и татарский язык, уроки которого он мог брать у своего друга и помощника по кафедре (с 1812 г.) преподавателя татарского языка Ибрагима Хальфина; это предположе-

---

неверны; ср. с. 608: «В 1830 году. . . открылась в Харьковском университете и кафедра восточных языков, на которую прибыл профессор Дорн».

[76] *Фалькович И. М.* К истории советского востоковедения на Украине. — НАА, 1966, № 4, с. 270—278; *Ковалевский А.* Указ. соч., с. 74 сл.

[77] Из новейших работ укажем: *Шофман А. С., Шамов Г. Ф.* Восточный разряд Казанского университета. (Краткий очерк). — ОИРВ, сб. I, с. 418—448; *Закиев М. З., Тумашева Д. Г.* Роль Казанского университета в развитии тюркологии. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 9—20; *Закиев М. З.* Влияние Казанского университета, с. 357—393; *Мазитова Н. А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX века). Казань. 1972. 225 с.; *Михайлова С. М.* Каюм Насыри и востоковедение в Казанском университете. — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 60—68.

[78] О нем см.: *Булич Н.* Из первых лет Казанского университета (1805—1819), ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1904, с. 150—192; *Загоскин Н. П.* История имп. Казанского университета за первые сто лет существования. 1804—1904. Т. I. Введение и часть I (1804—1814). Казань, 1902, с. 218—227; ББСОТ, с. 279—281.

[79] Послужной список Х. Д. Френа (Архив КУ, ед. хр. 4024, № 5, л. 26).

[80] *Булич Н.* Указ. соч., с. 164—165.

[81] Там же, с. 158.

[82] *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855, с. 8.

ние подтверждается интересом Френа к сочинению Абу-л-Гази «Родословная тюрок» (см. с. 80), а также еще и тем, что Френ и Ибрагим Хальфин в 1810 г. составили учебное пособие по татарскому языку, которое, однако, не было издано, так как попечитель учебного округа отказал им в средствах на издание этого труда.[83]

Х. Д. Френ по ряду субъективных и объективных обстоятельств не смог создать в Казани свою школу;[84] это позднее ему блестяще удалось в С.-Петербурге, куда он прибыл в сентябре 1817 г., где прожил до конца своих дней и где сумел заложить прочные основы русского научного востоковедения.[85]

Попытки подготовить учеников в Казани Френ безусловно предпринимал. Его учеником, — кроме рано умершего (30 июля 1809 г.) питомца 1-й Казанской гимназии по классу татарского языка Семена Кручинина, который был «юноша полный скромности, рвения и старания», — является Януарий Осипович Ярцов (1792—1861), питомец той же гимназии, окончивший Казанский университет в 1812 г. и считавшийся «одним из первейших у нас знатоков татарских наречий».[86] Эти знания были приобретены Ярцовым в гимназии, в университете и у татарских мулл. Известно, что он занимался у муллы Сейфетдина [87] (дер. Саба, в 100 верстах от Казани), владельца хорошо подобранной библиотеки. 19 мая 1816 г. Ярцов защитил диссертацию на тему «De origine vocabulorum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis» (О русских словах, происходящих из восточных языков). 25 мая того же года он был утвержден в ученой степени магистра восточной словесности.[88] В том же году Ярцов прочитал в Казанском университете пробную лекцию на тему «De indole et consilio poematis Seif-ül-Mülk» (О специфических особенностях и мудрости поэм Сейф-ул-Мулка). Затем Ярцов по ходатайству Френа в составе русского посольства был командирован в Персию, где пробыл с января 1817 по январь 1818 г. В результате этого путешествия были написаны оставшиеся в рукописи (и, вероятно,

---

[83] *Закиев М. З.* Влияние Казанского университета. . ., с. 369.

[84] «Справедливость требует отметить, что успехи преподавания Френа далеко не соответствовали той горячей любви, которую вкладывал он в дело, и сам профессор, сознаваясь в этом прискорбном факте в одном из своих писем к попечителю, усматривает три причины этого явления: во-первых, недостаточное знакомство студентов с латинским языком, на котором велось им преподавание. . . во-вторых, недостаток подготовленных студентов; в-третьих, отсутствие необходимейших пособий, даже лексиконов» (*Загоскин Н. П.* История имп. Казанского университета. . ., т. I, ч. I, с. 225—226; об этом же подробнее см.: *Булич Н.* Указ. соч., с. 169—171).

[85] См.: История АН, т. II, с. 220—222.

[86] МИФВЯ, т. IV, с. 25—26; *Загоскин Н. П.* История имп. Казанского университета. . ., т. I, ч. I, с. 226—227; *Булич Н.* Указ. соч., с. 166—169; ББСОТ, с. 296. — В литературе встречается утверждение, что Ярцов принимал участие в войне 1812 г. Ярцов действительно обратился с просьбой зачислить его в «кадеты второго волонтерского корпуса», но попечитель учебного округа отклонил его просьбу (*Булич Н.* Указ. соч., с. 167).

[87] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, арх. № 600, л. 105.

[88] Архив КУ, ед. хр. 4624, л. 69—70.

утраченные) сочинения: «Дневные записки о провинциях от Тифлиса до Астрахани» (1818), «Краткий журнал путешествия по Персии» (1818), «Рассуждения о религии персиян и при нем свод аль-Корана» (1818).[89]

В 1814 г. профессор истории, географии и статистики Российской империи Иван Федорович Яковкин издал в Казани книгу «Летоисчислительное изображение Российской истории», которую Ярцов в том же году перевел на литературный татарский язык.[90] Позднее Ярцов перевел на русский язык с казанского издания, осуществленного Френом, известный труд Абу-л-Гази «Родословная тюрок», который также не был напечатан и, видимо, пропал (см. с. 80). Его единственным напечатанным трудом является первое исследование о тюркских ярлыках.[91]

В 1818 г. Ярцов в звании адъюнкта был причислен к Академии наук, но уже в следующем году перешел на службу в Министерство иностранных дел (см. с. 113). Так был потерян для отечественной тюркологии «первейший из знатоков татарских наречий».

Еще при Френе, в 1812 г., в Казанском университете стали преподавать татарский язык; первым преподавателем татарского языка в Казанском университете стал Ибрагим Хальфин,[92] утвержденный в звании адъюнкта кафедры арабско-персидского языка в 1823 г.[93]

В «Извещении о преподавании наук в Казанском университете (1814—1815 уч. год)» сказано: «Ибрагим Хальфин, лектор татарского языка, титулярный советник, цензор. . . по средам и субботам от 8 до 10 часов, по четвергам от 4 до 6 учить будет татарскому языку на российском и татарском языках».

Ибрагим Хальфин вел начальный курс татарского языка, «разбирая и переводя на российский язык легких татарских и татаро-турецких писателей, а с российского на татарский — из российской истории».[94]

Профессорам и преподавателям Казанского университета вменялось в обязанность составление конспектов преподаваемых предметов, которые подлежали рассмотрению Советом и затем утверждались ректором.[95] Известный интерес для истории пре-

---

[89] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 662, л. 210; *Загоскин Н. П.* — История имп. Казанского университета. . ., т. II, ч. II. Казань, 1902, с. 215—217.

[90] ЦГА ТАССР, ф. 62, оп. 1, арх. № 405, л. 4—5. — Рукопись (список) перевода хранится в РО ЛОИВ АН СССР; см.: *Дмитриева Л. В., Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения, II. М., 1975, с. 27—28.

[91] Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая в литографированных снимках работы К. Я. Тромонина, с транскрипциею и переводом Я. О. Ярцова, с введением и примечаниями В. В. Григорьева. Одесса, 1844.

[92] Утвержден лектором татарского языка 26 июня 1812 г. (послужной список Ибр. Хальфина: Архив КУ, ед. хр. 4024, № 40, л. 65).

[93] *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 19; *Веселовский.* Сведения, с. 98.

[94] Каталог преподавателей в имп. Казанском университете на 1823—1824 акад. год, с. 9—12 (цит. по: *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 19).

[95] *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 19.

подавания тюркских языков в России представляет «Конспект татарского языка, составленный адъюнктом Ибр. Хальфиным. 15 февраля 1826 г.».[96]

Ибрагим Хальфин преподавал по составленным им самим учебным пособиям (см. с. 261).

31 октября 1826 г. на должность лектора арабского и персидского языков был зачислен Александр Касимович, или — как он предпочитал называть себя — Мирза Александр (до принятия христианства — Мирза Мамед (Мухаммед)-Али-Касым-оглы) Казем-Бек (1802—1870).[97]

В 1828 г. лектура татарского языка была преобразована в Кафедру турецко-татарского языка, которую возглавил Казем-Бек. После смерти Ибрагима Хальфина (13 января 1829 г.) Казем-Бек, утвержденный в 1830 г. адъюнктом восточных языков, принял на себя преподавание татарского языка в университете и в гимназии.[98]

По новому, общему университетскому уставу, который был утвержден 26 июля 1835 г. и введен в действие с 1 января 1836 г., русские университеты получили новое устройство: вместо четырех отделений [99] стало три факультета — философский, юриди-

---

[96] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. пст.-фил. фак., № 105. — Опубликован с сокращениями в книге: *Корбут*. КГУ, т. I, с. 144—145; см. еще: *Мазитова*. Кафедра тур.-тат. языка, с. 20; *Радзиевская С. Б.* Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, вып. II. Казань, 1958, с. 22—23 (№ 4043; здесь неверно указана дата составления конспекта: 1829 г. вместо 1826 г.).

[97] *Мазитова*. Кафедра тур.-тат. языка, с. 11—42; *Мазитова Н. А.* Казанский период. . ., с. 97—122; *Рзаев А.* Указ. соч., с. 16—26; ББСОТ, с. 175—178.

[98] *Мазитова Н. А.* Казанский период. . ., с. 98, 118. — По-видимому, есть основание утверждать, что Казем-Бек имел честь готовить Л. Н. Толстого к вступительным экзаменам в Казанский университет по турецкому и арабскому языкам (*Шифман А.* Лев Толстой и Восток. М., 1960, с. 399; *Рзаев А.* Указ. соч., с. 23). Вступительные экзамены по турецкому и арабскому языкам, которые необходимо было сдать для поступления на восточный разряд Первого отделения философского факультета, Л. Н. Толстой выдержал отлично (*Михайлов М. С.* Л. Н. Толстой и языки тюркской семьи. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 196—208). В свидетельстве, выданном Л. Н. Толстому Казанским университетом, сказано: «Л. Н. Толстой. . . выдержав в предметах полного гимназического курса надлежащий экзамен, принят был в студенты К. У. по разряду арабско-турецкой словесности, в 1-й курс: но с какими успехами в оном курсе обучался, неизвестно, потому что на годичные испытания не явился, почему и оставлен был в том же курсе и на основании разрешения г. управляющего Казанским уч. округом от 13 сентября 1845 г. за № 3919, из разряда арабско-турецкой словесности перемещен в 1-й курс Юридического факультета, в коем обучался с успехами. . .» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. Правление, арх. № 19863, л. 10). — *Бушканец Е. Г.* Л. Н. Толстой — студент Казанского университета. (Обзор документов ЦГА ТАССР). — В кн.: Из истории Татарии. Казань, 1966, с. 21—32.

[99] В С.-Петербургском университете было три отделения: I. Науки юридические и философские; II. Науки исторические и словесные; III. Науки математические и физические.

ческий, медицинский (врачебный);[100] курс обучения — четыре года.

Философский факультет состоял из двух отделений: 1-е — словесное, или филологическое, отделение; 2-е — естественно-математическое отделение; 1-е отделение философского факультета делилось на три разряда, в числе которых был разряд восточной словесности (или восточный разряд), с преподаванием а) арабского, персидского и турецкого языков, б) монгольского и татарского языков.

В 1850 г., в связи с упразднением философских факультетов, 1-е отделение было преобразовано в историко-филологический факультет, на восточном разряде которого преподавались востоковедные дисциплины, а 2-е отделение — в физико-математический факультет.

Устав 1835 г. в отношении востоковедения узаконил фактически сложившееся в Казанском университете положение — наличие трех восточных кафедр: арабской и персидской словесности (Эрдман), турецко-татарской словесности (Казем-Бек), монгольской словесности (Ковалевский и Попов).[101]

Адъюнкт М. А. Казем-Бек, произведенный в 1836 г. в экстраординарные профессора и утвержденный в 1837 г. ординарным профессором турецко-татарского языка,[102] преподававший до этого времени только татарский язык,[103] «с учреждением особой кафедры. . . стал уже читать турецко-татарский язык во всей подробности. Так, он преподавал этимологию и синтаксис сего языка в обширном виде по своему сочинению (Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839; 2-е изд.: Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846), занимал студентов переводами с турецкого и татарского на русский и обратно и сообщал сравнительные замечания об обоих языках, употребляя на все сии предметы 8 часов в неделю».[104]

С 1 февраля по июнь 1837 г., по-видимому, в качестве помощника М. А. Казем-Бека «преподавал турецко-татарский язык» студентам в Университете М. Б. Первухин[105] (см. с. 137).

При разряде восточной словесности 1-го отделения философского факультета Казанского университета был учрежден «Восточный институт», соответствующий по своим целям «Профессорскому институту», или современной аспирантуре, который состоял из воспитанников, посвятивших себя «изучению азиатских языков. Таковых (т. е. воспитанников, — *А. К.*) новым уставом (1835 г., — *А. К.*) положено 14; и хотя в это число входят вообще

---

[100] В С.-Петербургском университете медицинского факультета не было.

[101] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 116.

[102] Отчет имп. Казанского университета и учебного округа за 17 лет с 1827 по 1-е генваря 1844 года. Казань, 1844, с. 18.

[103] Там же, с. 47.

[104] Там же.

[105] ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5064, л. 561; там же, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 4158, л. 32.

все казеннокоштные студенты, даже продолжающие еще курс учения, но в тесном смысле. . . сюда причисляются только те молодые люди, которые оканчивают учение или получили уже ученую степень и остаются при университете для усовершенствования своих познаний и приобретения педагогической опытности или практического навыка впредь до определения к местам».[106]

К началу 40-х годов прошлого столетия разряд восточной словесности 1-го отделения философского факультета Казанского университета имел в своем составе шесть кафедр: 1) арабской и персидской словесности; 2) турецко-татарской словесности; 3) монгольской словесности; 4) санскритской словесности; 5) китайской словесности (с преподаванием маньчжурского языка); 6) армянской словесности.[107]

О пособиях и объеме преподавания турецкого языка в этот период можно составить представление по следующей справке: М. А. Казем-Бек «попеременно объяснял студентам высших курсов пространную турецко-татарскую грамматику по своему сочинению, (читал, — *А. К.*) избранные места из Кабус-наме, истории Чингиз-хана, сочинения Абуль-Гази-Бегадур-хана, истории «Семи планет» Ризы, сочинений Рагиб-паши, Рами-эфенди и Агели; упражнял их в чтении константинопольских и александрийских газет, переводах на турецкий язык и читал историю турецкой литературы и историю просвещения на Востоке по своим запискам, 6 часов в неделю».[108]

«Распределение предметов по разряду восточной словесности в Казанском университете», утвержденное министром народного просвещения 26 марта 1843 г.,[109] дает ясное представление о специальной и общей подготовке студентов-восточников.

Перечислим предметы, преподававшиеся на кафедре турецко-татарской словесности. I курс.[110] А. 1) турецкий язык, 2) арабский язык; Б. 1) английский язык, 2) церковная история, 3) древняя история, 4) курс общей истории. II курс. А. 1) арабский язык, 2) турецкий язык, 3) история древних турецко-татарских народов; Б. 1) английский язык, 2) созерцательное богословие, 3) средняя и новая история, 4) история общей литературы. III курс. А. 1) турецкий язык, 2) арабский язык, 3) политическая история Османского государства; Б. 1) английский язык, 2) нравственное богословие, 3) российская история, 4) история общей литературы. IV курс. А. 1) турецкий язык, 2) арабский язык, 3) история османской словесности; Б. 1) английский язык, 2) история философских систем, 3) история общей литературы. «Произ-

---

[106] Отчет имп. Казанского университета. . ., с. 249 (см. еще с. 250—251); *Корбут.* КГУ, т. I, с. 51.

[107] *Фойгт К.* Указ. соч., с. 6—9; ср.: *Корбут.* КГУ, т. I, с. 116—121, 123.

[108] *Фойгт К.* Указ. соч., с. 12; *Веселовский.* Сведения, с. 99; *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 19, 23—24.

[109] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 124—125.

[110] Предметы делились на «главные» (у нас обозначены буквой А) и «вспомогательные» (Б).

водные (т. е. факультативные, — *А. К.*) предметы»: 1) персидский язык, 2) французский язык.[111]

Это распределение предметов красноречиво говорит о том, что студенты-восточники получали здесь солидную и разностороннюю подготовку, которая позволяла им в дальнейшем с успехом трудиться как на государственной службе, так и в науке.

М. А. Казем-Бек заведовал кафедрой турецко-татарской словесности до 1845 г.; в этом году, в связи с уходом на пенсию проф. Эрдмана, Казем-Беку была поручена кафедра арабской и персидской словесности.

В апреле 1846 г. кафедру турецко-татарской словесности занял ученик Казем-Бека, и. о. экстраординарного профессора, магистр Илья Николаевич Березин (1818—1896),[112] который руководил кафедрой до ее ликвидации (1855).

И. Н. Березин «попеременно переводил со студентами высших курсов избранные места из Тути-наме, Юсс-и зафер, Эвлия Челеби, Книги сорока везирей, путешествия Мухаммеда Сейид Вахид-эфендия, дивана Баки, Османские государственные акты и изданные им (Березиным, — *А. К.*) ханские ярлыки; упражнял их в переводах с русского и французского языков на турецкий, с турецкого книжного на разговорный и читал, также попеременно, историю тюркских племен, историю турецкой империи и историю турецкой литературы по своим запискам, 8 часов в неделю».[113]

Проф. Березину помогал упомянутый выше лектор Мирза Абдюссаттар Казем-Бек,[114] который преподавал «студентам первых двух курсов правила чтения и письма, объяснял грамматику турецкого языка по сочинению проф. М. А. Казем-Бека, переводил с ними Кабус-наме, историю Абульгази, Наимы и Гезар-Фенна, Тути-наме и стихотворения Физули, также упражнял их в разговоре, от 4 до 6 часов в неделю».[115]

Восточный разряд проявлял постоянное похвальное стремление расширять круг преподаваемых предметов, обеспечивая тем самым высокий уровень подготовки своих питомцев.

---

[111] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 124—125; ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5272, л. 18—19.

[112] О нем см.: ББСОТ, с. 123—126; Биограф. словарь СПб. ун-та, т. I, с. 46—47 (здесь основная библиография).

[113] *Фойгт К.* Указ. соч., с. 12; *Веселовский.* Сведения, с. 99; *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 24.

[114] Совет Казанского университета 4 ноября 1839 г. слушал предложение попечителя учебного округа от 18 октября 1839 г. о том, что «дозволяется в виде опыта допустить Мирзу Абдюссаттара Казем-Бека к преподаванию начальных правил турецко-татарского языка по два раза в неделю студентам 1-го курса. . . без жалования и без присвоения прав службы. . .» (ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил. фак., арх. № 172). «1 августа 1845 г. М. Абд. Казем-Бек был утвержден сверхштатным лектором турецко-татарского языка с жалованием 342 р. 86 коп. в год. сверх получаемого в Казанской гимназии за должность учителя» (ЦГА ТАССР, ф. 733, оп. 47, ед. хр. 77, л. 2).

[115] *Фойгт К.* Указ. соч., с. 12—13.

23 января 1844 г. Министерство народного просвещения по представлению Казанского университета (от февраля 1843) дало согласие пригласить Мухаммеда-Галея Махмудова (см. с. 137) на должность учителя «мусульманской каллиграфии»; он упражнял студентов «постепенно в почерках насх, та'лик, шикесте, дивани, рейхани и рук'а, 4 часа в неделю».[116]

Стремясь расширить базу тюркологической подготовки студентов, И. Н. Березин выступил 16 сентября 1849 г. на заседании 1-го отделения со следующим заявлением: «Усиленное и пространное изучение турецко-татарского языка в Казанском университете не может не быть создано, и для достижения этой цели необходимо введение преподавания как чагатайского, так и татарского и азербиджанского наречий. Но для этого преподавания необходим наставник опытный и сведующий в этих наречиях. . . В настоящее время никто более не удовлетворит этим требованиям, как лектор турецко-татарского языка М. Абд. Казем-Бек. Уроженец Закавказского края, он владеет азербиджанским наречием, как своим природным, а в продолжительное пребывание в Казани имел полную возможность практически ознакомиться с татарским языком; теоретические знания, неизбежные при шестилетнем преподавании турецко-татарского языка в 1-ой Казанской гимназии и в Университете, позволили ему усвоить себе и чагатайское наречие».[117]

Несмотря на такую высокую оценку знаний и педагогических способностей М. Абд. Казем-Бека, Совет Казанского университета 23 декабря 1849 г. при голосовании предложения И. Н. Березина о присвоении ему звания адъюнкта высказался против этого предложения: М. Абд. Казем-Бек получил 6 избирательных баллов и 13 неизбирательных.[118]

Неизвестно, удалось ли И. Н. Березину осуществить свой проект введения преподавания чагатайского языка; вероятно, нет, так как М. Абд. Казем-Бек в отчете за 1851/52 учебный год пишет следующее: «В 1-м курсе: слушатели были обучены чтению и письму турецкому с подробным объяснением законов тюркского сингармонизма и разнообразных уклонений в произношении тюркских диалектов; пройдено этимологии 1-ая и 2-ая часть, и слушатели занимались переводами с турецкого на русский язык. . . Во 2-ом курсе: слушатели занимались синтаксисом турецкого языка и переводили из турецкого на русский язык из Тути-наме. . .».[119]

Обращает на себя внимание указание в отчете на то, что турецкий язык преподавался с объяснением «разнообразных уклонений в произношении тюркских диалектов», в чем, конечно, можно усмотреть влияние Казем-Бека старшего и его «Грамма-

---

[116] Там же, с. 13.
[117] ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил. фак., арх. № 541, л. 38.
[118] Там же, л. 63.
[119] Там же, арх. № 625, л. 14.

тики». 15 сентября 1855 г. М. Абд. Казем-Бек был «уволен от службы в связи с переводом восточного разряда в Петербург».

О высоком уровне преподавания свидетельствует решение Совета Казанского университета, предписывающее каждому профессору ежегодно представлять «историческое обозрение о том направлении, которое его наука приняла в Европе, и о тех успехах и открытиях, какие в ней сделаны».[120] В целях приобретения навыков научного исследования студенты должны были писать «сочинения к состязанию наград»; на конкурс в 1837 г. были представлены сочинения студентов Кафедры турецко-татарского языка И. Н. Березина и В. Ф. Диттеля.[121] На 1840/41 учебный год для студентов Восточного разряда была предложена следующая тема: «Причины и ход переселения народов турецкого (=тюркского, — *А. К.*) и монгольского происхождения с Востока в разные страны Запада». Позднее в числе конкурсных тем значились: «Об уйгурах», «О влиянии Туркестана на Чжунгарию и Киргизкайсацкие орды в отношениях политическом и лингвистическом», «Историческо-прагматический обзор развития и упадка мусульманского (персидского и турецкого) владычества на Кавказе», «Исследования о хозарах» и др.[122]

Одним из важнейших мероприятий, необходимых для научного изучения восточных языков, для глубокого ознакомления с культурой, географией и этнографией восточных народов, были научные путешествия «по местному краю и в страны Востока». В 1842 г. студенты кафедры турецко-татарской словесности И. Н. Березин и В. Ф. Диттель были направлены в трехгодичное путешествие по Ближнему Востоку, программу и план которого составил М. А. Казем-Бек.[123]

К сказанному об организации учебной и научной работы в Казанском университете следует прибавить, что наличие в нем первоклассной востоковедной библиотеки, богатой коллекции восточных рукописей, Кабинета редкостей, Нумизматического кабинета и типографии,[124] снабженной татарским, арабским и персидским шрифтами, в немалой степени способствовало успехам в области научной и учебной деятельности.

В течение 30—40-х годов прошлого столетия Казанский университет в целом и его Восточный разряд 1-го отделения философского факультета в частности превратились в хорошо организованное учебное заведение.

В середине 40-х годов известный языковед и фольклорист, тюрколог и знаток финно-угорских, самодийских и тунгусских языков М. А. Кастрен (1813—1852) так отозвался о востоковеде-

---

[120] *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 20—21.
[121] Там же, с. 21—22; о нем см.: ББСОТ, с. 158.
[122] *Мазитова Н. А.* Казанский период. . ., с. 22—23.
[123] Там же, с. 25—30; *Казем-Бек А. К.* План ученого путешествия по Востоку для молодых ориенталистов, окончивших курс в Казанском университете. Казань, 1841.
[124] *Фойгт К.* Указ. соч., с. 56—73; *Корбут.* КГУ, т. I, с. 121.

нии в Казанском университете: «Едва ли в целом мире есть хотя один такой университет, где бы так ревностно изучали восточную литературу, как в Казани. Здесь много кафедр, посвященных языковедению Востока, как-то: арабскому языку, армянскому, персидскому, санскритскому, монгольскому, тюркскому, маньчжурскому. . . Изучение восточных языков особенно преуспевает здесь благодаря тому, что время от времени отсюда посылаются молодые люди в азиатские страны; в настоящее время отправились путешествовать в Аравию два магистра здешнего университета, а третий послан на 10 лет в Китай для изучения монгольского, китайского и маньчжурского языков. . .[125] Казанский университет считает в числе своих ориенталистов мужей европейской известности, и я вполне убежден, что в близком будущем именно здесь найдут свое разрешение важнейшие научные проблемы, касающиеся Востока».[126] Восторженный отзыв А. И. Герцена (посетившего Казань в 1835 г.) о Восточном отделении Казанского университета приведен в книге «Казанский университет. 1804—1979. Очерк истории» (Казань, 1979, с. 71).

В результате реформы востоковедного образования (1854—1855), выразившейся в организации единого для всей России востоковедного учебного заведения — факультета восточных языков С.-Петербургского университета, — Восточный разряд историко-филологического факультета Казанского университета прекратил свое существование, но преподавание татарского языка продолжалось (осуществлял его М.-Г. Махмудов).[127]

«Казанское научное востоковедение, легкомысленно уничтоженное в середине прошлого века»,[128] время от времени напоминало о своей былой славе, и его пытались, хотя бы частично, возродить, чему безусловно способствовало географическое положение Казани, его непосредственное соседство с тюркскими народами.

8 апреля 1861 г. было организовано «для желающих» преподавание турецкого и арабского языков,[129] которое вел ординарный профессор Николай Иванович Ильминский (1822—1891), ученик М. А. Казем-Бека и М. Г.-Махмудова, состоявший до этого бакалавром татарского языка в Казанской духовной академии, питомец этой академии (выпуск 1846 г.), член-корреспондент Академии наук (с 1870 г.).[130] В 1863 г. было возобновлено преподавание персидского языка; арабский и персидский языки были

---

[125] Имеются в виду В. Ф. Диттель, И. Н. Березин и китаист В. П. Васильев, впоследствии профессор и декан Факультета восточных языков, действительный член Академии наук.

[126] *Лавровский К. В., Пономарев П. А.* К. Ф. Фукс и его время. — Казанский литературный сборник, 1878, с. 451—452 (цит. по: *Загоскин Н. П.* Граф Л. Н. Толстой и его студенческие годы. — Исторический вестник, 1894, январь, с. 90—91).

[127] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 131—132.

[128] *Бартольд.* Соч., т. IV, с. 405.

[129] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 132—133.

[130] *Крачковский.* Очерки, с. 125—127; ББСОТ, с. 168—170.

восстановлены, как имеющие «близкое отношение к местным интересам».

В июле 1872 г. Н. И. Ильминский был назначен директором Казанской учительской семинарии, в связи с чем покинул университет, и кафедра прекратила свое существование.

С 1888 г. кафедра восточных языков в Казанском университете была восстановлена — на этот раз с двумя преподавателями: тюркских и финских языков.[131]

Важную роль в истории изучения — в краеведческом аспекте — Поволжья и Приуралья сыграло Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете.[132]

С января 1894 г. на кафедре стал преподавать питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета (выпуск 1888 г.) Николай Федорович Катанов (1862—1922),[133] ученик В. В. Радлова, И. Н. Березина, В. Д. Смирнова, профессор и активный деятель Казанского университета (1894—1922).

Н. Ф. Катанов вошел в историю отечественной тюркологии, помимо многочисленных работ по этнографии и фольклору, как автор огромного труда «Опыт исследования урянхайского языка» [134] — плода его многолетней «полевой» работы по собиранию, систематизации и изучению лингвистического материала по целому ряду мало или вовсе не изученных тюркских языков. «Опыт» Катанова содержит сведения — в сравнительных параллелях — о всех известных в то время тюркских языках.[135] Он получил противоречивые оценки специалистов: одобрительные отклики иностранцев (М. Хартман, Б. Мункачи) [136] и резкую критику своего соотечественника.[137]

Теперь, когда с момента опубликования полного текста «Опыта» прошло восемь десятков лет, можно ретроспективно, сравнительно с успехами тюркологии наших дней, оценить поистине огромный труд Н. Ф. Катанова. «Опыт» навсегда сохранит свое значение как описание фонетического и грамматического строя урянхайского (тувинского) языка и как справочное, сводное пособие по

---

[131] *Малов С. Е.* Об учреждении восточных (турецкого и финского) отделений на историко-филологическом факультете Казанского университета. — В кн.: Неотложные задачи земств Поволжья. Казань, 1917, с. 14.

[132] *Катанов Н. Ф.* Общество археологии, истории и этнографии за 30 лет (1878—1908). — ИОАИЭ, 1908, т. XXIV, вып. 3, с. 238—246; Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (осн. в 1878 г.). — СЭ, 1962, № 5, с. 143—145.

[133] *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов. (Очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. М., 1973. 114 с.; ББСОТ, с. 183—184.

[134] *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, XLII, 1539, 8, LX с.

[135] Подробнее см.: *Иванов С. Н.* Указ. соч., с. 54—64.

[136] См.: *Исхаков Г. И.* Тюркологическая деятельность профессора Казанского университета Николая Федоровича Катанова (1862—1922). — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения, с. 77—78.

[137] Речь идет о рецензии П. М. Мелиоранского: ЗВОРАО, т. XV, с. 0150—0160; см.: *Иванов С. Н.* Указ. соч., с. 59—60.

фонетике и морфологии тюркских языков, которым до сих пор с благодарностью пользуются тюркологи.[138]

Н. Ф. Катанов преподавал в Казанском университете ряд предметов; в их числе были: «1) Турецко-татарский язык (грамматика казанско-татарского языка и чтение легких текстов); 2) Обозрение турецко-татарских племен (древние и новые государства, основанные тюрками, быт тюркских племен и сказания иностранцев о тюрках); 3) История турецко-татарской литературы (османская, джагатайская и общетюркская литературы); 4) Сравнительная грамматика тюркских наречий и чтение текстов».[139]

Здесь в 1916 г. в звании приват-доцента начал свою педагогическую деятельность С. Е. Малов (см. с. 126).[140]

Кафедра существовала до 1919 г.

* * *

Московский университет (основан 12 января 1755 г.) был первым русским университетом, заместившим кафедру восточной словесности *русским* востоковедом Алексеем Васильевичем Болдыревым (1780—1842).

В 1811/12 учебном году Болдырев приступил к преподаванию древнееврейского и арабского языков.[141]

Позднее у Болдырева было два помощника: Михаил Андреевич Коркунов (1806—1859), впоследствии академик по отделению русского языка и словесности, и Николай Гаврилович Коноплев (ок. 1800—1855), который «вступил в МУ в 1822 г. вольным слушателем. В 1825 г. произведен в действительные студенты. . . В 1828 г. . . . отправлен в СПб. для изучения восточных языков на три с половиной года. . . По окончании полного курса языков арабского, персидского и турецкого он получил свидетельство от профессоров СПб. ун-та к отправлению на Восток для усовершенствования. В 1832 г. возвратился в Москву и. . . занялся преподаванием арабского языка в МУ с 1833—1834 академ. года. . . Так продолжал он до июня 1836 г.»,[142] когда оказался «уволенным за реформою».[143]

В круг научных интересов Коноплева во время пребывания в С.-Петербурге (где он занимался у Френа и Сенковского) вошел и турецкий язык. «Его можно считать, — пишет И. Ю. Крач-

---

[138] См. еще: *Иванов С. Н.* Указ. соч., с. 54—64.

[139] Там же, с. 37—39; *Корбут.* КГУ, т. I, с. 137—138.

[140] *Корбут.* КГУ, т. I, с. 139.

[141] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 49—51; *Крачковский.* Очерки, с. 57—62; *Стариков А. А.* 1) Из истории восточной филологии. — СВ, 1955, № 6, с. 81—86; 2) Восточная филология в Московском университете (А. В. Болдырев и П. Я. Петров). — ОИРВ, сб. III, с. 147—165; *Базилиц А. П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, с. 26—30.

[142] Биогр. словарь МУ, ч. I, с. 423; ББСОТ, с. 193—194.

[143] По уставу 1835 г. в штатном расписании для кафедры восточных языков предусматривался только один оклад ординарного профессора, который получил А. В. Болдырев (*Бартольд.* Соч., т. IX, с. 51).

ковский, — первым русским тюркологом-османистом, притом с определенным интересом к фольклору».[144] Это утверждение основывается на том, что Коноплев собрал, перевел на русский язык и опубликовал небольшое собрание турецких пословиц.[145]

В 1837 г. А. В. Болдырев был уволен «за нерадение к службе», которое выразилось в том, что, будучи цензором (и одновременно ректором Московского университета), он дал разрешение на печатание в «Телескопе» (1836, т. 34, № 15) знаменитого «Философического письма» П. Я. Чаадаева.[146] Преподавание арабского, персидского и древнееврейского языков в Московском университете возобновилось лишь в 1852 г. на кафедре санскрита, которую занимал (до 1875 г.) Павел Яковлевич Петров (1814—1875), ученик А. В. Болдырева.

Тюркские языки в дооктябрьское время — вопреки утверждению некоторых тюркологов — в Московском университете не преподавались;[147] преподавание их (на Этнографическом отделении этнологического факультета) началось только в 1925 г. Первым профессором турецкого языка на этом отделении был Н. К. Дмитриев.[148]

* * *

С.-Петербургский (Петроградский) университет основан 8 февраля 1819 г.[149] Петербургская учительская семинария екатерининских времен, возобновленная в 1803 г. под названием Учительской гимназии, в следующем году была преобразована в Педагогический институт, который 23 декабря 1816 г. был превращен в Главный педагогический институт, реорганизованный 8 февраля 1819 г. в Санкт-Петербургский университет; учебный год в нем начался 1 ноября 1819 г.

Еще в Главном педагогическом институте были учреждены две кафедры восточных языков, которые были замещены в 1817 г. (занятия начались в марте 1818 г.) учениками знаменитого французского ориенталиста С. де Саси — Ж.-Ф. Деманжем (1789—1839),[150] занявшим кафедру арабского языка, и Ф.-Б. Шармуа (1793—1868),[151] возглавившим кафедру персидского языка. Оба

---

144 *Крачковский*. Очерки, с. 61; *Коноплев И.* Некрология. — Московские ведомости, 25 декабря 1855, № 103, с. 5160.

145 См.: Молва, 1832, № 78, с. 310; 1834, № 48, с. 259—262.

146 Подробнее см.: *Бартольд*. Соч., т. IX, с. 50; *Стариков А. А.* Восточная филология. . .., с. 152.

147 *Веселовский*. Сведения, с. 106.

148 *Аракин В. Д.* Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). М., 1972. 88 с. (список трудов: с. 72—86; литература о нем: с. 86—88).

149 *Григорьев*. СПб. ун-т; *Бартольд*. Соч., т. IX, с. 52—196; Востоковедение в Ленинградском университете. — Учен. зап. ЛГУ, 1960, № 296. Сер. востоковед. наук, вып. 13; История Ленинградского университета. 1819—1969. Л., 1969; Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917. Обзор архивных документов. Л., 1961; СПб. ун-т в 1-е столетие.

150 *Григорьев*. СПб. ун-т, с. 21, 37, 39, 41, 77.

151 ББСОТ, с. 289—290.

они были зачислены ординарными профессорами, хотя ни один из них в то время «еще не заявил о себе в ученом мире каким-либо трудом».[152]

В помощь названным профессорам «для практических упражнений в восточных языках состоял при (Главном педагогическом, — *А. К.*) Институте с января 1819 года в должности учителя. . . Мирза Джафар Топчибашев (1790—1869, — *А. К.*),[153] 28-ми лет, [человек]. . . весьма способный и усердный к своему делу».[154] У Топчибашева в 1824 г. совершенствовался в персидском языке А. С. Грибоедов.[155]

1818 год является весьма значительной датой в истории петербургского и всего русского востоковедения: в конце марта, как сказано выше, в Главном педагогическом институте началось преподавание арабского и персидского языков, а 11 ноября того же года было издано распоряжение по Академии наук, в котором предписывалось «устроить при Кунсткамере Академии особое отделение для медалей, рукописей и книг восточных под названием „Восточного кабинета“ и хранителем оного определить г. академика Френа».[156]

Таким образом, в течение 1818 г. в Петербурге было создано два центра, сыгравших важную роль в развитии отечественного востоковедения: в Главном педагогическом институте заложена основа будущего факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1854—1855), в Академии наук создан Азиатский музей — первое научно-исследовательское востоковедное учреждение.

С.-Петербургский университет на первых порах своего существования сохранил «прежнее разделение Главного педагогического института на отделения: I. Наук юридических и философских; II. Наук исторических и словесных; III. Наук математических и физических».[157]

В марте 1820 г. на II Отделении (науки исторические и словесные) было образовано три разряда: исторический, филологический и восточной словесности; в 1837 г. произошли изменения: вместо трех отделений стало два — общей словесности и восточной словесности.

На разряде восточной словесности изучались: 1) языки восточные (арабский и персидский); 2) латинский язык; 3) история; 4) французский язык; 5) российская словесность; 6) закон божий.[158]

---

[152] *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 21.
[153] ББСОТ, с. 271—272.
[154] *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 22.
[155] *Таирзаде Н. А.* К деятельности профессора Мирзы Джафара Топчибашева в Петербургском университете. — Изв. АН АзССР. Сер. общ. наук, 1965, № 6, с. 38, прим. 17.
[156] История АН, т. II, с. 221; см. наст. изд., с. 112.
[157] История Ленинградского университета, с. 19—20.
[158] СПб. ун-т в 1-е столетие, с. 37.

В связи с «Делом о С.-Петербургском университете в 1821 году»[159] многие профессора были уволены. Шармуа и Деманж в июле 1822 г. вышли в отставку «вследствие грубого оскорбления, которому подвергся Шармуа в заседании 3 ноября 1821 г. со стороны попечителя (Д. П. Рунича, — *А. К.*)»,[160] руководившего расследованием этого «дела». Оба они перешли на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел.[161] На освободившуюся кафедру арабской словесности был приглашен питомец Виленского университета, только что вернувшийся из путешествия по Ближнему Востоку, — Осип Иванович Сенковский (1800—1858).[162]

За два года пребывания на Ближнем Востоке (Константинополь, Сирия, Египет) Сенковский «приобрел редкие в европейце сведения в арабском и турецком языках, на которых говорил и писал — и писал каллиграфически-щеголевато — прозой и стихами, как на своем природном; выучился персидскому и сирскому, новогреческому и итальянскому; изучил мусульманский Восток, в его рукописях и живом быте. . .».[163]

18 августа 1822 г. Сенковский начал в С.-Петербургском университете преподавание арабского и турецкого языков,[164] хотя турецкий официально в число предметов университетского преподавания был введен только по уставу 1835 г. Сенковский преподавал турецкий язык «так сказать приватно, только студентам III (тогда последнего) курса по 2 раза в неделю. Тем не менее слушатели его успевали в этом языке более, чем впоследствии, у других преподавателей, в течение всего 4-летнего курса (введенного в 1837 г., — *А. К.*)».[165]

Отзывы современников о Сенковском как о человеке и как о профессоре восточных языков обычно диаметрально противоположны: человек — плохой, профессор — выдающийся.

А. В. Никитенко (1805—1877), академик (с 1855 г.), историк русской литературы, критик, цензор, близко знавший Сенковского, в своем Дневнике (23 декабря 1827) писал: «Сенковский весьма замечательный человек. Не много людей, одаренных умом столь метким и острым. Он необыкновенно быстро и верно подмечает в вещах ту сторону, с которой надо судить о них в применении к разным обстоятельствам и отношениям. Но характер портит все, что есть замечательного в уме его. Последний у него подобен острию оружия в руках диких азиатских племен. . .

---

[159] Там же, с. 206—217; *Давидович Я. И.* «Дело» Санкт-Петербургского университета 1821 г. — Вестник ЛГУ, 1947, № 3, с. 145—155.

[160] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 55, прим. 17.

[161] *Григорьев.* СПб. ун-т (раздел «Ссылки, примечания и дополнения», с. 15); *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 57.

[162] ББСОТ, с. 258—260.

[163] *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского. — Собрание сочинений О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса), т. I. СПб., 1858, с. XXXII.

[164] Там же, с. XLI; *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 40; СПб. ун-т в 1-е столетие, с. 257—266.

[165] *Веселовский.* Сведения, с. 102—103; см. еще: *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 75.

и это не с целью причинить зло, а просто чтобы, так сказать, выполнить предназначение своего ума, чтобы удовлетворить неопределенному какому-то влечению. Естественно, он не любим, на что сам, однако, смотрит без негодования, как бы уверенный, что между людьми нет других отношений кроме непрестанной борьбы. . . В обращении он жесток и грубоват, но говорит остроумно, хотя и резко».[166]

Из воспоминаний П. С. Савельева, ученика Сенковского, можно составить некоторое представление о методике преподавания его учителя. Сенковский обращал особое внимание на усвоение правильного произношения, на изучение восточных почерков, без знания которых нельзя читать рукописи. Сенковский старался в увлекательной форме передать слушателям свои непосредственные наблюдения над жизнью, бытом, культурой арабов и турок.[167] Сенковский придавал особое значение активному знанию восточных языков, с этой целью он обращал большое внимание на переводы с русского на турецкий. Грамматика излагалась Сенковским весьма кратко; усвоение сложной турецкой грамматики происходило во время чтения текстов; особое внимание обращалось «на сингармонизм, играющий первенствующую роль в образовании этимологических форм османского языка. Учебником при этом служила с 1828 г. изданная им тогда „Карманная книга“ (см. с. 226). . . Первым текстом, который давался затем в руки студентам для перевода с турецкого, был „Джиган-Нюма“ или „Тарих-и-Сейях“; следовали отрывки из историков Наимы и Васифы; с особым наслаждением останавливался профессор на объяснении слушателям знаменитого памфлета „Хуласэ-и-Иътибар“ Ресми-Ахмед-эфенди и затем, оставляя в покое стихотворцев, переходил прямо к переводам с русского на турецкий, приучая слушателей передавать не слова, не фразы, а смысл подлинника выражениями, сообразными с миросозерцанием османов и духом их языка».[168] Текстом для переводов с русского на турецкий иногда служила «Сказка о Францыле Венециане» со знаменитым ее королем Брамбеусом — будущим литературным псевдонимом Сенковского.[169]

---

[166] Цит. по: *Алиева Л. Г.* О. И. Сенковский как востоковед. — В кн.: Статьи по филологии. Вып. V. Душанбе, 1976, с. 114. — Здесь же приведены суждения о Сенковском В. Р. Розена, В. А. Каверина, Д. П. Рунича, И. Ю. Крачковского, В. Кюхельбекера, В. В. Григорьева, П. Я. Петрова, П. С. Савельева, Н. Г. Чернышевского.

[167] *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XLI—XLIII.

[168] *Веселовский.* Сведения, с. 103; см. еще: *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 52.

[169] *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XLIII; см. еще: Осип Иванович Сенковский (Барон Брамбеус). Биографические записки его жены. СПб., 1858, с. 61—62. — О происхождении псевдонима «Барон Брамбеус» существует ряд версий; о них см.: *Каверин В.* 1) Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». 2-е изд. М., 1966, с. 140—141 (1-е изд. — Л., 1929); 2) О. И. Сенковский (Барон Брамбеус). Жизнь и деятельность. — *Каверин В.* Собр. соч., т. 6. М., 1966, с. 283—477.

Как профессор арабского и турецкого языков и литератур, Сенковский давал студентам глубокие знания и в отличие от большинства профессоров того времени, которые «держались притупляющей схоластической методы. . ., требовал от своего слушателя знания отчетливого, живого и основанного на источниках. . .». [170] Таким был Сенковский до его увлечения журналистикой; захваченный деятельностью журналиста и редактора, Сенковский вскоре после основания в 1834 г. «Библиотеки для чтения» «постепенно охладел к университету, пропускал лекции, торопился читать, отдавшись вполне журналистике; сам университет давно уже был к нему холоден».[171]

В начале 40-х годов Сенковский, забросив журналистику, увлекся проектированием и созданием «оркестриона» — какого-то сложного музыкального инструмента, комбинации скрипичных, клавиатурных и духовых инструментов; эта затея отвлекла его на целых семь лет (1842—1849), стоила больших денег и почти разорила его. В 1849 г. редактирование «Библиотеки для чтения» перешло к А. В. Старчевскому (1818—1901).[172] Под конец жизни Сенковский предпринял попытку возвратиться к журналистике уже как «Брамбеус-Redivivus»; но тщетно — ведь никому не удавалось вновь возродиться к жизни! . .[173]

Сенковский, который «был в свое время одним из лучших ориенталистов в Европе»,[174] не дал тюркскому языкознанию ничего, кроме «Карманной книги».

Нельзя не признать, что Сенковский был высокоодаренной личностью. «И однако же, что он сделал для нашей литературы, для нашего просвещения или для науки?» — спрашивает Н. Г. Чернышевский и отвечает: «. . .барон Брамбеус. . . не сделал ничего, совершенно ничего, и в той жатве, которая ныне зреет понемногу, нет ни одного колоса, который бы вырос из семени, брошенного его рукою. . .».[175]

Эта решительная оценка Н. Г. Чернышевского может быть применена только к литературной (точнее — к редакторской и журналистской) деятельности О. И. Сенковского. Что же касается его профессорской деятельности (1822—1847) в С.-Петербургском университете, то она тремя выдающимися русскими востоковедами, крупнейшими авторитетами в области истории

---

[170] *Савельев П. С.* О жизни и трудах О. И. Сенковского, с. XLIV.

[171] Там же, с. XLVI.

[172] ББСОТ, с. 266—268.

[173] О журналистской и редакторской деятельности Сенковского см.: *Каверин В.* 1) Барон Брамбеус; 2) О. И. Сенковский (Барон Брамбеус). Жизнь и деятельность, с. 283—477.

[174] *Чернышевский Н. Г.* Сенковский (Барон Брамбеус). — Полн. собр. соч., т. II. Пгр., 1918, с. 37.

[175] Там же, с. 42. — Мнение известного санскритолога П. Я. Петрова о Сенковском см.: *Крачковский И. Ю.* Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому. — ОИРВ, сб. 2, с. 12—14; см. еще: *Якубовский А. Ю.* Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. — Там же, с. 46—47; *Mickiewicz A.* Dzieła, t. XIV, Listy, część. I. Warszawa, 1955, s. 481—484.

русского востоковедения, оценивается — по конечным результатам — положительно.

И. Ю. Крачковский пишет: «В арабистике капитальных трудов Сенковский не оставил, но все же его наследие заслуживает внимания и теперь, как заслуживает оно и специального исследования арабиста. Основной результат его деятельности сказался главным образом в усилении „ориентализма“ в русской литературе, с большей долей талантливости и с большим размахом, чем в школе Болдырева».[176]

Говоря о педагогической деятельности Сенковского, И. Ю. Крачковский далее замечает: «Учеников у Сенковского по Университету в области арабистики было много, но — показательная черта — только те из них, которые попали в орбиту воздействия Френа, оставили след в науке, а иногда являлись и его продолжателями»; здесь названы М. Г. Волков, В. В. Григорьев, П. С. Савельев, В. Г. Тизенгаузен. И далее: «. . .лучшие ученики Сенковского, прикоснувшиеся к науке, могли уравновешивать легкомысленную манеру своего учителя фундаментальной школой Френа».[177]

Таким образом, И. Ю. Крачковский, не отрицая вклада Сенковского в дело подготовки востоковедов, справедливо подчеркивает, что научные успехи его учеников были бы невозможны без участия Х. Д. Френа.

По мнению Н. И. Веселовского, успехам изучения Востока в России «обязаны мы прежде всего Сенковскому в Петербурге и Казем-Беку в Казани».[178]

Говоря об успехах русского востоковедения в XIX в., В. В. Бартольд замечает: «Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников».[179] В другом месте В. В. Бартольд называет Сенковского основателем петербургской школы ориенталистов.[180]

Помня о заслугах О. И. Сенковского в подготовке востоковедов, — хотя и здесь по своим возможностям он мог дать много больше, — не следует забывать его неблагожелательное отношение к лучшим представителям русской литературы того времени, не следует забывать его далеко не прогрессивные общественные взгляды,[181] учитывая это, легко понять приведенные выше слова Н. Г. Чернышевского.

Первые три года кафедру турецкого языка, учрежденную по уставу 1835 г., занимал — по совместительству с кафедрой арабского языка — О. И. Сенковский.

---

[176] *Крачковский.* Очерки, с. 76.
[177] Там же, с. 77—78.
[178] *Веселовский.* Сведения, с. 14.
[179] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 467—468.
[180] Там же, с. 540.
[181] См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 373—374.

В 1839 г. чтение курса турецкого языка и руководство кафедрой было поручено питомцу Виленского и С.-Петербургского университетов, воспитаннику Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Антону Осиповичу Мухлинскому (1808—1877).[182]

«В первые четыре года своей профессуры Мухлинский, изложив правила османской этимологии, начинал упражнять слушателей в переводе „Тарих-и Босна"; затем, изложив синтаксис языка, переводил со слушателями „Тарих-и сейях", „Усс-и зафер", „Тарих-и Васыф-эфенди" и поэму Фазлия „Гюль-у-Бюльбюль", упражняя их также в переводах на османский с персидского. В 1843—45 годах читал он османский язык лишь в высших курсах,[183] переводя со слушателями: по части прозы — «Тарих-и Фетх-и Кандия» и «Усс-и зафер» или «Рисале» Мухаммеда-эфенди о посольстве его во Францию, а из стихотворных произведений — «Гюль-у-Бюльбюль»; на османский же язык переводил с персидского «Гюлистан» Саадия. Сверх того, в 1843—1844 уч. г. прочел он «Обозрение османской литературы», а в 1844—1845 уч. г. — «Историю турецкого языка и татарских наречий».[184]

Помощником Мухлинского с 29 октября 1842 г. по 1 марта 1844 г.[185] был его друг и тоже питомец Виленского и С.-Петербургского университета, тоже выпускник Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Игнатий Балтазарович (Валтазарович) Петрашевский (1796—1869), который с 1833 по 1840 г. служил в Министерстве иностранных дел сначала драгоманом, позднее секретарем русского посольства в Константинополе, затем консулом в Смирне, Яффе, Александрии и Салониках. В 1845 г. он уехал в Галле, где в местном университете получил степень доктора; с 5 февраля 1847 г. по 16 ноября 1869 г. состоял лектором восточных языков на философском факультете Берлинского университета.[186] По другим данным, И. Б. Петрашевский родился в 1799 г. и умер в 1860 г., занимая должность драгомана при прусском посольстве в Персии.[187]

---

182 *Григорьев.* СПб. ун-т. с. 106. 251—252, 261—262; *Kotwicz Wł., Kotwiczówna M.* Orientalista Antoni Muchliński. Zicie i dzieła. Wilno, 1935. 63. 4 с.; ББСОТ, с. 221.

183 На младших курсах занятия вел И. В. Петрашевский (см. ниже).

184 *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 261.

185 *Веселовский.* Список, с. 18; *Kotwicz Wł., Kotwiczówna M.* Указ. соч., с. 22; ББСОТ, с. 235—236; ср.: *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 261; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 68 (в последних двух источниках приводится другая дата: 1842—1845).

186 РБС, т. «Павел—Петр», с. 634; *Веселовский.* Список, с. 18; *Kotwicz Wł., Kotwiczówna M.* Указ. соч., с. 15, 17, 22; *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 106, 261—262.

187 *Reychman J.* Zainteresowania orientalistychne w środowisku Mickiewiczowskim w Wilnie i Petersburgu. — In: Szkice z dziejów polskiej orientalistyki. Warszawa, 1957, s. 86—88; см. еще: «До поступления своего в Университет, в 1842 году, 43-х лет от роду, Петрашевский состоял на службе по дипломатической части в Турции» (*Григорьев.* СПб. ун-т, с. 261—262). Следовательно, Петрашевский родился в 1799 г.

19 июня 1845 г. Мухлинский подал прошение об отставке, мотивируя этот шаг «нездоровьем и домашними обстоятельствами».[188]

В 1845/46 учебном году преподавание турецкого языка было поручено М. Дж. Топчибашеву; с 19 марта 1846 г. вплоть до своей смерти (от холеры 22 июля 1848 г.) турецкий язык преподавал и. д. экстраординарного профессора питомец Казанского университета, ученик Казем-Бека Вильям Францевич Диттель (1816—1848).[189] Грамматику турецкого языка Диттель излагал «по Казем-Беку, затем переводил со слушателями „Тути-наме“ и „Тысячу одну ночь“ в турецком переводе, далее читал с ними „Тарих-и Наима“, „Джихан-нюма“, „Гюль-у-Бюльбюль“, газету „Джериде-и хавадис“ и упражнял в переводе с русского на османский».[190]

В 1848/49 учебном году турецкий язык вел — последний раз — М. Дж. Топчибашев, который «преподавал, не отступая от плана, принятого Диттелем».[191]

23 июня 1849 г. Мухлинский вновь занял кафедру турецкого языка (8 октября 1853 г. утвержден ординарным профессором)[192] и руководил ею до выхода на пенсию (4 марта 1866 г.).[193]

«Грамматику османского языка по-прежнему преподавал он в двух курсах, от этимологии переходя прямо к переводу легких фраз; по изложении же синтаксиса и разъяснении идиоматизмов языка упражнял слушателей в переводе „Хумаюн-наме“, „Тарих-и Васыф-эфенди“, „Мунтехабат-и Эвлия Челеби“, газеты „Джериде-и хавадис“ и в переводах с персидского на османский».[194] В 1856 г. Мухлинский использовал учебное пособие М. А. Казем-Бека, а с 1858/59 учебного года преподавал по своим двум пособиям (см. с. 235). «По собственным же записям читал постоянно и Историю османской литературы».[195] С именем А. О. Мухлинского связано изучение языка и этнографии литовских татар (см. с. 255).

Кафедра татарского языка (т. е. тюркских языков, за исключением турецкого, который, как сказано выше, преподавался на особой кафедре), предусмотренная по уставу 1835 г., была организована только в начале 1845 г. 28 декабря 1844 г. для ведения курса азербайджанского (по тогдашнему произношению — азербиджанского) языка в число преподавателей был зачислен питомец Казанского университета (выпуск 1840 г.) Лазарь Захарович Будагов (1812—1878),[196] адъюнкт с 24 марта 1849 г., до-

---

188 *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 262.
189 ББСОТ, с. 158.
190 *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 262.
191 Там же.
192 Там же, с. 263.
193 *Веселовский.* Список, с. 16.
194 *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 263.
195 Там же.
196 ББСОТ, с. 130—131.

цент с 25 апреля 1864 г. Выслужив пенсию, Л. З. Будагов покинул университет в феврале 1870 г.[197]

Факультет восточных языков С.-Петербургского университета

В 40-х годах прошлого столетия преподавание восточных языков в Казанском и особенно в С.-Петербургском университетах переживало тяжелый кризис, связанный в первую очередь с неясностью целей и направлений, по которым должно было развиваться университетское востоковедение.

Состояние преподавания восточной словесности характеризовалось в докладной записке (от 20 июня 1845 г.) попечителя С.-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина следующим образом: «Преподавание восточных языков в здешнем университете вовсе не достигает цели, т. е. основательного и подробного изучения языков, истории и литературы Востока, а служит только, к сожалению, средством получить кое-как звание действительного студента или степень кандидата. . . Здешний восточный разряд для пользы государственной службы, для чести С.-Петербургского университета и для преуспевания самой науки должен быть преобразован на других началах, с другим направлением и в обширнейшем размере».[198]

Спустя три года, т. е. в 1848 г., попечитель, представляя отчет Университета за 1847 г., писал: «Отделение восточных языков совершенно бесполезно, оставаясь в настоящем его положении. Оно должно быть или развито, или упразднено и сосредоточено при Казанском университете».[199]

Министр народного просвещения против строгих доводов попечителя в пользу Казанского университета привел только один аргумент: «По высочайшей воле образование для Закавказского края переводчиков из тамошних уроженцев должно быть в С.-Петербургском университете».[200]

Спустя некоторое время обнаружилось и другое важное обстоятельство: в силу ряда причин восточное отделение Казанского университета пришло в упадок. Необходимы были срочные меры; в ноябре 1851 г. возник новый проект: объединить в Петербурге кафедры восточных языков Петербургского и Казанского университетов, Восточного института при Ришельевском лицее в Одессе и Учебного отделения восточных языков при Азиат-

---

197 *Веселовский.* Сведения, с. 105; *Веселовский.* Список, с. 4; см. еще: Биогр. словарь СПб. ун-та, т. I, с. 96 (здесь другая дата: «В 1872 г. оставил службу в СПб. университете. . .»; это неверно, так как право на пенсию — по истечении двадцатипятилетнего срока службы — Будагов получил 28 декабря 1869 г.).

198 МИФВЯ, т. I, с. 5.

199 Там же, с. 5, 6—7.

200 Там же, с. 7.

ском департаменте МИД в специальное учебное заведение — Азиатский институт.

В начале 1854 г. стало ясно, что по ряду причин, в первую очередь из-за противодействия МИД, создать Азиатский институт невозможно, в силу чего в феврале 1854 г. возник проект «О замене предполагаемого Азиатского института факультетом восточных языков при С.-Петербургском университете».[201]

22 октября 1854 г. Николай I в Гатчине подписал Указ Правительствующему Сенату: «I. Существующее ныне Отделение восточных языков при С.-Петербургском университете преобразовать в факультет. . . с следующими кафедрами языков: 1) арабского, 2) персидского, 3) турецко-татарского, 4) монгольского и калмыцкого, 5) китайского, 6) еврейского, 7) армянского, 8) грузинского, 9) маньчжурского».[202]

Пункт 4 Указа предписывал: «Преподавание восточных языков в Казанском университете, Ришельевском лицее, с состоящей при нем гимназией, и в первой Казанской гимназии прекратить, оставив в последней, по уважению местных обстоятельств края, преподавание татарского языка и для обучения сему языку четырех воспитанников, из числа определенных положением 2 января 1836 г.; суммы же, отпускаемые в упомянутые заведения на преподавание восточных языков, обратить на штатное содержание факультета, которому предоставить и учебные пособия по восточным языкам, принадлежащие Казанскому университету и гимназии, и Ришельевскому лицею с состоящею при нем гимназией, за исключением в Казанской гимназии того, что предоставлено собственно для преподавания татарского языка».[203]

В августе 1855 г. было решено разделить факультет восточных языков «на 5 главных разрядов, а именно: 1) арабско-персидско-турецко-татарский, 2) монголо-калмыцко-татарский, 3) китайско-манджурский, 4) еврейско-арабский, 5) армяно-грузинско-татарский».[204] Таким образом, деление было двойное: по признаку лингвистическому (кафедры) и по признаку культурно-историческому (разряды).

Торжественное открытие факультета состоялось 27 августа 1855 г., занятия начались 1 сентября 1855 г.[205]

С учреждением факультета восточных языков преподавание тюркских языков было сосредоточено на кафедре турецко-татарского языка, которую возглавлял А. О. Мухлинский. Он излагал своим студентам этимологию и словосочинение турецкого

---

[201] Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета. — Учен. зап. ЛГУ, 1960, № 296. Сер. востоковед. наук, вып. 13, с. 9—10; *Куликова А. М.* Проекты востоковедного образования в России (XVIII—1-я пол. XIX в.). — НАА, 1970, № 4, с. 133—139.

[202] МИФВЯ, т. I, с. 143. — Личный состав профессоров, адъюнктов, лекторов факультета по указу 22 октября 1854 г. см.: там же, с. 162—164.

[203] Там же, с. 144; *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 102—105.

[204] МИФВЯ, т. I, с. 252, 254. — О курсах, прочитанных в 1855/56 учебном году, см.: там же, с. 254—256.

[205] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 105—106.

языка, историю и географию Османской империи[206] и упражнял их в переводах с русского и персидского на турецкий язык.[207]

Кафедра давала своим слушателям кроме османистической также общетюркологическую подготовку, которую осуществлял исполняющий должность ординарного профессора «туркских наречий» И. Н. Березин (см. с. 148).[208] Ему было поручено «1) обучать чтению и преподавать этимологию туркского (=чагатайского, — *А. К.*) языка; 2) переводить историю Абулгази и сочинения Мир-Али-Шира (=Навои, — *А. К.*) с этимологическими и филологическими объяснениями и 3) читать историю джагатайско-татарской литературы»;[209] читал он также курс истории тюркских народов.[210] И. Н. Березин оставил заметный след в истории изучения тюркских языков (о его работах по тюркскому языкознанию см. с. 233). Помощником Мухлинского и Березина в практических занятиях по турецкому и татарскому языкам с ноября 1857 г. был симбирский татарин Хусаин Фаизханов (1828—1866).[211]

Всех студентов-ближневосточников «упражнял в восточном письме» учитель восточной каллиграфии Ибн-Ямин Аминов (ок. 1832—1861).[212]

Получив от А. О. Мухлинского в феврале 1866 г. прошение об отставке, факультет вынужден был подыскать ему замену. Выбор пал на единственно возможного кандидата — Виктора Александровича Максимова (1836—1900),[213] питомца того же факультета, первоначально специализировавшегося в области иранской филологии. Во время своего трехлетнего (1863—1866) пребывания на Ближнем Востоке он увлекся изучением турецкого языка. В марте 1866 г. Максимов вернулся в С.-Петербург и в апреле того же года представил в рукописи диссертацию на степень магистра; печатание ее было отложено «вследствие не вполне одобрительных отзывов Березина и Григорьева», что,

---

[206] «Программу турецкой истории», составленную А. О. Мухлинским в 1859 г., см.: МИФВЯ, т. I, с. 341—343.

[207] Там же, с. 254.

[208] Биогр. словарь СПб. ун-та, т. I, с. 47—48; *Григорьев.* СПб. ун-т, с. 264—267.

[209] МИФВЯ, т. I, с. 254.

[210] Программу этого курса (1859 г.) см.: там же, с. 347—348; см. еще: *Бартольд В. В.* И. Н. Березин как историк. — Соч., т. IX, с. 737—756; *Желтяков А. Д.* Изучение и преподавание истории стран Ближнего Востока на факультете восточных языков Петербургского университета (по материалам ЛГИА). — Востоковедение, 4. Учен. зап. ЛГУ, вып. 20. Л., 1977, с. 62—82.

[211] ББСОТ, с. 276—277; см. еще: *Веселовский.* Список, с. 34 (здесь указаны неверные даты: род. 1826 г.—ум. 1863 г.); *Гайнуллин М. Х.* Татарская литература XIX в. Казань, 1975, с. 37 сл.; *Михайлова С. М.* Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972, с. 197—208; *Усманов М., Галимова Г.* Хусаин Фаизханов как тюрколог (К 150-летию со дня рождения). — СТ, 1979, № 3, с. 38—47.

[212] О нем см.: МИФВЯ, т. I, с. 164—165, 193, 254—255; *Веселовский.* Список, с. 26; ББСОТ, с. 103.

[213] ББСОТ, с. 209.

однако, не помешало единогласно избрать его (7 октября 1866 г.) на вакантную — после смерти (29 августа 1866 г.) Фаизханова — должность лектора.

После внесения необходимых исправлений диссертация Максимова «Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании» была напечатана в 1867 г. и успешно защищена им в совете факультета восточных языков (12 марта 1867 г.).

В марте 1867 г. Максимов в звании приват-доцента был допущен к чтению лекций, «но уже 3 августа того же года. . . подал рапорт о прекращении им чтения лекций вследствие отъезда в Константинополь»[214] в качестве чиновника Министерства иностранных дел. Так был потерян для науки очень способный — судя по его диссертации — тюрколог, пионер изучения турецких диалектов Малой Азии.

Осенью 1867 г., по представлению И. Н. Березина, преподавание турецкого языка было поручено «мулле при собственном Его Величестве мусульманском конвое» Мухаммед-Алиму[215] Абдуллахову, который вел его до апреля 1869 г.

31 декабря 1866 г. на должность преподавателя (с 11 апреля 1869 г. — лектора) татарского языка был зачислен кумыкский поэт и ученый Магомет Османов (1840—1904),[216] которому в декабре 1872 г. был поручен курс мусульманского законоведения,[217] обязательного для студентов арабско-персидско-турецко-татарского разряда. М. Османов вел преподавание двух названных предметов (с перерывами: 1875—1876 и 1878—1879 гг.) до октября 1881 г., когда вышел в отставку по состоянию здоровья и уехал в свой родной Хасавъюрт (Дагестан). «По глубокому и основательному знанию своего предмета, свидетельствует Н. И. Веселовский, Османов был выдающимся лектором и оставил по себе в факультете самую добрую память».[218]

С декабря 1868 г. по ноябрь 1869 г. турецкий язык преподавал доцент Л. З. Будагов, с 6 ноября 1869 г. до середины 1873 г.— проф. И. Н. Березин.

Осенью 1873 г. к чтению лекций (турецкий язык, литература и история Турции) приступил питомец факультета восточных языков (выпуск 1870 г.),[219] ученик В. В. Григорьева и И. Н. Березина, Василий Дмитриевич Смирнов (1846—1922), основатель новой (после А. О. Мухлинского, как известно, был перерыв) русской османистической школы, магистр и доцент (1873), впоследствии экстраординарный (1884), ординарный (1888), заслу-

---

[214] *Бартольд*. Соч., т. IX, с. 151.
[215] *Григорьев*. СПб. ун-т, с. 385; *Веселовский*. Сведения, с. 105 (здесь сказано: Мухаммед-Эмин; исправил эту ошибку В. В. Бартольд (Соч., т. IX, с. 151, прим. 70); ср.: *Веселовский*. Список, с. 26.
[216] ББСОТ, с. 229; Биогр. словарь СПб. ун-та, т. II, с. 80.
[217] МИФВЯ, т. II, с. 96—100. — Программу курса, составленную М. Османовым, см.: там же, с. 100—101.
[218] Биогр. словарь СПб. ун-та, т. II, с. 80.
[219] Там же, с. 199 (по ошибке — 1871 г.).

женный (1898) профессор, занимавший кафедру турецко-татарской словесности в течение почти полувека, вплоть до ликвидации факультета (сентябрь 1919 г.).[220]

К началу 80-х годов прошлого столетия окончательно сформировались программа и объем преподавания востоковедных дисциплин, которым в основном следовал факультет восточных языков в течение всех последующих лет своего существования.[221]

Об объеме и характере преподавания специальных дисциплин на факультете дают точное представление «Экзаменационные требования на окончательных испытаниях в комиссии восточных языков», разработанные в апреле 1885 г., которые приведены ниже с незначительными сокращениями.

«По турецко-татарской словесности:

1. Деление турецких (т. е. тюркских, — *А. К.*) наречий (по Клапроту, проф. Березину и Реригу); отличие ветви джагатайской и татарской.

2. Перевод прозаических сочинений по джагатайскому языку: а) история монголов, соч. Абулгази Багадур-Хана (не менее 20 страниц); б) дипломатические узбекские и другие документы (Турецк. хрест. Березина).

3. Переводы прозаических сочинений по татарскому языку: а) из болгарской летописи (Турецк. хрест. Березина); б) башкирские тексты и в) киргизские тексты (хрест. Березина).

4. Стихотворения на джагатайском языке: а) наставление императора Бабура (хрест. Березина); из Пятерицы Мир-Али-Шира (хрест. Березина).

5. Стихотворения на татарском языке (хрест. Березина).

6. Характеристичные тюркско-татарские племена: буруты или каракиргизы, киргизкайсаки.

7. Сибирские татарские племена: минусинские татары.

8. Отюречившиеся племена: чуваши, башкиры.

9. Турецкие (тюркские, — *А. К.*) племена в древней России: печенеги, половцы и другие.

По османскому наречию:

1. Чтение всяких турецких текстов с надлежащим османским произношением.

2. Свободный перевод образцов простейшей турецкой речи из книги «Кырк везирлерин хикяйетлери» или из поэмы «Сирэти Сейид-Батталь-Гази» (по выбору экзаменующегося), с указанием встречающихся в них архаизмов и с умением обращать отрывочные предложения в более или менее связные периоды по правилам современной турецкой грамматики.

3. Удовлетворительное понимание исторических текстов среднего стиля, как наприм. Тарих-и Наъима, Фезлекэ-и Кятиб-Челеби и Тарих-и Рашид (по выбору экзаменующегося), с объяснениями, касающимися как фактического содержания переводимых мест, так и грамматических правил языка.

4. Понимание исторических текстов нового стиля, как наприм. Хулясэ-и Иътибар, соч. Гирид-и Ресми-Ахмеда-эфенди и Тарих-и Джевдет (по выбору экзаменатора).

5. Умение справляться с текстами, представляющими образцы самой сложной конструкции и самого изящного стиля турецко-османской прозаической речи, каковы наприм.: а) в исторической отрасли Махасину-ль асар, соч. Васыфа-эфенди и Усс-и Зэфер, соч. Эсъада-эфенди, б) в отрасли беллетристической: Тэрджумэ-и Телемак, соч. Кямиля и Сэргузеншт-и Али-бей, соч. Кемаль-бея, а также в) перевод стихотворений османских поэтов.

---

[220] ББСОТ, с. 261—262. — Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литературу о нем (составил А. П. Григорьев) см.: ТСб. 1973. М., 1975, с. 268—281.

[221] Распределение по семестрам предметов, преподававшихся на арабско-персидско-турецко-татарском разряде, см.: МИФВЯ, т. II, с. 128—130.

6. Умение разбирать рукописные турецкие тексты почерков дивани и ракъа официального характера с достаточным пониманием общего содержания их.

7. Очерк османской литературы в главнейших ее представителях».[222]

Как видно из экзаменационных требований, читавшиеся на кафедре турецко-татарской словесности курсы представляли 1) предметы общей тюркологии; 2) предметы османской (турецкой) филологии.

Начиная с 1873 г. и до 1919 г. курсы по османскому языку, истории и литературе читал В. Д. Смирнов. В этот же период курсы общей тюркологии вели И. Н. Березин (до 1896 г.), П. М. Мелиоранский (с 1894 по 1906 г.; см. ниже), А. Н. Самойлович (с 1907 по 1919 г.; см. с. 126).[223]

С 1886 по 1897 г. помощником В. Д. Смирнова был и. о. лектора турецкого языка турок Абдуррахман Шевкет (род. 29 сентября 1854 г. в г. Салоники), автор полезного учебного пособия.[224]

С 1898 по 1908 г. преподавание разговорного турецкого языка и турецкой каллиграфии вел и. д. лектора Ильяс Мурза Бараганский (Бораганский), получивший среднее образование в Стамбуле.[225]

С 1894 по 1906 г. на кафедре турецко-татарской словесности преподавал «чагатайский», казахский, казанско-татарский языки, вел курс сравнительной грамматики тюркских языков, а также читал лекции по общему языкознанию[226] выдающийся ученый Платон Михайлович Мелиоранский (1868—1906),[227] который за свою короткую жизнь сумел создать ряд первоклассных лингвистических исследований, обеспечивших ему право именоваться родоначальником лингвистического направления отечественной тюркологии.

Лучшая характеристика П. М. Мелиоранского как ученого принадлежит его другу и коллеге по занятиям на факультете восточных языков — В. В. Бартольду.

«П. М. Мелиоранский, — писал В. В. Бартольд, — всегда был и сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения. Трудность и неблагодарность задачи, однако, не заставили П. М. Мелиоранского отказаться от своего призвания; не довольствуясь внесением лингвистической точки зрения (со-

---

[222] Там же, с. 104—106.

[223] Подробнее см.: Обозрение преподавания наук по ФВЯ (издавалось ежегодно).

[224] Сборник статей для рукописных упражнений в чтении турецких текстов почерка ракъа. СПб., 1887, 160 с., литография. — О нем см.: ББСОТ, с. 95.

[225] ББСОТ, с. 117; *Каримуллин А. Г.* Татарская книга. Казань, 1974, с. 177—179.

[226] См.: Обозрение преподавания по ФВЯ, 1903, с. 5—6.

[227] ББСОТ, с. 215—216.

вершенно для студентов непривычной) в преподавание своей специальности, он с 1900 года ввел на факультете еще необязательные занятия по общему языкознанию, и попытка эта увенчалась неожиданным успехом. Необязательный курс каждый год находил слушателей. Несмотря на это, из школы П. М. Мелиоранского не вышло лингвистов в собственном смысле слова. . . Ученики П. М. Мелиоранского, записывавшие по его указаниям турецко-татарские тексты, увлекались этой работой не как материалом для изучения мало исследованных наречий, а как памятником народного творчества и источником для изучения народного быта. В этом отношении школа, созданная П. М. Мелиоранским, дала блестящие результаты, и для развития туркологии (=тюркологии, — *А. К.*) в России его одиннадцатилетняя преподавательская деятельность была несравненно плодотворнее, чем сорокалетняя деятельность его предшественника по кафедре».[228] Имеется в виду проф. И. Н. Березин; подобная оценка его профессорской деятельности мне представляется излишне суровой и несправедливой.

Назовем труды П. М. Мелиоранского, вошедшие в основной фонд исследований по тюркологии: «Памятник в честь Кюльтегина» — магистерская диссертация (напечатана в 1899 г.), блестящий лингвистический анализ одного из интереснейших памятников рунической письменности; «Араб филолог о турецком языке» — докторская диссертация (1900); «Араб филолог о монгольском языке» — образцовое издание арабского текста с переводом и лингвистическим очерком (вышло в 1903 г.). Не потеряла своего значения его «Краткая грамматика казак-киргизского языка» в двух частях, изданная в 1894—1897 гг. Особое место в научном творчестве П. М. Мелиоранского занимают его исследования, посвященные отысканию и истолкованию ориентализмов (главным образом тюркизмов) в русском языке и в одном из его древнейших памятников — «Слово о полку Игореве» (см. с. 331).

Тюркологические курсы П. М. Мелиоранского наследовал его ученик, питомец факультета восточных языков (выпуск 1903 г.), приват-доцент (1907) Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), позднее профессор (1917) и академик (1929).[229]

А. Н. Самойлович начал свою научную деятельность как туркменовед. Постепенно круг его интересов расширяется за счет включения турецкого, крымско-татарского, узбекского языков, фольклора, этнографии, литературы на этих языках. Так постепенно А. Н. Самойлович превратился в тюрколога-энциклопедиста. Наиболее полно научная, преподавательская, организационная и общественная деятельность А. Н. Самойловича развернулась

---

[228] *Бартольд.* П. М. Мелиоранский. (Некролог). — Соч., т. IX, с. 588.

[229] ББСОТ, с. 254—256; *Лунин.* Историография, с. 325—332; *Милибанд.* ББССВ, с. 493—494; ТСб. 1974. М., 1978 (здесь список его трудов и литературы о нем, составленный Ф. Д. Ашниным, и описание его рукописного наследия, составленное Л. В. Дмитриевой).

в послеоктябрьский период. Наиболее значительные работы дооктябрьского периода — «Абду-с-Саттар-Казы. Книги рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века» (СПб., 1914) и «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (Пгр., 1916).

А. Н. Самойлович читал по программе П. М. Мелиоранского с добавлением следующих курсов: «Введение о турецких племенах и наречиях»; «Сравнительная османско-джагатайская грамматика: фонетика и морфология. Грамматические упражнения».[230]

С 1912/13 по 1916/17 учебный год А. Н. Самойлович читал на 3—4-м семестрах курс: «Грамматика османского языка: фонетика, морфология и основы синтаксиса».[231]

Лектором турецкого языка с 1909 по 1918 г. состоял питомец факультета восточных языков (выпуск 1899 г.) Сергей (Серай) Маркович Шапшал (1873—1961).[232]

В июле 1915 г. к чтению лекций по турецкому языку был допущен питомец того же факультета (выпуск 1912 г.), приват-доцент, позднее профессор (с 1919 г.) Павел Александрович Фалев (1888—1922), последние два года своей жизни — профессор Туркестанского восточного института.[233]

В 1917 г. кафедра пополнилась еще одним питомцем факультета — приват-доцентом Николаем Николаевичем Мартиновичем (1883—1939).[234]

4 апреля 1913 г. были утверждены новые «Правила, программы и экзаменные требования испытательной комиссии восточных языков» (напечатаны в том же году), которые в части тюркской филологии (с. 16—19) отличались от «Экзаменационных требований 1885 г.» (см. с 166) введением особого раздела — требования по османской литературе, наличием вопросов по языку орхонских и уйгурских памятников, якутскому языку и некоторых других, а также изложением «требований по специальному курсу истории Турции».

В 1918/19 учебном году — последнем году существования факультета — на кафедре турецко-татарской словесности читались следующие курсы.

«Засл. орд. проф. В. Д. Смирнов. 7—8 сем. Чтение с комментариями текстов османских писателей. . . 5—8 сем. Очерк истории османской литературы . . .

И. д. экстр. проф. А. Н. Самойлович. 3—4 сем.[235] Введение в изучение турецких племен и наречий. . . 5—6 сем. Чтение образцов крымско-татарских наречий. . . документов 17 в. . . . 7—8 сем. Чтение манихейско-уйгурских текстов. . . 7—8 сем. Сравнительная турецкая морфология. Учение о глаголе.

---

[230] Обозрение преподавания наук по ФВЯ, 1909/1910, с. 7.
[231] Обозрение преподавания наук по ФВЯ, 1917, с. 6; 1918, с. 6.
[232] ББСОТ, с. 288—289; *Баскаков Н. А., Тинфович М. С.* С. М. Шапшал. (К 100-летию со дня рождения). — СТ, 1973, № 3, с. 119—121.
[233] ББСОТ, с. 274—275; *Лунин.* ББО, II, с. 221—225.
[234] ББСОТ, с. 213—214.
[235] На 1-й курс (1—2-й семестр) в этом году приема не было.

Пр.-доц. П. А. Фалев. 3—4 сем. Грамматика османского языка. . . 5 сем. Чтение памятников. . . по хрест. проф. В. Д. Смирнова (о ней см. с. 236, — *А. К.*). . . . 6 сем. Чтение историка Наимы (хрест. В. Д. Смирнова). . .

Пр.-доц. Н. Н. Мартинович. 7—8 сем. (необяз.). История османской поэзии и чтение поэтических текстов.

Лектор С. М. Шапшал: 4 сем. Османская фразеология. . . 5—6 сем. Диалогические упражнения. . . 7—8 сем. Переводы с русского яз. на турецкий и упражнения в чтении рукописных османских текстов. Разбор документов почерками дивани и джели-дивани».[236]

В сентябре 1919 г. факультет восточных языков (наряду с историко-филологическим и юридическим факультетами университета, Археологическим и Историко-филологическим институтами и соответствующими факультетами Бестужевских высших женских курсов) вошел в состав вновь организуемого факультета общественных наук (ФОН) 1-го Петроградского университета.[237]

Дерптский (Юрьевский — Тартуский) университет восходит к латино-шведскому университету, существовавшему с 1632 по 1656 г., когда Дерпт капитулировал перед войсками царя Алексея Михайловича. По мирному договору от 21 июня 1661 г. город был возвращен шведам, однако университет был восстановлен лишь 21 августа 1690 г.; просуществовав 20 лет, университет (с 1699 г. находился в Пярну) прекратил свое существование в 1710 г., в разгар Великой Северной войны. Из восточных языков здесь преподавался древнееврейский язык студентам богословского факультета. 12 апреля 1801 г. указом Александра I был учрежден Дерптский университет, торжественное открытие которого состоялось 21 и 22 апреля 1802 г. Здесь был учрежден богословский факультет с четырьмя кафедрами, первой из них была кафедра экзегетического богословия с преподаванием восточных языков семитической группы; позднее, по уставу 1865 г., кроме древнееврейского и арабского языков было введено преподавание персидского и санскритского языков.[238]

Первым и единственным преподавателем турецкого языка в этом университете был лектор эстонского языка, доктор философии Карл Аугуст Херман, преподававший с 1889 по 1909 г.

«Судя по печатным обозрениям лекций «Имп. Дерптского университета» тех лет, Херман читал наряду со своей узкой специальностью (эстонский язык) сверх университетской программы еще следующие востоковедные дисциплины: 1) грамматику маньчжурского языка со сравнительными ссылками на тунгусский и другие

---

[236] Обозрение преподавания наук по ФВЯ, 1918, с. 5—7.

[237] *Кононов А. Н.* Восточный факультет Ленинградского университета, с. 24.

[238] *Веселовский.* Сведения, с. 19—20; *Крачковский.* Очерки, с. 64—65; *Нурменкунд П. П.* Краткий очерк истории востоковедения в Тартуском университете. — Труды по востоковедению. Учен. зап. Тартуского ун-та, 1968, вып. 201, с. 5—12.

угро-алтайские языки (I сем. 1890 г.); 2) очерки китайского языка (II сем. 1890 г.); 3) турецкую грамматику со сравнительными экскурсами в угро-алтайские языки (I сем. 1892 г.); 4) грамматику маньчжурского языка со сравнительными указаниями на языки тунгусский, турецкий, маджарский и финно-эстонский (II сем. 1892 г.); 5) эстонский язык сравнительно с языками финским, мордовским, черемисским, маджарским, турецким и маньчжурским (I сем. 1893 г.)».[239]

Виленский (Вильнюсский) университет (1803—1832), предшественниками которого были Виленская академия (1579—1773) и Главная школа (1780—1803), имел в своем составе кафедру библейского экзегеза, на которой преподавались языки семитической семьи.[240] Питомцами Виленского университета были впоследствии известные арабисты и тюркологи О. И. Сенковский, А. О. Мухлинский, И. Б. Петрашевский.

Александровский университет в Гельсингфорсе (Хельсинки). В Финляндии первый университет — Academia Aboensis — был основан в 1640 г. в г. Або (Турку), в его штате предусматривался «профессор ориентальных языков», под которыми разумелись прежде всего языки семитические.

В 1827 г., когда Або почти полностью выгорел, университет был воссоздан в Гельсингфорсе. По уставу 1828 г. в этом университете была вновь учреждена кафедра восточных языков, существовавшая до того в Або с 1811 г. На вновь учрежденной кафедре восточных языков преподавались семитические (древнееврейский и арабский), а также санскритский и персидский языки.[241]

5. Лазаревский институт восточных языков (1815—1918)

В 1814—1815 гг. в Москве на средства армянской фамилии Лазаревых было создано частное «Армянское Лазаревых учебное заведение», назначением которого было давать первоначальное образование детям армян. В марте 1828 г. это училище было реорганизовано в «Армянский Лазаревых Институт восточных языков», который, по замыслу его организаторов, должен был преследовать три цели: «служить двигателем просвещения армян, быть рассадником восточного языкознания в России, сделаться школою общеобразовательной для всех, без различия национальностей и вероисповеданий».[242] Таким образом, этому институту,

---

[239] *Нурмекунд П. П.* Указ. соч., с. 9.

[240] *Крачковский.* Очерки, с. 62—63.

[241] *Крачковский.* Очерки, с. 65—66; *Веселовский.* Сведения, с. 20; *Aalto P.* Oriental Studies in Finland. 1828—1918. Helsinki, 1971.

[242] *Хаханов А.* Очерк 30-летия Специальных классов Лазаревского института восточных языков. — В кн.: Тридцатилетие Специальных классов Лазаревского института восточных языков. Памятная книжка. М., 1903, с. 1; *Кананов Г. И.* Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815—1890. М., 1891, с. 3; *Базиянц А. П.* 1) Лазаревский институт восточных языков. М., 1959; 2) Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; ИИН, № 1839—1855.

являвшемуся по существу гимназией, предстояло решить задачу, практически едва ли разрешимую: согласовать гимназическое и специальное, востоковедное образование. На первых порах деятельность Лазаревского института шла под знаком преобладания общеобразовательной, гимназической подготовки над востоковедной, хотя в Правилах (от 1830 г.) о преподавании восточных языков сказано следующее: «Армянский язык преподается во всем пространстве, преимущественно для природных армян. Преподавание же других трех восточных языков, как-то арабского, персидского, турецкого, имеет быть практическое с изъяснением теории, должно начинаться с арабского как основания обоих других. Через два года после арабского следует приступить к изучению персидского и потом год заниматься турецким, начиная с грамматики и продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях. Лекции заключают в себе общий взгляд на историю, географию и литературу армян, арабов, персов и турок, равно и прочих восточных народов».[243] Изучение восточных языков было факультативным.[244]

В 1835 г. институт был причислен к учебным заведениям II разряда; тогда же было определено его назначение: «Во-первых, доставлять опытных переводчиков восточных языков, изучивших их теоретически и практически; во-вторых, приготовлять учителей для . . . воспитательных заведений армянского народа и образованных священнослужителей для христиан григорианского вероисповедания. Курс учения установлен 5-летний».[245]

Турецкий и арабский языки в начале 30-х годов прошлого столетия преподавал армянин Аракел Филиппович Шахумов (1809—1853).

По уставу 1848 г. «Лазаревский институт посвящается изучению восточных языков и их литературы. Независимо от этого в Институте преподаются все предметы общего гимназического курса, необходимые для лиц, приготовляющих себя к поступлению в университеты или прямо на службу, а также для торговли... Сверх того, Лазаревский институт приготовляет юношей из духовного сословия армяно-григорианского исповедания для службы по духовному ведомству этого же исповедания».[246]

В 1849 г. в Институте были учреждены в ы с ш и е, или л и ц е й с к и е, курсы (VII—VIII классы), слушатели которых получали «те же права, что и оканчивающие восточное отделение Петербургского университета, — чин XII класса, а некоторые даже чин X класса».

---

[243] Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревых Института восточных языков. СПб., 1839, с. 142-144 (цит. по: *Базиянц А. П.* Создание института восточных языков в Москве (первая половина XIX в.). — ОИРВ, сб. VI, с. 294); см. еще: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 19.

[244] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 19.

[245] *Веселовский.* Сведения, с. 35—36.

[246] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 50.

В 1851 г. Институт был дополнен подготовительным отделением, «коего главное назначение должно состоять в обучении детей первоначальным сведениям и в приучении их к новому образу жизни и училищной дисциплины».[247]

На основании проведенной реорганизации Лазаревский институт вступил во вторую половину XIX в. в следующем составе: 6 гимназических классов, 2 лицейских (высших или специальных), подготовительное отделение. «Между предметами преподавания на первом плане поставлено изучение языков армянского, арабского, персидского, турецкого, грузинского и татарского (§ 45). Обучение восточных языков проходит через все шесть гимназических классов, оканчиваясь в высших или специальных классах (§ 50)».[248]

Для каждого слушателя обязательным был один из восточных языков: персидский или турецкий (с арабским в качестве дополнительного); кроме того, для армян — армянский, для грузин — грузинский, для татар — татарский.[249] Под «татарским» языком имелся в виду «закавказский татарский», т. е. азербайджанский язык. Из западных языков преподавались латинский, французский, немецкий.[250]

Преподавателем восточных (турецкого, арабского, персидского, армянского) языков в эти годы был архимандрит, впоследствии архиепископ Михаил Салатьян.[251]

О преподавании восточных языков (по уставу 1848 г.) можно составить некоторое представление по программе на 1848/49 учебный год: «Восточные языки. Турецкий, персидский и арабский. 1-е отделение. Воспитанники изучают азбуку, склады и слова для упражнения в выговоре, вместе с тем учатся письму и заучивают наизусть слова. Ознакомясь с чтением, приступают к изучению кратких анекдотов с самым близким переводом на русский язык и привыкают к грамматическим формам. — 2-е отделение. Изучение в системе грамматических форм, производство их и образование, формы спряжений, для чего составляют ученики собственные примеры. Переводы рассказов, содержащих обороты, свойственные восточным языкам. Легкие переводы с русского на турецкий, персидский, арабский и татарский языки. — 3-е отделение. Синтаксис. Переводы более трудных прозаических статей и стихотворных отрывков. Упражнение в разговоре».[252]

На основании дополнения к уставу 1848 г., утвержденному в конце 1849 г., все воспитанники «кроме духовных обязаны обучаться непременно одному из восточных языков, по собственному

---

[247] Там же, с. 51.
[248] *Хаханов А.* Указ. соч., с. 2; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 23.
[249] *Веселовский.* Сведения, с. 36; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 23; см. еще: *Базиянц А. П.* Из истории тюркологии в Лазаревском институте. — КСИНА, 1961, XXX, с. 107.
[250] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 23.
[251] БВСОТ, с. 254.
[252] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 24.

их выбору, турецкому, персидскому или татарскому, с пособием арабского. Армяне, грузины, татары должны изучать свои отечественные языки; кавказские воспитанники — обучаться местным языкам. . .».[253]

Воспитанники специальных классов Лазаревского института, как и питомцы факультета восточных языков С.-Петербургского университета, по окончании курса встречали немалые трудности при устройстве на службу. Кроме того, программы гимназического и лицейского отделений значительно отличались друг от друга; воспитанники стремились поступить в университет, и большинство из них на занятия восточными языками смотрели как на обременительную повинность.[254] Это сделало необходимой реорганизацию института. В 1864 г. комиссия во главе с директором института профессором-экономистом И. К. Бабстом (1824—1881) [255] «установила необходимость разграничения курса гимназического от специального, дабы предметы разнохарактерные не сталкивались между собой в общем преподавании и не параллелизовались».[256] В ноябре 1864 г. вошел в силу новый гимназический устав.

Уже в следующем, 1864/65 учебном году в программе гимназических классов было усилено преподавание древних языков за счет восточных; преподавание восточных сохранилось только в специальных классах, которые из двухгодичных превратились в трехгодичные.

В 1868 г. в институте вводится полный курс классических гимназий, а преподавание восточных языков упраздняется; однако уже в 1870 г. удалось добиться отмены этого решения.[257]

По положению от 16 июня 1871 г. институт получил новый устав, по которому он состоял «из одного приготовительного, семи гимназических и трех специальных классов»; в этом составе институт начал свою деятельность 1 сентября 1871 г.[258]

16 декабря 1872 г. специальные классы получили новый устав, по которому «Лазаревский Институт (отныне, — *А. К.*) будет совмещать в себе два вида учебных заведений: гимназию и совершенно отдельные от гимназического курса специальные классы, или — что одно и то же — университетский факультет».[259]

Курс обучения в специальных классах устанавливался трехгодичный; были организованы следующие кафедры при шести профессорах, одном доценте и двух преподавателях: а) армянская словесность, б) арабская словесность, в) персидская словесность,

---

253 Там же, с. 25.
254 Там же, с. 26.
255 *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 83—86.
256 *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 31.
257 Там же, с. 31; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 85—89.
258 *Веселовский.* Сведения, с. 36—37; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 34.
259 *Хаханов А.* Указ. соч., с. 5.

г) турецко-татарский язык, д) история Востока, е) русская словесность, ж) грузинский язык, з) практики персидского и турецкого языка, и) восточная каллиграфия.[260]

Студенты специальных классов изучали все названные предметы, за исключением армянской словесности, обязательной только для грузин и кавказских стипендиатов. Армянская словесность преподавалась 3 часа в неделю на каждом курсе; арабская словесность — 4 часа; персидская — 4 часа; турецко-татарская — 4 часа; грузинский язык — 2 часа; практика турецкого и персидского языков — ежедневно; на всех трех курсах занимались восточной каллиграфией по часу в неделю.[261]

Эта программа сохранялась с некоторыми дополнениями и уточнениями вплоть до Октябрьской революции.

В 1886 г. при институте были организованы вечерние курсы «для сторонних слушателей».[262] Специальные классы Лазаревского института постепенно превратились в хорошо организованное учебное заведение, имевшее в своем составе высококвалифицированных преподавателей восточных языков и умело подобранную библиотеку (в 1913 г. в библиотеке было 19 876 томов востоковедной литературы).

Турецкий и азербайджанский языки в специальных классах, начиная с 1860 г., преподавал Лазарь Эммануилович (Мануйлович) Лазарев (1822—1884), позднее возглавлявший — вплоть до своей кончины — кафедру турецко-татарского языка и составивший грамматику и хрестоматию (см. с. 239).[263]

После смерти Л. М. Лазарева кафедру турецко-татарского языка занял Ставр Елевтериевич Саков (1846—1921),[264] малоазийский грек из г. Унии (на берегу Черного моря), врач по профессии, питомец этого же института (выпуск 1869 г.), преподававший турецкий язык с 1871 по 1908 г. (когда он вышел на пенсию) с перерывом в два года: во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Саков находился в действующей армии в качестве врача.[265] С. Е. Саков составил три пособия по турецкому языку.[266] Кроме курса турецкого языка, который он читал по своим посо-

---

[260] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 92.

[261] *Веселовский.* Сведения, с. 36—37; *Базиянц А. П.* Из истории тюркологии. . ., с. 108—109.

[262] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт. . ., с. 39.

[263] ББСОТ, с. 202—203.

[264] *Гордлевский В. А.* С. Е. Саков (1846—1921). Страничка из истории старого московского востоковедения. — Избр. соч., т. IV. М., 1968, с. 402—407; *Базиянц А. П.* Из истории тюркологии. . ., с. 110—111, 113. — Несколько слов о преподавании Сакова см.: Тридцатилетие Специальных классов Лазаревского института восточных языков. Памятная книжка. М., 1903, с. 23; ББСОТ, с. 253.

[265] *Базиянц А. П.* Из истории тюркологии. . ., с. 113.

[266] *Саков С. Е.* 1) Руководство для изучения турецкого языка. Курс грамматических упражнений, ч. 1. М., 1901. 23 с. (литография); 2) Курс турецкой грамматики. М., 1902. 224 с. (литография); 3) Элементы турецкой грамматики. М., 1906. 192 с. (литография).

биям и по хрестоматии Л. Э. Лазарева (см. с. 239), В. Д. Смирнова[267] и Фр. Дитерици,[268] он вел занятия по азербайджанскому и «чагатайскому» языкам, используя для последнего тексты «Шаджара-и турк» Абу-л-Гази, «Бабур-наме», извлечения из Ясеви и пособие по «чагатайскому» языку Вамбери;[269] он же переводил на турецкий язык тексты из «Книги для чтения» Л. Н. Толстого.[270]

В конце 1884 г. по предложению С. Е. Сакова было решено «дать предпочтение в курсе турецкого языка джагатайскому наречию перед адербейджанским, уделив, однако, в плане преподавания некоторое число часов и преподаванию адербейджанского наречия, как необходимого для Кавказского края». С 1901 г. было введено преподавание трех тюркских языков: турецкого, азербайджанского, узбекского; с этого года узбекский и азербайджанский языки, а также восточную каллиграфию начал преподавать Мирза Абдулла Гаффаров.[271]

Практические занятия по турецкому языку начиная с 1885 г. вел Семен Григорьевич Церуниан (он же — Семен Киркович Дзеруниан; родился в 1860 г. в Константинополе, умер 25 декабря 1931 г. в Москве).[272] С. Г. Церуниан — автор интересно задуманного и хорошо выполненного пособия по турецкому разговорному языку.[273]

По сообщению Н. К. Дмитриева и М. С. Михайлова, учеников С. Г. Церуниана, он в течение всей своей преподавательской деятельности занимался составлением Турецко-русского и Русско-турецкого словарей, оставшихся в карточках, о судьбе которых, к сожалению, теперь ничего не известно.

Конец XIX—начало XX в. в истории Лазаревского института знаменуется значительным улучшением преподавания востоковедных дисциплин. Институт по-прежнему сохранял свое практическое направление, но оно теперь покоилось на солидном фундаменте научного востоковедения. Этот подъем педагогической и научно-исследовательской деятельности института был обеспечен вступлением в состав его преподавателей плеяды выдающихся ученых-востоковедов — Вс. Ф. Миллера, Ф. Е. Корша, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского.

---

[267] *Смирнов В. Д.* Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках с приложением факсимиле официальных документов разных почерков. СПб., 1891; 2-е изд. СПб., 1903.

[268] *Dieterici Fr.* Chresthomathie ottomane. Berlin, 1854. 159 S.

[269] *Vámbéry H.* Čagataische Sprachstudien. Leipzig, 1867.

[270] *Базиянц А. П.* 1) Из истории тюркологии. . .; 2) Лазаревский институт в истории. . ., с. 119—121; *Гордлевский В. А.* С. Е. Саков. . ., с. 404—405.

[271] *Базиянц А. П.* 1) Из истории тюркологии. . ., с. 111; 2) Лазаревский институт. . ., с. 49—50.

[272] Справкой о времени начала педагогической деятельности и о годе рождения Церуниана я обязан любезности А. П. Базиянца. — ББСОТ, с. 287.

[273] *Церуниан С. Г.* Турецко-русские разговоры. С предисловием Вл. Гордлевского. М., 1909. 78 с. (литография). — Второе издание, коренным образом переработанное и дополненное, вышло под названием: Курс османских разговоров, ч. I. (С грамматическими примечаниями Н. К. Дмитриева). М., 1924. 588 с. (стеклография).

Всеволод Федорович Миллер (1848—1913),[274] академик (1911), славист и иранист, профессор Московского университета, профессор и директор Лазаревского института (1897—1911), внес в преподавание «академический — научный характер, без ущерба прежней особенности — практической подготовки студентов к деятельности на Востоке».[275]

Федор Евгеньевич Корш (1843—1915) [276] — «красочная фигура всей московской науки, один из замечательных представителей нашей культуры»,[277] профессор Московского университета, академик (1900) по Отделению русского языка и словесности, которого, по словам А. А. Шахматова, с таким же правом могли бы принять в свой состав классический и восточный разряды Историко-филологического отделения Академии наук.[278] Знания его были удивительно широки и глубоки; в его лице объединялись классик, славист, иранист, арабист, тюрколог, арменист, санскритолог, финно-угровед, монголист, специалист по фонетике, текстолог, блестящий переводчик, пушкинист, знаток метрики (в том числе арабской, персидской, тюркской), поэт и прозаик. В 1892 г. Ф. Е. Корш начал работу в институте в скромной должности «приватного преподавателя персидского языка», внеся сразу в педагогическую деятельность кафедры и института в целом идеи и принципы передовой науки того времени.

В русской тюркологии Ф. Е. Корш занимает особое место. Он изучал рунические памятники, он сказал свое слово по всем важнейшим проблемам тогдашней тюркологии: классификация тюркских языков, тюркские элементы в «Слове о полку Игореве», происхождение формы настоящего времени в западнотюркских языках, долгота гласных в тюркских языках и др. Ф. Е. Корш был также и выдающимся организатором науки: председатель Общества славянской культуры, председатель Восточной комиссии Московского археологического общества, председатель Московской диалектографической комиссии и др.

Агафангел Ефимович Крымский (1871—1942),[279] питомец специальных классов Лазаревского института (1892—1895) и историко-филологического факультета Московского университета (1896—1898), позднее академик Академии наук УССР, в течение двадцати лет (1898—1918) был одним из ведущих профессоров института. В лице А. Е. Крымского гармонично сочетался арабист, иранист, тюрколог, славист, историк, литературовед, исламист; если к этому добавить, что А. Е. Крымский был хорошим поэ-

---

[274] *Богданов В. В.* Вс. Ф. Миллер. Краткий очерк его жизни. М., 1914.
[275] *Хаханов А.* Указ. соч., с. 21.
[276] *Дмитриев И. К.* Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. 56 с. (библиографию трудов Ф. Е. Корша см. на с. 35—50, литературу о нем — на с. 50—56).
[277] *Крачковский.* Очерки, с. 167.
[278] [*Шахматов А. А.*]. Федор Евгеньевич Корш. Некролог. — ИИАН, 1915, № 5, с. 373.
[279] ББСОТ, 198—199; *Милибанд.* ББССВ, с. 285—287; *Кримський А.* Бібліографічной покажчик (1889—1971). Київ, 1972. 184 с.; *Гурницкий К. И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. 192 с.

том и прозаиком, то эскиз его портрета можно считать законченным.

В историю отечественной тюркологии А. Е. Крымский вошел своей книгой «История Турции и ее литературы» (два издания — 1910 и 1916 г. — на русском, одно — 1924—1927 гг. — на украинском языке; переиздано: *Кримський А.* Твори в п'яти томах. Том четвертый. Київ, 1973, с. 337—445) и очень полезным справочником «Тюрки, их мови та літератури. І. Тюркські мови» (Киев, 1930; переиздан: *Кримський А.* Твори в п'яти томах. Том четвертый, с. 447—583).

Владимир Александрович Гордлевский (1876—1956),[280] также питомец специальных классов института (выпуск 1900 г.) и историко-филологического факультета Московского университета (выпуск 1904 г.), после трехгодичной командировки (Малая Азия, Сирия, Париж) в 1907 г. начал преподавание турецкого языка в специальных классах. В. А. Гордлевский, основная научная и педагогическая деятельность которого падает на послеоктябрьский период, оставил большой след в науке как османист, его научные интересы простирались на этнографию, фольклор, литературу, историю и язык малоазиатских турок. Полувековая педагогическая деятельность В. А. Гордлевского протекала главным образом в стенах специальных классов Лазаревского института и его преемника — Московского института востоковедения (1921—1954).

«Обозрение преподавания в специальных классах Лазаревского института восточных языков в 1916—1917 академическом году» (М., 1916, с. 6—8) дает ясное представление о предметах, изучавшихся студентами-тюркологами.

«И. д. э. о. проф. В. А. Гордлевский: I курс: 1. Краткое введение в изучение турецких народов и языков; 2. Элементарный курс османской грамматики; 3. Чтение турецких сказок (по Куношу); 4. Чтение народных османских песен. II курс: 1. Краткий очерк народной османской литературы. 2. Чтение повести А. Мидхата „Долабдан темаша"; 3. Чтение современных поэтов. III курс: 1. Общий очерк османской литературы; 2. Чтение исторических текстов; 3. Чтение поэтических текстов (Гариб-наме)».

Преподаватель С. Г. Церуниан на I, II и III курсах вел практические занятия по османскому языку.

Преподаватель М. А. Гаффаров на II курсе вел азербайджанский язык, а на III курсе — сартский.

Восточную каллиграфию преподавали М. О. Аттая, С. Г. Церуниан, М. А. Гаффаров.

Специальные классы Лазаревского института были московским центром отечественного востоковедения. В этом учебном заведе-

---

[280] ББСОТ, с. 148—149; *Милибанд.* ББССВ, с. 148—150; *Базиянц А. П.* В. А. Гордлевский. М., 1979. 80 с. (Библиография). — Общую характеристику работ В. А. Гордлевского см.: *Гордлевский В. А.* Избр. соч., т. I. М., 1960, с. 3—28; т. II. М., 1961, с. 4—8; т. III. М., 1962, с. 3—8; т. IV. М., 1968, с. 3—9.

нии получили подготовку выдающиеся тюркологи — А. Е. Крымский, В. Ф. Минорский, А. А. Семенов, Н. И. Ашмарин, В. А. Гордлевский, А. П. Поцелуевский, М. С. Михайлов, Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов и другие. Там образовалась научная коллегия, приготовившая и опубликовавшая серию трудов и учебных пособий «Труды по востоковедению» (1899—1918).

Профессора и преподаватели института принимали деятельное участие в работе Восточной комиссии Московского Археологического общества.[281]

В 1918 г. Лазаревский институт восточных языков был преобразован в Лазаревский Переднеазиатский институт, а его специальные классы — в этнологическо-историко-филологический факультет названного института.[282]

«Вновь учрежденный факультет, — значилось в проекте его Устава, — есть Российская автономная высшая специальная школа, обслуживающая общие культурные востоковедные интересы России и армянского народа. Факультет, состоя из двух отделений, научно-теоретического и научно-практического, преследует следующие задачи: а) разработку востоковедения по письменным и неписьменным, живым и мертвым языкам, литературе, истории и памятникам искусства народов Передней Азии; в) сообщение учащимся систематического востоковедного образования по соответственным отраслям знания; с) ознакомление народных масс с достижениями науки по специальности Института».[283]

4 марта 1919 г. Переднеазиатский институт был преобразован в Армянский институт, который существовал до осени 1920 г.[284]

7 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров постановил: «1. Для преподавания живых восточных языков и предметов практического востоковедения существующий в Москве бывший Лазаревский (ныне Армянский) институт преобразовать в Центральный институт живых восточных языков. Примечание: По техническим обстоятельствам до окончательного преобразования Армянского института Институт временно открывается в Петрограде».

Во исполнение этого решения в октябре 1921 г. в Москве был создан Московский институт востоковедения, существовавший до июля 1954 г.

---

[281] *Гордлевский В. А.* Тридцатипятилетие Восточной комиссии Московского археологического общества. — Восток, 1924, кн. 4, с. 169.

[282] *Марр Н. Я.* Записка о преобразовании Специальных классов Лазаревского института восточных языков в этнологическо-историко-филологический факультет Лазаревского Переднеазиатского института. Пгр., 1918, с. 3; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 191—203.

[283] См.: *Базиянц А. П.* Лазаревский институт в истории. . ., с. 192.

[284] Декрет Совета Народных Комиссаров от 4 марта 1919 г. за подписью В. И. Ленина «Об Армянском институте в Москве (Положение)» см.: Труды Института востоковедения. Сб. № 2. М., 1940, с. 17.

6. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (1823—1918)

29 мая 1823 г. Александр I в С.-Петербурге, в своей летней резиденции на Каменном острове, подписал Указ Государственной коллегии иностранных дел об учреждении Учебного отделения восточных языков,[285] в котором повелел: «1) начальником сего отделения, в которое назначаются шесть студентов, определить состоящего при министерстве статского советника Влангали,[286] с получаемым им ныне жалованием; 2) к сему отделению причислить профессора Шармуа и Деманжа,[287] препоручив им обучение студентов языкам: арабскому, персидскому и турецкому».[288] Перед Учебным отделением была поставлена узко практическая цель — подготовлять «приспособленных к делу драгоманов из русских подданных для наших миссий в Турции и Персии».[289] Курс был намечен двухгодичный.

Постепенно круг изучаемых языков и предметов расширялся; кроме трех восточных и двух западноевропейских (французский и английский) в 1835 г. вводится итальянский язык; в 1851 — новогреческий; в 1873 г. — мусульманское право; в 1883 г. — международное право; в 1888 г. — татарский язык.[290]

На первых порах в Учебное отделение принимались только лица, окончившие восточное отделение С.-Петербургского университета, а потом, за недостатком таких лиц, был открыт доступ всем желающим (даже со средним образованием, без предварительной подготовки в восточных языках), в силу чего курс Учебного отделения стал трехлетним. Однако позднее вернулись к первоначальному положению: по правилам 1882 г., «в Учебное отделение принимаются только молодые люди, окончившие курс факультета

---

[285] Докладная записка (на французском языке) о необходимости учредить в С.-Петербурге «d'un établissement de Jeunes-de-langues» была составлена А. Фонтоном; см.: МИФВЯ, т. I, с. 529—533; см. еще: *Жуковский В. А.* Очерк постановки практического востоковедения в западноевропейских государствах и России, истории возникновения Учебного отделения и обзор его 84-летнего существования. — АВЛОИВ, ф. 17, оп. 1, № 183. 47 с. (машинопись); *Веселовский.* Сведения, с. 108. — Нередко (особенно в неофициальной переписке) Учебное отделение восточных языков именовалось Институтом восточных языков, по-французски — Institut Oriental или L'Institut des langues orientales du Ministere des affaires étrangères.

[286] Георгий Михайлович Влангали (1781—1834), грек, родился в Константинополе, хорошо знал турецкий и персидский языки. С 29 мая 1823 г. по 26 августа 1825 г. он состоял начальником и профессором турецкого языка Учебного отделения восточных языков. — См.: *Веселовский.* История РАО, с. 24; ББСОТ, с. 140—141.

[287] Шармуа преподавал персидский и турецкий языки, Деманж — арабский; см. еще с. 154.

[288] МИФВЯ, т. I, с. 533.

[289] Там же, с. 535.

[290] *Жуковский В. А.* Указ. соч., л. 7.

восточных языков СПб. университета и специальных классов Лазаревского института».[291]

С 16 декабря 1853 г. по начало июня 1854 г. в Учебном отделении для офицеров Генерального штаба и Военной академии курс турецкого языка (63 лекции) читал проф. М. А. Казем-Бек; для этого курса Казем-Бек подготовил «Учебные пособия для временного курса турецкого языка» (СПб., 1854) (см. с. 231).

В 1883 г. по предложению Военного министерства и с согласия Министерства иностранных дел при Учебном отделении был организован «Пробный курс восточных языков для офицеров» (занятия начались 19 ноября).[292] Положение об «Офицерских курсах восточных языков» было утверждено 11 февраля 1885 г.; курсы были трехлетние, с ежегодным приемом по пяти слушателей.[293]

К вступительным экзаменам допускались офицеры, окончившие курс военных училищ и высших учебных заведений; на курсах изучались арабский, турецкий, персидский и «татарский» [294] языки, французская литература, мусульманское и международное право.[295] Некоторые из офицеров, окончивших эти курсы, оставили известный след в истории русской тюркологии: А. Г. Туманский (1861—1920), известный тюрколог, арабист, иранист, исследователь бабизма;[296] П. П. Цветков, автор Турецко-русского и Русско-турецкого словарей (оба изданы в С.-Петербурге в 1902 г.) [297] и четырехтомного труда «Исламизм», вышедшего в Ашхабаде в 1912—1913 гг.;[298] И. Шимкевич, составитель «Практического руководства для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области», напечатанного также в Ашхабаде в 1899 г.;[299] М. А. Терентьев (1837—1909), автор ряда пособий по тюркским языкам.[300]

Курсы существовали до 1911 г., когда на смену им были созданы Окружные школы «для подготовки офицеров, которые, изучив восточные языки, могли бы служить в войсках в качестве переводчиков». Эти школы были созданы при штабах Приамурского, Туркестанского и Кавказского военных округов.[301]

---

[291] Там же, л. 7 об.—8.

[292] *Снесарев А. Е.* 25-летие офицерских курсов восточных языков. — Голос Правды, 20 ноября 1908, № 950, с. 2.

[293] *Жуковский В. А.* Указ. соч., л. 9.

[294] Преподавались узбекский и казахский языки.

[295] *Певцов М. Г.* Офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел и их воспитанники. (Краткий очерк). — Военный сборник, СПб., 1902, № 10, с. 190; см. еще: *Давлетшин А. А.* Записка о преобразовании курса восточных языков при МИД. — АВЛОИВ, ф. 70, оп. 1, ед. хр. 59.

[296] ББСОТ, с. 273—274.

[297] ББСОТ, с. 286—287.

[298] Рец.: *Бартольд В. В.* Соч., т. VI. М., 1966, с. 403—412.

[299] ББСОТ, с. 292.

[300] ББСОТ, с. 269—270.

[301] Положение об изучении офицерами восточных языков с приложением руководящих указаний и программ. СПб., 1912, с. 3—5.

Учебное отделение восточных языков располагало хорошо подобранной библиотекой, богатой коллекцией восточных рукописей (которые в 1918 г. поступили в Азиатский музей) и коллекцией восточных монет.[302]

За время почти столетнего существования Учебного отделения в его составе насчитывается в качестве студентов и профессоров ряд крупных востоковедов: из первых следует назвать В. В. Григорьева, П. С. Савельева, А. О. Мухлинского, И. Б. Петрашевского; из вторых — Ф. Б. Шармуа, Ж. Ф. Деманжа, П. И. Демезона. Начальниками (директорами) Учебного отделения были Г. М. Влангали (1823—1825), Ф. П. Аделунг (1825—1842), П. И. Демезон (1843—1872), М. А. Гамазов (1872—1893), И. А. Иванов (1894—1906), В. А. Жуковский (1911—1918).

Турецкий и персидский языки в Учебном отделении с 1823 по 1835 г. преподавал Ф. Б. Шармуа,[303] которого в 1836 г. сменил Петр Иванович Демезон (1807—1873), прослуживший здесь в качестве профессора и директора до выхода в отставку в 1872 г.

П. И. Демезон (Desmaisons) родился в 1807 г. в г. Шамбери (Пьемонт; входил в то время в состав Сардинского королевства, ныне провинции Италии) в семье врача. Как и почему он оказался в России, неизвестно. Русское подданство принял 1 декабря 1843 г. Из его «Формулярного (послужного) списка» [304] удается установить основные вехи его служебного пути.

«По распоряжению г. министра Народного просвещения определен в числе казеннокоштных студентов Казанского университета, с оставлением в России, Петербурге для обучения восточным языкам у ориенталиста, статского советника Влангали; слушал лекции прочих наук в С.-Петербургском университете. Поступил в императорский Казанский университет 1 апреля 1829 г. Утвержден г. министром Народного просвещения 6 августа 1830 г. в степени кандидата по восточной словесности со старшинством с 27 июня 1829 г.

В сем звании состоял при университете по 26 февраля 1831 г., т. е. по день предписания об отправлении его на службу в Оренбург, куда с разрешения г. министра Народного просвещения определен с обязательством прослужить в ведомстве Оренбургского военного губернатора 6-летний срок, назначенный для казенных воспитанников.

По предписанию Оренбургского военного губернатора определен в Неплюевское военное училище старшим учителем арабского и персидского языков (1831 г. 1 апреля).

Сверх того причислен в Оренбургскую пограничную комиссию переводчиком (1831 г. 4 сентября). . .

В октябре месяце 1833 г. был командирован по делам службы в Бухарию.[305] По возвращении оттуда за отличное исполнение возложенного на него поручения всемилостивейше награжден орденом св. Анны 3 ст. (1835 г. 2 февраля). . .

---

[302] *Жуковский В. А.* Указ. соч., л. 8—8 об.

[303] ББСОТ, с. 289—290; *Dugat*, p. 38—42.

[304] Архив внешней политики России Архивного управления МИД СССР. 1831—1849 гг. Ф. ДЛСИХД (=Департамент личного состава и хозяйственных дел). Личные дела чиновников, оп. 463/2, 3, д. 72, л. 593.

[305] См. ниже.

По прибытии из Оренбурга поступил в учрежденное при Министерстве иностранных дел Учебное отделение восточных языков, для преподавания воспитанникам оного турецкого и персидского языков (1836 г. 18 апреля).

Назначен вторым драгоманом при Азиатском департаменте, с оставлением и при Учебном отделении восточных языков (1841 г. 31 дек.).

По назначению г. вице-канцлера вверено ему заведование Учебным отделением восточных языков (1843 г. 30 января). . .

Назначен драгоманом V класса при Азиатском департаменте (1850 г. 26 апреля)».[306]

Летом 1833 г., по представлению Оренбургского военного губернатора В. А. Перовского, было решено «отправить в Бухару агента для разведок о положении дел в Средней Азии, чтобы добытыми сведениями воспользоваться для развития нашей торговли с нею».[307]

Выбор пал на П. И. Демезона, который 30 октября 1833 г.[308] выехал из Оренбурга в крепость Орск, а оттуда 11 ноября того же года под именем муллы Джафара отправился с караваном в Бухару, куда прибыл через 45 дней; 23 мая 1834 г. Демезон отправился в обратный путь.[309]

Это рискованное путешествие (малейшая оплошность привела бы к разоблачению лжемусульманина и стоила бы ему головы), потребовавшее от Демезона величайшей выдержки и железного самообладания, могло быть успешно совершено только при безупречном владении арабским, персидским и тюркскими языками, при столь же совершенном знании всех тонкостей мусульманских религиозных догм, обрядов и мусульманского этикета.

Напомним, что Демезон совершил свое отважное путешествие в Бухару за тридцать лет до Г. Вамбери (1831/1832—1913), прославившегося своим дерзостным проникновением в запретную тогда для европейцев Среднюю Азию.[310]

До Вамбери и за один год до Демезона в Бухаре побывал (1832) Александр Бернс, шотландец, лейтенант английской службы,

---

[306] См. еще: ББСОТ, с. 155—156.

[307] *Веселовский.* История РАО, с. 24.

[308] Опечатка в книге Веселовского (с. 25) — 1834 г. вместо 1833 г. — ввела в заблуждение некоторых лиц, позднее писавших об этом путешествии Демезона.

[309] Отчет Демезона (на французском языке) «1833—1835, № 1. Дело об отправлении в Бухарию переводчика Оренбургскоїї пограничноїї комиссии 9 класса» хранится в архиве МИД — ныне ЦГАДА (*Веселовский.* История РАО, с. 25, сн. 1). — См. еще: *Савельев П.* Бухара в 1835 году. СПб., 1836 (здесь отбытие Демезона в Бухару ошибочно датируется концом 1834 г., прибытие — июлем 1835 г.); *Чабров Г. И.* Поездка в Бухару переводчика П. И. Демезона (1833—1834 гг.). — Труды Среднеаз. гос. ун-та им. В. И. Ленина, Ташкент, 1957, вып. 94, кн. 14 (История стран Востока), с. 109—115.

[310] *Вамбери А.* 1) Моя жизнь. Авторизованныї перевод с английского языка. М., 1914; 2) Путешествие по Средней Азии в 1863 году. СПб., 1865; 3) История Бохары, или Трансоксании, с древнейших времен до настоящего, т. I—II. СПб., 1873; *Kuntay C.* Sahte dervişler. Prof. Herman Arminus Vámbéry (Reşid Efendi). Istanbul, 1970.

известный своей книгой «Путешествие в Бухару» (ч. 1—2. М., 1848—1849).

Одновременно с Бернсом в Бухаре был поручик Ян Викторович Виткевич (1809—1839), поляк, живший в Орске; он знал несколько восточных языков.[311]

В Учебном отделении названным выше профессорам помогали лекторы, обеспечившие преподавание разговорного языка.

Практическое преподавание турецкого языка в 1823 г. было поручено константинопольскому греку Чорбаджи-оглу, состоявшему на службе в Министерстве иностранных дел, которого в 1844 г. сменил другой репетитор, армянин из Константинополя Оханнес Амиди, преподававший до 1849 г. В течение 1852—1856 гг. репетитором турецкого языка был турок Вехби-эфенди, родом из Константинополя; с 1857 по 1859 г. эту должность занимал константинопольский турок Акиф-эфенди, с 1862 по 1877 г. — турок из Константинополя Осман Нури, после принятия христианства носивший имя Александр (умер в 1877 г.). С 1878 г. турецкий язык преподавал константинопольский грек Фардис. Татарский язык с 1888 г. преподавал Атаулла Баязитов (1846—1911). Последним преподавателем турецкого языка в Учебном отделении и первым преподавателем этого же предмета в Петроградском—Ленинградском институте живых восточных языков (основан в 1920 г.) был константинопольский грек К. Г. Вамваки (1852—1925).

7. Восточный институт при Ришельевском лицее в Одессе (1828—1856)

В 1828 г. в Одессе, с целью «доставлять краю ученых переводчиков», был открыт «Восточный институт для шести молодых людей».[312] На первых порах (до 1837 г.) Восточный институт состоял при гимназии (основана в 1831 г.) Ришельевского лицея (основан в 1817 г.), а затем, по уставу от 1 января 1838 г., «для более успешного хода дела» был причислен к Ришельевскому лицею, в котором преподавались арабский, турецкий и персидский языки;[313] в гимназических классах лицея (начиная с 4-го) также сохранилось преподавание названных восточных языков. Курс обучения был трехлетний.

Первым преподавателем турецкого языка в Восточном институте был Георгий Разис (Rhasis),[314] автор «Vocabulaire français-turc» (СПб., 1828). После отъезда Разиса в Константинополь в качестве драгомана русского посольства «исправляющим должность

---

311 *Халфин Н. А.* Возмездие ожидает в Джагдалаке. М., 1973, с. 48—58; ср.: *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 465.

312 *Веселовский.* Сведения, с. 38—39, 106—108.

313 *Михневич И.* Исторический обзор Ришельевского лицея с 1817 г. по 1857 г. Одесса, 1857, с. 48—49.

314 *Веселовский.* Сведения, с. 106; ББСОТ, с. 245.

профессора восточных языков» 30 сентября 1838 г. был определен Василий Васильевич Григорьев (1816—1881).[315]

В декабре 1842 г., по получении степени магистра, В. В. Григорьев был утвержден в звании профессора Ришельевского лицея, в 1843 г. перешел на службу в Министерство внутренних дел и покинул Одессу.[316] После него эту должность последовательно занимали: с 1845 по 1852 г. — питомец отделения восточной словесности С.-Петербургского университета (выпуск 1823 г.) Василий Несторович Кузьмин (1797—1852);[317] с 1852 по 1855 г.[318] Иван Николаевич Холмогоров (1818—1891).[319]

В гимназических классах лицея преподавание восточных языков в 1838 г. вел и. д. проф. В. В. Григорьев;[320] в 1839 г. — младший учитель Меркурий Дмитриевич Грамматиков; с 1840 по 1856 г. — учитель Иван Иванович Шутов, питомец Казанского университета; с 1842 по 1845 г. — учитель Петр Осипович Компер; последним учителем восточных языков здесь был Алексей Афанасьевич Алиев.[321]

В связи с организацией факультета восточных языков С.-Петербургского университета Восточный институт при Ришельевском лицее был закрыт в 1856 г.[322]

8. Общество востоковедения (1900—1918). Курсы восточных языков (1901—1903). Курсы востоковедения (1906—1909). Практическая восточная академия (1910—1918)

В 1900 г. по инициативе известной переводчицы русских классиков на турецкий язык Ольги Сергеевны Лебедевой (1854—?)[323] при поддержке Министерства финансов было создано Общество востоковедения с центральным управлением в С.-Петербурге.[324]

О. С. Лебедева, «суфражистка, участница ряда международных конгрессов востоковедов, поборница просвещения татарского

---

[315] ББСОТ, с. 149—152.

[316] *Михневич И.* Указ. соч., с. 83—84; см. еще: *Веселовский.* Сведения, с. 107 (здесь указано, что Григорьев перешел на службу в МВД в 1844 г.).

[317] ББСОТ, с. 200—201.

[318] По И. Михневичу (указ. соч., с. 88): с 1852 по 1856 г.

[319] О нем см.: *Крачковский.* Очерки, с. 115—117.

[320] «. . .на первое время, за неимением слушателей, ему (Григорьеву, — *А. К.*) приходилось обучать арабскому, персидскому и турецкому языкам гимназистов лицейской гимназии (с IV класса)» (*Веселовский Н. Н.* В. В. Григорьев. . ., с. 36).

[321] *Веселовский.* Сведения, с. 107—108.

[322] Там же, с. 108; см. также с. 39—40.

[323] ББСОТ, с. 204—205.

[324] Обзор деятельности Общества с 1900 по 1907 год. Справочные и руководящие сведения. Отчеты. Курсы востоковедения. СПб., 1907, с. 7, 13. — С декабря 1901 г. Общество состояло под покровительством в. кн. Михаила Николаевича, после смерти которого (декабрь 1909 г.) в феврале 1910 г. Обществу было присвоено наименование «императорского»; позднее Общество находилось под «августейшим покровительством» царицы Александры Федоровны.

народа, пропагандистка русской литературы в Турции, убежденная сторонница эмансипации женщин-мусульманок в России и других странах»,[325] наряду с турецким, хорошо владела татарским языком, который она изучала в Казани у Каюма Насыри.

В ответ на вопрос корреспондента газеты «С.-Петербургские ведомости», каковы причины ее долговременного проживания в Константинополе, она ответила: «Там я учусь, изучаю Коран, турецкий, арабский и персидский языки».[326]

Свои переводы из А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого на турецкий язык Ольга Сергеевна подписывала псевдонимом «Гюльнар-ханум». Деятельность О. С. Лебедевой среди казанских татар и по популяризации произведений русских классиков в Турции заслуживает обстоятельного изучения.

Общество востоковедения, учитывая далеко идущие политические и экономические интересы российских капиталистов, имело в виду прежде всего исключительно утилитарные задачи — освоение колониальных окраин Российской империи и сопредельных с нею стран Востока; однако оно камуфлировало свои истинные цели, выдвигая на первый план гуманистические устремления; «распространением среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также ознакомлением русского общества с материальными нуждами и духовной жизнью Востока содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей как в пределах России, так и вне ее» (Устав, § 1).[327]

Общество востоковедения имело широко разветвленную сеть отделений: Ашхабад, Благовещенск, Бухара, Одесса, Омск, Ташкент,[328] Тифлис, Хабаровск, Харбин.

В 1901 г. Общество востоковедения открыло «Курсы восточных языков», которые в 1903 г., за неимением слушателей, были закрыты; в 1906 г. были открыты «Курсы востоковедения» (турецкий язык преподавал К. Г. Вамваки), они в свою очередь были реорганизованы в Практическую восточную академию с трехлетним курсом обучения (занятия в ней начались 12 января 1910 г.).[329]

Практическая восточная академия делилась на разряды и отделы: японский, китайский, монгольский, персидский и балканский разряды; военный, коммерческий, консульский и окраинно-административный отделы.[330] Особого ту-

---

325 *Каримуллин А. Г.* О. С. Лебедева — «Гюльнар-ханум». — НАА, 1977, № 3, с. 146.

326 Там же, с. 147.

327 Обзор деятельности Общества с 1900 по 1907 год, с.7; *Скачков*, с. 278—281.

328 О Ташкентском отделении Общества востоковедения см.: *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX вв. Ташкент, 1962, с. 126—151.

329 Вестник имп. Общества востоковедения, 1916, № 8, с. 123; *Скачков*, с. 282—284.

330 Вестник. . ., № 1, с. 20.

рецкого разряда не было, но турецкий язык преподавался на балканском разряде.

Первым преподавателем и лектором турецкого языка был «окончивший ФВЯ СПб. университета турок из Македонии Александр Спиридонович Джолевский»;[331] его в следующем учебном году сменил А. Н. Самойлович (преподававший с декабря 1910 по 1917 г. с перерывом в два года),[332] лектором при нем состоял турок из Конии Хасан-Нури Кадызаде; в 1912—1914 гг. в связи с временным уходом А. Н. Самойловича турецкий язык преподавал Александр Александрович Заводовский,[333] который составил «Сборник образцов частной, торговой и официальной турецкой переписки» (СПб., 1914. 107 с., литография).

А. Н. Самойлович и Х.-Н. Кадызаде составили для своих слушателей изданное литографским способом «Руководство для практического изучения османско-турецкого языка».

В 1910 г. при Обществе были организованы «Ведомственные (Министерства юстиции) курсы грузинского, армянского и татарского языков» (руководитель — акад. Н. Я. Марр). Татарский (азербайджанский) язык преподавал С. М. Шапшал.[334] Здесь же в 1915 г. А. Н. Самойлович преподавал сартовский (узбекский) язык.

Общество востоковедения и Практическая восточная академия в 1918 г. были ликвидированы; все их имущество было передано вновь учрежденному Институту народного хозяйства.[335]

9. Общество русских ориенталистов (1910—1917)

Общество было учреждено в С.-Петербурге 12 января 1910 г.[336] Оно ставило себе целью объединить «разрозненные силы ориенталистов в одну дружную семью». Его программа: «а) изучение сов-

---

[331] Обзор деятельности Общества и Практической восточной академии за 1909—1910 гг. СПб., 1910, с. 49.

[332] «За неделю до рождества (1910 г.), — писал А. Н. Самойлович, — я стал преподавать в Практической академии теорию османского языка» (*Баскаков Н. А.* А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому. — СТ, 1973, № 5, с. 87). — Из этого же письма стало известно, что А. И. Самойлович в 1911—1914 гг. преподавал узбекский язык в Русском Географическом обществе. — Судя по программе, А. Н. Самойлович преподавал в Академии кроме османского языка «общий очерк Турции», «новую историю и государственный строй Турции» (Обозрение преподавания в Практической восточной академии при имп. Обществе востоковедения на 1911—1912 учебный год. СПб., 1911, с. 8—9).

[333] Вестник имп. Общества востоковедения, 1916, № 8, с. 126.

[334] Обзор деятельности Общества и Практической восточной академии за 1911—1912 гг. СПб., 1913, с. 13.

[335] Востоковедение в Петрограде. 1918—1922. Пгр., 1923, с. 49.

[336] Ровно за год до этого — 24 января 1909 г. — в Харбине было учреждено Общество русских ориенталистов, которое послужило прототипом для общества в Петербурге. — См.: Отчет о деятельности Общества русских ориенталистов в С.-Петербурге за 1910 год. СПб., 1910, с. 3. — По другим данным, Общество русских ориенталистов в Харбине основано в 1908 г.,

ременного Востока в лингвистическом, филологическом, историческом, общественно-политическом, экономическом и прочих отношениях; б) ознакомление русского общества с странами и народами Востока и распространение среди последних правильных и точных сведений о России; в) содействие сближению России с народами Востока на почве взаимных интересов, вытекающих из культурного взаимообщения с ними».[337]

Общество имело секции Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Следует отметить, что крупные русские востоковеды — академики, профессора и преподаватели факультета восточных языков С.-Петербургского университета — не состояли ни в Обществе востоковедения, ни в Обществе русских ориенталистов, которые поэтому не оставили сколько-нибудь заметного следа в науке. Ученые-востоковеды объединялись вокруг Восточного отделения Русского Археологического общества и его «Записок».

10. Восточный институт во Владивостоке (1899—1916)

Основной целью института являлось практическое изучение китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков; он внес значительный вклад в подготовку знатоков-практиков Дальнего Востока; подробнее см.: *Скачков*, с. 252—259; *Григорцевич С. С.* Из истории отечественного востоковедения. Владивостокский восточный институт в 1899—1916 гг. (СВ, 1957, № 4, с. 131—140).

11. Училища, школы, гимназии и другие учебные заведения с преподаванием тюркских языков

В 1744 г. в Оренбурге была основана Т а т а р с к о - к а л м ы ц к а я ш к о л а «для приготовления переводчиков этих языков» (см. с. 86).

О м с к а я а з и а т с к а я ш к о л а переводчиков по пограничному управлению Сибирской линии (1789—1836) готовила переводчиков татарского, монгольского, маньчжурского языков; «для первого из них положен комплект в 20 учеников при одном учителе».[338] 20 декабря 1836 г. школа была закрыта, а ученики ее были переведены в Омское училище Сибирского линейного казачьего войска, где продолжалось преподавание трех названных

см.: *Веревкин И.* Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов. — Вестник Азии, 1909, № 1, с. 272—278; *Новиков И.* Задачи Общества русских ориенталистов в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока. — Там же, с. 1—19; *Автономов Н. П.* Общество русских ориенталистов (Исторический очерк). — Там же, 1926, № 53, с. 413—448. См. еще: *Игнатьев С. И.* Наши востоковеды. (По поводу возникновения нового общества русских ориенталистов в С.-Петербурге). — Исторический вестник, 1910, № 8, с. 603—613.

[337] Устав Общества русских ориенталистов. СПб., 1910, § 1.

[338] *Веселовский.* Сведения, с. 57.

восточных языков. Омское училище в 1845 г. было преобразовано в кадетский корпус, который в свою очередь в 1869 г. реорганизован в Омскую военную прогимназию (проект реорганизации Оренбургского (Неплюевского) и Сибирского корпусов возник еще в 1863 г.; проект был утвержден в апреле 1869 г.),[339] здесь татарский и персидский языки преподавались до 1875 г.

Тобольское Главное народное училище в конце XVIII в. открыло класс татарского языка, который вел священник Софийского собора Иосиф (Осип) Иванович Гиганов, автор первой печатной грамматики татарского языка (см. с. 259).

Неплюевское военное училище,[340] основанное в Оренбурге в 1824 г. (торжественное открытие которого состоялось 2 января 1825 г.), было названо в честь И. И. Неплюева, управлявшего Оренбургом в середине XVIII в. и сделавшего значительный денежный вклад на устройство этого училища. Первоначально контингент набора составлял 40 учеников. Курс обучения был определен шестилетний; классов было три: низший, средний, высший.

Цели и задачи училища были определены следующим образом: «Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных предметов учения, образование переводчиков, офицеров для иррегулярных войск здешнего корпуса и распространение просвещения между азиатцами есть цель сего заведения».[341] «В число общих и военных предметов введены были восточные языки: арабский, татарский и персидский. В низшем классе положено преподавать грамматику арабского, татарского и персидского языков; в среднем — синтаксис их и сочинения по правилам грамматики, в высшем — чтение авторов на арабском, татарском и персидском языках».[342]

Одним из первых преподавателей арабского и персидского языков здесь был П. И. Демезон (см. с. 182). С 1837 г. татарский язык преподавал Салихджан Кукляшев, питомец Казанского университета, позднее — Мартиниан Иванов (см. с. 262).[343]

Военные гимназии и прогимназии [344]

В Сибирской военной гимназии (г. Омск), преобразованной в 1866 г. из Сибирского кадетского корпуса, с 1869 по 1875 г. преподавался татарский язык; в Оренбургской прогимназии он

---

[339] Там же, с. 60.

[340] Архив Неплюевского военного училища (позднее кадетского корпуса) хранится в Центральном гос. военно-историческом архиве (ЦГВИА) в Москве (ф. 1754).

[341] Описание торжественного акта открытия в Оренбурге Неплюевского военного училища, состоявшегося 1825 года января 2-го дня. . . — ЦГВИА, ф. 1754, ед. хр. 1, л. 35 об.

[342] *Веселовский.* Сведения, с. 59.

[343] Там же, с. 109.

[344] Данные о гимназиях почерпнуты из работы: *Веселовский.* Сведения, с. 57—60; см. еще: МИФВЯ, I, с. 8—10, 32—34.

преподавался с 1869 по 1875 г. В Омской прогимназии, созданной в 1869 г. на базе Омского казачьего училища, «также учреждено было отделение на 30 воспитанников для приготовления переводчиков восточных языков на службу в Западно-Сибирском военном округе. Но в 1871 г. оно было упразднено. . .».[345]

Тобольское главное народное училище в 1810 г. было реорганизовано в Тобольскую гимназию, в которой также преподавался татарский язык; по дополнительным правилам к уставу учебных заведений от 21 марта 1849 г. в названной гимназии было разрешено ввести для желающих преподавание его вместо греческого. Первым учителем татарского языка (с 1810 г.) здесь был Сейфуллин.

В Томской гимназии с 1851 г. было введено преподавание татарского вместо греческого.

В Оренбургской гимназии с августа 1853 г. татарский язык был введен в качестве обязательного предмета для всех учеников; «исправляющий должность старшего учителя татарского языка [был] Коропочинский».[346]

При Новочеркасской гимназии в сентябре 1850 г. разрешено было открыть «Отделение восточных языков для образования военных переводчиков в Отдельный кавказский корпус»; занятия начались в 1853 г. Преподавались языки арабский, татарский, аварский; курс был двухгодичный. В 1851 г. старшим учителем турецкого языка был назначен кандидат Казанского университета Иосиф Адамов; в 60-х годах прошлого столетия татарский язык преподавал Абдуль-Гасан Везиров.

В Тифлисской гимназии (основана в 1829 г.) по уставу 1853 г. грузинский и татарский (азербайджанский) языки «были обязательны для всех учеников первых двух классов». «Татарский» здесь вели Юсуф Шахназаров, Л. З. Будагов (1840—1844), питомец Казанского университета Иван Григорьев и (с 1858 г.) Мирза Джебраил Исрафилов, родом из Дербента.

В Кутаисской гимназии, «как и в Тифлисской, введено было преподавание языков грузинского и турецкого. По Положению 1853 года грузинский язык сделан обязательным для всех учеников, турецкий же — только для казеннокоштных воспитанников».[347]

В Ставропольской гимназии (основана 1 июля 1837 г.) преподавались татарский и армянский языки (последний обязательно только для армян); в 1848 г. введено преподавание черкесского. В Саратовской гимназии в конце 30-х и в 40-х годах учителем татарского языка был Г. С. Саблуков.

В Астраханской гимназии татарский преподавался с 1837 г.[348] Здесь «с 1843 года учительствовал воспитанник Казанского университета Ильин Виктор».

---

[345] *Веселовский.* Сведения, с. 60.
[346] МИФВЯ, I, с. 109.
[347] *Веселовский.* Сведения, с. 31.
[348] МИФВЯ, I, с. 8.

В Симферопольской гимназии в 1827 г. было открыто «татарское училищное отделение, имеющее целью образование учителей для городских и сельских училищ. В отделении воспитываются на счет казны 20 человек, преимущественно из духовного звания, татарских детей»;[349] в 50-х годах XIX в. заведовал отделением и преподавал татарский язык титулярный советник Абд-ал-Рахман-челеби Крым-Ховаджи, автор учебного пособия «Татарско-русские разговоры с присовокуплением пословиц, басен, образцов для склонений и спряжений татарских слов», изданного в Казани в 1850 г.[350]

В Ташкентскую учительскую семинарию (основана 30 августа 1879 г.) — директором ее был Николай Петрович Остроумов (1846—1930)[351] — наряду с русскими принимались дети узбеков. В семинарский курс первоначально были введены узбекский и персидский (таджикский) языки;[352] первым преподавателем восточных языков был Я. Я. Лютш.[353]

В 1881 г. вместо названных языков стали преподавать киргизский (казахский) язык; Я. Я. Лютш для обеспечения этого курса составил пособие «Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы Туркестанского края» (Ташкент, 1883. 251 с.).

В 1884—85 учебном году в Семинарии вместо казахского языка было введено преподавание узбекского языка; продолжалось преподавание таджикского языка. С января 1885 г. до мая 1890 г. эти языки преподавал превосходный знаток местных языков и этнографии узбеков и таджиков Владимир Петрович Наливкин (1852—1918), автор ряда пособий по узбекскому и таджикскому языкам.[354]

Восточные языки здесь преподавали М. С. Андреев (1894—1896),[355] В. П. Наливкин, В. С. Яковлев, А. А. Ломакин,

---

[349] Там же.

[350] *Веселовский.* Сведения, с. 111; МИФВЯ, I, с. 110.

[351] ББСОТ, с. 229—231; *Лунин.* Историография, с. 259—271; Список печатных трудов директора Туркестанской учительской семинарии Н. П. Остроумова за время службы его в Туркестанском крае с 1877 по 1917 гг. [б. м.; б. г.].

[352] *Кочаров В. Т.* Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865—1917). Ташкент, 1966, с. 74 (далее, на с. 75, приведено расписание, где указаны предметы восточного цикла: «Сартский язык, персидский язык, восточная каллиграфия»).

[353] ББСОТ, с. 206—207.

[354] ББСОТ, с. 222—223; *Лунин.* Историография, с. 247—258. — Подробнее о деятельности Семинарии см.: *Остроумов Н. П.* Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 VIII 1879—30 VIII 1904). Ташкент, 1904; Туркестанская учительская семинария и ее воспитанники. Ташкент, 1898; *Граменицкий С. М.* 1) 25-летие учебного дела в Туркестанском крае [б. м.; б. г.]; 2) Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. — Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. V, 1898, отд. 1, с. 1—81.

[355] ББСОТ, с. 103—105; *Акрамова Х. Ф., Акрамов Н. М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев (научно-биографический очерк). Душанбе, 1973. 223 с.

А. Абдульгафаров, Х. Ибрагимов, С. Ходжаев, С. М. Сычев.[356]

В Ташкентской учительской семинарии получили образование видные востоковеды М. С. Андреев, В. Л. Вяткин, П. Е. Кузнецов, К. К. Юдахин.[357]

Ташкентское реальное училище (основано 20 декабря 1893 г.) включило в свою программу преподавание узбекского языка (вел его Таирбек Киясбеков).[358] М. С. Андреев, преподаватель училища, составил «Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище» (1899). Другой преподаватель этого училища, Л. А. Зимин,[359] составил «Учебник сартовского языка, основанный на натуральном методе» (вып. 1. Изд. 2-е. Ташкент, 1914).

В 1907 г. В. Н. Дунин-Барковский открыл в Ташкенте Коммерческое училище — частное учебное заведение, в котором преподавались восточные языки.[360] В Кокандском коммерческом училище узбекский язык преподавал М. М. Оракулов.

Русско-туземные школы в Туркестанском крае сыграли важную роль в распространении знания русского языка среди местного населения.

Ташкентская офицерская школа восточных языков при штабе Туркестанского военного округа[361] была создана на основе объединения «курсов обучения офицеров языку индустани (урду)», которые были учреждены почти одновременно в Ташкенте (1 октября 1897 г.) и в Ашхабаде (16 декабря 1897 г.). Преобразование курсов в школу состоялось 11 сентября 1900 г.; в школе, кроме урду, изучали английский (с 1904 г.), персидский, сартовский (с 1905 г.) языки, мусульманское право (с 1906 г.), историю и военную статистику Средней Азии и сопредельных стран (с 1910 г.), а также афганский и китайский языки (с 1911 г.). Персидский и индустанский языки преподавал И. Д. Ягелло, узбекский — Саид Расул Ходжа, Саид Азиз Ходжаев и Таирбек Киясбеков, мусульманское право — П. П. Остроумов, историю Средней Азии и сопредельных стран — А. А. Семенов. Школа издавала «Вестник» (с 1911 по 1913 г. вышло четыре выпуска) и «Приложения к Вестнику» (вышло два выпуска в 1911 г.). Школа прекратила свое существование, по-видимому, в начале первой мировой войны (1914—1918).

«Платные вечерние курсы сартовского и персидского языков для желающих русских» были открыты Ташкентским отделением Общества востоковедения (см. с. 186) в 1902 г.; первым преподавателем узбекского языка был П. Е. Кузнецов.

---

[356] *Кочаров В. Т.* Указ. соч., с. 80.
[357] Там же, с. 79.
[358] Там же, с. 102.
[359] ББСОТ, с. 164—165.
[360] *Лунин Б. В.* Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. — ОИРВ, сб. VI, с. 323.
[361] *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX в. Ташкент, 1962, с. 151—155.

В 1911 г. были учреждены вечерние курсы сартовского языка, на которых «теорию преподавал офицер Атаев, практику вел Сеид Расул Сеид Азизов»; основным пособием была книга В. П. Наливкина «Руководство к практическому изучению сартовского языка» (Ташкент, 1899).

Преподавание и изучение местных языков — узбекского, казахского, таджикского — в Туркестане всемерно поощрялось администрацией края; более того, Туркестанский генерал-губернатор в письме от 25 XII 1905 г. к военному министру настаивал на проведении следующих мер: «1. Предложить всем чинам администрации, до уездных начальников включительно, изучить местные языки. 2. Срок ознакомления с языком своего района — одногодичный. 3. Степень знания языка — «быть в состоянии контролировать переводчиков». . . 7. Назначить, в виде поощрительной меры, «прибавки к содержанию за изучение местного языка».[362]

Это письмо появилось в результате неудач, постигших попытки организовать изучение местных языков достаточно широким кругом военных и гражданских чиновников.[363]

Пионерами изучения Туркестана, его языков, археологии, географии, этнографии, истории, фольклора явились преимущественно чиновники и преподаватели местных школ, получившие востоковедную подготовку в Петербурге, Москве, Казани; среди них следует упомянуть И. А. Беляева, М. Ф. Гаврилова, Е. Ф. Каля, А. Л. Куна, Я. Я. Лютша, Н. П. Остроумова, Н. Г. Маллицкого, А. А. Семенова, М. С. Андреева, И. Д. Ягелло, В. Л. Вяткина, В. П. Наливкина и др.[364]

Важную роль в изучении Туркестана сыграли научные общества, возникшие в Ташкенте и Ашхабаде (Асхабаде) в конце XIX в.[365]

О школах для коренного населения Туркестана в дооктябрьский период см. работы В. В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана» (соч., т. II/1, с. 297—318) и К. Е. Бендрикова «Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924 гг.)» (М., 1960. 512 с.).

Низшие учебные заведения[366]

Акмечетское (Симферопольское) училище — первое низшее учебное заведение, в котором в 1809 г. началось преподавание турецкого языка.

---

[362] Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края. Под редакцией И. Д. Ягелло. Ташкент, 1906, с. 221—222.

[363] Там же, с. 220—221.

[364] Подробнее см.: *Лунин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965; *Лунин.* Историография.

[365] *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана. . .

[366] *Веселовский.* Сведения, с. 32—35, 102.

Училище в Ногайском городе (основано в 1816 г.) имело два класса: 1) русский язык и арифметика, 2) «письменный татарский язык».

В Симферопольском уездном училище в июне 1810 г. было открыто «татарское отделение, в котором положено преподавать языки турецко-татарский и арабский».

В Феодосийском уездном училище (основано в 1812 г.) класс татарского языка функционировал с июня 1814 г. до апреля 1857 г., преподавал его Шейх-Челеби.[367]

В Перекопском уездном училище татарский язык преподавался с 1835 по 1850 г.

В Бахчисарайском и Карасубазарском приходских училищах он преподавался с 1837 г. (учителем во втором из них был Арифметов).[368]

12. Преподавание тюркских языков в духовных учебных заведениях. Алтайская и Якутская духовные миссии. Отношение ученых-востоковедов к научной деятельности миссионеров

Для политико-экономического освоения восточных окраин Российской империи было необходимо их предварительное «идеологическое освоение» путем привлечения живущих там народов и народностей в лоно православной церкви. Решение этой задачи взяли на себя православные миссионеры, которые проходили курс специальной подготовки в особых учебных заведениях для овладения языком и ознакомления с бытом и обычаями своих будущих подопечных.

Одним из первых миссионеров был соавтор грамматики чувашского языка архиепископ Вениамин (см. с. 207).[369]

Казанская духовная академия

Казанская духовная семинария в 1797 г. была преобразована в Казанскую духовную академию; последняя в 1818 г. снова была превращена в семинарию, которая вторично была преобразована в Казанскую духовную академию 8 ноября 1842 г. [370]

Первый преподаватель татарского языка в Казанской духовной академии (с. 1800 г.), Александр Алексеевич Троянский (1779—1824),[371] «был родом из крещено-татарского села Анизова

---

[367] МИФВЯ, I, с. 110.
[368] Там же.
[369] Подробнее см.: *Булич*, с. 431.
[370] *Покровский И.* К столетию кафедры татарского языка в духовно-учебных заведениях г. Казани (1800—1900). — Православный собеседник, 1900, май, с. 576—609; *Веселовский.* Сведения, с. 43—44.
[371] ББСОТ, с. 272—273.

Казанского уезда; значит, он вырос среди татар и владел татарским языком так же чисто и свободно, как родным».[372]

Из послужного списка, составленного в 1822 г., о нем известно следующее: «Татарского языка учитель, священник Александр Троянский, 43 лет, великороссиянин, дьяконский сын. Обучался в Казанской академии. . . По окончании учения в 1799 г. произведен Казанской губернии, Царевококшайской округи, в село Сотнуры во священники, где находился по 1800 год, в который определен при Казанской академии татарского языка учителем, сверх того в 1803 году сделан российского класса учителем, в 1808 году — катихизатором. . . По открытии же семинарии и училищ (1818). . . назначен семинарским правлением учителем татарского языка в Казанском уездном училище, а в прошлом 1821 году утвержден также учителем того же языка и при Казанской семинарии»,[373] в которой с 1820 г. было введено преподавание татарского, чувашского и черемисского языков.[374] А. Троянский составил грамматику и словарь татарского языка (см. с. 261).

Татарский язык в семинарии и училище не был обязательным; им занимались «по собственному желанию, в послеобеденное время, студенты и ученики всех классов. Число обучающихся этому языку простиралось от 20 до 100 человек».[375] В отдельных случаях духовное начальство направляло в Казанскую семинарию, в класс татарского языка, будущих преподавателей этого языка; так, например, имея в виду открыть в Вятской духовной семинарии класс татарского языка, правление этой семинарии направило в Казань в 1815 г. «студента богословия вятской епархии Гавриила Сперанского обучаться татарскому языку. . .».[376]

После смерти А. А. Троянского (2 октября 1824) татарский язык стал преподавать его ученик Алексей Онисифоров,[377] который «родился в крещено-татарском селе Юкачах Мамадышского уезда и, подобно своему учителю Троянскому, вырос среди крещеных татар и усвоил в совершенстве татарский язык. В академии он, очевидно, был самым лучшим, первым учеником на татарском классе. . .».[378] А. Онисифоров, «окончивший курс семинарии по третьему разряду» в 1820 г.,[379] начал помогать Троянскому преподавать татарский язык еще в студенческие годы (1817),[380] а позднее преподавал его в 1-й Казанской гимназии (см. с. 137).

---

[372] *Ильминский Н.* Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Казань, 1885, с. 168; см. еще с. 168—172.

[373] *Покровский И.* Указ. соч., с. 577—578. — О том, как и что преподавал А. А. Троянский, см.: там же, с. 584; *Веселовский.* Сведения, с. 100—101.

[374] *Веселовский.* Сведения, с. 48.

[375] Там же, с. 44.

[376] Там же.

[377] ББСОТ, с. 228.

[378] *Ильминский Н.* Опыты переложения. . ., с. 173—174.

[379] *Покровский И.* Указ. соч., с. 606—607.

[380] *Веселовский.* Сведения, с. 101.

В 1870 г. в семинарии число часов татарского языка было вновь увеличено, и тогда же «местная консистория постановила определить в приходы с татарским населением только таких священников, которые достаточно изучили татарский язык, для чего и был определен особый экзаменатор».[381]

Эти меры не могли не сказаться на увеличении числа слушателей, изучавших татарский, чувашский и черемисский языки; за четверть столетия (1850—1874) татарскому языку в Семинарии обучалось 1310 человек, чувашскому (1860—1871) — 361 человек, черемисскому (1859—1871) — 235 человек.[382]

После воссоздания Казанской духовной академии (1842) в ней в январе 1845 г. были образованы два разряда (кафедры) — монголо-калмыцкий и турецко-татарский, с преподаванием татарского, турецкого и арабского языков (их вел М. А. Казем-Бек).[383] В октябре 1846 г. на турецко-татарскую кафедру был назначен Николай Иванович Ильминский (1822—1891), ученик М. А. Казем-Бека, питомец Казанской духовной академии (выпуск 1846 г.), член-корреспондент Академии наук (1870), выдающийся знаток ряда тюркских языков.[384]

В 1854/55 учебном году вместо кафедр восточных языков было создано три миссионерских отделения, предназначенных для подготовки кадров с целью ведения христианской пропаганды, борьбы против мусульманского религиозного учения, буддизма и язычества среди татар, монголов, бурят, чувашей и черемисов. Начиная с 1858/59 учебного года было введено обязательное для всех студентов изучение ислама и буддизма.[385]

Ильминский преподавал в академии до 1858 г., когда расхождение во взглядах на принципы и методы преподавания с ее руководителями вынудили его оставить академию и перейти на службу в Оренбургскую пограничную комиссию младшим переводчиком.[386]

Н. И. Ильминский, выдающийся представитель казанской школы, блестящий тюрколог и арабист, глубоко увлеченный идеями миссионерства и «просветительской» деятельностью среди «инородцев», не дал ни тюркологии, ни арабистике того, что он мог бы дать.[387]

Место Ильминского занял Гордий Семенович Саблуков (1804—1880), состоявший с 1849 г. в академии бакалавром греческого языка, питомец Московской духовной академии (1826—1830), основательно знавший три ближневосточных языка, учитель Н. Г. Чернышевского по Саратовской семинарии, переводчик «Родословного древа тюрков» Абу-л-Гази и Корана на русский

---

381 Там же, с. 48.
382 Там же, с. 49.
383 Там же, с. 45, 101.
384 ББСОТ, с. 168—170.
385 *Веселовский.* Сведения, с. 45.
386 Там же, с. 101.
387 См.: *Крачковский.* Очерки, с. 125—127.

язык. Г. С. Саблуков преподавал татарский язык в Казани — в академии и семинарии — до выхода в отставку (1862).[388]

На вакантное место преподавателя татарского и арабского языков после отставки Г. С. Саблукова вновь был приглашен Н. И. Ильминский (июль 1863 г.), преподававший там до 1869 г.

В это же время был определен в Казанскую академию «основательный знаток татарского и арабского языков» Евфимий Александрович Малов (1835—1918),[389] отец выдающегося советского тюрколога С. Е. Малова, питомец Казанской академии, ученик Г. С. Саблукова, магистр выпуска 1862 г., убежденный противник мусульманства, сосредоточивший свои усилия на противомусульманской пропаганде.

В 60-х годах прошлого столетия татарский язык в семинарии преподавал Я. И. Фортунатов.[390]

В сентябре 1863 г. в целях повышения качества преподавания татарского разговорного языка был введен особый практический класс татарского языка, который был поручен священнику Василию Тимофеевичу Тимофееву, старокрещенному татарину из государственных крестьян Казанской губернии.[391]

В 1870 г. кафедру противомусульманских предметов занял Н. П. Остроумов, питомец Казанской академии (выпуск 1870 г.), ученик Г. С. Саблукова и Н. И. Ильминского, переехавший в 1877 г. в Ташкент на должность инспектора народных училищ (см. с. 191). Остроумов был крупным знатоком арабского, персидского и ряда тюркских языков, этнографом, фольклористом, знатоком ислама.

Духовные семинарии[392]

Семинарии в России были заведены во времена Петра I; в последней четверти XVIII столетия в духовных семинариях, находящихся на восточных окраинах, стали возникать классы татарского и других «инородческих» языков с целью подготовки лиц, посвятивших себя проповеди христианской веры среди местного населения.

В Нижегородской семинарии преподавались с 1783 г. татарский, чувашский, мордовский, черемисский языки; в Тобольской семинарии татарский язык преподавался с 1783 г., возобновлен после перерыва в 1846 г.; в Астраханской семинарии с 1777 г. преподавался татарский язык; в Вятской семинарии преподавание татарского языка введено в 1846 г., с 1855 г. вместо татарского введен черемисский; в Симбирской семинарии с 1858 г. преподавались татарский и чувашский языки; в Саратовской семинарии с 1856 г. введено преподавание татарского языка; в Уфимской семинарии с 1859 г. преподавались татарский и чувашский языки;

---

[388] ББСОТ, с. 250—251.
[389] Там же, с. 210—211.
[390] Там же, с. 278—279.
[391] Там же, с. 271.
[392] *Веселовский.* Сведения, с. 46—55.

в Тамбовской — татарский (с середины XIX в.); в Оренбургской — татарский и чувашский (с середины XIX в.); в Самарской — татарский (с середины XIX в.); в Томской — татарский (с середины XIX в.); в Якутской — якутский (с середины XIX в.); в Херсонской — крымско-татарский язык (с середины XIX в.); в Тифлисской — грузинский, татарский (азербайджанский) с 1868 г., осетинский (с 1868 г.); в Кавказской (Ставропольской) семинарии (основана в 1846 г.) — калмыцкий, татарский (кумыкский), осетинский (с 1847 г.).

Преподавание восточных языков в миссионерских целях велось также в Астраханской, Вятской, Донской, Иркутской, Пермской, Самарской семинариях.[393]

Духовные училища[394]

В первой половине XIX в. в духовных училищах взамен древнееврейского языка было введено преподавание татарского, чувашского, черемисского, монгольского, якутского, маньчжурского, осетинского, грузинского, черкесского, калмыцкого языков.

Татарский язык преподавался в Нижегородском, Пензенском, Далматовском, Чистопольском, Оренбургском, Пермском, Екатеринбургском, Тобольском духовных училищах; татарский, чувашский, черемисский языки — в Казанском училище, где татарский язык преподавал Габдул-(Абдул)-Кайюм Насыров (Насыри, по-татарски: Насыйри), известный деятель татарской культуры и ученый;[395] чувашский и черемисский языки — в Чебоксарском училище; «татарский» и калмыцкий языки — в Астраханском и Ставропольском училищах; якутский язык — в Якутском училище; татарский (азербайджанский), черкесский, грузинский, осетинский языки — в Тифлисском, Кутаисском, Телявском училищах.

В Горийском уездном училище в 30-х годах XIX в. учительствовал Сараджев, автор хрестоматии «татарского» языка.[396]

По уставу духовных училищ 1869 г. восточные языки были исключены из учебных программ.

Алтайская и Якутская духовные миссии

15 декабря 1828 г. была основана Алтайская духовная миссия «для обращения в христианство татар и калмыков, идолопоклонников шаманского суеверия».[397] Первым начальником миссии был «образованный, основательно ученый, знаток языков древних и

---

[393] Там же, с. 55.
[394] Там же, с. 55—56.
[395] Памяти этого выдающегося татарского ученого, поэта и педагога посвящены сборники: Каюм Насыри. 1825—1945. (Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения). Казань, 1948; Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976; см. еще: ББСОТ, с. 224—225.
[396] *Веселовский.* Сведения, с. 111.
[397] Алтайская церковная миссия. СПб., 1865, с. 111.

новых» архимандрит Макарий (до монашества — Михаил Яковлевич Глухарев; 1792—1847).[398] Первоначально полем деятельности миссии был избран Бийский округ, населенный бийскими и кузнецкими татарами.

Вскоре выяснилось, что «знание самими миссионерами местных наречий составляет надобность непреложную».[399] Началось составление словаря и перевод молитв и богослужебных книг на алтайский язык. Во время 13-летнего пребывания среди бийских и кузнецких татар (1830—1843) Макарий (Глухарев) «ревностно занялся собиранием слов и речений алтайского языка».

Выдающимся знатоком языков и этнографии народностей Алтая был Василий Иванович Вербицкий (1827—1890),[400] сын дьячка Нижегородской епархии, питомец Нижегородской семинарии, 12 января 1853 г. поступивший на службу в Алтайскую духовную миссию. В течение 37 лет Вербицкий занимался миссионерской деятельностью на Алтае. В истории русской тюркологии В. И. Вербицкий оставил заметный след участием в составлении сыгравшей важную роль в истории грамматической разработки тюркских языков «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869) и составлением «Словаря алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884); на этот Словарь одобрительной рецензией отозвался В. В. Радлов (ЗВОРАО, 1888, т. III, с. 139—141). В. И. Вербицкому принадлежит ряд статей по этнографии алтайцев.

Якутские миссионеры уже в начале XIX в. стали переводить на якутский язык и издавать основные христианские вероучительные книги, которые служили — вместе с фольклорными и другими записями — материалом для первоначального изучения якутского языка.[401]

Первым практическим пособием для изучения якутского языка в миссионерских целях была «Краткая грамматика якутского языка», составленная протоиереем Д. Хитровым и изданная в Москве в 1858 г., на которую рецензией отозвался О. Н. Бётлингк.[402] Существенную помощь советами и лексическими материалами оказали в свое время Э. К. Пекарскому священники-миссионеры Василий Попов и Дмитриан Попов.[403]

Миссионерское общество (основано 16 июля 1865 г.) на свои средства издало ряд пособий для изучения тюркских языков.[404]

---

[398] ББСОТ, с. 147—148; *Ашнин Ф. Д.* 1) Первая печатная научная грамматика алтайского языка. Проблема авторства. — ТСб. 1975. М., 1978, с. 40—42; 2) Первая печатная научная грамматика алтайского языка. (Вопрос о названии). — ТСб. 1977, М., 1981, с. 7—20.

[399] Алтайская церковная миссия, с. 114.

[400] ББСОТ, с. 137—138.

[401] Подробнее см.: *Убрятова.* Очерк, с. 4—5.

[402] Там же, с. 16—17.

[403] См.: *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка, т. I, с. I—IV (Предисловие).

[404] *Остроумов Н.* Татарско-русский словарь. Казань, 1892; *Воскресенский Л.* Русско-татарский словарь, с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов. Казань, 1894.

Отношение петербургских академических и университетских востоковедов к специфической научной и практической деятельности миссионеров было с полной ясностью выражено признанным главой петербургского востоковедения академиком В. Р. Розеном (1849—1908), заявившим на примере разбора одной миссионерской работы, что специфические тенденции развития миссионерского востоковедения таят в себе большую опасность для науки и что с ними следует вести систематическую борьбу, «разъясняя несоответствие его элементарным требованиям науки и научной критики».[405]

Выраженное В. Р. Розеном отношение к научной деятельности востоковедов Казанской духовной академии — еще одно свидетельство строго научной, антиклерикальной и антиколониальной основы, на которой развивалось академическое и университетское востоковедение в Петербурге и Москве.

---

[405] ЗВОРАО, 1886, т. I, с. 38—45; см. еще: *Крачковский.* Очерки, с. 130.

V

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ

Непосредственному составлению пособий по тюркским языкам в России предшествовал длительный период собирания и объяснения «чужих слов», заимствованных в русский язык; в «азбуковниках» и «алфавитах иностранных речей» были зарегистрированы и объяснены многие нерусские слова, в том числе и тюркские (см. с. 30).

В 60-х годах XVIII в. был заложен первый камень в фундамент научного изучения тюркских языков в России: в 1769 г. в 1-й Казанской гимназии началось преподавание татарского языка; в том же году в Петербурге была издана первая грамматика чувашского языка (см. с. 207). Именно эти годы следует считать началом научного этапа в истории отечественной тюркологии, которому предшествовал многовековой период практического знакомства русских с тюркскими языками.

Библиография трудов по тюркскому языкознанию за два века его существования представлена обширным списком изданий.

Отсутствие полной сводной библиографии по отечественному тюркскому языкознанию дооктябрьского периода поставило меня перед необходимостью привести здесь по возможности полный перечень тюркологических трудов, снабженный аннотациями, чем и объясняются особенности оформления справочного аппарата этой главы (все необходимые сведения приведены в тексте).

Обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий

В этом разделе фактический материал по каждому из тюркских языков излагается в соответствии (с некоторыми незначительными изменениями) с классификацией тюркских языков Н. А. Баскакова: «Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, исправленное и дополненное» (М., 1969, с. 230—350).

Не потерял своего значения (как историко-этнографический справочник) труд Н. А. Аристова:[1] «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (ЖС, вып. III и IV. СПб., 1896, с. 277—456);[2] см. также: Н. Бра-

[1] ББСОТ, с. 106.
[2] Рецензия: *Бартольд.* Соч., т. V, с. 266—279.

вин и И. Беляев. Указатель племенных имен в статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен. . .» (Зап. РГО, 1903, т. XXVIII, вып. II, с. 3—32).

Классификация тюркских языков

I. Булгарская группа

1. Булгарский язык
2. Хазарский язык
3. Чувашский язык

II. Огузская группа

1. Азербайджанский язык
2. Гагаузский язык
3. Турецкий язык
4. Туркменский язык
5. Трухменский язык
6. Язык тюркских рунических памятников

III. Кыпчакская группа

Кыпчакско-половецкая подгруппа

1. Караимский язык
2. Карачаево-балкарский язык
3. Кумыкский язык
4. Крымскотатарский язык
5. Урумские говоры Северного Приазовья
6. Язык литовских/белорусских татар

Кыпчакско-булгарская подгруппа

1. Башкирский язык
2. Татарский язык

Мишарский диалект
Диалекты сибирских татар
Говор касимовских татар

Кыпчакско-ногайская подгруппа

1. Казахский язык
2. Каракалпакский язык
3. Ногайский язык
4. Язык юртовских татар

IV. Карлукско-уйгурская группа

1. Древнеуйгурский язык
2. Новоуйгурский язык
3. Язык желтых уйгуров

4. Саларский язык
5. Лобнорский язык
6. Узбекский язык

V. Уйгуро-огузская группа

1. Тофаларский (карагасский) язык
2. Тувинский язык
3. Хакасский язык
4. Шорский язык
5. Чулымско-тюркский язык

VI. Киргизско-кыпчакская группа

1. Алтайский язык
2. Киргизский язык

VII. Якутская группа

Якутский язык

В соответствии с порядком приведенной выше классификации, рассмотрим историю изучения названных языков.

I. Булгарская группа

1. Булгарский язык. О языке булгар, или болгар, древнего населения Булгарского государства, образовавшегося в конце VII—начале VIII в. на Волге и Каме, равно как и о языке дунайских болгар, известно очено мало. Арабский географ Истахри «сообщает, будто язык волжских болгар похож на язык хазар — известие, которое заслуживает тем большего внимания, что тот же географ определенно указывает на близкое языковое родство всех тюркских народов: от киргизов и тугузгузов на востоке до гузов на западе. . ., а также на тюркское происхождение баджанаков, т. е. печенегов».[3]

Ибн-Русте (X в.) утверждал: «Язык болгар сходен с языком хазар, язык русов различен от языка хазар и буртасов».[4]

Булгарское царство было уничтожено осенью 1236 г. или осенью 1237 г.[5]

По современным классификационным признакам, языки булгарский, хазарский и современный чувашский относятся к булгарской группе тюркских языков.[6]

---

[3] *Бартольд.* Соч., т. V, с. 509; см. еще: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 115; *Шахматов А. А.* Заметки о языке волжских болгар. — Сб. МАЭ, 1918, т. V, с. 395—397.

[4] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб., 1870, с. 219.

[5] *Бартольд.* Соч., т. V, с. 518.

[6] *Баскаков.* Введение, с. 231—238; ср. мнение М. З. Закиева, который, отрицая преемственную связь чувашского и булгарского языка, считает, что

Древнейшие сведения о фонетико-грамматическом строе булгарского языка сохранились в эпитафиях надгробных памятников, в венгерских хрониках, в славяно-булгарском княжеском именном листе.[7]

Начало обследования булгарских надгробий, находившихся в г. Булгаре (на Волге), датируется 1722 г.: Петр I, направляясь в персидский поход, осмотрел развалины Булгара и приказал казанскому губернатору Салтыкову списать и перевести на русский язык тексты надгробий с Булгарского городища, а также принять меры к реставрации некоторых строений. «В бытность нашу в Булгарах, — писал Петр I, — видели мы, что у старинного булгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный надлежит подделать вновь . . . Из Астрахани во 2 день июня 1722 г. получено в Казани июня в день 1722 г.».[8]

Первые сведения о самой древней булгарской надписи, датированной 1173 г., с Билярского кладбища сообщил П. И. Рычков; этот памятник, как все надгробия из Билярска, не дошли до нашего времени.[9]

Русский перевод сохранившихся булгарских памятников впервые был опубликован академиком И. И. Лепехиным (см. с. 69). Позднее, в XIX в., свои переводы этих памятников предложили Г. Ю. Клапрот, Ф. И. Эрдман, И. Н. Березин,[10] Н. Ф. Катанов [11]

чувашский язык «образовался в Среднем Поволжье задолго до прихода сюда булгар. . .» (*Закиев М. З.* Об истоках языка основных компонентов казанских татар (к этногенезу тюркских народов Поволжья и Приуралья). — В кн.: Вопросы татарского языкознания. Казань, 1978, с. 41). До М. З. Закиева примерно аналогичную точку зрения на этническую и языковую принадлежность булгарской эпиграфики высказал Г. В. Юсупов в своей книге «Введение в булгаро-татарскую эпиграфику» (М.—Л., 1960). Против утверждения М. З. Закиева, что чувашский язык не имеет отношения к булгарскому языку и является изолированным тюркским языком и что булгарский язык относится к языкам огузокыпчакского типа, решительно возражает Н. А. Баскаков в Предисловии (с. 5) к книге: *Федотов М. Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков, I. Чебоксары, 1980. — Почти вся книга М. Р. Федотова посвящена полемике с М. З. Закиевым. А. Зайончковский решительно выступает против сближения хазарского и чувашского языков: *Zajączkowski A.* Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947, s. 54—55.

[7] Подробнее см.: *Баскаков.* Введение, с. 231—232; здесь же основная библиография, к которой теперь следует добавить: PhTF, I, 685—695; *Tryjarski E.* Protobulgarzy. — In: *Dąbrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E.* Hunowie, Europejscy, Protobulgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. Wrosław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, s. 147—378 (обширная библиография, с. 357—374); *Róna-Tas A., Fodor S.* Epigraphica Bulgarica. A Volgai Bolgár-török feliratok. Szeged, 1973.

[8] *Юсупов Г. В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960, с. 8.

[9] Там же, с. 46.

[10] *Березин И. Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853. 91 с. (Отд. отт. из УЗКУ, 1852, кн. 3).

[11] *Катанов Н. Ф.* 1) Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. — ИОАИЭКУ, 1905, т. XXI, вып. 3, с. 263—268; 2) Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.

(исправил неточности перевода текста № 46 по изданию И. Н. Березина).

Хусаин Фаизханов/Фейзханов (см. с. 115) в статье «Три надгробных булгарских надписи» (Изв. РАО, 1863, т. IV, с. 395—404) установил правильное чтение и перевод очень важной даты — *джаити джюр* 'семьсот', сопоставив *джюр* с чувашским *джюр=чюр* 'сто'. Его догадку использовал Н. И. Ильминский «для обоснования теории булгарского происхождения чуваш, поддержанной впоследствии и другими учеными (Куник, Ашмарин, Катанов и др.). Обоснованию этой теории была посвящена также работа проф. Н. И. Ашмарина «Болгары и чуваши» (издана в 1902 г.);[12] см. еще раздел «Чувашский язык» (с. 206).

Появление и распространение арабской письменности у волжских булгар связано с принятием ими ислама (922 г.): однако влияние арабского письма опережало «официальное» принятие ислама, на что указывает следующее обстоятельство: «самые древние монеты, чеканенные в Булгаре куфическим шрифтом, являющиеся подражанием саманидским монетам, датированы 918 г.».[13] Бытовые предметы (зеркало, замок) с куфической надписью, датируемые X—XII вв., свидетельствуют о широком распространении этой графики. Наибольшее число памятников датируется концом XIII—началом второй половины XIV в.

В настоящее время в результате неутомимой деятельности советских археологов зарегистрировано свыше 250 булгарских эпитафийных памятников.

Лексика волжских булгар, запечатленная на надгробных камнях и других памятниках, представлена следующими разрядами слов: имена существительные (чины, титулы, звания, почетные прозвища, название родов, имена собственные, названия годов двенадцатилетнего цикла, название месяцев и другие нарицательные: 'год', 'девушка', 'кузнец', 'знак', 'луна'), имена числительные ('сто', 'семь', 'двадцать', 'двадцатый' и др.), имена прилагательные.[14]

Булгарские памятники конца XIII—XIV в. в стилистическо-социальном отношении представлены тремя стилями;[15] в языковом отношении эти памятники далеко не однородны, в них специалисты обнаруживают следы трех диалектов, одни из них тяготеют к современному чувашскому языку, другие — к татарскому.

2. Хазарский язык. Хазарский каганат, возникший в середине VII в. в результате распада Западного тюркского каганата, «упоминается впервые в 627 году, как могущественный союзник византийцев в войне с Персией».[16]

---

[12] *Юсупов Г. В.* Указ. соч., с. 10.
[13] Там же, с. 45—46.
[14] Подробнее см.: *Хакимзянов Ф. С.* Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.
[15] *Юсупов Г. В.* Указ. соч., с. 34 сл.
[16] *Бартольд.* Соч., т. V, с. 510; см. еще его же статью «Хазары» (там же, с. 597—601).

Хазарский каганат был огромным государством, занимавшим почти всю южную половину Восточной Европы;[17] столицей его до начала VIII в. был г. Семендер / Самандар в Дагестане, затем г. Итиль в низовьях Волги. Западные пределы Хазарии защищала крепость Саркел в низовьях Дона, известная русским летописям (в дословном переводе с хазарского) как 'Белая вежа' т. е. 'Белая (=Западная) крепость'.[18]

В середине X в. Хазария уже утратила свое былое могущество; русский князь Святослав Игоревич в 965 г. нанес ей сокрушительный удар, взяв и разорив Саркел — Белую вежу. Хазария вскоре прекратила свое существование как самостоятельное государство.

Хазарский язык — язык главного, основного ядра Хазарского каганата, объединявшего разрозненные тюркские и не тюркские племена.

Хазарский язык — язык тюркской семьи, как об этом можно судить по отдельным разделам известной из ряда источников лексики, — представлен ограниченным числом слов, упоминающихся в византийских, арабских и еврейских хрониках; среди них наиболее часто упоминаются названия родов и племен, а также имена собственные, топонимические названия, титулы и звания, отдельные имена прилагательные и существительные, известные современным тюркским языкам:[19] *кара хазар* 'северные хазары' (а не 'черные хазары'), *саркел* < *сары* ~ *сарй кел* — 'Саркел' = 'Белая вежа'.

Хазары, как полагает большинство исследователей, пользовались двумя системами письма: алфавит тюркский (разновидность рунического) и алфавит греческого происхождения.[20]

3. Чувашский язык[21] — один из обстоятельно граммати-

---

[17] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 386.

[18] *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках. — ТСб. 1975. М., 1978, с. 175.

[19] См.: *Баскаков.* Введение, с. 237—238.

[20] Подробнее см.: *Кляшторный С. Г.* Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки. — СА, 1979, № 1, с. 270—275.

[21] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898 (Обзор трудов по чувашскому языку, с. XXV—XXXI); *Кримський.* Тюрки, с. 548—552; *Булич*, с. 421—423; *Егоров.* Чувашские словари; *Егоров В. Г.* 1) Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948. 44 с.; 2) Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 100-летию со дня рождения. 2-е перераб. изд. Чебоксары, 1970. 32 с.; 3) Чувашский язык и чувашское языкознание. — Зап. НИИЯЛИ, Чебоксары, 1950, вып. 5; 4) Значение Казанского университета в деле изучения и научной разработки чувашского языка. — Там же, 1956, вып. 14, с. 258—267; 5) Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е испр. изд. Чебоксары, 1971. 204 с.; *Иванов А.* Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья, с 1756 по 1906 г. — ИОАИЭКУ, 1907, т. XXIII, с. 1—63; *Петров Н. И.* Библиографический указатель литературы по диалектологии чувашского языка, изданный на русском и чувашском языках (1827—1967). — В кн.: Материалы по чувашской диалектологии, вып. II. Чебоксары, 1969, с. 189—206; *Баскаков.* Введение, с. 238—241.

чески и лексически разработанных тюркских языков — рано привлек к себе внимание ученых.

Начало собиранию чувашского лексического материала положил академик Г. Ф. Миллер, который в своем труде «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» (СПб., 1756) впервые привел список чувашских слов и перевод на чувашский язык молитвы «Отче наш».

Первая печатная грамматика чувашского языка (и первая грамматика одного из тюркских языков, изданная в России) была напечатана, как теперь доподлинно установлено, в С.-Петербурге в 1769 г. Эта книга, носящая несколько неожиданное название — «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» (68 с. 4°), была составлена в Казанской духовной семинарии, по-видимому, при участии семинаристов из чувашей под руководством архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (Василий Григорьевич Пуцек-Григорович, 1706—1782),[22] изучавшего языки Поволжья в миссионерских целях.[23]

Эта первая грамматика чувашского языка и «первое чувашское стихотворение, опубликованное в том же (1769) году, узаконили употребление русского алфавита в чувашской письменности, а в качестве книжного языка закрепили верховой (окающий) диалект».[24]

Проблема диалектной основы чувашской грамматики 1769 г. впервые привлекла внимание выдающегося чувашеведа из чувашей Василия Георгиевича Егорова (1880—1974).[25] «По-видимому, — писал В. Г. Егоров, — грамматика эта написана была уроженцем

---

[22] ББСОТ, с. 240—241.

[23] *Булич*, с. 431—432; *Терентьев В. Т.* Еще раз о первой грамматике чувашского языка. — ВЯ, 1959, № 3, с. 139—140; *Димитриев В. Д.* Документы об издании книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». — Зап. НИИЯЛИ, Чебоксары, 1967, вып. 34, с. 153—162. — Здесь (с. 160—162) опубликованы документы, хранящиеся в ЛОАНН (ф. 3, оп. 1, д. 540, л. 49 об. 50, 159 об.; д. 319, л. 237, 238), на основании которых бесспорно устанавливается место и время издания этой грамматики (СПб., типография АН, 1769); ср.: *Егоров.* Чувашские словари, с. 115—118; *Егоров В. Г.* Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. — Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1951, с. 85—92; *Шамрай Д. Д.* К истории появления первой грамматики чувашского языка. — Зап. НИИЯЛИ, Чебоксары, 1955, вып. 12. — Изучению отражения диалектных данных в первой печатной грамматике чувашского языка посвящены разделы в статьях: *Сергеев Л. П.* 1) О памятниках чувашской письменности XVIII века. — Там же, 1970, вып. 46, с. 228—232; 2) Об одном источнике исторической диалектологии чувашского языка (из наблюдений над памятниками чувашской письменности XVIII в.). — В кн.: Вопросы истории и грамматики чувашского языка. — Труды НИИЯЛИЭ, Чебоксары, 1977, вып. 74, с. 117—129. — Долго живший в России французский историк Пьер-Шарль Левек (1737—1812), автор «Histoire de Russie», подготовил краткое изложение грамматики 1769 г. на французском языке, которое было опубликовано после его смерти: Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches par Levesque, membre de l'Institut. — JA, 1825, N 6, p. 213—224, 267—276.

[24] *Петров Н. П.* Чувашский язык в советскую эпоху. Чебоксары, 1980, с. 5.

[25] ББСОТ, с. 160.

Красночетаевского района, но для печати редактировал ее и внес поправки и дополнения кто-нибудь из низовых».[26]

Этого же мнения придерживаются С. П. Горский и Л. П. Сергеев; последнему принадлежит подробный анализ Грамматики 1769 г.[27]

Лексические материалы чувашского языка вошли в состав «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих. . .», составленного в 1785 г. под руководством епископа Дамаскина (с. 103).

По-видимому, с работой над этим словарем связаны переводы на чувашский язык катехизиса (в кратком изложении), нескольких молитв и некоторых статей светского содержания (переводили иерей Еремей Рожанский, слушатели Нижегородской духовной семинарии Григорий Рожанский и Иван Русановский), а также анонимный рукописный «Словарь языка чувашского» (1785). Позднее эти и некоторые другие материалы по чувашскому языку попали к Ф. П. Аделунгу; в настоящее время они хранятся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде (см. с. 92).

В 1804 г. в Москве миссионерами в целях распространения христианского вероучения среди чувашей был издан «Букварь с сокращенным катехизисом на российском и чувашском языках».

Чувашский язык впервые был введен в качестве предмета школьного преподавания в Нижегородской духовной семинарии в 80-х годах XVIII в.[28]

Супруги Александра Андреевна Фукс и Карл Федорович Фукс,[29] усердно занимавшиеся этнографией, фольклором и языками чувашей и татар, в статье «Поездка из Казани в Чебоксары» (Заволжский муравей, 1834, № 1—6, с. 8—11), наряду с этнографическими сведениями, опубликовали свои краткие наблюдения над грамматикой чувашского языка.

А. А. Фукс в книге «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии» (Казань, 1840. 320 с.) сообщает о некоторых бытовых обычаях и верованиях; здесь же в русской транскрипции в русском переводе приведены несколько чувашских песен (с. 82—91), молитвы и некоторые сведения по чувашской грамматике (с. 141—148), названия месяцев и дней недели (с. 165—166); на с. 135—137 приведен список всего того, «что доныне писано на их (т. е. чувашей) языке русскими буквами».

Проф. Андраш Рона-Таш (Венгрия, Сегедский университет им. Й. Аттилы) в архиве Венгерской Академии наук в фонде венгерского путешественника и этнографа Антала Регули (1819—1858), посетившего в 1841—1846 гг. Поволжье, Урал и Сибирь, обнаружил неизвестный до того времени рукописный «Свод некоторых слов

---

[26] *Егоров В. Г.* Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г., с. 90.
[27] *Сергеев Л. П.* О памятниках чувашской письменности XVIII века, с. 228—232.
[28] *Веселовский.* Сведения, с. 49.
[29] О них см.: *Аристов В., Ермолаева Н.* Все началось с путеводителя. Казань, 1975, с. 59 сл.

русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских», составленный в 1835 г. Ф. А. Волеговым.[30]

Федот Алексеевич Волегов (1790—16 IX 1856),[31] занимавшийся изучением этнографии и языков населения Волго-Камского бассейна, составил сопоставительный словарь названных выше языков, причем пришел к выводу, в его время далеко не всеми разделявшемуся: «Чуваш едва ли можно считать одноплеменными с пермяками, зырянами и вотяками по той причине, что из 200 ни одно почти слово их не сходится с языком сих последних».[32]

В 1836 г. в Казани была издана книга (без упоминания фамилии автора) под названием «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии», автором которой был протоиерей Петропавловского собора (в Казани), инспектор Казанской семинарии, магистр богословских наук Виктор Петрович Вишневский (1804—1885).[33]

В 3-м разделе, после грамматики (с. 3—67) и чувашско-русского словаря (с. 69—216), перечислены «Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках» (с. 217—246), «по примеру составленного Миллером Vocabularium Harmonicum в его „Sammlung Russische Geschichte“ (см. здесь с. 65, — *А. К.*), сколько можно было набрать таковых слов по словарю татарского языка, сочиненному священником Гигановым» (с. II—III). Татарские и особенно черемисские соответствия чувашским словам очень часто не отмечены.

«Начертанию правил чувашского языка» предшествовала краткая заметка того же автора «О чувашском языке» (Заволжский муравей, Казань, 1832, т. 3, № 20, с. 1155—1157).

Обстоятельный разбор книги Вишневского — в сопоставлении с грамматикой чувашского языка 1769 г. — сделал Г. С.[34] (вероятно, Гордий Семенович Саблуков, 1804—1880), [35] высказавший в начале статьи (с. 136—144) свой взгляд на исторические судьбы чувашского народа.

«Основоположник чувашского языкознания» Николай Иванович Ашмарин (1870—1933),[36] о котором речь пойдет впереди, дал уничтожающий (может быть, слишком суровый) отзыв о труде Вишневского: «Сочинение это, написанное лицом несведущим в восточных языках, составлено по шаблону грамматик русского языка и поэтому совершенно игнорирует оригинальные черты чу-

---

[30] *Алексеев А. А.* Ф. А. Волегов и его «Свод некоторых слов русских, пермяцких, зырянских, вотяцких и чувашских» 1835 года. — Вопросы истории и грамматики чувашского языка. Труды НИИЯЛИЭ, Чебоксары, 1977, вып. 74, с. 133. — Словарь-Свод см.: с. 137—145.

[31] О нем см.: *Алексеев А. А.* Указ. соч., с. 134—135.

[32] Там же, с. 136.

[33] ББСОТ, с. 139—140.

[34] УЗКУ, 1837, кн. 1, с. 136—168.

[35] ББСОТ, с. 250—251.

[36] Там же, с. 111—113; *Медведкова Т.* Ручьи наполняют реки. Документальная повесть. Чебоксары, 1975. 160 с. (биография Н. И. Ашмарина в литературном изложении).

вашской речи. Этой грамматикой, равно как и старинным (1820 г.) переводом Евангелия, пользовался W. Schott для своей брошюры De lingua Tschuwaschorum (1842, — *А. К.*). . .[37] Несмотря на недостаточность материалов, которыми пользовался Шотт,[38] ему, однако, удалось установить довольно верно, в общих чертах, важнейшие случаи перехода тюркских звуков в чувашском языке».[39]

Адъюнкт по кафедре русской словесности Казанского университета Василий Афанасьевич Сбоев (1807/1810—1855) [40] опубликовал две работы по истории и этнографии чувашей: «Исследования об инородцах Казанской губернии» (Казань, 1856); «Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр.» (М., 1865). До выхода в свет в виде двух отдельных книг содержание названных трудов печаталось в «Казанских губернских ведомостях»: «Заметки о чувашах. Письма к редактору „Казанских губернских ведомостей“» (1848, № 31, 32; 1849, № 10, 12, 16, 21, 27, 29, 30, 37, 42, 43, 45, 50, 52; 1850, № 45, 49, 50). 13-й раздел работы «Заметки о чувашах» посвящен чувашскому языку; здесь же автор разбирает грамматику чувашского языка 1769 г. и книгу В. П. Вишневского (см. выше).

Основная часть названного раздела посвящена анализу сходства (в части лексики и грамматики) чувашского и татарского языков; таким образом, В. А. Сбоев является одним из первых подметившим принадлежность названных языков к одной лингвистической семье.

После ряда отдельных случайных заметок о чувашском языке, встречающихся в различных статьях, посвященных этнографии и фольклору чувашей, появились работы инспектора народных школ, выдающегося чувашеведа Николая Ивановича Золотницкого (1829—1880): [41] 1) «Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. 1. Отдел звуковой» (Казань, 1871. 64 с.); 2) «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» (Казань, 1875. 279 с.); 3) «Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков» (УЗКУ, 1877, № 2, с. 578—590).

По компетентному заключению Н. И. Ашмарина, сочинения Н. И. Золотницкого «вообще полезны для каждого изучающего чувашский язык, хотя этот автор часто допускает в своих исследованиях много различных промахов. Его „Корневой чувашско-русский словарь“ остается и до сих пор (т. е. до 1898 г., когда был

---

[37] В переводе на французский язык: La langue des Tschouwaches par W. Schott. Traduit par B.-B. Paris, 1876.

[38] Первое сопоставительное исследование о чувашском языке написал Клапрот: *Klaproth J.* Comparaison de la langue des Tschouvaches avec les idiomes turks. — JA, 1828, p. 237—246.

[39] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, с. XXV.

[40] ББСОТ; с. 256—257.

[41] Там же, с. 165—166.

издан известный труд Н. И. Ашмарина, — *А. К.*) единственным сколько-нибудь сносным чувашским словарем; только на него не всегда можно полагаться, так как многие чувашские слова, там помещенные, или искажены, или переведены по-русски неправильно и непонятно. . . Грамматические формы чувашского языка Золотницкий не всегда объяснял правильно».[42]

Позднее обстоятельный разбор трудов Золотницкого осуществил В. Г. Егоров в работе: «Деятельность Н. И. Золотницкого по исследованию чувашского языка» (Зап. НИИЯЛИЭ, Чебоксары, 1957, вып. 15, с. 89—102).

Ученик Золотницкого Александр Иванович Добролюбов [43] является автором полезного для своего времени учебника чувашского языка: «Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и переводов оригинальных чувашских статей. Сочинение воспитанника Казанского частного миссионерского приюта А. И. Добролюбова. Под редакцией Ник. Ив. Золотницкого» (Казань, 1879. 60 с.).

Следуя хронологическому порядку, теперь необходимо назвать выдающийся труд Василия Васильевича Радлова (1837—1918) [44] (*Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882), в котором довольно широко используются материалы чувашского языка, причем изложению особенностей фонетики чувашского языка предшествует следующее замечание: «§ 116. Die Tschuwaschische Sprache steht in ihrer Vocalisation den Türksprachen ferner als das Jakutische». Сведения о фонетике чувашского языка см.: § 189, 192, 194, 200, 205, 211, 212, 217, 238, 246, 261, 265, 268, 289, 293, 304, 312, 338, 349, 353, 422.

Характерно (в связи с приведенным заявлением о фонетике чувашского языка), что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной В. В. Радловым (указ. соч., с 280—291), не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, так как носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена.[45]

В 1894 г. в Казани появилось «Пособие по изучению чувашского языка. По материалам Н. И. Золотнитского (Золотницкого) издал Н. [А.] Лебедев»,[46] в котором, по мнению Н. И. Ашмарина, «не заключается почти никаких новых данных по чувашскому языку

---

[42] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, с. XXVI.
[43] ББСОТ, с. 159.
[44] Там же, с. 241—245.
[45] *Федоров М. Р.* 1) Н. И. Ашмарин и В. В. Радлов о происхождении чувашского языка. — В кн.: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Чебоксары, 1971, с. 152—162; 2) Чувашский язык в семье алтайских языков, I, с. 42—50. — Другая точка зрения на проблемы языка волжско-камских булгар и его последующего развития представлена в работах М. З. Закиева: 1) Образование языка татарского народа. Казань, 1977; 2) Об истоках языка основных компонентов казанских татар (к этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья), с. 3—65.
[46] ББСОТ, с. 204.

Изложение грамматических правил занимает в этой книжке только 38 страниц, причем местами повторяются ошибки Золотницкого, а иногда автор выдумывает формы, в чувашском языке не существующие».[47]

Последним вышедшим в дооктябрьскую эпоху трудом по русско-чувашской лексикографии был «Русско-чувашский словарь» (Казань, 1909 (на обложке — 1910), 640 с.) с «Конспектом по грамматике чувашского языка» (16 с.) чуваша Николая Васильевича Никольского (1878—1961), которому в 1947 г. по совокупности трудов была присуждена ученая степень доктора исторических наук.[48]

В конце XIX столетия начинается деятельность выдающегося чувашеведа Н. И. Ашмарина, автора основополагающих трудов по фонетике, морфологии, синтаксису и лексикографии чувашского языка.

Среди трудов Н. И. Ашмарина, — который кроме перечисленных выше дисциплин оставил по себе благодарную память в изучении истории, этнографии и фольклоре чувашей, — особо следует выделить: «Материалы для исследования чувашского языка, ч. I. Учение о звуках (Фонетика), с. 1—102; Ч. II. Учение о формах (Морфология), с. 103—392» (Казань, 1898); «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. I» (Казань, 1903. XI. 570 с.; Ч. II. Симбирск, 1923. 276. IV с.).[49]

Эпоху в истории чувашской (и не только чувашской!) лексикографии составил его «Словарь чувашского языка», содержащий около 40 000 слов. Теоретической основой этого словаря явилась разработанная Н. И. Ашмариным «Программа для составления чувашского словаря» (ИОАИЭКУ, 1900, т. XVI, вып. 2, с. 243—248; Отд. отт.: Казань, 1900. 8 с.).

В 1910 г. в Казани вышел первый выпуск «Словаря чувашского языка»; в 1912 г. — второй выпуск, на котором надолго прекратилось издание этого выдающегося памятника чувашской лексикографии.

Первый выпуск «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина (в новом издании) появился в Казани в 1928 г., а последний, семнадцатый выпуск — в Чебоксарах в 1950 г.[50]

Словарь Н. И. Ашмарина, содержащий лексический материал, охватывающий почти все стороны жизни и быта чувашей дооктябрьской эпохи, «можно назвать, — писал В. Г. Егоров, — энциклопедией чувашского быта, различные стороны которого рас-

---

[47] *Ашмарин Н. И.* Материалы для исследования чувашского языка, с. XXVII.

[48] ББСОТ, с. 225—226.

[49] Детальный разбор обоих этих трудов см.: *Егоров В. Г.* 1) Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948, с. 8—20; 2) Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка; см. еще: Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания. Сборник статей. Чебоксары, 1971; здесь же список его печатных трудов (с. 261—266) и литература о нем (с. 266—270).

[50] Переиздан фотомеханическим способом: Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1970.

сматриваются здесь (т. е. в Словаре, — *А. К.*) с достаточной полнотой на основании изучения обильного рукописного и печатного материала и собственных наблюдений автора».[51]

Три словаря, три памятника тюркской лексикографии в России — В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888—1911), Э. К. Пекарского «Словарь якутского языка» (СПб., 1907—Л., 1930), Н. И. Ашмарина «Словарь чувашского языка» (1928—1950) — составляют золотой фонд тюркско-русских словарей.

Особое место в научном творчестве Н. И. Ашмарина занимают его труды по чувашской мимологии, или звукообразо-подражательным словам (имитативам); им — впервые в истории тюркского языкознания — была разработана классификация мимем и создана мимологическая терминология.[52]

Н. И. Ашмарин, начавший свою научно-исследовательскую деятельность с собирания и обработки чувашского песенного фольклора, естественно, должен был уделять особое внимание чувашской диалектологии.

В конце своего жизненного пути (1923—1926) М. И. Ашмарин — профессор Восточного факультета Азербайджанского университета в Баку — занимался азербайджанской диалектологией, оставил в ней память по себе превосходным исследованием «Общий обзор народных говоров гор. Нухи» (Баку, 1926. 190, IV с. Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана, вып. 6). Этой работе предшествовала весьма полезная «Инструкция и программа для собирания материалов, необходимых для составления словаря тюркских говоров Азербайджана» (Баку, 1924. 19 с.).[53]

Н. И. Ашмарин не мог не коснуться жгучей проблемы происхождения чувашей и места чувашского языка в кругу соседних с ним тюркских и нетюркских языков.

Решение вопроса о происхождении и этнической принадлежности чувашей из-за отсутствия письменных памятников крайне затруднительно. Первое упоминание о чувашах в русских летописях появляется только в середине XVI в. в связи с движением войск Ивана IV на завоевание Казани. Чувашей одни причисляли к финским племенам, другие считали их потомками хазар, третьи относили их к буртасам, четвертые — к аварям. До последнего времени наиболее популярной была теория б у л г а р с к о г о происхождения чувашей (см. выше).

Первым о булгарском происхождении чувашей высказался известный историк и государственный деятель В. Н. Татищев (1686—1750); в своей «Истории Российской с самых древнейших времен» он писал, что чуваши — прямые потомки волжско-камских болгар. Х. Фаизханов в названной выше статье обнаружил

---

[51] *Егоров В. Г.* Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка, с. 23.

[52] *Дмитриев Н. К.* К изучению турецкой мимологии. — В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 59—108.

[53] *Ширалиев М. Ш.* Н. И. Ашмарин и развитие азербайджанской диалектологии (к 100-летию со дня рождения). — СТ, 1970, № 6, с. 70—76.

чувашские слова в булгарских эпитафиях; это обстоятельство способствовало утверждению мнения, которого придерживались многие ученые (А. А. Куник, Н. И. Ильминский, Н. И. Ашмарин,[54] А. А. Шахматов и др.), — о том, что чуваши прямые, непосредственные «потомки древних волжско-камских булгар и что язык чувашский представляет собой новый этап в развитии древнебулгарского языка».[55]

На основании лингвистических, исторических и этнографических данных В. Г. Егоров пришел к заключению, что «в этническом составе чувашской народности булгарский элемент оставил наиболее толстый и мощный пласт. Он густо отложился и в лексике, и в грамматике чувашского языка и сыграл преобладающую роль в истории формирования чувашской народности и языка. Можно с уверенностью сказать, что словарный состав современного чувашского языка в своей тюркской части в основном булгарский с небольшими наслоениями кыпчакского и татарского элементов»; [56] см. еще с. 203.

В истории создания чувашской письменности, в истории просвещения чувашей исключительно большое значение имела деятельность выдающегося организатора народного образования чувашей — чуваша Ивана Яковлевича Яковлева (1848—1930).[57]

II. Огузская группа

1. Азербайджанский язык (кавказский татарский, закавказский татарский, адербайджанский, адербеджанский, азарбейджанский язык), его фонетический, грамматический строй и лексика в истории отечественной тюркологии получили удовлетворительное освещение в ряде работ.[58]

Одним из старейших памятников азербайджанского языкознания является сочинение «Араба филолога»,[59] которое дошло до нашего времени в шести списках — трех оксфордских, париж-

---

[54] Н. И. Ашмарин в 1902 г. опубликовал большую статью «Болгары и чуваши» (ИОИЭКУ, 1902, т. XVIII, вып. 1—3, с. 1—132; отд. отт.: Казань, 1902. 131 с.), в которой критически проанализировал материалы и воззрения своих предшественников, в особенности статью академика А. А. Куника (1814—1899), историка, филолога, этнографа и нумизмата, «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику» (ЗИАН за 1879 г., т. XXXII, Приложение 2, с. 118—161).

[55] *Егоров В. Г.* Современный чувашский литературный язык, с. 6.

[56] Там же, с. 16.

[57] ББСОТ, с. 295.

[58] *Абдулаев А. С.* Из истории преподавания азербайджанского языка. Баку, 1966. 332 с. (на азерб. яз.); *Кримський.* Тюрки, с. 490—495; *Баскаков.* Введение, с. 265—267; Азербайджанская книга. (Библиография). В трех томах. Т. I. 1780—1920. Баку, 1963, № 133, 232, 243, 252, 253, 262, 273, 293, 307, 444, 549, 570, 714, 715, 921, 929, 971.

[59] Речь идет не об арабе по рождению, а об «арабе» по культуре и воспитанию, о тюрке-мусульманине, пишущем на языке науки, на арабском языке — «латине Востока»; см.: *Мелиоранский.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. IV, сн. 2; с. XIX.

ском, берлинском и стамбульском, — известного под тремя названиями:

1) «Kitab(-i) taržuman(-i) farsî va turkî va moγolî» (Книга-руководство [для изучения] персидского, тюркского и монгольского языков);

2) «Hilyat al-lisan va halbat al-bayan» (Украшение языков и ристалище объяснений (слов));

3) «Hilyat al-insan va halbat al-lisan» (Украшение людей и ристалище языков).[60]

По мнению Ю.-З. Ширвани, «единственно правильным заглавием может считаться только то, которое указано в стамбульской рукописи глоссария — Hilyat al-insan va halbat al-lisan».[61]

Первым исследователем этого памятника был русский тюрколог и монголист Платон Михайлович Мелиоранский (1868—1906),[62] который на основании пяти списков (стамбульский — шестой — список был издан турецким ученым Килисли Ахмедом Рифатом (Бильге, 1876—1953) в 1921 г. в Стамбуле) составил критический текст тюркской части этого сочинения, перевел его на русский язык, снабдил введением и глоссарием;[63] свой труд, изданный под названием «Араб филолог о турецком языке» (СПб., 1900), П. М. Мелиоранский представил на соискание ученой степени доктора турецко-татарской словесности (защита состоялась на факультете восточных языков С.-Петербургского университета 24 марта 1901 г.).[64]

Слова «турецкий язык» в заглавии диссертации Мелиоранского обозначали о б щ е р о д о в о е понятие, соответствующее нынешнему «тюркские языки» (см. с. 14).

Ни в одном из шести списков нет указаний ни на время, ни на место составления этого труда; не названо и имя автора.

Установление имени автора — Ас-сеййид Джемаль эд-дин Ибн аль-Муханна — принадлежит директору Османского музея (Стамбул) Эдхему Халиль-бею, который приступил к изданию стамбульского списка этого сочинения в виде приложения к журналу Türk Derneği [65] (Стамбул, 1909, № 1); печатание названного сочинения прекратилось на первом отрывке. Позднее (в 1921 г.), как сказано выше, полное издание стамбульского списка было осуществлено Килисли А. Рифатом: «Kitab hilyat al-insan va halbat al-lisan yahud Lûgat-i farsî, türkçe, mogolça» (İstanbul, 1338—1340 г. х.=

---

[60] *Ширвани Ю.-З.* Некоторые замечания относительно Ибн-Муханны. — В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 298—299.

[61] Там же, с. 299.

[62] ББСОТ, с. 215—216.

[63] См. теперь: Aptulla Battal. Ibnü-Mühanna lûgati. İstanbul, 1934.

[64] *Смирнов В. Д.* Отзыв о диссертации на степень доктора турецко-татарской словесности «Араб филолог о турецком языке» П. М. Мелиоранского. — Журнал заседаний Совета С.-Петербургск. ун-та за 1901 г., 1902, № 57, с. 66—68.

[65] *Гордлевский В. А.* О «Турецком собрании» в Константинополе. Türk Derneği. — Избр. соч., т. III. М., 1962, с. 287—298; *Ширвани Ю.-З.* Указ. соч., с. 299.

=1919—1921 г. н. э.; о персидском языке: с. 1—69; о тюркском: с. 71—191; о монгольском: с. 191—230).

Что же касается времени написания этого сочинения, имеющего большое значение для истории азербайджанского языка, то «мы принуждены довольствоваться на этот счет догадками на основании некоторых косвенных указаний и соображений общего характера, которые приводят нас . . .к довольно определенному результату, а именно, что сочинение это *написано вероятно в северо-западной Персии в эпоху Хулагидов не позже XIV-го века, а может быть даже в конце XIII-го*» (курсив автора, — *А. К.*).[66]

Это мнение Мелиоранского о месте и времени сочинения исследуемого труда всецело разделял А. Е. Крымский.[67]

На основании ряда исторических экскурсов П. М. Мелиоранский считал возможным поставить вопрос, «не из Мерва ли родом был и наш автор?».[68]

К. Броккельман без колебаний полагал, что родиной Ибн Муханны была Северная Персия, т. е. Азербайджан.[69]

С. Е. Малов (1870—1957) [70] на основании анализа лексики и грамматических форм стамбульского списка сочинения Ибн Муханны сделал заключение: «. . .думаю, что не погрешу и я, если назову теперь тот язык, который так рельефно выступает в шестой рукописи сочинения Ибн Муханны и, предполагаю, выступал и у самого Ибн Муханны (а не у его переписчиков), восточнотуркестанским, кашгарским и уйгурским».[71]

Сам Ибн Муханна обратил внимание на наличие в изучаемом им языке трех «диалектов»: туркестанского, туркменского и диалекта «тюрок (у Мелиоранского: турок) наших стран»; под этим последним, по мнению П. М. Мелиоранского, следует понимать «древнеадербайджанский».[72] Наличие трех пластов-диалектов в составе языка сочинения Ибн Муханны, по весьма обоснованному предположению П. М. Мелиоранского, объясняется историческими условиями формирования тюркского населения Закавказья, Малой Азии и Северной Персии. «Состав монголо-турецкого (=тюркского) войска, с которым вторгнулся в Персию Хулагу, был несомненно разноплеменный, да и до него уже (в XI в.) в Персии успели побывать и в разных местах осесть турки (=тюрки)-сельджуки. Сельджуки происходили от огузов и принадлежали, как известно, к „южной“ отрасли турецкого (=тюркского) племени, а в войске Хулагу, вероятно, были и восточно-турецкие (=тюркские) элементы (уйгуры). До сих пор в Адербайджане наблю-

---

[66] *Мелиоранский П. М.* Указ. соч., с. XVI.
[67] *Крымський.* Тюрки, с. 491.
[68] *Мелиоранский П. М.* Указ. соч., с. XIX.
[69] *Brockelmann C.* Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, S. 7.
[70] ББСОТ, с. 211—212.
[71] *Малов С. Е.* Ибн Муханна о турецком языке. — ЗКВ, т. III, вып. 2. Л., 1928, с. 247.
[72] *Мелиоранский П. М.* Указ. соч., с. XX.

дается „борьба" южнотурецкого (=тюркского) говора с восточным и, надо думать, в древности это явление было еще сильнее».[73]

Профессор Гёттингенского университета Герхард Дёрфер (Gerhard Doerfer) в статье «Woher stammte Ibn Muhanna?» (Archäologische Mitteilungen aus Iran. Neue Folge, Bd 9. Berlin, 1976, S. 243—251) на основании анализа языка сочинения Ибн Муханны пришел к следующему выводу: языком «населения наших стран» (ahl bilādnā), о котором писал Ибн Муханна, является т у р к м е н с к о - х о р а с а н с к и й язык; что же касается родины Ибн Муханны, по его (Дёрфера) мнению, ею скорее всего следует считать центр древнего Хорасана, что значительно более вероятно, чем предположение о его происхождении из Азербайджана (с. 251).

Аргументы Г. Дёрфера в пользу туркменско-хорасанского языка сочинения Ибн Муханны не могут быть безоговорочно приняты, так как в ту пору (XIII—XIV вв.) письменно-литературный язык, базирующийся на огузских языках и их диалектах, еще не сложился и носил явные признаки «смешанного» — огузско-кыпчакского языка, что находит свое отражение и в современном азербайджанском языке.[74]

По компетентному мнению Э. Н. Наджипа, «кыпчакско-огузский язык Египта включил в себя как восточнотуркестанские, так и огузско-кыпчакские элементы как в морфологии, так и в лексике. С т а р о а з е р б а й д ж а н с к и й я з ы к в о м н о г о м с х о д е н с э т и м с м е ш а н н ы м я з ы к о м (разрядка моя, — *А. К.*). Поэтому правильнее было бы данный словарь (т. е. словарь Ибн Муханны, — *А. К.*) отнести к этому смешанному к ы п ч а к с к о - о г у з с к о м у литературному языку XIV в.

Наличие в словаре Ибн Муханны как кыпчакских, так и огузских и незначительного количества восточнотуркестанских слов, по-видимому, объясняется двумя причинами. Автор, за исключением двух случаев, совершенно не отмечает, какому диалекту принадлежит данное слово. Можно предположить, что тюркский смешанный письменный язык в той среде, в которой жил и творил составитель, стал общеупотребительным письменным языком ряда племен. Восточнотуркестанская же часть лексики проникла в словарь из книжных источников. Автор указывает, что при составлении словаря он пользовался четырьмя книгами, написанными до него. Влияние восточных языков заметно и в словообразовании» [75] и фонетике.[76]

Для истории азербайджанского и турецкого языков представляет известный интерес «Лексикони картули — Грузинский сло-

[73] Там же. — То же у известного специалиста по азербайджанской диалектологии М. Ш. Ширалиева в его статье: Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (на материале диалектов и говоров). — В кн.: Исследование по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 5—17.

[74] См.: *Ширалиев М. Ш.* Указ. соч.

[75] *Наджип Э. Н.* Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV. Авд. М., 1965, с. 30.

[76] Там же, с. 30—31.

варь» Сулхан-Саба Орбелиани, писателя, лексикографа и политического деятеля Грузии XVII—XVIII вв. В этом толковом словаре значительное число грузинских слов сопровождается переводами (в грузинской графике) на итальянский, армянский, азербайджанский и турецкий языки.[77]

Другой грузинский ученый, внесший свой вклад в изучение азербайджанской лексики и грамматики, — Теймураз Георгиевич Багратиони (1782—1846), составивший — по-видимому, во время своего семилетнего пребывания в Иране (1803—1810) — «Итальянско-персидско-тюркский [=азербайджанский] словарь»: «Vocabulario Italiano, Persico et Turco, composto Da Sua Altezza Serenossima Timurat Mirza, Principe di Georgia. Dedicato A. M. de Gardane, fratello della Sua Eccellenza l'Ambasciatore di Fransa apresso L'Imperatore di Persa». Словарь опубликован в книге: «Journal d'un voyage dans la Turquie d'Asie et la Perse, fait en 1807 et 1808» (Paris—Marseille, 1809). Азербайджанские слова приведены в латинской транскрипции. Словарь (число слов около 380, с. 4—22) сопровождается сведениями по грамматике: «Склонение имен» (с. 22—28) и «Спряжение глаголов» (с. 29—52).[78]

Для изучения истории азербайджанского и турецкого языков безусловный интерес представляет труд итальянского монаха Театинского ордена Франческо-Мариа Мадджио (Francesco-Maria Maggio, по-латински — Magius, 1612—1686), который в течение двадцати двух лет странствовал по Ближнему Востоку, побывав при этом в Армении, Грузии и Крыму. На основании личных наблюдений Мадджио написал книгу «Сочетание восточных языков, как слышатся в областях Грузии. Кн. I. Обозрение грамматических правил народного языка Грузии, или Иберии. Кн. II. Обозрение орфографии арабов и турок, а также правила турецкого языка».[79] Поскольку Мадджио точно определяет круг своих интересов в части изучения восточных языков — «как слышатся в областях Грузии», следует полагать, что речь идет, кроме грузинского языка, преимущественно об азербайджанском языке; или, по всей вероятности, как выяснит детальное изучение грамматики и лексики этого труда, речь здесь идет о «смешанном» — малоазиатском (анатолийском) тюркском литературном языке.

М. А. Казем-Бек в двух изданиях своей «Грамматики турецко-

---

[77] Подробнее см.: *Абуладзе Ц. А.* Тюркские переводы словника Сулхан-Саба Орбелиани. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.; русское резюме — с. 194—206; указатель тюркских слов в латинской транскрипции — с. 207—256).

[78] Основные положения этого труда изложены в статье: *Сеидов Ю., Кулиев А.* Ценный памятник азербайджанского языкознания. — Учен. зап. Аз. ун-та им. С. М. Кирова. Сер. яз. и лит., Баку, 1976, № 1, с. 10—15 (на азерб. яз.; русское резюме — с. 15—16).

[79] *Magius F.-M.* Syntagmation Linguarum Orientalium, quae in Georgiae regionibus audiuntur. Liber primus. Complectens Georgianae seu Ibericae vulgaris linguae institutiones grammaticas. Liber secundus. Complectens Arabum et Turcarum Orthographia, ac Turcicae Linguae institutiones. Romae, 1643; 2-е изд., Romae, 1670. — Подробнее см.: *Кононов.* Очерк, с.18; *Кримський.* Тюрки, с. 492.

татарского языка» использует только для сравнения фактический материал азербайджанского языка, а потому его труд, как не имеющий непосредственного отношения к языку «азери», рассматривается в разделе «турецкий язык» (с. 228).

Вхождение Кавказа в состав России (конец XVIII—начало XIX в.) вынудило царскую администрацию озаботиться подготовкой чиновников, знающих местные языки, культурные традиции и обычаи.

В 1829 г. было утверждено «Положение о Кавказских училищах», на основании которого в уездных училищах было положено преподавать местные языки: грузинский, армянский, татарский (азербайджанский, кумыкский), лезгинский, осетинский.

«Татарский» язык, под которым для Закавказья подразумевался азербайджанский, а для Северного Кавказа — кумыкский и, реже, ногайский, преподавался в училищах следующих городов: Тифлис, Елизаветполь, Шуша, Нуха, Шамаха, Куба, Баку, Дербент, Ереван, Нахичеван, Ахалцых, Ленкорань, Кутаиси (с 1840 г.).

По положению 1853 г. местные языки, т. е. грузинский, армянский, «татарский», сделались обязательными: в уездах Тифлисской губернии — грузинский, в уездах Закавказского края Ставропольской губернии — «татарский»;[80] под последним, как сказано выше, в Закавказских училищах понимался по современной терминологии азербайджанский язык, для Северного Кавказа — кумыкский, реже ногайский.

Необходимые пособия для преподавания «татарского» языка и для самостоятельного изучения этого столь необходимого на Кавказе языка, о котором М. Ю. Лермонтов писал: «Начал учиться по-татарски, язык которого здесь (в Закавказье, — *А. К.*), и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться»,[81] — стали появляться только в 30-х годах прошлого столетия.

Эту же мысль о значении азербайджанского языка несколько раньше (в 1831 г.) высказал А. А. Бестужев-Марлинский: «. . . писатель должен изучить „татарский язык Закавказского края", с которым, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию».[82]

На основании скрупулезных разысканий И. Л. Андроников пришел к выводу, что Мирза Фатали Ахундов обучал азербайджанскому языку не только Бестужева-Марлинского, но и Лермон-

---

[80] *Веселовский.* Сведения, с. 34; *Абдуллаев А.* Из истории преподавания азербайджанского языка. Баку, 1966, с. 7—15 (на азерб. яз.).

[81] Цит. по: *Михайлов М. С.* К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком. — Тюркологический сборник. I, М.—Л., 1951, с. 128. — Н. К. Дмитриев (Из истории русского кумыковедения. — Вестник АН СССР, 1948, № 5, с. 108) склонен был думать, что под «татарским» языком здесь следует понимать кумыкский язык; это неверно: кумыкский язык был необходим для Северного Кавказа.

[82] *Андроников И. Л.* Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, с. 151.

това и «что именно он был тем человеком, который помог Лермонтову записать сказку про Ашик-Кериба».[83]

Из сказанного А. А. Бестужевым-Марлинским и М. Ю. Лермонтовым о «татарском языке Закавказского края» следует, что азербайджанский язык в Закавказье, как и кумыкский язык на Северном Кавказе, был своеобразным Lingua franca.

Одно из первых пособий по азербайджанскому языку принадлежит известному армянскому писателю и педагогу Хачатуру Абовяну (1805—1848): [84] «Краткие правила для употребления языка тюрка [вместо «тюрки»], на коем говорят во всем Закавказском крае, в Азербайджане и почти по всей Персии» (рукопись, написанная примерно в 1837—1843 гг., хранится в Институте литературы АН АрмССР).

Лазарь Захарович Будагов (1812—1878),[85] питомец Отделения восточных языков философского факультета Казанского университета, преподавал азербайджанский и персидский языки в Тифлисе, был доцентом Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, где вел курс азербайджанского языка; ему принадлежит наряду с довольно примитивным пособием «Турецко-татарский (т. е. азербайджанский, — *А. К.*) букварь. . .» (Тифлис, 1844, 2, 36 с.) одно из лучших для того времени описание грамматического строя азербайджанского языка — «Практическое руководство турецко-татарского адербиджанского наречия» (М., 1857, VII, 278, VI с.), — составленное по модному в ту пору методу Робертсона. Большое место лексике азербайджанского языка уделено в получившем всеобщее признание труде Л. З. Будагова «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык» (т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1871. Переиздан фотомеханическим способом (с Предисловием А. Н. Кононова). М., 1960. — Рецензии (на первое издание): П. П-о (П. И. Пашино?) [86] — СПб. Академические ведомости, 11 марта 1871; без подписи — газета «Голос», СПб., 1871, № 97).

Л. З. Будагов в этом словаре сумел провести «соединение в один стройный свод материала научного с практическим, для доставления студентам Восточного факультета (С.-Петербургского университета, — *А. К.*) и лицам, изучающим азиатские наречия, такого руководства, которое могло бы служить пособием как при чтении литературных произведений, так и для разговора и письменных сношений с мусульманами» (Предисловие, с. VI).

Значительная часть лексического материала, приведенного в Словаре, снабжена указанием на источники. Подавляющее большинство этимологий Л. З. Будагова свидетельствует о его глубоком знании научных достижений современной ему тюркологии.

---

[83] Там же.
[84] ББСОТ, с. 97.
[85] Там же, с. 130—131.
[86] О П. И. Пашино см.: *Лунин.* Историография, с. 272—274.

Словарь Будагова не утратил своего значения и поныне; он является надежным пособием для чтения старых тюркских сочинений, в особенности он полезен при чтении «чагатайских» текстов.

Первым обстоятельным пособием по турецкому и азербайджанскому разговорному языку явился труд грузина Иосифа Лазаревича Цилос(с)ани, [87] майора, переводчика восточных языков при Генеральном штабе Отдельного кавказского корпуса: «Новые разговоры на российском, французском, турецком и татарском (азербайджанском) с русским произношением (транскрипциею) двух последних, разделенные на 130 частей, для употребления юношеству и всем начинающим учиться восточным языкам. . .» (Тифлис, 1856, 6, 11, 8, 607 с. — Рецензия: И. Н. Березин. — ЖМНП, 1856, ч. XCII, Отд. VI, с. 129—133).

Азербайджанский поэт Садык-оглы Мирза Шафи (Вазех), [88] преподававший в Тифлисском училище законоведение и азербайджанский язык, в содружестве с питомцем Казанского университета, преподавателем азербайджанского и персидского языков в Тифлисской гимназии Иваном Ивановичем Григорьевым [89] составили «Хрестоматию адербиджанского наречия» (оставшуюся в рукописи) и «Китаб-и тюрки — книга для чтения и переводов» (Тифлис, 1855).

Известный интерес для истории разработки грамматического строя азербайджанского языка представляет «Учебник татарско-адербейджнаского наречия, составленный учителем Отделения восточных языков при Новочеркасской гимназии Мирзою Абдуль-Хасан-Беком Визировым» (СПб., 161, VI, 207, 132 с). [90]

Преподаватель (с 1850 г.), позднее (с 1871 г.) экстраординарный профессор Лазаревского института восточных языков Лазарь Эммануилович (Мануилович) Лазарев (1822—1884) [91] изучал тюркские языки (как это утвердилось в отечественной тюркологии начиная с трудов И. И. Гиганова, М. А. Казем-Бека, Т. Макарова и др.) в сравнительно-сопоставительном плане. Укажем две его работы: 1) «Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского, с приложением краткой грамматики» (М., 1864, 114, 11, IV, 336 с.), в котором широко использован известный словарь Биянки [92] и словарь, приложенный к учебному пособию для временного курса турецкого языка, составленный Казем-Беком (см. с. 231); 2) «Сравнительная хрестоматия турецкого языка наречий османлы и Адербиджана с приложением

---

[87] ББСОТ с. 287—288; *Арджевинадзе И.* Биографические материалы об Иосифе Цилосани (Али-Амид-эфенди). — Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 1. Тбилиси, 1946, с. 21—95 (на груз. яз.).

[88] ББСОТ, с. 218—219.

[89] Там же, с. 152.

[90] О Визирове/Везирове см.: ББСОТ, с. 136.

[91] ББСОТ, с. 202—203.

[92] Этот Словарь, первоначально составленный Киффером по Лексикону Менинского и дополненный Бианки (Бьянки), выдержал три издания и был одним из самых употребительных в течение почти всего прошлого столетия (см.: *Кононов.* Очерк, с. 25).

тюркских разговоров и пословиц и с переводом их на русский язык для практических упражнений» (М., 1866, XI, 52, 296, 8 с.), она состояла из трех разделов: «I. Отрывки из Бабур-наме, из Родословной тюрок Абу-л-Гази, несколько газелей Навои; II. Образцы азербиджанского наречия; III. Статьи, написанные на османском наречии».

Среди ряда учебных пособий, словарей, самоучителей и разговорников (см. литературу выше) по азербайджанскому языку, изданных в конце прошлого и в начале текущего столетий, выделяется своей хорошо продуманной композицией «Полнейший самоучитель татарского языка кавказско-азербайджанского наречия. В 4-х частях. Составил Султан-Меджит Ганиев» [93] (Баку, 1890—1895). Этот самоучитель выдержал шесть изданий (последнее вышло в 1922 г.). 3-я часть Самоучителя Ганиева — «Русско-татарский словарь» — от издания к изданию разрасталась: в 3-м издании (1902) в словаре было 206 страниц, а в 5-м (1909) их стало уже 416. С.-М. Ганиев составил «Татарско-русский словарь» (Баку, 1901; 6-е изд. — Баку, 1922).

Старый большевик, известный партийный и государственный деятель Нариман Нариманов (1870—1925) [94] оставил след в истории изучения азербайджанского языка опубликованием «Самоучителя татарского (азербайджанского) языка для русских. Часть I» (Тифлис, 1900) и «Краткой татарско-азербайджанской грамматики» (Баку, 1899; на азерб. яз.).

Для истории азербайджанской лексикографии представляет некоторый интерес труд Кара-бея Карабекова „Полный тюрко-русский словарь» (вып. 1. Баку, 1912, с. 1—80; вып. 2. Баку, 1913, с. 81—160; вып. 3. Баку, 1914, с. 161—240; издание не закончено).

В истории попыток реформирования и замены арабского алфавита в применении к тюркским языкам первое место принадлежит азербайджанскому ученому и литератору Мирзе Фат(х)али Ахундову (1812—1878),[95] который в 1857 г. разработал проект реформированного алфавита; последний вариант его проекта нового алфавита основывался на использовании (в качестве основы) русской азбуки.[96]

Дело М. Ф. Ахундова в части совершенствования алфавита продолжал азербайджанский филолог Мамедага (Мохаммедага)

---

[93] ББСОТ, с. 146.

[94] Там же, с. 223—224; *Кочерли Ф.* Нариман Нариманов. Баку, 1965 (на азерб. яз.); *Тагиева Ш. А.* Нариман Нариманов и Восток. — НАА, 1976, № 2, с. 73—85; *Абдуллаев А. З.* Н. Нариманов и родной язык. — Уч. зап. АзГУ. Сер. яз. и лит., 1976, № 6, с. 3—8 (на азерб. яз.).

[95] ББСОТ, с. 110—111; *Мамедов Ш. Ф.* Мирза-Фатали Ахундов. М., 1978. 166 с.; *Dizdaroğlu.* Mirza Fethali Ahuntzade ve alfabe meselesi. — Dilcilere saygı. Ankara, 1966, s. 36—40.

[96] Подробнее см.: *Кононов А. Н.* Реформа алфавита в Турции. (К истории вопроса). — В кн.: История и филология стран Востока. Л., 1959, с. 158—169.

Шахтахтинский,[97] идеи которого были изложены в брошюрах: «Усовершенствованная мусульманская азбука» (Тифлис, 1879. 36 с.), «Фонетическое восточное письмо. Маленькая азербайджанская азбука» (Тифлис, 1902. 23 с.), «Фонетическая восточная азбука» (Тифлис, 1902. 32 с.), «Пояснительная записка о фонетической восточной азбуке» (Тифлис, 1902. 19 с.).

2. Гагаузский язык,[98] входящий в состав юго-западной (огузской) группы языков, наиболее близок «к говорам балканских тюрков, в частности к делиорманскому диалекту турецкого языка».[99] Гагаузы до прихода на места своего современного обитания — южные районы Молдавской ССР (Комратский, Чадыр-Лунгский, Вулканештский), юго-западные районы Одесской области Украинской ССР, северо-восточные районы Народной Республики Болгарии (небольшие группы гагаузов в начале XX столетия поселились в Казахстане и Средней Азии) — по мере движения с востока на запад подверглись воздействию булгарско-кыпчакских языков; в силу этих исторических обстоятельств гагаузский язык, будучи по происхождению языком огузского круга, — в результате длительных контактов с названными выше языками, а позднее, находясь в территориальной близости с караимским языком (на юге Украинской ССР, в Крыму, около Евпатории), со славянскими языками (русский, болгарский),[100] с молдавским языком, с которым гагаузы встретились на юге Бессарабии, куда вынуждены были из-за все возрастающего притеснения и гнета турок-османов переселиться из Болгарии (конец XVIII—начало XIX), — приобрел своеобразный смешанный характер.[101]

Первым русским исследователем языка, этнографии и фольклора гагаузов был В. А. Мошков,[102] опубликовавший ряд работ: «Материалы к изучению гагаузского наречия тюркского языка. Текст и перевод» (ИОАИЭКУ, 1895, т. 13, вып. 2, с. 70—83); «Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы» (ЭО, 1900—1902, кн. 44, с. 1—89; кн. 48, с. 98—160; кн. 49, с. 1—49; кн. 51, с. 1—80; кн. 54, с. 1—66; кн. 55, с. 1—91); «Наречия бессарабских гагаузов» (*Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, ч. X. СПб., 1904. — Тексты собраны и переведены В. Мошковым. Здесь помещен первый «Гагаузско-

---

[97] ББСОТ, с. 291; *Алиев А. Г.* Французский востоковед об азербайджанском ученом. — Учен. зап. МВСО АзССР. Сер. яз. и лит., Баку, 1977, № 1, с. 47—51 (на азерб. яз.); *Bouvat L.*) 1) Mohammed Aga Schachtakhtinsky. — Revue du monde musulman, Paris, t. II, 1907; 2) Une journal politique et litteraire en turcazeri. — JA, 1903, Septembre—Octobre.

[98] *Кримський.* Тюрки, с. 482—486; *Баскаков.* Введение, с. 257—261; *Покровская Л. А.* Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 3—11; *Державин Н. С.* О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. — СЭ, 1937, № 1, с. 80—87 (основная библиография).

[99] *Покровская Л. А.* Указ. соч., с. 3.

[100] Гагаузы — христиане.

[101] Подробнее см.: *Покровская Л. А.* Указ. соч., с. 3—6.

[102] ББСОТ, с. 219—220.

русский словарь» (с. 1—114) — около 3000 слов); «Турецкие племена на Балканском полуострове» (ИРГО, 1904, кн. 40, с. 426—436).

В. А. Мошков собрал и систематизировал большой фактический материал, углубленным исследованием которого уже в советское время занялись Н. К. Дмитриев [103] и Л. А. Покровская.

3. Турецкий язык [104] (по-турецки: Türk dili, Türkiye Türkçesi; по-французски: Turc, или Turk de Turquie, или Turquien; по-английски: Turkish, или Turkic of Turkey; по-немецки: Türkisch, или Türkei-Türkische, Reichstürkische, Anatolisch-Türkische).[105]

Язык турок, основной части подданных Османской империи, вплоть до провозглашения Турецкой Республики (29 X 1923) в научной литературе назывался по-русски турецко-татарский, османский или османско-турецкий язык; по-турецки — Osmanlı lisanı (dili); по-французски — Le Turc Ottoman; по-английски — Ottoman Turkish, по-немецки — Osmanisch-Türkische, Osmanische.

Вскоре после заключения в Кючюк Кайнарджи (21 июня 1774 г.) мира с Турцией — под влиянием все возрастающего военного и политического интереса к ней, а также, по-видимому, в связи с необходимостью дать учащимся Академической гимназии при Московском университете пособие по турецкому языку (хотя, насколько известно, там в 70-х годах XVIII в. преподавался только татарский язык, — см. с. 129) — появляется первая грамматика этого языка, выпущенная почти одновременно двумя изданиями: «Турецкая грамматика, или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка, с собранием имян, глаголов, нужнейших к познанию речей, и многих дружеских разговоров. Переведено с французского в СПб., 1776. При Арт. и инженерном шляхетском кадетском корпусе».

Год спустя в Москве появляется новое издание той же грамматики, на этот раз с указанием имени переводчика: «Турецкая грамматика, или краткий и легкий способ к обучению турецкого языка, с собранием имен, глаголов и нужнейших к сведению речей, такожь некоторых дружеских разговоров, переведенная с фрацузского языка императорского Московского Университета студентом Рейнголдом Габлицлем. В Москве, при имп. Университете. 1777 года».

Оригиналом для обоих переводов послужила «Grammaire turque ou méthode courte et facile pour apprendre la langue turque

---

[103] *Аракин В. Д.* Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). М., 1972. с. 88с.

[104] *Кримський.* Тюрки, с. 464—490; *Кононов.* Очерк, с. 49—62; *Баскаков.* Введение, с. 263—265, 268—269.

[105] Подробнее об истории термина см.: *Dilâçar A.* Lehçemizin adı. — Türk Dili. Seri. II, 1940, N 3—4, p. 48—58; *Németh J.* Osmanlı Türk dili tarihi araştımalarının yeni yolları. — VIII Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler. 1957. Ankara, 1960, p. 1—4; *Deny J.* Principes de grammaire turque. Paris, 1955, p. 12—13.

avec un recueil des noms, des verbes et des manières de parler les plus néccessaires à savoir avec plusieurs dialogues familiers. Constantinople. 1730»,[106] автором которой, как теперь установлено, был Жан-Батист-Даниэль Гольдерман (Jean Baptiste Daniel Holdermann, 1694—1730), скончавшийся (13 ноября) спустя три месяца по выходе его сочинения из печати.[107]

Грамматика миссионера-иезуита Гольдермана, уроженца Страсбурга, долго жившего в Стамбуле, находится, как теперь считают, в прямой зависимости от известной грамматики турецкого языка Фр. Менинского (1623—1698),[108] изданной в Вене в 1680 г., в 1756 г. (также в Вене) вышедшей вторым изданием.

Грамматика Гольдермана — первая книга, напечатанная в Стамбуле, в типографии Ибрагима Мутеферрика (ок. 1674—1746), наборными латинскими и арабскими литерами.[109]

Петербургское издание турецкой грамматики Гольдермана было напечатано по распоряжению «канцелярии артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса. . . на счет учреждений при оном корпусе гимназии чюжестранных одноверцев тысячу двести экземпляров в четверть листа. . . переведенной с французского на российский язык турецкой грамматики по присланному из вышепомянутой канцелярии экземпляру. . .».[110]

О цели издания этой грамматики ее переводчик, Р. Габлицль, в предисловии к своему переводу писал: «. . .Московский университет, пользуясь к оказанию своего усердия к Отечеству случаем заключенного с Оттоманскою Портою преславного для России мира, при открытии свободных по Черному морю торгов, старание употребил приобресть турецкие книги, по которым бы юношеству удобно можно было изучиться оному языку. Но как без понятия грамматических правил дальнего знания всякого языка никто не может себе обещать, то за первую должность оный Университет себе почел сию грамматику турецкую, на французском языке написанную, перевести на российский и исполнение сего поручил мне, яко своему питомцу» (с. 4).

---

[106] Перепздана фотомеханическим способом издательством E. J. Brill (Leiden). Catalogue N 484, June 1976, p. 10.

[107] *Рафиков А. Х.* Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973, с. 119—123 (на с. 121 — фото титульного листа Грамматики Гольдермана); *Tütengil C. O.* 1730-lar Türkçesine taniklar eden bir yapit. — Türk Dili, N 281, Şubat, 1975, p. 88—91; *Кононов.* Очерк, с. 24.

[108] *Кононов.* Очерк, с. 21—23; *Abrahamowicz Z.* Fr. Mesgnien Meninski. 1620—1698. — Polski Slownik Biograficzny. Kraków, 1975, s. 203, 464—466. — Во всех других источниках дата рождения Менинского — 1623 г.

[109] *Желтяков А. Д.* Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.). М., 1972, с. 20—33; *Рафиков А. Х.* Очерки истории книгопечатания. . ., с. 119 сл.; *Babinger Fr.* Stambuler Buchwesen in 18. Jahrhundert. Leipzig, 1919; *Hopp L.* Ibrahim Muteferrika (1674/5?—1746), fondateur de l'imprimerie turque. — AOH, t. XXIX/1, 1975, p. 107—113.

[110] ЛОААН; ф. 3, оп. 1, № 547, л. 99, § 140; см. еще: Сводный каталог русской книги XVIII в., т. I. М., 1962, № 1533.

Как видно из этого предисловия, цели практические, как обычно, предваряли устремления и разыскания научные.

Книга в обоих изданиях (петербургское издание (1776, 3+288+7 с.) и московское (1777, 3+585 с.)) состоит из трех основных разделов: 1) Грамматика; 2) Собрание имян (имен, — изд. 1777 г.), глаголов; 3) О разговорах (О нужнейших способах говорить, — изд. 1777 г.).

Два следующих одно за другим издания русского перевода турецкой грамматики Гольдермана — факт исключительный, поэтому вполне естественно, что И. Ю. Крачковский обратил на это внимание и объяснил его так: «. . . отличия заметны только в титульном листе и предисловии; возможно, что напечатанное в Петербурге издание получило лишь новую обложку».[111]

Московское издание этой книги напечатано на двух языках — texte en regard: слева французский оригинал, справа русский перевод. Сличение обоих изданий не оставляет никакого сомнения в том, что перед нами два довольно сильно отличающихся друг от друга перевода. Приведем один пример. Петербургское издание, с. 3: «Введение в турецкий язык. Естьли кто какому языку правильно обучаться хочет, тому во первых надлежит грамматические слова затвердить». Московское издание, с. 7: «Введение к турецкому языку. Чтоб учиться языку правильно, то надобно начинать учить грамматические термины». Следовательно, перед нами два разных текста. Однако установление этого факта не объясняет, почему потребовалось второе издание, если первое отстоит от него во времени всего на один год и напечатано очень большим по тем временам тиражом — 1200 экземпляров?!

Политическая обстановка на Ближнем Востоке в конце 20-х годов прошлого столетия явилась побуждающим стимулом к созданию практического пособия для изучения турецкого языка. За составление такого пособия взялся О. И. Сенковский (см. с. 156) и в течение 1828—1829 гг. издал две небольшие книжки — две части одного труда: «Карманная книга для русских воинов в турецких походах». В первой части (СПб., 1828. 106 с.) — два раздела: «Разговоры россйско-турецкие» (с. 1—50) и «Словарь российско-турецкий употребительнейших слов» (с. 51—106) — это первый русско-турецкий словарь (около 4000 слов). Вторая часть (СПб., 1829. 76 с.) — «Основные правила турецкого разговорного языка» — первая грамматика турецкого языка, написанная в России. Прежде всего следует отметить весьма точную транскрипцию турецкого текста русскими буквами; в этом отношении «Карманная книга» Сенковского стоит несравненно выше грамматики (в обоих изданиях) М. А. Казем-Бека (см. ниже), который как в фонетическом, так и лексическом отношении нередко свое родное, азербайджанское выдавал за турецкое.

---

111 *Крачковский И. Ю.* Турецкий первопечатник Ибрагим Мутафаррика и его работы по географии. — Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1951, с. 125; то же: *Крачковский Ю. И.* Избр. соч., т. IV. М.—Л., 1957, с. 639.

Сенковский впервые на русском языке четко и ясно, вслед за М. Вигье (см. ниже), сформулировал сущность важнейшей фонетической закономерности турецкого языка (как, впрочем, и всех других тюркских языков, за исключением современного узбекского литературного языка) — закона гармонии гласных и согласных (с. 2—7).

Первым в истории изучения турецкого языка сформулировал закон гармонии гласных и ввел в научный обиход термин — L'harmonie vocalique — француз, апостольский префект в Константинополе (1783—1802) М. Вигье (1745—1821) [112] (*Viguier M.* Elémens de la langue turque ou tables analytiques de la langue turque usuelle, avec leur développement. Constantinople, 1790. 462 p. 4°. — Переиздана фотомеханическим способом издательством E. I. Brill (Leiden). Catalogue N 484, June 1976, N 13).

«Словосочинению», т. е. синтаксису, в книге О. И. Сенковского отведено 8 страниц (с. 68—76); в этом разделе сообщаются некоторые сведения о порядке слов в предложении, о турецком и персидском изафетах и буквально несколько слов сказано о сложном предложении.

«Карманная книга» Сенковского была одобрительно встречена критикой.[113] В 1847 г., т. е. спустя почти 20 лет после издания «Карманной книги», В. В. Григорьев, ученик Сенковского, в рецензии на «Дополнение к тюркской грамматике» И. Н. Березина, касаясь истории вопроса, писал: «Превосходный знаток идиотизмов оттоманского языка, автор „Карманной книги" щеголяет в ней этим знанием, жаль только, что русские фуражиры и колоновожатые выражались бы по ней так хорошо, так красно, в таком совершенстве, что их верно не мог бы понять ни один болгарский мужик, какими населен бывший театр войны, ни один малоазиатский солдат, из которых составляются преимущественно оттоманские ополчения. Что касается до словаря, он составлен превосходно. Основные правила турецкого языка тоже совершенство в своем роде» (СПб. Академические ведомости, 1847, № 84, 85). Несмотря на такой лестный отзыв, В. В. Григорьев справедливо не считает грамматическую часть «Карманной книги» оригинальным трудом: «Основные правила — образцовое сокращение богатой содержанием, но растянутой донельзя и запутанной грамматики Вигье» (см. выше). Во время Крымской войны, в 1854 г., «Карманная книга» Сенковского была переиздана.

Одновременно с «Карманной книгой» — также в С.-Петербурге, в типографии Академии наук — был издан двухтомный французско-турецкий словарь Георгия Разиса (*Rhasis J.* Vocabulaire français-turc, P. I. St.-Pb., 1828; P. II. St.-Pb., 1829). Разис был первым преподавателем турецкого языка в Восточном институте

---

[112] О нем см.: Энциклопедический лексикон [А. А. Плюшара], т. X. СПб., 1837, с. 84; Grand dictionnaire universel du XIX e siècle. Par Pierre Larousse, t. XV. Paris, p. 1043.

[113] Рецензия (без подписи): Московский телеграф, 1829, т. XXIX, с. 96 (на первую часть); 1830, т. XXX, с. 366—369 (на вторую часть).

в Одессе, переводчиком с восточных языков при Новороссийском генерал-губернаторе (см. с. 184).

Основные принципы и цель составления словаря изложены Разисом в статье «Об издании французско-турецкого словаря» (Азиатский вестник, 1825, кн. 2, с. 153—157). Словарь Разиса — «работа для своего времени весьма почтенная» [114] — предназначался главным образом для дипломатов, а потому, по условиям того времени, исходная часть словаря оказалась не русской, а французской. В словаре наряду с латинской транскрипцией турецких слов приводится и оригинальное (арабское) начертание.

Вслед за словарем Разиса был издан в Москве в 1840—1841 гг. обстоятельный трехтомный труд Александра Ханджери (1760—1854), бывшего молдавского господаря, драгомана русского посольства в Турции (*Handjeri A.* Dictionnaire français-arabe-persan et turc, enrichi d'exemples en langue turque avec des variantes et beaucoup de mots d'arts et de sciences, t. I—III. Moscou, 1840—1841).[115] На издание этого словаря отозвались В. В. Григорьев (Одесский вестник, 1840, № 89) и Э. М. Катрмер (Journal des savants, 1844, p. 53—62).

В основу французского словника был положен словарь Французской академии, изданный в 1798 г. Словарь имел в виду удовлетворить потребность дипломатов и коммерсантов (см. предисловие, с. 1). Каждое французское слово переводится на арабский, персидский и турецкий языки; именно таким, по мнению составителя, должен быть французско-турецкий словарь (предисловие, с. 1).

Этот весьма обстоятельный словарь использовал Биянки для пополнения своего словаря во втором издании.[116]

С именем М. А. Казем-Бека (см. с. 145), члена-корреспондента АН (с 18 XII 1835), первого декана Факультета восточных языков С.-Петербургского университета, связан значительный этап в развитии нашего отечественного востоковедения вообще и тюркологии в частности. Казем-Бек в течение 23 лет (1826—1849) с успехом преподавал татарский, турецкий, персидский и арабский языки в Казанском университете и Казанской гимназии. В ноябре 1849 г. он перешел в С.-Петербургский университет, в котором занял кафедру персидской словесности.[117]

Крупным событием в истории отечественной тюркологии явился выход в свет в Казани труда Казем-Бека «Грамматика турецко-татарского языка», первое издание появилось в 1839 г., второе — в 1846 г., под несколько измененным названием: «Общая грамматика турецко-татарского языка. Удостоена Демидовской премии. Второе издание, исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора» (2, XIII, 457 с.).[118]

---

[114] *Веселовский.* Сведения, с. 107.
[115] ББСОТ, с. 283.
[116] *Bianchi T.* Dictionnaire français-turc, t. I, II. Paris, 1843—1846.
[117] ББСОТ, с. 175—178. — Его архив хранится в ЛО ААН (ф. 216).
[118] План составления учебных пособий по тюркским языкам, разработанный Казем-Беком, и сведения о составлении его грамматики см.: *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 12—19.

Второе издание было незамедлительно переведено на немецкий язык.[119]

Эта вторая по счету грамматика турецкого языка, составленная в России, должна была удовлетворить насущные потребности преподавания турецкого и татарского языков, в первую очередь в Казанском университете и в Казанской гимназии. До этого времени преподавание велось по грамматикам Гиганова и Троянского,[120] которые «могли считаться удовлетворительными. Но при новом преобразовании преподавания восточных языков [121] . . .недостаток учебных пособий для достижения новой и столь благодетельной цели сделался весьма ощутителен. Этот недостаток не могли вполне уничтожить труды иностранных ориенталистов».[122]

В основу своего труда в обоих изданиях Казем-Бек положил грамматику А.-П. Жобера (1779—1847),[123] которую перевел на русский язык И. Н. Березин, бывший в то время «студентом словесного отделения нашего (Казанского, — *А. К.*) университета по части восточной литературы. . . Желая поощрить занятия молодого ориенталиста, — пишет Казем-Бек, — я решился соединить его труд с моим и тем составить грамматику турецко-татарского языка. Перевод г. Березина, после надлежащего исправления, я сделал текстом собственно турецкой грамматики».[124]

В грамматике Казем-Бека систематически приводятся «сравнительные примечания касательно татарских наречий» и указывается «притом на главнейшие уклонения, между ними существующие».[125]

Книга (в обоих изданиях) состоит из трех частей: I. Алфавит и произношение букв, имена (существительные, прилагательные, числительные), местоимения; II. Глагол, послелоги, наречие, союз, междометие; III. Словосочинение (т. е. синтаксис).

---

[119] Allgemeine Grammatik der Türkisch-Tatarischen Sprache von Mirza A. Kasem-Beg. . . Aus dem Russischen übersetzt und mit einem Anhange und Schriftproben herausgegeben von Dr. Julius Theodor Zenker. Leipzig, 1848. 2, XXII, 272, 7 S.

[120] См. с. 259, 261.

[121] Вероятно, имеется в виду создание в 1828 г. в Казанском университете кафедры турецко-татарского языка, а также то обстоятельство, что по гимназическому уставу 1836 г. восточные языки были сгруппированы по трем разрядам: 1) арабско-персидский, 2) турецко-татарско-персидский, 3) монголо-турецко-татарский (см.: *Веселовский*. Сведения, с. 24). — М. А. Казем-Бек в гимназии преподавал «собственно турецкий язык с указанием отклонений от него казанского и других тюркских наречий» (*Веселовский*. Сведения, с. 98).

[122] *Казем-Бек М. А.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, с. III.

[123] *Jaubert P., Amédée.* Elémens de la grammaire turce à l'usage des éléves de l'école royale et speciale des langues orintales vivantes. Paris, 1823. VII, 150, 30 p.; 2-е изд. — Париж, 1833. — О нем см.: Амедей Жобер. (Некролог). — ЖМНП; 1847, ч. 53, отд. VII, с. 52; Grand dictionnaire universel du XIX-e siècle. Par Pierre Larousse, t. IX. Paris, p. 917.

[124] *Казем-Бек М. А.* Грамматика турецко-татарского языка, с. VI—VII.

[125] Там же, с. IX.

М. А. Казем-Бек не только дал подробное изложение грамматики турецкого языка в сравнении с «татарскими» языками (имеются в виду языки татар казанских, сибирских, оренбургских, а также азербайджанский язык), но и исправил, уточнил наблюдения иностранных тюркологов (Жобер, Девидс и др.). Эта работа надолго стала пособием для университетского преподавания турецкого языка в сравнительном аспекте, им пользовались в наших университетах (и за границей в немецком переводе Ценкера) в течение всего прошлого и в начале нынешнего столетия.

Если при изложении фонетики и морфологии Казем-Бек мог пользоваться схемой Жобера, то в отношении синтаксиса ему пришлось самому пролагать путь по мало исследованной области. «. . .Индоглу [126] назвал синтаксисом бессвязное изложение нескольких правил, а Жобер только при втором издании (своей грамматики, — *А. К.*) . . . покусился на составление турецкого словосочинения; но у него так сбивчива, так бедна эта часть Грамматики, что даже не может назваться тенью синтаксиса. Поэтому г. Казем-Беку предстоял совершенно новый путь, неиспытанный, и должно признаться, что ученый издатель „Семи Планет“ [127] с честью прошел по трудной дороге и далеко проник в темные области турецкого словосочинения».[128] В. В. Григорьев замечает, что раздел, посвященный синтаксису, «недостаточен, далеко не полон, но надо помнить, что это первый опыт, на который, по трудности дела, никто до него не дерзал».[129]

Эта грамматика доставила автору широкую известность. На оба издания появилось значительное число отзывов и рецензий. Среди них в первую очередь следует упомянуть «Разбор сочинения г. ординарного профессора Мирзы Александра Казем-Бека, Грамматика турецко-татарского языка, составленный г. академиком Дорном».[130] В этой обстоятельной рецензии приводится сравнительный разбор грамматик Гиганова, Хальфина, Троянского, Жобера, Девидса,[131] Менинского и Казем-Бека. Б. А. Дорн с похвалой отозвался о грамматике Казем-Бека и считал ее достойной демидовской награды.

Подробный (с дополнениями и исправлениями) разбор первого издания этой грамматики был сделан И. Н. Березиным в статье «Дополнение к тюркской грамматике», на которую краткой заметкой откликнулся анонимный автор (вероятно, В. В. Григорьев): «Будь это — произведение немецкого гелертера, — пишет автор заметки, — оно давно бы доставило автору „европейскую извест-

---

[126] *Hindoglu A.* Grammaire théorique et pratique de la langue turque, telle qu'elle est parlée à Constantinople. Paris, 1834. VII, 182 p.

[127] *Казем-Бек М. А.* Ассеб о-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. . . Казань, 1832.

[128] *Березин И. Н.* Дополнения к тюркской грамматике. — ЖМНП, 1846, № 11, с. 22.

[129] СПб. Академические ведомости, 1847, № 84—85.

[130] Десятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 17 апреля 1841 г. СПб., 1841, с. 211—247 (на нем. яз.).

[131] A Grammar of the Turkish Language, by Davids. Londres, 1832.

ность" и славу между европейскими ориенталистами. Как русский г. Березин издает свои труды на русском языке, и поэтому его замечания о турецких наречиях не будут разобраны ни в Journal des Savants, ни в журналах азиатских обществ Европы и Индии».[132]

Это по существу правильное замечание в данном случае не подтвердилось. «Дополнение» Березина было оценено по достоинству, переведено Ценкером на немецкий язык и опубликовано (с. XIII—XXII) в немецком переводе грамматики Казем-Бека (см. выше).

На первое издание появилась рецензия известного немецкого алтаиста В. Шотта;[133] обстоятельному разбору второго издания посвятил свою статью И. Н. Березин.[134]

Библиографическая заметка о втором издании грамматики Казем-Бека и «Дополнении» Березина с кратким обзором грамматик татарского языка и «Карманной книги» Сенковского написана В. В. Григорьевым.[135]

Второму изданию грамматики и переводу Ценкера посвятил статью академик О. Н. Бётлингк.[136]

На «Критические замечания» Бётлингка отозвался В. Шотт;[137] на статью Шотта последовал ответ Бётлингка.[138]

Последний по времени разбор этого труда принадлежит современному азербайджанскому ученому А. М. Демирчизаде.[139]

Грамматика Казем-Бека в части морфологии и особенно синтаксиса является безусловно большим шагом вперед в деле разработки турецкого языка. Однако следует отметить, что раздел фонетики изложен недостаточно полно: укажем хотя бы на то, что в этом разделе ни слова не сказано о сингармонизме.

Второй труд М. А. Казем-Бека по турецкому языку — «Учебные пособия для временного курса турецкого языка» (СПб., 1854, литография). На шмуцтитуле, после предисловия, приводится не-

---

[132] Финский вестник, 1847, т. XIX, № VII, отд. V, с. 40.

[133] См.: Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. Berlin, 1841, N 119—120, col. 967—976.

[134] ЖМНП, 1846, ч. LII, с. 103—129.

[135] СПб. Академические ведомости, 1847, № 84, 85.

[136] *Böhtlingk O.* Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-Bek's Türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Uebersetzung von Dr. J. Th. Zenker. — Bull. hist.-phil., 1848, t. V, N 19—20, col. 289—301; N 21, col. 321—336; N 22, col. 337—352; N 23, col. 353—368.

[137] *Schott W.* O. Böhtlingk. Kritische Bemerkungen. . . — Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausgegeben von A. Ermann. Berlin, 1850, Bd VIII, col. 27—35.

[138] *Böhtlingk O.* Entgegnung auf einen Artikel von Herrn Schott. . . — Bull. hist.-phil., 1850, t. VII, N 11—12, col. 161—171; то же: Mél. Asiat., 1852, t. I, p. 193—206.

[139] *Демирчизаде А. М.* «Грамматика турецко-татарского языка» профессора Казем-Бека. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 56—69; *Асланов В. И.* М. А. Казем-Бек — языковед. — СТ, 1970, № 6, с. 62—69. — Мнение А. Н. Самойловича о грамматике Казем-Бека см.: *Самойлович А. Н.* Персидский тюрколог XVIII века Мехди-хан. — Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927, № 5, с. 10—11.

сколько иное название: «Учебные пособия, или Материалы для временного курса турецкого языка». Известен отзыв академика Б. А. Дорна на эту работу.[140]

Книга состоит из трех частей: I — грамматика, II — хрестоматия, III — русско-турецкий словарь.

Грамматика изложена очень кратко, причем и на этот раз наиболее слабое место — раздел фонетики. Хрестоматия представляет значительный интерес как по выбору статей для чтения, так и тем, что они приведены в оригинале различными, наиболее употребительными в тогдашней Турции почерками. Часть III: «Словарь русско-турецкого языков, с присовокуплением полного списка самых восточных слов к концу словаря (в порядке арабского алфавита, с указанием номеров словаря)»; «Список восточных слов, помещенных в кратком словаре Русско-Турецкого языков с указанием на номера русских слов по принадлежности»; «Алфавитный список собственных восточных имен особ, сочинений, городов и мест, упомянутых в этом издании».

В Русско-турецком словаре приводится перевод 6764 русских слов.

М. А. Казем-Бек был выдающимся тюркологом прошлого века, много содействовавшим (в первую очередь своей грамматикой) выдвижению русской тюркологии в первые ряды мировой науки. Он соединял в себе восточную ученость с лучшими традициями тогдашней русской науки. Казем-Бек был хорошим педагогом, он подготовил значительное число тюркологов, иранистов и арабистов. Научная и организационная деятельность Казем-Бека и его учеников, среди которых были такие известные впоследствии востоковеды, как например И. Н. Березин, И. Н. Холмогоров (1818—1891), М. Т. Навроцкий (1823—1871), К. Ф. Голстунский (1831—1899), во многом содействовала созданию той новой русской школы, которая во второй половине прошлого века прочно заняла ведущее место в мировом востоковедении.

Ф. В. Шармуа (с. 180), член-корреспондент АН, позднее почетный член АН, преподававший персидский и турецкий языки в С.-Петербургском университете и в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД (с. 180), составил оставшееся в рукописи «Дополнение к Турецкой грамматике г-на Жобера, которое заключает в себе нужнейшие дополнения к правилам турецкого языка, опущенные в Грамматике г. Жобера; вместе с трудом Жобера оно служило руководством при преподавании»[141] в названных русских учебных заведениях.

Почти одновременно со вторым изданием Грамматики Казем-Бека в Венеции в 1844 г. была издана «Грамматика многоязычная, содержащая начальные основания языков арабского, пер-

---

[140] Разбор сочинения профессора Александра Казем-Бека под заглавием Учебные пособия для временного курса турецкого языка, составленный академиком Дорном. — В кн.: Двадцать четвертое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1855, с. 95—98.

[141] *Савельев П. С.* О жизни и трудах Ф. Шармуа. СПб., 1845, с. 10.

сидского, турецкого и татарского с примечаниями о различных языках. Сочинение Миная Медици,[142] доктора, архимандрита Армянской академии св. Лазаря, настоятеля Карасубазарской армяно-католической церкви. Грамматика написана в Карасубазаре в Крыму 15 августа 1841 г.». Титульный лист — на армянском, французском [143] и русском языках; формулировки грамматических правил и объяснения даны на армянском языке; перевод иллюстративных примеров — на французском, русском и древнееврейском языках.

В названном труде А. Газикеана указано, что М. Медици по возвращении в Венецию (1845 г.) начал там печатание «Турецко-русско-армяно-французского словаря», однако до его выхода в свет не дожил. По всей вероятности, этот словарь, за смертью автора, не был закончен составлением и печатанием.

Грамматика М. Медици представляет известный интерес как опыт сопоставления северного, степного диалекта крымско-татарского языка с соответствующими данными турецкого языка.

Первая попытка привлечь данные турецкого языка для сравнительно-сопоставительного анализа грамматики татарского и турецкого была предпринята И. И. Гигановым в его незаслуженно забытой книге «Грамматика татарского языка» (СПб., 1801) (см. с. 259).

Учеником Казем-Бека и его первым биографом [144] был выдающийся тюрколог и иранист И. Н. Березин (см. с. 148), профессор Казанского и Петербургского университетов, среди трудов которого к истории изучения тюркских языков имеют отношение лишь «Дополнение к тюркской грамматике», «Исследования о мусульманских диалектах. . .», «Система тюркских диалектов» и «Турецкая хрестоматия».

Поскольку о первой из названных работ Березина уже сказано (с. 230), а о втором сочинении будет сказано (с. 319), перейдем к рассмотрению его третьей работы.

В течение 1857—1890 гг. Березин издал в Казани и С.-Петербурге весьма полезную, не утратившую в отдельных частях своего значения и поныне трехтомную «Турецкую хрестоматию», которую теперь назвали бы «Тюркская хрестоматия»; [145] кстати, замечу,

---

[142] Литературный псевдоним Миная Бжишкена (1777—1852); о нем см.: *Газикеан А.* Новая армянская библиография и энциклопедия армянской жизни, т. I, А—М, стб. 340—342 (на арм. яз.). — Указанием на эти сведения я обязан любезности К. Н. Юзбашана.

[143] *Medici M.* Grammaire polyglotte contenant les principes des langues arabe, persane, turque et tatar avec des remarques analytique d'autres langues par P. Minas Médici, docteur, archimandrite de l'Académie arménienne de St. Lazar, supérieur des arméniens Catholiques de Karassou-Bazar en Tauride. Venis, 1844. 191 p.

[144] *Березин И. Н.* Александр Касимович Казем-Бек. — Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета. СПб., 1872, № 4, с. 49, 100—130.

[145] **Турецкая хрестоматия, составленная И. Березиным, профессором турецкого языка в С.-Петербургском университете, т. 1. Казань, 1857. 16,**

что в эту хрестоматию турецкий (османский) материал не вошел, хотя по первоначальному плану хрестоматия «должна была включать в себя образцы всех турецко-татарских наречий».

И. Н. Березин был вторым после Я. О. Ярцова (см. с. 143) русским тюркологом, взявшимся за изучение официальных тюркских документов-ярлыков, требовавших специальной историко-филологической подготовки (см. с. 318).

И. Н. Березин приобрел известность также как издатель, переводчик и комментатор книг «Библиотека восточных историков», «Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина», «История Чингиз-хана до восшествия его на престол», «История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины», а также как автор научно-популярного труда о Ближнем Востоке, в котором излагались его личные впечатления от трехлетнего путешествия по Востоку, и издатель «Русского энциклопедического словаря» (1873—1879).[146]

Для истории изучения турецкого языка в России непосредственный интерес представляют упомянутые выше статьи Бётлингка: «Критические замечания на второе издание грамматики Казем-Бека», «Возражения на статью Шотта», а также «О турецко-татарской грамматике» (*Böhtlingk O.* Zur türkisch-tatarischen Grammatik. — Mél. asiat., 1852, t. I, p. 114—141). Кроме того, следует сказать, что грамматика якутского языка Бётлингка, составившая эпоху в мировой тюркологии, имеет довольно близкое отношение и к турецкому языку, так как в ней широко использован турецкий языковой материал и по-новому решен ряд общетюркологических проблем (см. с. 295).

С учреждением кафедры турецко-татарского языка в Казанском университете (1828)[147] и кафедры турецкого языка в С.-Петербургском университете (1835), с введением в 20-х годах XIX в. турецкого наряду с арабским и персидским языками в программу Лазаревского института[148] преподавание турецкого языка получает энергичное развитие. Это выразилось в постепенном создании особой отрасли тюркологии — османистики, первым представителем которой можно считать О. И. Сенковского. За ним последовали в С.-Петербурге А. О. Мухлинский, И. Б. Петрашевский, В. Ф. Диттель, В. Д. Смирнов, М. С. Шапшал, А. Н. Самойлович, в Москве — Л. М. Лазарев, С. Е. Саков, С. Г. Церуниан, В. А. Гордлевский (И. Н. Березина, хотя он преподавал турецкий язык на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, пожалуй, нельзя причислить к османистам, так как его научные интересы лежали в историко-филологической области общей тюркологии). Научные интересы В. Д. Смирнова, равно

---

375 с.; т. 2, вып. 1. Казань, 1862. 144 с.; т. 2, вып. 2. СПб., 1890, с. 145—209; т. 3. Казань, 1876 (то же: СПб., 1890). 271 с.

146 ББСОТ, с. 123—126.

147 Подробнее см.: *Мазитова.* Кафедра тур.-тат. языка, с. 11—12.

148 *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков. М., 1959, с. 17.

как и В. А. Гордлевского, простирались на историю Турции, турецкую литературу и филологию.

Значительную роль в процессе преподавания османского языка на факультете восточных языков С.-Петербургского университета сыграли две работы А. О. Мухлинского. Пособие «Выбор турецких статей для начального перевода с грамматическим разбором, с присовокуплением facsimile исторических документов для упражнения в чтении официальных бумаг» (СПб., 1858) хорошо дополнялось другим — «Османская хрестоматия для университетского преподавания» (ч. I—II, СПб., 1858—1859).

По этим книгам преподавание турецкого языка в университете велось до 90-х годов прошлого столетия, вплоть до появления известной хрестоматии В. Д. Смирнова (см. ниже). После смерти Мухлинского остались в рукописи турецко-русский словарь, грамматика турецкого языка и ряд других работ.[149]

В 70-х годах прошлого столетия издается ряд пособий для изучения различных тюркских языков (в том числе и турецкого), особенно много всевозможных — правда, не очень высокого качества — военных переводчиков, разговорников и пр.[150]

Известное значение имели две работы майора М. А. Терентьева (1837—1909?)[151] — «Грамматика турецкая, персидская, киргизская (казахская, — *А. К.*) и узбекская» (СПб., 1875. 209 с.) и «Хрестоматия турецкая, персидская, киргизская (казахская, — *А. К.*) и узбекская. С приложением почерков и таблицы летосчислений» (СПб., 1876. 108 с.).[152]

Накопление достаточных знаний в специальных областях турецкой лексики позволило в 1887 г. издать в С.-Петербурге первый в нашей стране специальный восточный словарь: «Краткий военно-технический русско-французско-турецко-персидский словарь с русскою транскрипциею восточных слов» (здесь же — во 2-м издании — краткие грамматические заметки по турецкому и персидскому языкам). Составителем его был инженерный офицер и драгоман Матвей Авельевич Гамазов (1812—1893),[153] директор Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД (1872—1893); на второе издание этого словаря весьма благоприятной рецензией отозвался В. Розен (ЗВОРАО, 1890, т. IV, с. 123—124).

В связи со специальными словарями заслуживает пристального внимания труд Константина Георгиевича (Егоровича) Мостраса (1821—1871), владевшего арабским, турецким, греческим, французским, итальянским языками, начавшего службу в МИД

---

[149] *Kotwicz Wł., Kotwiczówna M.* Orientalista Antoni Muchliński. Zycie i dzieło. Wilno, 1935, s. 55—61.

[150] Подробнее см.: *Кононов.* Очерк, с. 97—113.

[151] ББСОТ, с. 269—270.

[152] Киргизский и узбекский разделы работы Терентьева были опубликованы в немецком переводе Берлинским семинаром восточных языков; см.: *Кримський.* Тюркп, с. 469.

[153] ББСОТ, с. 145.

России в должности драгомана Российского консульства в Яффе (январь 1839 г.) и умершего (3 апреля 1871 г.) в должности Российского консула в Смирне (Измире),[154] — «Географический словарь Оттоманской империи», посмертно изданный Академией наук (*Mostras C.* Dictionnaire geographique de l'Empire Ottoman. СПб., 1873).

В Словаре Мостраса приводятся оригинальные (арабские) начертания географических названий Турции (в ее тогдашних границах) с латинской транскрипцией и с пояснениями на французском языке. Этот единственный в своем роде словарь имеет большое значение для исторических исследований, но не используется нашими историками.

Новый подъем научного интереса к турецкому языку, истории и литературе Турции в начале 70-х годов XIX столетия, выделение о с м а н и с т и к и в особую отрасль тюркологии связаны с именем В. Д. Смирнова.

В списке ученых трудов В. Д. Смирнова [155] преобладают описания турецких рукописей и несколько крупных монографий, вошедших в основной фонд османистической литературы, — магистерская диссертация (1873) «Кочубей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», докторская диссертация (1887) «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII столетия» и ее продолжение «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии» (1889), которые сохраняют свое значение поныне, так же как и «Очерк истории турецкой литературы» (1892).

В 1891 г. в С.-Петербурге вышло первое, литографированное издание знаменитой хрестоматии В. Д. Смирнова «Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. С приложением факсимиле официальных документов разных почерков» (XIV, 511 с.). В 1903 г. появилось напечатанное типографским способом второе издание этой хрестоматии, куда автор внес некоторые изменения и дополнения. Это единственная в своем роде хрестоматия, по которой учились и учатся все наши тюркологи-османисты и которая, по словам Н. К. Дмитриева, «по своей полноте, оригинальности и основательности не имеет себе подобных в Западной Европе».[156]

Не перечисляя других его значительных работ (например, «Каталог турецких рукописей Учебного отделения Министерства иностранных дел»),[157] замечу, что хотя В. Д. Смирнов специально

---

[154] Составлено по материалам Архива внешней политики России.

[155] Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литература о нем (составил А. П. Григорьев). — ТСб. 1973. М., 1975, с. 268—281; ББСОТ, с. 261—262.

[156] *Дмитриев Н. К.* Труды русских ученых в области тюркологии. — Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 107, т. III, кн.II, с. 65; см. также: *Михайлов М. С.* Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии. — В кн.: Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 291—292.

[157] См. с. 325.

не занимался изучением грамматического строя турецкого языка (в части грамматических исследований) и, пожалуй, единственное его сочинение, которое с известным основанием может быть отнесено к этому жанру, — «Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в.» (ЗВОРАО, 1913—1914, 1915, т. XXII, с. 107—125), тем не менее он был глубоким знатоком грамматики этого языка, о чем свидетельствуют дошедшие до нас записи его лекций, сделанные его слушателями.

В библиотеке восточного факультета ЛГУ хранится «Грамматика турецкого языка по лекциям проф. Смирнова 1899/900 года. Принадлежит Антонию Феодуловичу Хащабу»[158] (шифр: Ms. 1246, инв. № 1935/71).

Записи Хащаба сделаны черными чернилами на белой плотной бумаге (157 с.); тетрадь в картонном переплете. Четкостью формулировок грамматических правил, полнотой и последовательностью расположения материала лекции В. Д. Смирнова доказывают, что он не только сохранял достижения русских тюркологов-грамматистов (Казем-Бека, Бётлингка), но и успешно их развивал.

В той же библиотеке (шифр: Tr. II, 153, инв. № 8343/1940) хранится еще одна запись лекций В. Д. Смирнова, сделанная черными чернилами на белой плотной бумаге в одну линейку (112 ненумер. с.); тетрадь в картонном переплете, на котором тиснением выведено: «Османская грамматика В. П. Бреше». На первой странице значится: «Османская грамматика. (Читается на II курсе, т. е. на III—IV сем.). Засл. орд. проф. В. Д. Смирнов».

Записи В. П. Бреше, начатые 10 сентября 1902 г. (следовательно, приходятся на 1902/03 учебный год), иногда почти дословно совпадают с записями А. Ф. Хащаба.

В архиве А. Н. Самойловича (РОГПБ, ф. 671, ед. хр. 135, 14 л.) хранится рукописная «Турецкая грамматика Смирнова», — по-видимому, запись лекций В. Д. Смирнова, сделанная его слушателем А. Н. Самойловичем.

Насколько можно судить по этим записям, курс грамматики турецкого языка, читавшийся В. Д. Смирновым, будь он издан, сделал бы честь его автору.

При исследовании вопроса о вкладе русских тюркологов в грамматическую разработку турецкого языка необходимо привлечь наибольшее количество самых разнообразных материалов, касающихся этого вопроса; в первую очередь следует собрать все имеющиеся записи лекций. Кроме указанных записей Хащаба, Бреше, Самойловича, воззрения В. Д. Смирнова по основным проблемам турецкой грамматики, насколько мне известно, сохранились в записях, сделанных им самим: 1) «Программа чтений по грам-

---

[158] А. Ф. Хащаб, араб-сирпец (ливанец), уроженец г. Триполи, окончил два факультета — восточных языков и юридический — С.-Петербургского университета в 1902 г. С 1904 по 1919 г. — лектор арабского языка на факультете восточных языков; см.: *Веселовский.* Список, с. 33.

матике османского языка и материалы к лекциям» (АВЛОИВ, ф. 50, оп. 1, № 129, 94 л.), — здесь на широком общелингвистическом фоне излагаются сведения о тюркской семье языков, фонетике османского языка (л. 1—35), затем освещаются основные положения морфологии в связи с синтаксическими функциями отдельных частей речи; 2) «Османская грамматика. Часть первая. Фонетика» (там же, № 25, 26 л.); 3) «Османская грамматика. Османский синтаксис» — краткие заметки на французском и русском языках (там же, № 26, 33 л.).

Следующим пособием по турецкому языку, представляющим собою записи лекций, является хранящаяся у меня общая тетрадь, озаглавленная: «Турецкая грамматика. С.-Петербург. 1909 г. Г. Васильев». Грамматика занимает 99 страниц, исписанных довольно убористым почерком, на последней странице после слова «Конец» выставлена дата «$19\frac{10}{XII}09$» и инициалы «Г. И. В.». Затем после одной незаполненной страницы следует: «Мудрые изречения» (4 с.); текст писан другой рукой. Затем той же рукой, что и грамматика, написано: «Парадигмы глагольн. форм джагат. наречия» (8 с.). По всей вероятности, эта тетрадь — запись лекций приват-доцента А. Н. Самойловича, читавшего в 1909/10 учебном году курс «Сравнительная османско-джагатайская грамматика: фонетика и морфология».

Все эти записи еще раз говорят о том, что у русских тюркологов были самостоятельные воззрения на узловые вопросы грамматики турецкого языка, сформировавшиеся в своих основных линиях в течение XIX—начала XX столетий.

Из учебных пособий по турецкому языку, изданных в начале нынешнего столетия, может быть отмечено «Практическое руководство для изучения турецкого языка» Г. Еглички с приложением введения, составленного Вл. Гордлевским (М., 1908, литография). Это руководство является переводом «Türkische Konversations-Grammatik von H. Jehlitschka» (Heidelberg, 1895), который был выполнен студентами Специальных классов Лазаревского института восточных языков Андреевым, Достоевским, Каминским, Овчаровым и Олесницким под руководством В. А. Гордлевского. Типографским способом это пособие было издано под названием: «Руководство для изучения османского языка, с ключом. По материалам Г. Еглички переработал по-русски В. А. Гордлевский» (М., 1916). Грамматические материалы этого руководства были широко использованы в работе В. А. Гордлевского, «Грамматика турецкого языка» (М., 1928).

Что касается турецких словарей, составленных русскими, то их насчитываются единицы, если даже мы включим в список французско-турецкие словари Разиса и Ханджери (см. выше).

Турецкие слова под № 88 вошли в состав «Сравнительных словарей всех языков и наречий. . .» (СПб., 1787) (см. с. 98).

Первый «Российско-турецкий словарь» вошел составною частью в «Карманную книгу» Сенковского; М. А. Казем-Бек приложил

к «Учебным пособиям для временного курса турецкого языка» русско-турецкий и турецко-русский словари.

Первый опыт сопоставительного «Турецко-татарско-русского словаря наречий османского, крымского и кавказского с приложением краткой грамматики» (М., 1864) принадлежит Л. Лазареву, первому профессору турецкого языка в Лазаревском институте восточных языков.[159] В словаре и грамматике при транскрибировании турецких слов отчетливо чувствуется влияние близкого (почти родного) автору азербайджанского языка. Спустя два года, в 1866 г., Л. М. Лазарев издал второе пособие — «Сравнительная хрестоматия турецкого языка, наречий османлы и Адербиджана. С приложением тюркских разговоров и пословиц и с переводом их на русский язык для практических упражнений».

Слушатель офицерской группы Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Петр Цветков составил (по словарям Сами-бея, Киффера—Биянки и др.) «Турецко-русский словарь» и «Русско-турецкий словарь» (оба изданы в С.-Петербурге в 1902 г. литографическим способом), которыми для учебных целей пользовались (за неимением других подходящих пособий) многие поколения русских тюркологов.

В интересах полноты библиографии можно упомянуть также «Словарь на пяти языках: турецком, арабском, персидском, русском и французском» К. Риямова (Казань, 1908. 167 с.); «Краткий русско-турецкий словарь. С отделом грамматики» М. А. Терентьева, Е. А. Зеленого и А. А. Боголюбова (Тифлис, 1912. IV, 99 с.).

Некоторые русско-турецкие разговорники содержат также небольшие словарики. Турецкий лексический материал широко представлен в словарях Л. З. Будагова и В. В. Радлова. (О рукописных словарях см. с. 94. Полную библиографию турецких грамматик, разговорников, учебных пособий и словарей см.: *Кононов*. Очерк, с. 97—116).

Первый опыт характеристики фонетических и морфологических особенностей анатолийско-турецких диалектов в их сравнении с литературным языком принадлежит И. Н. Березину (см. с. 319).

Первое монографическое описание ряда анатолийско-турецких диалектов было сделано В. А. Максимовым (см. с. 165); затем, после значительного перерыва, появилось исследование В. Писарева [160] «Несколько слов о требизондском диалекте» (ЗВОРАО, 1901, т. XIII, с. 173—201).[161]

---

[159] Рецензию на Словарь Лазарева написал доктор восточной словесности Степан Исаевич Назарян (1812—1879), профессор персидского и арабского языков Лазаревского института восточных языков, см.: Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям», 1864, № 14, с. 10.

[160] ББСОТ, с. 238.

[161] Подробнее см.: *Векилов А. П.* 1) Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — УЗИВАН; 1960, т. XXV, с. 291—302; 2) Турецкая диалектология. I. Л., 1973. 103 с.

Среди тюркологических работ Н. Я. Марра, которых в списке его научных трудов довольно много, сохраняют свое значение записи анатолийско-турецкого фольклора, сделанные им во время поездки (1904) по Карсскому и Чорухскому вилайетам, входившим тогда в состав России (см. с. 125).

Большой фольклорный и диалектальный материал, — до сих пор в лингвистических целях не обработанный, — содержится в известном издании: «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Часть VIII. Наречия османские. Тексты собраны И. Куношем»[162] (СПб., 1899. XLII, 588 с.).

Изучению памятников анатолийско-тюркского языка (XIII—XV)[163] — предтечи османско-турецкого языка — русские тюркологи посвятили целый ряд работ; подробнее см. «Средневековые памятники арабского письма» (с. 316).

4. Туркменский язык[164] в лексико-грамматическом отношении стал изучаться позднее других огузских — азербайджанского и турецкого, — если не считать отрывочных и разрозненных сведений, встречающихся у старых восточных филологов.

Первые сведения о туркменском (трухменском) языке содержатся в «Сравнительных словарях всех языков и наречий», а также в дневниках академического путешественника И. Гильденштедта, который собрал лексические материалы по ряду языков Крыма и Кавказа, в том числе и по туркменскому (трухменскому) языку (*Güldenstädt J. A.* Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten geographischen, statistischen und historischen Bücher und Sachen. Berlin, 1773).

Первым русским востоковедом, изучавшим туркменский язык, был И. Н. Березин, который во время своего трехлетнего путешествия по Ближнему Востоку сумел сделать наблюдения над наречием туркменов иранского Прикаспия (Астрабад) (*Березин И. Н.* Извлечение из годичного отчета путешествующего по Востоку магистра Казанского имп. университета. . . — ЖМНП, 1845, ч. XLV, отд. IV; *Bérésine E.* Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turks. — УЗКУ, 1849, кн. 2). Позднее Березин включил во второй том своей «Турецкой хрестоматии» (т. II, 1, с. 88) «Туркменские песни»: одно стихотворение

---

[162] Игнац Кунош, венгерский тюрколог (22 IX 1860—12 I 1945).

[163] Подробнее см.: *Кононов.* Очерк.

[164] *Кримський.* Тюрки, с. 496—499; *Поцелуевский А. П.* Диалекты туркменского языка (гл. II. Краткий очерк истории изучения туркменского языка и его диалектов). — *Поцелуевский А. П.* Избр. труды. Ашхабад, 1975, с. 74—82; *Баскаков Н. А.* К истории изучения туркменского языка. Ашхабад, 1965. 35 с.; *Чарыяров Б. Ч.* О роли русских ученых в становлении и развитии туркменской филологии. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1974, № 4, с. 39—45; *Курбанов А. А.* Обучение в конфессиональных и русско-туземных школах б. Закаспийской области. — Уч. зап. Туркм. ун-та, Ашхабад, 1956, вып. III. с. 37—92; *Азимов П.* Вопросы туркменского языка. Ашхабад, 1969, с. 11—12 (на туркм. яз.); *Мухамедова З. Б.* Туркменский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 129—140.

Махтумкули, одно — эмреликого поэта XVIII в. Маруфи и три — поэта Шейдаи.

Н. И. Ильминский в письме к А. А. Шифнеру поделился своими наблюдениями над туркменскими наречиями йомудов и эсен-или (човдуров): «Ueber die Sprache der Turkmenen. Aus einem Briefe des Herrn Ilminsky an A. Schiefner. Orenburg, 29 December 1859» (Bull. de l'Acad., 1860, t. I, p. 563—571; то же: Mél. Asiat., t. IV, livr. I, p. 63—74).

Из иностранцев в XIX в. интерес к туркменскому языку и литературе проявил венгерский тюрколог Г. Вамбери.[165]

Первым учебным пособием, в котором приводятся сведения о туркменском языке, следует назвать литографированное «Руководство для обучения туркмен русскому языку», составленное сотником Драповским, поручиком Маргания и подпоручиком Плиевым (Асхабад, 1893; переиздано типографским способом).

В конце XIX—начале XX в. издан учебник И. Шимкевича [166] «Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области» (Асхабад, 1899. Изд. 2-е. 168 с.; базируется в основном на материале йомудского диалекта; в книге приложены краткий русско-туркменский и туркменско-русский словари и синхронистическая таблица христианского и мусульманского летосчислений) и С. Агабекова «Учебник туркменского наречия (ахал-текинский диалект) с приложением сборника пословиц и поговорок туркмен Закаспийской области» (Асхабад, 1904. — Рецензию А. Н. Самойловича на обе вышеназванные книги см.: ЗВОРАО, 1906, т. XVII, вып. 2—3, с. 0184—0188; рецензию А. А. Семенова на учебник Агабекова см.: ЭО, 1903, кн. 63, с. 169—172).

Первые на научной основе написанные учебные пособия по туркменскому языку принадлежат И. А. Беляеву,[167] питомцу Факультета восточных языков, ученику П. М. Мелиоранского: «Русско-туркменский словарь» (Асхабад, 1913) и «Грамматика туркменского языка» (Асхабад, 1915). Им же опубликованы туркменские тексты (см.: Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. 2. Асхабад, 1916).

Начало научного изучения туркменского языка и литературы положил А. Н. Самойлович, совершивший по рекомендации своего учителя П. М. Мелиоранского первую поездку в Туркмению еще в студенческие годы (летом 1902 г.) с целью изучения туркменского языка; результатом было дипломное сочинение «Опыт

---

[165] *Vámbéry H.* Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdum-Kulis. — ZDMG, Berlin, 1879, Bd 33, S. 388—444.

[166] ББСОТ, с. 292.

[167] Там же, с. 122—123; *Нурмухамедов М. К.* Из истории русско-каракалпакских культурных связей. Ташкент, 1974, с. 51—53. — Деятельности И. А. Беляева в Ашхабаде посвящена глава в кн.: *Курбанов А. А., Кузьмин О. Д.* Очерки по истории развития педагогической мысли в Туркменистане (1886—1921), ч. 1. Ашхабад, 1972, с. 16—38.

лингвистического исследования текинского говора туркменского диалекта. (Грамматика, тексты, словарь)»,[168] за которое факультет восточных языков наградил его золотой медалью. Первый доклад А. Н. Самойловича, прочитанный 29 апреля 1904 г. в заседании Восточного отделения Русского археологического общества, был посвящен туркменской теме: «Туркменская поэма о столкновениях туркмен с персами в 60-х годах XIX столетия»; позднее этот доклад послужил основой для диссертации на степень магистра «Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев» (СПб., 1914),[169] защита которой состоялась в Ученом совете факультета восточных языков С.-Петербургского университета 18 января 1915 г.; официальными оппонентами были В. В. Бартольд и К. Г. Залеман.[170]

Сочинение Абду-с-Саттар Казы было написано на «новочагатайском» языке, а потому для истории собственно туркменского имело лишь косвенное значение.

В истории изучения туркменского языка, фольклора и этнографии туркмен в дооктябрьский период п е р в о е м е с т о безусловно принадлежит А. Н. Самойловичу (о его туркменоведческих работах см.: *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880—1938). — НАА, 1963, № 2, с. 253—263; ТСб. 1974, с. 263—302; *Лунин.* Историография, с. 325—332; *Поцелуевский А. П.* Избр. труды. Ашхабад, 1975, с. 77—78; значительная часть ТСб. 1974 посвящена Н. А. Самойловичу).

Широкая и обстоятельная разработка основных проблем туркменского языкознания (лексикография, диалектография, фонетика, грамматика) началась в 20-х годах текущего столетия. В послеоктябрьский период основная тяжесть работы пала на плечи национальных кадров из туркмен, учеников А. П. Поцелуевского; теперь изучением туркменского языка занимаются уже ученики учеников А. П. Поцелуевского.

5. Т р у х м е н с к и й я з ы к,[171] — носители которого обитают на Северном Кавказе в пределах Ставропольской области, — подвергнувшийся влиянию соседствующего с ним ногайского языка, «представляет собой скорее один из диалектов туркменского языка».[172] Трухменский язык недостаточно изучен.

---

[168] Рукопись хранится в РО ГПБ (ф. № 671); см.: *Дмитриева Л. В.* Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича. — ТСб. 1974. М., 1978, с. 298; *Моллаев А.* Об одной рукописи академика А. Н. Самойловича. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, Ашхабад, 1975, № 1, с. 46—51.

[169] Письменное заявление В. Д. Смирнова по поводу опубликования ЗВОРАО его рецензии на эту книгу А. Н. Самойловича и обсуждение этого заявления см.: Протокол от 31 марта 1916. — ЗВОРАО; 1917, т. XXIV, с. IX—XII. — Повторное обсуждение заявления В. Д. Смирнова· Протокол от 28 апреля 1916. — ЗВОРАО; 1917, т. XXIV, с. XV.

[170] *Баскаков Н. А.* А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому. — СТ, 1973, № 5, с. 87.

[171] *Баскаков.* Введение, с. 251—252.

[172] Там же, с. 252.

Первыми исследователями фольклора трухменов были А. А. Володин («Из трухменской народной поэзии» и «Трухменская степь и трухмены» (СМОМПК, 1908, т. 38); рецензия А. Н. Самойловича: ЖС, 1909, вып. 1, отд. 3, с. 115—116) и С. Ф. Фарфоровский («Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии» (Казань, 1911); рецензия А. Н. Самойловича: ЖС, 1912, вып. 1, с. 207—209).

Наиболее обстоятельные сведения о языке трухменов принадлежат опять-таки А. Н. Самойловичу: «Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии. Предварительное сообщение» (ЗВОРАО, 1912, т. XXI, вып. 4, с. LXXIII—LXXV) и «Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар. (Отчет о командировке в 1912 г.)» (ИРКИСВА. Серия II, № 2, с. 54—74).

Из современных исследований этого языка отметим работу Н. А. Баскакова «Об особенностях говора северокавказских туркменов (трухменов)» (в кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, т. 2, М.—Л., 1949).

6. Язык тюркских рунических памятников (ТРП) см. в разделе: «Изучение памятников рунического, древнеуйгурского, арабского письма» (с. 307).

III. Кыпчакская группа [173]

Кыпчакско-половецкая подгруппа

1. Караимский язык [174] — язык караимов (самоназвание — *карай*), живущих теперь в Литовской ССР, преимущественно в городах Троки и Паневежис и вокруг Вильнюса, а также на юге Украинской ССР, в окрестностях Луцка, Галича и Евпатории.

«Караимы считаются потомками тюркских племен, входивших в Хазарский каганат. После его разгрома в X в. киевскими князьями караимы остались в Крыму. В конце XIV в. часть караимов была поселена в Литве и западных областях Украины в качестве пленников Великого княжества Литовского. Сохранился богатый фольклор караимов, в котором отразилась их историческая связь с хазарами».[175]

Караимский язык по основным фонетическим, грамматическим и лексическим показателям довольно близок к половецкому (Codex Cumanicus), а также к современным — карачаево-балкарскому, кумыкскому, крымскотатарскому языкам.[176]

---

[173] Там же, с. 272—282.

[174] *Кримський.* Тюркп, с. 509—512; *Мусаев К. М.* Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 3—11; *Прик О. Я.* Очерк грамматики караимского языка. (Крымский диалект). Махачкала, 1976, с. 5—24.

[175] БСЭ (изд. 3), т. 11, 1973, стб. 1124—1125.

[176] Караимско-русско-польский словарь. М., 1974, с. 6; см. еще: *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des «Codex Cumanicus». St-Pb., 1887, S. 6; *Самойлович А. Н.* О материалах Радлова по народной словесности крымс-

Караимский язык, в соответствии с географией его распространения, делится на три диалекта: с е в е р н ы й (караимское население Литвы — караимы Вильнюса и Троки, т. е. караимы литовские), ю ж н ы й (караимы луцкие и галицкие) и к р ы м с к и й.[177]

История изучения караимов и их языка в России начинается в 30-х годах прошлого века, причем первое время наибольшее внимание уделялось проблеме этнического происхождения караимов.[178]

Начало изучения караимского языка положил В. В. Радлов, совершивший две поездки в основные районы обитания караимов (Крым, Литва, Польша) и написавший отчеты об этих поездках (*Radloff W.* 1) Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. — Bull. de l'Acad. 1887, XXXI, p. 544—550=Mél. Asiat., 1887, t. IX, p. 216—270; 2) Bericht über eine Reise zu den Karaimen der Westlichen Gouvernements. — Bull. de l'Acad. 1888, t. XXXII, p. 173—182=Mél. Asiat., 1888, t. IX, p. 403—416; 1888, t. XI, p. 403—416).

Здесь В. В. Радлов «впервые разделил язык западных караимов на два диалекта и установил характерные черты галицкого диалекта, отличающие его от трокайского».[179]

Тексты на языке крымских караимов опубликованы В. В. Радловым в «Образцах» (ч. VII. Наречие Крымского полуострова. СПб., 1896).

Караимские тексты печатались самими караимами в различных изданиях.[180]

Глубокое изучение фонетики, грамматики и лексики караимского языка началось уже в послеоктябрьский период; его осуществляют ученые СССР и Польши.

2. К а р а ч а е в о - б а л к а р с к и й я з ы к,[181] входящий в состав кыпчакско-половецкой подгруппы кыпчакских языков, является языком этнической группы к а р а ч а е в ц е в (самоназвание — *карачай*; народная этимология ‘черная речка’, повидимому, не имеет ничего общего с истинным значением этого этнонима, известного в русских летописях с 1650 г.) и б а л к а р ц е в (самоназвание — *малкар*, или *таулу* ‘горцы’; о происхож-

---

ких татар и караимов. — Зап. Крымск. общ-ва естествоиспытателей и любителей природы, т. 6. Симферополь, 1916, с. 3; *Кричинский Л. К.* Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Пгр., 1917. 84 с.

177 *Баскаков.* Введение, с. 275—276.

178 Подробнее см.: *Мусаев К. М.* Указ. соч., с. 26.

179 Подробнее см.: там же, с. 31.

180 Там же, с. 30.

181 *Кримський.* Тюрки, с. 525—526; *Баскаков.* Введение, с. 279—281; *Филоненко В. И.* Балкарский язык и его диалекты. — RO, 1974, t. XXXVII/1, s. 29—45 (гл. II. История изучения балкарского языка и его диалектов, с. 31—35); *Хабичев М. Н.* Карачаево-балкарский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 213-233; *Pritsak O.* Das Karatschaische und Balkarische. — PhTF, t. I, p. 340—368 (Библиография — с. 344—346).

дении балкарцев и их этнонима существует целый ряд порою взаимоисключающих мнений).[182]

Известное в тюркских языках чередование в анлауте [б] ~ [м] позволяет предположить, что этноним *малкар* есть производное от *балкар*, которое восходит в свою очередь к известному этнониму *б°лгар*, часть носителей которого обитала на Северном Кавказе, где в течение веков находилась в непосредственном контакте с различными кыпчакскими племенами; многие тюркологи, однако, высказывались против сопоставления *малкаров* с *б°лгарами*.

Карачаево-балкарский язык, носители которого обитают на Северном Кавказе (частично в Киргизии, Казахстане и Узбекистане), делится на два диалекта — карачаево-баксано-чегемский (чокающий), малкарский (цокающий) — и холамо-бызынгиевский (смешанный) говор.[183]

История изучения балкарского языка датируется началом текущего столетия; первыми исследователями этого языка были русские и венгерские ученые (Ю. Немет, В. Прёле).

Первое описание грамматического строя балкарского языка принадлежит питомцу факультета восточных языков Н. А. Караулову.[184] Его работе «Краткий очерк грамматики горского языка болкар» (СМОМПК, 1912, вып. XLII), содержащей «Грамматику» (с. 1—39), «Образцы балкарской устной словесности» (с. 39—40), русско-балкарский словарь (с. 41—50) и балкарско-русский словарь (с. 51—60), предшествовало его же этнографическое описание «Болкары на Кавказе» (там же, 1908, вып. XXXVIII, отд. 1, с. 131—150). На «Краткий очерк» Караулова отозвались рецензиями А. Н. Самойлович (ЗВОРАО, 1913, т. XXI, вып. 4, с. 0152—0161) и Ю. Немет (ZDMG, 1913, Bd 67, S. 548).

3. К у м ы к с к и й я з ы к [185] — один из шести литературных языков Дагестанской АССР (небольшая часть кумыков проживает также в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республиках) — до Октябрьской революции систематически не изучался.

Первые записи образцов кумыкского языка относятся к 70-м годам XVIII в. (см. с. 70).

Первое систематическое изложение грамматического строя кумыкского языка принадлежит коллежскому регистратору, старшему учителю татарского языка Новочеркасской гимназии

---

[182] См.: *Филоненко В. И.* Указ. соч., с. 29-31; *Pritsak O.* Op. cit., p. 340—344.
[183] *Хабичев М. Н.* Указ. соч., с. 213.
[184] ББСОТ, с. 181.
[185] *Кримський.* Тюрки, с. 525—526; *Баскаков.* Введение, с. 278—279; *Гаджиева Н. З.* Кумыкский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с.144—160; *Магомедов А. Г.* Кумыкский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 194—212; *Дмитриев Н. К.* Из истории русского кумыковедения. — Вестник АН СССР, 1948, № 5, с. 107—108; *Сатыбалов А.* К вопросу об изучении говоров кумыкского языка. — Советское языкознание, Л., 1937, т. IV, с. 105—114.

Тимофею Макарову:[186] «Татарская грамматика кавказского наречия» (Тифлис, 1848, 144 с.), которую нередко причисляют к пособиям по азербайджанскому языку.[187] В книге Макарова под татарским языком разумеется общеродовое понятие — все языки тюркской семьи, — а под «кавказским наречием» он имел в виду к у м ы к с к и й язык. «Из племен, говорящих татарским языком, — писал Т. Макаров, — мне более всех понравились кумыки, как по определенности и точности, так и по близкости к европейской цивилизации, но главное, я имел в виду то, что они живут на левом фланге Кавказской линии, где у нас военные действия и где все племена, кроме своего языка, говорят и по-кумыкски» (с. IV). И далее (с. 2) автор предупреждает читателей: «Произношение слов в этой грамматике принято кумыкское. . .». Следуя манере изложения фактов одного из тюркских языков в сопоставлении с другими языками этой же семьи (как это делали И. Гиганов, М. А. Казем-Бек, А. Троянский и др.), Макаров часто факты кумыкского языка сопоставляет с таковыми азербайджанского (адербиджанского), ногайского, турецкого, татарского (крымского, казанского, астраханского); на с. 16—17 приведен текст в арабской графике и в упрощенной русской транскрипции для чтения на «кавказском наречии» (т. е. по-кумыкски) и по-азербайджански.[188]

Л. Лопатинский [189] в статье «Кое-что о кумыках и об их языке» (СМОМПК, 1893, т. XVII, отд. III, с. 61; подпись Л. Л.) писал: «Как народ более культурный, кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседних горцев-аборигенов, для которых их язык, весьма близко стоящий к другим тюркским наречиям Северного Кавказа, служит языком международных сношений».

Кумыкский язык для Северного Кавказа, как азербайджанский для Закавказья, был своеобразным Lingua franca.

Именно в силу указанного значения кумыкского языка Л. Н. Толстой, прибывший в мае 1851 г. в станицу Старогладковскую (Кизлярский округ), принялся за изучение кумыкского и, позднее, ногайского языков.[190]

Кумыкская лексика в сопоставлении с рядом других тюркских слов приводится в известном труде Г. Ю. Клапрота «Reise in den Kaukasus und nach Georgien (in den Jahren 1807 und 1808)» (Bd 1—2. Halle—Berlin, 1814).[191]

А. А. Шифнер, научные интересы которого простирались от палеоазиатских до кавказских языков, составил (или, может быть, получил от кого-нибудь уже готовый) русско-кумыкский

---

[186] ББСОТ, с. 208—209.
[187] *Кримський.* Тюрки. с. 493; *Кононов.* История изучения, с. 204.
[188] Разбор книги Т. Макарова см.: *Böhtlingk O.* Zur türkisch-tatarischen Grammatik. 1. Beitrag. — Mél. Asiat., 1852, t. I, p. 127—141.
[189] О нем см. ниже.
[190] *Михайлов М. С.* Л. Н. Толстой и языки тюркской семьи. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 198.
[191] Французский перевод: Voyage au Caucas et en Georgie. Paris, 1832.

разговорник, дошедший до нас в копии, снятой К. Г. Залеманом,[192] и исследованный Н. К. Дмитриевым.[193]

О давнем интересе Залемана к кумыкскому языку свидетельствует также составленный им в студенческие годы (1867—1871) «Русско-кумыкский словарь» (рукопись: ЛОААН, ф. 87, рп. 1, № 316).

Первым собирателем кумыкского фольклора был кумыкский поэт [194] и ученый, преподаватель факультета восточных языков С.-Петербургского университета Магомед Османов,[195] собравший ногайские и кумыкские тексты, напечатанные «по определению Восточного факультета. С.-Петербург, 18 декабря 1883 г.» (174 с.).

Бывшие в моем распоряжении экземпляры этой книги, которая в специальной литературе обычно упоминается как «Ногайские и кумыкские тексты», не имеют (и, вероятно, не имели) титульного листа. На первой странице написано: «Нагайское наречие. Dialecte de Nahai». Затем следуют напечатанные арабским алфавитом: I. Поговорки (с. 1—5); II. Песни (с. 6—7); III. Песни нагайских казаков (с. 8—19); IV. Предание о Нариге и Чуре-Батыре (с. 20—31); V. Предание о Тохтамыш-хане (с. 32—49); VI. Предание о Мирзе Мамае (с. 50—70); VII. Предание о Адыль-султане крымском (с. 71—79); VIII. Песни нагайских казаков (с. 80—95); IX. Предание об Эрю Амеде сыне Айсулы (с. 96—102); X. Предание о Эсен-Булате (с. 103—105). Начиная со с. 106 приводится материал по кумыкскому языку — «Кумыкское наречие. Dialecte de Koumiks»: I. Пословицы и поговорки (с. 106—122); II. Современные песни кумыков (с. 123—142); III. Исторические песни кумыков (с. 143—160); IV. Дополнения к современным кумыкским песням (с. 161—174).

В конце XIX в. опубликован ряд интересных материалов по кумыкскому языку (СМОМПК, 1893, вып. XVII, отд. III): «Кумыкские тексты. Шікестелер. Записаны в ауле Аксае учителем Цаллаговым» (с. 3—32 — русская транскрипция и перевод; с. 32—33 — пояснительные заметки, подписанные Л. Л., т. е. Л. Г. Лопатинским [196]); «Кумыкские песни. Записаны заведующим Костековским училищем М. Афанасьевым» (с. 34—55 — русская транскрипция и перевод; с. 56—57 — заметки, также подписанные Л. Л.); «Начало гуэнской песни. Сообщено Е. Г. Вэйденбаумом» (с. 58—59); «Кое-что о кумыках и об их языке. Л. Л.» (с. 60—63); в приложении приведены «Русско-кумыкский словарь М. Г. Афанасьева» (с. 1—48) и «Кумыкско-русский словарь М. В. Мохира» (с. 49—95). Рецензия на все перечисленные здесь

---

[192] Qumiqische Gespräche. Nach einer vom Akademiker Schiefner mitgeteilten Handschrift abgeschrieben von C. Salemann. Reval, 1871.

[193] *Дмитриев Н. К.* Материалы по истории кумыкского языка. — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. II. М.—Л., 1949, с. 183—247.

[194] *Османов М.* Сборник стихов. Изд. М. Алибеков. Изд. Дагполитпросвета, 1926 (напечатано арабским алфавитом).

[195] ББСОТ, с. 229; Биогр. словарь С.-Петерб. ун-та, т. II, с. 80.

[196] ББСОТ, с. 206; ИИН, № 8460—8463.

статьи написана В. Розеном (ЗВОРАО, 1893, т. VIII, вып. I—II, с. 370—371).

Важное место в истории изучения кумыкского языка занимает кумыкский просветитель Абусуфьян Акаев (1870—1931),[197] приспособивший к его фонетике арабский алфавит, составивший и издавший в 1915 г. четырехъязычный — арабско-кумыкско-аварско-русский — словарь (арабским шрифтом) под названием «Суллам ли лисан» (Лестница языков).

Летом 1889 г. В. Д. Смирнов записал довольно значительный материал по бытовому фольклору кумыков — шесть тетрадей, из которых сохранились только три; ждут еще своего исследователя кумыкские записи Ф. Е. Корша.[198]

4. К р ы м с к о - т а т а р с к и й я з ы к[199] — неоднородный по своему составу, что объясняется историческими условиями формирования тюркского населения Крымского полуострова, — состоит из четырех диалектов.

01. *Южнобережные татары* населяли южный берег Крыма от Байдарских ворот почти до Судака, после освоения его турками-османами (XV в.). По классификации В. В. Радлова их язык относится к юго-западным тюркским (южно-тюркским) языкам, как и турецкий, азербайджанский, туркменский.[200]

До турок-османов еще «в XIII в. тюрки-сельджуки довольно большими ордами осели в Крыму, преимущественно на его южном берегу».[201]

02. *Городские и горные татары*, населявшие Бахчисарай, Симферополь (по-татарски: Акмесджид), Белогорск (Карасубазар), Феодосию, Керчь, говорили смешанным языком, в котором, однако (по наблюдениям А. Е. Крымского), преобладали элементы южнобережного диалекта: «. . .не степовий, ба все ще південний, все ще близький до османской мови в містах — більше, серед чірняков — менше».[202] Этот смешанный язык, составивший основу литературного языка предоктябрьского периода, иногда называли «орта йолак», т. е.'[язык] средней полосы' — расположен-

---

[197] ББСОТ; с. 100; *Акбиев С. М.* Каюм Насыри и Абусуфьян Акаев. — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри. Казань, 1976, с. 199—207.

[198] *Дмитриев Н. К.* Из истории русского кумыковедения, с. 108.

[199] *Радлов В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. VII. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896, XVIII, с. 408, 527; *Самойлович А. Н.* О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов. — Записки Крымск. общ-ва естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1916, т. VI, с. 118—124; *Самойлович А. Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пгр., 1916. 104 с.; *Кримський.* Тюрки, с. 499—504; *Баскаков.* Введение, с. 281—282; *Севортян Э. В.* Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 234—259.

[200] В PhTF (I, S. 272—280) этот диалект рассматривается как особый язык, а потому выделен в особую главу: «Krimosmanische»; ср.: «Das Krimtatarische» (там же, с. 369—390); классификация диалектов — с. 369.

[201] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII века. СПб., 1887, с. 6—9; см. еще: с. 11, 18, 48.

[202] *Кримський.* Тюрки, с. 501.

ной между южным берегом Крыма и его северными, степными частями.

«Южно-турецкое (тюркское) влияние, — писал А. Н. Самойлович, — распространилось с южного берега среди горного и городского населения, проникло отчасти и в степи, но вне южного берега крымско-татарские наречия и до сих пор, несмотря на проникшие в них в разной степени южно-турецкие (тюркские) элементы, остаются, по моим наблюдениям, совершенно определенно западно-турецкими (тюркскими). По моим наблюдениям, — продолжает А. Н. Самойлович, — даже говор крымско-татарской интеллигенции в таких центрах, как Бахчисарай, сохраняет поныне преобладающий западно-турецкий (тюркский) характер как со стороны фонетической, так и в отношении морфологическом при наличности, однако, значительного южно-турецкого (тюркского) влияния».[203]

03. *Степные татары*, давно ведущие оседлый образ жизни, говорили далеко не на однородном диалекте. «Одності в степових діалектах нема; татари властливого Криму (з містом Евпаторіею де багато караімів) говорят не так само, як татари Керченського півострова».[204]

По определению В. В. Радлова, к которому присоединился А. Н. Самойлович, степные татары «ведут свое начало от турецких (=тюркских, — *А. К.*) кочевников, пришедших в Крым после XIII века; следовательно, эти татары родственны племенам, обитавшим с XIII века в северо-кавказских степях (ногайцы)».[205] Степные татары жили вокруг Феодосии, Евпатории и Перекопа.[206]

04. *Перекопские ногайцы* по своему языку были весьма близки к северокавказским ногайцам. По определению В. В. Радлова, их язык — «чистый севернотатарский язык, весьма близко подходящий к киргизскому (т. е. казахскому, — *А. К.*)».[207] По наблюдениям А. Е. Крымского, живой обиходный ногайский язык в Крыму вытеснялся крымскотатарским степным диалектом.[208]

* * *

Дореволюционный крымскотатарский литературный язык восходит, с одной стороны, к смешанному кыпчакско-огузскому языку (это преимущественно официальные документы, тяготеющие к традициям золотоордынской литературы); с другой стороны, к сельджукско-огузскому и османскому языку (преимущественно — официальные документы турок-османов XV—XVIII вв.).[209]

---

[203] *Самойлович А. Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики, с. 7; см. еще: *Севортян Э. В.* Указ. соч., с. 234.
[204] *Кримський.* Тюрки, с. 501.
[205] *Самойлович А. Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики, с. 6.
[206] Там же, с. 7.
[207] *Радлов В. В.* Указ. соч., с. XVI.
[208] *Кримський.* Тюрки, с. 502.
[209] Подробнее см.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979, с. 101—111.

По мнению крупнейшего знатока крымскотатарского языка — А. Н. Самойловича, «письменный крымскотатарский язык усвоил южно-турецкий (тюркский) характер, как в грамматическом, так и в словарном отношении. . . в настоящее время (2-е десятилетие XX в., — *А. К.*) он мало отличается в этом отношении от османско-турецкого. Главное отличие современного крымскотатарского письменного языка от османско-турецкого заключается в простоте стиля: ему чужды сложные османско-турецкие периоды и чрезмерное пользование иноязычным, арабско-персидским словарным материалом».[210]

Старейшим памятником крымскотатарского — степного, северного — языка является Codex Cumanicus (Библиотека собора св. Марка в Венеции), состоящий из Латинско-персидско-куманского словаря, составленного в 1294/95 гг. в Крыму (г. Солхате) итальянскими поселенцами и служившего как целям итальянских купцов, так и целям католических миссионеров, насаждавшим, и не безуспешно, христианство среди куманов (кыпчаков). По свидетельству арабского путешественника Ибн-Батуты (XIV в.), он видел кыпчаков-христиан в Крыму между Керчью и Кафой (Феодосией).[211] Этот Словарь в 1303 г. был переписан в католическом монастыре Св. Иоанна, в г. Сарае, в низовьях Волги.[212] Здесь в 40-х годах XIV в. к Словарю были добавлены немецкими францисканскими монахами-миссионерами переводы на «куманский» язык текстов из Евангелия, куманско-немецкие и куманско-латинские вокабулы, католические гимны, загадки и заметки по грамматике «куманского» языка.[213]

Современные исследователи «Кодекса» резко расходятся в определении языковой принадлежности этого памятника: одни считают «язык „Кодекса“ предтечей новокыпчакских языков Крыма и Северного Кавказа — крымскотатарского и караимского, кумыкского и карачаево-балкарского; другие связывали его с наречиями поволжско-татарского языка — мишарским, казанским и „старотатарским“; третьи так же не без оснований сближали язык „Кодекса“ с арало-каспийской подобщностью кыпчакских языков — казахским, каракалпакским и ногайским; наконец, четвертые пытались уловить черты сходства куманского с „чагатайским“

---

[210] *Самойлович А. Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики, с. 7—8.

[211] *Бартольд.* Соч., т. V, с. 140. — О татарах-христианах см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. . .., с. 34—35.

[212] О местоположении этого города см.: *Бартольд.* Соч., т. V, с. 137.

[213] Подробнее см.: Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX. In Faksimile herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grönbech. Kopenhagen, 1936, S. 7—12; *Gabain A.* v. 1) Die Sprache des Codex Cumanicus. — PhTF, I, S. 46—73; 2) Komanische Literatur. — PhTF, II, S. 243—251; *Баскаков.* Введение, с. 273—274; *Курышжанов А. К.* К истории изучения куманского языка. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., Алма-Ата, 1972, № 3, с. 32—42; *Ligeti L.* Prolegomena to the Codex Cumanicus. — AOH, t. XXXV/1, 1981, p. 1—54 (история изучения — с. 3—7); *Drüll D.* Der Codex Cumanicus. Entstehung und Bedeutung. Stutgart, 1980.

и восточно-тюркскими-карлукскими? — диалектами, что оказалось менее аргументированным».[214]

А. Куник в сборнике Б. А. Дорна «Каспий» (СПб., 1875, с. 387) писал: «Так называемое Vocabularium Cumanicum («Codex Cumanicus») собственно следовало бы называть «nogaicum» или «tataricum», так как во время его составления (1303) в Северном Черномории уже не было более команов или половцев»,[215] — с чем не соглашался А. Е. Крымский.[216]

При определении языка крымских и волжских куманов и определении языка «Codex Cumanicus'a» (в его словарной части) следует иметь в виду весьма тонкое и точное замечание П. М. Мелиоранского: «Я думаю, — писал он, — что эти крымские куманы говорили более чистым и единообразным языком, чем „кыпчаки", выходцы с низовьев Волги, так как орда Батыя и его преемников состояла из смеси различных турецких (т. е. тюркских — *А. К.*) и монгольских племен».[217]

Невольный путешественник по землям тюрков Иоганн Шильдбергер (1381—1440) записал в Крыму (примерно в 20-х годах XV столетия) от «татар»-христиан латинскими буквами молитву «Thatarisch Pater Noster — Отче наш на татарском языке».[218]

Некоторые сведения о степном, северном диалекте крымскотатарского языка в сопоставлении с турецким языком сообщает М. Медици в своей Грамматике, написанной в 1841 г. в Крыму, в Карасубазаре (ныне: Белогорск) (см. с. 232).

Исключительное значение для изучения письменно-литературного крымскотатарского языка официального стиля имеют «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению имп. Академии наук, из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Издал В. В. Вельяминов-Зернов» (СПб., 1864. XI, 941 (1) с. (предисловие на русском и французском языках; тексты на крымскотатарском языке); книга состоит из татарских наборных текстов: (с. 1—899 — 378 документов; с. 900—938 — именной, географический и терминологический указатели, составленные Х. Фаизхановым). Эти «Материалы» имеют большое значение для изучения сношений Крымского ханства с Россией и Польшей начиная с 1520 г. по 1722 г. включительно.

Исключительная по важности роль в подготовке — снятие копий и выявление ранее не зарегистрированных документов в названном выше Архиве — и в издании этого огромного труда принадлежит Хусаину Фаизханову,[219] о чем свидетельствуют

---

[214] *Гарипов Т. М.* Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979, с. 13—14.
[215] Цит. по: *Кримський.* Тюрки, с. 518, сн. 1.
[216] Подробнее см.: там же, с. 517—524.
[217] *Мелиоранский П. М.* Указ. соч., с. IX.
[218] Подробнее см.: *Кононов.* Очерк, с. 9—10.
[219] Подробнее см.: *Усманов М.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности. Казань, 1980, с. 51—59.

слова (написанные по-татарски, на титульном листе справа): эта книга «опубликована по постановлению имп. Академии наук в Петербурге, при попечении члена оной Академии Владимира Вельяминова-Зернова и при помощи преподавателя Петербургского университета муллы Хусаина Фаизханова, в типографии упомянутой Академии».[220]

Документы, опубликованные в «Материалах», по мнению В. Д. Смирнова, «любопытны не по одним фактическим данным, которые в них находятся, но и как памятники официального туземного языка крымского ханства».[221]

К сожалению, «Материалы» — важнейший источник для истории тюркских (особенно крымскотатарского) языков официально-канцелярского стиля — до сих пор не были предметом всестороннего лингвистического исследования. Только одна из грамот XVII в., помещенная в «Материалах», адресованная Бехадыр-агою, везирем Селим-Гирея I, князю В. В. Голицину (с. 894—897), была обследована А. Н. Самойловичем в статье «К истории крымско-татарского литературного языка» (Вестник Научн. об-ва татароведения, 1927, № 7, с. 27—33).

«Заключающиеся в этих объемистых «Материалах» документы на крымскотатарском языке относятся, — писал А. Н. Самойлович, — к периоду времени от XVI по XVII век и свидетельствуют о том, что до конца XVII века османско-турецкому литературному языку не удавалось окончательно заглушить в канцеляриях крымских ханов литературной традиции Джучиева улуса, и о том, что живой степной ногайский говор также находил некоторый доступ к официальному языку международной переписки крымскотатарского ханского правительства».[222]

Упоминаемые Э. В. Севортяном в работе «Крымско-татарский язык» (с. 234) «старейшие памятники крымскотатарского языка» XVII—XVIII вв., которые «несут на себе влияние османского литературного языка тех веков», до сих пор со стороны языка не исследованы, потому неизвестно, могут ли они быть безоговорочно причислены к памятникам крымскотатарского языка (см. выше).

Материалы по народной словесности крымских татар и караимов, собранные В. В. Радловым (см. выше), представляют теперь (как и почти все материалы, изданные им в «Образцах») *единственный* в своем роде источник по истории крымскотатарского языка в его народно-разговорном и фольклорном стилях; теперь эти записи В. В. Радлова являются *историческим документом* первостепенного значения.

До сих пор не был предметом специального лингвистического исследования, о чем следует горько сожалеть, труд по истории

---

[220] Цит. по: *Усманов М.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова, с. 58.
[221] *Смирнов В. Д.* Указ. соч., с. XXIV.
[222] *Самойлович А. Н.* К истории крымско-татарского литературного языка, с. 28.

Крымского ханства: «Ассеб о-ссейяр,[223] или Семь планет,[224] содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т. е. с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение Мухаммеда Ризы, изданное имп. Казанским университетом под наблюдением Мирзы Казембека. . . Казань в Университетской типографии, 1832» (Текст арабскими буквами, 1—344 с.; фихрист, 1—8 с. (без нумерации); Предисловие, I—XXVIII с.). После издания текста Казем-Бек опубликовал «Извлечение из истории «Семи планет»» (ЖМНП, 1835, ч. 6, с. 349 и сл.).

Как заметил М. А. Казем-Бек, «судя по чистоте, правильности (с точки зрения тогдашнего турецкого языка, — *А. К.*) и красноречию в слоге, Риза был турок или по крайней мере воспитывался в Турции» (с. III).

Однако, по мнению В. Д. Смирнова (указ. соч., с. XI), «близкое знакомство Ризы с фактами татарско-крымской истории и оценки этих фактов скорее заставляют думать, что он и по рождению и по воспитанию был коренной крымец; а его происхождение, ученость и связи могли открыть ему путь к высокому положению в Отоманской империи».

Каково бы ни было происхождение Ризы, его сочинение безусловно представляет исключительный интерес как памятник историографического стиля крымскотатарского языка.

Первым опытом диалектографического изучения Крыма является работа В. А. Богородицкого «Диалектологические заметки. V. О крымско-татарском наречии» (УЗКУ, 1902, т. 70, кн. 12, с. 1—23, — материал записан от учителя-татарина из Судака). Затем последовали записи песен, пословиц и поговорок (*Олесницкий А.* 1) Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка. Под редакцией В. А. Гордлевского. М., 1910 (записи сделаны на южном берегу); 2) Материалы по изучению крымской народной поэзии. — Восточный сборник Общества русских ориенталистов, т. I. СПб., 1913; *Самойлович А. Н.* 1) Крымская песня про Порт-Артур. — ЖС, 1910, т. XIX; 2) Песни крымских татар про Вторую Отечественную войну. — ЖС, 1914, т. XXXIII, с. 409—420; *Самойлович А. Н., Фалев П. А.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым. — Изв. Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915, вып. 52, с. 1—67. — «Замечания» В. А. Гордлевского на эту работу см.: ЗВОРАО, 1921, т. XXV, с. 89—132; то же: *Гордлевский В. А.* Избр. соч., т. IV, с. 225—256).

Первым научным описанием грамматического строя крымскотатарского языка был «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» А. Н. Самойловича (Пгр., 1916); ему предшествовали сугубо практические учебники: «Самоучитель турко-татарского

---

[223] М. А. Казем-Бек прочитал эту арабскую конструкцию (изафет) на персидский манер; по-арабски: Ассаб ас-саййар.

[224] Так автор назвал свое сочинение в честь семи наиболее известных крымских ханов.

и новогреческого языков» В. Х. Кондараки (Универсальное описание Крыма, ч. II. СПб., 1875. 132 с.), «Краткий практический учебник русского языка для татарских начальных школ» (Одесса, 1873—1875), «Краткий практический учебник татарского языка (Этимология) для русских. Составил Осман Заатов, преподаватель Симферопольской русско-татарской Министерской школы. Симферополь (крымское наречие)» (Бахчисарай, 1915. 48, 19 с.).

Единственным лексикографическим опытом крымскотатарского языка является «Полный русско-татарский словарь крымскотатарского наречия. Составил преподаватель Симферопольской русско-татарской Министерской школы Осман Заатов» (Симферополь, 1906. 120 с.). О рукописных словарях см. с. 91, 97.

Наибольших успехов в деле изучения языка, фольклора и этнографии туркмен и крымских татар добился А. Н. Самойлович; см.: «Список трудов А. Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем» (ТСб. 1974, с. 263—292; составил Ф. Д. Ашнин) и «Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича» (там же, с. 293—302; составила Л. В. Дмитриева).

5. Урумские говоры Северного Приазовья.[225] Давнее население Южного Крыма *урумы* (< *рум* 'анатолийский грек') — христиане по вероисповеданию, в большинстве своем перенявшие южнобережный крымскотатарский язык, — указом Екатерины II были переселены (1779 г.) из Крыма в Северное Приазовье; местом их обитания, по современному административному делению, является Донецкая область УССР и г. Жданов (мариупольские греки).[226]

Они принесли на новые места обитания свою литературу на крымскотатарском языке, для записи которой они использовали приспособленный к этому языку греческий алфавит. Самый старый образец языка урумов, или мариупольских греков, представлен двумя рукописями — тексты религиозного и светского содержания были опубликованы (без транскрипции и перевода) О. Блау (*Blau O.* Griechisch-türkische Sprach-Proben aus Mariupoler Handschriften. — ZDMG, 1874, Bd 28, S. 562—576). По весьма правдоподобному мнению Блау, обе рукописи написаны на простонародном языке крымских татар XVI—XVII вв.; тем самым эти тексты являются ценным материалом для истории крымскотатарского языка.

---

[225] *Кримський.* Тюрки, с. 506—507; *Браун Ф.* Мариупольские грекп. — ЖС, 1890, вып. 2, отд. 1, с. 78—92; *Гаркавец А. Н.* О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья. — СТ, 1981, № 2, с. 46—58.

[226] *Муратов С. Н.* Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкой области УССР. — КСИНА, 1963, № 72, с. 178—191; *Оглух Ф. И., Гаркавец О. М.* Особливости фонетики и морфології однієї з урумських говірок. — Мовознавство, 1980, № 1, с. 50—56; *Гаркавец О. М.* Проблема виділеня інфінітива в урумській мові. — Мовознавсьтво, 1981, № 3, с. 47—54.

В 40-х и 50-х годах текущего столетия грузинские тюркологи, ученики С. С. Джикия,[227] обследовали говоры тюркоязычных греков, проживающих в горных районах Грузинской ССР, — выходцев из Восточной и Северо-Восточной Анатолии.[228] Э. Р. Тенишев недавно записал небольшой материал от урумки, уроженки Трабзона, проживающей близ Геленджика (Краснодарский край).[229]

Язык тюркоязычных урумов представляет определенный интерес для истории тюркских языков, а потому его углубленное изучение следует продолжать.

6. Язык литовских/белорусских татар,[230] — сохранившийся только в ономастике, в отдельных терминах бытового обихода и рукописных памятниках, — был распространен в Литве (Вильнюс, Каунас), в Белоруссии (Минск и др.) начиная примерно с начала XIV в.

Язык литовских—белорусских татар — в основной своей массе пришельцев из западных областей Золотой Орды и Крыма (XIV—XV вв.) — принадлежал к кыпчакской группе тюркских языков.[231]

Первым исследователем языка литовских татар был профессор факультета восточных языков С.-Петербургского университета А. О. Мухлинский; его работы: 1) «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Годичный торжественный акт имп. С.-Петербургского университета, бывший 8 февраля 1857 (СПб., 1857, с. 115—182; то же: Отдельный оттиск. СПб., 1857; то же: Типо-литография штаба Одесского военного округа. 1902. 59 с., 8°; рецензия: *Березин И. Н.* — ЖМНП, 1857, ч. 94, отд. VI, с. 129—130); 2) «Zdanie sprawy o tatarach litewskich, przez jednego z tych tatarów złożone sultanowi Sulejmanowi w. r. 1558. Z języka tureckiego przełożył, objaśnił, materjałami historicznemi uzupełnił. . .» (Teka Wileńska, 1858, N 4, s. 240—272, N 5, s. 121—179, N 6, Materjały z metryki litewskiej, s. 139—183; то же: отдельный оттиск с приложением турецкого текста, Вильно, 1858, 137. 24 с. 8°).

Вторая из названных работ Мухлинского — перевод с турецкого языка «докладной записки» «Трактат о польских татарах —

---

[227] *Джикия С. С.* О диалектологической работе по тюркским языкам в Грузинской ССР. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. — Труды ИЛЯ АН АзССР, 1958, т. XII, с. 107—110.

[228] *Гудиашвили Е. В.* Особенности турецкого говора населения Цалкинского района. Акд. Тбилиси, 1949. 12 с.; *Джанашиа Н. Н.* Особенности речи тюркоязычного населения Верхней Цалки. Акд. Тбилиси, 1955. 14 с.; *Корелов И. А.* Язык триалетских урумов и его специфические особенности. Акд. Баку, 1970. 20 с.

[229] *Тенишев Э. Р.* Говор урумов села Прасковеевки. — СТ, 1973, № 1, с. 92—96.

[230] *Кримський.* Тюрки, с. 507—509; *Кричинский Л. К.* Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. Пгр., 1917. 84 с.

[231] Подробнее см.: *Дубинский А. И.* Заметки о языке литовских татар. — ВЯ, 1972, № 1, с. 82—88; *Borawski P.* Z dziejów kolonizacji tatarskiej w Wielkim księstwie litewskim i w Polsce (XIV—XVII w.). — Przegląd Orientalistyczny. Warszawa, 1977, N 4 (104), s. 291—304.

Risale-i Tatar-i Leh», написанной в 1558 г. литовским татарином о жизни его соплеменников в Литве и предназначенной, по словам автора, для турецких вельмож, в частности для везиря Рустам-паши, который и передал ее султану Сулейману Великолепному (по-турецки: Kanunî Sultan Süleyman, 1494—1566).[232]

Литовские и белорусские татары утратили свой родной язык уже в конце XVI в. и усвоили польский и белорусский языки; этими славянскими языками они пользовались и в качестве письменно-литературных языков, но сохранили свою религию — ислам и вместе с ним арабскую графику.[233]

Кыпчакско-булгарская подгруппа

1. Башкирский язык[234] еще в XVIII в. привлек внимание ученых-путешественников, собиравших в числе прочего и лингвистический материал.[235] Лексика башкирского языка зарегистрирована, среди других тюркских языков, в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» («Татарский язык башкирского племени»).

Первый — к сожалению, не дошедший до нашего времени — «Словарь башкирского языка» составил натуралист Иоганн Готлиб Георги, автор «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» (СПб., 1799). В этом «Описании» он, в отличие от многих своих современников, четко определил место башкирского в семье «татарских» языков: «Язык их (т. е. башкир) есть татарское же, но с казанским весьма несходное наречие».

Сведения по башкирской грамматике в относительно систематическом изложении впервые были приведены Мир-Салихом Бикчуриным в книге «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» (изд. 2-е, дополненное. Казань, 1869, 159 (13) с.).[236]

Некоторые сведения о башкирском языке содержатся в «Татарской грамматике» и «Татарской хрестоматии» Мартиниана Ива

---

[232] Подробнее см.: *Смирнов В. Д.* Крымское ханство. . ., с. 153—166; *Дубинский А. И.* Указ. соч., с. 82.

[233] Подробнее см.: *Антонович А. К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968 (обширная библиография).

[234] *Кримський.* Тюрки, с. 533—534; *Гарипов Т. М.* 1) Изучение башкирского языка в дореволюционный период. — В кн.: Вопросы башкирской филологии. М., 1959, с. 35—42; 2) Библиография по башкирскому языкознанию, вып. 1(до Великой Октябрьской социалистической революции). — Там же, с. 153—155; *Юлдашев А. А.* Башкирский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 56—72; *Руденко С. И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955; *Баскаков.* Введение, с. 289—291; Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981 (гл. «Об изучении башкирского языка», с. 13—29); Башкирское языкознание. Указатель литературы. Уфа, 1980. 240 с.

[235] *Булич*, с. 435.

[236] ББСОТ, с. 121.

нова. И. Н. Березин в своей «Турецкой хрестоматии» (т. III, Казань, 1876) уделил «башкирскому наречию» первые десять страниц, где приведены две башкирские сказки и сто четыре песни (йыр).

Пионером башкирской лексикографии является В. В. Катаринский, составивший два словаря. «Краткий русско-башкирский словарь» (Оренбург, 1893; без упоминания имени составителя) содержит «около 2500 слов, разбитых на группы частью по семантическим, частью по грамматическим признакам»; этот словарь, по мнению башкироведов, отражает «оренбургское наречие» (бывшей Катайской волости). «Башкирско-русский словарь» (Оренбург, 1899; на обложке — 1900) также отражает оренбургское наречие башкирского языка, что специалисты связывают с участием в составлении словаря учителя Серменовской русско-башкирской школы Мохаммеда-Галима Куватова, происходившего из рода катай.

В истории отечественного башкироведения особое место занимает А. Г. Бессонов (1848—1917?) — учитель, инспектор народных училищ, выдающийся знаток башкирского и татарского языков, этнограф и фольклорист, «страстный собиратель образцов народной словесности» башкир и татар.

В своей статье «О говорах кизянского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» (ЖМНП, 1881, ч. 266, отд. 2, с. 200—242) А. Г. Бессонов привел довольно точную характеристику звукового состава, грамматического строя и лексики татарского и башкирского языков с их основными говорами. Он заложил основы башкирской и татарской диалектологии.[237] Особенно велики его заслуги в области изучения башкирского фольклора.[238]

«Букварь для башкир» (Казань, 1907), составитель которого обозначен инициалами А. Б. (Александр Бессонов), был вторым после анонимного «Букваря для башкир» (Оренбург, 1892; 2-е изд. — 1898); третий и последний из дооктябрьских букварей — книга крещеного башкира Мстислава А. Кулаева «Основы звукопроизношения и азбуки для башкир» (Казань, 1912).

В конце XIX в. изучением башкирских диалектов занимался Н. Ф. Катанов — об этом свидетельствуют его «Отчет о поездке, совершенной с 1 апреля 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии» (УЗКУ, 1898) и «Отчет о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа

---

[237] *Бурганова И. Б., Махмутова Л. Т.* К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров. — В кн.: Материалы по татарской диалектологии, 2. Казань, 1962, с. 7.

[238] Подробнее см.: Башкирские народные сказки. Записи А. Г. Бессонова. Уфа, 1941 (введение от редактора Н. К. Дмитриева — с. 3—39; примечания — с. 350—365). — Биографические сведения о А. Г. Бессонове см. еще: *Муратов С. И.* Башкирская сказка в записи А. Г. Бессонова из рукописного собрания Института востоковедения АН СССР. — В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 178—189; ББСОТ, с. 126—127.

1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии» (там же, 1899). В Центральном Гос. архиве ТАССР (Казань) хранится «Азбука для башкирского языка», составленная Н. Ф. Катановым (*Халикова Р. Х., Шакуров Р. З.* Еще одна страница из научного наследия Н. Ф. Катанова. — СТ, 1981, № 3, с. 36—38).

В пятом разделе труда В. И. Филоненко «Башкиры» (Вестник Оренбургского учебного округа, Уфа, 1913, № 2, 5, 6, 7—8; 1914, № 2, 3, 8), озаглавленном «Язык башкир», излагаются сведения о башкирско-татарских языковых параллелях.

Слабой изученностью башкирского языка в дооктябрьский период объясняется такой на первый взгляд поразительный факт, как отсутствие башкирского материала в «Образцах» В. В. Радлова, почти полное отсутствие башкирских слов в радловском «Опыте словаря тюркских наречий» и малое внимание, уделяемое Радловым башкирскому языку в «Фонетике северных тюркских языков». Это тем более странно, что В. В. Радлов во время пребывания в Казани (1871—1884) мог получить башкирский материал из первых рук.

К истории изучения башкирского языка в России имеют некоторое отношение два русских историка: В. В. Вельяминов-Зернов и Д. Н. Соколов.

Первый дал перечень имен башкирских тарханов в «Источниках для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями» (ЗИАН, 1864, т. IV, № 6, Приложение), и исследовал один из палеографических образцов в работе «Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии» (ТВОРАО; 1859, т. IV).

Второму принадлежит «Опыт разбора одной башкирской летописи» (Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1898, вып. IV) и статья «О башкирских тамгах» (там же, 1904, вып. XIII), в которой делается попытка вывести происхождение орхоно-енисейских рун из тюркских тамг.[239] О рукописных материалах по башкирскому языку см. с. 92.

2. Т а т а р с к и й я з ы к [240] был первым тюркским языком, введенным в середине XVIII в. в программу школьного преподавания для русских (Академическая гимназия при Московском университете, Астраханское училище, 1-я Казанская гимназия, — см. с. 129). Татарский лексический материал впервые в печатном издании был представлен в книге историка и археографа акаде-

---

[239] Эта идея — происхождение тюркского рунического письма из тамг — впервые была предложена академиком А. А. Шифнером; позднее она находила поддержку у Г. Вамбери, Н. А. Аристова, Н. Г. Маллицкого. Подробнее см.: *Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 14.

[240] *Кримський.* Тюрки, с. 526—533; *Баскаков.* Введение, с. 285—289; *Закиев М. З.* Татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 139—154; *Закирова М. З.* Исторический обзор грамматик татарского языка. Акд. Казань, 1951. 20 с.; *Нугманов М.* Русско-татарские рукописные словари XVII—XVIII веков. Казань, 1969. 112 с. (на тат. яз.); *Закиев М. З.* Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX в.). — Turcologica, с. 73—78.

мика Г.-Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов. . .» (СПб., 1756). Татарский же язык был первым, лексический состав которого был наиболее полно зафиксирован еще во второй половине XVIII столетия (словари Сагита Хальфина и Дамаскина, — см. с. 102).

Для успехов грамматического изучения тюркских языков большое значение имела научная и педагогическая деятельность Иосифа (Осипа) Ивановича Гиганова (ум. в 1800 г.),[241] автора первой печатной грамматики татарского языка (Тобольского наречия) для русских: «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. В Санктпетербурге, при имп. Академии Наук, 1801 года» (188 с.).[242]

К «Грамматике» приложен татарско-русский предметный словарик (в одном переплете с грамматикой, пагинация особая — 75 с.): «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку. . .». Отдельным изданием вышел его «Словарь российско-татарский» (СПб., 1804. 2, 680, 2 с.).[243]

При изложении основных положений грамматики И. Гиганов, чтобы показать различия, часто привлекает соответствующий материал из киргизского и турецкого языков: «Творительный (падеж, — *А. К.*) в Сибири означают послеположениями *блан*, *бирлан*, турки — *иле*, киргизы — *мнянь*» (с. 25); не остаются без внимания и некоторые фонетические различия между казанско-татарским и сибирско-татарским: «*баскычъ* — лестница, в Сибири говорят — *баскыцъ*» (с. 9).

Из сказанного можно заключить, что грамматика Гиганова — первый опыт сравнительной грамматики трех названных выше тюркских языков.[244]

Глубина и обстоятельность изложения грамматики татарского языка дают основание видеть в И. Гиганове талантливого исследователя, хорошо подготовленного тюрколога.

«К чести отца Гиганова, — писал В. В. Григорьев в рецензии на его грамматику, — в особенности должно заметить, что, не

---

[241] ББСОТ, с. 146—147.

[242] Грамматика закончена составлением в 1798 г. (Гос. архив Тюменской области, г. Тобольск, д. 195 и 276); в 1799 г. Синод обратился к Павлу I с просьбой разрешить ее печатание (НАА, 1969, № 3, с. 102—103).

[243] С. М. Михайлова в работе «Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800—1861)» (Казань, 1972, с. 99—101) «в порядке гипотезы» высказала следующее предположение: «. . . сочинение (Словарь, — *А. К.*) Гиганова не является оригинальным; в значительной степени, если не абсолютной, в основу его положен вышеназванный „Словарь" Сагита Хальфина» (с. 99). С этим едва ли можно согласиться, имея в виду отличное знание Гигановым татарского языка и малую вероятность возможности пользоваться Словарем Хальфина ввиду его ограниченного «тиража»: известно только три списка этого словаря (см. с. 10).

[244] *Кононов А. Н.* Из истории татарского языкознания: Татарская грамматика Иосифа Гиганова (1801). — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри, с. 69—78.

зная о существовании изданных уже в Европе пособий для изучения оттоманского наречия (т. е. турецкого языка, — *А. К.*)[245] и первый занимаясь изложением грамматических правил языка, по духу своему нисколько не похожего на русский и древние классические, он сразу понял, в чем дело, и представил его в настоящем виде, нисколько не натянув законов тюркской этимологии на латинскую норму, как делали это первые западные ученые, писавшие грамматики восточных языков» (СПб. Академические ведомости, 1847, № 84).

По мнению татарского лингвиста М. З. Закиева, труд И. Гиганова «представляет наиболее полное для того времени описание грамматической структуры татарского языка, сделанное по образцу русских грамматик, особенно Российской грамматики М. В. Ломоносова, которая была в числе учебных пособий русских гимназий и других учебных заведений».[246]

И. И. Гиганов был не только автором, но и редактором учебных пособий: «Букварь [247] татарского и арабского письма, с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском Главном народном училище бухарцем Ният Бакою Атнометевым,[248] под руководством татарского языка учителя, соборного священника Иосифа Гиганова. В Санктпетербурге, при имп. Академии наук. 1802 года» (66 с.). На последней странице «Букваря» указано: «В точности перевода и сочинения букваря и порядка буквенного свидетельствовал учитель татарского языка священник Иосиф Гиганов».

В «Опыте российской библиографии» (ч. II, СПб., 1904) В. С. Сопикова под № 2997 упоминается «Грамматика турецкого и арабского языка, с словарем, сочиненная Тобольской главной школы учителем, священником Иосифом Гигановым. СПб., 1801, в 4°».

Ни в одной из известных библиотек СССР этой книги нет.

Шторх и Аделунг в своем обзоре не упоминают названной Сопиковым грамматики турецкого и арабского языков И. Гиганова; у Сопикова же нет упоминания о «Грамматике татарского языка» того же автора.

Опытный библиограф В. Б. Португаль высказал по этому поводу следующее предположение: не объединил ли Сопиков две книги — «Грамматику татарского языка» И. Гиганова и «Букварь татарского и арабского письма» Н.-Б. Атнометева — в одну под указанным выше заголовком?

---

[245] Едва ли это так: Гиганов мог знать и пользоваться русским переводом турецкой грамматики Гольдермана (с. 224).

[246] *Закиев М. З.* Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей казанской школы тюркологов. — В кн.: Вопросы тюркологии. УЗ КазГПИ, 1970, с. 15—16; см. еще с. 17—18.

[247] *Шторх А., Аделунг Ф.* Систематический обзор литературы в России в течение пятилетия с 1801 по 1806 г., ч. 1. СПб., 1810, № 68 (вместо «Букварь» — по ошибке «Азбука»).

[248] *Веселовский.* Сведения, с. 110: «Ният-Баки Атнометовым».

Ибрагим Хальфин (1778—1829),[249] всю свою жизнь преподававший татарский язык в Казанской гимназии и университете (см. с. 134), стремился обеспечить своих слушателей необходимыми учебными пособиями; с этой целью он составил и издал две книги: 1) «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения, преподаваемые в имп. Казанской гимназии. В типографии Казанского университета, 1809 года» (106 с., без упоминания фамилии автора);[250] 2) «Жизнь Джингиз-хана и Аксак Тимура с присовокуплением разных отрывков, до истории касающихся, коих все слова для обучающихся расположены по алфавиту, в пользу воспитанников имп. Казанского университета составленная лектором онаго Университета Ибрагимом Хальфиным. Казань, в Университетской типографии, 1821».[251] Русскому титульному листу предшествует татарский, набранный арабскими буквами, — «Ахвал-и Чингиз хан ва Аксак Тимур. . .», — датированный 1819 г. н. э.=1234 г. хиджры. Это расхождение в датах объясняется тем, что «текст книги отпечатан в 1819 году, а приложение к ней — словари (татарско-русский и русско-татарский, — *А. К.*) — в 1821 году».[252]

Книга начинается с Предисловия (на русском и татарском языках), где сказано, что составитель «старался по возможности объяснить все трудные выражения, все старинные слова, вышедшие из употребления, и очистить текст, ни мало его не изменяя, от двусмысленности и непонятности, сверяя с другими рукописями и выбирая вероятнейшие» (с. 2).

Затем следует татарский текст арабскими буквами (с. 9—91) с подстрочным русским переводом отдельных слов и словосочетаний (с. 9—45) и татарско-русский словарь по тексту (с. 2—67).[253]

А. А. Троянский, «владевший татарским языком как родным и выучившийся ему с малолетства от деревенских татар»,[254] оставил по себе память в истории изучения татарского языка двумя трудами. «Крайний недостаток учебных книг сего (т. е. татарского, — *А. К.*) языка. . . заставлял меня, — писал Троянский, — составить правила оного по образцу грамматик других языков; а знание мое в оном из детства еще приобретенное, а паче обращением с учеными муллами умноженное, ободрило меня к предприятию

---

[249] ББСОТ, с. 281—282; *Гайнуллин*, с. 14—17.

[250] При изложении грамматики татарского языка очевидна зависимость ее автора от системы, принятой И. Гигановым; см. еще: *Ахметгалиева Я. С.* Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина. (К характеристике лингвистического наследия). — СТ, 1979, № 6, с. 23—30.

[251] Обстоятельный анализ сочинения «Дафтар-и Чингиз-наме» (Жизнь Джингиз (Чингис)-хана) см.: *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, с. 97—133.

[252] *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги (от начала возникновения до 60-х годов XIX века). Казань, 1971, с. 147.

[253] Рукопись этого труда Ибр. Хальфина хранится в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского Казанского университета; см.: *Фатхиев.* Описание, с. 27—29.

[254] *Ильминский Н.* Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1862, с. 15. — См. еще с. 194.

труда сего» (предисловие к первой книге, с. I—II). Первый из них — «Краткая татарская грамматика в пользу учащегося юношества, сочиненная Казанской (духовной, — *А. К.*) академии учителем татарского языка священником Александром Троянским. Изданная от Комиссии духовных училищ. 1814» (12, 199 с.; с.168—199: «Разговоры татарские»); «вторым тиснением» издана в Казани в 1824 г.; третье издание, исправленное и дополненное, вышло в 1860 г., тоже в Казани. Кем была исправлена и дополнена грамматика Троянского? Этот вопрос пока остается без ответа. Может быть, Н. И. Ильминским? Второй труд — «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии священника Александра Троянского. Казань, 1833» (т. I, 629, 4 с.; т. II, 340 с.).

В книге В. П. Вишневского «Начертание правил чувашского языка и словарь» (Казань, 1836) в 3-м разделе после грамматики (с. 3—67) и чувашско-русского словаря (с. 69—216) перечислены «Слова, сходные в чувашском, татарском и черемисском языках» (с. 217—246) — один из первых опытов сравнительного изучения лексики названных языков. В 1842 г. в Казани появились «Татарская грамматика» (8, IV, 341 с.) и «Татарская хрестоматия» (194, 174 с.), составителем которых был Мартиниан Иванович Иванов (1812—?), питомец Неплюевского военного училища (выпуск 1831 г.), выдержавший в 1832 г. в Казанском университете экзамен на звание учителя татарского и персидского языков и получивший в том же году место младшего учителя татарского языка в Неплюевском военном училище (см. с. 189).[255]

«Татарская грамматика» Иванова — о ней с похвалой отозвался В. В. Григорьев [256] — представляет собой по существу сравнительную грамматику, в которой строй татарского языка сравнивается с таковым башкирского и казахского языков. Хрестоматия состоит из двух частей: 1) примеры из разговорного языка татар, башкир, казахов; 2) примеры из книжного языка.

Тиражи грамматики и хрестоматии Иванова, печатавшиеся одновременно, почти полностью сгорели во время пожара (24 августа 1842 г.) типографии Казанского университета; сохранились лишь считанные экземпляры (в частности, в библиотеке ЛОИВ).[257]

---

[255] ББСОТ, с. 168.

[256] СПб. Академические ведомости, 1847, № 85. — Рецензии на грамматику и хрестоматию М. Иванова см.: Отечественные записки, 1842, т. XXV, № 12, с. 55; Маяк, 1843, т. VIII, с. 44; *Кримський.* Тюрки, с. 528.

[257] В научной библиотеке МГУ в фонде профессора-индолога, питомца Казанского университета П. Я. Петрова (1814—1875) хранится рукопись «Выписки из сгоревшей татарской хрестоматии, составленной в 1842 г. (в цитируемой статье по ошибке: 1824 г., — *А. К.*) в Казани Ивановым. Рукопись датируется 1849 г., ее переписчиком был Мухаммед Махмуд (=Мухаммед-Галей Махмудов; ББСОТ, с. 214, — *А. К.*). Рукопись содержит 52 страницы» (*Клейнман Г. А.* Восточные фонды научной библиотеки им. А. М. Горького Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова. — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. Статьи и сообщения. М., 1963, с. 216).

Хрестоматия М. И. Иванова имела большое значение для популяризации мнения о необходимости создания татарского литературного языка, доступного широким народным массам; с этой целью Иванов включил в свою хрестоматию произведения устного поэтического творчества татарского народа: 128 пословиц, 70 песен, 34 загадки (все записаны Ивановым).

М. И. Иванов был одним из первых переводчиков произведений образцов русской литературы на татарский язык; он перевел и включил в свою хрестоматию 17 басен (большинство которых принадлежали И. А. Крылову) и несколько рассказов.

В следующей части хрестоматии М. И. Иванова приведены образцы восточной литературы, в частности отрывка поэтических произведений Алишера Навои (1441—1501).[258]

В деле развития татарской культуры и литературы важную роль, не всеми вполне пока оцененную, сыграл В. В. Радлов (1837—1918).[259]

В. В. Радлов, приехавший из Барнаула в Казань в 1871 г., был одним из инициаторов создания Казанской татарской учительской школы, в которую в качестве преподавателей привлек Каюма Насыри и Шигабетдина Марджани. «В. В. Радлов, — пишет М. Х. Гайнуллин, — был убежденным сторонником обучения татар русскому языку и создания на татарском языке научно-популярных книг и литературных произведений. . . В 1872 году им была составлена и издана литературная хрестоматия по татарскому языку „Белек“ («Знание») и учебник русского языка для татар, а также переведен на русский язык труд Ш. Марджани. . . „Краткий очерк истории Болгарского и Казанского царств“».[260]

Далее следует весьма ценное признание: «Книга В. В. Радлова „Белек“ сыграла положительную роль и в развитии татарского литературного языка».[261]

В. В. Радлов по долгу ученого и по обязанностям службы (он был в Казани инспектором татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ Казанского учебного округа) прилагал большие усилия для обеспечения школ, находящихся в его ведении, необходимыми учебными пособиями; к ним в первую очередь следует отнести книгу самого Радлова «Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России. Ч. I. Этимология» (Казань, 1873. 3, III, 114 с. — Рецензии: *Ильминский Н.* — ЖМНП, 1873, ч. 167, май, отд. 2, с. 370—374; *Смирнов В.* — Там же, 1877, ч. 189, январь, отд. 2, с. 1—25).

---

[258] Высокую оценку хрестоматия Иванова получила в книге крупного специалиста — татарского литературоведа М. Х. Гайнуллина: *Гайнуллин*, с. 17—21.

[259] Подробнее см.: *Гайнуллин*, с. 195—198. — О В. В. Радлове см.: ББСОТ, с. 241—245. — Памяти В. В. Радлова посвящена книга: ТСб. 1971. М., 1972; здесь список трудов В. В. Радлова и литературы о нем (составила Н. А. Дулина).

[260] *Гайнуллин*, с. 196.

[261] Там же, с. 198.

В создании пособий для изучения русскими татарского языка принимали деятельное участие сами татары: Сагит Хальфин составил Азбуку и Словарь (см. с. 105); Ибрагим Хальфин — автор учебного пособия по татарскому языку (см. с. 261); «Практическое руководство к изучению татарского языка» составил старший учитель 1-й Казанской гимназии М.-Г. Махмудов (Казань, 1857).[262]

О «Практическом руководстве» Махмудова строгий рецензент — И. Н. Березин писал: «Те, которые будут иметь надобность познакомиться с этим специальным сочинением, будут приятно изумлены, найдя в нем не только практическое руководство, но и превосходное изложение теории татарского языка или, точнее, наречия, употребляемого в Казанской и в смежных с нею губерниях. Автор, при глубоком и основательном знании своего родного наречия, не чужд знакомства с успехами новейшей филологии, положения которой он по возможности прилагает к предмету своих исследований».[263]

Заметный след в истории изучения татарского языка оставила деятельность Салих-Джана (Салихзяна, Салихджана, Салихжана) Бикташевича Кукляшева,[264] автора двух весьма полезных пособий: «Татарская хрестоматия, составленная Салих-Джаном Кукляшевым, коллежским советником, старшим учителем арабского и персидского языков при Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе» (Казань, 1859) и «Словарь к татарской хрестоматии» (Казань, 1859).

«Хрестоматия Кукляшева, — пишет С. М. Михайлова, — отличается богатством привлеченного литературно-языкового и исторического материала. Расположен он по следующим трем стилям: простому, деловому и ученому»,[265] в чем она справедливо усматривает (как и Гайнуллин) влияние идей М. В. Ломоносова.

Практическое пособие А. (Т.) А. Вагабова (Вагапова) [266] «Самоучитель для русских по-татарски и для татар по-русски» (Казань, 1846; до 1916 г. вышло 20 изданий) имело значение для ознакомления русских с татарским народно-разговорным языком, а татар — с русским.

В качестве приложения к своему «Самоучителю» Вагабов поместил «Песни татар», которые И. Н. Березин включил в свою «Турецкую хрестоматию» (т. II, вып. 2. СПб., 1890). По-видимому, А. А. Вагабов серьезно занимался собиранием образцов народного творчества татар, что подтверждается обнаружением в РО

---

[262] ББСОТ, с. 214; *Михайлова С. М.* Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья. Казань, 1972, с. 183—197; *Гайнуллин*, с. 23—27.

[263] ЖМНП, 1858, ч. 97, отд. 6, с. 56 (цит. по: *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 194).

[264] ББСОТ, с. 201; *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 175—183; *Гайнуллин*, с. 21—22.

[265] *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 180; см. еще: *Гайнуллин*, с. 21—22.

[266] ББСОТ, с. 132—133; ср.: *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 169—175; *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги. Казань, 1971, с. 158.

научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при Казанском университете рукописи, содержащей записи татарского фольклора.[267] Позднее тремя изданиями вышла «Русско-татарская азбука, составленная Вагабовым, в коей помещены употребительнейшие слова, разговоры, краткие повести и песни северных татар» (Казань, 1852. 64 с.; 2-е изд. — 1856; 3-е изд. — 1859).[268]

В этой книге «северными татарами» автор называет татар Волжско-Камского края.[269]

Известный татарский ученый, литератор и педагог, получивший образование в Казанском университете, Каюм (Кайюм) Насыри (Насыйри, Насыров),[270] неутомимый пропагандист изучения татарами русского языка, написал и издал ряд пособий для изучения русского языка татарами; к ним относится «Нэхү китабы» (Учебное пособие по синтаксису для татар, изучающих русский, и для русских, изучающих татарский язык, 1860). Специально для русских предназначалась «Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах» (1860).

Для изучения русского языка татарами и татарского языка русскими важное значение имели его «Татарско-русский словарь» (Казань, 1875) и «Полный русско-татарский словарь с дополнением иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины» (Казань, 1892; 2-е изд. — 1906).

Особое место в истории изучения татарского языка и татарского языкознания занимают труды К. Насыри «Лəһҗə-и татари — Толковый словарь татарского языка» (т. I, 1895; т. II, 1896) [271] и «Энмузеж — Грамматика татарского языка» (1895) [272] (переиздана: *Насыйри К.* Энмүзəҗ. Казань, 1975; татарский текст — с. 1—110; русский перевод — с. 111—207).

В истории отечественной тюркологии значительное место должно быть уделено татарскому ученому Хусеину/Хусаину Фейзханову/Фаизханову/Фаезханову/Фейз-Ханову (1828—1866),[273] «практическому преподавателю турецкого и татарского языков» на факультете восточных языков С.-Петербургского университета.

Извлеченные и переписанные Х. Фаизхановым «Материалы для истории Крымского ханства» (см. с. 251), а также дешифровки трех

---

[267] *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 171.

[268] *Каримуллин А. Г.* У истоков татарской книги, с. 158: «В 1852 году издается „Русско-татарская азбука“ Г. Вагабова, которая затем под названием „Самоучитель татарского языка“ выдержит до революции более 20 изданий».

[269] *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 172.

[270] ББСОТ, с. 224—225; Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри; *Гайнуллин*, с. 168—195.

[271] *Ханбикова Ш. С.* Первый толковый словарь татарского языка. — В кн.: Выдающийся просветитель-демократ Каюм Насыри, с. 121—127.

[272] *Ахметгалеева Я. С.* Каюм Насыри и татарская грамматика. — Там же, с. 114—120

[273] ББСОТ , с. 276—277; *Михайлова С. М.* Указ. соч., с. 197—208; *Гайнуллин*, с. 37—40; *Усманов М., Галимова Г.* Хусаин Фаизханов как тюрколог. — СТ, 1979, № 3, с. 38—47; *Усманов М.* Заветная мечта Хусаина Фаизханова. Повесть о жизни и деятельности.

надгробных булгарских надписей, снятие снимков и копий с древних надписей в г. Касимове, которые были использованы в труде В. В. Вельяминова-Зернова «Исследования о Касимовских царях и царевичах» (I—IV), выдвинули Фаизханова в число крупных знатоков тюркской палеографии и дипломатики.

В истории татарского языкознания Х. Фаизханов оставил след своей «Краткой учебной грамматикой татарского языка» (СПб., 1862; литография: Гос. Истор. архив Ленингр. обл., ф. 14, оп. 3, ед. хр. 15496, связка 1077, 95 с.),[274] образцом для которой послужило «Практическое руководство по татарскому языку» Г. Махмудова (см. выше).

Далее были выпущены книги М. Ш. Салихова «Новый самоучитель татарского языка» (Казань, 1885; 2-е изд. — 1893) и Ш. Ахмерова «Синтаксический разбор глагола в казанско-татарском наречии» (Казань, 1895).

«Учитель русского языка при Чистопольской медресе» М. А. Юнусов издал «Русско-татарский язык. Для самостоятельного изучения» (Казань, 1904). И. Кондратьев «составил по Троянскому, Махмудову и Салихову» свой «Новый практический самоучитель татарского языка» (Казань, 1893; 3-е изд. — Казань, 1904). Особого упоминания заслуживают «Материалы к изучению казанско-татарского наречия» в двух частях (Казань, 1897—1898 (1899)) Н. Ф. Катанова.[275]

В первой половине прошлого столетия стали появляться учебные пособия, претендующие на сравнительное — превращавшееся по существу в примитивно сопоставительное — изложение фонетического и грамматического строя ряда тюркских языков; иногда эта трудная задача еще более осложнялась одновременным объяснением основных разделов грамматики арабского и персидского языков.

К числу таких пособий относится составленное Мир-Салихом Бекчуриным «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков, с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана» (Оренбург, 1859; 2-е изд. — Казань, 1869).

Татарские словари, начиная с упоминавшегося выше словаря Сагита Хальфина, представлены довольно длинным списком, в котором следует отметить «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в казанской семинарии священника Александра Троянского» (Казань, 1833, 1835) и словари Н. П. Остроумова: «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской

---

[274] Разбор этой грамматики см.: *Сафиуллина Ф. С.* Хусейн Фейзханов. — В кн.: Вопросы татарского языкознания, кн. 2. Казань, 1965, с. 413—415.

[275] ББСОТ, с. 183—184; *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов. (Очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. М., 1973. 114 с. (список трудов — с. 99—109; литература о нем — с. 110—112).

губернии» (Казань, 1876) и «Татарско-русский словарь» (Казань, 1892).

Татарские педагоги и ученые активно участвовали в составлении не только грамматик, но и татарских словарей для русских: о трудах К. Насыри см. выше; М. А. Юнусов составил «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» (Казань, 1906), Н. Ф. Катанов — «Татарско-русский словарь» (Оренбург, 1912). Из специальных словарей следует отметить «Русско-татарский орфографический словарь» (Казань, 1911) М. Иманаева.

Ряд учебных пособий по татарскому языку включает и словарь, и грамматику; к числу подобных изданий принадлежит книга Л. Воскресенского «Русско-татарский словарь, с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов» (Казань, 1894; грамматика — с. 1—110; словарь русской азбукой — с. 1—374).

Для истории изучения и преподавания татарского и турецкого языков известный интерес представляет факт составления М. Б. Первухиным турецко-татарско-русского словаря.

Из «Ведомости о рассмотренных отдельным цензором при имп. Казанском университете в 1840 году рукописям и печатным книгам» (ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 5144, л. 11 об.—12) известно, что 28 марта 1840 г. цензор Ф. Эрдман выдал билет (№ 4) на выпуск в свет «Объявления издания Турецко-татарско-русского словаря с присовокуплением арабских и персидских слов, употребляемых в сих языках; составлен[ного] Михайлом Первухиным», учителем 1-й Казанской гимназии.

Разрешение было дано на «выпуск в свет» о б ъ я в л е н и я (4 с. 8°) о предполагаемом издании названного словаря; сам же словарь — по неизвестным причинам — издан не был.

М. Первухин составил также «Грамматику и синтаксис арабского языка», которая, по отзыву М. А. Казем-Бека, нуждалась в серьезной доработке и не была напечатана (ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, ед. хр. 4833, л. 2).

О рукописных материалах по татарскому языку см. с. 87.

01. Мишарский диалект татарского языка[276] носители которого представляют этнографическую группу татар Среднего Поволжья и Приуралья, относится к западной диалектной группе татарского языка. Мишары (по-старому — мещеряки) расселены в основном на правом берегу Волги, на территории Мордовской, Чувашской, Татарской АССР, Горьковской, Рязанской, Пензенской и Ульяновской областей, а также в Башкирской АССР, Оренбургской и Куйбышевской областях.[277]

---

[276] *Махмутова Л. Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978, с. 18—30 (гл. «История изучения мишарского диалекта»).

[277] Подробнее см.: *Мухамедова Р. Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. 248 с.; *Махмутова Л. Т.* Указ. соч., с. 3—15.

О мишарях (мещеряках) в дооктябрьский период было известно немного. Первые этнографические данные приведены в работе Е. А. Малова [278] «Сведения о мишарях. Этнографические очерки» (Казань, 1885), а лингвистические — в статье А. Ахмарова «О языке и народности мишарей» (Изв. Об-ва истории, археол. и этногр. при КУ, 1903, т. XIX, вып. 2, с. 91—160). Затем последовала поездка С. Е. Малова к мишарям Чистопольского уезда, результаты которой изложены в его отчете «Из поездки к мишарям. О наречии мишарей Чистопольского уезда» (УЗКУ 1904, т. 71, кн. 4, Приложение, с. 1—24). В статье Г. Филиппова (этнографической в своей основе) «Крещеные мещеряки в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губернии» (М., 1915) есть раздел о языке мишарей.

02. Диалекты сибирских татар [279] известны в науке с XVIII в.; впервые лексический материал сибирских татар был опубликован в труде академика Г. Ф. Миллера «Лексикон или, лучше сказать, собрание слов татарского языка по всем оного диалектам Сибири» (ЦГАДА, «Портфели Г. Ф. Миллера», ф. 199, оп. 2, ед. хр. 513, дело № 1 и др.) и в «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа (см. с. 98).

Первую грамматику и словарь тобольского наречия татарского языка составил И. И. Гиганов (см. выше).

Татарские диалекты Сибири строго научным методом первым начал изучать В. В. Радлов, который с 1858 по 1871 г. жил и учительствовал в г. Барнауле. Часть IV его знаменитых «Образцов народной литературы тюркских племен», являющихся историческими источниками для целого ряда бесписьменных — в дореволюционное время — тюркских языков, называется «Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» (СПб., 1872, XV. 411 с.).

Материалы этой части «Образцов», собранные и изданные В. В. Радловым, были использованы Н. Ф. Катановым в его огромном труде «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903).[280]

Язык барабинских татар[281] — язык татар, населяю-

---

[278] ББСОТ, с. 210—211.

[279] *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977 (гл. «История изучения языка сибирских татар», «Краткие исторические сведения о сибирских татарах», «Этнические группы сибирских татар»); см. также: *Кримський.* Тюрки, с. 536—537.

[280] *Тумашева Д. Г.* Диалекты сибирских татар, с. 8—9.

[281] *Тумашева Д. Г.* 1) Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь. Казань, 1961; 2) Язык сибирских татар, ч. 2. Казань, 1968; *Ахатов Г. Х.* Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963; *Дмитриева Л. В.* Язык барабинских татар. Материалы и исследования. Л., 1981. 225 с. (во Введении (с. 7—26) обстоятельно описана история изучения языка, этнографии и расселения барабинских татар); *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX в. Историко-этнографические очерки. Казань, 1980. 232 с.

щих Барабинский, Куйбышевский, Чановский, Каргатский, Кыштовский и другие районы Новосибирской области.

Первые сведения о «татарах на Барабе», о барабинцах появляются в первой половине XVIII в. Это «История Сибири» Г. Ф. Миллера, «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги. «Татарский на Барабе» под № 99 вошел в «Сравнительные словари всех языков и наречий». Тексты на языке барабинских татар собраны и изданы В. В. Радловым в «Образцах» (ч. IV, СПб., 1872).

Томские татары[282] — тюркоязычное население, проживавшее в начале XVII в. на р. Томь до Кузнецка и в прилегающих к ее устью прибрежных районах Оби.

С лингвистико-этнографической точки зрения томские татары делятся на следующие группы: 1) яуштинцы, 2) чаты, 3) обские татары, 4) калмаки.

Яуштинцы впервые упоминаются у Сигизмунда Герберштейна, австрийского посланника, дважды побывавшего в России, последний раз в 1526 г. Позднее сведения о яуштинцах приводят путешественники и историки Сибири — Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, И. Г. Георги.

Сведения о языке яуштинцев очень скудны, первые из них относятся к XVIII в. В середине XIX в. на этот язык оказали большое влияние ссыльные казанские татары. Современных записей нет.

Чаты, или чатские татары, в русских исторических документах упоминаются уже в XVI в. Язык их тюркологами специально не изучался, однако имеются записи чатского лексического материала в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (под № 95); в Центральном гос. архиве древних актов (Москва) хранятся рукописные материалы (словари), содержащие чатскую лексику.[283]

Калмаки — потомки телеутов, которых в русских исторических документах именовали белыми калмыками. Материалы по телеутскому языку опубликованы В. В. Радловым в «Образцах» (ч. I. Поднаречия алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866).

Обские татары — группа тюрков, обитавших по берегам Оби, вблизи устья Томи, — еще в середине XIX в. сменили свой родной язык на русский.

03. Говор касимовских татар[284] до последнего времени оставался малоисследованной областью татарской диалектологии.

---

[282] *Дульзон А. П.* Диалекты татар — аборигенов Томи. — Учен. зап. Томск. пед. ин-та, 1956, т. XV, с. 297—378; *Тумашева Д. Г.* Язык сибирских татар, ч. 2, с. 128—175.

[283] Подробнее см.: *Дульзон А. П.* Диалекты татар — аборигенов Томи, с. 303.

[284] Основная литература приведена в статье: *Махмутова Л. Т.* Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 135—157.

Некоторое представление об истории говора касимовских татар в дореволюционное время можно составить по труду В. В. Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах» (СПб., т. III, с. 232—239): «Завещание касимовского татарина Алике-аталыка» (1639 г.) и «Завещание Кишь-бика-бикачи» (XVII в.); см. также надписи (ч. I, с. 503—512; ч. II, с. 95—96, 487—489; ч. III, с. 45—47, 299—315).[285]

Кыпчакско-ногайская подгруппа

1. Казахский язык,[286] носители которого в дооктябрьский период назывались киргизами, киргиз-кайсаками, кайсак-киргизами, казак-киргизами, казаками (нынешние киргизы назывались тогда кара-киргизами, что, по-видимому, означало северные киргизы), как и многие другие тюркские языки, сделался предметом изучения во второй половине XVIII в. «Сравнительные словари всех языков и наречий» содержат слова «киргизского», т. е. казахского языка. Ряд рукописных материалов по казахскому языку, собранных в конце XVIII в., хранится в коллекции Аделунга (подробнее см. с. 89).

Один из первых опытов сопоставительного изучения казахской лексики принадлежит Г. Ю. Клапроту (*Klaproth J.* Sur la langue kirghiz. — JA, 1825, t. VII, p. 321—344). Здесь, после небольшой исторической справки о казахах (с. 321—331), приведен французско-казахский словарик (с. 332—344) в сопоставлении с турецкими, казанскотатарскими, тобольскотатарскими и монгольскими словами.

Казахский лексический материал содержит «Русско-арабско-персидско-мещеряцко-киргизско-хивинско-бухарский глоссарий», составленный Мендияром Бекчуриным (Бещериным) (см. с. 93).

С середины XIX в. начинается более или менее систематическое изучение казахского языка в практических целях. Составителям различных практических пособий как по казахскому, так и по другим тюркским языкам не был чужд иногда глубокий научный ана-

---

[285] *Махмутова Л. Т.* Фонетические особенности касимовского говора, с. 135.

[286] *Харузин А. Н.* Библиографические указатели книг и статей, касающихся этнографии киргизов (казахов) и каракиргизов (киргизов) с 1734 по 1891.— Этнографическое обозрение. М., 1891, № 2, Отд. XIII. Прибавления, с. 1—68. — История изучения и современное состояние казахского языкознания обстоятельно изложены в кн.: Развитие казахского советского языкознания. Алма-Ата, 1980. 244 с.; *Кримський.* Тюрки, с. 534—536; *Наджип Э. Н.* Казахский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 73—90; *Кенесбаев С. К.* Основные вехи изучения языка казахского народа. — В кн.: Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, 1967, с. 527—551; *Нурмагамбетова Р.* О дореволюционных казахско-русских словарях. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1967, № 4, с. 74—78 (на казахск. яз.); *Хусаинов К. Ш.* В. В. Радлов и казахский язык. Алма-Ата, 1981. 172 с.; *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959, с. 127—168; *Баскаков.* Введение, с. 296—298; *Малов С. Е.* К истории казахского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 8, с. 97—101.

лиз фактов. К числу таких пособий в первую очередь следует отнести «Материалы к изучению киргизского (казахского) наречия» Н. И. Ильминского (УЗКУ, 1860, кн. III и IV; 1861, кн. I и III).[287] К «Материалам» приложен «небольшой, но весьма ценный словарь казак-киргизского наречия» (П. М. Мелиоранский).

В истории изучения казахского и узбекского языков нельзя не отметить две работы М. А. Терентьева — «Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (СПб., 1875) и «Хрестоматия турецкая, персидская, киргизская и узбекская» (СПб., 1876). Киргизский (казахский) и узбекский разделы грамматики Терентьева переведены на немецкий язык Берлинским семинаром восточных языков (MSOS, 1917, S. 150—223).

Казахская часть Грамматики Терентьева была составлена по названным выше материалам Н. И. Ильминского и, по словам составителя, проверена им лично по живой речи казахов.

По мнению П. М. Мелиоранского (Краткая грамматика, ч. I, с. 5; см. ниже), Грамматика Терентьева «страдает отсутствием систематичности; кроме того, автор смешивает формы книжного и разговорного языка», что мне представляется вполне оправданным, так как казахский литературный язык того времени (1875 г.) не был достаточно точно нормирован.

Что же касается книги Я. Я. Лютша [288] «Киргизская хрестоматия. Сборник образцов народной литературы киргизов Туркестанского края» (Ташкент, 1883), в которой приведены одни только тексты (без перевода и словаря) в русской транскрипции, то она, по мнению П. М. Мелиоранского, «так несовершенна, что по ней нельзя себе составить правильного понятия о киргизском произношении» (указ. соч., с. 5).

Образцы книжного «киргизского» (казахского) языка, писанные арабицей, помещены в III томе «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина (Казань, 1876; то же, СПб., 1890).

В истории изучения истории и этнографии казахов заметный след оставил Алексей Ираклиевич Лёвшин (1799—1879), в обстоятельном труде которого «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб., 1832) уделено значительное внимание казахскому языку, преимущественно его фонетике и лексике.[289]

Известный практический интерес представляет статья В. В. Григорьева «О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки» (УЗКУ, Отд. ист.-филол. наук, 1862, вып. 2).

Эпоху в истории изучения казахского языка составила «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского

---

[287] ББСОТ, с. 168—170; *Абильхасимов Б.* Н. И. Ильминский — первый исследователь казахского языка. — СТ, 1974, № 3, с. 83—86. — Рецензию на «Материалы» Ильминского написал Султан Миндали Пиралиев (литературный псевдоним В. В. Григорьева) (ЖМНП, 1862, июль).

[288] ББСОТ, с. 206—207.

[289] Подробнее см.: *Емельченко И. Р.* А. И. Лёвшин как исследователь казахского языка. — СТ, 1975, № 4, с. 56—65.

(ч. I. Фонетика и этимология. СПб., 1894; ч. II. Синтаксис. СПб., 1897),[290] которая послужила в дальнейшем образцом для подобных исследований, как в свою очередь для труда Мелиоранского, особенно в разделе «Синтаксис», образцом служила, по его собственным словам (с. V—VI), «Грамматика алтайского языка» (Казань, 1869).

«Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис» В. В. Катаринского (Оренбург, 1897),[291] на которую положительной рецензией отозвался П. М. Мелиоранский (ЗВОРАО, 1899, т. XI, с. 361—364), «Материалы по казак-киргизскому языку» (М., 1900), содержащие «Краткий грамматический очерк казак-киргизского языка» (с. 83—106) и «Киргизско-русский словарь» (с. 107—148), собранные И. Лаптевым,[292] питомцем Лазаревского института восточных языков, хотя и не отличались глубоким проникновением в исследуемый материал, сыграли тем не менее свою роль в истории изучения грамматического строя казахского языка.

В. В. Катаринский внес значительный вклад в дело изучения русского языка казахами; им составлены «Практические уроки русского языка для киргизов» (Оренбург, 1895; 2-е изд. — Казань, 1909) и «Первоначальный учебник русского языка для киргизов» (Казань, 1909). Первый букварь для казахов был издан в Казани в 1892 г.

Заслуживают упоминания «Киргизская хрестоматия» выдающегося казахского педагога, ученого и просветителя Ибрагима Алтынсарина [293] (Оренбург, 1879; 2-е изд. — Оренбург, 1906; 3-е изд. — Казань, 1913), «Киргизская хрестоматия» А. Алекторова (Оренбург, 1898),[294] «Материалы к изучению казак-киргизского наречия» Н. Н. Пантусова [295] (Казань, 7 выпусков, 1899—1904), «Руководство к изучению киргизского языка» М. Н. Бектемирова (Ташкент, 1909).[296]

Практические цели преследовали и первые словари казахского языка. Иш-Мухаммед Букин [297] составил «Русско-киргизский и киргизско-русский словарь» (под ред. Н. А. Воскресенского, Ташкент, 1883); ему же принадлежат «Русско-киргизские разговоры» (Ташкент, 1884). Глубокий знаток казахского языка и этнографии В. В. Катаринский составил «Краткий русско-киргизский словарь» (Оренбург, 1895; 2-е изд. — 1898), который был им пере-

[290] Казахский синтаксис П. М. Мелиоранского переведен на французский язык: La syntaxe kirghise de P. M. Melioranski traduite du russe par E. de Zacharko et commentée par W. Bang. — Muséon, 1921—1922, t. XXXIV, p. 217—250; t. XXXV, p. 49—108.

[291] ББСОТ, с. 184—185.

[292] Там же, с. 203.

[293] Там же, с. 102—103; *Сулейменов Б. С.* Жизнь и деятельность Ибрагима Алтынсарина (1841—1889). — В кн.: *Алтынсарин И.* Собр. соч. в 3 томах, т. I. Алма-Ата, 1975, с. 7—48; Материалы к творческой биографии Алтынсарина. — Там же, с. 277—335.

[294] ББСОТ, с. 100—101.

[295] Там же, с. 231—233 (полный список его трудов — с. 231—232).

[296] Там же, с. 120.

[297] Там же, с. 131—132.

работан и под этим же названием издан в Оренбурге в 1899—1900 гг.

В. В. Катаринский на основе «Материалов» Н. И. Ильминского со своими многочисленными дополнениями составил и издал «Киргизско-русский словарь» (Оренбург, 1897), высокую оценку которому дал П. М. Мелиоранский (ЗВОРАО; 1899, т. XI, с. 365—366).

Богатый материал по казахскому народному творчеству содержится в труде В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен»: «Киргизское наречие» (СПб., 1870, ч. III. XXVI. 776 с.).

В. В. Радлов внес свой вклад также и в изучение казахов в историко-этнографическом и отчасти лексическом отношениях (*Radloff W.* 1) L'observation sur les kirghis. — JA, 1863, t. II, p. 309—328 (историко-этнографическая справка о казахах и киргизах); 2) Beobachtungen über die Kirgisen. — Petermann's Mitteilungen, 1864, S. 163—168 (краткие исторические сведения о казахах, их племенных подразделениях и их фольклоре); 3) Die Hausthiere der Kirgisen. — Zeitschrift für Ethnologie, 1871, Bd III, S. 285—313 (здесь приводятся казахские названия домашних животных — овец, коз, коров, верблюдов, лошадей, названия их мастей, упряжи, стойбищ и пр., — а также описание ухода за домашними животными, их болезней, продуктов животноводства и пр.)).

Для исторической диалектологии казахского языка и его связей с ногайским определенный интерес представляет «Сказание об Едигее и Токтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову, издал проф. П. М. Мелиоранский» (Зап. РГО по Отделению этнографии. Приложение к тому XXIX. СПб., 1905. Предисловие, с. 1—18; Глоссарий, с. 19—23; Киргизский (Казахский) текст, с. 2—39).

«Список словарей и работ, включающих словари дореволюционного периода», приведен в качестве приложения к статье Р. Г. Сыздыковой «Изучение казахского языка в дооктябрьский период» (в кн.: Развитие казахского советского языкознания. Алма-Ата, 1980, с. 31—32).

2. Каракалпакский язык[298] подразделяется на два основных диалекта: северо-восточный и юго-восточный; первый явился основой литературного языка. До Великой Октябрьской социалистической революции каракалпакский язык не был

---

[298] *Малов С. Е.* Каракалпакский язык и его изучение. — В кн.: Каракалпакия, т. II. Л., 1934, с. 200—207; *Пономарев А. И.* Библиографические материалы на русском языке о каракалпаках. Л., 1935; *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык, II. М., 1952, с. 9—11; *Баскаков.* Введение, с. 293—295; *Коклянова А. А.* Каракалпакский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 91—99; *Доспаев У.* К истории изучения каракалпакского языка русскими учеными. — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1974, № 5, с. 65—67; *Насыров Д. С.* Становление каракалпакского общенародного разговорного языка. Нукус—Казань, 1976, с. 10—20.

предметом специального изучения; о нем имелись лишь отрывочные сведения.

Первые лингвистические данные о каракалпакском языке (девять слов и четверостишия в примитивной транскрипции) приведены в книге Г. Вамбери «Исследования по чагатайскому языку».[299]

Пионерами изучения каракалпакского фольклора, записавшими его образцы и тем самым давшими в руки лингвистов необходимый материал, были А. А. Диваев (1855—1933) [300] и И. А. Беляев.[301] Первый из них — известный собиратель казахского и узбекского фольклора, издавший интересные варианты эпических сказаний: «Алпамыс-батыр, киргизская (казахская) поэма, записанная каракалпаком Турткульской волости Аму-Дарьинского отдела Дониямурадом Бекмухамедовым» и «Шура, сын Нарих-батыра, каракалпакская былина Аму-Дарьинского отдела». Тексты А. А. Диваева приведены в арабице, что, конечно, затрудняет их использование в лингвистических целях. И. А. Беляев записал в 1903 г. в Нукусе «Предание о Чингиз-хане и о происхождении родов кыят и канглы» и в Чимбе — позднее — «Сказание об Едигее и Тохтамыше, родословная каракалпаков 1 гл. поэмы Коблан» (ПЗКЛАИ; 1917, вып. 4, с. 1—59); «Сказание об Едигее и Тохтамыше» (Материалы к изучению каракалпакского наречия, вып. 1, Асхабад, 1917. 39 с.); «Каракалпакские тексты (копии с рукописей): Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакская народная поэма (перевод на русский язык)» (ПЗКЛАИ, 1917, вып. 3, с. I—IX, 1—39).

Записи каракалпакских текстов И. А. Беляева («История каракалпакского народа в виде рассказа». Рукописный текст на каракалпакском языке с транскрипцией русскими буквами. Записано в 1903 г.) хранятся в АВЛОИВ (ф. 108).

Таковы более чем скромные сведения о каракалпакском языке, добытые в дооктябрьский период. Тем разительнее выглядит история каракалпакского языкознания в советское время: фонетике, грамматике и лексикографии посвящен ряд солидных работ, среди которых следует назвать Грамматику Н. А. Баскакова и труды ряда специалистов по каракалпакскому языкознанию из каракалпаков: У. Доспанова, Д. Насырова и др.

3. Ногайский язык [302] — разговорный и литературный язык ногайцев, живущих преимущественно в Карачаево-

---

[299] *Vámbéry H.* Čagataische Sprachstudien. Leipzig, 1867.

[300] *Лунин.* Историография с. 156—161; ИИН, с. 504—505; *Уразаева Ф.* А. Диваев — фольклорист. Акд. Алма-Ата, 1974. 28 с.

[301] ББСОТ, с. 122—123; *Нурмухамедов М. К.* Из истории русско-каракалпакских культурных связей. Ташкент, 1974, с. 51—53.

[302] *Кримський.* Тюрки, с. 524—525; *Баскаков.* Введение, с. 292—293; *Гаджиева Н. З.* Ногайский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 121—128; *Кужелева Л.* Ногайцы. (Из истории ногайцев XVIII—начала XX вв.). — Учен. зап. Дагестанского филиала АН СССР, т. 8. Махачкала, 1964, с. 194—229.

Черкесской автономной области; небольшие группы ногайцев проживают также в Астраханской области, Краснодарском крае и Дагестанской АССР.

До Октябрьской революции ногайский язык был известен только по фольклорным текстам, из которых самые ранние относятся ко второй половине XVIII в.; затем были опубликованы в 1883 г. ногайские тексты, собранные М. Османовым (см. с. 247).

В начале XX в. собиранием и изучением ногайского фольклора успешно занимался П. А. Фалев.[303] Основные его работы в этой области — «Ногайская сказка об Ак-Кобеке» (Сб. Музея антроп. и этногр., 1918, т. V, вып. 1, с. 189—196), «Арабская новелла в ногайском эпосе» (Изв. Тавр. ученой археол. комиссии, Симферополь, 1915, № 52) и «Записки произведений народной словесности у ногайцев Ставропольской губ. в связи с ранее опубликованными материалами» (ЗВОРАО, 1916, т. XXIII, вып. 3—4, с. V—VI).

Текстовые материалы языка крымских ногайцев приведены В. В. Радловым в «Образцах» (ч. VII. Наречие Крымского полуострова. СПб., с. 194—230).

Некоторые сведения о ногайском языке сообщил А. Н. Самойлович в статьях «Среди ставропольских туркменов, ногайцев и крымских татар» (ИРКИСВА, Серия II, № 2, с. 54—74) и «Наречия ногайцев и туркменов Ставропольской губернии» (ЗВОРАО, 1912, т. XXI, вып. 4, с. XXIII—XXV).

4. Язык юртовских татар.[304] Астраханские татары[305]— тюркоязычное население города Астрахани и ряда районов Астраханской области — делятся на юртовских, аульных, кундровских (карагаши), казанских татар.

Юртовские татары живут преимущественно в ряде селений Нариманов ского района Астраханской области и в г. Астрахани.

«Юртовские татары себя считают ногаями. . . По данным ряда исследователей, они „являются потомками золотоордынских ногаев, первых основателей Астрахани“».[306]

«Юртовские татары противопоставляют себя поволжским татарам, как городским, так и сельским, а также другой этнической группе ногайцев — карагашам и считают себя ногайцами».[307]

«Юртовские татары (ногайцы) на протяжении нескольких веков живут изолированно, не контактируя с остальными группами ногайцев (дагестанских и черкесских). В то же время они вступали в контакт с поволжскими татарами, узбеками, казахами, калмыками, туркменами, русскими. Более тесными в культурно-эконо-

---

[303] ББСОТ, с. 274—275; *Лунин.* ББО, II, с. 221—225.

[304] *Арсланов Л. Ш.* Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 года). — Материалы по татарской диалектологии. Учен. зап. Казанск. пед. ин-та. Казань, 1976, вып. 166, с. 3—71. — Здесь же (с. 3—5) история изучения юртовских, или астраханских, татар.

[305] «Астраханские ногайцы»; см.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки, с. 280.

[306] *Арсланов Л. Ш.* Указ. соч., с. 5.

[307] Там же, с. 9.

мических отношениях были связи юртовских татар с поволжскими татарами. Эти связи начинают складываться со второй половины XVIII в. В силу этого язык юртовских татар имеет ряд черт, отличающих его от ногайского языка и его диалектов. Эти отличия обусловлены влиянием татарского языка, а для более ранней эпохи — узбекского, казахского языков. Отсутствие контактов с другими группами ногайцев способствовало сохранению некоторых древних черт (архаичных) ногайской языковой общности, которые наблюдаются прежде всего в морфологической структуре и лексическом составе».[308]

Фонетика и морфология языка юртовских татар подробно описаны в названной работе Л. Ш. Арсланова.

IV. Карлукско-уйгурская группа

1. Древнеуйгурский язык, который является древнейшим в карлукско-уйгурской группе языков, представлен в памятниках XI—XIV вв. Эти памятники могут быть отнесены к двум периодам.

01. Подгруппа памятников, относящихся к караханидской эпохе (XI—XII вв.), представлена двумя выдающимися произведениями.

Первое из них — дидактическая поэма (13 290 строк) хассхаджиба[309] Юсуфа Баласагунского, т. е. происходящего из г. Баласагуна,[310] «Кутадгу билиг» (1069/1070 г.)[311] 'Знание, дарующее счастье'/'Знание, образующее царей' (В. В. Бартольд)/'Блаженне знання' (А. Е. Крымский)/'Благодатное знание' (С. Н. Иванов, переводчик этой поэмы на русский язык; в печати).

Второе представляет собою записи живых тюркских языков карлукско-уйгурской подгруппы, в том числе и древнеуйгурского, сделанные Махмудом Кашгарским и включенные в его знаменитый труд «Диван (у) лугат ит(ат)-тӱрк — Словарь тюркских языков» (1072—1083).[312]

Поэма Юсуфа Баласагунского — образец изысканного поэтического языка, Словарь Махмуда Кашгарского — собрание слов, речений, пословиц, поговорок, фольклорных образцов, дающих отчетливое представление о диалектах и народно-разговорном

---

[308] Там же, с. 6.

[309] Высокий придворный чин, примерно соответствующий министру двора или главному камергеру.

[310] *Бартольд.* Соч., т. III, с. 355—357; т. IV, с. 56—57; т. V, с. 367.

[311] *Кримський.* Тюрки, с. 559—560; *Кононов А. Н.* Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг». — СТ, 1970, № 4, с. 3—12. — Отрывки в подлинном тексте, транскрипции и переводе на русский язык см.: *Малов.* ПДТП, с. 224—302 (библиография — с. 302—304).

[312] *Кримський.* Тюрки, с. 561—563; *Малов.* ПДТП, с. 305—314 (библиография — с. 314—315); *Кононов А. Н.* Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-тӱрк». — СТ, 1972, № 1, с. 3—17; *Кононов А. Н., Нигматов Х. Г.* Махмуд Кашгарский о тюркских языках. — В кн.: История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981, с. 130—142.

стиле языков карлукско-уйгурской подгруппы караханидской эпохи. В силу этого два названных труда имеют исключительное значение для истории тюркских языков.

02. Памятники второй подгруппы — п о с л е к а р а х а н и д с к о й эпохи (XII—XIV вв.) сохранили «в основных чертах традиции языка Караханидов, т. е. уйгурскую основу, но в зависимости от среды и места, к которому относился тот или иной литературный памятник, точно так же как и более поздний староузбекский язык, получил локальные особенности и поэтому не имел общей нормы».[313]

В конце XII или начале XIII в. (а может быть, как полагал С. Е. Малов, даже в X в.), по одним данным, в Самарканде, по другим — в Фергане, по-третьим — в Восточном Туркестане, была написана поэма «Атибат ал-хакаик» или «Хибат ал-хакаик — Подарок истин» поэта-слепца Ахмада-адиба Югнаки.[314]

Это этико-дидактическое произведение известно в четырех списках.[315] К этому же языку примыкает «Кысас-и Рабгузи» (Сказания о пророках, или История пророков) (XIV в.), изданная Н. И. Ильминским в Казани (1859),[316] и ряд ярлыков ханов Золотой Орды.[317]

Подробнее об изучении памятников древнеуйгурской письменности см. с. 312.

2. Н о в о у й г у р с к и й я з ы к[318] — язык современных уйгуров, проживающих на территории СССР, главным образом

---

[313] *Баскаков.* Введение, с. 300.

[314] Отрывки из этой дидактической поэмы с переводом на русский язык опубликовал С. Е. Малов: ПДТП, с. 316—321 (библиография — с. 321—322].

[315] Подробнее см.: *Наджип Э. Н.* Кыпчакско-огузский литературный язык Мамлюкского Египта XIV века. Адд. М., 1965, с. 11—12.

[316] ББСОТ, с. 168—170; см. также: *Малов.* ПДТП, с. 323—340 (библиография — с. 340—341); *Баскаков.* Введение, с. 301; *Кримський.* Тюрки, с. 363—364.

[317] Подробнее см.: *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв., с. 101—111.

[318] *Кримський.* Тюрки, с. 544—548; *Малов С. Е.* Изучение живых турецких наречий Западного Китая. — В кн.: Восточные записки, I. Л., 1927, с. 163—172; *Коклянова А. А.* Уйгурский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 170—181; *Кайдаров А. Т.* 1) Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 363—386; 2) Уйгурский язык и литература. Аннотированный библиографический указатель, т. I. Алма-Ата, 1962; 3) Развитие современного уйгурского литературного языка. I. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, с. 56—123 (гл. 1: К истории изучения уйгурских диалектов и говоров); *Наджип Э. Н.* Современный уйгурский язык. М., 1960. 133 с.; *Тенишев Э. Р.* О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 136—151; *Баскаков.* Введение, с. 310—313; *Бернштам А. Н.* Русская и советская уйгуристика. — Изв. АН КазССР. Сер. уйгуро-дунганской культуры, Алма-Ата, 1950, вып. 1, № 85, с. 73—83; *Исмаилов И. А.* Уйгуроведение и уйгурские ученые в СССР. Ташкент, 1969; *Кайдаров А., Хасанов К.* Чокан Валиханов как уйгуровед. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., Алма-Ата, 1965, вып. 3, с. 34—45.

в пределах Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской ССР и в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР. Новоуйгурский язык, в отличие от древнеуйгурского (V—IX вв.), сложился в своих основных чертах в послекараханидскую эпоху.

Этноним *уйгур* известен из древнетюркских надписей VII—IX вв. Однако примерно после XV в. этот этноним перестает употребляться и вместо него появляются названия уйгуров по месту их обитания: *кашка(р)лик* 'кашгарец', *турпанлик* 'турфанец', *аксулук* 'житель Аксу' и т. п. Уйгуры, населявшие долину р. Или, а также уйгуры, переселившиеся в 1881—1883 гг. в пределы Семиреченской области, носили название по социально-бытовому признаку: *таранчи* 'земледельцы'.

В 1921 г. на съезде представителей уйгурской интеллигенции в Алма-Ате по инициативе С. Е. Малова было восстановлено название *уйгур* как общее название всего уйгурского народа.[319]

Изучение новоуйгурского языка, который по ряду признаков существенно отличается от древнеуйгурского,[320] началось в основном во второй половине XIX в., хотя отдельные наблюдения и записи некоторых диалектов появились уже в начале прошлого века (*Klaproth J.* 1) Reise in den Kaukasus und nach Georgien. . . Bd 2 (словарь турфанского диалекта — с. 496—507); 2) Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Paris, 1820).

В. В. Радлову принадлежит первое издание новоуйгурских текстов, опубликованное в «Образцах» (ч. VI. Наречие таранчей. СПб., 1886).

Из диалектов новоуйгурского языка наиболее изученным оказался таранчинский (современный илийский диалект уйгурского языка), чему в значительной степени содействовала собирательская и исследовательская деятельность Н. Н. Пантусова,[321] питомца факультета восточных языков С.-Петербургского университета (выпуск 1871 г.), а также Н. Ф. Катанова, совершившего в 1888—1892 гг. путешествие по Сибири и Восточному Туркестану (*Пантусов Н. Н.* 1) Война мусульман против китайцев. Текст наречия таранчи, вып. I. Казань, 1880; вып. II. Казань, 1881; 2) Таранчинская поэма, вып. I. Казань, 1880; вып. II. Казань, 1881; 3) Таранчинские песни. — Зап. Русск. геогр. общ-ва, 1890, т. XVII, вып. I; 4) Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. I—IX. Казань, 1897—1907; 5) Новые песни усекских таранчей, переселенцев из Илийского края. Таранчинский текст с русским переводом и примечаниями Н. Н. Пантусова и с предисловием и транскрипцией Н. Ф. Катанова. — ИОАИЭКУ, 1906, т. XXII, вып. 5, с. 303—314; 6) Образцы таранчинской народной литературы. — Там же, 1909, т. XXV, вып. 2—4, с. 1—220; [322] *Катанов Н. Ф.* 1) Среди тюркских племен. — Изв. Русск.

---

[319] *Кайдаров А. Т.* Уйгурский (новоуйгурский) язык, с. 363.

[320] Подробнее см.: *Малов.* ПДТП, с. 108.

[321] ББСОТ, с. 231—233.

[322] Рукописи Н. Н. Пантусова хранятся в Научной библиотеке им Н. И. Лобачевского Казанского университета; см.: *Радзиевская С. Б.* Описание

геогр. об-ва, 1893, т. XXIX, с. 519—541; 2) Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. — ЗИАН. Приложение к XXIII тому, 1893; 3) Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903).

В истории изучения древнеуйгурского и новоуйгурского языков исключительно важное место занимают труды С. Е. Малова, материалы для которых были собраны им во время двух путешествий в Центральный и Западный Китай (1909—1911; 1913—1915).

Исключительное значение (как исторический источник) имеют записи С. Е. Малова в Хамийском оазисе (январь—февраль 1914 г.), опубликованные в книге: «Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь» (М.—Л., 1954. 203 с.)

Для истории новоуйгурского языка известный интерес представляет исследование Б. Я. Владимирцова и А. Н. Самойловича «Турецкий народец „хотоны“» (ЗВОРАО, 1915, т. XXIII, вып. 3—4, с. 265—290).

3. Язык желтых уйгуров[323] — язык части народности юйгу, живущей в провинции Ганьсу (КНР), — признается близким к языку современных уйгуров. Юйгу состоят из четырех частей, различающихся главным образом по языковому признаку: одна часть юйгу тюркоязычна, другая пользуется монгольским языком, третья — китайским, четвертая — тибетским.

Тюркоязычные юйгу называют себя *сарыг югур*, монголоязычные — *шира югур*; и то и другое самоназвание обычно переводят ‘желтый уйгур’. Не исключается и другое толкование этого этнонима. Тюркское слово *сарыг* и его монгольское соответствие *шира* в указанных словосочетаниях могут обозначать не цвет, а — в соответствии с китайской, монгольской, тюркской традицией — страну света: ‘западный’ (?).

Первые записи образцов языка сарыг югуров и шира югуров сделал в 80-х годах прошлого века известный русский путешественник Г. Н. Потанин (1835—1920).[324]

Финский ученый Г. Маннергейм, совершивший путешествие к юйгу, посвятил им статью, содержащую заметки по этнографии и языку сарыг и шира югуров.[325]

Пионером научного изучения языка, этнографии и фольклора сарыг югуров и шира югуров был С. Е. Малов, посетивший юйгу в 1910 (февраль—июнь, октябрь—декабрь), в 1911 (январь—март) и 1913 гг. (август—декабрь). Многочисленные лингвистические материалы, собранные им во время этих двух путешествий, были

рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского. Вып. I. Фольклор. Казань, 1958, с. 26—28.

[323] *Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966 (библиография — с. 82—83).

[324] Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина. 1884—1886. Т. 1—2. СПб., 1893 (см.: т. 1, с. 440—444; т. 2, с. 426—437); о нем см.: ББСОТ, с. 239—240.

[325] *Mannerheim C. G.* A visit to the Sarö and Sherie yögurs. — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors, 1911, t. XXVII.

изданы только в последнее время: 1) «Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика» (Алма-Ата, 1957. 197 с.); 2) «Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь». (М., 1961. 183 с.); 3) «Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы» (М., 1967. 219 с.),

В 1957—1958 гг. Э. Р. Тенишев обследовал диалекты уйгуров, саларов, сарыг-югуров, лобнорцев, продолжив работу, начатую С. Е. Маловым.[326]

4. Саларский язык,[327] близкий «к языку сарыг югуров и оба вместе — к языку современных уйгуров»,[328] распространен главным образом в высокогорной местности на южном берегу р. Хуанхэ в провинциях Цинхай и в провинции Ганьсу (КНР). Народность *салар* исторически связана с племенем *салгур* ~ *салур* ~ *солор* ~ *салыр*, которое и поныне известно среди современных туркмен (районы Мары и Серахса Туркменской ССР).

Первые отрывочные сведения об этнографии и языке саларов были собраны усилиями Г. Н. Потанина, Ф. Пояркова, В. Ладыгина, В. Рокхила.[329]

Первым из тюркологов, посетившим саларов (в 1910 г.), был С. Е. Малов, который записал их пословицы, поговорки и песни; об этом см. его «Отчет о путешествии к уйгурам и саларам» (ИРКИСВА, серия II, 1912, № 11, с. 94—99).

Летом 1957 г. саларов посетил Э. Р. Тенишев; результаты этой поездки были опубликованы в двух вышеназванных книгах.

5. Лобнорский язык.[330] Первым из тюркологов обследовал этот язык (летом и осенью 1914 г.) С. Е. Малов; осенью 1956 г. у лобнорцев побывал Э. Р. Тенишев. По мнению обоих названных тюркологов, лобнорцы по языку примыкают к уйгурам: «Лобнорский язык, — писал С. Е. Малов, — превратился в силу мирных, культурных условий жизни в наречие уйгурского языка. И лобнорскому языку придется стать в подчиненное положение, как диалекту, как низшей форме, к общему уйгурскому языку».[331]

6. Узбекский язык,[332] носители которого до Октябрьской революции были известны под названиями *узбеки* и *сарты*

---

[326] *Тенишев Э. Р.* 1) Отчет о поездке к уйгурам, саларам и сарыг-югурам. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1961, вып. 2, с. 180—184; 2) Строй сарыг-югурского языка. М., 1976. 307 с.

[327] *Тенишев Э. Р.* 1) Саларский язык. М., 1963. 56 с. (библиография — с. 54—55); 2) Саларские тексты. М., 1964. 141 с.; 3) Строй саларского языка. М., 1976. 575 с. (библиография — с. 3—22),

[328] *Тенишев Э. Р.* Строй саларского языка, с. 27.

[329] *Тенишев Э. Р.* Саларский язык, с. 8.

[330] *Малов С. Е.* Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь. Фрунзе, 1956. 197 с.; *Тенишев Э. Р.* Еще раз о происхождении лобнорцев. — VII Международный конгресс антропологических и этнографически наук. Москва, август 1964. М., 1964. 9 с.

[331] *Малов С. Е.* Лобнорский язык, с. 4; см. еще: *Тенишев Э. Р.* Еще раз о происхождении лобнорцев, с. 6—8.

[332] *Кримський.* Тюрки, с. 539—544; *Боровков А. К.* Узбекское языкознание. — В кн.: 25 лет советской науки в Узбекистане. Ташкент, 1942, с. 279—291; *Баскаков.* Введение, с. 307—310; *Аширбаев С.* Из истории изучения грам-

(от санскритского sarthavāha, или sārthalāha, 'купец', 'водитель каравана'), в русской тюркологии стал изучаться в 60-х годах прошлого столетия.

В «Кутадгу билиг» и в «Словаре тюркских языков» Махмуда Кашгарского слово *сарт* используется только в значении 'купец' (ДТС, 490).

«Когда иранцы Средней Азии захватили в свои руки торговлю с кочевыми народами, слово сарт стало употребляться тюрками и монголами как название народа, в том же значении, что и таджик»,[333] так как таджики, оседлое население, вели активную торговлю с кочевниками-степняками.

Укоренению названия сарт в указанном выше значении способствовало то обстоятельство, что смешанное (нередко метизированное) — тюрко-иранское — население городов Средней Азии занималось ремеслами и торговлей; как правило, ремесленник и торговец объединялись в одном лице.

Алишер Навои в своем трактате «Суждение о двух языках» (*Алишер Навои*. Соч. в 10-ти томах, т. X. Ташкент, 1970, с. 107—139; перевод А. Н. Малеховой) сартов противопоставляет тюркам, однако, по его словам, «эти два племени во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом. И между тем и другим народом наблюдается смешение и общение, а разговор между ними и понимание ими друг друга беспрепятственны. . . Все тюрки — дети и старики, слуги и беки — понимают сартский язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясняться по-сартски, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно. . Но среди сартского народа ни благородные и ученые мужи, ни простые и невежественные люди — никто не понимает языка тюрок и не может говорить на нем» (с. 110).

«Согласно В. В. Радлову (Kuan-ši-im Pusar, 37), сартами называются сейчас (т. е. в конце XIX—начале XX в., — *А. К.*) говорящие по-тюркски (по-узбекски, — *А. К.*), городское население Средней Азии в противоположность крестьянам-узбекам».[334]

Хивинский хан и историк Абу-л-Гази (1603—1664) называет сартами только среднеазиатских горожан.[335]

Однако уже в конце XIX в. в обиходном употреблении оба этих названия (*сарт—узбек*) использовались на равных основаниях.

После Октябрьской революции название сарт вышло из употребления; был узаконен этноним *узбек(и)*; узбекский язык заменил сартовский/сартский язык, страна стала называться Узбекистан — Узбекская ССР.

матического строя узбекского языка (по трудам русских тюркологов 1875—1917 гг.). Акд. Ташкент, 1975. 49 с.; *Чичулина Л. Г.* Роль русских ученых в исследовании узбекского языка. Акд. Ташкент, 1975. 44 с.; *Фазылов Э. И., Чичулина Л. Г.* Русские тюркологи и узбекское языкознание. Ташкент, 1979. 216 с. (библиография — с. 180—215).

333 *Бартольд*. Соч., т. II/2, с. 527; см. также с. 310—314.

334 Там же, с. 528; см. еще: *Остроумов Н.* [*П.*] Сарты. Этнографические материалы. Изд. 3-е, дополн. Ташкент, 1908.

335 *Бартольд В. В.* Еще о слове «сарт». — *Бартольд*. Соч., т. II/2, с. 313.

Узбекский письменно-литературный язык в истории своего развития прошел ряд стадий, среди которых достаточно доказательно удается выделить следующие три стадии:

1) староузбекский язык (XV—XVI вв.);

2) новоузбекский язык (XVII—начало XX в.);

3) современный узбекский язык.

В каждой из этих трех базисных стадий могут быть выделены и другие, более дробные подразделения.[336]

В дореволюционной и некоторое время в послереволюционной тюркологии язык всех среднеазиатских тюркских сочинений, писанных арабским письмом, с XII по XVII в., а иногда вплоть до XIX в., назывался «джагатайским»/«чагатайским»,[337] по имени второго сына Чингиз-хана, Чагатая (ум. 1242 г.), которому после смерти отца (1227 г.) достались «все земли от страны уйгуров на востоке до Бухары и Самарканда на западе; однако не следует представлять себе эти земли как единое государство, управляемое из долины Или и лишь косвенно подчиненное великому хану, находящемуся в Монголии».[338]

Владения Чагатая постепенно распались на две — восточную и западную — части: Могулистан — (Семиречье и Кашгар) и Мавераннахр, за которым закрепилось название Чагатаева улуса; тюркский язык, на котором в этой области писались литературные произведения, стал называться чагатайским/джагатайским.

Чтение Чагатай вместо Джагатай в России впервые ввел Ф. Е. Корш (1843—1915),[339] к которому присоединился А. Н. Самойлович (см. его статью: К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В кн.: Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 1).

В 30-х годах текущего столетия получило широкое распространение новое название — «староузбекский литературный язык», который только отчасти заменил термин «чагатайский»/джагатайский язык, чагатайская/джагатайская литература, так как термин «староузбекский литературный язык» оправданно может быть применен только к строго определенному периоду развития тюркского литературного яыка Средней Азии, а именно к истории среднеазиатско-тюркского литературного языка начиная со второй половины XV века.

Под староузбекским литературным языком, основоположником которого был Алишер Навои, следует разуметь письменно-литературный язык, который в своих истоках восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии караханидской эпохи (Кашгар, Баласагун, XI—

---

[336] О различных точках зрения на периодизацию формирования отдельных стадий узбекского литературного языка см.: *Фазылов Э. И., Чичулина Л. Г.* Указ. соч., с. 20—64.

[337] *Благова Г. Ф.* Тюркск. *чағатај* — русск. *чагатай/джагатай* (опыт сравнительного изучения старого заимствования). — ТСб. 1971. М., 1972, с. 167—205.

[338] *Бартольд.* Соч., т. II/2, с. 539.

[339] ББСОТ, с. 194—195.

XII вв.) и золотоордынского времени (низовья Сырдарьи и Хорезм, XIII—XV вв.) и обогащен притоком лексических и грамматических инноваций, почерпнутых из народно-разговорных языков тюркских народов Средней Азии.

К памятникам новоузбекского языка в первую очередь следует отнести сочинения хивинского хана и историка Абу-л-Гази (1603—1664), который язык своих произведений «Родословная тюрок» и «Родословная туркмен»[340] называл *тюрки* в отличие от *чагатай тюркиси* — чагатайско-тюркского, который, по его словам, был недоступен пониманию простого народа, не умудренного знанием староузбекского языка.

Первым издателем важнейших прозаических памятников староузбекского языка был Н. И. Ильминский: «Бабер-намэ,[341] или Записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. И[льминским]» (Казань, 1837). Он же был пионером изучения грамматического строя этого памятника, опубликовав «Материалы для джагатайского спряжения из „Бабер-намэ“» (Казань, 1865). Отрывки из «Бабер-намэ» приведены в «Сравнительной хрестоматии» Л. М. Лазарева (см. с. 239).

Первый перевод «Записок Бабура» на латинский язык был осуществлен Г. Я. Кером (см. с. 46). Одна из глав «Записок Бабура» (описание Ферганы) была переведена на немецкий язык Г.-Ю. Клапротом (см. с. 110). Исследование «Фергана по „Запискам“ султана Бабура» (ЗИРГО по отд. этнографии, 1880, т. 6, отд. 2, с. 151—200) осуществлено И. Н. Пантусовым.

Частичный (и малоудовлетворительный) перевод «Записки Бабера» (по «Бабер-намэ» Ильминского) был сделан С. И. Поляковым (Ежегодник Ферганск. обл., т. 3, вып. 1904 г. Новый Маргелан, 1904, с. 113—176). Отрицательной рецензией на этот перевод отозвался А. Н. Самойлович (ЗВОРАО, 1906, т. XVII, с. 074—083).

Для истории узбекского языка большое значение имеет сочинение Мухаммеда Салиха «Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича» (СПб., 1908).

К. Г. Залеман опубликовал и снабдил историко-филологическими примечаниями весьма интересную рукопись Азиатского музея АН (РОЛОИВ АН СССР) на «чагатайском» языке, названную им «Легенда про Хаким-ата» (ИАН, V серия, 1898, т. IX, № 2, с. 105—150; то же: Mél. Asiat., 1901, t. XI, p. 65—110).[342]

---

[340] *Кононов А. Н.* Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958, с. 20—31; *Иванов С. Н.* Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол). Грамматические категории. Ташкент, 1969.

[341] Позднее Н. И. Ильминский транскрибировал это имя: Бабур. В современном узбекском начертании: *Бобир*. — История изучения Бабур-наме, см. с. 47.

[342] *Бартольд В. В.* К вопросу о родине Хаким-ата. — *Бартольд*. Соч., т. II/2, с. 361, 532.

Лингвистический трактат Алишера Навои «Мухакамат ал-лугатайн — Суждение о двух языках» (1499 г.) в дореволюционной русской тюркологии не был предметом монографического исследования;[343] об этом важном памятнике упоминает Н. И. Ильминский во «Вступительном чтении в курс турецко-татарского языка» (Казань, 1862, с. 36), отмечая, что Навои «был почти единственным или, по крайней мере, могущественнейшим борцом за родной язык».

Русский перевод этого трактата осуществлен А. Н. Малеховой (см.: *Алишер Навои*. Соч. в 10-ти томах, т. X, с. 107—139).

Для изучения лексики узбекского языка большое значение имеют: 1) анонимный «Джагатайско-турецкий словарь» (XVI в.), составленный в Турции в царствование Сулеймана I (1520—1566) преимущественно по материалам сочинений Алишера Навои, обработанный и изданный В. В. Вельяминовым-Зерновым; 2) «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (СПб., 1869—1871) Л. З. Будагова.

Одной из старейших записей смешанного узбекско-таджикского диалекта является «бухарский» глоссарий (более 600 слов), приложенный к книге «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, девятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. Писанное им самим. В С.-Петербурге печатано с дозволения Указного у Гека 1786 г.» (224 с.; глоссарий — с. 194—224).[344]

Первое на русском языке описание грамматического строя узбекского языка принадлежит уже упоминавшемуся М. А. Терентьеву.

Затем последовала целая серия различных практических пособий — руководств, переводчиков, самоучителей, большинство которых не оставило следа в истории изучения узбекского языка.

Среди практических пособий по узбекскому языку выделяются работы: *Наливкин В.* Руководство к практическому изучению сартовского языка. Самарканд, 1898; *Остроумов Н.* 1) Материалы к изучению наречия сартов русского Туркестана. — Изв. Об-ва археол., истории и этногр. при КУ, 1898, т. XVI, вып. 6; 2) Этимология сартовского языка. Ташкент, 1910; *Будзинский Н.* 1) Краткая грамматика сартовского языка и русско-сартовский собе-

[343] См. теперь: *Наваи Эмир Али-Шир*. Сравнительное изучение двух языков: фарсидского и тюркского. Собрал и переложил на туркменский язык А. Куль-Мухамедов. Полторацк (Ашхабад), 1925. 90 с. (рецензия: *Самойлович А. Н.* — В кн.: Мир-Али-Шир. Л., 1928, с. 172—174); *Усманов А.* Мухакамат ал-лугатайн Алишера Навои в аспекте его борьбы за узбекский язык и узбекскую литературу. Ташкент, 1948. 127 с.; *Санакулов У.* Исследование языка памятника XV в. «Мухакамат ал-лугатайн» Алишера Навои. Акд. Ташкент, 1971; *Насилов Д. М.* Лингвистические взгляды Алишера Навои. — В кн.: История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981, с. 143—154.

[344] 2-е изд. — СПб., 1794; 3-е изд. — Казань, 1811 (глоссарий в последнем издании приведен в алфавитном порядке; издатель, Петр Кондырев, добавил для сравнения татарские слова); см.: *Булич*, с. 435—436.

седник. Ташкент, 1910; 2) Учебник сартовского языка. Ташкент, 1910.

Нельзя не отметить весьма полезную для своего времени «Сартовско-персидскую хрестоматию с приложением примеров для перевода с русского на сартовский и персидский языки», составленную В. Наливкиным (Ташкент, 1887).

Вторым — после М. А. Терентьева (см. с. 271) — опытом сопоставительного изучения узбекского и таджикского языков является небольшой очерк П. Е. Кузнецова «Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий» (Изв. Туркест. отд. РГО, т. XI, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915, с. 27—43).

В дооктябрьское время предметом изучения преимущественно был «сартовский» язык, т. е. язык городского населения;[345] исключением из этого правила были «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» супругов В. и М. Наливкиных [346] (Казань, 1884; 2-е изд., Ташкент, 1912) — он долгое время оставался, по словам К. К. Юдахина, «лучшим из узбекских словарей», — и приложенная к нему «Грамматика сартовского языка андижанского наречия», составленная М. Наливкиной; этот первый грамматический очерк одного из диалектов узбекского языка «теряет немалую долю значения из-за своей неточной и невыдержанной транскрипции».[347]

Вторая работа, имеющая отношение к изучению узбекских диалектов, — «Материалы к изучению сартовского наречия тюркского языка. Маргеланская сказка о старце и дочери купца» Н. Н. Пантусова (УЗКУ, 1899, кн. 12). О рукописных материалах по узбекскому языку см. с. 93.

V. Уйгуро-огузская группа

1. Тофаларский язык [348] имел прежде название (до 1934 г.) карагасский язык. Его носители сами себя называют *тофа/топ'а*, *тыфа/тып'а*. Это самоназвание восходит к племенному названию *дубо*, у тувинцев оно звучит *тыва*, у группы северных алтайцев — *тубалар* или *туба кижи*, у одного из родов качинцев — *туба/тума*.

Путешественники XVIII в., академики П.-С. Паллас и И.-Г. Георги, изучавшие Сибирь, причисляли карагасов к самоедской лингвистической группе; это мнение позднее было отвергнуто.

---

[345] Библиография: *Боровков А. К.* Указ. соч., с. 279—284; *Кримський*, Тюрки, с. 539—548.

[346] ББСОТ, с. 222—223; *Лунин*. Историография, с. 247—258.

[347] *Юдахин К. К.* Некоторые особенности карабулакского говора. — В кн.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, с. 401—402.

[348] *Рассадин В. И.* 1) Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 4—9; 2) Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978, с. 5—8; 3) История этнографического и лингвистического изучения тофаларов. — ТСб. 1975. М., 1978, с. 189—208 (список литературы по этнографическому и лингвистическому изучению тофаларов — с. 205—208).

Начало изучению карагасского/тофаларского языка положил Матвей Христианович (Матвей Александр) Кастрен (1813—1852),[349] который в 1845—1849 гг. совершил на средства и по инструкции Петербургской Академии наук [350] путешествие по Уралу, Алтаю и Саянам; с этой целью Кастрен «был определен на службу Академии наук в качестве путешественника-этнографа по северной экспедиции со всеми правами и преимуществами адъюнктов оной со времени отправки в экспедицию до представления окончательного отчета».[351]

По словам В. В. Бартольда, путешествие Кастрена было самым замечательным «из путешествий в Сибирь, предпринятых для лингвистических исследований»; он собрал некоторые этнологические сведения о кызылах, сигиях, бельтирах, качинцах, койбалах, сойотах, карагасах, камасинцах.[352]

В историю тюркологии Кастрен вошел как автор первого описания фонетического и грамматического строя койбальского и карагасского диалектов: «Versuch einer Koibalischen und Karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussischen Kreises, Bd IX» (St.-Pbg., 1857, XIX, 4, 210 S.).[353] Оно издано академиком А. А. Шифнером (см. ниже) после смерти Кастрена в серии: «Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der K. Akademie der Wissenschaften hrsg. von A. Schifner» (Bd I—XII. St.-Pbg., 1853—1862).

Койбальские лексические материалы Кастрена перетранскрибировал русской академической азбукой Н. Ф. Катанов: «Castren's Koibalisch-deutsches Wörterverzeichniss und Sprachproben des koibalischen Dialectes. Neu transcribiert von N. Katanoff» (Bull. de l'Acad., t. XXXI, 1887, col. 138—213; то же: Mél. Asiat., 1888, t. IX, p. 97—205). На эту работу Н. Ф. Катанова последовали «Замечания» В. В. Радлова (Mél. Asiat., 1886, t. IX, 2, p. 97—99; Bull. de l'Acad., 1887, t. XXXI, p. 138—140).

В связи с научной деятельностью М. А. Кастрена следует сказать об издателе его трудов: им был академик Антон Антонович Шифнер (1818—1879),[354] научные интересы которого были необычайно широки даже по масштабам прошлого столетия: «. . .кавказские языки во всем их разнообразии, палеоазиатские, финские, тюркские, монгольские, иранские, кроме того, санскритский и тибетский,

---

[349] ББСОТ, с. 182—183; *Aalto P.* Oriental studies in Finland. 1828—1918. Helsinki, 1971, p. 84 ff; *Donner K.* M. A. Castren's memory in Russia. — JSFOu, 1932, t. XLV; Castrenianum. Suomen ja sen sukukielten tutkimuskeskas. . . Helsinki, 1970. 95 s.

[350] *Sjögren J.-A.* Instruction générale donnée à M. Castrén, voyageur chargé par l'Académie de l'exploration de la Sibérie septentrionale et centrale sous le rapport de l'ethnographie et de la linguistique. — Bull. hist.-phil., t. I, 1844, N 20—21, col. 325—332.

[351] История АН, т. II, с. 225.

[352] *Григорьев В. В.* Этнографическое путешествие Кастрена по Западной Сибири. — Географические известия РГО на 1848, с. 129—152.

[353] Переиздано: Leipzig. Zentralantiquariat der DDR, 1969.

[354] ББСОТ, с. 292—293.

причем этим длинным списком, наверно, не исчерпывается число языков, над которыми Шифнер работал».[355]

В историю изучения тюркских и палеоазиатских языков в России Шифнер вошел как бескорыстный редактор и издатель огромного научного наследия замечательного ученого и путешественника М. А. Кастрена (см. выше).

Шифнеру принадлежит несправедливо забытое сочинение, посвященное эпосу минусинских татар;[356] материал тюркских языков им широко использован в статье «An- und Auslaut bedingen sich gegenseitig».[357]

Вторым исследователем тофаларского языка был Николай Федорович Катанов (1862—1922),[358] совершивший поездку в места их обитания в 1890 г.; собранные им материалы по тофаларскому языку вошли в его «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главных родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903) и в IX часть серии В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым» (СПб., 1907. XXXII, 668, XLVIII с.).

В советское время тофаларский язык изучала Надежда Петровна Дыренкова (ум. в октябре 1941 г. в г. Ленинграде); теперь крупным специалистом по тофаларскому языку является В. И. Рассадин (см. выше).

2. Тувинский язык[359] — язык коренного населения Тувинской АССР — тувинцев (туба, тува); в истории они известны под несколькими названиями: сойоты, сойоны, сойонцы, урянхайцы, танну-тувинцы.

Тувинский язык — один из немногих тюркских языков, еще в самом начале XX столетия получивших обстоятельное описание своего фонетического и грамматического строя в фундаментальном труде Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» (см. с. 152). Эта книга дополнялась текстами, собранными Н. Ф. Катановым и опубликованными в радловской серии «Образцы народ-

---

[355] *Ольденбург С. Ф.* Предисловие. — В кн.: Памяти М. А. Кастрена. Л., 1927, с. 1. — О занятиях Шифнера палеоазиатскими языками см.: *Вдовин И. С., Терещенко Н. М.* Очерк истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959, с. 26.

[356] *Schiefner A.* 1) Ueber die Heldensagen der Minussinschen Tataren. — Bull. hist.-phil., 1858, t. XV, N 23—24, col. 353—390; то же: Mél. Asiat.,1859, t. III, p. 373—425; 2) Heldensagen der minussinschen Tataren, rhythmisch bearbeitet von Anton Schiefner. St.-Pb., 1859, Bd XLVII. 432 S.

[357] См.: Bull. hist.-phil., 1858, t. XV, N 12, col. 189—192; то же: Mél. Asiat., 1857—1859, t. III, p. 281—285.

[358] ББСОТ, с. 183—184.

[359] *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с. I—XLII (аннотированный «Библиографический указатель литературы об урянхайцах и их земле» — с. 1369—1539); *Кримський.* Тюрки, с. 537—539; *Баскаков.* Введение, с. 322—323; *Монгуш Д. А.* Итоги и задачи изучения тувинского языка. — В кн.: Тувинский язык и литература. Послеоктябрьский период. Кызыл, 1977.

ной литературы северных тюркских племен» (ч. IX. СПб., 1907). Собранные самим В. В. Радловым материалы также опубликованы в «Образцах»: «Часть II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик))» (СПб., 1868, XXI. 712 с.).[360]

Исследованиям В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова в области тувиноведения предшествовала собирательская деятельность ряда ученых, среди которых следует назвать Г. Ю. Клапрота и М. А. Кастрена.[361] В изучение современного тувинского литературного языка, возникшего в послеоктябрьский период, солидный вклад внесли как русские (А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков), так и тувинские ученые (Ш. Г. Сат, В. Ч. Очур, Ю. Л. Аранчын, А. К. Калзан, М. Д. Биче-оол, Д. А. Монгуш и др.).

3. Хакасский язык[362] в дооктябрьский период был изучен очень мало.

В состав хакасского народа, который сложился на рубеже XIX—XX вв. и у русских тогда носил название минусинских или абаканских татар,[363] вошли сагайцы, бельтиры, качинцы, часть камасинцев, койбалы, кызыльцы, часть кюэриков и др.

Первые словарные материалы по хакасским диалектам были собраны академическими научными экспедициями XVIII в.[364]

В истории собирания лексики хакасских диалектов почетное место принадлежит Г. И. Спасскому (см. с. 111). Лексические материалы, собранные Г. И. Спасским, опубликованы в книге Л. П. Потапова «Происхождение и формирование хакасской народности» (Абакан, 1957, с. 279—305), где помещены словарики койбальского и моторского языков, рукописи которых, хранящиеся в ГПБ (Архив Аделунга), воспроизведены фотомеханическим способом в Хельсинки (*Potapov L. P.* Zum Problem der Herkunft und Ethnogeness der Koibalen und Motoren. Helsinki, 1957, S. 33—103) и в издании «Словарь языка, употребляемого кизильцами, качинцами, сагайцами, собранный в 1804 году» (Г. И. Спасским).[365] Г. Ю. Клапрот во время своего пребывания в Сибири в 1810 г.

---

360 *Татаринцев Б. И.* О материалах В. В. Радлова по тувинскому языку. — Учен. зап. Тувинск. НИИЯЛИ; вып. XVI.

361 *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с. IX—XI.

362 *Баскаков Н. А.* 1) К истории изучения хакасского языка. — Зап. Хакасск. НИИЯЛИ; Абакан, 1951, вып. 2, с. 85—104; 2) Хакасский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 154—162; *Инкижекова А. И.* К истории развития хакасской письменности. — Зап. Хакасск. НИИЯЛИ, с. 119—134; *Патачаков К. М.* Русские ученые о хакассах. — В кн.: 250 лет вместе с великим русским народом. Абакан, 1959.

363 *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 278.

364 *Боргояков М. И.* 1) Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. — В кн.: Диалекты хакасского языка. Очерки и материалы. Абакан, 1973, с. 109—135; 2) Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. 144 с.

365 Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973, с. 136—156 (публикацию подготовила Д. Ф. Патачакова).

получил от Г. И. Спасского и опубликовал (*Klaproth H.-J.* Asia polyglotta. Paris, 1823) «50 слов, записанных им самим из уст одного сойота. Все они оказались словами тюркскими, и самоедских между ними не оказалось ни одного. В былое время Г. Ф. Миллер и П. С. Паллас утверждали, однако, что названные сойоты говорили по-самоедски».[366]

Определенный интерес представляют два рукописных труда, посвященных хакасским диалектам: И. Н. Березина «Слова и речения качинских и сагайских татар Минусинского округа» (РОЛОИВ, ф. 5, оп. 1, № 1, л. 17) [367] и Н. Ф. Катанова «Татарский язык (сагайского наречия). Грамматика (этимология и синтаксис), часть 1» (Красноярск, 1882; копия находится в рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ, № 300); этот материал в кратком изложении опубликован в сборнике «Диалекты хакасского языка» (Абакан, 1973, с. 67—79).

Первым исследователем фонетического и грамматического строя хакасских диалектов был известный угрофинновед и тюрколог М. А. Кастрен, составивший грамматику койбальского и карагасского языков, снабженную словариком языка минусинских татар (см. выше).

А. А. Шифнер внес свой вклад в изучение фольклора минусинцев (см. выше).

Материалы сагайского, койбальского, карагасского, качинского, кызыльского и бельтырского наречий широко использованы В. В. Радловым в «Образцах» (ч. I. СПб., 1866; ч. II. СПб., 1868; рецензию на обе эти части см. в книге: *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы. М., 1893), а также в «Опыте словаря тюркских наречий» и в «Фонетике северных тюркских языков».

Для своего времени значительным явлением в области хакасской лексикографии был «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка», составленный миссионером В. И. Вербицким (Казань, 1884; рецензию Радлова см.: ЗВОРАО, 1888, т. III).

Под аладагским наречием понималось наречие черневых татар, или тубаларов, иногда называвшихся также абаканскими или минусинскими татарами. Абаканские татары — сагайцы, качинцы, бельтиры, койбалы — вошли в состав современных хакасов. Часть черневых татар вошла также в состав шорцев и северных алтайцев.

В изучении языка и этнографии хакасов первое место занимает хакас Н. Ф. Катанов, автор фундаментального труда «Опыт исследования урянхайского языка». Некоторые рукописные материалы по хакасскому языку хранятся в архивах Ленинграда (см. с. 87).

4. Ш о р с к и й я з ы к[368] — язык народности, живущей в северных предгорьях Алтая, в Кузнецком Алатау, вдоль р. Томь,

---

[366] *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с. 1401.

[367] *Боргояков М. И.* Словарные материалы. . . с. 134.

[368] *Бабушкин Г. Ф., Донидзе Г. И.* Шорский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки, с. 467—481.

ее притоков Кондомы и Мрассы, на территории, граничащей с Хакасской и Горно-Алтайской автономными областями; часть шорцев вошла в состав хакасов.

В этнографической (преимущественно дореволюционной) литературе шорцы упоминаются под различными названиями: шоры, черневые татары, мрасские и кондомские татары, кондомцы, мрасцы, кузнецкие татары, абинцы и др.[369]

Первым исследователем шорского языка, как и многих других сибирских тюркских языков, был В. В. Радлов, издавший шорские тексты в первом томе «Образцов» (с. 310—399).

Одиннадцать шорских текстов с краткими грамматическими примечаниями опубликовал С. Е. Малов в своем отчете о командировке в Томскую и Енисейскую губернии в 1908 г. (ИРКИСВА, 1909, № 9).

Попутные сведения о шорском языке встречаются в «Грамматике алтайского языка» и у Н. Ф. Катанова в «Опыте исследования урянхайского языка».

Первое обстоятельное описание фонетики и грамматики шорского языка принадлежит Н. П. Дыренковой (1941).

5. Чулымско-тюркский язык[370] — язык тюркоязычного населения бассейна р. Чулым, правого притока Оби. Чулымский язык не имеет письменности. Отдельные топонимы, патронимы, этнонимы содержатся в русских исторических актах XVII в. Отдельные слова чулымско-тюркского языка вошли в «Сравнительные словари всех языков и наречий» (ч. II. СПб., 1789, № 96).

Материалы по чулымскому языку собирал известный путешественник Д. Г. Мессершмидт, списки слов которого опубликовал Г. Ю. Клапрот в книге «Asia Polyglotta» (Paris, 1823, p. 224—226).

Более обстоятельные сведения о чулымско-тюркском языке содержатся в статье, подписанной буквой «Д», — «Язык чулымских инородцев», — опубликованной в газете «Томские губернские ведомости» (1858, № 44); здесь приведено около 150 слов и 60 выражений.

В 1863 г. В. В. Радлов, побывав на реках Чулым и Кия (приток Чулыма), сделал записи текстов на языке чулымцев (кюэриков), которые позднее были им использованы в «Образцах» (ч. II. СПб., 1868, с. 689—705), в «Опыте словаря» и в «Фонетике».

Материалы В. В. Радлова по кюэрикскому (чулымско-тюркскому) языку широко использовал Н. Ф. Катанов в своем «Опыте исследования урянхайского языка».

---

369 Подробнее см.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, с. 3—6.

370 *Дульзон А. П.* Чулымско-тюркский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки, с. 446—466; *Бирюкович Р. М.* 1) Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979. 202 с.; 2) Морфология чулымско-тюркского языка, ч. I. М., 1979; ч. II. Саратов, 1981.

Летом 1908 г. поездку к шорцам и чулымцам Томской губ. совершил С. Е. Малов. Результатом был «Отчет о командировке студента Восточного факультета С. Е. Малова» (ИРКИСВА, 1909, № 9, с. 35—46).

Обстоятельное изучение чулымско-тюркского языка осуществлено уже в советское время А. П. Дульзоном и Р. М. Бирюкович.

VI. Киргизско-кыпчакская группа

1. Алтайский (ойротский, белокалмыкский) язык [371] — язык основного населения Горно-Алтайской автономной области Алтайского края, ранее называвшейся Ойротской автономной областью. Алтайский язык, состоящий из нескольких диалектов (они распадаются на две основные группы — южную и северную), — один из немногих тюркских языков Сибири, имевших до Октябрьской революции свою письменность.

Первые записи лексических материалов по тюркским языкам Сибири, в том числе и алтайскому языку, относятся к XVIII в. и связаны с именами Страленберга, Мессершмидта, Фишера, Миллера, Гмелина (подробнее см. с. 57).

Первым исследователем алтайского языка и фольклора был В. В. Радлов, который во время своего пребывания на Алтае (1859—1871) собрал, систематизировал огромный материал и опубликовал целую серию работ по языку и этнографии алтайцев.

«Образцы» (ч. I. СПб., 1866), собранные В. В. Радловым, имеют совершенно исключительное значение для истории алтайского языка, как единственная строго научная запись.

Выдающимся событием в истории изучения грамматического строя тюркских языков в начале второй половины прошлого столетия явился выход в свет труда, озаглавленного «Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии», изданного в Казани в 1869 г. вместе с русско-алтайским и алтайско-русским словарями.

Авторами этого труда, как установил Ф. Д. Ашнин,[372] были Н. И. Ильминский, В. И. Вербицкий [373] и иеромонах, позднее митрополит Московский и Коломенский Макарий (Михаил Анд-

---

[371] *Кримський*. Тюрки, с. 537—539; *Малов С. Е.* Предисловие. — В кн.: *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 9—10; *Потапов Л. П.* Изучение алтайцев русскими учеными в дореволюционный период. — Учен. зап. Горно-Алт. НИИЯЛИ; 1958, вып. 2, с. 3—23; *Баскаков Н. А.* 1) К истории изучения алтайского языка. — Там же, с. 24—38; 2) Алтайский язык. (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М., 1958; 3) Алтайский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959, с. 142—154.

[372] *Ашнин Ф. Д.* 1) Первая печатная научная грамматика алтайского языка. (Проблема авторства). — ТСб. 1975. М., 1978, с. 34—61; 2) Первая печатная научная грамматика алтайского языка. (Вопрос о названии). — ТСб. 1977. М., 1981, с. 7—20, см. еще: *Тадыкин В. Н.* К 100-летию «Грамматики алтайского языка». — Учен. зап. Горно-Алт. НИИЯЛИ, 1970, вып. 9.

[373] ББСОТ, с. 137—138.

реевич Невский, 1835—1926), он же создал «Алтайский букварь» (Казань, 1882).

«Грамматика алтайского языка» составила эпоху в истории грамматической разработки тюркских языков и стала надолго образцом для последующих работ на аналогичные темы; ее научное значение сохраняется вплоть до наших дней. Тончайшие лингвистические наблюдения авторов этой грамматики сейчас служат примером глубокого проникновения в тайны внутренних законов развития языка.

Первым лексикографическим опытом на материалах алтайского языка был названный выше «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» В. И. Вербицкого (Казань, 1884).

Н. Ф. Катанов в «Опыте исследования урянхайского языка» использовал среди других и материалы диалектов алтайского языка (алтайский, телесский, телеутский).

Широкий размах изучение алтайского языка получило с конца 30-х годов нынешнего столетия, когда наряду с русскими исследователями (Н. П. Дыренкова) его стали изучать сами алтайцы.

2. Киргизский язык,[374] носители которого в дооктябрьский период назывались кара-киргизы, буруты или дикокаменные киргизы, был изучен очень слабо.

Ввиду терминологической путаницы — киргизы=казахи и собственно киргизы — часто трудно без детального изучения отнести записи лексического материала, сделанные в XVIII в., строго определенно к киргизскому или казахскому языку.

Первые отрывочные сведения о енисейских киргизах сообщил известный дипломат и ученый Николай Гаврилович Милеску Спафарий (1635—1708).[375]

Первый «Русско-киргизский словарь» составил генерал-майор Скалон (рукопись, 1774 г.; см. о ней с. 89).

Первым исследователем киргизов в историко-филологическом плане был известный казахский ученый Чокан Чингизович Валиханов (1835—1865),[376] который во время поездки к иссыккульским киргизам летом 1856 г. записал и перевел на русский язык отрывок из киргизского героического эпоса «Манас» — «Смерть Кукотай-хана [377] и его поминки».[378] Подлинник записи «Манаса», сде-

---

[374] *Батманова Л. В.* История изучения киргизского языка. Акд. Л., 1952. 18 с.; *Батманов И. А.* Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947. 115 с.; *Коклянова А. А.* Киргизский язык. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР, с. 106—113; *Кондучалова С.* Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым. Акд. Алма-Ата—Фрунзе, 1964; *Оруэбаева Б. О.* Краткий обзор языковых и графических особенностей материалов Ф. В. Поярковa. — Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук, Фрунзе, 1964, вып. 1, с. 77—104.

[375] *Константин Г. И.* Николай Милеску (Спафарий) об енисейских киргизах. — Учен. зап. Хакасск. НИИЯЛИ, Абакан, 1960, вып. VIII, с. 159—162; *Урсул Д. Т.* Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980. 192 с.

[376] ББСОТ, с. 133—134.

[377] Кокетай.

[378] Русский перевод см.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в 5-ти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, с. 289—300; Примечания, с. 670—672.

ланный Валихановым, обнаружен академиком АН КазССР А. Х. Маргуланом.[379] Валиханову принадлежит большая незаконченная работа «Записки о киргизах», содержащая историю, исторические предания киргизов, материалы по их языку и литературе и пр. (ЛОААН, ф. 23, № 6, л. 1—73).[380]

Большой фактический материал по киргизскому языку был собран В. В. Радловым во время его поездок в Киргизию в 1862 и 1869 гг. (в основном эпизоды из киргизского эпоса «Манас») и издан им в «Образцах» (ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885), которые долгое время были единственным источником для изучения киргизского языка. Киргизская лексика («каракиргизское наречие») вошла в радловский «Опыт словаря»; данные киргизского языка В. В. Радлов использовал в своей «Фонетике», здесь же излагаются краткие сведения о расселении и составе киргизов (с. XXXIX—XLI), а также приведена этимология этнонима: *кырғыс* < *қырқ*+*йүс*.[381]

В дооктябрьский период грамматический строй и лексический состав киргизского языка не были предметом специального изучения; отдельные замечания о его грамматике и лексике встречаются в работах Бётлингка, Ильминского, Радлова, Мелиоранского, Катанова.[382]

VII. Якутская группа

Якутский язык[383] в грамматическом и лексико-графическом отношениях изучен значительно раньше и лучше многих тюркских языков, чему способствовали два обстоятельства: во-первых, Якутия рано попала в сферу внимания научных экспедиций, — из путешественников особенно много сделал для собирания материалов по якутскому фольклору и языку А. Ф. Миддендорф[384] (*Пекарский Э. К.* Миддендорф и его якутские тексты. — ЗВОРАО, т. XVIII, 044—060; *Попов А. А.* Якутские записи

---

[379] *Маргулан А. Х.* Чокан и «Манас». Исследование о Чокановском варианте эпоса «Манас». Алма-Ата, 1971. 164 с. (на казахск. яз.).

[380] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч., т. I, с. 301—379. — О киргизском языке см. с. 363—366 (здесь приведен список 34 киргизских слов с их русскими и казахскими эквивалентами и отдельные замечания по фонетике и лексике); на с. 366—369 заметки по киргизскому фольклору «Самородная словесность [киргизов]».

[381] О других этимологиях этнонима киргиз см.: *Кононов.* ГЯТРП, с. 145.

[382] Подробнее см.: *Батманов И. А.* Указ. соч., с. 107—109.

[383] *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851 (с. XXIX — историческая справка о собирании сведений о якутском языке); *Бётлингк О.* О языке якутов. — УЗИАН; 1853, т. I, вып. 4 (история изучения якутского языка — с. 426—446); *Кримський.* Тюрки, с. 548—549; *Убрятова.* Очерк; *Николаев В. И.* Якутский край и его исследователи. Вып. 1. Краткий исторический очерк экспедиций в Якутскую область. 1632—1913. Якутск, 1913; *Андреев А. И.* 1) Изучение Якутии в XVIII в. — Учен. зап. ИЯЛИ Якутск. филиала АН СССР, 1956, вып. 4, с. 3—32; 2) Изучение Якутии в первой половине XIX в. — Там же, 1958, вып. 5, с. 51—58; *Иванов В. Ф.* Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974. 287 с.

[384] *Леонов Н. И.* Александр Федорович Миддендорф. М., 1967.

А. Ф. Миддендорфа. Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 155—163); во-вторых, Якутия царским правительством была превращена в место политической ссылки; политические ссыльные стали прилежными собирателями и исследователями этнографии, фольклора и языка якутов,[385] — среди них первое место безусловно принадлежит Эдуарду Карловичу Пекарскому (1858—1934);[386] см. с. 124.

Необходимо отметить, что «якутский язык до революции наряду с русским (русский язык значительно ограниченней) стал выполнять функцию языка межнационального общения народов Якутии, и, владея этим языком, русские могли успешнее вести свое хозяйство».[387]

Впервые якутский лексический материал был опубликован в книге «Северная и Восточная Тартария» Н.-К. Витсена (см. с. 32), в которой приведено 35 якутских слов и 29 якутских числительных, записанных латинскими буквами; воспроизведены О. Н. Бётлингком в его труде «Über die Sprache der Jakuten» (S. XXXVII—XXXVIII). (См. еще: *Kara G.* Le glossaire yakute de Witsen. — АОН, 1972, t. XXV, p. 431—439).

Среди первых собирателей лексических материалов по сибирским языкам, в том числе и якутскому, следует назвать шведа Михайла Михайловича Робека (1754—1818),[388] врача, участника экспедиции Биллингса на Чукотку (1785—1793). Работа его озаглавлена длинно и замысловато: «Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах. Расположен на четыре отделения, содержащие в себе наречия: в первом — якутов, ламутов и юкагиров; во втором — сидячих и кочующих чукчей и оленных коряков; в третьем — камчадалов большерецких, нижнекамчатских и тагильских; в четвертом — алеутов на островах Андреяновских, Лисьих и острове Кадьяке. Собран бывшим при экспедиции капитана Биллингса штаб-лекарем, что ныне статский советник, Робеком» (в кн.: Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога, и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-восточному океану в 1791 году; с приложением словаря двенадцати наречий диких народов, наблюдения над стужею в Верхнеколымском остроге и наставления, данного капитану Биллингсу из Государственной адмиралтейств коллегии. Извлечено из разных журналов вицеадмиралом, непременным членом Государственного

---

[385] *Николаев В. И.* Сибирская политическая ссылка и изучение местного края. — Каторга и ссылка, 1927, № 5, с. 87—116; *Пекарский Э. К.*, *Петров И. П.* Работы политссыльных по изучению якутского языка во II половине XIX века. — В кн.: Сто лет якутской ссылки. М., 1934, с. 344—351.

[386] ББСОТ, с. 233—234.

[387] *Самсонов П. Г.* Заимствования из языков аборигенов Якутии в русском языке. (Дореволюционный период). — ВЯ, 1981, № 4, с. 76.

[388] ББСОТ, с. 247.

адмиралтейского департамента и имп. Академии наук, гидрографии и кавалером Гаврилом Сарычевым. СПб., 1811, с. 91—129).

Лексический материал якутского языка зарегистрирован в «Сравнительных словарях всех языков и наречий», где «якутский материал дан удивительно полно с довольно точной записью».[389] Позднее появился словарь И. Кожевина, записи И. Редовского и др. (см. с. 95).

Описание якутской грамматики появляется в 40-х годах XIX в.

Основоположником строго научного изучения фонетического и грамматического строя и словарного состава якутского языка, создателем первой его научной грамматики был выдающийся санскритолог, блестящий лингвист, академик Петербургской Академии наук Оттон Николаевич Бётлингк (1815—1904),[390] который наряду с якутским языком проявлял глубокий интерес к турецкому языку.

Грамматика якутского языка О. Н. Бётлингка (*Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851) имеет эпохальное значение.[391] Введение к этому труду издано отдельно: «О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания» (УЗИАН, 1853, т. I, вып. 4, с. 377—446). Бётлингк написал также три статьи по вопросам якутского языкознания [392] и три статьи о грамматике турецкого языка.[393]

Грамматика Бётлингка дополнена якутскими текстами с немецким переводом и якутско-немецким словарем (более 4600 слов), который является первым лексикографическим опытом на материале якутского языка.

Все тюркологические работы О. Бётлингка отличаются широтой научного горизонта, тонким знанием всей тюркологической литературы и первоклассным для того времени методом. Все его работы — начиная с фундаментальной грамматики якутского языка, которая, по свидетельству специалистов, не утратила своего значения и до наших дней,[394] и кончая небольшой заметкой по якут-

[389] *Убрятова*. Очерк, с. 7.

[390] ББСОТ, с. 127—128.

[391] 120-летию выхода в свет названного труда О. Н. Бётлингка была посвящена научная конференция, организованная ИЯЛИ Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР в Якутске 29—30 ноября 1971 г. (СТ, 1972, № 3, с. 123—125). — Доклады, прочитанные на конференции, опубликованы в кн.: О. Н. Бётлингк и его труд о языке якутов. Якутск, 1973. 237 с. (рец.: *Благова Г. Ф.* — ВЯ, 1974, № 5, с. 142—146); см. еще: *Убрятова*. Очерк; *Коркина Е.И.* Работа О. Н. Бётлингка «О языке якутов». — СТ, 1971, № 4, с. 124—131; *Петров Н. Е.* О. Н. Бётлингк и некоторые вопросы изучения служебных слов в тюркских языках. — СТ, 1972, № 4, с. 62—71. — Грамматика Бётлингка переиздана фотомеханическим способом: Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 35. The Hague. Mouton, 1964. — В. И. Рассадин подготовил русский перевод Грамматики Бётлингка.

[392] См.: *Ливотова, Португаль*. Востоковедение, № 382, 385, 391.

[393] Там же, № 371, 375, 391.

[394] *Убрятова*. Очерк, с. 15.

ской орфографии — ценны своими широкими обобщениями, тонкими и остроумными этимологиями, детально разработанными морфологическими этюдами; слабым местом его работ (как, впрочем, почти всех подобных работ того времени) является синтаксис.

Для истории изучения турецкого языка в России непосредственный интерес представляют упомянутые выше «Критические замечания на второе издание грамматики Казем-Бека», «Возражения на статью Шотта», а также «О турецко-татарской грамматике» (*Böhtlingk O.* Zur türkisch-tatarischen Grammatik. — Mél. Asiat., 1852, t. I, p. 114—141). Кроме того, следует сказать, что грамматика якутского языка Бетлингка, составившая эпоху в мировой тюркологии, имеет довольно близкое отношение и к турецкому языку, так как в ней широко использован турецкий языковой материал и по-новому решен ряд общетюркологических проблем.

Величие Бётлингка как тюрколога, в особенности как якутоведа, наглядно подтверждается сопоставлением его «Грамматики якутского языка» с предшествующими работами на эту же тему. Первым опытом описания грамматического строя якутского языка была статья немецкого ориенталиста Вильгельма Шотта «О якутском языке»,[395] написанная им на основе весьма несовершенной записи Дмитрия Павловича Давыдова «Список якутских слов», опубликованной в том же томе «Архива». Статья В. Шотта, как и несколько позднее опубликованная статья Е. Огородникова «Замечания о якутском языке» (Отечественные записки, 1846, т. XVII), имеет лишь историческое значение — это первые попытки дать описание грамматического строя якутского языка.[396]

После блестящей монографии О. Н. Бётлингка появилась «Краткая грамматика якутского языка, составленная протоиереем Д. Хитровым» (М., 1858) [397] как пособие для миссионеров. На эту грамматику рецензией, содержащей ряд замечаний, главным образом по разделу фонетики, отозвался О. Н. Бетлингк.[398]

Известный вклад в изучение якутской грамматики внес С. В. Ястремский,[399] вошедший в историю якутоведения в России двумя работами: «Падежные суффиксы в якутском языке» (Иркутск, 1898) и «Грамматика якутского языка» (Иркутск, 1900; 2-е изд. — М., 1938).[400]

---

[395] *Schott W.* Ueber die jakutische Sprache. — Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, Berlin, 1843, S. 333—342.

[396] *Убрятова.* Очерк, с. 9—11.

[397] ББСОТ, с. 284—285.

[398] *Böhtlingk O.* Zur jakutischen Grammatik. — Bull. hist.-phil., 1859, t. XVI, N 17—18, col. 269—275; N 19, col. 289—290; то же: Mél. Asiat., 1859, t. III, p. 643—652.

[399] ББСОТ, с. 296—297.

[400] Оценку этих работ см.: *Убрятова.* Очерк, с. 19—21; *Миллер В. Ф.* Разбор «Грамматики якутского языка» Ястремского. — Этнограф. обозрение, 1901, № 2, с. 168—169. — В Якутской республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина хранится рукопись (185 л.): *Ястремский С. В.* Якут-

«Опаснейший государственный преступник» Иван Александрович Худяков (1841—1876),[401] сосланный в Верхоянск, изучил якутский язык и «составил для якутов грамматику и словарь русского языка»;[402] к сожалению, эти работы давно утрачены.

Записанные И. А. Худяковым якутские были, сказки, песни, загадки и пословицы вошли в его «Верхоянский сборник».[403] Якутские тексты, записанные И. А. Худяковым (см.: Образцы народной литературы якутов. Под ред. Э. К. Пекарского, т. II, вып. 1, 2. СПб., 1913), были широко использованы в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского.

В историю изучения якутской лексики, в историю тюркской лексикографии навсегда вошло имя политического ссыльного, выдающегося якутоведа Эдуарда Карловича Пекарского (1858—1934), члена-корреспондента Академии наук (1927) и почетного академика (1931). Э. К. Пекарский, проживший в якутской ссылке почти 25 лет, собрал там огромный материал по якутской лексике. Академия, а с 1903 г. и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии по ходатайству В. В. Радлова и К. Г. Залемана неизменно оказывали ему материальную и моральную поддержку;[404] в частности, в результате хлопот В. В. Радлова Э. К. Пекарский получил разрешение проживать в столице, чем и воспользовался, переселившись в 1905 г. на жительство в С.-Петербург, где поступил на службу сначала в Этнографический отдел Русского музея (1905—1910), затем (1911) стал сотрудником Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого.

Первый выпуск «Словаря якутского языка», составленного Э. К. Пекарским при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова, вышел в Петербурге в 1907 г., а последний — в Ленинграде в 1930 г.[405]

Востоковеды были единодушны в высокой оценке этого словаря. В. В. Радлов писал: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным Thesaurus Linguae Jakutorum, да и для многих литературных языков подобный словарь, к сожалению, остается еще надолго pium desiderium».[406]

ская грамматика по Бётлингку (1887—1888); см. об этом: *Петров Н. Е.* Якутский язык. (Указатель литературы). Якутск, 1958, № 314.

401 ББСОТ, с. 285—286.

402 См.: СТ, 1973, № 3, с. 70.

403 *Пекарский Э. К.* Заметки по поводу редакции «Верхоянского сборника» И. А. Худякова. — Изв. Вост.-Сиб. отд. РГО, 1895, т. 26, № 4—5, с. 197—205.

404 См. предисловие Э. К. Пекарского к «Словарю якутского языка» (т. I, с. IV—V).

405 Переиздан фотомеханическим способом в 1958—1959 гг.

406 См.: *Харитонов Л. Н.* Словарь якутского языка Э. К. Пекарского и его значение. — В кн.: Эдуард Карлович Пекарский, с. 10; см. еще: *Залеман К. Г.* Отзыв о сочинении Э. К. Пекарского «Словарь якутского языка», вып. I, СПб., 1907. — Сб. отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. АН. Т. II. Отчеты за 1907 г. СПб., 1909, с. 205—208; *Оконешников Е. И.* 1) Э. К. Пекарский как лексикограф. Новосибирск, 1982;

Э. К. Пекарский известен и как выдающийся знаток якутского фольклора и этнографии якутов.[407]

Кроме монументального «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарский составил и издал «Краткий русско-якутский словарь» (Якутск, 1906. 147 с.; 2-е изд., дополн. и исправл., с предисловием пр.-доц. А. Н. Самойловича. СПб., 1916. 258 с.). Пекарский явился инициатором и редактором очень полезного издания «Образцы народной литературы якутов» (т. I, вып. 1—5. СПб., 1907—1911; т. II, вып. 1—2. СПб.—Пгр., 1913—1918; т. III, вып. 1. Пгр., 1916).

В. В. Радлов в своей «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Phonetik» (1882—1883) высказал ряд интереснейших соображений о природе якутских долгих гласных и дифтонгов. Не утратила своего научного значения его работа «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (St.-Pb., 1908. 86 S.), в которой был сформулирован новый взгляд на проблему происхождения якутов и якутского языка; эта работа оказалась последним крупным исследованием по якутоведению дооктябрьского периода.

Обозрению исторического развития якутского письма и применявшихся алфавитных систем посвящена статья П. В. Попова «Краткая история развития якутского письма».[408]

---

2) Э. К. Пекарский — выдающийся лексикограф (к стодвадцатилетию со дня рождения). — СТ, 1978, № 5, с. 44—51.

[407] См. кн.: Эдуард Карлович Пекарский. Якутск, 1958.

[408] Эта статья в качестве отдельной главы напечатана в кн.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык. Якутск, 1947, с. 279—306.

VI

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В РОССИИ

1. Изучение грамматического строя

Первая печатная грамматика одного из тюркских языков — «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка, (СПб., 1769. 69 с., 4°) — была составлена слушателями Казанской духовной академии под руководством архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (Василий Григорьевич Пуцек-Григорович). Эта грамматика чувашского языка обнаруживала отчетливые следы влияния грамматической схемы, выработанной для латинского языка,[1] которая была достаточно хорошо известна авторам чувашской грамматики — питомцам Казанской духовной академии. Менее отчетливо заметно влияние «Российской грамматики» М. В. Ломоносова.

Главнейшие положения названной выше чувашской грамматики легли в основу учебного пособия «Начертание правил чувашского языка и словарь» (Казань, 1836), автором которой был один из первых исследователей чувашского языка, быта и верований чувашей и марийцев — В. П. Вишневский.[2]

Описание грамматического строя ряда тюркских языков (татарского, башкирского, казахского и др.), получивших освещение в работах миссионеров Казанской школы, естественно — в силу сказанного выше — носили явные признаки влияния русской и латинской грамматической схемы.

Политическими интересами России на Черном море и связями с Турцией объясняется пробуждение интереса к изучению турецкого языка в России в последней трети XVIII столетия; именно этими обстоятельствами обусловлено было появление почти одновременно в двух изданиях книги «Турецкая грамматика, или краткий и легчайший способ к изучению турецкого языка. . . Переведено с французского в СПб., 1776». Вторым изданием с указанием фамилии переводчика — Рейнголд Габлицль — эта грамматика была издана в Москве в 1777 г. (см. с. 224) и оказала известное влияние на повышение интереса к турецкому языку.

В следующем — 1778 — году в Москве было издано первое учебное пособие по казанско-татарскому языку для русских —

---

[1] Подробнее см.: *Егоров В. Г.* Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. — Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1951, с. 85—92.
[2] См. с. 209.

«Азбука татарского языка», автором которой был первый официальный преподаватель татарского языка Сагит Хасанович Хальфин (см. с. 107).

В истории изучения тюркских языков в России известное влияние имела научная и педагогическая деятельность священника, учителя татарского языка в Главном народном училище в Тобольске Иосифа Ивановича Гиганова (см. с. 259), автора первой печатной «Грамматики татарского языка (тобольского наречия, — *А. К.*) для русских», изданной в С.-Петербурге в 1801 г. К грамматике приложен татарско-русский предметный словарик. В Грамматике Гиганова отразилась грамматическая схема, выработанная М. В. Ломоносовым, автором «Российской грамматики», по которой учились многие поколения русских и которая оказала большое влияние на грамматические штудии на материале языков разных семей и явилась солидным вкладом в теорию общего языкознания.

И. И. Гиганов был хорошо подготовленным языковедом; в нужных случаях он оперирует сопоставлением фактов татарского языка с таковыми же русского, французского, турецкого, киргизского (казахского) языков. Киргизский (казахский) язык он мог знать путем непосредственного его изучения, так как в то время не было пособий по этому языку, что же касается турецкого языка, то с ним он мог познакомиться через посредство «Турецкой грамматики» Гольдермана (см. выше).

По точному определению М. З. Закиева, грамматики И. Гиганова, Ибр. С. Хальфина (1809),[3] А. Троянского (1814, 1824, 1860), М. Иванова (1842) [4] как в части структуры самих трудов, так и в части определения основных понятий и категорий восходят к Грамматике М. В. Ломоносова.[5]

Основные положения труда Гиганова получили свое развитие в грамматиках А. Троянского, М. Иванова, М.-Г. Махмудова, К. Насыри («Энмүзәҗ»).[6]

К иной линии развития тюркских грамматических изысканий в России прошлого века относится книга О. И. Сенковского (см. с. 226) «Основные правила турецкого языка» (СПб., 1829), которая, по мнению В. В. Григорьева, ученика Сенковского, представляет собою «образцовое сокращение богатой содержанием, но растянутой донельзя и запутанной грамматики Вигье» (см. с. 227). Эта книга не оказала сколько-нибудь существенного влияния на развитие грамматической мысли в России.

---

[3] *Ахметгалеева Я. С.* Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина. К характеристике лингвистического наследия. — СТ, 1979, № 6, с. 23—30.

[4] См. с. 262.

[5] *Закиев М. З.* Роль идей М. В. Ломоносова в становлении лингвистических взглядов представителей Казанской школы тюркологов. — В кн.: Вопросы тюркологии. Казань, 1970, с. 17.

[6] *Ахметгалеева Я. С.* Грамматика татарского языка Ибрагима Хальфина, с. 26.

Новым рубежом в истории тюркского языкознания в России явилась «Грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1839) М. А. Казем-Бека, второе издание которой вышло под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846). В основу Грамматики (в обоих изданиях) Казем-Бека положена, по его собственным словам, схема французского тюрколога А. П. Жобера (см. с. 229), которая была дополнена и уточнена многими собственными наблюдениями автора в такой степени, что от первоначальной схемы остались лишь самые общие положения, свойственные любому грамматическому труду.

«Общая грамматика турецко-татарского языка» — издание «исправленное и обогащенное многими новыми филологическими исследованиями автора» (см. титульный лист) — приобрела характер сопоставительной грамматики турецкого и «татарских» языков, т. е. ряда тюркских языков: казанско-татарского, азербайджанского и некоторых других; более того, Казем-Бек нередко прибегает к аналогиям из монгольского языка, используя для этой цели известную «Грамматику монгольского языка» О. Ковалевского.

Почти все биографы М. А. Казем-Бека отмечают, что почтенный тюрколог соединял в себе европейскую ученость с ученостью восточной, арабской по языку и грамматической традиции. Это сложное переплетение научных традиций и исследовательских приемов наиболее полно воплотилось в его «Общей грамматике», которая также носит следы влияния грамматических идей М. В. Ломоносова, причудливо сочетающихся с латинской схемой грамматики Жобера и традиционной арабской грамматической схемой и терминологией; в частности, он первый ввел используемый в русской тюркологии арабский грамматический термин *изафе* ‘изафет’ («Общая грамматика», с. 374, § 54).

«Общая грамматика» М. А. Казем-Бека, отмеченная присуждением ее автору Демидовской премии, получившая многочисленные, в общем, одобрительные отзывы и переведенная на немецкий язык М. Т. Ценкером, надолго стала основным пособием по турецкому языку в России и в Западной Европе.

Эпохальное значение имел выход в свет труда О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten» (St.-Pb., 1851) (см. с. 295), в котором фактический материал якутского языка систематически приводится в сравнении с данными тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков; труд Бётлингка является первым плодотворным опытом сопоставительной грамматики алтайских языков, основывающимся на прочной базе передовых лингвистических воззрений того времени.

Собственное исследование О. Н. Бётлингка и его отклики-рецензии на труды русских тюркологов оказали значительное влияние на развитие отечественной тюркологии: достаточно сказать, что все последующие специалисты по якутской грамматике (см., например, «Грамматику якутского языка» С. В. Ястремского) шли путями, проторенными О. Н. Бётлингком. Даже статьи

В. В. Радлова о родстве якутского языка с другими тюркскими языками находились в связи с идеями О. Н. Бётлингка. Труд О. Н. Бётлингка стал эталоном, по которому измерялись все последующие исследования по якутскому языку и другим тюркским языкам, хотя, как справедливо заметила Е. И. Убрятова, «далеко не все сделанное О. Н. Бётлингком учтено и использовано тюркологами».[7]

Составители до сих пор сохраняющей свое научное значение «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869) заявляли: «Для разъяснения внутреннего значения форм весьма полезным и единственным (разрядка моя, — *А. К.*) пособием служила нам Грамматика монгольско-калмыцкого языка Бобровникова» (с. VII),[8] изданная в Казани (1849).

Главным автором и редактором «Грамматики алтайского языка» был Н. И. Ильминский (см. с. 291), первый в России тюрколог-лингвист, вслед за которым эту линию лингвистических исследований продолжали Ф. Е. Корш, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский, Н. И. Ашмарин, А. Н. Самойлович.

Новая эпоха в истории отечественной и мировой тюркологии прочно связана с именем В. В. Радлова (1837—1918),[9] основные лингвистические идеи которого вызревали под благотворным воздействием идей О. Н. Бётлингка и И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845—1929), возглавлявшего Казанский лингвистический кружок, в котором сам В. В. Радлов играл важную роль.[10]

Труды В. В. Радлова казанского периода его жизни (1871—1884) — «Phonetik der nördlichen Türksprachen» (1882), «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen» (1882) — развивали и углубляли передовые лингвистические идеи того времени в части фонетики.

На вводную статью к проектируемой В. В. Радловым Сравнительной грамматике тюркских языков «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (1906) пространной рецензией откликнулся И. А. Бодуэн де Куртенэ,[11] который — наряду с критическими (порой очень острыми) замечаниями — счел возможным назвать эту работу В. В. Радлова «замечательным трудом» (с. 191).

---

[7] *Убрятова Е. И.* Труду О. Н. Бетлингка «Über die Sprache der Jakuten» — 120 лет. — В кн.: О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973, с. 31.

[8] *Ильминский И. И.* Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове. Казань, 1865. 34 с.

[9] См. с. 116.

[10] *Благова Г. Ф.* Памяти И. А. Бодуэна де Куртенэ. — СТ, 1979, № 6, с. 99—101 (изложение доклада Э. Р. Тенишева «И. А. Бодуэн де Куртенэ и В. В. Радлов» и прений по этому докладу).

[11] *Бодуэн-де-Куртенэ И. А.* Заметки на полях сочинения В. В. Радлова: «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». St.-Pb., 1906. — ЖС, СПб., 1909, вып. II—III, с. 191—205.

Тонкий лингвист П. М. Мелиоранский (см. с. 167), с детства владевший немецким языком, не воспользовался ни трудом О. Н. Бётлингка, ни грамматикой Казем-Бека; в предисловии к своей «Краткой грамматике казак-киргизского языка. Часть II. Синтаксис» (СПб., 1897) он писал: «При составлении киргизского синтаксиса мне послужила весьма полезным пособием „Грамматика алтайского языка“. . . Я пользовался ею и как планом. . . и как источником при изложении многих частных синтактических правил. . . Ни специалисты, ни тем более начинающие тюркологи не посетуют на меня, надеюсь, за то, что я таким образом отчасти повторил или перефразировал „Грамматику алтайского языка“, уже по той причине, что эта книга сделалась теперь, к сожалению, библиографической редкостью» (с. V—VI).

Свидетельством его оригинального и глубокого истолкования грамматического строя (особенно в части морфологии) тюркских языков стал историко-филологический комментарий к памятнику в честь Кюль-тегина (ЗВОРАО, 1899, т. XII, вып. II—III).

П. М. Мелиоранский первым сформулировал неотложные задачи тюркологии в России: «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого (=тюркских, — *А. К.*) языка (=языков, — *А. К.*) со всеми его многочисленными разветвлениями есть несомненно одна из основных задач тюркологии».[12] Придавая особое значение изучению памятников тюркской письменности, П. М. Мелиоранский призывал изучать труды восточных филологов, посвященных тюркским языкам. В этой области тюркской филологии ему принадлежит блестящий анализ грамматического трактата Ибн Муханны «Араб филолог о турецком языке».

П. М. Мелиоранский, «рано похищенный смертью», был тюркологом-лингвистом, оставившим блестящие образцы лингвистического истолкования памятников тюркской письменности и живого (казахского) языка.

А. Н. Самойлович (см. с. 168), ученик П. М. Мелиоранского, развил и углубил эту идею своего учителя; первым грамматическим трудом А. Н. Самойловича был очерк языка туркменской исторической поэмы XIX в. «Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев» (СПб., 1914), в котором впервые сформулированы основные позиции грамматического анализа в его понимании. Наиболее полно свое понимание особенностей грамматического строя тюркских языков А. Н. Самойлович изложил в двух трудах: «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (Пгр., 1916) и «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка» (Л., 1925).

В первой из названных грамматик А. Н. Самойлович четко сформулировал свое методологическое credo: «Грамматику и з о б р е с т и нельзя, ее можно только о т к р ы т ь и обнародовать. Никакому языку нельзя произвольно навязать грамматику и ни-

---

[12] *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. 1.

какой язык в такой грамматике не нуждается, имея свою природную грамматику с момента своего возникновения» (с. 2).

В грамматике османско-турецкого языка А. Н. Самойлович по существу развивает эту же идею: «Я пытался составить учебник, свободный от влияния чуждых турецким (=тюркским) языкам грамматических систем (готового образца я не нашел)» (с. 4).

При изложении основных положений фонетики крымско-татарского и турецкого языков А. Н. Самойлович (как и почти все русские тюркологи) следовал методе, разработанной В. В. Радловым; стройная радловская система деления гласных на три группы по двум признакам очень удобна, в частности, при объяснении механизма действия законов сингармонизма.

А. Н. Самойлович, следуя классической схеме, классифицировал слова по определенным морфолого-семантическим группам (деление на части речи) следующим образом: глагол; имя; частица. А. Н. Самойлович пытался ввести в трактовку основ грамматики тюркских языков понятие п о л у п р и с т а в к и; при этом он решительно утверждал, что «как нет резких, раз навсегда установившихся и непереходимых граней между основами, послелогами, полуприставками, так нет таких граней и между частями речи: глаголами, частицами, именами. Искусственное установление подобных неподвижных граней при построении грамматики живого языка есть искажение действительности».[13] Далее приводится еще одно существенное положение, важное для понимания грамматических воззрений А. Н. Самойловича: «Деление имен на существительные и прилагательные по их смысловому значению (с логической точки зрения) не находит отражения в османско-турецкой морфологии; нет морфологических признаков для установления категорий имен существительных и прилагательных в османско-турецкой грамматике».[14] Это утверждение А. Н. Самойловича, которое и теперь еще имеет своих сторонников среди тюркологов, согласуется с мнением авторов Алтайской грамматики: «В алтайском языке нет строгого различия между частями речи в окончаниях, какое существует, например, в русском языке. . .» (с. 19). Это утверждение ни в коей мере не соответствует истинному положению в грамматике тюркских языков, в которой имеются отчетливые показатели, присущие имени прилагательному.

При оценке грамматических воззрений А. Н. Самойловича следует принять во внимание, что его турецкая грамматика написана более полувека тому назад, когда отечественная тюркология — в новых условиях — делала только первые шаги; в свете сказанного труды А. Н. Самойловича по разработке основных положений грамматики тюркских языков сохраняют свое значение как определенный этап в истории изучения грамматического строя тюркских языков.

---

[13] Подробнее см.: *Кононов А. Н.* А. Н. Самойлович — грамматист. — СТ, 1973, № 5, с. 37—48.

[14] Подробнее см.: там же, с. 41—44.

Среди немногочисленных в дооктябрьскую эпоху специалистов по тюркским языкам, вышедших из среды носителей тюркских языков, особое место принадлежит хакасу Н. Ф. Катанову, который вошел в историю отечественного тюркского языкознания как автор громадного тома (около 1600 страниц) «Опыт исследования урянхайского языка с указателем главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» (Казань, 1903) (см. с. 152).

Эта книга Н. Ф. Катанова — обстоятельное описание грамматического строя урянхайского (по теперешней терминологии — тувинского) языка, преподносимого на фоне сравнительного анализа с другими тюркскими (около 50) языками. «Опыт» содержит также образцы народной словесности, словарь, обширную аннотированную библиографию литературы об урянхайцах.

«Параллели и соответствия, — как отмечает С. Н. Иванов, биограф Н. Ф. Катанова, — приводимые Катановым и резюмируемые в сопоставительных таблицах, не образуют собой сравнительной грамматики тюркских языков, тем более — сравнительно-исторической грамматики. . . „Опыт“ Катанова, не являясь сравнительной грамматикой тюркских языков, содержит хорошо систематизированные м а т е р и а л ы для сравнительной грамматики языков тюркской семьи. Именно эти особенности „Опыта“ позволили ему наряду с радловской „Фонетикой“ заложить основы сравнительного изучения тюркских языков».[15]

Н. Ф. Катанов в определении наиболее удобного метода изложения громадного фактического материала (собранного им самим!) опирался на весь имеющийся в наличии исследовательский и фактический материал, бывший в научном обиходе того времени; и все же среди большого списка книг по грамматике различных тюркских языков наибольшее влияние на построение «Опыта» Катанова оказала, по-видимому, «Грамматика алтайского языка».

«Опыт» Н. Ф. Катанова использовался и до сих пор используется как надежный справочник, не оказавший, однако, сколько-нибудь значительного влияния на дальнейшее развитие грамматической разработки тюркских языков.

Особое место в истории отечественной тюркологии занимает выдающийся специалист по чувашскому языкознанию Н. И. Ашмарин (см. с. 212), труды которого по фонетике, морфологии, синтаксису и лексике чувашского языка — «Материалы для исследования чувашского языка. Фонетика и морфология» (Казань, 1898), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» (I ч. Казань, 1903; II ч. Ульяновск, 1923), «Словарь чувашского языка» (17 выпусков) — вошли в золотой фонд тюркологии. Следует особо упомянуть, что Н. И. Ашмарин явился пионером в области исследования чувашской (и общетюркской) мимологии (имитативов).

Известный чувашевед В. Г. Егоров (1880—1974), биограф Н. И. Ашмарина, справедливо заметил, что «грамматическая

[15] *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов. Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. М., 1973, с. 56.

система его (Ашмарина, — *А. К.*) представляет собою применение русской грамматической системы к чувашскому языку»;[16] это замечание касается преимущественно фонетической и морфологической частей труда Н. И. Ашмарина. В этой части у Ашмарина были предшественники (Шотт, Золотницкий, Буденц и др.), что же касается синтаксиса, то в этой области, как утверждает В. Г. Егоров, «он не имел предшественников, и научной разработкой чувашского синтаксиса мы всецело обязаны ему одному. Из существующих в то время курсов синтаксиса по тюркским языкам. . . и из институтских [17] лекций по турецкому синтаксису он мог почерпнуть только общие указания, общие схемы построения синтаксиса. Над всеми же особенностями чувашского синтаксиса и подбором соответствующего текстового материала приходилось упорно работать самому. Н. И. Ашмарин вполне справился с этой работой. Синтаксис его производит впечатление глубоко и всесторонне продуманного труда. Многие разделы его отличаются необычайным богатством содержания, разнообразием творческой мысли и глубиной анализа. Местами автор очень тонко подмечает прямо неуловимые оттенки смысла, скрывающиеся в некоторых однородных формах. Он вскрывает такие тонкости в языке, которые даже природному чувашину не всегда доступны».[18]

Дооктябрьское востоковедение в Москве было представлено Лазаревским институтом восточных языков (1828—1918). Пособия по турецкому языку, изданные преподавателями этого института, преследовали исключительно практические цели — обучение живому турецкому языку.[19]

«Грамматика турецкого языка» (М., 1928) В. А. Гордлевского (1876—1956),[20] основывающаяся на труде Г. Еглички «Практическое руководство для изучения турецкого языка с приложением введения, составленного Вл. Гордлевским» (М., 1908; новое издание — М., 1916), не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния на развитие тюркских грамматических штудий в России и в СССР.

Изложенные выше краткие сведения об основных направлениях в изучении тюркской грамматики в России дооктябрьского периода позволяют наметить следующие главные линии развития тюркских грамматических штудий в течение названного периода времени.

1. Латинская грамматическая схема, совмещенная со схемой, разработанной М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике», нашла свое отражение в Чувашской грамматике 1769 г., в Татарской грамматике И. И. Гиганова и его последователей.

---

[16] *Егоров В. Г.* Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка. К 75-летию со дня рождения. Чебоксары, 1948, с. 9.

[17] Н. И. Ашмарин — питомец Лазаревского института восточных языков (1891—1894).

[18] *Егоров В. Г.* Указ. соч., с. 18—19.

[19] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков в истории отечественного востоковедения. М., 1973.

[20] *Базиянц А. П.* Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979.

2. Русская грамматическая схема (в основе своей разработанная М. В. Ломоносовым) в сочетании со схемой французской грамматики (Жобер) при явном влиянии арабской грамматической схемы отчетливо прослеживается в грамматике М. А. Казем-Бека и его последователей — авторов грамматики азербайджанского языка (Л. Будагов, А. Везиров, Л. Лазарев).

3. Особая линия развития представлена трудом О. Н. Бётлингка «О языке якутов», в структуре которого отразились приемы, выработанные индоевропейским языкознанием; влияние не столько грамматических идей Бётлингка, сколько чисто внешнего построения заметно в последующих грамматиках якутского языка (С. В. Ястремский, Н. Н. Поппе и др.).

4. «Грамматика алтайского языка», сыгравшая важную роль в развитии грамматических исследований, в главных линиях своей структуры и истолкования основных положений зависела от идей и методов А. Бобровникова, одного из основателей русской монголистики; его идеи были развиты применительно к тюркскому материалу Н. И. Ильминским.

5. В. В. Радлов, отразивший в своих тюркологических исследованиях воздействие идей и, главное, схемы, использованной О. Н. Бётлингком в его «Якутской грамматике», в своих основных теоретических трудах (см. выше) находился под благотворным влиянием Казанского кружка, возглавлявшегося И. А. Бодуэном де Куртенэ.

6. П. М. Мелиоранский, несмотря на заявленную им самим зависимость от «Алтайской грамматики» (при составлении «Казахской грамматики», своей первой — студенческой — работы), позднее, усвоив приемы лингвистического исследования, разработанные младограмматической школой, значительно углубил изучение морфологического строя тюркских языков.

7. А. Н. Самойлович, ученик П. М. Мелиоранского, в планеструктуре «Грамматики крымско-татарского языка» следовал за своим учителем; в «Грамматике турецкого языка» он отошел от схемы Ильминского—Мелиоранского, сделав попытку изложить свое, отличное от них, понимание структуры и системы грамматики турецкого языка, что, однако, ему не вполне удалось.

2. Изучение памятников рунического, древнеуйгурского, арабского письма

1. Тюркские рунические памятники

Дешифровке и детальному филологическому и историческому изучению тюркских памятников рунического письма предшествовал длительный период собирания и систематизации памятников, начало которому было положено в конце XVII в.[21]

---

[21] Историю открытия, дешифровки и изучения см.: *Самойлович А. Н.* Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности. — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела

Первые отрывочные сведения о рунических надписях появляются в конце XVII в. (Н. Витсен). Первые их образцы издал Ф.-И. Страленберг в своем труде «Северная и восточная части Европы и Азии» (Стокгольм, 1730; на нем. яз.) (см. с. 64). О них же упоминает в дневнике путешественник по Сибири Д. Мессершмидт (см. с. 60).

По распоряжению Екатерины II сибирский генерал-губернатор Якоби скопировал пять рунических надписей на Енисее; одну из них издал Паллас (*Pallas P.-S.* Von einer in Sibirien gefundenen unbekannten Steinschrift. — Neue nördliche Beytrage zur physikalischen und Geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie, V. St.-Pb., 1793, S. 237—245).

Новый этап освоения наукой рунических памятников связан с именем Г. И. Спасского (см. с. 126), опубликовавшего в издаваемом им журнале «Сибирский вестник» (1818, ч. I, с. 67—85; ч. II, с. 147—177; ч. III, с. 39—94; ч. IV, с. 167—182; 1819, ч. VII, с. 1—28) сочинение под названием «Древности Сибири», к которому была приложена таблица известных тогда рунических надписей.

По просьбе графа Н. П. Румянцева, проявлявшего интерес к истории России, Г. И. Спасский сделал извлечение из своего труда; это извлечение по распоряжению Румянцева было переведено академиком И. Ф. Кругом на латинский язык и издано отдельной книжкой (с воспроизведением надписей) под названием «Inscriptiones Sibiricae: de antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis. Scripsit Gregorius Spassky» (Petropoli, 1822).

Латинский перевод труда Г. И. Спасского привлек внимание ученого мира. Известный французский ориенталист Абель Ремюза [22] отозвался на этот труд статьей (Journal des Savants, 1822, Octobre, p. 595—602), которую Спасский опубликовал в русском переводе и с примечаниями в своем новом журнале «Азиатский вестник» (1825, апрель, с. 283—303).

Латинский перевод статьи Г. И. Спасского привлек внимание

имп. Русск. геогр. об-ва за 1912 г. СПб., 1914, т. XV, вып. I, с. 55—80; *Кримський.* Тюрки, с. 552—555; *Малов.* ПДТП, с. 11—92; *Малов С. Е.* 1) Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959; *Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 11—22; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1963, с. 5—17, 44—77; *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959; *Батманов И. А., Арагачи З. Б., Бабушкин Г. Ф.* Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962; *Щербак А. М.* Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — ТСб. 1970. М., 1970, с. 111—134; *Баскаков.* Введение, с. 157—166; *Насилов Д. М.* О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности. — ТСб. 1972, с. 62—68; *Кононов.* ГЯТРП, с. 7—13; *Кондратьев В. Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981.

[22] *Г(ригорьев) В.* [*В.*] О жизни и ученых трудах Абель Ремюза. — ЖМНП, 1835, ч. VI.

Г.-Ю. Клапрота (*Klaproth G.-J.* Sur quelques antiquité de la Sibérie. — JA, II, 1823; позднее опубликовано в его книге: Mémoires relatifs à l'Asie. Paris, 1824, p. 157—171) и профессора Харьковского университета Роммеля (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1823, № 205, S. 2047).

Конец прошлого столетия в истории тюркологии ознаменовался событием эпохального значения: в 1889 г. Н. М. Ядринцев [23] открыл в Монголии (в 400 км западнее Улан-Батора, на берегу р. Кокшин Орхон, в урочище Кошо Цайдам) два больших рунических памятника — в честь Кюль-тегина и в честь Могилян-хана (Бильге-кагана).

По следам Ядринцева отправились две экспедиции: финская (1890), которой руководил Аксель Олай Гейкель (1851—1924), и русская, снаряженная Академией наук (1891), во главе с В. В. Радловым. Результаты деятельности этих экспедиций были представлены двумя атласами: «Inscription de l'Orkhon recueilliés par expedition finnoise 1890 et publié par la Société Finno-Ougrienne» (Helsingfors, 1892) и «Атлас древностей Монголии, изданный В. В. Радловым» (I—IV, СПб., 1892—1899), — в качестве дополнения к этому атласу было издано шесть сборников трудов экспедиции.

После издания атласов рунических надписей материала оказалось достаточно, чтобы приступить к дешифровке загадочных надписей, в которых первоначально видели наследие готов, греков, скифов, славян и др.

15 декабря 1893 г. датчанин Вильгельм Томсен (1842—1927),[24] лингвист, филолог и историк, скандинавист по своей основной специальности, на заседании Датской королевской Академии наук и словесности прочитал доклад о своем опыте дешифровки рунических письмен.

Предварительное сообщение о дешифровке ТРП В. Томсен опубликовал в 1893 г.: «Déchiffrement de sinscription de l'Orkhon et de l'Iénissei. Notice préliminaire» (Bull. de l'Académie Royale des Sciences et des Lettres de Danemark. Copenhagen, 1893, p. 285—299); повторно опубликовано в 1894 г. (Oversigt over det Danske Vidensk. Selsk. Forh. Copenhagen, 1894).

«Предварительное сообщение» Томсена перевел на русский язык В. Р. Розен (ЗВОРАО, 1893, т. VIII, вып. I—II, с. 327—337).

---

[23] ББСОТ, с. 294.

[24] О нем см.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928; *Руднев А. Д.* Вильгельм Томсен. — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отдела Русск. геогр. об-ва за 1912 г., СПб., 1914, т. XV, вып. 1, с. 8—15; *Самойлович А. Н.* Вильгельм Томсен как тюрколог. — Там же, с. 16—22; *Гордлевский В. А.* Вильгельм Томсен. (К семидесятилетию со дня рождения). — Избр. соч., т. IV. М., 1968, с. 373—374; *Dilâçar A.* Thomsen. Ankara, 1963. 40 s.; *Айдаров Г.* 125 лет со дня рождения В. Томсена. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1967, № 3, с. 106—108 (на казахск. яз.); *Wulf K.* Vilhelm Thomsen. 1842—1927. Lund, 1930. 24 S.; *Бартольд В. В.* Томсен и история Средней Азии. — *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 757—764.

В этом же номере журнала (с. 323—325) В. Р. Розен опубликовал статью «Suum cuique. По поводу дешифровки орхонских и енисейских надписей», в которой исправил ошибку В. Томсена относительно имени первооткрывателя памятников в честь Кюльтегина и Могилян-хана: «Открытием драгоценных памятников Орхонской долины, — писал Розен, — наука обязана всецело Николаю Михайловичу Ядринцеву» (с. 324).

Улучшенные переводы и исследования ТРП В. Томсен опубликовал в работе «Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées» (MSFOu, t.5, 1896. 224 p.), которая частично (p. 10—44) переведена на русский язык в магистерской диссертации П. М. Мелиоранского «Памятник в честь Кюль-тегина» (ЗВОРАО, 1899, т. XII, вып. II—III, с. 15—59).

Тонкие наблюдения над отдельными местами, словами и терминами известных в ту пору ТРП собраны в работе Томсена (*Thomsen V.* Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie. — MSFOu, 1916. 36 p.).

Как подведение итогов многолетних занятий ТРП следует рассматривать последний по времени труд В. Томсена «Alttürkische Inschriften aus Mongolei» (ZDMG, 1924, Bd 78, S. 121—175).

В. Томсен в письме к В. В. Радлову от 29 ноября 1893 г. сообщил о своих успехах в дешифровке ТРП. К этому времени и сам Радлов был близок к разгадке тайн тюркского рунического письма.

19 января 1894 г. В. В. Радлов представил С.-Петербургской Академии наук «конечно, со ссылкой на открытие Томсена, свой опыт перевода надписей» [25] памятника в честь Кюль-тегина, датируемого 731 г. н. э.

Затем в серии «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» (1894—1895) В. В. Радлов опубликовал последовательно четыре варианта перевода (постепенно улучшая его) памятников из Кошо-Цайдама, а также перевод «Онгинского памятника» и ряд мелких рунических надписей.

Завершая работу над интереснейшими — в филологическом и историческом отношениях — кошо-цайдамскими памятниками, В. В. Радлов опубликовал исследование «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge» (St.-Pb., 1897). Оно содержит грамматический очерк (фонетика, морфология, синтаксис) (с. 1—129), текст в русской академической транскрипции и перевод памятников (с. 130—159), словарь (с. 159—181); в качестве приложения была помещена статья В. В. Бартольда.[26]

В 1897 г. Елизавета Николаевна Клеменц, жена Дмитрия Александровича Клеменца, неутомимого путешественника,

---

[25] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 761.

[26] *Barthold W.* Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, S. 1—36. — Позднее эта статья была переработана и опубликована под названием «Древнетюркские надписи и арабские источники» (*Бартольд.* Соч., т. V, с. 284—311).

в прошлом политического ссыльного,[27] в урочище Баин-Цокто, в 66 км к юго-западу от Улан-Батора, обнаружила большой рунический памятник в честь Тоньюкука. Текст, транскрипцию и первый немецкий перевод этого памятника (с примечаниями и словарем) издал В. В. Радлов (Die alttürksichen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St.-Pb., 1899).

Названными выше работами далеко не исчерпывается список трудов В. В. Радлова в области орхоно-енисейских штудий, интерес к которым не покидал его до конца дней.

В истории лингвистического изучения памятников рунической письменности особое место занимает ученик В. В. Радлова — П. М. Мелиоранский, издавший вместе со своим учителем «Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме» (СПб., 1897). Магистерская диссертация П. М. Мелиоранского «Памятник в честь Кюльтегина» (ЗВОРАО, 1899, т. XII, вып. II—III) была посвящена новому изданию текста и переводу этого памятника, сопровождаемому глубокими и тонкими историко-лингвистическими примечаниями.

Постепенно в научный обиход вводятся новые рунические тексты. Археологические раскопки в Восточном Туркестане (Грюнведель, Лекок, Стейн, Ольденбург) обогатили собрание рунических памятников текстами на бумаге, изучением которых занимался В. В. Радлов.

В. Л. Котвич вошел в историю открытия и изучения рунических надписей находкой большой надгробной стелы в честь тардушского бека Кули-чура, которую перевел А. Н. Самойлович.[28]

Экспедиция Г. Рамстедта (1909 г.) обнаружила два рунических памятника, опубликованных в 1913 г.: памятник из Суджи и Селенгинский камень.[29]

Первое десятилетие XX в. дало целый ряд мелких находок; [30] оно же было и периодом затухания в России интереса к этим памятникам, что объясняется двумя важными причинами. С одной стороны, в это время завершился первый этап изучения рунических памятников; отсутствие сколько-нибудь значительных новых открытий резко снизило интерес к ним. С другой стороны, из двух ученых, работающих в этой области, один — П. М. Мелиоранский — «был рано похищен у науки смертью» (1906); второй — В. В. Радлов — хотя и продолжал работать над памятниками, найденными Рамстедтом и Котвичем, но уже с большим интересом принялся за изучение только что введенных в научный обиход памятников уйгурской письменности, которые привлекали своей новизной, сулящей новые открытия.

---

[27] ББСОТ, с. 189—190.
[28] *Кононов.* ГЯТРП, с. 18.
[29] Там же, с. 18—19.
[30] Подробнее см.: *Бернштам.* Соц.-экон. строй, с. 20—21; *Кляшторный С. Г.* Указ. соч., с. 5—10.

Русская традиция изучения рунических памятников, начало которой было положено трудами В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского, в послеоктябрьский период нашла продолжение в трудах С. Е. Малова и его учеников.

2. Древнеуйгурские памятники

Пионером изучения в России истории древних уйгуров был М. А. Казем-Бек, написавший «Исследование об уйгурах» (ЖМНП, 1841, ч. XXXI, № 8, с. 37—122), в котором были приведены сведения, почерпнутые из восточных источников. История же изучения и публикации памятников древнеуйгурской письменности в России прочно связана с именами В. В. Радлова и его ученика и сотрудника С. Е. Малова.[31]

Последняя четверть XIX—начало XX столетия знаменуется усиленным накоплением древнеуйгурских рукописей и ксилографов, систематическое приращение которых было результатом деятельности ученых-путешественников (Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, Г. Е. Грум-Гржимайло, Д. А. Клеменц, С. Е. Малов, С. Ф. Ольденбург) и русских консулов (Н. Ф. Петровский, Н. Н. Кротков, А. А. Дьяков и др.).

Находки поступали в Азиатский музей, где вскоре образовалась солидная коллекция уйгурских рукописей и ксилографов; будучи систематизирована В. В. Радловым и К. Г. Залеманом, она явилась надежной основой для развития уйгуроведения в России.

Изданием в С.-Петербурге в 1890 г. факсимиле уйгурской рукописи «Кудатку билик»,[32] принадлежащей Венской библиотеке, В. В. Радлов положил начало русской традиции изучения этого замечательного памятника. Результатом двадцати лет упорного труда было издание текста поэмы (на основе ее венского и каирского списков) и перевод на немецкий язык (*Radloff W.* Das Kudatku Bilik, t. I—II. St.-Pb., 1891—1910; *Радлов В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию «Кудатку билик». — ЗИАН, 1893, Приложение 2, с. 1—130).[33]

---

[31] *Насилов Д. М.* 1) Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении. — ТСб. 1970, с. 93—110; 2) В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников. — ТСб. 1971, с. 64—101; *Насилов В. М.* 1) Древнеуйгурский язык. М., 1963. 122 с.; 2) Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974. 101 с.; *Дмитриева Л. В.* Древнеуйгурские материалы (уйгурским письмом) в Институте востоковедения АН СССР. — В кн.: Страны и народы Востока, 1969, вып. VIII, с. 222—228; *Малов С. Е.* Уйгуры и их изучение (*Малов.* ПДТП, с. 95—102; библиография — с. 102—105); *Баскаков.* Введение, с. 300—303; *Кримський.* Тюрки, с. 555—558. — О коллекции уйгурских рукописей ЛО ИВ АН СССР см.: «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка». Пгр., 1920, с. 33—43; *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.

[32] Так первоначально транскрибировал В. В. Радлов название этой поэмы; позднее В. Томсен (Keleti Szemle, 1901, p. 245) предложил новую — теперь общепринятую — транскрипцию: Кутадгу билиг.

[33] Основную библиографию см.: *Малов.* ПДТП, с. 302—304.

Значительный интерес представляет статья В. В. Радлова «Титулы и имена уйгурских ханов» (ЗВОРАО, 1891, т. V, с. 265—270).

Выдающийся памятник уйгурской и арабской письменности караханидского периода, дидактическая поэма «Кутадгу билиг» (см. с. 276), известная теперь в трех списках — венский, каирский, наманганский (хранится в Ташкенте, в Институте востоковедения АН УзССР), — написана Юсуфом Баласагунским в Кашгаре в 1069—1070 г. н. э. и преподнесена им кашгарскому хану, полное имя-титул которого звучало: Табгач Богра-Кара-хакан Абу-Али Хасан ибн Сулейман Арслан-Кара-хакан.

В 1899 г. В. В. Радлов опубликовал два юридических и два буддийских фрагмента на уйгурском языке, доставленных Д. А. Клеменцем. Затем В. В. Радлов принялся за издание древнеуйгурских текстов, приобретенных немецкой экспедицией в Турфан (1902—1903) под руководством А. Грюнведеля, которые позднее вторично были изданы в составе большого труда В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка», опубликованного после смерти автора С. Е. Маловым.[34]

В 1909 г. В. В. Радлов издал «Хуастуани[ф]т — Покаянную молитву манихейцев» — уйгурскую рукопись, которую он предположительно датировал V в. н. э., а потому представляющую большой лингвистический интерес.[35] В следующем году он опубликовал уйгурскую версию буддийской сутры «Тишаствустик», за которой последовал уйгурский перевод 25-й главы китайской сутры «Лотос доброго закона — Куан-ши-им Пусар» (СПб., 1911).

В это же время В. В. Радлов напечатал шесть лингвистических статей, объединенных общим заглавием «Alttürkische Studien» (СПб., 1909—1912), сохраняющих и поныне свое значение для уйгуроведения и общей тюркологии.

Затем последовало издание знаменитой сутры «Золотой блеск», осуществленное В. В. Радловым и С. Е. Маловым (см. ниже).

Перечень этих (основных) уйгуроведческих работ В. В. Радлова — яркое свидетельство той огромной работы, которую проделал выдающийся ученый и в этом разделе тюркологии.[36]

В. В. Радлов составил «Уйгуро-немецкий словарь», который являлся «крупнейшим сводом лексики известных к тому времени древнеуйгурских памятников. . . Уйгуро-немецкий словарь начал печататься в количестве 413 экземпляров в 1914 г., когда было

---

[34] *Radloff W.* Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov herausgegeben. Leningrad, 1928; см. еще: *Насилов Д. М.* Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении, с. 96—97.

[35] *Дмитриева Л. В.* Хуастуанифт (Введение, текст, перевод). — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 214—232. — Здесь (с. 217—228) представлен сводный текст (по ленинградскому, лондонскому, берлинскому спискам); краткую историю находки и изучения этого памятника см.: с. 214—216.

[36] Подробнее см.: *Насилов Д. М.* В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников.

завершено издание текста сутры „Золотой блеск". К январю 1918 г. было набрано и отпечатано шесть печатных листов, или 96 страниц, этого словаря, включающих часть слов на а, ä, ы, і. В чтении корректур В. В. Радлову помогал С. Е. Малов».[37] Рукопись Уйгуро-немецкого словаря хранится в ЛО ААН СССР (ф. 177, оп. 1, № 81, 82, 90); чистые листы (96 с.) этого словаря — в Библиотеке ЛО ИЯ АН СССР.[38]

В истории уйгуроведения и изучения рунических памятников в России почетное место занимают труды Сергея Ефимовича Малова (1880—1957),[39] питомца факультета восточных языков (выпуск 1909 г.), где он слушал лекции П. М. Мелиоранского, В. Д. Смирнова, В. В. Бартольда, В. А. Жуковского и др.

На формирование научного мировоззрения и направление всей научной деятельности С. Е. Малова наибольшее влияние оказал его «приватный» учитель В. В. Радлов.

По представлению В. В. Радлова «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии» дважды (1909—1911 и 1913—1915) командировал С. Е. Малова в Западный и Центральный Китай для изучения языков и этнографии уйгуров, желтых уйгуров, саларов и др.

Во время первого путешествия С. Е. Малову выпала редкая удача: 3 мая 1910 г. в кумирне селения Вуншигу (Ганьсу) он нашел уникальный памятник древнего литературного уйгурского языка «Алтын йарук» (Золотой блеск),[40] который позднее, в 1913—1917 гг., был опубликован им и В. В. Радловым. Эту сутру В. В. Радлов перевел на немецкий язык; часть перевода (три выпуска) была опубликована С. Е. Маловым (Л., 1930).

Эти два путешествия предопределили развитие всей дальнейшей научной деятельности С. Е. Малова, которая шла по двум основным направлениям: одно — изучение и издание памятников древнеуйгурской и рунической письменности, другое — изучение, систематизация, обработка и издание лингвистических материалов, собранных во время обоих путешествий.

Особое внимание С. Е. Малов уделял текстологической работе, лексикографии, лексикологии и переводам памятников, а также исследованию языков, которые до него были мало изучены или вовсе не были изучены (желтые уйгуры, салары, лобнорцы). Ответвлением от главных линий научных интересов С. Е. Малова были его занятия этнографией тюркских народов с особым вниманием к шаманству.

Заслуги С. Е. Малова перед отечественной тюркологией огромны, особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что он

---

[37] Там же, с. 83—84.
[38] Там же, с. 83, сн. 93.
[39] ББСОТ, с. 211—212; ТСб. 1975 (здесь полный список трудов С. Е. Малова); СТ, 1975, № 5. — Два последних издания посвящены С. Е. Малову.
[40] Об обстоятельствах находки этой рукописи см.: *Малов С. Е.* Отчет о путешествии к уйгурам и саларам. — ИРКИСВА. Сер. II, 1912, № 11, с. 94—99.

сохранил и развил традиции русских тюркологов в области изучения памятников уйгурского и особенно рунического письма, создав своими трудами необходимый фундамент для их дальнейшего углубленного изучения.

Таковы основные научные труды С. Е. Малова. Они органически дополняются его педагогической деятельностью, которая началась в 1916 г. в Казани и продолжалась в Петрограде (с 1923 г.)—Ленинграде до конца его дней. Все или почти все ныне здравствующие тюркологи старшего поколения — ученики С. Е. Малова, всегда проявлявшего к своим питомцам отеческое внимание.

Академик Карл Германович Залеман (1849—1916),[41] выдающийся иранист, уделял внимание и тюркологическим исследованиям. В архиве Залемана (ЛОААН, ф. 87, оп. 1, № 262—271) хранятся его материалы, связанные с изучением орхонских памятников.

«Прибавления» Залемана к труду Радлова о «Кутадгу билиг» [42] представляют большой интерес.

Значительное внимание уделил Залеман и другому важному памятнику — «Кодекс Куманикус».[43]

Об издании Залеманом рукописи Азиатского музея АН «Легенда про Хаким-ата» см. с. 283.

3. Средневековые памятники арабского письма

Древнейшими памятниками арабского письма являются «Кутадгу билиг» и «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгарского (см. с. 276).

Описание, издание и изучение памятников арабского письма в России связаны в первую очередь с именами Н. И. Ильминского, П. И. Демезона, М. А. Казем-Бека, И. Н. Березина, В. В. Радлова, К. Г. Залемана, В. Д. Смирнова, П. М. Мелиоранского, С. Е. Малова, А. Н. Самойловича.

Крупным произведением средневековой тюркской литературы является суфийско-дидактическое сочинение «Диван-и хикмат — Собрание мудрых изречений» Ахмада Ясеви (ум. 1166 г.), в котором, судя по дошедшим спискам, отразились нормы древнеуйгурского и хорезмийско-тюркского литературных языков. Этим памятником занимались К. Г. Залеман и П. М. Мелиоранский.[44]

Отражением переходных форм тюркского литературного языка — от караханидской к хорезмийской традиции — было

---

[41] ББСОТ, с. 163—164

[42] *Radloff W.* Das Kudatku Bilik, I. St.-Pb., 1891 (Прибавления Залемана, с. XIV—XXVIII, XLIX—L).

[43] *Salemann C.* Zur Kritik des Codex Comanicus. — ИАН. VI серия, 1910, т. IV, № 2, с. 943—957; то же: Mél. Asiat., 1910, t. XIV, p. 341—355.

[44] Подробнее см.: *Боровков А. К.* Очерки по истории узбекского языка. (Определение языка хикматов Ахмада Ясеви). — СВ, 1948, сб. V, с. 229—250.

сочинение Ахмада (или Эдиб Ахмада б. Махмуда) Югнеки (Юкнеки) (конец XII—начало XIII в.), известное под названиями «Хибат ул-хакаик» / «Ибат ул-акаик» / «Айбат ул-хакаик» / «Атебет ул-хакаик»; первым его исследователем в России был В. В. Радлов.[45]

Рано привлекло к себе внимание тюркологов сочинение Насреддина Рабгузи «Кысас ал-анбия» (Сказания о пророках) (1310), которым занимались И. Н. Ильминский, Н. Ф. Катанов, Н. П. Остроумов, П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов.[46]

Выдающимся памятником кыпчакского (половецкого) языка является «Кодекс куманикус». Его исследователи — В. В. Радлов, К. Г. Залеман, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович[47] (см. еще с. 250).

Сочинению Ибн Муханны посвящен труд П. М. Мелиоранского (см. с. 168).

Памятники староузбекского языка — «Бабур-наме» (XVI в.), историческая хроника Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме» (XVI в.), исторические сочинения хивинского хана Абу-л-Гази «Шаджара-и турк» и «Шаджара-и таракима» (XVII в.), «Легенда про Хаким-ата» — изучались Н. И. Ильминским, П. М. Мелиоранским, П. И. Демезоном, А. Г. Туманским, К. Г. Зелеманом («Бабер-намэ», или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И. И[льминским]. Казань, 1857; *Салих М.* Шейбани-намэ. Джагатайский текст. Посмертное издание проф. П. М. Мелиоранского. Под наблюдением и с предисловием А. Н. Самойловича. СПб., 1908; Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâsi Behâdour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. I. Texte. St.-Pb., 1871; T. II. Traduction. St.-Pb., 1874; *Абуль-Гази-Бохадур-хан.* Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Асхабад, 1897; *Залеман К. Г.* Легенда про Хаким-ата).

Памятниками анатолийско-тюркского языка[48] — так называемые «Сельджукские стихи» (XIII—XIV вв.), «Диван Бурхан-ад-дина Сивасского» (XIV в.), «Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV века», «Хроника Ибн Биби» — занимались В. В. Радлов, К. Г. Залеман, Н. Н. Мартинович, П. М. Мелиоранский, В. Д. Смирнов, В. А. Гордлевский (*Radloff W.* Ueber alttürkische Dialekte. I. Die seldschukischen Verse im Rebab-Nameh. — Bull. de l'Acad. Nouv. ser., 1890, t. I (XXXIII), p. 291—351; то же: Mél. Asiat., 1894, t. X, p. 17—77; *Salemann C.* Noch einmal die seldschukischen Verse. — Bull. de l'Acad. Nouv. ser., 1892, t. II (XXXIV), p. 293—365; то же: Mél. Asiat., 1894,

---

[45] Основная библиография в кн.: *Малов*, ПДТП, с. 321—322; *Махмудов К.* Произведение Ахмеда Югнаки «Хибатул хакаик». Ташкент, 1972. 300 с. (на узб. яз.).

[46] Там же, с. 340—341.

[47] Подробнее см.: *Кримський.* Тюрки, с. 517—524.

[48] *Кононов.* Очерк; *Гузев В. Г.* Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XIV вв. — ТСб. 1972, с. 69—92.

t. X, p. 173—245; *Мартинович Н. Л.* Новый сборник стихов Джалаль-эд-дина Руми и Султана Веледа. — ЗВОРАО, 1917, т. XXIV; *Мелиоранский П. М.* Отрывки из Дивана Ахмеда Бурхан-ед-дина Сивасского. — В сб.: Восточные заметки, СПб., 1895, с. 131—152; *Смирнов В. Д.* Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV века. — ЗВОРАО, 1914, т. XXII, с. 107—125; *Гордлевский В. А.* Из комментариев к староосманскому переводу хроники малоазиатских Сельджукидов, т. н. хроники Ибн-Биби. — Древности восточные, 1913, т. IV, с. 1—15; то же: Избр. соч., т. II. М., 1961, с. 160—173).

Памятник огузского эпоса «Китаб-и Дедем Коркут» (Книга моего деда Коркута) долго занимал внимание В. В. Бартольда.[49]

Изучением сиро-тюркских эпиграфических памятников, открытых близ Пишпека (Фрунзе) и Токмака в середине 80-х годов прошлого века Н. Н. Пантусовым и Ф. В. Поярковым, занимались Д. А. Хвольсон, В. В. Радлов, П. К. Коковцов, Ф. Е. Корш и др.[50]

3. Изучение лексики тюркских языков

Тюркская лексикология в отличие от лексикографии тюркских языков в дооктябрьский период занимала в общем балансе тюркологических исследований в России весьма скромное место. Специальные обстоятельные исследования в этой области отечественной тюркологии появились в послеоктябрьский период.[51]

Замечания и разъяснения о значениях и этимологиях отдельных слов находили в трудах многих (если не всех!) тюркологов дооктябрьского времени, например М. А. Казем-Бека, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, И. Н. Березина, В. Д. Смирнова, Н. Ф. Катанова, П. М. Мелиоранского, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др.

Как случай необычный в научной практике следует отметить интерес целого ряда русских востоковедов — В. Р. Розен, В. Г. Тизенгаузен, П. М. Мелиоранский, В. Д. Смирнов, Н. Я. Марр — к разъяснению этимологии слова *челеби*, которое, как мне представляется, несмотря на все усилия лучших специалистов, так и не получило своего полного и всестороннего объяснения.[52]

---

[49] См.: Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод академика В. В. Бартольда. Изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.—Л., 1962.

[50] Подробнее см.: *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971. 163 с.

[51] См. например: *Мусаев К. М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. 358 с.; Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1967. 467 с.; Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. 262 с.

[52] Подробнее см.: *Бартольд.* Челеби. — Соч., т. V, с. 611—614; см. еще: *Менгес.* Восточные элементы, с. 174—180.

4. Изучение ханских жалованных актов-ярлыков и ханских посланий-битиков

Отечественные востоковеды, первыми из которых были Я. О. Ярцов (см. с. 143) и В. В. Григорьев (см. с. 185) [53] и последовавшие за ними И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов, Х. Фаизханов, В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, значительно продвинули углубленное изучение переводов, изучение и опубликование золотоордынских и крымскоханских документов.[54]

Наличие обстоятельного труда М. А. Усманова «Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв.» (Казань, 1979. 318 с.),[55] в котором на высоком профессиональном уровне рассмотрены основные проблемы, связанные с изучением ярлыков и битиков, освобождает меня от необходимости повторять добытые этим ученым результаты. Всякий, кто интересуется историей изучения ярлыков и битиков, найдет в книге М. А. Усманова необходимые сведения по названным выше документам. Книга М. А. Усманова состоит из следующих разделов: Введение. I. Археография. Гл. 1. Основные коллекции ярлыков в СССР. Гл. 2. Описание жалованных ярлыков. Гл. 3. Спорные вопросы подлинности атрибуции и датировки некоторых актов. Гл. 4. О количественном соотношении сохранившихся ярлыков по регионам. II. Палеография. Гл. 1. Материал и орудия письма. Гл. 2. Язык и письменность. Гл. 3. Письменность и основные почерки. Гл. 4. Исполнители и внешнее оформление. III. Сфрагистика. Гл. 1. Характеристика удостоверительных знаков. Гл. 2. Функции и назначение печатей. IV. Дипломатика. Гл. 1. Начальный протокол. Гл. 2. Основная часть. Гл. 3. Конечный протокол. Гл. 4. Вопросы классификации и особенностей развития жалованных ярлыков. Заключение.

5. Классификация тюркских языков в трудах отечественных тюркологов [56]

Сложные условия формирования тюркских народов и народностей, история которых в средние века (частично и позднее) представляет собою соединение племен в большие, но кратковре-

---

[53] Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Герая в литографированных снимках работы К. Я. Тромонина с транскрипциею и переводом Я. О. Ярцова, с введением и примечаниями В. В. Григорьева. Одесса, 1844.

[54] Основная библиография в кн.: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII—XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978, с. 115—116, 118.

[55] См. также: *Усманов М. А.* Официальные акты ханств Восточной Европы XIV—XVI вв. и их изучение. — Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975, с. 117—135.

[56] Обзор и критика классификаций тюркских языков: *Кримський.* Тюрки, с. 460—464; *Батманов И. А.* Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947, с. 80—93; *Малов.* ПДТП, с. 5—8; *Баскаков.* Введение, с. 210—230; *Жирмунский В. М.* О диалектологическом атласе тюркских языков СССР. — ВЯ, 1963, № 6; *Dilâçar A.* Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964, s. 40—68.

менные объединения, союзы племен — Восточный и Западный каганаты, Караханидская держава, Золотая Орда, — привели к многочисленным и сложным смешениям племен, что отразилось и на судьбе языков этих народов и народностей.

Сложность, неоднородность состава даже близких друг к другу тюркских языков и, самое главное, отсутствие хорошо разработанной методики их классификации чрезвычайно затрудняют успешное решение этой проблемы.

В дооктябрьский период истории отечественной тюркологии был предложен ряд классификаций тюркских языков, авторами которых были И. Н. Березин, В. В. Радлов, Ф. Е. Корш.[57]

И. Н. Березин в первой главе своего сочинения «Recherches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs» (УЗКУ, 1849, кн. 2, с. 1—25) [58] рассматривает классификации тюркских языков, предложенные И. Аделунгом, А. Пальмбладом, А. Бальби, Г. Ю. Клапротом, И. Хаммером, Ф. Аделунгом.

Вторая глава (с. 26—84) посвящена изложению классификации самого И. Н. Березина: «Огромная система тюркских диалектов. . . может быть разделена на три главные ветви: джагатайская, наиболее древняя, татарская и турецкая, наиболее молодая, или иначе — восточная, южная и западная» (с. 26).

Эти три ветви заключают в себе следующие языки:

«А. Ветвь джагатайская или восточная (Туркестан), диалекты: a) уйгурский, b) команский, c) джагатайский, d) узбекский, e) туркменский (Туркестан), f) казанский (татарский) письменный. B. Ветвь татарская или южная (кыпчакская), диалекты: a) киргизский, b) башкирский, c) ногайский, d) кумыкский, e) карачаевский, f) мещеряцкий, g) сибирский (татарский, — *А. К.*). C. Ветвь турецкая или западная, диалекты: a) дагестанский, b) адербиджанский, c) крымский, д) анатолийский, малоазиатский, e) румелийский; константинопольский» (с. 26—27).

Примитивная классификация И. Н. Березина была неодобрительно встречена критикой.[59] Ученик Березина В. Д. Смирнов, признавая справедливость критики, тем не менее считал возможным сделать следующее заключение: «. . . исследование И. Н. Бе-

---

[57] Иногда в качестве автора еще одной классификации тюркских языков называют Н. Ф. Катанова, отсылая при этом к его вступительной лекции, прочитанной 29 января 1894 г. в Казанском университете, — «Этнографический обзор турецко-татарских племен» (Казань, 1894, с. 8—9). — Однако предложенное здесь деление тюркских языков не претендует на оригинальность и в основных чертах повторяет классификацию В. В. Радлова.

[58] Анонимная заметка на эту работу напечатана: Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, herausgeg. von A. Erman. Berlin, 1850, Bd VIII, S. 646—650.

[59] *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten, S. XXXVI, прим. 77; то же: *Бётлингк О. Н.* О языке якутов. — УЗАН по I и III отд., т. I, вып. 4. СПб., 1853, с. 425, сн. 77; см. еще: О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Якутск, 1973, с. 25—26; *Ильминский Н.* Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, с. 20—21; *Самойлович А. Н.* Н. Н. Березин как тюрколог. — ЗКВ, т. I, с. 166—167.

резина не лишено своих достоинств, как один из первых опытов наукообразных лингвистических изысканий в области тюркской фонетики».[60] Впрочем, и сам И. Н. Березин нашел в себе мужество признать, что «эта работа есть только собрание материалов для четвертой части (которая, к сожалению, не была написана, — *А. К.*), где они будут проанализированы и пополнены в большем соответствии с филологической наукой».[61]

Шагом вперед на трудном пути установления подлинной классификации тюркских языков стал труд В. В. Радлова, основанный на собранном им огромном фактическом материале, — «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen» (Leipzig, 1882—1883, S. 280—291; Classification der Türk-Dialecte nach den phonetischen Erscheinungen). Классификация В. В. Радлова изложена по-русски П. М. Мелиоранским в ЭС Брокгауза и Ефрона (1-е изд.), в статье «Турецкие наречия и литература» (т. XXXIV, СПб., 1902, с. 159—160).

По классификации В. В. Радлова, которая первоначально основывалась только на фонетических признаках, тюркские языки (у него — диалекты) делятся на четыре основные группы.

I. «Восточная группа» — диалекты: 1) собственно алтайские, 2) барабинский, 3) североалтайские, 4) абаканский, 5) кюэринский или чулымский, 6) сойонский, 7) карагасский, 8) уйгурский.

II. «Западная группа» — диалекты: 1) киргизский, 2) иртышский, 3) башкирский, 4) поволжский.

III. «Среднеазиатская группа» — диалекты: 1) таранчинский, 2) хамийский, 3) аксу, 4) кашгарский, 5) яркендский, 6) джагатайский, 7) северосартский, 8) узбекский Зарафшанской долины, 9) бухарский, 10) хивинский.

IV. «Южная группа» — диалекты: 1) туркменский, 2) азербайджанский, 3) кавказский, 4) анатолийский с подразделением на худавендигярский и караманский, 5) крымский (караимский), 6) османский.

Хотя Н. А. Аристов и заявил,[62] что опыт классификации В. В. Радлова в общих чертах не расходится с данными и выводами, которые получил он сам, тем не менее В. В. Радлов, вероятно, не был удовлетворен добытыми результатами и продолжал совершенствовать свою классификацию путем привлечения в качестве критерия морфологических признаков. По-видимому, в этом сказалось влияние Ф. Е. Корша, выступившего в работе «Классификация турецких племен по языкам» (ЭО, 1910, кн. 84—85, № 1, с. 114—127) со своей идеей классификации тюркских язы-

---

[60] *Смирнов В. Д.* И. Н. Березин. (Некролог). — ЖМНП, 1896, ч. 305, № 5, отд. 4, с. 32.

[61] *Beresine E.* Rechérches sur les dialectes musulmans. I. Système des dialectes turcs. — УЗКУ, 1849, кн. 2, с. IX.

[62] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — ЖС, 1896, вып. III—IV, с. 454—456; *Батманов И. А.* Указ. соч., с. 90—91.

ков на основе фонетических и морфологических показателей. В IV и V выпусках серии «Alttürkische Studien» (ИИАН, 1911, с. 305—326, 427—452) В. В. Радлов ограничил свою задачу попыткой дать классификацию Восточной группы древнетюркских диалектов, представленных в памятниках главным образом рунического и уйгурского письма.

I. Древний северный диалект (язык тюрков-сиров) — памятники Кюль-тегину, Могилян-хану, Тоньюкуку, Онгинский, Енисейские и нек. др.

II. Древний южный диалект (уйгурский язык).

III. Смешанный диалект представлен манихейскими текстами, каирским списком «Кутадгу билиг», буддийскими текстами, сутрами «Золотой блеск», «Тишаствустик».

«Смешанный язык» представлен двумя типами: 1) западный диалект — язык западных тюрков (западные тудзюе); древнейшие памятники этого диалекта — «Хуастуанифт» и «Кутадгу билиг»; 2) восточный диалект, который «охватывает весь древний литературный язык» (с. 443).

Это деление древних памятников тюркской письменности дополняется еще одним делением (также по географическому признаку обитания тюрок или мест нахождения памятников): 1) западный диалект (язык западных тюркских народов); его древнейший представитель — «Хуастуанифт», который по языку, вероятно, древнее, чем орхонские надписи; сюда же относится «Кутадгу билиг»; 2) восточный диалект — язык буддийских сочинений.

Все приведенные выше деления подкрепляются соответствующими фонетическими и морфологическими характеристиками.

Эта до сих пор единственная попытка представить классификацию тюркских языков, основанную на материале памятников, хотя и страдает некоторыми недостатками, тем не менее является полезной рабочей схемой.

Как сказано выше, Ф. Е. Корш предложил классификацию тюркских языков на основе фонетических и морфологических признаков, в соответствии с которыми выделяются четыре группы тюркских языков.

I. Северная группа: киргизы, алтайцы (т. е. ойроты), волжские татары, татары северного Кавказа.

II. Западная группа: азербайджанцы, турки, туркмены, гагаузы.

III. Восточная группа: орхонско-енисейские надписи, языки древнеуйгурский, чагатайский, половецкий, карагасский, койбальский, сагайский.

IV. Смешанная группа (ср. выше) включает ряд друг с другом не связанных языков: якутский, чувашский и нек. др.

Классификации Радлова и Корша, которые можно с известным основанием объединить под общим титлом «Классификация тюркских языков Радлова—Корша», представляют собою достаточно обоснованную по тем временам попытку объяснить распре-

деление тюркских языков по определенным группам, учитывая исторические условия формирования этих народов. И тем не менее все предложенные (даже последние по времени) классификации не могут представить достаточно ясно фонетический и грамматический строй многочисленных тюркских языков путем сведения их в несколько групп.

По-видимому, прав был наш знаменитый лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, утверждавший, что «появившиеся до сих пор попытки классифицировать языки с точки зрения морфологических типов надо считать неудавшимися и отжившими свой век», а потому «мы должны стремиться не к классификации языков, а только к их сравнительной характеристике».[63]

6. Описание тюркских рукописей отечественными тюркологами

Первая из известных коллекций восточных рукописей связана с именем Петра I, который и в этой области оставил по себе благодарную память.[64]

Позднее Петровское собрание восточных манускриптов и восточных редкостей и монет, хранившееся в Кунсткамере и Museum Petropolitanum, описанное Иоганном-Фольльратом Бакмейстером (ум. 1788 г.) в работе «Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg par Jean Bacmeister, 1776. — Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften in St.-Petersbourg. Aus dem Französischen des Herrn Biblioth. Joh. Bacmeister. St.-Petersburg, 1777» (русское издание: Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, и на российский язык переведенный Василием Костыговым. СПб., 1779), было передано в Азиатский музей Академии наук (осн. в 1818 г.).

Приобретением у французского библиофила и дипломата Жозефа Руссо в 1818 и 1825 гг. двух больших коллекций арабских, персидских и турецких манускриптов [65] было положено основание тому богатому собранию рукописей на трех ближневосточных языках, которым в настоящее время располагает РОЛОИВ.

Азиатский музей, кроме рукописей и книг о Востоке на европейских и восточных языках обладавший также солидной нумиз-

---

[63] *Бодуэн де Куртенэ И.* Заметки на полях сочинения В. В. Радлова «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen». — ЖС, 1909, вып. II—III, с. 200.

[64] *Дорн*, с. 2—5; см. еще: *Дорн.* Азиатский музей. — Отд. отт.: ЗИАН, 1864, т. V, с. 25—36.

[65] Предварительные сообщения о двух этих коллекциях были опубликованы Х. Д. Френом на русском языке: Прибавление к № 93 «СПб. ведомостей», 1819 г.; Прибавление к № 21 «СПб. ведомостей», 1826 г.; на немецком языке воспроизведены: *Дорн*, с. 201—216, 279—294.

матической коллекцией, имеет подробное описание обоих этих собраний за первую четверть века своего существования (см.: *Дорн*).

В течение 112 лет Азиатский музей, преобразованный в апреле 1930 г. в Институт востоковедения АН СССР, систематически пополнялся рукописями на различных восточных — в том числе и тюркских — языках. Однако полного описания коллекции тюркских рукописей (как, впрочем, и писанных на других языках) до последнего времени не существовало.[66]

Тюркские рукописи (на турецком, татарском, узбекском, уйгурском, туркменском, азербайджанском, казахском, крымскотатарском языках), писанные арабским письмом, находятся в составе целого ряда крупных коллекций (включающих также арабские, персидские и таджикские рукописи), начало которым было положено манускриптами, приобретенными у Ж. Руссо (см. выше).[67]

Первое на русском языке описание тюркских рукописей трех с.-петербургских собраний было выполнено во второй половине 50-х годов И. Березиным (Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. — ЖМНП, 1846, № 5, 1847, № 5; 1848, № 7; 1850, № 12).

Значительной коллекцией ближневосточных — в том числе и тюркских — рукописей располагает Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописи и ксилографы этого собрания впервые были описаны Б. А. Дорном (*Dorn B.* 1) Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque impériale Publique de St.-Petersburg. St.-Pb., 1852; 2) Ueber die vordem Dolgoruky'sche, jetzt der kais. öffentlichen Bibliothek zugehörige Sammlung von morgenländischen Handschriften. — Bull. de l'Acad. 1860, t. I, col. 357—364; то же: Mél. Asiat., 1859, t. III, p. 725—734 (обзор собрания рукописей на арабском, персидском и узбекском языках); 3) Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die kais. öffentliche Bibliothek zu St.-Petersburg im Jahre 1864 von H-rn v. Chanykov erworben hat. St.-Pb., 1865, 93 S. (краткое описание 150 арабских, персидских и тюркских рукописей); см. также сокращенный вариант:

---

[66] Работа по сплошному описанию собрания восточных рукописей ЛОИВ была начата в конце 50-х годов и в основном закончилась к концу 60-х годов текущего столетия.

[67] Перечисление коллекций см.: *Дмитриева Л. В.*, *Мугинов А. М.*, *Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. История. М., 1965, с. 3—4; *Дмитриева Л. В.*, *Муратов С. Н.* Каталоги, списки и обзоры тюркских рукописей XVIII—XX вв. — Письменные памятники Востока. 1969. М., 1972, с. 145—171; *Муратов С. Н.* Восточные рукописи из архива акад. В. В. Радлова. — Письменные памятники Востока. 1972. М., 1977, с. 9—25; *Дмитриева Л. В.*, *Муратов С. Н.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. II. М., 1975 (обозрение коллекций — с. 14—16); *Дмитриева Л. В.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980; *Grimsted P. K.* Archives and Manuscripts Repositoires in the USSR. Moscow and Leningrad. Princeton Un. Press, 1972.

Die vordem Chanykov'sche, jetzt der kais. öffentlichen Bibliothek zugehörige Sammlung von morgenländischen Handschriften. — Bull. de l'Acad., 1865, t. VIII, col. 245—309; то же: Mél. Asiat., 1868, t. V, p. 221—313). Дорн описал и небольшую коллекцию арабских, персидских и турецких рукописей, приобретенную Азиатским музеем у наследников Г. Р. Фонтона (ум. в 1861 г.) (*Dorn B.* Die Fonton'sche Handschriften-Sammlung. — Bull. de l'Acad., 1877, t. XXIII, col. 279—283; то же: Mél. Asiat., 1881, t. VIII, p. 189—196).

«Роспись восточным рукописям и ксилографам имп. Публичной библиотеки в С.-Петербурге» (Современник, 1852, № 4) осуществил А. К. Казем-Бек; см. теперь работу М. И. Демидовой и Г. И. Костыговой «Фонды рукописей и печатных изданий на языках народов Востока в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 156—171).

К. Г. Залеман, директор Азиатского музея и 2-го Отделения библиотеки АН (1890—1916), в течение многих лет занимался каталогизацией арабских, персидских, тюркских рукописей АМ и факультета восточных языков СПб. университета.

Б. А. Дорну принадлежит также очень важная (к сожалению, никем не продолженная) работа — описание принадлежавших Азиатскому музею (ныне ЛОИВ) книг на арабском, персидском и турецком языках, изданных в Константинополе, Египте и Персии (Иране): «Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs publiés à Constantinople, en Egypte et en Perse, que se trouvent au Musée Asiatique de l'Académie» (Bull. de l'Acad., 1866, t. X, col. 168—213; то же: Mél. Asiat., 1868, t. V, p. 465—528). Им же составлен хронологический указатель изданных в Казани (с 1801 по 1866 г.) книг на арабском, турецком, татарском и персидском языках: «Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten arabischen, türkischen, tatarischen und persischen Werke, als Katalog der in dem Asiatischen Museum befindlichen Schriften der Art» (Bull. de l'Acad., 1867, t. XI, col. 305—385; то же: Mél. Asiat., 1868, t. V, p. 533—649).

Замечу кстати, что несколько обзоров книг, изданных в Казани, составил Н. Ф. Катанов.[68]

Начатую Б. А. Дорном и Казем-Беком работу по описанию рукописей Публичной библиотеки продолжал В. Д. Смирнов.

Все новые поступления рукописей на арабском, персидском и тюркских языках начиная с 1873 г. проходили через руки В. Д. Смирнова, который числился в списках Библиотеки «вольнотрудящимся», т. е. работающим безвозмездно.

Во время поездок в Турцию В. Д. Смирнов по поручению Библиотеки пополнял ее коллекции ближневосточных

---

[68] См.: *Иванов С. Н.* Николай Федорович Катанов. Изд. 2-е. М., 1973 (библиография трудов Н. Ф. Катанова — с. 99—108); см. еще: *Каримуллин А. Г.* Татарская книга начала XX века. Казань, 1974. 319 с.

рукописей, приобретая их у букинистов Константинополя и Бурсы.[69]

Сведения о вновь поступающих рукописях и их краткие описания публиковались в ежегодных отчетах Библиотеки.[70]

Почетный академик по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности АН В. В. Стасов (1824—1906), отличавшийся широтой своих научных, художественных и музыкальных интересов, многолетний сотрудник Публичной библиотеки, в отчете ИПБ за 1887 год написал статью «О выставке Джагатайской в витринах зала рукописей ИПБ»; в Отчете за 1897 г. Стасов писал о новом обогащении библиотеки: «О джагатайской рукописи в копиях, содержащей „Жизнь Чингиз-хана“».

Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в течение XIX в. собрало в своей библиотеке небольшую, но хорошо подобранную коллекцию рукописей на арабском, персидском и тюркских языках, ныне хранящуюся в ЛОИВ.

Описание тюркской части этой коллекции блестяще выполнил В. Д. Смирнов в книге «Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales décrits par W. D. Smirnow. Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, VIII» (St.-Pb., 1897).[71]

Последний директор Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД В. А. Жуковский составил «Описание рукописей Учебного отделения восточных языков Азиатского отделения МИД», которое опубликовали Д. Е. Бертельс и Л. В. Дмитриева в ежегоднике «Письменные памятники Востока. 1971» (М., 1974, с. 431—518).

Библиотека факультета восточных языков (ныне восточный факультет ЛГУ) является одним из старейших востоковедных книгохранилищ; ее основание совпадает с датой создания С.-Петербургского университета (8 февраля 1819 г.), когда по случаю

---

[69] См.: Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литература о нем. Составил А. П. Григорьев. — ТСб. 1973. М., 1975, с. 268—281.

[70] О тюркских рукописях см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1873 год. СПб., 1875, с. 19—22; то же за 1874 год. СПб., 1875, с. 72—92; то же за 1875 год. СПб., 1877, с. 21—28, 42—44, 98—99; то же за 1876 год. СПб., 1878, с. 167—168, 184—186; то же за 1877 год. СПб., 1879, с. 111—112; то же за 1878 год. СПб., 1879, с. 82—86; то же за 1879 год. СПб., 1880, с. 20—29, 80; то же за 1880 год. СПб., 1882, с. 55—56; то же за 1881 год. СПб., 1883, с. 45—52; то же за 1883 год. СПб., 1885, с. 187, 227—231, 261—262; то же за 1887 год. СПб., 1890, с. 235—242; то же за 1893 год. СПб., 1896, с. 14—55; *Гранстрем Е. Э., Шандровская В. С.* Краткая неопубликованная хроника о турках из собрания Гос. Публичной библиотеки в Ленинграде. — Палестинский сборник, 1967, вып. 17 (80), с. 148—159; *Дмитриева Л. В.* Тюркские рукописи коллекции «Новая серия» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Восточный сборник, вып. 3. М., 1972, с. 76—85.

[71] Каталог В. Д. Смирнова переиздан в 1971 г. фотомеханическим способом в ФРГ фирмой «О. Харрасовиц» (Висбаден).

открытия университета в Фундаментальную библиотеку были переданы из Кунсткамеры и Азиатского музея некоторые рукописи на арабском, персидском и тюркских языках, а также ряд книг по востоковедению.

Восточный отдел библиотеки С.-Петербургского университета в 1855 г., в связи с организацией факультета восточных языков, получил солидное пополнение в виде восточных рукописей и книг, переданных из библиотек Казанского университета, 1-й Казанской гимназии и Ришельевского лицея в Одессе. В последующие годы библиотека факультета непрерывно пополнялась.[72] Первое предварительное описание этой коллекции рукописей на ближневосточных языках было опубликовано академиками Залеманом и Розеном под названием «Списки персидским, турецко-татарским и арабским рукописям библиотеки имп. СПб. университета» (ЗВОРАО, 1887, т. II). Продолжали эту работу уже в послеоктябрьское время А. А. Ромаскевич и А. Т. Тагирджанов.[73]

Московский университет также имел небольшую коллекцию рукописей на арабском, персидском и турецком языках, которой посвящена работа П. Я. Петрова «Обозрение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке имп. Московского университета» (ЖМНП, 1837, ч. 13, № 3, с. 549—555); см. теперь работу Г. А. Клеймана «Восточные фонды научной библиотеки им. А. М. Горького Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова» (Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 202—218).

Румянцовский музей в Москве, книжное собрание которого вошло в состав Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, имел коллекцию восточных рукописей, описанную Х. Д. Френом в статье «Ueber die wichtigsten orientalischen Handschriften des Rumianzow'schen Museum's» (Bull. scientifique, 1836, t. I, N 20, с. 156—160).

Казанский университет располагает хорошо подобранной библиотекой трудов по востоковедению и значительной коллекцией восточных рукописей, о которых можно составить общее представление по книге Н. Ф. Катанова, посвященной проф. И. Ф. Готвальду.[74]

---

[72] См.: *Абрамов А. Т.* 1) Библиотека восточного факультета. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук, 1960, вып. 13, с. 177—188; 2) Восточный отдел научной библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова. — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963, с. 218—227.

[73] *Ромаскевич А.* Список персидских, турецко-татарских и арабских рукописей библиотеки Петроградского университета. — ЗКВ, 1925, т. I; *Тагирджанов А. Т.* 1) Таджикско-персидские и тюркские рукописи Восточного факультета ЛГУ. — Вестник ЛГУ, 1957, № 8, с. 63—69; 2) Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ (продолжение списков К. Г. Залемана и А. А. Ромаскевича). М., 1967, 19 с.

[74] *Катанов Н.* Имп. Казанского университета почетный член, профессор и библиотекарь Иосиф Федорович Готвальд (род. 13 окт. 1813 г.—ум.

Важную роль в собирании и хранении восточных рукописей на арабском, таджикском, персидском и тюркских языках сыграла Туркестанская Публичная библиотека. Она была открыта в 1870 г., но начало ей было положено в 1867 г. приобретением в С.-Петербурге «книг по азиатской литературе».[75] Первое описание ее рукописей под названием «Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки» (Ташкент, 1889) [76] выполнил Е. Ф. Каль (1863—1891),[77] питомец факультета восточных языков. В настоящее время ташкентское собрание ближневосточных рукописей, богатейшее по количеству и важнейшее по качеству, принадлежит Институту востоковедения им. Абу Рейхана Бируни АН УзССР.[78] Рукописи сочинений А. Навои изучаются в Музее литературы им. А. Навои, созданном в 1967 г. в Ташкенте при Академии наук УзССР, преобразованном в 1979 г. в Институт рукописей АН УзССР им. Х. Сулейманова.

Небольшое собрание рукописей на арабском, таджикском, персидском и тюркских языках имелось также в Ашхабадской Публичной библиотеке; оно вошло теперь в Рукописный фонд АН ТуркмССР.[79]

В ряде городов России (это центры старой тюркской национальной культуры: Баку,[80] Алма-Ата (Верный), Фрунзе (Пишпек), Махачкала (порт Перовск), Уфа, Ялта [81]) также были (преимущественно частные) собрания тюркских рукописей, которые в послеоктябрьское время вошли в состав современных рукописных фондов, теперь успешно изучаемых. Крупными хранилищами восточных рукописей (в том числе и тюркских) являются «Матенадаран»[82] — Научно-исследовательский институт древних рукописей при

---

7 авг. 1897 г.). Казань, 1900; *Каримуллин А.* Востоковедные фонды библиотеки Казанского университета им. В. И. Ульянова (Ленина). — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, с. 228—236; *Брегель Ю. Э.* Восточные рукописи в Казани. — Письменные памятники Востока. 1969. М., 1972, с. 355—375.

[75] *Буров Н. А.* Историческая справка о времени основания Ташкентской Публичной (ныне Среднеазиатской) библиотеки. — В кн.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927, с. 122—124.

[76] См. рецензию В. Р. Розена: ЗВОРАО, 1891, т. V, с. 123—124 (за подписью В. Р.).

[77] ББСОТ, с. 179—180; *Лунин.* Историография, с. 191—197.

[78] Собрание восточных рукописей АН УзССР, т. I—X. Ташкент, 1952—1967; *Азимджанова С. А., Вороновский Д. Г.* Собрание восточных рукописей АН Узбекской ССР. — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, с. 110—127.

[79] *Явердиев А.* Среднеазиатская рукописная книга и ее каталоги. — Изв. АН ТуркмССР. Сер. общ. наук, 1972, № 4, с. 37—45.

[80] *Бартольд В. В.* Собрания восточных рукописей в Баку. — Соч., т. VIII, с. 435—440. — В настоящее время хранение и изучение восточных рукописей в Баку осуществляют сотрудники Республиканского Рукописного фонда АН АзССР.

[81] *Гордлевский В. А.* Рукописи Восточного музея г. Ялты. — Избр. соч., т. IV, с. 257—261.

[82] По-армянски *матеан* 'рукопись', *даран* 'хранилище'.

СМ АрмССР (Ереван) [83] — и Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГрузССР (Тбилиси).[84]

7. Изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках

Многовековое непосредственное и тесное общение восточных славян — позднее русских, украинцев, белорусов — с тюрками нашло свое отражение во многих сферах духовной и материальной культуры. В лексике русского, украинского, белорусского языков сохранились многочисленные заимствования из тюркских языков.

Первые опыты собирания и посильного объяснения восточных элементов — в первую очередь тюркских, а также персидских и арабских слов, проникших в русский язык через посредство носителей тюркских языков Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа, — предприняты были нашими далекими предками «ранее XI столетия».[85]

Для истории изучения тюркских заимствований в русском языке исключительный интерес представляют два словарика: «Се татарский язык» и «Толкование [или Толк] языка половецкого» (см. с. 26). Позднее, в XVI—XVIII вв., тюркизмы, равно как и заимствования из других языков, регистрировались и объяснялись в «Азбуковниках» и «Алфавитах иностранных речей» (см. с. 30).

В «Лексиконе» (СПб., 1793) В. Н. Татищева приведены на научном уровне того времени толкования значительного числа восточных слов, а до этого Василий Тузов в журнале «Поденщина» (1769) опубликовал списки восточных слов в сопоставлении с русскими.[86]

Русские востоковеды еще в начале XIX в., т. е. по существу с первых шагов научного востоковедения в России, включили как необходимый компонент своих исследований изучение тюркизмов и, шире, ориентализмов в русском языке.

Общество любителей российской словесности при Московском университете в 1812 г. предложило «тему для конкурсного сочи-

---

[83] *Абгарян Г. В.* Краткий обзор рукописных фондов Матенадарана. — В кн.: Востоковедные фонды крупнейших библиотек Советского Союза, с. 127—142.

[84] Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1969. — Известный исторический интерес представляет книга А. Берже «Краткий каталог Тифлисской Публичной библиотеки» (Тифлис, 1861).

[85] *Сухомлинов М. И.* О языкознании в древней Руси. — Учен. зап. Второго отд. АН, кн. 1. СПб., 1854, с. 5; *Булич*, с. 161—164; *Кримський.* Тюрки, с. 274—283; *Добродомов И. Г., Романова Г. Я.* Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. — В кн.: *Менгес.* Восточные элементы, с. 211—238; *Добродомов И. Г.* Из истории изучения тюркизмов русского языка. — ТСб. 1977. М., 1981, с. 90—108.

[86] *Добродомов И. Г.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). Акд. М., 1966, с. 3.

нения о влиянии других языков на русский, где перед исследователем в числе других ставилась задача исследовать связи русского языка с татарским».[87]

Первым исследователем темы «тюркизмы в русском языке» был Х. Д. Френ, издавший брошюру «De origine vocabuli rossici «деньги». Script C. M. Fraehn» (Rostochiensis. Casani, 1815).

Я. О. Ярцов в 1816 г. для диссертации на степень магистра избрал следующую тему: «De origine vocabularum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis» (О русских словах, происходящих из восточных языков).

О возрастающем интересе к этой теме свидетельствует доклад профессора Казанского университета И. Ф. Яковкина «Опыт собрания слов арабских, турецких, персидских и татарских, употребляемых в российском языке», прочитанный Д. И. Хвостовым 20 января 1817 г. на заседании имп. Российской Академии.

Профессор Л. И. Пансер на торжественном годичном заседании СПб. имп. Минералогического общества огласил доклад «О происхождении российских названий драгоценных камней и металлов», в котором основательно утверждалось, что почти все эти названия восходят к восточным словам.

А. Ф. Рихтер в работе «Исследования о влиянии монголо-татар на Россию», первоначальный вариант которой был опубликован в 1822 г., рассматривал около четырех десятков слов, происходящих, по его мнению, из восточных — тюркских — языков.

Арабист и тюрколог Н. Г. Коноплев (ок. 1800—1855), ученик А. В. Болдырева, первого профессора арабского языка Московского университета, внес свою скромную лепту в изучение ориентализмов работой «О сходстве между русскими и восточными обыкновениями и о начале их в России» (Вестник Европы, 1828, февраль, № 4, с. 249—264; здесь рассмотрены слова *амбар*, *сундук*, *куртка*, *харч*, *кафтан*, *казна*, *тенька*, *парча*, *аманат*).

Тема конкурсного сочинения студента 4-го курса факультета восточных языков СПб. университета В. Д. Смирнова, будущего историка Турции и Крыма, была сформулирована так: «Исследовать, в чем заключалось влияние монгольского владычества на Россию, рассмотрев, насколько оно оставило следы свои в языке русском».[88]

В начале XIX в., в связи с первыми успехами отечественного востоковедения, расширяется сфера научных изысканий: на новой, довольно уже солидной основе возобновляется (вспомним «Азбуковники» и «Алфавиты иностранных речей») изучение ино-

---

[87] *Добродомов И. Г.* Из истории изучения тюркизмов русского языка, с. 92.

[88] Биогр. словарь СПб. ун-та, т. II. СПб., 1898, с. 199. — В АВЛОИВ (ф. 50, оп. 1, № 141, 113 л. 1869 г.) хранится рукопись В. Д. Смирнова «О языковом влиянии монголо-татар на Россию. (Русско-татарские заимствования)». Отзыв И. Н. Березина на конкурсное сочинение В. Д. Смирнова опубликован: Протоколы заседаний Совета имп. С.-Петербургского университета за вторую половину 1869—1870 академического года. С приложениями. СПб., 1870, с. 137—139.

язычных — в первую очередь восточных — лексических заимствований в памятниках русской письменности.

Изучение труда Афанасия Никитина «Хожение за три моря» [89] не могло быть достаточно полным без регистрации и исследования представленных в нем ориентализмов. Первый опыт объяснения восточных элементов в «Хожении» А. Никитина принадлежит Х. Д. Френу, его ученику Я. О. Ярцову [90] и А. К. Казем-Беку.[91]

В круг интересов востоковедов не мог не попасть выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», впервые изданный в 1800 г. (см. с. 21). Этот памятник, освещающий один из наиболее трагических моментов русской истории, свидетельствует о давних связях наших далеких предков с тюрками — печенегами, торками, берендеями, узами, половцами, черными клобуками; эти связи отчетливо запечатлелись в лексике «Слова».

Первым исследователем ориентализмов в «Слове о полку Игореве» был русский дипломат, посланник в Константинополе и Риме А. Я. Италинский (1743—1827). Его заметки на эту тему при посредстве А. И. Тургенева были известны А. С. Пушкину.[92]

Первым из профессиональных востоковедов ориентализмами в «Слове» стал заниматься профессор-арабист Казанского университета Ф. И. Эрдман (1793—1863), выступивший со статьей «Следы азиатизма в „Слове о полку Игореве“» (ЖМНП, 1942, ч. 36, октябрь, II отд., с. 19—46). Ф. И. Эрдман пытался (весьма неудачно) объяснить ориентализмы в «Слове» с помощью данных арабского и древнееврейского языков. Ранее Ф. И. Эрдман выступил с двумя статьями, одинаково названными: «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский» (Казанский вестник, 1828, ч. 24, сентябрь, с. 33—53 (*охабень*, *кафтан*, *кинжал*, *купол*, *алков*); Труды и летописи Общества истории и древностей российских при Московском университете, ч. 5, кн. 1. 1830, с. 215—245).

Наличие древних ориентализмов в «Слове» является убедительным свидетельством древности и подлинности этого памятника (см. мнение по этому поводу А. С. Пушкина; с. 22).

И. Н. Березин в рецензии на книгу Николая Гербеля «Игорь, князь Северский» (Москвитянин, 1854, ноябрь, кн. 2, № 22, отд. IV, с. 68—71) впервые использовал содержащийся в «Слове»

---

[89] Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1446—1472 гг. Изд. 2-е, дополн. и перераб. М.—Л., 1958.

[90] См.: *Завадовский Ю. Н.* К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. 1466—1472. — Труды Ин-та востоковедения АН УзССР, 1954, вып. III, с. 139—145; *Титаренко Н. А.* Восточная лексика в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина. — Изв. Воронежского пед. ин-та (Вопросы грамматики и лексики русского языка), 1972, с. 152—170; *Добродомов И. Г.* Из истории изучения тюркизмов русского языка, с. 104, прим. 32.

[91] См.: *Добродомов И. Г., Романова Г. Я.* Указ. соч., с. 222.

[92] *Крачковский И. Ю.* Избр. соч., т. V. М.—Л., 1958, с. 71—72.

тюркологический материал для доказательства древности памятника.

Позднее изучение восточной лексики в «Слове» под воздействием инициативы Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) АН, определившего на трехлетие (1898—1900) как особую задачу для работ на премию им. М. И. Михельсона [93] тему «Тюркские элементы в русском языке до монгольского нашествия», надолго (вплоть до наших дней) стало одной из ведущих тем для русских тюркологов, первым из которых был П. М. Мелиоранский, опубликовавший статью «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“» (ИОРЯС, 1902, т. 7, кн. 2, с. 273—302); [94] на нее отозвался Ф. Е. Корш статьей «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“ (Заметки к исследованию П. М. Мелиоранского)» (ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 4, с. 1—58). На эту статью Ф. Е. Корша последовал ответ П. М. Мелиоранского «Вторая статья о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“» (ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 2, с. 66—92), на которую в свою очередь ответил Ф. Е. Корш статьей «По поводу второй статьи проф. Мелиоранского о „Турецких элементах в „Слове о полку Игореве“» (ИОРЯС, 1906, т. 2, кн. 1, с. 259—315).

П. М. Мелиоранский, продолжая свои исследования ориентализмов в русском словаре, написал еще три статьи, касающиеся этой важной темы, среди которых особое значение (с точки зрения методики) имеет работа «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени» (ИОРЯС, 1905, т. 10, кн. 4, с. 109—134).

Методика изучения ориентализмов в русском словаре — задача исключительной сложности, не получившая до сих пор удовлетворительного решения, — привлекла к себе внимание в первой трети прошлого столетия. Упоминавшейся выше Ф. И. Эрдман первый изложил свои соображения на эту тему в двух имевших одинаковое название статьях: «Изъяснения некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский». [95] Этой же теме посвящена статья И. Н. Березина «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке». [96] К этим статьям по своей цели и направленности примыкает «Записка [об отношениях русского языка к восточным] профессора А. К. Казем-Бека». [97]

Для изучения методики исследования заимствований имеют значение следующие три статьи Ф. Е. Корша: 1) «Опыты объяснения заимствованных слов в русском языке» (ИАН, серия 6,

---

[93] М. И. Михельсон (1825—1908) — автор известного труда: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, т. I—II. СПб., 1912.

[94] *Попов А. И.* П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке. — ТСб. 1972. М., 1973, с. 36—50.

[95] 1) Казанский Вестник, 1828, ч. 24, кн. IX, сентябрь, с. 33—53; 2) Труды и летописи Общества истории и древностей российских, 1830, ч. V, кн. 1, с. 216—245.

[96] Москвитянин, 1852, август, № 15, кн. 1, отд. III, с. 106—109.

[97] ИОРЯС, 1852, т. I, вып. 3, с. 125—128.

1907, т. I, № 17, с. 755—768); 2) «О некоторых славянских языках иноязычного происхождения» (Сборник статей по славяноведению, посвященный проф. М. С. Дринову. Харьков, 1908, с. 52—62); 3) «О некоторых бытовых словах, заимствованных древними славянами из так называемых урало-алтайских языков» (Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, с. 537—546).

В начале XIX в., как одно из ярких свидетельств интереса к изучению состава словаря русского языка, стали появляться специальные издания, регистрирующие и объясняющие иностранные лексические заимствования. К числу этих изданий относятся: *Яновский И.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 1—3, СПб., 1803, 1804, 1806; Новый и полный толкователь слов славянских, греческих, латинских, немецких, итальянских, французских, жидовских, турецких и др., употребляемых в российском языке. Харьков, 1817; *Шимкевич Ф. С.* Корнеслов русского языка, сравнительно со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками. СПб., 1842.

При изучении тюркского (и шире восточного) пласта в истории русской лексики следует принять во внимание следующие издания: *Зелинский С. П.* Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1889;[98] *Мартановский В., Ковалевский И.* Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранных слов. М., 1895; *Горяев П. В.* Этимологические объяснения наиболее трудных и загадочных слов в русском языке. К сравнительному и этимологическому словарю русского языка. Тифлис, 1896. Новые дополнения и поправки. Тифлис, 1905; *Огиенко И. И.* Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимствованных слов в русский язык. Киев, 1915.

Предпринятое Отделением русского языка и словесности АН издание «Материалы для словаря русского языка» (Прибавление к ИОРЯС, т. 1, 1852—1853; второе издание называлось: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. I, вып. I—III. СПб., 1854) не могло обойтись без собирания и объяснения восточных элементов, давно и прочно утвердившихся в русском лексиконе. (По отбору и толкованию ориентализмов в русском языке вышли работы: *Григорьев В. В.* Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания по «Опыту областного великорусского языка». — Указ. соч., тетрадь I, II, стб. 14—21, 68—70; *Казем-Бек А. К.* Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. — Там же, т. I, тетрадь I, III, стб. 22—37, 71—80; тетрадь 2, XXIX, стб. 385—390; *Петров П. Я.* Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными. — Там же, т. I, тетрадь 1, стб. 81—103; *Березин И. Н.* Замечания о восточных словах в об-

[98] ББСОТ, с. 164.

ластном великорусском языке. — Там же, т. I, тетрадь I, XVI, стб. 186—192; тетрадь 2, XXII, стб. 323—332; *Шёгрен А. М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных. — Там же, т. I, тетрадь 1, XIV, стб. 145—165; *Бобровников А. А.* Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков. — Там же, т. I, тетрадь 2, XVII, стб. 193—197.)

Профессор факультета восточных языков С.-Петербургского университета А. О. Мухлинский составил словарь восточных заимствований в польском языке и польских слов в турецком (*Muchliński A.* Zrodłosłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio do naszey mowy z języków wschodnich tudziez mających zobopolną analogię co do brzmienia lub znaczenia, z dołączeniem sbiorku wyrazów, przeniesionych z polskiego do języka tureckiego. St.-Petersburg, 1858, 158 s.). Этот труд А. О. Мухлинского имеет непосредственное значение и для изучения тюркизмов в русском языке.

Тема русские заимствования в тюркских языках впервые получила освещение в исследовании П. С. Савельева «Восточные слова в русском и русские в восточных языках» (глава в кн.: *Савельев П. С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847, с. CCX—CCXIX).

Затем к этой теме обратился А. К. Казем-Бек, выступивший со статьей «Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных местными тюркскими наречиями в России» (Вестник РГО, 1852, т. I, отд. VI (смесь), с. 1—6).

После значительного перерыва эта тема получила освещение в статье Н. Ф. Катанова «Die aus dem Russischen entlehten Fremdwörter des Sagai-Dialects» (Bull. de l'Acad., St.-Pb., 1888, t. XXXII, col. 25—49; то же: Mél. Asiat., 1888, t. IX, p. 277—312).

Известный интерес представляет статья Н. А. Караулова «Говор гребенских казаков. Слова, заимствованные с турецко-татарских наречий» (СМОМПК, 1907, вып. XXXVII, отд. 3, с. 103—109).

Тесное многовековое общение русских и тюрок оставило глубокий след не только в общеупотребительной лексике и специальных ее разделах, но и в области фольклора.

В. В. Стасов в своем известном исследовании «Происхождение русских былин» (Собр. соч., т. III. СПб., 1894) уделил особое внимание ориентализмам в русском фольклоре.

О половецком влиянии на русский эпос писал Вс. Ф. Миллер в работе «Экскурсы в область русского народного эпоса» (М., 1892); см. еще: В. Пархоменко «Следы половецкого эпоса в летописях» (Проблемы источниковедения, № 3, М., 1940).

Таковым в основных линиях своего развития в дооктябрьский период было исследование тюркизмов в русском языке и фольклоре и русизмов в тюркских языках.

В послеоктябрьский период тема «Тюркизмы в русском языке» привлекала внимание С. Е. Малова, В. А. Гордлевского, Н. К. Дмитриева, А. И. Попова, Н. А. Баскакова и др.[99]

Изучение русизмов в тюркских языках в послеоктябрьский период привлекло внимание многих тюркологов из тюркоязычных республик и областей СССР.[100]

---

[99] Подробнее см.: Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. Сост. И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова. — В кн.: *Мензес.* Восточные элементы, с. 211—238.

[100] См.: *Кононов А. Н.* Тюркская филология в СССР. 1917—1967. — М., 1968, с. 33—34; *Ахунзянов Э. М.* Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968 (обстоятельная библиография — с. 347—360).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественная тюркология дооктябрьского периода начала свой долгий и трудный путь с практического изучения тюркских языков, усвоенных нашими далекими предками в процессе многовекового общения русских с тюрками.

Научному изучению тюркских и других восточных языков предшествовали примитивные попытки собирания и объяснения слов чужих языков, издавна утвердившихся в словаре русского языка (азбуковники, списки иностранных слов и т. п.).

Зарождение научного востоковедения в России связано с деятельностью Петра I, ясно понимавшего острую необходимость планомерной подготовки знатоков Востока. «Если великий Преобразователь (Петр I, — *А. К.*) прорубил нам окно в Европу, то, надобно сказать, он же первый прорубил нам окно и в Азию, или, как иногда выражаются, „отворил нам в Азию ворота“». [101]

Начиная с петровских времен велось — особенно энергично после создания Академии наук (1725) — собирание тюркских лингвистических, этнографических и фольклорных материалов.

В течение XVIII в. был собран огромный словарный материал почти по всем известным в ту пору тюркским языкам, которые частично были использованы при составлении известного лексикографического труда «Сравнительные словари всех языков и наречий» (первое издание вышло в С.-Петербурге в 1787—1789 гг.).

В 30-х годах XVIII в. в С.-Петербурге начинается преподавание турецкого языка в школе Г. Я. Кера. С середины XVIII в. преподавание татарского языка вводится в русских средних учебных заведениях (Москва, Астрахань, Казань).

Во второй половине XVIII в. появляются первые печатные пособия по чувашскому, татарскому и турецкому языкам.

Начало XIX в. ознаменовалось двумя мероприятиями, имевшими исключительное значение для развития нашего отечественного востоковедения:

1) в 1803 г. Академия наук получила новый регламент, по которому в ней восстанавливались гуманитарные науки, исключенные из ее состава по регламенту 1747 г.;

---

[101] *Мельгунов Г. В.* Поход Петра Великого в Персию. — Русский вестник, 1874, т. 110, март, с. 5.

2) в 1804 г. был утвержден новый университетский устав, по которому в Московском, Казанском и Харьковском университетах учреждались кафедры восточных языков.

Развитие университетского востоковедения привело к созданию единого для всей России центра по подготовке востоковедов — факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1855).

Важным этапом в деле грамматической разработки тюркских языков явились грамматика М. А. Казем-Бека (1839, 1846), «Грамматика алтайского языка» (1869), словари В. В. Вельяминова-Зернова (1868—1869) и Л. З. Будагова (1869—1871).

В 60-х годах прошлого столетия началась научная деятельность В. В. Радлова, положившего начало новому этапу развития отечественной тюркологии.

К концу XIX в. тюркология в России, равно как и другие востоковедные дисциплины, проделав путь от примитивного собирательства до строго научного исследования, вышла в первые ряды мирового востоковедения.

Для характеристики востоковедения в России этого периода уместно напомнить слова В. В. Бартольда, известного строгостью своих оценок: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе».[102]

Для понимания истории научного востоковедения в России дооктябрьского периода необходимо иметь в виду специфические идеологические особенности нашего отечественного востоковедения, сосредоточенного в С.-Петербургском университете на факультете восточных языков и в Академии наук. В отличие от западноевропейской ориенталистики оно никогда не служило ни миссионерским целям русской церкви, ни колониальной политике царского правительства; для реализации подобных идеологических и политических устремлений у церкви и царя были соответствующие этим целям учреждения.

Из сказанного, однако, нельзя сделать тот вывод, который иногда делают, — что дооктябрьское востоковедение в России отличалось особыми прогрессивными устремлениями, связанными с мировоззрением передовых людей тогдашнего русского общества.

Одна, меньшая часть ученых-востоковедов дооктябрьского периода придерживалась кадетско-либеральных взглядов и не более того; другая, большая их часть аполитично «несла службу», что, однако, не мешало им честно и преданно, — а некоторым даже с блеском, — служить своей науке.

К чести и славе передовой русской интеллигенции следует отметить, что ее симпатии неизменно принадлежали народам Востока. В этой связи замечу, что немало наших выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей XIX в. имели определенное — хотя и косвенное — отношение к востоковедению.

---

[102] *Бартольд.* Соч., т. IX, с. 418.

А. С. Грибоедов хорошо знал персидский язык.[103] В. К. Кюхельбекер вместе с автором «Горя от ума» занимался «изучением языков и литератур Востока» [104] у азербайджанского просветителя А. К. Бакиханова. Писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, переведенный в 1829 г. из якутской каторги рядовым на Кавказ, самоучкой изучил азербайджанский и кумыкский языки. По свидетельству востоковеда Адольфа Берже, Бестужев брал у М. Ф. Ахундова уроки азербайджанского языка.[105] Кумыкский язык Бестужев-Марлинский, по-видимому, изучил самостоятельно во время пребывания в Дербенте в качестве рядового 41-го егерского полка; известно, что там ему нередко приходилось выступать в качестве толмача. Бестужев при содействии автора — М. Ф. Ахундова — перевел на русский язык стихотворение «На смерть Пушкина».[106]

А. С. Пушкин оставил заметки, свидетельствующие о его интересе к турецкому языку.[107] М. Ю. Лермонтов изучал «татарский» язык.[108]

Л. Н. Толстой в 1844—1845 гг. состоял студентом Восточного отделения философского факультета Казанского университета, а во время пребывания на Северном Кавказе (1851—1853) изучил кумыкский и ногайский языки.[109]

Н. Г. Чернышевский был знаком с арабским, персидским, татарским и древнееврейским языками, которым обучался у Г. С. Саблукова.[110]

---

[103] *Мсериани Л.* К вопросу об интересе Грибоедова к изучению Востока. (По поводу неизданного письма Грибоедова к акад. Френу). — ИОРЯС, 1909, т. XIII, кн. 4, с. 220—251, 421; *Ениколопов И.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. 199 с.

[104] *Попов А. В.* Русские писатели на Кавказе. А. А. Бестужев-Марлинский, вып. 1. Баку, 1949, с. 11.

[105] Там же, с. 13, 16, 21, 30—33, 35, 52—53.

[106] Там же, с. 69.

[107] *Дмитриев Н. К.* Несколько турецких слов в записи Пушкина. — Литературное наследство, кн. 16—18. М., 1934, с. 319—320; *Михайлов М. С.* Произведения А. С. Пушкина на турецком языке. — Труды Моск. ин-та востоковедения, 1951, № 6, с. 149—150; *Любикова Н. М.* Пушкин и Восток. М., 1975. 96 с.; *Бигаев Р. И.* Восточные лексические заимствования в языке Пушкина, Лермонтова и Л. Толстого. — Учен. зап. Ташкентск. пед. и учит. ин-та, 1947, вып. 1, с. 69—80.

[108] *Михайлов М. С.* К вопросу о занятиях М. Ю. Лермонтова «татарским» языком. — Тюркологический сборник. I. М.—Л., 1951, с. 127—135; *Андроников И. Л.* Лермонтов в Грузии в 1837 году. М., 1955, с. 134—152.

[109] *Михайлов М. С.* Русские классики второй половины XIX века и советские писатели в Турции. Адд. М., 1951, с. 12—13.

[110] *Крачковский И. Ю.* Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. 1889—1939. Труды научной сессии к 50-летию со дня смерти. Л., 1941, с. 34; то же: *Крачковский И. Ю.* Избр. соч., т. I. М.—Л., 1955, с. 213—224; *Сеид-заде А. А.* Н. Г. Чернышевский и азербайджанский язык. — Изв. АН АзССР. Сер. общ. наук, 1965, № 6, с. 74—83; *Гайнуллин М. Х.* Чернышевский и его рукописи на татарском языке. — Изв. Казанск. ФАН СССР. Сер. гуманит. наук, вып. 1, Казань, 1955, с. 93—102.

И. С. Тургенев в 1829 г. учился в Лазаревском институте восточных языков.[111]

Знаменитый лексикограф В. И. Даль (1801—1872) в молодости печатал переводы с татарского языка и собирал тюркские рукописи.[112]

Не следует забывать и о «восточных переводах» В. А. Жуковского.

* * *

Научное востоковедение в России — и в том числе тюркология — за два с лишним века своего существования прошло большой и трудный путь, придя к Великой Октябрьской социалистической революции с общепризнанными достижениями, которые стали надежной основой для успешного развития отечественного востоковедения в послеоктябрьскую эпоху.

---

[111] *Базиянц А. П.* Лазаревский институт восточных языков. М., 1959, с. 12.

[112] *Емельченко И. Р.* В. И. Даль и восточные языки. — В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974, с. 164—179.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Периодические издания, серии, сборники, названия учреждений

АВЛОИВ	— Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР
АМ	— Азиатский музей Академии наук (С.-Петербург, Петроград, Ленинград)
АН	— Академия наук
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
БСЭ	— Большая Советская энциклопедия, 3-е изд. (Москва)
ВОРАО	— Восточное отделение Русского археологического общества (С.-Петербург, Петроград)
ВРГО	— Вестник Русского географического общества (С.-Петербург)
ВЯ	— Вопросы языкознания (Москва)
ГПБ	— Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
ДТС	— Древнетюркский словарь. Л., 1969
ЖС	— Живая старина (С.-Петербург)
Зап. РГО	— Записки Русского географического общества (С.-Петербург—Петроград)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения (С.-Петербург)
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (имп.) Русского археологического общества (С.-Петербург, Петроград)
ЗИАН	— Записки имп. Академии наук (С.-Петербург)
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР) (Ленинград)
ЗКУ	— Записки Казанского университета
Изв. ОЛЯ	— Известия АН СССР, Отделение литературы и языка (Москва)
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного географического общества (Ленинград)
Изв. РАО	— Известия Русского археологического общества (С.-Петербург—Петроград)
ИРГО	— Известия Русского географического общества (С.-Петербург—Петроград—Ленинград)
ИАН	— Известия Академии наук (С.-Петербург—Петроград)
ИИАН	— Известия имп. Академии наук (С.-Петербург)
ИИН	— История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Москва, 1965
ИОАИЭКУ	— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОРЯС	— Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук (С.-Петербург)
ИРКИСВА	— Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии (С.-Петербург—Петроград)

КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР (Москва)

КГУ — Казанский государственный университет

КУ — Казанский университет

ЛИВЯ — Лазаревский институт восточных языков (Москва)

ЛОААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР

ЛОИВ — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР

ЛОИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии

ЛОИЯ — Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Ленинград)

МИД — Министерство иностранных дел

МИФВЯ — Материалы для истории факультета восточных языков. Том I. 1851—1864 гг. СПб., 1905; том II. 1865—1901 гг. СПб., 1906; том IV. Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., составленный проф. В. В. Бартольдом. С приложением обзора истории востоковедения в России до 1855 года. СПб., 1909.

МНП — Министерство народного просвещения

МГУ — Московский государственный университет

МУ — Московский университет

НАА — Народы Азии и Африки (Москва)

НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории

ОИРВ — Очерки по истории русского востоковедения, сб. I. М., 1953; сб. II. М., 1956; сб. III. М., 1960; сб. IV. М., 1959; сб. V. М., 1960; сб. VI, М., 1963

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук (С.-Петербург)

ПЗСЗКЛАИ — Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока (Ашхабад)

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (С.-Петербург)

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПТКЛА — Протоколы и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии (Ташкент)

РБС — Русский биографический словарь (С.-Петербург)

РОБАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград)

РОГПБ — Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

РОЛОИВ — Рукописный отдел Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР

СВ — Советское востоковедение (Москва)

СИЭ — Советская историческая энциклопедия (Москва)

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис)

СТ — Советская тюркология (Баку)

ТААН — Труды Архива АН СССР (Москва—Ленинград)

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества (С.-Петербург)

ТСб. — Тюркологический сборник. 1971, 1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977 (Москва)

УЗИАН — Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему отделениям (С.-Петербург)

УЗИВАН — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР (Москва)

УЗ Каз. ГПИ	— Ученые записки Казанского гос. педагогического института
УЗКУ	— Ученые записки Казанского университета
ФВЯ	— Факультет восточных языков С.-Петербургского университета
ЦГАДА	— Центральный гос. архив древних актов (Москва)
ЦГА ТАССР	— Центральный гос. архив Татарской АССР (Казань)
ЭО	— Этнографическое обозрение (Москва)
AOH	— Acta Orientalia Hungaricae (Budapest)
Bull. de l'Acad. Nouv. sér.	— Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Nouvelle série, t. I (XXXIII)—IV (XXXVI), St.-Pb., 1890—1894.
Bull. hist-phil.	— Bulletin de la Classe historico-philologique de l'Académie impériale des sciences de St.-Petérsbourg
CAJ	— Central Asiatic Journal (The Hague—Wiesbaden)
JA	— Journal Asiatique (Paris)
Mél. Asiat.	— Mélanges Asiatiques (С.-Петербург)
MSFOu	— Mémoires de la Sosiété Finno-Ougrienne (Helsingfors—Helsinki)
MSOS	— Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen (Berlin)
PhTF, I, II	— Philologiae Turcicae Fundamenta, t. I, II. Wiesbaden, 1959—1964.
RO	— Rocznik Orientalistyczny (Lwów, Kraków, Warszawa)
TM	— Türkiyat Mecmuasi (İstanbul)
Turcologica	— Turcologica. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976.
UAJ	— Ural-Altaische Jahrbücher (Wiesbaden)
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Leipzig)

2. Монографии и многотомные издания

Абу-л-Гази (предисловие Френа) — *Abulghasi Bahadür Chani*. Historia Mongolorum et Tatarorum nun primum tatarice edita. Casani, MDCCCXXV, с. I—XI.

Аделунг — Adelung Fr. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St.-Pb., 1815.

Бартольд. Соч. — *Бартольд В. В.* Сочинения, т. I—IX. М., 1963—1977.

Баскаков. Введение — *Баскаков И. А.* Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. М., 1969.

ББСОТ — Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974.

Бернштам. Соц.-экон. строй — *Бернштам А. Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.

Биогр. словарь МУ — Биографический словарь имп. Московского университета, ч. I. М., 1855.

Биогр. словарь СПб. ун-та — Биографический словарь С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894, т. I. СПб., 1896; т. II. СПб., 1898.

Булич — Булич С. К. Очерк истории языкознания в России, т. I (XIII в.—1825 г.). СПб., 1904.

Веселовский. История РАО — *Веселовский Н. И.* История имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900.

Веселовский. Сведения — *Веселовский И. И.* Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879. (Отд. отт.).

Веселовский. Список — [*Веселовский И. И.*]. Список профессоров и приват-доцентов факультета восточных языков имп. бывшего Петербургского университета. [Б. м., б. г.], 36 с.

Гайнуллин — Гайнуллин М. Х. Татарская литература XIX века. Казань, 1975.
Гнучева — Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. — ТААН, вып. 4. М.—Л., 1940.
Гордлевский. Избр. соч. — *Гордлевский В. А.* Избр. соч., т. I—IV. М., 1960—1968.
Григорьев. СПб. ун-т. — *Григорьев В. В.* С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870.
Гульбин — Гульбин Г. Г. Биобиблиографический словарь русских и советских арабистов, под редакцией акад. И. Ю. Крачковского (рукопись).— АВЛОИВ, ф. 78, оп. 1, № 1, 2.
Дёрфер — Doerfer G. Altere Westeuropäische Quellen zur Kalmückischen Sprachgeschichte (Witzen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden, 1965.
Дорн — Dorn B. Das Asiatische Museum der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pb., 1846.
Егоров. Чувашские словари — *Егоров В. Г.* Чувашские словари XVIII века. — Записки НИИЯЛИ, вып. II. Чебоксары, 1949, с. 111—142.
Истор. очерк и обзор РОБАН — Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. 1, XVIII в. М.—Л., 1956.
История АН — История Академии наук. Том I. 1724—1803. М.—Л., 1958; том II. 1803—1917. М.—Л., 1964.
Кононов. Очерк — *Кононов А. Н.* Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976.
Кононов. ГЯТРП — *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л., 1980.
Корбут КГУ — *Корбут М. К.* Казанский Государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05—1929/30, т. I, II. Казань, 1930.
Крачковский. Очерки — *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. — Избр. соч., т. V, с. 9—192.
Кримський. Тюрки — *Кримський А. Ю.(Е.)* Тюрки, їх мови та літератури. — Твори в 5-ти томах, т. 4. Київ, 1974, с. 447—583.
Ливотова, Португаль. Востоковедение — *Ливотова О. Э., Португаль В. Б.* Востоковедение в изданиях Академии наук. 1726—1917. Библиография. М., 1966.
Лунин. ББО — *Лунин Б. В.* Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. I, II. Ташкент, 1976—1977.
Лунин. Историография — *Лунин Б. В.* Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент, 1974.
Мазитова. Кафедра тур.-тат. языка — *Мазитова Н. А.* Кафедра турецко-татарского языка Казанского университета (перв. пол. XIX в.). — Вопросы историографии всеобщей истории, вып. 1. Казань, 1964, с. 11—42.
Малов. ПДТП — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
Матер. для биогр. словаря д. ч. АН — Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Часть I. А—Л. Пгр., 1915; часть II. М—Я. Пгр., 1917.
Менгес. Восточные элементы — *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
Милибанд. ББССВ. — *Милибанд С. Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975; 2-е изд. (фотомеханическое воспроизведение). М., 1977.
Новлянская. Ф. И. Страленберг — *Новлянская М. Г.* Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.—Л., 1966.
Нугманов. Русско-тат. рукоп. словари — *Нугманов М.* Русско-татарские рукописные словари XVII—XVIII веков. Казань, 1969 (на татарск. яз.).
Пекарский. История АН — *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге, т. I. СПб., 1870; т. II. СПб., 1873.

Пекарский. Наука и литература — *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862.

Повесть временных лет — Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. Подгот. текста Д. С. Лихачева. Перев. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.—Л., 1950.

Савельев. Предположения — *Савельев П. С.* Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 гг. — ЖМНП, 1856, ч. 89, отд. III, с. 27—36.

Скачков — Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977.

СПб. ун-т в 1-е столетие — С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819—1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. 1819—1835. Пгр., 1919.

Станюкович. Кунсткамера — *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.—Л., 1953.

Убрятова. Очерк — *Убрятова Е. И.* Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945.

Фатхиев. Описание — Описание рукописей [научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского при КУ], вып. XII. Рукописи татарских писателей и ученых. 3-я часть. Составил А. Фатхиев. Казань, 1968 (на татарск. яз.).

Doerfer — Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.

Dugat — Dugat Gustave. Histoire des orientalistes de l'Europe du XIIe au XIXe siècle précédée d'une esquisse historique des études orientales, par. . . t. I, II. Paris, 1868—1870.

Адд.— Автореферат докторской диссертации.

Акд.— Автореферат кандидатской диссертации.

и. д. э.-о. проф. — исполняющий должность экстраординарного профессора.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аальто П. (Aalto P.) 171, 286
Абгарян Г. В. 328
А(б)драхманов (Габдрахманов) М. 83, 86
Абдуллаев А. З. 222
Абдуллаев А. С. 214, 219
Абдуллахов М.-А. 165
Абдульгафаров А. 191
Абдуррахман Шевкет 167
Абду-с-Саттар Казы 242
Абель-Ремюза 308
Абильхасимов Б. Н. 271
Абовян Х. 220
Абрамов А. Т. 326
Абрахамович З. 225
Абуладзе Ц. А. 218
Абу-л-Гази (Абулгази, Абулгази Багадур-хан, Абу-л-Гази Бахадур-хан, Абулгазий, Абулгази-хан, Абу-л-Гази-хан, Абулгаси-хан, Абулгачи-Баядур-хан, Абульгази, Абуль-гази, Абуль-Гази-Багадур-хан, Абуль-Гази-Бахадур-Хан, Абуль-Гази-Бохадур-хан, Aboul-Chasi Behadour Khan, Abulgasi, Abulgasi Bagadur-Chan, Abulgasi-Bayadur-Chan, Abul-gassi-Bagadur-Chan, Abulghasi-Bahader, Abu-l-Chasi Bahadur-Chan, Abulghasi Bahadur Chan, Abul-Hasi Bagadur-Chan) 42, 46, 71—83, 113, 138, 143, 144, 147, 148, 164, 166, 176, 196, 222, 281, 283, 316.
Абу-л-Фарадж 51
Аверьянова А. П. 84
Агабеков С. 241
Агафи Д. А. 131, 132
Агмет см. Ахмет III
Адамов И. 97, 190
Аделунг И. Хр. (Adelung J. Chr.) 319
Аделунг Ф. П., де (Adelung Fr.) 6, 67—69, 88—90, 92, 96—102, 182, 208, 260, 288, 319
Азарьин С. 29
Азбакевич (Асбекович, Asbackevits, Asbackewicz, Asbackovitz, Asbeckowicz) 72, 73, 76, 78
Азарьин С. 29
Азизов С. Р. 193
Азимджанова С. А. 327
Азимов П. А. 240
Айдаров Г. 309
Акаев А. 248
Акбаев С. М. 248
Акиф-эфенди 184
Акрамов Н. М. 191
Акрамова Х. К. 191
Аксак Тимур см. Темир Аксак
Александр Невский 20
Александр I (Александр Павлович) 130, 170, 180
Александра Федоровна, императрица 185
Александров И. А. 94
Алексеев А. А. 209
Алексеев М. П. 27—30, 33
Алексей, митрополит 29
Алексей Михайлович, царь 32, 41, 170
Алекторов А. 272
Алибеков М. 247
Алиев А. А. 185
Алиев А. Г. 223
Алиев М. 137
Алиев Ф. М. 37
Алиева Л. Г. 197
Алкеев П. 130
Алкин М. 93
Алмаз Иванович (Ерофей), думный дьяк 32
Алтынсарин И. 272
Аманжолов С. 270
Амиди О. 184
Аминов И.-Я. 164
Ангелец Г. 37
Андреев 238
Андреев А. И. 33, 293

* Кроме ряда имен авторов и героев восточных произведений.

Андреев М. С. 191—193
Андрей, сын Владимира Мономаха 20
Андрей Боголюбский 20
Андроников И. Л. 219, 337
Антоний, архиепископ 108
Антонович А. К. 256
Арагачи З. Б. 308
Аракин В. Д. 154, 224
Аранчын Ю. Л. 288
Арасланов И. 129, 130
Арджевинадзе И. 221
Аристов В. 208
Аристов Н. А. 201, 202, 258, 320
Аристотель 25
Арифметов 194
Арсланов Л. Ш. 275, 276
Артамонов М. И. 13, 14, 203, 206
Артемьев А. 135
Архангельский Н. П. 4
Арциховский А. В. 33
Асланов В. И. 231
Ассади Соломон см. Негри Соломон
Атаев 193
Атнометев (Атнометов) Н.-Б. 260
Аттая М. О. 178
Аттила Й. 208
Афанасьев М. Г. 247
Ахатов Г. Х. 268
Ахмаров А. 268
Ахмед Бурхан-ед-дин Сивасский 317
Ахмеров П. 266
Ахмет III 35, 54
Ахметгалиева Я. С. 261, 265, 300
Ахундов М. Ф. 219, 222, 337
Ахунзянов Э. М. 334
Аширбаев С. 280
Ашмарин Н. И. 179, 205, 206, 209—214, 302, 305, 306
Ашнин Ф. Д. 117, 168, 199, 242, 254, 291

Бабер см. Бабур
Бабингер Ф. (Babinger Fr.) 41, 51, 225
Бабст И. К. 174
Бабур (Бабер) Захир-ад-дин 46, 47, 283, 316
Бабушкин Г. Ф. 289, 308
Багалей Д. И. 140, 141
Багратиони Т. Г. (Timurat Mirza) 218
Базиянц А. П. 153, 171—176, 234, 306, 338
Байер Г. (Т.) З. (G. (Th.) S. Bayer) 40—43, 53, 57, 77, 78
Баке-Грамон Ж.-Л. (Bacqué-Grammont J.-L.) 47
Бакиханов А. К. 337
Бакмейстер Г.-Л.-Хр. (Л. И.) (Bacmeister G.-L. Ch.) 77, 88, 89, 91, 98, 99, 100, 101, 130
Бакмейстер И.-Ф. (Bacmeister J.-V.) 81, 322
Бакунин 53, 69
Бальби А. 319
Банг В. (Bang W.) 28, 120, 272
Банзаров Д. 8, 139
Бараганский (Бораганский) И. М. 167
Барбо де ла Брюйер (Barbeau de la Bruyere) 64
Баренд (Бэрендт) И.-Г. (И. Б.) 140
Бартольд В. В. (Barthold W.) 5, 6, 8—10, 13, 14, 17, 21—24, 26, 30, 31, 33, 36, 38, 46, 49, 66, 71, 86, 98, 115, 120, 123, 125, 128, 140, 141, 151, 153, 154, 156, 159, 160, 163—165, 167, 181, 184, 193, 201—205, 242, 250, 276, 281—283, 285, 286, 309, 310, 314, 317, 327, 336
Баскаков Н. А. 10, 12, 63, 122, 169, 187, 201, 203, 206, 214, 223, 224, 240, 242—245, 248, 250, 256, 258, 270, 273, 274, 276, 277, 280, 287, 288, 291, 308, 312, 318, 334
Баталин Н. И. 30
Батманов И. А. 292, 293, 308, 318, 320
Батманова Л. В. 292
Баттал А. (Battal A.) 215
Батый 25, 251
Бахрушин С. Б. 31
Башкорд (Башкир), половецкий хан 20
Баязет (Баязид), турецкий султан 30
Баязитов А. 184
Беверидж А. 47
Бекмухамедов Д. 274
Бекович-Черкасский А. 36
Бектимиров М. Н. 272
Бекчурин (Бекчерин, Бещерин, Бикчурин) М. 93, 94, 256, 266, 270
Белинский В. Г. 5, 38, 158
Белокуров С. А. 30, 32, 46
Белоусов В. 87
Беляев И. А. 193, 202, 241, 274
Бендриков К. Е. 193
Беневени Ф. 36
Бентинк (Bentinck) 72, 74
Берггрен Я. 141
Бердиев М. 132
Березин И. Н. (Bérésine E.) 5, 6, 9, 17, 26, 74, 80, 82, 87, 94, 97, 119, 125, 136, 138, 148—152, 164—168, 204, 205, 221—227, 229—234, 239, 240, 255, 257, 264, 271, 289, 315, 317—320, 323, 329—332
Беринг В. 65
Берке, хан 28
Бернс А. 183

Бернштам А. Н. 33, 64, 258, 277, 308, 311
Бертельс Д. Е. 325
Бессараб М. 81
Бессонов А. Г. 257
Бестужев—Марлинский А. А. 219, 220, 337
Бётлингк О. Н. (Böhtlingk O.) 6, 16, 90, 95, 96, 106, 114, 119, 120, 199, 231, 234, 237, 293—296, 301—303, 307, 319
Бехадыр-ага 252
Бжшкен М. 233
Бигаев Р. И. 337
Бикри Х. 53
Бикчурин М.-С. 256, 266
Биллингс 95, 294
Бильге-каган (Могилян-хан) 309, 310, 321
Бирюкович Р. М. 290, 291
Биче-оол М. Д. 288
Биянки Т. (Bianchi T.) 138, 221, 228, 239
Блау О. (Blau O.) 254
Благова Г. Ф. 4, 14—17, 47, 118, 122, 123, 282, 295, 302
Блюментрост И. Д. 72
Блюментрост Л. Л. 72, 81
Бобровников А. А. 302, 307, 333
Богданов В. В. 177
Боголюбов А. А. 239
Боголюбский Андрей, князь 19
Богородицкий В. А. 121, 253
Боданинский А. А. 253
Бодуэн де Куртенэ И. А. 118, 119, 122, 302, 307, 322
Болдырев А. В. 153, 154, 159, 329
Бопп Ф. 118
Боравский П. (Borawski P.) 255
Боргояков М. И. 65, 288, 289
Борисов Е. 44
Боровков А. К. 10, 280, 285, 315
Боролина И. В. 55
Бравин Н. 201
Брамбеус, барон, см. Сенковский
Братищев В. 44
Браун Ф. 254
Брегель Ю. Э. 327
Бреннер Г. 63
Бреше В. П. 237
Бриль Э. (Brill E. J.) 225, 227
Брокгауз 320
Броккельман К. (Brockelmann C.) 216
Будагов Л. З. 16, 120, 161, 162, 165, 190, 220, 221, 239, 284, 307, 336
Бува Л. (Bouvat L.) 223
Буденц 306
Будзинский Н. 284
Букин И.-М. 272
Булич Н. 106, 107, 142, 143
Булич С. К. 8, 33, 34, 37, 42, 44, 53, 58, 59, 63, 68, 70, 83, 85, 86, 88, 91, 93—95, 98—101, 104—108, 129, 130, 134, 194, 206, 207, 256, 284, 328
Бурганова Н. Б. 257
Буров Н. А. 327
Бухарт (Пухарт) 53
Бушев П. П. 37
Быкова Т. А. 35
Бэрендт см. Барендт

Вагабов (Вагапов) А. А. 139, 264, 265
Ваксель 38
Валеев Ф. Т. 268
Валиханов Ч. Ч. 273, 277, 292, 293
Вамбери Г. (Vámbéry H.) 82, 176, 183, 241, 258, 274
Вамваки К. Г. 184, 186
Василий III 12, 30
Васильев В. П. 151
Васильев Г. И. 238
Васильев И. 69
Васыф-эфенди 8
Вдовин И. С. 84, 85, 100, 102, 114, 287
Везиров А.-Г. 190
Везиров А. Х. 211, 307
Везиров М. А. 132
Векилов А. П. 125, 239
Вельяминов-Зернов В. В. 5, 6, 114, 127, 251, 252, 258, 266, 270, 284, 318, 336
Вениамин (Пуцек-Григорович В. Г.), архиепископ 194, 207, 299
Венкер В. (Veenker W.) 117
Вербицкий В. И. 119, 199, 289, 292
Веревкин И. 188
Веревкин М. И. 133
Веселовский К. С. 5
Веселовский Н. И. 6—8, 10, 12, 34, 44, 46, 49, 53, 55, 128, 130, 131, 133, 134, 137, 141, 144, 147, 148, 154, 156, 157, 159—162, 164, 175, 180, 183—185, 188—191, 193—198, 208, 219, 228, 229, 237, 260
Веске М. П. 63
Вехби-эфенди 184
Вешняков А. А. 45, 54
Видеман Ф. И. 63
Вигье (Viguier) М. 227, 300
Виличко (Wilitschko) 89, 90, 92
Вилькен Ф. 141
Вильсон (Wilson) 98
Виниус А. А. 33
Виткевич Я. В. 184
Витсен Н.-К. (Witsen) 32, 33, 95, 294, 308

Вишневский В. П. 209, 210, 262, 299
Владимир, князь Киевский 13, 18
Владимир, князь Черниговский 20
Владимир Мономах 18, 20, 23
Владимиров В. 107, 133—135, 137, 139
Владимирцов Б. Я. 121, 122, 279
Влангали Г. М. (Vlangali) 94, 180, 182
Волков М. Г. 159
Володин А. 243
Волочков П. 132
Волынский А. П. 52
Воронин П. 44
Вороновский Д. Г. 327
Воскресенский Л. 199, 267
Воскресенский Н. А. 272
Востоков А. Х. 22
Всеволод, князь 20, 23
Вульф К. (Wulf K.) 309
Вылегов Ф. А. 209
Вэйденбаум Е. Г. 247
Вяткин В. Л. 192, 193, 247

Габен А.-М. ф. (Gabain A.-M. v.) 117, 250
Габдарахманов см. Абдрахманов М.
Габлицль Р. 224, 225, 299
Гаврилов М. Ф. 193
Гагнер 51
Гаджиева Н. З. 245, 274
Газикеан А. 233
Гайнуллин М. Х. 137, 164, 261, 263—265, 337
Гали М. 134
Галимова Г. 164, 265
Галл 294
Гамазов М. А. 182, 235
Гаммель И. Хр. (Hammel J. Ch.) 95
Ганиев С.-М. 222
Гардан (Gardane, de) 218
Гарипов Т. М. 70, 251, 256
Гаркавец А. Н. 254
Гаркави А. Я. 203
Гаттерер 76
Гаффаров М. А. 176, 178
Гейгель Г. 309
Гейнекций 42
Гек 284
Георги И. И. (И. Г.) (Georgi J. J.) 58, 70, 256, 269, 285
Гёте И.-В. 112
Гербель Н. 330
Герберштейн С. 269
Германорих 6
Герцен А. И. 151
Гиганов И. (О.) И. 15, 119, 138, 139, 189, 209, 221, 229, 230, 233, 246, 259—261, 268, 300—306
Гильденштедт И. А. (Güldenstädt J.-A.) 58, 69, 70, 89, 99, 240
Глинка М. И. 5
Глинская Елена, жена Василия III 12
Глухарев М. Я. см. Макарий, архимандрит
Гмелин С. Г. (Gmelin S. G.) 58, 65, 69, 291
Гнучева В. Ф. 59, 68—70, 109, 110, 127
Голицин В. В. 252
Головкин Ю. А. 109
Голстунский К. Ф. 232
Голубовский П. В. 27, 28
Гольденберг Л. А. 33
Гольдерман Ж.-Б.-Д. (Holdermann J.-B.-D.) 108, 225, 226, 260, 300
Гордлевский В. А. 17, 122, 145, 175, 178, 179, 187, 215, 234, 235, 238, 246, 253, 306, 309, 316, 317, 327, 334
Горохов В. М. 140
Горский С. П. 208
Горький А. М. 82, 262, 326
Горяев В. В. 332
Готвальд И. Ф. 136, 326
Граменицкий С. М. 191
Грамматиков М. Д. 185
Гранстрем Е. Э. 325
Гребенюк В. П. 26
Греков Б. Д. 13, 18, 20, 23, 31
Грёнбек К. (Grönbech K.) 28, 29, 250
Грибоедов А. С. 155, 337
Григорьев А. П. 26, 166, 318, 325
Григорьев В. В. 5—8, 17, 49, 119, 154—156, 159—161, 164, 165, 182, 185, 188, 227, 228, 230, 231, 259, 262, 271, 286, 300, 308, 318, 332
Гримстед П. К. (Grimsted P. K.) 323
Громов В. 127
Грот Я. К. 99, 100
Грум-Гржимайло Г. Е. 312
Грюнведель А. 311, 313
Губоглу М. (Guboglu M.) 38—40
Гудиашвили Е. В. 225
Гузев В. Г. 9, 316
Гульбин Г. Г. 9
Гумилев Л. Н. 21
Гуревич М. М. 35
Гурницкий К. И. 9, 177
Гюльнар-ханум см. Лебедева О. С.

Давидович Я. М. 156
Давлетшин А. А. 181
Давыдов Д. П. 296
Даль В. И. 81, 338
Дамаскин (Семенов-Руднев Д., Da-

maskin), епископ 91, 92, 102—105, 208, 259
Дамбровский К. (Dąbrowski K.) 204
Данциг Б. М. 10, 31, 37, 45, 53, 54
Девидс А. (Davids A. L.) 138, 230
Дегуров А. А. (De Gouroff A.) 141
Делянов А. 132
Деманж Ж.-Ф. 154, 156, 180, 182
Демезон П. И. (Desmaisons) 5, 81, 82, 126, 182, 183, 189, 315, 316
Дементьев С. 54
Демидов П. Н. 230, 232
Демидова М. И. 324
Демирчизаде А. М. 321
Дени Ж. (Deny J.) 224
Державин Н. С. 223
Дёрфер Г. (Doerfer G.) 13, 14, 67, 217
Джагатай (Чагатай), хан 282
Джалаль-эд-дин Руми 317
Джафар см. Демезон П. И.
Джанашиа Н. Н. 255
Джанашиа С. Н. 98
Джиафаров 133
Джикия С. С. 97, 125, 255
Джингиз-хан см. Чингиз-хан
Джолевский А. С. 187
Джумагулов Ч. 317
Джучи-хан, сын Чингиз-хана 82
Дзеруннан С. К. см. Церуниан С. Г.
Диваев А. А. 274
Диздароглу (Dizdaroğlu) 222
Дильачар А. (Dilâçar A.) 224, 309, 318
Димитриев В. Д. 87, 207
Дитерици Фр. (Dieterici) 176
Диттель В. Ф. 8, 150, 151, 161, 234
Дмитриева Л. В. 46, 47, 82, 94, 95, 144, 168, 242, 254, 312, 313, 323, 325
Дмитриев Н. К. 10, 154, 176, 177, 179, 213, 219, 224, 236, 245, 247, 248, 257, 268, 334, 337
Добродомов И. Г. 53, 82, 329—330, 334
Добролюбов А. И. 211
Добролюбов Н. А. 5
Добрыня, дядя князя Владимира 18
Долгорукий 323
Доннер К. (Donner K.) 286
Донидзе Г. И. 289
Дорн Б. А. (Dorn B.) 5—7, 41, 45, 55, 77, 82, 85, 87, 94, 95, 106, 113, 114, 119, 141, 142, 230, 232, 251, 322—324
Доспаев У. 273
Доспанов У. 274
Д'Оссон 133
Достоевский 238
Драповский 241
Дринов М. С. 322
Дрюль Д. (Drüll D.) 250
Дубинский А. И. 255, 256
Дуглас 52
Дулина Н. А. 9, 116, 263
Дульзон А. П. 269, 290, 291
Дунин-Барковский В. Н. 192
Дуту А. (Dutu A.) 39
Дьяков А. А. 312
Дыренкова Н. П. 287, 290, 291.
Дюга Г. (Dugat G.) 182
Дюмареск Д. (Dumaresque) 98, 99
Дю Риё А. 36, 50, 133

Евтихий Александрийский 51
Егличка Г. (Jehlitshka H.) 238, 306
Егоров В. Г. 85, 105, 206, 207, 209, 211—214, 305, 306
Екатерина II (Екатерина Алексеевна) 89, 91, 98—100, 103, 104, 108, 129, 130, 132, 133, 308
Елизавета Петровна, императрица 57, 133
Емельченко И. Р. 271, 338
Емельянов Г. 130
Ениколопов И. 337
Ермолаев 22
Ермолаева Н. 208
Ермуратский В. 38
Ерофей см. Алмаз Иванович
Ефимов Г. В. 26
Ефремов 284
Ефрон 320

Жданов А. А. 326
Желтухин Ф. 93, 103
Желтяков А. Д. 164, 225
Животов С. (Ziwotoff S.) 106
Жирмунский В. М. 125, 317, 318
Жобер А. (Jaubert A. P.) 8, 138, 229, 230, 232, 301, 307
Жуковский Валентин Алексеевич 180—182, 314, 325
Жуковский Василий Андреевич 5, 111, 338
Журавлев Н. П. 94

Заатов О. 254
Завадовский А. А. 187
Заводовский Ю. Н. 330
Загоскин Н. П. 107, 108, 142—144, 151
Зайончковский А. А. (Zajączkowski A.) 23, 29, 204
Закиев М. З. 14, 134, 139, 142, 143, 203, 204, 211, 252, 260, 300
Закирова М. З. 258
Залеев Л. 40
Залеман К. Г. (Salemann C.) 5, 6,

120, 122—124, 247, 283, 297, 302, 312, 315, 316, 324, 326
Захарко Е. (Zacharko E.) 272
Заходер Б. Н. 18
Зевакин М. И. 103, 105
Зейденштикер 138
Зеленый Е. А. 239
Зелинский С. П. 332
Зимин Л. А. 192
Зияев Х. 71

Ибн-Батута 21, 250
Ибн-Биби 316, 317
Ибн-Муханна 215—217, 303, 316
Ибн-Русте 203
Ибн-Хаукаль 18
Ибрагимов Х. 191
Иван III 30
Иван IV 12
Иванов А. 206
Иванов А. И. 122
Иванов В. Ф. 60, 96, 293
Иванов И. А. 182
Иванов М. И. 6, 189, 262, 263, 300
Иванов П. 37
Иванов П. Т. 92
Иванов С. Н. 81, 122, 152, 153, 266, 276, 283, 305, 324
Игнатьев С. И. 188
Игорь, князь 12, 18, 20, 330
Иериг И. (Jaehrig J.) 91
Ижбулатов Юсуп 69
Изяслав, князь 20
Иконников В. С. 80
Ильин В. 191
Ильинский И. И. (И. О.) 39, 40
Ильминский Н. И. 6, 47, 77, 119, 127, 151, 152, 195—197, 205, 214, 241, 261—263, 271, 273, 277, 283, 284, 293, 302, 307, 315—317, 319
Иманев М. 267
Имяреков А. К. 103, 105
Иналджик Х (Inalcik Halil) 39
Индоглу А. (Hindoglu A.) 230
Инкижекова А. И. 288
Иностранцев 17
Ионов В. М. 125, 297
Иордан 13
Исрафилов М. Д. 190
Истахри 203
Исхаков Г. И. 152
Исхаков Ф. Г. 288
Италинский А. Я. 330
Йиречек К. (Jireček K.) 28
Йожеф А. 61

Каверин В. 157, 158
Кадызаде Х.-Н. 187
Казем-Бек Мирза Абдюссаттар (Абдуссетар, Абдюссетар, Абдюссеттар) 137, 148—150
Казем-Бек Мирза Александр (Александр Касимович) [Мамед (Мухаммед) Али—Касым-оглы, Kasem—Beg M. A.] 5, 16, 49, 119, 127, 135—138, 145—151, 159, 161, 181, 196, 218, 221, 226, 228—234, 237, 238, 246, 253, 267, 296, 301, 303, 307, 312, 315, 317, 324, 330—333, 336
Кайдаров А. Т. 277, 278
Калзан А. К. 288
Каль Е. Ф. 193, 327
Каминский 238
Кананов Г. И. 171
Кантемир Антиох, брат Д. Кантемира 38
Кантемир Антиох, сын Д. Кантемира 37, 39
Кантемир Д. 37—40
Кантемир К. 38
Кара Д. (Kara G.) 294
Карабеков Кара-бей 222
Карамзин Н. М. 22, 23
Караулов Н. А. 245, 333
Каримуллин А. Г. 35, 40, 167, 186, 261, 264, 265, 324, 327
Карл XII 60
Каролина, королева английская 39
Карпов А. 30
Кастрен М. А. (Castrén M. A.) 114, 115, 126, 127, 150, 286, 289
Катанов Н. Ф. (Katanoff N.) 6, 17, 33, 60, 117, 121, 122, 152, 153, 204, 205, 257, 258, 266—268, 278, 279, 286—290, 292, 293, 305, 316, 317, 324, 326, 333
Катаринский В. В. 257, 272, 273
Катрмер Э. М. 228
Квашнин—Самарин 134
Кекелидзе К. С. 328
Кенесбаев С. К. 10, 270
Кеппен Ф. П. 68
Кер (Кеер) Г.-Я. (Kehr) 43—51, 53, 55—57, 73, 77, 78, 80, 108, 112, 283, 335
Кидонский Д. 27
Кирилл, епископ 28
Кирилов И. 45
Киров С. М. 218
Кистер 138
Киффер (Kieffer) 221, 239
Княсбеков Т. 192
Клапрот Г.-Ю. (Klaproth G.-J.) 46, 109, 110, 112, 166, 204, 210, 247, 270, 278, 283, 288—290, 309, 319
Клейман Г. А. 262, 326
Клеменц Д. А. 122, 128, 310, 312, 313

Клеменц Е. Н. 310
Кличка 93
Кляшторный С. Г. 206, 308, 311
Князев Г. А. 40
Ковалевский А. П. 140, 142
Ковалевский И. 332
Ковалевский О. М. 135, 136, 146
Ковтун Л. С. 27, 29
Кожевин Е. 96
Кожевин И. Е. (Koshewin) 90, 96, 97, 295
Козин С. А. 94
Козлов П. К. 312
Коклянова А. А. 273, 277, 292
Коковцов П. К. 17, 317
Колушкин 37
Колычев 54
Кольцов А. В. 40
Компер П. О. 185
Кондараки В. Х. 254
Кондратович К. А. 83, 85
Кондратьев В. Г. 308
Кондратьев И. 266
Кондратьев Ф. 132
Кондучалова С. 292
Кондырев П. 284
Кононов А. Н. 14, 19, 21, 47, 51, 82, 94, 106, 119, 125, 163, 170, 206, 218, 220—222, 224, 225, 235, 239, 240, 246, 259, 276, 283, 293, 304, 308, 311, 316, 317, 334
Коноплев Н. Г. 153, 154, 329
Константин Багрянородный 23
Константин Г. И. 292
Кончак, хан 20
Кончаковна, дочь Кончака 20
Корелов И. А. 255
Корбут М. К. 134, 145—148, 150, 151, 153
Коркина Е. И. 295
Коркунов М. А. 8, 153
Коркут 125, 317
Короленко В. Г. 82
Коропочинский 190
Корсаков Д. А. 52
Корш Ф. Е. 17, 27—29, 35, 67, 176, 177, 248, 282, 302, 317, 319—321, 331
Коссович К. А. 6
Костыгов В. 81, 322
Костыгова Г. И. 324
Котвич В. Л. (Kotwicz Wl.) 63, 122, 160, 235, 311
Котвичувна М. (Kotwiczówna M.) 160, 235
Котельников М. С. 88
Котян, половецкий хан 20
Кочаров Н. Т. 191, 192
Кочерли Ф. 222
Крачковский И. Ю. 7—10, 30, 36, 41, 44, 49, 55, 57, 83, 111, 112, 131, 132, 137, 151, 153, 154, 157—159, 170, 171, 177, 185, 186, 196, 200, 226, 330, 337
Крашенинников (Krascheninnikow) 89
Крекшин П. Н. 53
Кротков Н. Н. 312
Кричинский Л. К. 244, 255
Круг И.-Ф. 98, 308
Кругер Й. Р. (Kruger J. R.) 61
Кручинин С. 143
Крымский (Кримський) А. Е. 8, 9, 17, 28, 51, 120, 176—179, 206, 214, 216, 218, 223, 224, 240, 243—251, 254—256, 258, 262, 268, 270, 274, 276, 277, 280, 285, 287, 291, 293, 308, 312, 316, 318, 328
Крым-Ховаджи Абд-ал-Рахман-челеби 191
Ксенофонтов Х. 97
Куватов М.-Г. 257
Кужелева Л. 274
Кузнецов П. Е. 192, 285
Кузнецова Н. А. 31
Кузьмин В. Н. 185
Кузьмин О. Д. 241
Куйюккан, хан 25
Кукляшев С. 189, 264
Кулаев М. А. 257
Куликова А. М. 7, 34, 48, 57, 111, 114, 131, 141, 163
Кун А. Л. 193
Куль-Мухамедов А. 284
Кун Г. 28
Куник А. А. 127, 205, 214, 251
Кунош И. 117, 240, 241
Кунтай Дж. (Kuntay C.) 183
Куприянов А. 37
Курбанов А. А. 240
Курышжанов А. К. 250
Куткин Д. 93
Кутлуш-оглу О. 137
Кызласов Л. Р. 33
Кюль-тегин 303, 309—311, 321
Кюхельбекер В. К. 157, 337

Лаврентьев Власов 37
Лавровский К. В. 151
Ладыгин В. 280
Лажечников И. И. 52
Лазарев Л. М. (Э.) 175, 176, 221, 234, 239, 283, 307
Лазаревы 171
Лаксман Э. Г. (Laxmann E. G.) 70
Лаптев И. 272
Латыпова С. 134
Лаух А. (Lauch A.) 98
Лебедев А. С. 141
Лебедев В. И. 31, 37
Лебедев Н. 211

Лебедева О. С. 185, 186
Левашов 52
Левек П.-Ш. (Levesque) 207
Левшин А. И. 271
Лейбниц Г.-В. 48, 98, 130, 131
Лекок А. 120, 311
Ленин В. И. 5, 62, 179, 183, 327
Леонов Н. И. 127, 293
Лепехин И. И. 40, 58, 68, 69, 99, 204
Лермонтов М. Ю. 5, 186, 219, 220, 337
Ли Ю. А. 9
Ливотова О. Э. 42, 43, 114, 117, 295
Лигети (Ligeti L.) 250
Лобачевский Н. И. 97, 106, 145, 261, 265, 278, 279
Лозинская Л. Я. 68, 69
Ломакин А. А. 191
Ломоносов М. В. 12, 55, 57, 58, 98, 260, 262, 264, 299, 300, 306, 307, 326
Лопатинский Л. Г. 246, 247
Луначарский А. В. 122
Лунин Б. В. 3, 8, 10, 115, 116, 123, 125, 128, 168, 169, 186, 191—193, 220, 242, 274, 275, 285, 327
Лызлов А. И. 31
Любикова Н. М. 337
Людеман И. Ф., фон 107
Люстерник Е. Я. 121
Лютер, пастор 89
Лютш Я. Я. 191, 193, 271

Магнус И., архиепископ 75
Магомедов А. Г. 245
Магомет 36, 133
Магомет V 54
Мадджио Ф.-М. (Maggio/Magius F.-M.) 218
Мазитова Н. А. 135—137, 142, 144; 145, 147, 148, 150, 234
Макарий (Глухарев М. Я.), архимандрит 199
Макарий (Невский М. А.), митрополит 291
Макарий 27, 29, 105
Макаров Т. 221, 296
Максимов В. А. 164, 165, 239
Маллицкий Н. Г. 193, 268
Малов Е. А. 197, 268
Малов С. Е. 6, 10, 17, 121, 122, 126, 128, 153, 197, 216, 268, 270, 280, 290, 291, 308, 312—318, 334
Малехова А. Н. 281, 284
Мальцев С. 108
Мамедов Ш. Ф. 222
Маннергейм Г. (Mannerheim G. E.) 279
Маракуев В. 68
Маргулан А. Х. 293
Марджани Ш. 134, 263
Маргания 241
Маринин 53
Мария Федоровна, жена Павла I 130
Марр Н. Я. 17, 125, 177, 187, 240, 317
Марсильи, де 54
Мартановский В. 332
Мартино 253
Мартинович Н. Н. 169, 170, 316, 317
Матвеев А. 132
Махмуд I (Магмут) 54
Махмуд Кашгарский 276, 281, 315
Махмудов К. 316
Махмудов М.-Г. 137, 149, 151, 262, 264, 266, 300
Махмутова Л. Т. 257, 267, 269, 270
Махтумкули 241
Мегизер И. 50
Медведкова Т. 209
Медици М. (Бжшкен М., Medici M.) 233, 251
Мелиоранский П. М. (Melioranski P. M.) 5, 6, 17, 21, 82, 121, 122, 152, 167—169, 214—216, 241, 251, 271—273, 283, 293, 302, 303, 307, 310—318, 320, 331
Мельгунов Г. В. 335
Менгес К. Г. (Menges K. H.) 12, 13, 21, 22, 25, 26, 29, 317, 328, 334
Менгли-Гирей I и II 253
Менинский Фр. (Meninski Fr.) 83, 94, 221, 230
Мередит-Оуэнс Г. М. 99
Мерчул Г. 125
Мессершмидт Д. Г. (Messerschmidt D.-G.) 52, 58—60, 64, 72—76, 80, 81, 290, 308
Местр Ж., де (Mestr J., de) 48, 111, 112
Миддендорф А. Ф. 127, 293, 294
Мидхат А. 178
Милибанд С. Д. 3, 8, 9, 116, 124—126, 128, 168, 177, 178
Миллер Вс. Ф. 22, 176, 177, 296, 333
Миллер Г. Ф. (Müller G. F.) 58, 59, 61, 65, 66, 207, 209, 259, 268, 269, 291
Минорский В. Ф. 18, 179
Миньот 133
Мир-Али-Шир см. Навои
Михаил Николаевич, великий князь 185
Михайлов 132
Михайлов В. 137
Михайлов М. С. 10, 55, 145, 176, 179, 219, 236, 246, 337
Михайлова С. М. 106, 134, 135, 137, 139, 142, 164, 259, 264, 265
Миханкова В. А. 125

Михаэлис И. Г. 42
Михельсон М. И. 331
Михневич И. 184, 185
Мицкевич А. (Mickiewicz A.) 158
Могилян-хан см. Бильге-каган
Модзалевский Б. А. 113
Можаровский А. 104, 105
Моллаев А. 242
Молчанова О. Т. 12
Монгуш Д. А. 287, 288
Мортон (Morton) 98
Мострас К. (Mostras C.) 235, 236
Мохир М. В. 247
Мошков В. А. 117, 223, 224
Мсерианц Л. 337
Мстислав Удалой 20
Мугинов А. М. 46, 47, 82, 94, 312, 323
Мункачи Б. 152
Мурасов О. 253
Муратов С. Н. 46, 47, 82, 144, 254, 257, 323
Мурзакевич Н. 166
Муромский Ф. В. 122
Мусаев К. М. 243, 244, 317
Мусин-Пушкин А. 54
Мусин-Пушкин М. Н. 162
Мустафа-Ахмад 52
Мутеферрика И. 225, 226
Мухамедова З. Б. 240
Мухамедова Р. Г. 267
Мухаммед Салих 316
Мухлинский А. О. (Muchliński A.) 5, 119, 160—162, 164, 165, 171, 182, 234, 235, 255, 333
Мыльников И. 91, 92, 103
Мюллер 89

Навои А. (Мир-Али-Шир) 138, 164, 166, 222, 263, 281, 282, 284, 327
Навроцкий М. Т. 232
Нагродзка-Майхрзык Т. 204
Наджип Э. Н. 4, 105, 217, 270, 277
Надир, шах 44
Назар-бай Туркестани 47
Назарова Н. Н. 121
Назарян С. И. 239
Наливкин В. П. 191—193, 284, 285
Наливкина М. 285
Наполеон I 112
Нариманов Н. 222
Насилов В. М. 179, 312
Насилов Д. М. 60, 63, 64, 118, 120, 284, 308, 312, 313
Насыров Г. (А.)-К. (Насыри А. К., Насыйри) 123, 142, 186, 198, 248, 263, 265, 267, 300
Насыров Д. С. 273, 274
Наталия Алексеевна, первая жена Павла I 130
Невский М. А. 292
Негри (Ассади) Соломон 42, 45
Нейман (Neumann) 92
Немет Ю. (Németh J.) 224, 245
Неплюев И. И. 37, 53, 54, 189
Нечкина М. В. 52
Нигматов Х. Г. 276
Никитенко А. В. 156
Никитин А. 31, 330
Николаи Фр. Х. 100
Николаев В. И. 293, 294
Николай I 57, 135, 163
Никольский Н. В. 212
Никон 21
Ниметулла бен Максуд 80
Новиков И. 188
Новичев А. Д. 30
Новлянская М. Г. 59, 60, 62, 64, 65, 72—76
Норов А. С. 57
Нугманов М. 86—88, 93
Нурмагамбетова Р. 270
Нурмекунд П. 97, 170, 171
Нурмухамедов М. К. 241, 274

Обляз Бакшей 30
Оболенский М. А. 27—29
Овчаров 238
Огиенко И. И. 332
Оглух Ф. И. 254
Огородников Е. 296
Оконешников Е. И. 297
Олеарий 31
Олег, внук княгини Ольги 23
Олесницкий А. 17, 238, 253
Ольга, жена Святослава 24
Ольденбург С. Ф. 8, 9, 33, 71, 114, 121, 128, 287, 311, 312
Онисифоров А. 137, 195
Оракулов М. М. 192
Орбелиани С.-С. 218
Оруэбаева Б. О. 292
Осипов Е. 91
Оскольд см. Аскольд
Осман, эмир 16, 78
Осман Нури 184
Османов Магомед (Мухаммед-эфенди) 165, 247, 275
Остроумов Н. П. 191—193, 197, 266, 281, 284, 316
Остроумов Т. 131, 132
Очур В. Ч. 288

Павел I (Павел Петрович) 107, 130, 259
Паллас П.-С. (Pallas P.-S.) 46, 58, 59, 68, 70, 88, 93, 99—102, 268, 285
Пальмбах А. А. 288

Пальмблад А. 319
Панснер Л. И. 329
Пантусов Н. Н. 97, 272, 278, 283, 285, 317
Пархоменко В. А. 20, 22, 333
Патачакова К. М. 288
Пашино П. И. 220
Пашуто В. Т. 18
Певцов М. В. 312
Певцов М. Г. 181
Пекарский П. П. 35, 39, 40—43, 48, 59, 65—67, 73—75, 78, 84—86
Пекарский Э. К. 122, 124, 125, 199, 213, 293, 294, 297, 298
Пелльо П. (Pelliot P.) 29
Первухин М. Б. 132, 133, 137, 146, 267
Периханян А. Г. 123, 124
Перовский В. А. 183
Петерманн (Petermann) 273
Петерсон 54
Петр I 12, 33, 35—37, 39, 40, 48, 54, 56, 58, 75, 83, 121, 124, 126, 197, 204, 322, 335
Петрашевский И. Б. (В.) 160, 171, 182, 234
Петров И. 31
Петров Н. Е. 295, 297
Петров Н. Н. 206
Петров Н. П. 294
Петров Н. П. 206, 207
Петров П. Я. 154, 157, 158, 262, 326, 332
Петрова О. П. 34
Петровский Н. Ф. 312
Писарев В. 239
Плано Карпини И., де 25, 26
Плетнева С. А. 19—21
Плещеев М. А. 30
Плиев 241
Плюшар А. А. 227
Погодин М. П. 27
Пококкио 51
Покровская Л. А. 223, 224
Покровский И. 194, 195
Поликарпов Ф. 86
Полубояринова М. Д. 21
Поляков С. И. 283
Пономарев А. И. 273
Пономарев П. А. 151
Попов 146
Попов А. А. 293
Попов А. В. 337
Попов А. И. 19, 25, 331, 334
Попов А. Н. 36
Попов В. 199
Попов Д. Д. 124, 199, 297
Попов Н. 53, 61, 84, 85
Попов П. В. 298
Попов Ф. 93, 103
Поппе Н. (Poppe N.) 307
Португаль В. Б. 42, 43, 114, 117, 260, 295
Постников П. 36
Потанин Г. Н. 279, 280, 332
Потапов Л. П. 288, 291
Потемкин П. С. 131
Потемкин-Таврический Г. А. 107
Потоцкий И. (Я.) О. 56
Потт А. 118
Похвиснев 53
Поцелуевский А. П. 10, 179, 240, 242
Поярков Ф. Б. 280, 292, 317
Прёле В. 245
Пржевальский Н. М. 312
Прик О. Я. 243
Прицак О. (Pritsak O.) 27—29, 244, 245
Прокопович Ф. 42, 56
Пухарт см. Бухарт
Пуцек-Григорович В. Г., см. Вениамин
Пушкин А. С. 5, 22, 25, 186, 296, 330, 337
Пыпин А. Н. 30

Рабгузи Н. 316
Радзиевская С. Б. 97, 145, 278
Радлов В. В. (Radloff W.) 6, 9, 17, 59, 61, 69, 116—126, 128, 152, 199, 211, 213, 223, 239, 240, 243, 244, 248, 249, 252, 258, 263, 268, 269, 273, 275, 278, 281, 286—291, 293, 297, 298, 302, 304, 309—317, 319—323, 336
Радовский М. И. 38, 39
Разис Г. (Rhasis G.) 184, 227, 228, 238
Разумовский К. Г. 79
Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) 122, 311
Раскин Н. М. 70
Расовский Д. А. 18, 19
Рассадин В. И. 285, 287, 295
Рашид-ад-дин 78, 234
Рафиков А. Х. 36, 225
Ребиндер И. 93
Регули А. 208
Редовский И. И. (Redowsky) 90, 95, 295
Редуз (Redhouse J.) 138
Реза-Кули-мирза 44
Рейхман Й. (Reychman J.) 160
Ремезов С. У. 33
Рёриг 166
Рзаев А. 135, 145
Риё см. Дю Риё
Риклод 36
Рифат К. А. (Бильге) 215
Рихтер А. Ф. 329
Риямов К. 239

Робек М. М. 294
Робертсон 220
Роборовский В. И. 312
Родионов М. Р. 89
Рожанский Г. 92, 208
Рожанский Е. 92, 208
Розен В. Р. 49, 157, 200, 235, 248, 309, 310, 317, 326, 327
Рокхил В. 280
Романов Я. С. 107
Романова Г. Я. 328, 330, 334
Ромаскевич А. А. 326
Роммель 309
Рона-Таш А. (Róna-Tas A.) 204, 208
Рубанов 94
Рубрук Г., де 25
Руденко С. И. 256
Руднев А. Д. 17, 121, 122, 309
Румовский С. Я. 56
Румянцев 37, 44
Румянцев Н. П. (Romanzoff) 80, 81, 113, 114, 308, 326
Рунич Д. П. 156, 157
Русановский И. 92, 208
Руссо Ж. 322, 323
Рыбаков Б. А. 20
Рычков П. И. 58, 83, 84, 86, 204

Саблуков Г. С. 5, 82, 190, 209, 337
Савельев П. С. 6—8, 17, 46, 113, 119, 142, 156—159, 182, 183, 232, 333
Саид-заде А. А. 337
Саков С. Е. 175, 176, 234
Салатьян М. 173
Салихов М. Ш. 266
Салтыков 204
Салтыков-Щедрин М. Е. 323—325
Салье М. А. 47
Сами-бей 239
Самойлович А. Н. 6, 17, 117, 120, 122, 126, 167—169, 187, 231, 234, 237, 238, 241—243, 245, 248—254, 275, 279, 282—284, 298, 302—304, 307, 309, 311, 315—319
Самсонов Н. Г. 294
Санакулов У. 284
Сангор(а) 25
Сараджев 198
Сарычев Г. 295
Саси Сильвестр, де 8, 112, 154
Сат Ш. Г. 288
Сатыбалов А. 245
Сафиуллина Ф. С. 115, 266
Сбоев В. А. 210
Святослав, князь 18, 20, 24, 206
Сеадет-Гирей 144
Севортян Э. В. 248, 249, 252
Сеидов Ю. 218
Сеитов Д. 32
Сейфетдин 143
Сейфуллин 190
Селим-Гирей I 252
Семенов А. А. 6, 179, 192, 193, 241
Семенов-Руднев Д. см. Дамаскин
Сенковский О. И. (барон Брамбеус) 5, 8, 47, 57, 119, 127, 136, 153, 156—159, 171, 226, 227, 234, 238, 300
Сенюков Ф. 37, 53
Сергеев Л. П. 67, 94, 207, 208
Серлянский В. 91
Симони П. К. 27—29
Синевич 52
Синор Д. 117
Скалон 89, 292
Скачков 36, 186, 188
Словцов (Slowzow) 91
Смирнов А. П. 18
Смирнов В. Д. (Smirnow W. D.) 6, 117, 125, 152, 165—170, 176, 215, 234—237, 242, 248, 250, 252, 253, 256, 263, 314—320, 324, 325, 329
Смирнов И. И. 30
Смирнов Н. А. 30, 39
Смирнов П. 53
Смирнов С. 44, 45
Снесарев А. Е. 181
Соболевский А. И. 31, 36
Соколов 93
Соколов Д. Н. 258
Сопиков В. С. 260
Спасский Г. И. 111, 126, 288, 289, 308
Спафарий Н. Г. Милеску 26, 292
Сперанский Г. 195
Сперанский М. Н. 31
Срезневский И. И. 31
Станюкович Т. В. 45, 59
Стариков А. А. 153, 154
Старостин И. 90
Старчевский 158
Стасов В. В. 22, 325, 333
Стасюлевич М. М. 31
Стаховский Антоний, митрополит 53, 87
Стаховский С. (Stachowski S.) 101
Стеблева И. В. 47
Стейн 311
Страленберг (Стрален-Берг, Табберт, Траленберг) Ф. И. (Stralenberg F. J.) 15, 33, 60—65, 71—76, 78, 80, 291, 308
Страхов П. 129
Стриндберг А. (Strindberg A.) 72, 74
Судá, де ла Жан 52
Сулейман I 256, 284
Сулейменов Х. 327
Сулейменов Б. С. 272
Султан Велед 124, 317

Сухомлинов М. И. 23, 26, 30, 32, 69, 103, 328
Сыздыкова Р. Г. 273
Сычев С. М. 191
Сюнчалеев Кадырмамет 69

Табари 132
Табгач Богра-Кара-хакан Абу-Али Хасан ибн Сулейман Арслан-Кара-хакан 313
Тагиева Ш. 222
Тагирджанов А. Т. 326
Тадыкин В. Н. 291
Таирзаде Н. А. 155
Таирова Н. В. 56
Тантави М. 32
Таранович В. П. 41, 43
Татаринов П. 32
Татаринцев Б. И. 288
Татищев В. Н. 45, 53, 58, 61, 64, 66, 71, 75, 76, 79, 83—88, 213, 328
Тауберт И.-К. 42
Тевено (Thevenot) 65
Тевкелев (Тевкили) А. И. (М.) 40, 53, 78
Темера 25
Темир Аксак (Аксак Тимур, Тамерлан, Тимур-бек, Tamerlan) 26, 38, 77, 261
Тенишев Э. Р. 118, 255, 277, 279, 280, 302
Терентьев В. Т. 207
Терентьев М. А. 181, 235, 239, 271, 284, 285
Терещенко Н. М. 114, 287
Тизенгаузен В. Г. 45, 46, 49, 159, 317
Тимофеев В. Т. 197
Тимур-бек см. Темир Аксак
Тиндал Н. (Tindal N.) 39
Тинфович М. С. 119
Титаренко Н. А. 330
Тихонов Д. И. 113
Тодаева Б. Х. 279
Тодерини Г. (Toderini G.) 65
Токарев С. А. 31, 68, 70
Токмаков И. Ф. 75
Токумбетов С. 139
Толстой Л. Н. 5, 42, 145, 151, 176, 186, 246, 337
Томсен В. 17, 118, 309, 310, 312
Тоньюкук 311, 321
Топоров 138
Топчибашев М. Дж. 155, 161
Тохтамыш, хан 26, 117, 144, 274, 318
Травников С. Н. 54
Траленберг см. Страленберг
Тредиаковский В. К. 54, 74
Тромонин К. Я. 144, 318
Троянский А. А. 6, 90, 119, 139, 194, 195, 229, 230, 246, 261, 262, 300
Трусов (Troussow) 91
Трутовский В. К. 43
Трыярский Э. (Tryjarski E.) 204
Тузов В. 328
Туманский А. Г. 82, 181, 316
Тумашева Д. Г. 142, 268, 269
Тургенев А. И. 330
Тургенев И. С. 338
Тютенгиль Дж. О. (Tütengil C. O.) 225

Убрятова Е. И. 10, 90, 124, 199, 293, 295, 296, 302
Уваров С. С. (Ouvaroff S.) 48, 56, 111, 112
Улугбек 46
Уразаева Ф. 274
Урсул Д. Т. 26, 292
Усманов А. 284
Усманов М. 164, 251, 252, 265
Усманов М. А. 249, 261, 318

Фазлулиев А. 132
Фазылов Э. 281, 282
Файзханов Г. Г. 82
Фалев П. А. 38, 122, 169, 170, 253
Фальк И. П. (Falk J.-P.) 58, 70
Фалькович И. М. 142
Фардис 184
Фарфоровский С. Ф. 243
Фасмер М. 13
Фатер 95, 96
Фатма-Салтан, жена Шигалея 12
Фатхиев А. 106, 107, 134, 137, 261
Фейзханов Х. (Фаизханов, Фаезханов, Фейз-Ханов Хусаин/Хусейн) 115, 165, 205, 213, 251, 252, 265, 266, 318
Феслер И. А. 112
Физули 148
Филиппов Г. 268
Филоненко В. И. 244, 245, 258
Фихман И. Ф. 48
Фишер И.-Э. (Fischer J.-E.) 58, 66—68, 77, 78, 269, 291
Фодор С. (Fodor S.) 204
Фойгт К. 137, 147, 148, 150
Фонтон А. А. 180
Фонтон Г. Р. 324
Фортунатов Я. И. 197
Фотий, патриарх 27
Френ Х. Д. (Fraehn, Frähn Ch.-M.) 5, 8, 46, 48, 49, 56, 72—77, 80, 81, 106, 113, 114, 119, 126, 135,

142—144, 153, 155, 159, 322, 326, 329, 330, 337
Фриш И. (Я. Л.) 76
Фукс А. А. 208
Фукс К. Ф. 90, 91, 151, 208

Хабичев М. Н. 244, 245
Хакимзянов Ф. С. 205
Халикова Р. Х. 258
Хальфин Ибрагим 6, 72, 80, 81, 106, 134—137, 142—145, 230, 261, 264, 300
Хальфин Исмаил 135
Хальфин Исхак 134
Хальфин Н. А. 184
Хальфин Сагит Хасанович (Chalfin) 6, 102, 105—108, 134, 135, 138, 259, 264, 266, 300
Хальфин Шагин-Гирей 135
Хаммер-Пургсталь И. 51, 319
Ханбикова Ш. С. 265
Ханджери А. (Handjeri A.) 228, 238
Ханыков Я. В. (Chanykov) 53, 322, 324
Харитонов Л. Н. 125, 297, 298
Хартман М. 152
Харузин А. Н. 270
Хасанов К. 277
Хасанов С. 47
Хаханов А. 46, 112, 171, 173, 174, 177
Хафиз-эфенди 54
Хащаб А. Ф. 237
Хвольсон Д. А. 317
Хвостов Д. И. 329
Херман К. А. 270
Хитров Д. 199, 296
Ходаковский 22
Ходжа С. Р. 192
Ходжаев Г. 110
Ходжаев С. А. 191
Холмогоров И. Н. 185, 232
Холодищев Ф. 87
Хопп Л. (Норр L.) 225
Худайназаров Х. 83
Худяков И. А. 297
Хулагу 216
Хусаинов К. Ш. 270

Цаллагов 247
Цветков П. П. 181
Ценкер Ю. Т. (Zenker J. Th.) 229, 231, 310
Черноводеану П (Cernovodeanu P.) 39
Церунпан С. Г. (Дзерунпан С. К.) 176, 178, 234
Цилоссани И. Л. 221
Циммерман 100
Циоранеско Г. (Cioranesco G.) 38

Чаадаев П. Я. 154
Чабров Г. Н. 183
Чарыяров Б. Ч. 240
Чегодарев З, 37
Чежевский Д. 27
Чекалевский П. 44
Челеби Э. 148, 161
Черепанов И. Л. 33
Черницын Ф. 44, 45
Чернышевский Н. Г. 157, 158, 196, 337
Чингиз-хан (Джингиз-хан) 14, 72, 73, 78, 82, 147, 234, 261, 274, 282, 325
Чистякова Е. В. 32
Чичулина Л. Г. 281, 282
Чорбаджи-оглу 184
Чуриков И. 108

Шакуров Р. 258
Шамов Г. Ф. 142
Шамрай Д. Д. 207
Шандровская В. С. 325
Шапшал С. М. 169, 170, 187, 234
Шармуа Ф.-В. 8, 154, 156, 182, 232
Шастина Н. П. 25
Шафи С.-О. М. (Вазех) 221
Шафрановская Т. К. 7, 70
Шафрановский И. И. 70
Шахматов А. А. 177, 203, 214
Шахназаров Ю. 190
Шахтахтинский М. 223
Шахумов А. 172
Шевкет А. см. Абдурахман Шевкет
Шевырев Ст. 129
Шёгрен А. М. (Schögren A.) 8, 88, 97, 127, 286, 333
Шейх-Челеби 194
Шёнстрем П. (Schoenstroem, Schönstrom P.) 72
Шигалей, хан 12
Шильтбергер И. 21, 251
Шимкевич И. 181, 241
Шимкевич Ф. С. 332
Шипова Е. Н. 12, 22
Ширалиев М. Ш. 69, 213, 217
Ширвани Ю.-З. 215
Шифман А. 145
Шифман И. Ш. 77
Шифнер А. А. (Schiefner A.) 114, 115, 241, 246, 247, 258, 286, 287, 289
Шлёцер А. Л. (Schlözer A. L.) 22, 66
Шмидт Я. И. 114
Шобер Г. (Schober G.) 58, 59
Шокуров 54
Шотт В. (Schott W.) 210, 231, 296, 306
Шофман А. С. 142
Штейнталь Г. 118
Штелин Я.

Штернберг Л. 122
Шторх А. 260
Шувалов М. П. 43—46, 48
Шульман К. 64
Шумахер И.-Д. 79
Шутов И. И. 185

Щербак А. М. 308
Щербатской Ф. И. 122
Щукин П. 44

Эрдман Ф. И. 136, 146, 148, 204, 267, 330, 331
Эрман А. (Ermann A.) 231, 319

Югнеки (Юкнеки) Ахмад 277, 316
Юдахин К. К. 192, 285
Юзбашан К. Н. 233
Юлдашев А. А. 256
Юнусов М. А. 266, 267
Юрий, сын Владимира Мономаха 20
Юсупов Г. В. 40, 204, 205
Юсуф Баласагунский 276, 313

Ягайло 26
Ягелло И. Д. 192, 193
Ядринцев Н. М. 124, 128, 309
Язбердиев А. 327
Яковкин И. Ф. 144, 329
Яковлев В. С. 191
Яковлев И. Я. 214
Яковлев С. 44
Якубовский А. Ю. 6, 13, 18—20, 49, 158
Ялычев Бурнаш 31
Янкович де Мириево Ф. И. 56, 102, 131
Яновский Н. 332
Ярополк, внук княгини Ольги 23
Ярослав, князь 13, 25
Ярош Г. Ф. 60
Ярринг Г. (Jarring G.) 60, 72
Ярцов Я. О. 80, 82, 113, 114, 143, 144, 234, 318, 329, 330
Ясеви (Есеви) Ахмад 176, 315
Ястремский С. В. 296, 301, 307

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Предисловие 5

I. Предыстория русской тюркологии (до начала XVIII в.) 12

1. Вступление (12—14). 2. О термине-этнониме türk (14—17). 3. Сведения о тюрках и тюркских языках в русских летописях (18—23). 4. Знание тюркских языков в Киевской Руси (23—24). 5. Монголо-татарское нашествие. Толмачи и переводчики. Первые словарные опыты. Сношения с Турцией, Средней Азией и Сибирью (24—32). 6. Собирание тюркского лингвистического материала (32—33).

II. Зарождение научной тюркологии в России (начало XVIII в.) . . . 34

1. Мероприятия Петра I (34—37). 2. Востоковедная деятельность Д. Кантемира (37—40). 3. Востоковедение в Академии наук. Г.-З. Байер (40—43). 4. Деятельность Г. Я. Кера. «Проект Академии, или Общества восточных наук и языков в империи Российской, 1733 г.» Проекты учреждения высшего востоковедного заведения в Казани и С.-Петербурге (43—57). 5. Собирание лингвистических материалов экспедициями Академии наук в XVIII в. (57—71). 6. История приобретения, переводов, изданий и изучения «Родословной тюрок» Абу-л-Гази (71—83). 7. Лексикографическая деятельность В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, К. А. Кондратовича, М. Абдрахманова (83—86). 8. Рукописные тюркские вокабулярии, глоссарии, словари, разговорники XVIII—начала XIX в. (87—98). 9. «Сравнительные словари всех языков и наречий» (98—102). 10. Словарь Дамаскина. Словарь С. Хальфина. «Словарь языка чувашского» (102—108).

III. Тюркское языкознание в Академии наук (XIX—начало XX в.). . . 109

1. Востоковедение в Академии наук. Деятельность Г. Ю. Клапрота (109—111). 2. Проект Азиатской академии С. С. Уварова, 1810 г. (111—112). 3. Азиатский музей (1818—1930) и тюркология в Академии наук (112—127). 4. Научные экспедиции востоковедов в XIX—начале XX в. (127—128).

IV. Преподавание тюркских языков в учебных заведениях России (XVIII—начало XX вв.) 129

1. Академическая гимназия при Московском университете (129—130). 2. Астраханское народное училище (130—133). 3. 1-я Казанская гимназия (133—140). 4. Преподавание тюркских языков в университетах России: Харьковский (140—141); Казанский (142—153); Московский (153—154); С.-Петербургский (Петроградский), факультет восточных языков СПб. университета (154—170); Дерптский—Юрьевский (Тартусский) (170—171); Виленский (Вильнюсский) (171); Александровский в Гельсингфорсе—Хель-

синки (171). 5. Лазаревский институт восточных языков (1815—1918) (171—179). 6. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел (180—184). 7. Восточный институт при Ришельевском лицее в Одессе (184—185). 8. Общество востоковедения. Курсы восточных языков. Курсы востоковедения. Практическая восточная академия (185—187). 9. Общество русских ориенталистов (187—188). 10. Восточный институт во Владивостоке (188). 11. Училища, школы, гимназии и другие учебные заведения с преподаванием тюркских языков (188—194). 12. Преподавание тюркских языков в духовных учебных заведениях. Алтайская и Якутская духовные миссии. Отношения ученых-востоковедов к научной деятельности миссионеров (194—200).

V. Из истории тюркского языкознания в России 201

Обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий (201—298).

Классификация тюркских языков (202—203).

I. Булгарская группа:

1. Булгарский язык (203—205); 2. Хазарский язык (205—206); 3. Чувашский язык (206—214).

II. Огузская группа:

1. Азербайджанский язык (214—223); 2. Гагаузский язык (223—224); 3. Турецкий язык (224—240); 4. Туркменский язык (240—242); 5. Трухменский язык (242—243); 6. Язык тюркских рунических памятников (243).

III. Кыпчакская группа:

Кыпчакско-половецкая подгруппа: 1. Карапмский язык (243—244); 2. Карачаево-балкарский язык (244—245); 3. Кумыкский язык (245—248); 4. Крымскотатарский язык (248—254); 5. Урумские говоры Северного Приазовья (254—255); 6. Язык литовских/белорусских татар (255—256).

Кыпчакско-булгарская подгруппа: 1. Башкирский язык (256—258); 2. Татарский язык (258—270).

Кыпчакско-ногайская подгруппа: 1. Казахский язык (270—273); 2. Каракалпакский язык (273—274); 3. Ногайский язык (274—275); 4. Язык юртовских татар (275—276).

IV. Карлукско-уйгурская группа:

1. Древнеуйгурский язык (276—277); 2. Новоуйгурский язык (277—279); 3. Язык желтых уйгуров (279—280); 4. Саларский язык (280); 5. Лобнорский язык (280); 6. Узбекский язык (280—285).

V. Уйгуро-огузская группа:

1. Тофаларский язык (285—287); 2. Тувинский язык (287—288); 3. Хакасский язык (288—289); 4. Шорский язык (289—290); 5. Чулымско-тюркский язык (290—291).

VI. Киргизско-кыпчакская группа:

1. Алтайский язык (291—292); 2. Киргизский язык (292—293).

VII. Якутская группа:

Якутский язык (293—298).

VI. Основные направления изучения тюркских языков в России . . . 299

1. Изучение грамматического строя (299—307).
2. Изучение памятников рунического, древнеуйгурского, арабского письма (307—317).

1. Тюркские рунические памятники (307—312); 2. Древнеуйгурские памятники (312—315); 3. Средневековые памятники арабского письма (315—317).

3. Изучение лексики тюркских языков (317).
4. Изучение ханских жалованных актов-ярлыков и ханских посланий-битиков (318).
5. Классификация тюркских языков в трудах отечественных тюркологов (318—322).
6. Описание тюркских рукописей отечественными тюркологами (322—328).
7. Изучение тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках (328—334).

Заключение 335

Список сокращений 339

1. Периодические издания, серии, сборники, названия учреждений (339—341). 2. Монографии и многотомные издания (341—343).

Указатель имен 344

Андрей Николаевич
Кононов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
В РОССИИ
Дооктябрьский период

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Редактор издательства Д. М. Насилов
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор М. Э. Карлайтис
Корректоры О. И. Буркова, Н. П. Кизим и Г. В. Семерикова

ИБ № 20342

Сдано в набор 18.05.82. Подписано к печати 25.11.82. М-41234. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 22¹/₂=22.50 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 22.50. Уч.-изд. л. 27.95. Тираж 1800. Изд. № 8273. Тип. зак. 1424. Цена 3 р. 60 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.